1868

Д. А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1873

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1868 – начало 1873

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1868 – начало 1873

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2006

ББК 63.3(2)51
М 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а и № 05-01-16269д

Предисловие *Л.Г. Захаровой*

Подготовка текста
Т.А. Медовичевой и Л.И. Тютюнник

Комментарии и указатели
Л.Г. Захаровой, Т.А. Медовичевой, Л.И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
А.В. Мамонова

Милютин Д.А.
М 60 **Воспоминания. 1868–1873** / Под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 736 с., ил.

Очередной и последний том 7-томных «Воспоминаний» графа Д.А. Милютина, историка, генерал-фельдмаршала, военного министра императора Александра II, охватывает период с 1868 по начало 1873 года и содержит ценнейшие сведения о внешней и внутренней политике самодержавия, международной обстановке (в т. ч. о франко-прусской войне 1870–1871 гг., образовании Германской империи, расширении границ Российской империи в Средней Азии и т. д.), о ходе военных реформ и острой борьбе в «верхах». В мемуарах даны яркие характеристики российских и европейских государственных деятелей, отражена жизнь императорского двора и правящей бюрократии. Мемуары выдающегося государственного деятеля и реформатора издаются впервые. Текст публикуется без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями, указателями имен и географических названий.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ISBN 5 - 8243 - 0350 - 9
ISBN 5 - 8243 - 0704 - 0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга завершает 7-томное издание «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина», живописно и многогранно отразивших более чем полвека русской истории — с 1816 по начало 1873 г.[1] А последние три десятилетия XIX века (1873–1899) Д.А. Милютин — неутомимый и вдохновенный труженик пера — сохранил для потомков в обстоятельных и столь же ярких, как «Воспоминания», «Дневниках», которые также готовятся к изданию (за отдельные годы — к переизданию)[2]. Но об этом — ниже. А пока представим читателю настоящий, 7-й, том «Воспоминаний Д.А. Милютина». Он не только непосредственно продолжает предыдущий — за 1865–1867 гг., — но по структуре, содержанию, жанру составляет с ним единое целое. В нем нет превалирующей темы, как в «кавказском» или «польском» томах, но есть многообразие тем, сюжетов внутренней жизни России и ее участия в международных событиях и делах. И, как всегда у Д.А. Милютина, — множество людей, которых наблюдал или с которыми сотрудничал автор мемуаров.

К тому времени, которое отражено в публикуемой книге «Воспоминаний», Д.А. Милютин уже десять лет управлял Военным министерством (с 1861 г.), успел узнать и механизм государственной системы в целом, и людей, олицетворявших высшую власть — самого императора Александра II, его министров и приближенных, членов большой императорской семьи. А за плечами был богатый опыт — профессиональный и жизненный. Он знал не только Петербург и Москву, но и провинцию, внутренние губернии и окраины России. Милютин четыре года (1856–1860) являлся начальником Главного штаба Кавказской армии при наместнике князе А.И. Барятинском; хорошо ориентировался в делах Царства Польского и Северо-Западного края (в связи с ролью армии в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг.); присутствовал при открытии сейма в Финляндии в 1863 г.; хотя не был в Средней Азии и Сибири, но обладал очень полной информацией об этих отдаленных окраинах благодаря интенсивной переписке с генерал-губернаторами; посетил с инспекционными поездками многие (даже большинство) русских губерний — северных, поволжских, центральных, южных. Он побывал во многих странах Европы: в молодые годы во время длительного познавательного путешествия и в зрелые — в период служебных и личных поездок. Эти

впечатления и знания расширяли видение тех событий, свидетелем и неутомимым деятелем которых был автор мемуаров[3].

Описанию и осмыслению прожитого и пережитого помогал профессионализм военного историка, прекрасно владевшего сравнительно-историческим методом исследования и литературным пером. Немаловажное значение имел и накопленный жизненный опыт. В конце 60-х — начале 70-х годов, с которых начинается повествование, Милютину шел шестой десяток (родился в 1816 г.), он имел большую семью (жена Н.М. Понсэ, сын и пять дочерей); самостоятельно, без протекции, несмотря на близкое родство с графом П.Д. Киселёвым, прошел нелегкий путь к материальному благополучию и высокому служебному положению. Уже в эти свои годы, а тем более в 65—70 лет, когда писались мемуары, Милютин был не только вполне сложившимся и состоявшимся, но и мудрым человеком. Сочетание в авторе мемуаров крупного государственного деятеля, прекрасного военного историка и преподавателя — профессора высших военно-учебных заведений, человека, испытавшего все тяготы и удачи, радости и печали в личной жизни, познавшего жизнь во всем ее многообразии и полноте, сообщает мемуарам яркую живописность, неповторимый колорит времени. Этому способствует и насыщенность текстов множеством писем разных лиц, которые придают воспоминаниям о событиях 10—15-летней давности остроту сиюминутного восприятия происходящего, создают «эффект присутствия»[4]. Среди обильно цитируемой мемуаристом адресованной ему корреспонденции — письма от туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, министра императорского двора А.В. Адлерберга, друзей, а также переписка и обмен телеграммами императора Александра II и германского императора Вильгельма I и др.[5]

Судьба Великих реформ, уже принятых, их реализация и одновременно торможение, а также и пересмотр некоторых, дальнейшая разработка военных преобразований, характеристика внутриполитического курса в целом — главная сюжетная линия этой книги «Воспоминаний».

В настоящем томе Милютин продолжает тему предыдущего тома «Воспоминаний»: усиление охранительного направления в политике «верхов» после покушения Д.В. Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. и назначение П.А. Шувалова главным начальником III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и шефом жандармов. В конкретном факте смены П.А. Валуева на посту министра внутренних дел А.Е. Тимашевым в начале 1868 г. Милютин увидел ясное выражение «тогдашнего направления нашей внутренней политики» — усиление реакции. «Человек, выказавший себя в эпоху освобождения крестьян открытым противником этой великой государственной меры, уехавший тогда за границу, громко и с яростию хуливший все либеральные реформы императора Александра II, становится теперь министром внутренних дел!» — Писал Милютин спустя почти 20 лет, но явно с прежней душевной болью и неприятием. — Это назначение, — заключал он, — было новым заметным

шагом на пути реакции и новым торжеством для шуваловской партии[6]. Не прошло и нескольких месяцев, как Тимашев совместно с Шуваловым «открыл поход» против газеты Военного министерства «Русский инвалид». Общее направление издания исходило лично от Милютина, и главной целью его было «отстаивать Великие реформы шестидесятых годов против ярых врагов их, занимавшихся подкопом под новые, ненавистные им учреждения». Тимашев и Шувалов добивались, чтобы «Русский инвалид» печатал только официальные материалы Военного министерства. Милютин предпочел вообще закрыть издание. В прощальной статье к читателям редактор «Инвалида» писал: «Не верим, когда интрига кричит о демократизме и необходимости изменить те основы, на которых Россия начала развиваться. Оканчиваем нашу деятельность с полною верою и упованием в неизменность и неуклонность того нового пути, который указан русскому народу Державною волею». От себя Милютин добавлял, что «эта предсмертная исповедь умирающего "Инвалида"» была в сущности печатным протестом против интриги, добившейся прекращения этого издания»[7]. Резонанс оказался сильным, поднялось «много шума», и Александр II просил Милютина как-то сохранить издание на новой программе. В 1869 г. «Русский инвалид» в «малом формате» стал выходить при «Военном сборнике».

В целом в сфере административной, по мнению мемуариста, «подогревается чиновничья деятельность, сопровождаемая мелкими личными дрязгами». Эти «пароксизмы в нашей администрации», как определил он подобные явления, заметно усилились с тех пор, как «действующим лицом на первом плане появился граф Пётр Шувалов», т. е. с 1866 г., после первого покушения на Александра II — выстрела Д.В. Каракозова. Став шефом жандармов, Шувалов стремился «забрать всю власть в свои руки» и «заботился более всего о том, чтобы вытолкнуть из состава высшего управления все личности, ему не поддававшиеся, заменив их людьми своего кружка». В течение двух лет, уже в 1868 г., он достиг своей цели до такой степени, что «в Комитете министров голос его имел решающую силу», — констатировал свершившийся факт Милютин[8]. Он стал чувствовать себя в «верхах» одиноко, «без союзников», считал, что противное ему шуваловское «направление» сделалось «преобладающим», и начал думать об отставке.

Яркие страницы «Воспоминаний» посвящены «страстной борьбе», которая развернулась по поводу проекта преобразования средних учебных заведений, представленного министром народного просвещения Д.А. Толстым. Поддержанный М.Н. Катковым и К.Н. Леонтьевым в печати (особенно в газете «Московские ведомости», Шуваловым и Тимашевым в «верхах», Толстой объяснял свою программу «в смысле полицейской и политической меры», направленной против либерального Устава гимназий 1864 г. Цель — обучение в классических гимназиях базировать на изучении древних языков, греческого и латинского, а реальным училищам придать характер профессиональных и лишить их

выпускников права поступления в университет. Таким образом, достигалось уменьшение наплыва огромной массы молодежи всех сословий в высшую школу. Милютин считал дело слишком важным и «признавал за собой обязанность вступиться за реальное образование», с которым, по его мнению, были связаны интересы промышленности, общественной жизни, специальных видов службы. В своих «Воспоминаниях» он выделил «Вопрос учебный» в отдельную главу.

Хотя в литературе эта история пересмотра одной из Великих реформ основательно изучена, но подробности и детали повествования мемуариста придают ей особой колорит, ярко и образно воспроизводят механизм принятия решений и атмосферу в «верхах». Не без сарказма Милютин замечает, что сам Толстой не знал греческого языка и срочно начал брать уроки летом 1871 г., а его «главные союзники» Шувалов и Тимашев «не учились ни тому, ни другому древнему языку». «Это не мешало им в заседаниях Особого присутствия (Государственного совета. — *Л.З.*) выслушивать сентенции в том смысле, что без обоих древних языков нет полного развития умственных способностей человека, что лишь основательное изучение этих языков дает право на высшее образование, которое одно должно открывать путь к высшим должностям в государственной службе. И таким сентенциям смиренно подчинялись наши государственные деятели, получившие образование в Пажеском или кадетских корпусах, да и сами члены Императорской фамилии, учившиеся только “чему-нибудь и как-нибудь”»[9].

В связи с обсуждением проекта Толстого Милютин высказал интересные наблюдения о личности Александра II и его влиянии на политику. Император следил за ходом дел по учебной реформе, зная, что она встречала сильную оппозицию в Государственном совете, в печати, в общественном мнении, терпеливо выслушивал возражения Милютина и все же «не отступил от усвоенного им взгляда на это дело». Проявилась свойственная Александру II черта характера, которая «в самодержавном монархе может в одинаковой мере иметь и благотворное, и весьма прискорбное влияние на судьбы государства, смотря по тому, в какую сторону наклонится»; чему Россия обязана Великими реформами, замечает Милютин, тому же самому следует приписать и последовавшую затем систему реакции[10]. И хотя в Государственном совете на стороне «классиков» оказалось 19 голосов, а на противной — 29, Александр II поддержал мнение меньшинства, не отступив от усвоенного с середины 60-х гг. взгляда на развитие народного просвещения.

Несмотря на всю важность «учебного вопроса», основной конфликт в «верхах» развернулся вокруг реализации и дальнейшей подготовки военных реформ. Милютин и Военное министерство, с одной стороны, и вернувшийся после длительного отпуска из-за границы фельдмаршал А.И. Барятинский со своими единомышленниками и союзниками — с другой. Еще в феврале 1868 г. Милютин получил от своего бывшего начальника в пору службы на Кавказе (кстати, рекомендовавшего его

Александру II на пост военного министра) «любезное письмо», так что трудно было представить, что «близкие, почти дружеские, отношения так скоро обратятся в острую вражду».

Конфликт разгорелся сначала из-за принятого в 1868 г. нового Положения о полевом управлении армией в военное время. Барятинский пришел к заключению, что реформа умалила роль главнокомандующего армией, поставленного, на его взгляд, в зависимое положение от военного министра, и «лишила армию прямого доступа к Государю, заслонив от нее лицо монарха». Критике подверглась и реализованная ранее военно-окружная система, которой подчинялось полевое управление армией, как считал фельдмаршал. Свой протест он изложил в обвинительной записке, присланной Александру II 20 марта 1868 г. из Курской губернии, где он находился на отдыхе в своем имении. В дальнейшем критика Барятинского распространилась и на последующие военные реформы.

Этот сюжет о военных реформах Милютина, их достоинствах и недостатках, о борьбе между ним и Барятинским в литературе достаточно известен, хотя оценки историков далеко не однозначны. Не касаясь существа полемики, здесь уместно отметить ценность сообщаемых мемуаристом сведений и наблюдений, неповторимых и невосполнимых другими источниками. Например, обвинение Барятинского, что проект Положения 1868 г. ему, фельдмаршалу, не сообщен Военным министерством, было документально опровергнуто Милютиным. Не ограничиваясь объяснением, что проект дважды посылался Барятинскому за границу, где тот находился будучи больным, без должности, Милютин на другой же день отправил ему справку, когда и за каким номером был выслан проект[11]. Любопытно, что проект трижды высылался и фельдмаршалу Ф.Ф. Бергу и получил его вполне одобрительный отзыв, однако это не помешало Бергу присоединиться в дальнейшем к «походу» Барятинского на Милютина и Военное министерство. Заслуживают внимания приведенные Милютиным пометы Александра II на полях записки Барятинского, сделанные под непосредственным впечатлением от прочитанного и до разговора с военным министром. Например: «Это только слова», «несправедливо», «напротив того» и другие, в которых довольно резко указывалось на парадоксальность доводов Барятинского. Милютин представил свою записку с опровержениями, и обе записки (Барятинского и Милютина) были посланы Бергу, великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам.

Милютин объяснял позицию Барятинского, выражавшуюся столь внезапно и в такой резкой форме, в значительной степени характером фельдмаршала — его тщеславием, неудовлетворенным самолюбием. Вместе с тем и влиянием на него бойкого военного публициста и писателя, генерал-майора Р.А. Фадеева, тоже по личным мотивам недовольного военным министром. Развернутая им в прессе полемика против военных реформ, поддержанная Тимашевым и Шуваловым, создавала напряженность в обществе. Интересно, что сам Милютин видел опреде-

ленные просчеты в Положении 1868 г., создал Комитет для доработки и уточнения отдельных, не вполне ясных формулировок закона. Но нагнетавшаяся оппонентами атмосфера интриг и тайных переговоров, обстановка враждебности вокруг министра и его ведомства, только мешала ему. Конфликт разгорался, вовлекая в конфронтацию новых участников и государственные учреждения. В ход событий, носивших, казалось бы, по сути внутренний характер, вмешались и внешнеполитические обстоятельства, как часто бывало в истории России, — война.

Влияние франко-прусской войны 1870 г. на непосредственный приступ к разработке нового Устава о всесословной воинской повинности и созданию современной армии с обеспеченным резервом (запасом) и способностью к быстрой мобилизации хорошо известно. Известна в этом деле и роль П.А. Валуева, которого Милютин просил от своего имени предоставить записку о срочной необходимости пересмотра принципов комплектования армии. Военный министр избегал выступать с подобной инициативой, остерегаясь вызвать новый натиск Барятинского и К° и тем испортить дело. Гораздо меньше известно о личном участии Александра II в судьбе этой главной из военных реформ и в общей стратегии Военного министерства.

Одна из глав книги так и называется: «Новый поворот в наших военных раздорах». Представляя 5 октября при своем очередном докладе Александру II записку Валуева «Мысли невоенного о наших военных силах», Милютин «мало рассчитывал на успешный результат». Но на другой же день он получил записку обратно с собственноручной резолюцией Александра II: «Совершенно совпадает и с твоими, и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности»[12]. В тот же день под непосредственным радостным впечатлением от благоприятного поворота дела Милютин взялся за перо, чтобы набросать канву будущего Устава о всесословной воинской повинности. Работа продолжалась месяц. В ней приняли участие Н.Н. Обручев, Ф.Л. Гейден, П.А. Валуев. Как только Милютин представил доклад Александру II, на следующий же день, 4 ноября, было опубликовано высочайшее повеление, которым военному министру поручалась подготовка реформы «о распространении прямого участия военной повинности на все вообще сословия в государстве». Коренное изменение оснований, на которых отбывалась в России воинская повинность, «имело такое существенное значение, — пишет Милютин, что могло считаться началом нового периода в истории нашей армии»[13]. Затем, после обсуждения в Совете министров основных идей проекта реформы, были созданы две комиссии: одна для разработки Положения о воинской повинности, другая — для составления Положения о запасных войсках. Общие основания для работы Комиссий были одобрены Александром II 20 декабря и опубликованы в «Инвалиде» 25 декабря 1870 года.

Одновременно упразднялась существовавшая с 1861 г. Комиссия для пересмотра рекрутского устава. Со всех углов империи, от земств, дво-

рянских собраний, разных учреждений, университетов и даже от отдельных личностей поступали адреса с выражением полного сочувствия «предположенной великой государственной мере». Сам Милютин считал, что она должна была возвысить достоинство военной службы, поднять звание солдата и общий уровень образования не только в войсках, но и в народе. Являясь, наконец, прямым последствием отмены крепостного права, эта мера должна была «скорее, сгладить сословную рознь». Фактически после 10 лет деятельности Милютина в должности министра и выполнения первоначальной высочайше утвержденной программы военных преобразований 1862 г., с 1871 г. Военному министерству дается новая программа.

Казалось, открывались светлые перспективы в делах военного ведомства. В действительности, основные трудности и битвы были еще впереди. В 1873 г. начались секретные совещания в Зимнем дворце под председательством Александра II, в которых обсуждалась подготовленная Военным министерством новая программа. Об этих совещаниях известно по «Дневнику» Милютина, изданному полвека назад П.А. Зайончковским[14]. Но дневниковые записи начинаются с апреля, рассказ же о первых заседаниях, раскрывающий подлинный драматизм ситуации, читатель найдет в этой книге. Накануне совещаний до Милютина доходили сведения, что втайне от него великие князья Николай и Михаил Николаевичи, оба фельдмаршала (Барятинский и Берг) и еще некоторые лица «сходятся на предварительных совещаниях». Мемуарист называет эти совещания «заговором» против существующего военного устройства. Действительно, на первом заседании «первым поднял голос» Барятинский, к удивлению многих, так как фельдмаршал не умел и не любил говорить о делах в официальных собраниях. В сбивчивой речи, «изливая желчь», он опровергал целесообразность внесенной программы и упорно настаивал на сокращении военных расходов, для чего предлагал создать Комиссию из лиц, независящих от Военного министерства. Интереснее всего в этой истории позиция императора Александра II. Сначала он страстно и гневно обрушивался на оппозицию, глядя в сторону Барятинского, но затем, уступая ему, согласился на создание комиссии и даже на председательство в ней самого фельдмаршала. «Люди опытные из участвовавших в заседании <...> предвещали неизбежный поворот ветра для восстановления нарушенного равновесия»[15]. Это было в характере Александра II и не раз проявлялось в истории Великих реформ. Но поддержка еще не означала окончательного решения, и в финале дела также ярко проявилась личность императора. В ходе заседаний Милютину не хватило сил сохранить спокойствие и хладнокровие, и в немногих словах он «горячо и резко» высказал свой протест против планов «ниспровержения всей существующей у нас системы военной администрации», против «уничтожения военных округов». В заключение у него вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагаются ныне такие коренные преобразования, которые выработать и привести в испол-

нение я не чувствую в себе силы». Это означало вслух высказанные намерение и готовность уйти в отставку. После такой пылкой речи заседание быстро закрылось, но на следующий день с подачи Александра II было решено в целом оставить первоначальные предположения Военного министерства. Оппозиция вынужденно смирилась. Характерен и интересен состоявшийся затем разговор между Александром II и Милютиным. «Признаюсь, Государь, что такой благоприятный исход, тем радостнее для меня, что был совершенно неожидан», — сказал военный министр. «А для меня не был неожидан, — услышал он в ответ слова императора <...> Ты не можешь сомневаться в том, что я ценю твою честность и правдивость, я привык тебя уважать и любить». Протоколы совещаний были утверждены собственноручной пометой Александра II: «Быть по сему». По этому поводу он сказал Милютину: «Ты заметил, в какой форме я сделал надпись? Я имел в виду тверже закрепить постановленное решение»[16].

Приведенный диалог и вся история обсуждения программы Военного министерства многое объясняют в отношении Александра II к Великим реформам: его колебания, отступления, поиски равновесия, политику «немыслимых диагоналей», как называл ее Валуев, а в целом — его решающую роль в принятии и проведении Великих реформ и в конечном счете предпочтение этого главного дела своего царствования всем другим, прерванное только трагической и внезапной смертью.

Читатель, наверное, привык, что в каждой книге «Воспоминаний» Милютина дается панорама международных событий. И в этой книге — также, а может, более, чем в других. У Милютина — мемуариста и историка — свой подход к изложению этого материала. Он рассказывает не обо всем главном, происходящем в политическом мире, а только о том, «что затрагивало наши русские интересы». В этом ряду франко-прусская война, перекроившая карту Европы, приведшая к новой расстановке сил между государствами, к краху Венской системы, привлекла особое внимание мемуариста. Еще одно важное пояснение Милютина-мемуариста заслуживает внимания читателей. «Рассказываю ход дела в том виде, в каком оно нам представлялось по тогдашним гласным сведениям, — отмечает он, — опуская позднейшие разоблачения закулисного образа действия Бисмарка и прусских генералов»[17]. Повествуя о прошлом, Милютин старался воспроизвести его как можно более адекватно, избегая позднейших наслоений времени, ретроспективности, хотя вряд ли мог полностью осуществить свое намерение.

Начавшаяся внезапно в июле 1870 г. война между Францией и Пруссией «могла обратиться в кровопролитную общеевропейскую». Поэтому, объявив поспешно и незамедлительно «о своей твердой решимости сохранять полный нейтралитет», Александр II оказал, по мнению Милютина, «важную услугу как России и Германии, так и остальной Европе». Он так торопился, что, не дожидаясь Горчакова, находившегося в Вельдбаде, лично объявил о принятой декларации прусскому и француз-

скому послам. Позиция, занятая Александром II, т. е. Россией, имела тем большее значение, что Великобритания была отвлечена своими внутренними делами, и нейтралитет ее вполне устраивал. Других равносильных борющимся держав в Европе не было. Бóльшая часть русского общества желала успеха французам, напротив того, в придворных сферах, начиная от самого императора и императорской фамилии, высказывалось явное сочувствие успехам немецкого оружия. Это мнение мемуариста подтверждается донесениями французского посла в Петербурге Ж. Де-Габриака своему министру Жюлю Фавру: «Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции, император нейтрален, но его нейтралитет дружественен Пруссии. Ну, а император Александр управляет страной, лишенной инициативы, еще привыкшей к абсолютизму»[18].

Действительно, нейтралитет России не означал беспристрастного отношения Александра II к военным событиям в Европе. «Все подробности военных действий живо интересовали его, — констатирует Милютин, — успехи германских армий радовали его почти столько же, как бы победа собственных его русских войск». При получении каждой телеграммы о победе германских войск Александр II немедленно посылал королю Вильгельму поздравительные телеграммы, а периодически — Георгиевские кресты немецким офицерам и солдатам, причем в таком большом количестве, что щедрость эта возбуждала в петербургском обществе сетования и насмешки. Несмотря на нейтралитет, в германской армии были русские офицеры, врачи, целые лазареты. Седанский разгром, взятие в плен императора Франции Наполеона III, падение Второй империи и провозглашение в Париже республики, возникновение опасения столь стремительных успехов Пруссии не поколебали позиции Александра II. Когда старый А. Тьер по поручению Временного французского правительства прибыл в конце сентября в Петербург в поисках поддержки, он был принят российским императором любезно, но получил только «платонические заявления соболезнования о судьбе, постигшей Францию».

Пристрастие Александра II к Вильгельму, его победоносной армии и вообще к Пруссии объяснялось, кроме врожденного влечения сердца к дяде и следованию традиционной политике, в основе которой лежала дружба с Германией и недоверие к Франции (как республиканской, так и имперской), еще и особыми политическими соображениями — надеждой заручиться союзником в борьбе за отмену нейтрализации Чёрного моря.

К середине октября 1870 г. император решил, что для России наступил подходящий момент. После консультаций с Горчаковым он собрал 15 октября Совет министров и открыл заседание «одушевленной речью о своем намерении воспользоваться благоприятными политическими обстоятельствами для восстановления достоинства и прав России». Присутствовавший при этом Милютин вспоминает: «Не раз мне приходилось слышать от Государя, что он не умрет спокойно, пока на сердце

у него лежит тяжелым бременем Парижский трактат 1856 г.»[19]. Министры поддержали намерение Александра II. Так появился циркуляр Горчакова от 17/29 октября 1870 г. Он содержал категорическое заявление, что петербургский кабинет не считает для себя обязательными статьи Парижского трактата, ограничивающие державные права России на Чёрном море. Провозглашенное циркуляром требование об отмене нейтрализации Чёрного моря, по сути дела, означало восстановление России в правах и прерогативах великой европейской державы, поколебленное итогами Крымской войны. Это не могло быть одобрительно встречено европейскими государствами. Особенно энергично протестовала Великобритания. Александр II, не теряя времени, на второй день после принятия циркуляра, в собственноручном письме Вильгельму от 19/31 октября напомнил, что настало для него время исполнить обязательства, принятые им перед Россией еще в 1866 г. Имелась в виду благодарность короля Пруссии российскому императору за его благожелательную позицию в австро-прусской войне и обещание доказать преданность интересам России. Бисмарку пришлось содействовать решению вопроса, и собравшаяся в начале 1871 г. в Лондоне конференция признала отмену нейтрализации Чёрного моря. Цель внешнеполитических усилий России была достигнута.

Общеполитическая ситуация в Европе способствовала этому. Главные события стремительно разворачивались во Франции, в Париже, в Версале, ставшем главной квартирой Вильгельма I. Именно здесь, в Версале, 6/18 января 1871 г. ему был поднесен после решения ландтага титул императора от имени всего Германского государства. Таким образом, результатом побед в войне было окончательное объединение Германии и утверждение полной гегемонии прусских интересов. Предварительный Версальский и окончательный Франкфуртский договор 28 апреля 1871 г. между Германией и Францией завершил начатое нападением на Данию в 1864 г. видоизменение карты Европы. Центр тяжести всей европейской политической системы переместился в Берлин. Эти события детально и красочно описаны в трех последних книгах «Воспоминаний» Милютина. Германия в результате франко-прусской войны получила Эльзас и Лотарингию. Вопрос о разграничении Франции и Германии, решенный в 1814–1815 гг. под руководством Александра I с общего согласия Европы, был решен теперь на условиях одной державы-победительницы. Образование Германской империи под наследственной властью прусских королей в центре Европы было просто сообщено европейским державам и принято ими. «Среди славы и торжества <...> император Германский не забыл, — писал Милютин, — насколько он обязан этими успехами императору Российскому. В самый день подписания предварительных условий мира с Францией 14/26 февраля он известил Государя об этом счастливом событии телеграммой, которую заключил такими словами: “Никогда Пруссия не забудет, что она Вам обязана тем, что война не приняла крайних размеров. Да благо-

словит Вас за это Господь. До конца жизни Ваш признательный друг Вильгельм"». Александр ответил «задушевным письмом». От себя же Милютин добавлял, что, действительно, позиция, принятая Россией в начале войны, удержала и другие государства от вмешательства и развязала руки прусскому правительству. Он даже определяет ее, как «косвенное пособничество». В то время как Александр II радовался блестящим успехам своего дяди и друга, в русском обществе, по мнению Милютина, «большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем», и не доверяло союзу России с Пруссией, основанному больше на личных симпатиях монархов, чем на интересах обоих государств[20].

Подытоживая спустя 15 лет свои впечатления и наблюдения о результатах внешнеполитического курса России, достигшего отмены указанных статей Парижского мира о нейтрализации Чёрного моря, Милютин заключал: «В какой мере этот успех мог уравновешивать невыгоды, созданные для России возвышением Германии и ослаблением Франции, — укажет время»[21]. Вопрос, достойный размышлений не только современников тех событий, но и историков. А тогда, после войны, внешнеполитическая ориентация Александра II на дружественные отношения с Германией сохранялась и даже укреплялась. Дополнительным стимулом к этому являлись общие задачи борьбы с социалистическим движением, со всей очевидностью вставшие в связи с Парижской коммуной. Более того, появились первые признаки улучшения отношений с Австро-Венгрией. Для Милютина не остался незамеченным тот факт, что Александр II принял приглашение прибыть летом 1872 г. в Берлин, когда там предполагалось присутствие императора Франца-Иосифа со своим новым первым министром Д. Андраши, сменившим Ф. Бейста. Военный министр, в ту пору еще не посвященный в дела дипломатические, очень осторожно высказывался о политическом значении этого первого свидания трех императоров. Он полагал, что встреча не имела специально определенной цели, формального результата, кроме демонстрации дружественных отношений для поддержания мира в Европе. Однако перспектива для развития и оформления этих отношений наметилась, и в будущем 1873 г. появится Союз трех императоров.

В этой книге «Воспоминаний», как и в предыдущих, много внимания уделено имперской политике власти. Но на первый план выдвигается не «польская» и «кавказская» темы, а «азиатское дело». К уже известным сведениям об образовании Туркестанского генерал-губернаторства и деятельности К.П. Кауфмана, мемуары добавляют новые колоритные детали, а иногда и значительные подробности овладения этим регионом. Введение в присоединенных землях русской администрации, гражданской и военной, «учреждения нового генерал-губернаторства и военного округа в самой глубине азиатского материка, — отмечал Милютин, — было важным и решительным шагом нашей политики в этой части света». Кауфман получил от МИДа, Военного министерства и «самого Государя» указание «избегать всяких новых завоеваний, всякого распростра-

нения пределов империи, как бы ни казались эти приобретения заманчивыми и легкими». Цель нашей политики, пояснял Милютин, должна была состоять в том, чтобы соседние ханства «подчинить лишь нравственному нашему влиянию, установить мирные и торговые с ними сношения и прекратить грабежи в наших пределах»[22]. В таком направлении и действовал Кауфман в отношении владетелей — кокандского, бухарского, хивинского, а впоследствии кашгарского. Однако, встречаясь с противодействием или открытым сопротивлением, предпринимал решительные военные действия, не дожидаясь санкций правительства. Как это было, например, с занятием Самарканда в мае 1868 г., после чего Кауфман по своему усмотрению заключил договор с бухарским эмиром.

Когда Александр II, будучи в Киссингене, получил донесение Кауфмана с текстом этого договора, он запросил мнение военного министра и Горчакова по поводу нового завоевания в Средней Азии. «При этом, — писал Милютин, — однако же, было нам обоим сообщено графом Адлербергом (в письмах от 20 июля), что Государь находит этот договор не соответствующим решению, постановленному в совещании, происходившем пред самым выездом из Царского Села <...> Государь полагал отклонить присоединение города Самарканда и окрестной страны; а взамен того удвоить назначенную генералом Кауфманом контрибуцию с Бухары, с тем чтобы до уплаты этой контрибуции удерживать за собою Самарканд в виде залога». Милютин высказался в поддержку текста договора, составленного Кауфманом, Горчаков, напротив, разделял мнение Александра II, что и прошло, но реально не могло быть реализовано. И Самарканд остался за Россией, как в свое время это произошло с Ташкентом в 1865 г. по личной инициативе генерала М.Г. Черняева. Самостоятельные действия военных на местах, идущие вразрез с политическими установками из Петербурга, брали подчас верх и вынуждали центральную власть и самого Александра II признать новые завоевания как свершившийся факт. «Успехи нашего оружия против Бухары <...> отозвались далеко за пределами Средней Азии, — подытожил этот эпизод Милютин. — Особенно встревожились англичане, не переносившие равнодушно и самого маловажного успеха нашего в той части света»[23]. После включения Самарканда в состав империи военные действия не прекратились. В 1869 году, уже согласно личному распоряжению Александра II, занят Красноводск, что способствовало укреплению на восточном побережье Каспийского моря и дальнейшему продвижению в казахские степи, на Хиву, Коканд. Это завершится в последующие годы и отразится уже в «Дневниках» мемуариста.

Помимо завоевания и присоединения к империи новых территорий, военного министра занимал и вопрос об управлении окраинами, ранее вошедшими в ее состав. В конце 60-х — начале 70-х гг. — это был вопрос об административном устройстве Восточной Сибири. Поднятый в свое время еще генерал-губернатором Н.Н. Муравьёвым-Амурским (покинул пост в 1861 г.) и вновь поставленный в 1869 г. его преемником

М.С. Корсаковым, вопрос этот так и остался нерешенным. Оба руководителя региона считали необходимым отделение Приморского края с центром в Хабаровске, лежащем при слиянии рек Амур и Уссури, от Восточной Сибири, усиление русской колонизации этой территории, энергичное освоение острова Сахалин, преобразование военно-морской части на берегах океана. Отдаленность и неосвоенность этой окраины России напоминали Милютину «оторванную колонию, мало полезную для материка». Из-за ведомственных разногласий Военного министерства с Военно-морским, которое во главе с великим князем Константином Николаевичем стремилось подчинить Приморский край, вопрос был отложен. И вместо проведения серьезных преобразований дело ограничилось в 1871 г. назначением нового генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова, чье управление, продолжавшееся до 1874 г., «представляло образец крайнего произвола власти и самодурства»[24].

Хотя Милютин ограничивается этим частным, локальным выводом, не распространяя его на общую систему государственного управления, но между строк это улавливается. Он крайне отрицательно воспринимает нарушение законности и чиновниками, и высокопоставленными лицами. Милютин возмущается вмешательством наследника великого князя Александра Александровича в «ружейное дело», очень важное для перевооружения русской армии. Министерство, отвечавшее за изготовление ружей нового образца и пуль к ним, знало состояние производства в России и на Западе, знало новинки техники, имело свой взгляд и свой план осуществления этого дела. Александр Александрович ходатайствовал о предоставлении заказа на 10 тыс. руб. малокомпетентному, на взгляд военного министра, лицу. Уверенный, что дело кончится неудачей, Милютин предпочел уступить, пожертвовать этой суммой, чем подвергать артиллерийское ведомство нападкам. Милютин резко осуждал и господствовавший в то время «в нашей высшей администрации дилетантизм». В связи со сменой министра путей сообщения инженер-генерала П.П. Мельникова графом В.А. Бобринским, Милютин заключал: «Люди специальные, знатоки дела, систематически устранялись от него <...> Систематическое замещение всех высших должностей дилетантами из высшего круга общества вообще должно было приводить к самым жалким результатам и беспрестанным разочарованиям»[25]. Он поднимал вопрос о «великой ответственности пред отечеством» служащих своего ведомства, но из контекста ясно — всех, находящихся на государственной службе[26].

Один из видных либеральных государственных деятелей, Милютин не все принимал в либеральном курсе своих коллег — например, ставку Рейтерна на исключительное развитие частной инициативы в железнодорожном строительстве. «М.Х. Рейтерн, — писал мемуарист, — не раз заявлял во всеуслышание, что он, пока будет министром, ни за что не допустит казенных железных дорог». Получение концессий сделалось предметом самых беззастенчивых спекуляций, «ловкие аферисты прибе-

гали и к высшим “протекциям”, и к подкупу», «люди, не располагавшие никакими капиталами, превращались вдруг в крезов». Даже Николаевская железная дорога «перешла в частные руки». Милютина поражало, что это явление в России распространилось «в то время, когда в других государствах уже начинали заботиться о том, чтобы наоборот, построенные на частные капиталы важнейшие пути постепенно перешли из частных рук в достояние государства»[27].

В мемуарах Милютина речь идет не только о важнейших вопросах государственного строительства, внутренней и внешней политике, международных отношениях, войнах и мирных трактатах. В них отразились и незначительные происшествия, отдельные эпизоды, праздники и будни официальной и частной жизни людей, стихийные бедствия и аномалия погоды. Читатель узнает, с каким размахом и вместе с тем содержательно и с пользой отмечался 200-летний юбилей рождения «великого преобразователя» Петра Великого; как закладывался памятник Екатерине Великой в 100-летие утвержденного ею ордена Св. Георгия, и сам Александр II заложил в фундамент первый кирпич, поданный ему автором проекта памятника художником М.О. Микешиным; как свершилось открытие Суэцкого канала; как папа Пий IX реагировал на международные события; как необыкновенно суровая зима и знойное лето 1868 г. привели к страшному голоду; как наследник престола, будущий самодержавный монарх Александр III присутствовал на открытии рейхстага императором Вильгельмом I. Читатель узнает, что в своей масштабной преобразовательной деятельности Военное министерство проявляло непрестанную заботу о культуре быта, образовании, здоровье солдата русской армии, выступало с инициативами проведения международной конференции о запрете разрывных пуль. На страницах этой книги впервые появится имя возлюбленной Александра II — Екатерины Долгорукой, о чем деликатный автор мемуаров ранее (и вообще) избегал писать.

Много интересного дают мемуары Милютина для изучения и понимания повседневности русской жизни — разных социальных групп и слоев, от императора и его семьи до простолюдина-солдата. Читатель найдет в здесь яркие зарисовки придворной светской жизни, которая вся слагалась из одних обрядностей, вся делалась как бы только для соблюдения приличия и традиционных обычаев. Только этим мемуарист может объяснить ту непосредственную легкость, с которой сменяются самые разнородные проявления жизни, непосредственные переходы от печали к веселью, от горя к радости. В один и тот же день утром панихида, погребение, вечером бал, те же лица, которые утром являлись сосредоточенными, нахмуренными, вечером расцветают, дышат беззаботным удовольствием. «Это не жизнь действительная, реальная, — заключает Милютин, — а *сцена* (выделено Милютиным. — *Л.З.*), на которой постоянно разыгрывается очередное представление»[28]. Оказывается, не только современный американский историк Ричард Уортман увидел в повседневной жизни российских императоров и их окружения «сцена-

рии власти»[29], но также воспринимали ее и очевидцы, свидетели и действующие персонажи ушедшей эпохи.

А рядом с этими быстро меняющимися картинами придворной светской жизни — повседневный быт большой семьи самого Д.А. Милютина и его ближайшей родни — Н.А. Милютина с его семьей, родственников со стороны жены — Н.М. Понсэ, семья Киселёвых и др. Характер взаимоотношений между ними, а также с друзьями и внешним миром, приоритеты и ценности, уклад жизни — все это помогает адекватно воспринять и личность мемуариста, и время, отразившееся в его мемуарах. Неизгладимое впечатление оставляет описание последних дней Николая Алексеевича Милютина. По первому же сообщению об ухудшении состояния больного друзья и единомышленники, с которыми прошел он свои самые напряженные и плодотворные годы государственной деятельности, прибыли срочно из Петербурга в Москву и уже не покидали друга до конца. Это И.П. Арапетов, К.Д. Кавелин, К.К. Грот, К.И. Домонтович, а кроме них, постоянно бывали В.А. Черкасский с женой, Ю.Ф. и П.Ф. Самарины, Н.С. Киселёв, сын Д.А. Милютина и другие. Николай Алексеевич Милютин очень дорожил вниманием друзей, «общество их, разговоры, споры составляли для него насущную потребность до последних дней жизни». Этот рассказ ненавязчиво, естественно дает возможность почувствовать нравственный, духовный мир людей, начавших строительство новой, свободной от крепостного ига России[30].

Оценки Милютина, данные М.М. Сперанскому и П.Д. Киселёву, представляют большой интерес для понимания преемственности в реформаторском процессе России XIX в. — проблемы, еще недостаточно изученной в нашей литературе. Описывая «торжественную панихиду» в Александро-Невской лавре 31 декабря 1871 г. в связи со 100-летней годовщиной рождения М.М. Сперанского, Милютин называет его «знаменитым государственным человеком» и «исторической личностью». Присутствие при этом Александра II и членов Императорской фамилии произвело хорошее впечатление в обществе. А в связи с кончиной в 1872 году брата — Н.А. Милютина и дяди П.Д. Киселёва, близких не только по родственным узам, но и по духу, по мировоззрению, Дмитрий Алексеевич Милютин выразит свое восприятие этих государственных людей в следующих словах: «Оба отличались глубокою и искреннею преданностию общественному делу и стремились к одному и тому же идеалу: возрождению гражданскому и нравственному народа русского»[31]. По поводу своей переписки с П.Д. Киселёвым о высочайшем повелении 4 ноября 1870 г. приступить к разработке Устава о всесословной воинской повинности, Милютин отмечал, что Киселёв выражал «заботливость о крестьянском населении», чем он проникнут был с молодых лет и до гроба[32]. Спустя месяц, в связи со смертью великой княгини Елены Павловны, которая «так благоволила» Н. Милютину и Киселёву, автор мемуаров отдавал должное и ее заслугам. Отмечая ее замечательный ум, всестороннее образование, вполне современные политические взгляды,

Милютин утверждал: «Нет сомнения в том, что великая княгиня имела самое благотворное влияние на ход всех важных реформ, совершившихся в царствование Александра II, в особенности же по крестьянскому делу <...> Государь выслушивал с уважением разумные советы и благие внушения своей тетки. Пользуясь этими беседами, великая княгиня нередко предостерегала Государя от вредных интриг, наговоров и клевет»[33].

В повествовании Милютина о России конца 60-х — начале 70-х гг., в его оценках Великих реформ, их деятелей и убежденных оппонентов нельзя не учитывать, что давались они не просто в отставке, а после краха реформаторской программы М.Т. Лорис-Меликова, которую разделял и поддерживал военный министр, и связанных с ней надежд. И обостренно субъективное восприятие недавнего прошлого, видимо, неизбежно. Но это нисколько не умаляет ценности мемуаров, а только требует изучения их в комплексе с другими источниками, в частности, того же жанра, но иной ориентации. Вместе с тем мемуары Милютина в целом и этот том в том числе выделяются своей оригинальной неповторимостью. Россия XIX века представлена в них не только столицами, но вся — с окраинами империи и русской провинцией; не изолированно, а в пространстве мира (Запада и Востока), связанная с ним узами разнохарактерных отношений; представлена во всех проявлениях жизни — от императора до солдата, от высокой политики и Зимнего дворца до погоды, стихийных бедствий, казарм и хижин, заводов, тюрем, университетов, театров и т. д. Это особый стиль повествования, не только воспроизводящий прошлое, но и одушевляющий его, стиль, который на рубеже XIX/XX веков называли «исторической живописью».

Л.Г. Захарова,
доктор исторических наук.

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 1997; То же. 1843–1856. М., 2000; То же. 1860–1862. М., 1999; То же. «На Кавказе». М.: РОССПЭН, 2004; То же. 1863–1865. М.: РОССПЭН, 2003; То же. 1865–1867. М.: РОССПЭН, 2005.

[2] *Милютин Д.А.* Дневник 1873–1882: В 4-х т. / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1947–1950 (готовится к переизданию с дополнениями в комментариях и указателях); Дневник за 1883–1899 гг. будет публиковаться впервые.

[3] Биографические сведения об авторе мемуаров подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин: Его время и его мемуары // *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. С. 5–31.

[4] Определение, однажды высказанное писателем Юрием Нагибиным о ценности писем вообще.

[5] Подробнее об источниковедческой характеристике мемуаров Д.А. Милютина см.: *Захарова Л.Г.* Россия XIX века в мемуарах Д.А. Милютина // Отечественная история. 2003, № 2. С. 37–41.

[6] С. 36 настоящего издания.

[7] С. 104 настоящего издания.
[8] С. 93–94 настоящего издания.
[9] С. 378–379 настоящего издания.
[10] С. 379–380 настоящего издания.
[11] С. 122 настоящего издания.
[12] С. 311 настоящего издания.
[13] С. 334 настоящего издания.
[14] *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 1. 1873–1875. М., 1947.
[15] С. 585 настоящего издания.
[16] С. 603–604 настоящего издания.
[17] С. 278 настоящего издания.
[18] Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г. М., 1993. С. 64.
[19] С. 300–301 настоящего издания.
[20] С. 366, 368–369 настоящего издания.
[21] С. 371 настоящего издания.
[22] С. 58 настоящего издания.
[23] С. 62–63, 73 настоящего издания.
[24] С. 546 настоящего издания.
[25] С. 181 настоящего издания.
[26] С. 164 настоящего издания.
[27] С. 164, 165 настоящего издания.
[28] С. 33 настоящего издания.
[29] *Wortman Richard S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1–2 (*Ричард С. Уортман.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. I–II. М., 2004).
[30] С. 467 настоящего издания.
[31] С. 539 настоящего издания.
[32] С. 332 настоящего издания.
[33] С. 416 настоящего издания.

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А. Милютина, как и весь его архив, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 169). Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г., Милютин завещал свой богатый архив Императорской Николаевской военной академии, в которой учился, а потом преподавал. Подробное описание этой истории читатель найдет в книге «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843»*.

Оригинал мемуаров Милютина «Мои старческие воспоминания» подготовлен к возможной публикации им самим, затем переписан под его личным наблюдением в 1900-х гг. (бóльшая часть — А.М. Перцовой). Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил в оригинал главным образом литературно-стилистическую правку отдельных слов, реже — предложений. Эта правка автора, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Напротив, те редкие случаи, когда Милютин вычеркивал в оригинале отдельные абзацы, содержащие дополнительные сведения о людях и событиях, специально отмечены и воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу, описки единичны.

Список, с которого сделана эта публикация, составил три объемистые тетради-книги (28 x 22 см) под № XVIII–XX в переплете из материи болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. Оглавление к книгам написано рукой Милютина. В фонде Милютина (169) — это три единицы хранения: картон 16, ед. хр. 2–4. Соответствующий им текст оригинала заключается в 20 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги. Почерк Милютина аккуратен, разборчив и тверд, но чернила потускнели. В том же фонде это — картон 11, ед. хр. 9–28.

В «Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки» Милютин сообщает, что писал свои «Воспоминания» о времени конца 1860 — апреля 1873 г. сразу после отставки и переселения в Крым, т. е. в 1881–1886 годах**.

---

* *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 469–478.

** См.: Там же. С. 34–38.

Текст «Воспоминаний» Милютина публикуется впервые, без каких-либо сокращений и приведен в соответствие с современными правилами орфографии, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов в оригинале (например, «безотговорочно», «подгородные монастыри», «нерешимость», «по всем вероятиям», «импровизовать», «моих коллегов» и др.). Сохранена по оригиналу и авторская транскрипция имен собственных и географических названий. Авторские подчеркивания отдельных мест или слов выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за исключением общепринятых сокращений, воспроизведены в прямых скобках. Абзацы даются по оригиналу.

В подстрочных сносках звездочками приводятся авторские примечания, перевод иностранных текстов, смысловые расхождения выправленного текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера в подстрочных примечаниях не оговорена. Орфографические ошибки и описки устранены в тексте публикаторами без оговорок. Цифровые сноски относятся к комментариям в конце книги.

Фамилии лиц, упомянутых в «Воспоминаниях», не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен. В указателе имен, в скобках, приведены авторская транскрипция либо разные варианты написания некоторых фамилий, сохраненные в тексте. В аннотациях фамилий чиновников гражданского ведомства даны только гражданские чины высших классов, как правило, связанные со службой в конкретном учреждении. Помимо указателя имен в книге помещен и указатель географических названий. Редкие случаи некоторых неточностей и разночтений в датировке отдельных писем, допущенные Милютиным, отмечены в комментариях. Издание снабжено иллюстративным материалом.

* * *

Составители этого издания приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: кандидатам исторических наук А.Ю. Володину, М.А. Волхонскому, Л.А. Пуховой, И.С. Тихонову, К.А. Цыковой, кандидату исторических наук доценту М.М. Шевченко и особенно сотрудникам и руководству ОР РГБ и директору ГА РФ доктору исторических наук С.В. Мироненко.

Д.А. Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Книги XVIII– XX

1868–1873

Книга XVIII

1868–1869

1868-й год

Первые три месяца года

Апрель и май в Петербурге и Царском Селе

Дела среднеазиатские

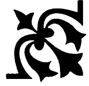
Лагерное время

Пребывание Государя за границей и в Варшаве

Последние месяцы года

Общее политическое положение Европы в 1868 году

Дела Военного министерства в 1868 году



ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ГОДА

К концу каждого истекающего года и в начале наступающего всегда усиливается работа административной машины: в департаментах, канцеляриях, советах, комитетах кипит лихорадочная деятельность, а в то же время, как нарочно, приходится деловому человеку более обыкновенного отвлекаться от дела ради всякого рода непроизводительных обязанностей, официальных и светских.

Так и начало 1868 года памятно мне целым рядом разных церемоний, придворных и военных, торжеств, балов, вперемежку с печальными обрядами похоронными. После обычного «выхода» при дворе в Новый год и военного парада в день Крещения происходило 7 января торжество бракосочетания принца Александра Петровича Ольденбургского (второго сына принца Петра Георгиевича) с дочерью великой княгини Марии Николаевны Евгенией Максимильяновной. Православный обряд совершен в большой церкви Зимнего дворца, а затем — протестантский — в Александровском зале. По поводу свадьбы принц был произведен в полковники. Великая княгиня Мария Николаевна приехала из-за границы только к свадьбе и вскоре после нее уехала обратно в свою виллу, близ Флоренции.

На другой день, 8-го числа, происходило погребение князя Василия Андреевича Долгорукова, кончившего жизнь 5-го числа почти скоропостижно. За вечернею в церкви Зимнего дворца, накануне Крещения, ему сделалось дурно; он должен был выйти и уехать домой, послали за врачом, но последний уже не застал его в живых. Государь немедленно приехал поклониться праху своего верного слуги, который с молодых лет отличался преданностью долгу и Государю, замечательною исполнительностью и аккуратностью, доходившими до педантизма. Князь Василий Андреевич был человек честный, доброжелательный, весьма мягкий, но вместе с тем крайне сдержанный, замкнутый, формалист и в полной мере — царедворец. Он дожил только до 64-го года; казался бодрым, здоровым, так что кончина его была совершенною неожи-

В.А. Долгоруков

данностью. Все, близко знавшие его, в особенности же сам Государь и великая княгиня Мария Николаевна, не могли не скорбеть о преждевременной потере такого человека. Погребение совершено со всею торжественностью в Александро-Невской лавре, в присутствии Государя, членов Императорского дома и всего высшего петербургского общества.

Придворная жизнь вся слагается из одних обрядностей, все делается как бы только для соблюдения приличия и традиционных обычаев. Только этим и можно объяснить ту непостижимую легкость, с которою сменяются самые разнородные проявления жиз-

ни, непосредственные переходы от печали к веселью, от горя к радости. В один и тот же день утром — панихида, погребение, вечером — бал; те же лица, которые утром являлись сосредоточенными, нахмуренными, вечером расцветают, дышат беззаботным удовольствием. Это не жизнь действительная, реальная, а сцена, на которой постоянно разыгрывается очередное представление.

Непосредственно за погребением князя Долгорукова следовал ряд балов: 9 января — при Дворе большой бал, какой давался обыкновенно в начале каждого года, с поголовным приглашением всех лиц по табели о рангах; затем два бала свадебные: 11 января — у принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а 12-го — у французского посла барона Талейрана; 13-го же — опять печальная церемония — погребение виконта де Моира, португальского посланника, скончавшегося 10-го числа, так же скоропостижно, как и князь Долгоруков.

Виконт де Моира был женат на русской, графине Апраксиной, сестре бывшего моего адъютанта (впоследствии флигель-адъютанта и генерал-майора Свиты). Это был человек уже немолодой, довольно тучный, со смуглым лицом, но добродушною физиономией, весьма образованный, начитанный, любезный в обществе. Жена его — также остроумная женщина, несколько костичная, неистощимая в светской болтовне. Оба они, и муж, и жена, пользовались особенным вниманием при Дворе; Государь посещал их запросто и, как кажется, встречался у них с княжною Долгорукой, будущею княгинею Юрьевской[1]. Внезапная смерть виконта совпала совсем некстати с ежедневными торжествами и балами при Дворе. Отпевание его происходило в католической церкви на Невском проспекте, в присутствии Государя, Царской фамилии, дипломатического корпуса и множества лиц высшего петербургского общества.

Для полноты моей хроники следует здесь упомянуть о бывшем 17 января в Географическом обществе годовом собрании, в котором я удостоился избрания в почетные члены[2]; затем о Кавказском обеде, состоявшемся 4 февраля, взамен обычного вечера Кавказского (так как день этот пришелся в воскресение на Масленице), и Севастопольском обеде, происходившем 11-го числа, в последний день той же веселой недели. Оба обеда, конечно, сопровождались спичами, тостами и обильными возлияниями[3].

6 февраля в Берлине депутации от Калужского пехотного полка представлялись своему шефу королю Вильгельму по случаю

50-летнего юбилея его шефства. В память этого юбилея полк получил от короля особые ленты на знамена с золотым шитьем*.

Великий день 19 февраля[4] ничем другим не ознаменовался, кроме назначения фельдмаршала графа Берга шефом Новоингерманландского полка. Назначение это объясняется тем, что в Польскую кампанию 1831[5] года названный полк вместе с двумя другими (Староингерманландским и 11-м егерским) входил в состав колонны, штурмовавшей укрепление Волю (25 августа), под командой генерала Берга; но труднее сказать, почему назначение это совпало именно с днем 19 февраля, который мог напоминать разве только каверзы графа Берга в деле освобождения польского крестьянства[6].

Январь и февраль 1868 года памятны чрезвычайно сильными морозами не только в Петербурге, но и в большей части России. Отовсюду получались известия о замерзших людях. В Петербурге городское начальство принимало разные меры к охранению от замерзания извозчиков, рабочих, сторожей. Сама императрица, другие особы царского семейства и светские дамы выказывали человеколюбивую заботливость о «меньшей братии»; снабжали бедняков теплою одеждой; сами вязали фуфайки, шарфы, носки; на улицах и площадях устраивались костры, открывались чайные и т. п.

Но гораздо важнее было другое бедствие народное — голод, свирепствовавший во многих губерниях России, преимущественно же в северных и восточных. Необходимы были меры помощи в обширных размерах со стороны правительства и общественной благотворительности. Для сбора пожертвований и систематического распределения пособий учреждена была особая комиссия под почетным председательством Наследника Цесаревича[7], о чем объявлено было в форме рескрипта от 23 января на имя Его Высочества, за двойною подписью Государя и императрицы. Вице-председателем комиссии назначен престарелый генерал-адъютант Николай Васильевич Зиновьев, а членами — представители некоторых министерств, несколько губернаторов, предводителей дворянства и другие лица. Комиссия выказала в своих распоряжениях похвальную деятельность; протоколы ее заседаний печатались в

* Ленты эти были присланы в полк только в начале апреля, при рескрипте, в котором было выражено желание короля, чтобы ленты были навязаны на знамена в день рождения Государя, 17 апреля, что и было исполнено в Казани с должною торжественностью.

А.Е. Тимашев

газетах, и действия ее продолжались до октября. При закрытии комиссии всем участвовавшим в ней объявлена была Высочайшая благодарность рескриптом (5 октября) на имя Наследника Цесаревича, который, со своей стороны, объявил о том рескриптами (от 31 октября) на имя генерал-адъютанта Зиновьева и московского городского головы князя Александра Алексеевича Щербатова.

Благоприятные виды на новый урожай хлебов успокоили администрацию и общество; но тяжкое обвинение легло на министра внутренних дел в непредусмотрительности и нераспорядительности, так что Валуев счел себя обязанным просить об увольнении от должности[8]. Увольнение его последовало 9 марта, причем, однако же, он получил милостивый рескрипт и алмазные знаки ордена Св. Александра Невского. На место его министром внутренних дел назначен генерал-адъютант Тимашев, с оставлением под его главным начальством почтовой и телеграфной части. Таким образом, созданное для Ивана Матв[еевича] Толстого министерство,

просуществовав менее трех лет, обратилось в два департамента Министерства внутренних дел: почтовый и телеграфный.

В назначении Тимашева ясно выразилось тогдашнее направление нашей внутренней политики: человек, выказавший себя в эпоху освобождения крестьян открытым противником этой великой государственной меры, уехавший тогда за границу, громко и с яростию хуливший все либеральные реформы императора Александра II, становится теперь министром внутренних дел! Это назначение было новым заметным шагом на пути реакции и новым торжеством для шуваловской партии[9].

Валуев, оставшись лишь членом Государственного совета, уехал вскоре за границу, на отдых. Он поселился в Италии, предался изящным искусствам, занялся ваянием, по примеру своего преемника Тимашева, который весьма удачно лепил и рисовал. Можно сказать не в шутку, что Тимашев обладал гораздо более дарованием художника, чем способностями администратора и государственного человека.

Почти одновременно с переменою министра внутренних дел последовало (2 марта) увольнение графа Эдуарда Трофимовича Баранова от должности главного начальника Северо-Западного края. На место этого благородного и прямодушного человека назначен виленским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского округа генерал-адъютант Потапов — человек ограниченный, ханжа, склонный к угодничеству пред высшими. Припомним, что еще в 1864 году он был помощником М.Н. Муравьёва по гражданскому управлению Северо-Западного края и что в следующем году, при увольнении М.Н. Муравьёва, Потапов чуть не был уже назначен виленским генерал-губернатором, в угоду князю Долгорукову и Валуеву. Тогда назначение это не состоялось, чему можно было только радоваться, так как Потапов признавался не только неспособным к занятию такого поста, но положительно вредным по явной наклонности его к поблажке польской аристократии. Теперь же, когда выбор на все высшие должности захватил в свои руки граф Шувалов, ничто уже не могло помешать назначению Потапова.

Предстояло заместить открывшуюся вакансию наказного атамана Донского казачьего войска. По собственной ли инициативе Государя или также по протекции графа Шувалова выбор пал на генерал-майора Свиты Черткова 2-го (Михаила Ивановича), бывшего в прежнее время губернатором волынским, потом воронежским, а затем остававшегося некоторое время без места. Личность

А.Л. Потапов

эта в то время была мне мало известна; впоследствии же, когда мне пришлось иметь с ним непосредственные служебные отношения, я нашел в нем человека дельного и разумного, но весьма сдержанного, сосредоточенного. Он держал себя надменно, обходился сухо с подчиненными, а потому не был любим в крае, вверенном его управлению.

В конце февраля и в первые дни марта, с наступлением оттепели, после сильных морозов, начались так называемые зимние про-

гулки войск Петербургского гарнизона и расположенных в окрестностях столицы. Кавалерийские полки с конными батареями, распределенные на пять колонн, исполняли предписанные им походные движения между Петербургом, Царским Селом, Гатчиною и Петергофом. Для ночлегов одни полки уступали другим свои казармы. Великий князь Николай Николаевич встречал каждую колонну при вступлении ее в Петербурге, а на другой день, в час, назначенный для выступления кавалерийских частей, они предварительно собирались на Дворцовой и Адмиралтейской площадях, где сам Государь производил им смотр совместно с пехотными полками, вызываемыми внезапно («по тревоге») из казарм. Таких смотров было три: 29 февраля, 1 и 2 марта*. Кавалерия, после переходов от 24 до 42 верст по снежным дорогам приходила на место совершенно в исправном и бодром виде.

7 марта Наследник Цесаревич выехал из Петербурга за границу, чтобы присутствовать при освящении часовни, построенной в Ницце на месте той виллы, где скончался великий князь Николай Александрович[10]. Цесаревич пробыл два дня в Берлине по случаю дня рождения короля Вильгельма**, присутствовал при открытии королем рейхстага и, выехав из Берлина вечером 11-го числа, прибыл в Ниццу 13-го — накануне дня, назначенного для освящения часовни. Торжество это совершилось 14 марта в присутствии французских местных властей, многих русских обитателей Ниццы и с участием в церемонии французского пехотного полка, составлявшего гарнизон города. Впоследствии послу нашему в Париже повелено было выразить императору Наполеону благодарность Государя за оказанный во Франции радушный прием Наследнику Цесаревичу. На возвратном пути из Ниццы Его Высочество останавливался в Стутгардте, Дармштадте и Берлине, а 22-го числа возвратился в Петербург.

Обычный осмотр Государем картографических работ военного и морского ведомств происходил заведенным порядком 20 марта, в среду, на Вербной неделе, а полковой праздник лейб-гвардии Конного полка на этот раз состоялся 24 марта вместо 25-го числа, праздника Благовещения, который пришелся в этом году в понедельник Страстной недели.

---

* В автографе далее зачеркнуто: «Всеми войсками Государь остался доволен» (*примеч. публ.*).

** В автографе далее зачеркнуто: «...и крестил первого сына наследного принца Прусского. Цесаревич был восприемником новорожденного» (*примеч. публ.*).

Николаевская часовня в Ницце

Светлое воскресение 31 марта ничем особенным не ознаменовалось, кроме обыкновенных наград по военному ведомству и производства в чины по гвардии. В числе наград и мне пожалован орден Св. Владимира 1-й степени, графу Гейдену — Св. Александра Невского, а генерал-лейтенант Непокойчицкий произведен в полные генералы. По гражданскому ведомству утверждены в должностях: министр юстиции — граф Пален и товарищ его — тайный советник Перцов.

Накануне Светлого воскресения, 30 марта, кончил жизнь тайный советник Пётр Александрович Дубовицкий, после продолжительной и тяжкой болезни (рака в груди и водяной). Военное министерство лишилось в нем весьма полезного деятеля. Это был один из тех редких людей, которые не ищут в службе одного лишь удовлетворения своего честолюбия и тщеславия или материаль-

П.А. Дубовицкий

ных средств к жизни, а предаются всецело и с любовью своей служебной деятельности, чтобы работать на пользу общего дела. Состоя более 10 лет президентом Медико-хирургической академии, Дубовицкий выказал большую энергию и умение в постепенном развитии этого учреждения как в учебном, так и в материальном отношении. Можно сказать, что ему обязана Академия тем, что она совершенно преобразилась и стала в число замечательнейших в Европе ученых и учебных медицинских учреждений. В должности Главного военно-медицинского инспектора ему пришлось

быть недолго, а потому он и не успел сделать что-либо существенное по устройству военно-медицинской части; однако ж он работал неутомимо до последних дней жизни, несмотря на тяжкие страдания, вынесенные им в течение почти пяти месяцев. Он умер на 54-м году жизни, когда можно было еще ожидать от него много полезного для военно-медицинского ведомства. Притом это был человек необыкновенно симпатичный; он делал много добра и заслужил общее уважение.

3 апреля, в среду на Святой неделе, происходило отпевание покойника в Сергиевском соборе, на Литейной, при большом стечении народа; потом тело было перевезено в Москву и погребено в Донском монастыре.

Смерть П.А. Дубовицкого поставила меня в большое затруднение относительно выбора преемника ему. В военно-медицинском ведомстве не было в виду человека, вполне способного стать во главе этого ведомства, человека, соединяющего в себе опытность административную с авторитетом в медицинском мире. Наиболее соответствовал этим условиям тайный советник Козлов, состоявший членом Военно-медицинского комитета; но против него существовало в то время какое-то предубеждение как в среде врачей, так и в обществе; только впоследствии имел я случай ближе узнать эту личность. Явилась было мысль привлечь снова на службу знаменитого нашего хирурга Николая Ивановича Пирогова, проживавшего в то время в своей деревне, в Киевской губернии, и, как носились слухи, отдавшего себя в руки евреев. Я обратился к нему письмом с предложением занять место Главного военно-медицинского инспектора, но получил в ответ заявление таких условий относительно денежного вознаграждения и других, что принять их оказалось совершенно невозможным, — и пришлось, к сожалению, остановиться на временной мере: заведование Главным военно-медицинским управлением было возложено на старшего из членов Военно-медицинского ученого комитета тайного советника Елеазара Никитича Смельского — человека доброго, почтенного, но крайне мягкого, слабого и не пользовавшегося авторитетом в медицинском мире.

В течение зимы 1867—1868 гг. произошла перемена в личном составе высшего военного управления на Кавказе. Я имел уже случай упомянуть, что еще осенью генерал-адъютант Карцов, помощник главнокомандующего, вынужден был уехать за границу,

Д.И. Святополк-Мирский

для восстановления своего здоровья, крайне расстроенного усиленными занятиями, а еще более огорчениями и неприятностями, которые он испытывал в последнее время[11]. С отъездом Карцова должность его исправлял генерал-адъютант князь Святополк-Мирский (Дмитрий Иванович), которому нетрудно было, при его польской гибкости и вкрадчивости, завладеть великим князем и попасть в милость великой княгини. Его Высочество давно уже желал высвободиться из-под мнимой опеки Карцова, находя более удобным для себя иметь ближайшим помощником такого по-

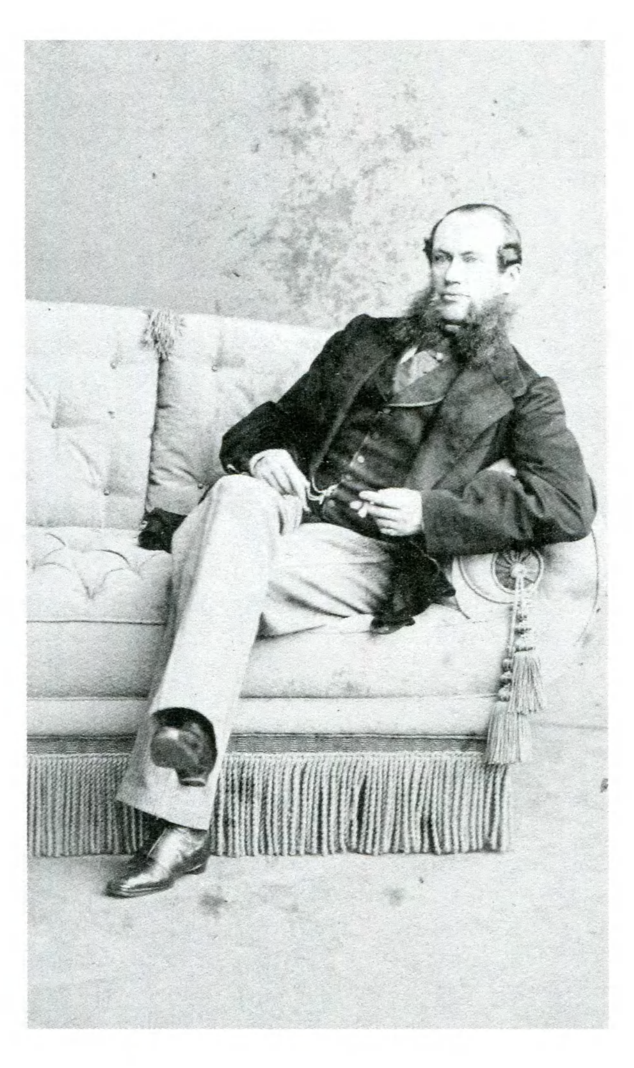
датливого и приятного в обществе человека, каков князь Святополк-Мирский, чем серьезного, дельного и стойкого Карцова. В январе 1868 года, когда последний, проживая в Бадене, только что начинал поправляться в своем здоровье и обратился к великому князю с просьбою продлить заграничный отпуск еще на два месяца, Его Высочество, дав на то свое согласие, вместе с тем заявил генералу Карцову о своем намерении изменить на будущее время существовавшее собственно для Кавказского округа особое положение о помощнике главнокомандующего, в том смысле, чтобы применить к нему общее положение, то есть поставить начальников отделов военно-окружного управления в непосредственные отношения к самому главнокомандующему, с предоставлением помощнику его только присутствовать при докладах начальников отделов и председательствовать в военно-окружном совете. Это было прямым намеком Карцову, чтобы он не возвращался к своей должности. Карцов, давно уже тяготившийся своим положением, обратился ко мне с просьбою об устройстве его дальнейшей службы. О том же просил меня и сам великий князь в письме от 25 марта[12]. По докладу моему последовало назначение Карцова членом Военного совета, а князя Святополка-Мирского — помощником главнокомандующего, но уже на новых, предположенных Его Высочеством основаниях.

В приказе по Кавказской армии 14 мая, объявляя об увольнении генерала Карцова, великий князь не мог не отдать должной справедливости высоким достоинствам и заслугам прежнего своего начальника штаба, а потом помощника. Его Высочество выразил свою благодарность, «за оказанное ему генералом Карцовым содействие, в особенности за ту *честную* поддержку, которую всегда находил в его мнении и за полезнейшие личные труды его по разрешению многосложных задач, неизбежно возникавших одна за другою как в заключительный период Кавказской войны, так и вслед за окончанием оной»[13].

Около того же времени последовала довольно значительная перемена и в нашем дипломатическом корпусе — увольнение от должности посла нашего в Париже барона Будберга и назначение на его место генерал-адъютанта графа Стакельберга. Перемена эта произошла вследствие неприятного столкновения, которому барон Будберг подвергся с полоумным человеком, проживавшим в Париже — бароном Мейендорфом, бывшим конногвардейским офицером, сыном известного барона Александра Казимировича

Мейендорфа, бывшего некогда послом в Вене, а потом членом Государственного совета. Обстоятельства этого странного дела были объяснены в официальной статье «Северной Почты» (тогдашней правительственной газеты Министерства внутренних дел) в таком виде[14]:

Еще в начале 1867 года барон Будберг получил от Парижской префектуры уведомление о разных насильственных поступках и странном поведении барона Мейендорфа, подававших повод предполагать ненормальное состояние его умственных способностей. Посол поручил советнику посольства Чичерину письменно посоветовать барону Мейендорфу, чтобы он был осторожнее и в случае, если имеет какие-либо неприятности в Париже, переехал в другое место. Барон Мейендорф, вообразив себе, что предостережение это вызвано жалобою, принесенною послу одним знакомым ему лицом, с которым действительно барон Мейендорф имел столкновение, вызвал это лицо на поединок; но барон Будберг дал письменное удостоверение в том, что никакой жалобы от того лица не получал, и поединок не состоялся. Казалось, что дело тем и кончится; прошел после того целый год, и проделки барона Мейендорфа были позабыты, но в феврале 1868 года, когда барон Будберг возвращался из Петербурга в Париж, на пограничной бельгийской станции Вервье вдруг напал на него барон Мейендорф с револьвером в руке; он был удержан некоторыми из присутствовавших при этом лиц и арестован. Бельгийские судебные власти, по снятии с него допроса, постановили освободить его от преследования, по причине замеченного в нем отсутствия рассудка (défaut de discernement). Но Мейендорф, получив свободу, отправился в Лондон и добыл там от двух врачей свидетельство в том, что они нашли его в здравом уме, хотя и страдающим сильною раздражительностью сердца (grande irritation du coeur); с этим свидетельством он приехал в Париж и вызвал барона Будберга на дуэль. Приглашенные последним в секунданты генерал-адъютант Бетанкур и флигель-адъютант полковник Новицкий (наш военный агент в Париже) пытались отклонить посла от поединка с человеком, лишенным рассудка, и обратились к парижским психиатрам с просьбою освидетельствовать больного. Однако ж данное врачами свидетельство, признававшее в Мейендорфе лишь сильную нервную раздражительность (impressionabilité et sensibilité peu ordinaires), признано было недостаточным пово-



А.Ф. Будберг

дом к отклонению вызова, и дуэль состоялась 2/14 апреля в окрестностях Мюнхена. Барон Будберг был слегка ранен и возвратился в Париж в ожидании решения на поданное им прошение об увольнении от должности. Решение это последовало 13 апреля, и вскоре за тем барон Будберг выехал из Парижа. Пред отъездом его весь дипломатический корпус в Париже выразил ему сочувствие данным в его честь большим обедом. Вскоре потом (20 мая) он был назначен членом Государственного совета.

Преемником барону Будбергу назначен посол наш в Вене граф Стакельберг, о котором я имел уже не раз случай упоминать в моих воспоминаниях. Назначение его было принято в Париже весьма благосклонно. При представлении им верительных грамот Наполеону III, последний выразился в следующих словах: «Представители императора Александра могут быть всегда уверены в том, что найдут у меня самый радушный прием. Императрица поздравила меня с выбором на пост русского посла лица, давно уже нам знакомого*. Не сомневаюсь в содействии Вашем сохранению существующих дружественных отношений между Францией и Россией, отношений, которым я придаю величайшее значение».

АПРЕЛЬ И МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ И ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Ко дню рождения Государя прибыл в Петербург 9 апреля великий герцог Саксен-Веймарский со старшим своим сыном. Государь встретил его на станции Варшавской железной дороги, со всеми почти членами царского семейства и свитой. Великий герцог Карл-Александр-Август, как уже было замечено в другом месте, был в двойном родстве с нашим Царским домом** и ровесник нашего Государя; с молодых лет отношения между ними были самые дружеские. Великий герцог прожил среди нашего царского семейства около шести недель (до 25 мая) и присутствовал на всех бывших в течение этого времени торжествах и военных смотрах.

Первым из этих торжеств было празднование 17 апреля дня рождения Государя, которому минуло 50 лет. В этот день Наследник Цесаревич назначен генерал-адъютантом; вечером был во дворце бал (в Концертном зале). Затем праздновался 22 апреля 50-летний юбилей зачисления Государя в гвардейские полки и назначения его шефом Лейб-гусарского полка. По этому случаю Государь принимал утром поздравления командиров и депутаций тех полков, которых считался шефом; празднование же собственно юбилея шефства лейб-гусар было отложено до 27-го числа, по случаю нездоровья императрицы. Однако ж в самый день 22-го числа Государь в 2 часа пополудни приехал в Царское Село, прямо в гусар-

---

* Намек на то, что граф Стакельберг был некогда нашим военным агентом в Париже, а позже посланником в Мадриде.

** Он был сыном русской великой княгини Марии Павловны и женат на дочери королевы Нидерландской Анны Павловны.

ские казармы. Полк был выстроен на дворе в пешем строю. Встреченный восторженными криками «ура», Августейший шеф полка поздравил его с пожалованием нового Георгиевского штандарта* и благосклонно принял от офицеров изящную серебряную группу на мраморном пьедестале**.

В тот же день рескриптом на имя Его Высочества Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа[15] объявлена новая милость Государя войскам гвардии: в видах облегчения материального положения офицеров повелено отпускать ежегодно по 300 тыс. рублей для выдачи пособий, в виде дополнительного содержания, в размере полугодового оклада жалования.

24 апреля представлен был Государю в Михайловском манеже[16] батальон лейб-гвардии Семеновского полка, обученный по новому Уставу батальонного учения, проектированному Главным комитетом по устройству и образованию войск. При этом пробном учении присутствовали великий герцог Саксен-Веймарский и множество начальствующих лиц. Бóльшую часть предположенных изменений в Уставе Государь одобрил и приказал представить на окончательное утверждение установленным порядком.

26-го числа, накануне назначенного торжества в Лейб-гусарском полку, Государь со всем царским семейством, прибыл около 4 часов пополудни в Царское Село. На станции железной дороги встретили Его Величество собравшиеся офицеры всех расположенных в Царском Селе частей гвардии, а вечером назначена была церемония прибивки пожалованного гусарам нового штандарта. Церемония эта происходила в одной из зал Большого дворца, обычным порядком, в присутствии начальства гвардейского, всех офицеров полка и съехавшихся по случаю торжества прежних лейб-гусар, из которых многие, по приглашению Государя, приняли участие в обряде прибивки гвоздей. В числе старейших лейб-гусар были: генерал от кавалерии барон Офенберг, бывший командир Резервного кавалерийского корпуса, служивший в полку с 1816 года; бывший московский предводитель дворянства Пётр Петрович Воейков, служивший в полку с 1822 года и явившийся на праздник в прежней лейбгусарской форме времен Александра I; бывший товарищ министра

---

* По установленному общему порядку знамена и штандарты заменяются новыми только в столетний юбилей, который для Лейб-гусарского полка предстоял только в 1876 году.

** Группа эта была установлена в одной из зал Большого царскосельского дворца.

иностранных дел Николай Алексеевич Муханов, современник Воейкова, и многие другие. По окончании церемонии прибивки, когда Государь и царское семейство удалились во внутренние покои, начальник штаба Петербургского округа Свиты генерал-майор граф Павел Андр[еевич] Шувалов по приказанию Его Высочества Главнокомандующего прочел пред всеми присутствовавшими Высочайший рескрипт о пожаловании ежегодной суммы на добавочное содержание гвардейским офицерам и объявил о предназначенных на следующий день наградах. Полковому командиру генерал-майору Свиты графу Воронцову-Дашкову пожалован орден Св. Станислава 1-й степени, полковой адъютант граф Толстой назначен флигель-адъютантом; все старшие в чине офицеры произведены в следующий чин, а некоторые получили ордена. Из числа служивших в полку в прежние времена старейший из присутствовавших генерал барон Офенберг зачислен в Лейб-гусарский полк; генерал-майор Свиты Слепцов, состоявший некогда полковым адъютантом, назначен генерал-адъютантом, а состоявший еще ранее в той же должности генерал-адъютант граф Ламберт (Иосиф) получил орден Белого Орла. Оба последние были потом адъютантами Государя, в то время, когда он был еще наследником престола[17].

27 апреля утром происходила церемония освящения нового штандарта. Полк был выстроен в конном строе на дворцовом дворе, фронтом ко дворцу. Под средним балконом дворца поставлен был шатер, в котором собрались придворные лица и духовенство. Новый штандарт был вынесен из дворца с обычным обрядом и поставлен у аналоя пред фронтом полка. По сторонам шатра стала свита Государя и вся масса присутствовавших лиц. Ровно в полдень Государь сел верхом и после обычной встречи полком, с криками «ура», сам принял команду; когда же на балконе дворца появились императрица и цесаревна[18], — обе в белых гусарских ментиках, опушенных бобром, — Государь скомандовал: «Господа офицеры» и, подъехав к балкону, отсалютовал, вторично раздались крики «ура». Затем императрица с цесаревною и свитой их сошли с балкона; все царское семейство стало под шатром, и началось молебствие, по окончании которого новый штандарт был окроплен освященною водою и вручен Государем командиру полка, который принял его, преклонив колено. Церемония была весьма торжественна, и погода вполне благоприятствовала. Когда штандарт был принят и стал на свое место во фронте, полк прошел церемониальным маршем, пред стоявшею снова на балконе

П.П. Альбединский в мундире лейб-гвардии Гусарского полка

императрицей. В голове полка ехал сам Августейший шеф; пред дивизионами — Наследник Цесаревич и прежний командир полка генерал-адъютант Альбединский; настоящий же командир полка граф Воронцов-Дашков ехал пред одним из эскадронов; великие князья Сергей Александрович и Николай Николаевич (Младший) ехали пред взводами; офицеров было так много, что почти пред всеми взводами ехало по два офицера. После церемониального марша полк сомкнулся в колонну; Государь подозвал к себе офицеров, поздравил их и благодарил за службу.

В 2 часа пополудни назначен был обед для всего полка в манеже, убранном с большим вкусом арматурою и зеленью. В четыре ряда уставлены были столы с обычным солдатским угощением; на эстраде же, устроенной для Императорской фамилии, поставлена была группа, поднесенная полком своему шефу. Другая эстрада, насупротив первой, была назначена для полковых дам. Когда съехалась вся царская семья, Государь вышел на середину манежа с чаркою водки в руке и провозгласил тост: «Пятидесятилетний шеф пьет за здоровье молодецкого Лейб-гусарского полка и благодарит за лихую и верную службу». Ответом было продолжительное «ура», и после нескольких еще других тостов Государь уехал, а гусары принялись за трапезу.

К 5 часам офицеры полка и все съехавшиеся на праздник были приглашены к обеду во дворец, а вечером на представление в Китайском театре[19]. При возвращении Государя и Царской фамилии из театра во дворец все офицеры полка провожали Их Величества верхом по иллюминованным аллеям парка.

К 11 часам вечера опять все участники праздника, сам Государь и великие князья съехались на ужин, приготовленный в полковом манеже, на 300 кувертов[20]. Государь оставался до часа ночи, а великие князья — и гораздо позже.

Таким образом, день 27 апреля весь прошел в непрерывном ликовании. Я не мог надивиться, как вынесли такой утомительный день некоторые из участвовавших в празднике ветхих старцев. Видно, есть в душе человеческой такие струнки, которые стоит только затронуть, чтобы вновь возбудить, хотя на короткое время, энергию даже в старческом, обветшалом организме.

В промежутке между описанными придворными торжествами прошло едва заметно в тесном кружке Генерального штаба скромное празднование 50-летнего юбилея службы достойного генерала Стефана, члена Военно-ученого комитета, бывшего начальника Николаевской академии Генерального штаба. Он был одним из немногих остававшихся на службе офицеров старого Генерального штаба; участвовал еще в Турецкой войне 1828 года и славился как отличный съемщик; позже он был профессором военной географии в Военной академии, а наконец, по смерти генерал-лейтенанта Ренненкампфа заступил его место в звании вице-директора академии. Как бывший его слушатель[21] я должен сознаться, что Густав Фёдорович Стефан был профессором не блестящим; говорил он плохо; самый курс его был слаб; так что впоследствии, наследовав от него

кафедру, я должен был совершенно преобразовать этот курс*. Также и в должности начальника академии он показал мало энергии и самостоятельности. Вообще он был человек скромный, даже робкий, но своим благодушием и честностью приобрел общее уважение. Существенную пользу принес он академии и вообще Генеральному штабу своею опытностью и практическими сведениями по топографической части. 21 апреля, в день пятидесятилетия офицерской его службы, утром ездил я поздравить старика вместе с начальником Главного штаба графом Гейденом и всеми наличными офицерами Генерального штаба; на другой же день в честь юбиляра дан был товарищеский обед в самых стенах академии.

С 26 апреля царское семейство оставалось уже в Царском Селе; ожидались вскоре первые роды цесаревны. 1 мая Государь и некоторые из членов Императорской фамилии приехали в Петербург, присутствовали на Екатерингофском гулянии[22], которому в этом году, в виде исключения, погода благоприятствовала, и остались ночевать в городе, по случаю назначенного на другой день большого парада на Марсовом поле. Благодаря прекрасной погоде, парад удался блистательно. После обычного завтрака у принца Ольденбургского Государь немедленно возвратился в Царское Село.

В первых числах мая прибыл в Царское Село фельдмаршал князь Барятинский. Болезнь помешала ему приехать ко дню рождения Государя и к юбилею шефства его; да и в самый день своего приезда он еще страдал подагрой, так что переехав с трудом со станции железной дороги во дворец, где было приготовлено ему помещение, он оставался в продолжение нескольких дней в постели. Князь Барятинский, как уже было сказано прежде[23], провел всю последнюю зиму в Женеве, и здоровье его, сравнительно, казалось удовлетворительным**. После семи лет, проведенных за границей в полном бездействии, подобно какому-нибудь эмигранту, он решился наконец возвратиться в Россию и поселиться в своем курском имении Ивановском.

6 мая цесаревна разрешилась благополучно сыном, нареченным Николаем[24]. Это было событие радостное для царской семьи.

---

* В автографе зачеркнут первоначальный вариант: «...преподавание военной географии и обратить его в курс военной статистики» (*примеч. публ.*).

** Княгиня Елизавета Дмитриевна Барятинская, после постигшей ее на Кавказе нервной болезни, возвратилась в Женеву осенью 1867 года.

Цесаревна Мария Фёдоровна с сыном Николаем

Крестины новорожденного происходили 20 мая в Царском Селе с особенною торжественностью. При церемониальном шествии чрез все залы Большого царскосельского дворца, в церковь дворцовую, новорожденного несла гофмейстерина княгиня Куракина, поддерживаемая с одной стороны государственным канцлером князем Горчаковым, с другой — фельдмаршалом князем Барятинским (поддержка не очень надежная, так как оба сановника сами плохо держались на ногах). Восприемниками были Государь и великая княгиня Елена Павловна, а кроме того, заочными — королева и наследный принц Датские. После церковного обряда и обратного шествия из церкви во внутренние покои, Наследник Цесаревич

принимал поздравления. В 5 часов был парадный обед, за которым особам Императорской фамилии прислуживали придворные чины и пажи, а тосты сопровождались тушами оркестра и пушечными выстрелами. Торжественный этот день ознаменовался разными наградами и царскими милостями: цесаревна облечена званием шефа Чугуевского уланского полка (которого шефом был прежде князь Василий Андреевич Долгоруков); состоявшему при Наследнике Цесаревиче, прежнему попечителю его генерал-адъютанту Николаю Васильевичу Зиновьеву пожалован орден Св. Владимира 1-й степени; почти все лица Двора Его Высочества также получили награды. Председатель Комитета министров действительный тайный советник князь Гагарин возведен в 1-й класс, а обер-гофмаршал граф Андрей Петр[ович] Шувалов — в звание обер-камергера*; бывший наш посол в Париже барон Будберг и сенатор действительный тайный советник Левшин назначены членами Государственного совета. По военному ведомству последовало большое производство в чины; в том числе 5 генерал-лейтенантов произведены в полные генералы (три члена Военного совета: Сутгоф, Лутковский и Шварц, член Государственного совета Веригин и генерал-адъютант Баранцов). К тому же дню приурочены были следующие царские милости войскам: повелено отпускать ежегодно определенные суммы всем частям войск армии на выдачу пособий нуждающимся офицерам; нижним чинам сокращен на 2 года срок выслуги к увольнению в бессрочный отпуск; наконец, Донскому казачьему войску пожаловано Георгиевское знамя «За Кавказскую войну».

Вскоре после крестин (25 мая) великий герцог Саксен-Веймарский с сыном уехал из Царского Села обратно в Германию. Фельдмаршал князь Барятинский оставался еще до 5 июня и затем отправился чрез Москву в свою курскую деревню. В Москве ему оказаны были всякого рода почести, на свидание с ним приехал из Калуги Шамиль[25] с сыном и зятем. 8 июня князь Барятинский выехал из Москвы и пробыл несколько дней у своего зятя графа Орлова-Давыдова[26] в имении его в Серпуховском уезде, куда пригласил с собою и прежнего своего пленника Шамиля. 20 июня он прибыл в свое имение близ города Льгова.

На торжестве 20 мая из Царской фамилии не присутствовали великие князья Владимир и Алексей Александровичи. Оба они в

* В звании этом состоял прежде князь Вас[илий] Анд[реевич] Долгоруков.

то время путешествовали. Алексей Александрович, выехав из Царского Села 10 мая, проехал чрез Тверь на Рыбинск, а Владимир Александрович, начав путешествие 15-го числа, чрез Москву прибыл в Нижний; затем оба ехали по Волге, съезжались в некоторых пунктах и потом опять расставались. Сопровождали их: генерал-адъютант граф Перовский, контр-адмирал Бок и флигель-адъютант Литвинов — Владимира Александровича, а генерал-адъютант Посьет, флигель-адъютант капитан 2-го ранга барон Шилинг, действительный статский советник Веселаго (бывший моряк) и англичанин Мечин (бывший учитель английского языка) — великого князя Алексея Александровича. Из Самары Владимир Александрович направился в Сибирь чрез Оренбург и Омск, великий князь Алексей Александрович продолжал путь вниз по Волге до Астрахани, далее по Каспийскому морю до берегов Персии и обратно в Петровск, откуда сухим путем проехал чрез Дагестан во Владикавказ. Здесь он был встречен великим князем Михаилом Николаевичем, вместе с которым и прибыл в Тифлис (20 июня), а потом чрез Кутаис в Поти, где великого князя ожидал фрегат «Александр Невский» для дальнейшего морского плавания.

Приезд фельдмаршала князя Барятинского был для меня на этот раз совершенно неожиданным поводом к новым неприятностям и огорчениям. После недавнего нашего с ним свидания в Женеве (в сентябре 1867 года) и полученного от него еще в феврале весьма любезного письма, не могло мне прийти на мысль, что наши близкие, почти дружеские отношения так скоро обратятся в открытую вражду[27].

При встрече фельдмаршала на станции железной дороги, где по обыкновению собралось довольно много лиц, он имел вид болезненный, утомленный. На другой день утром я пошел навестить его. Он принял меня, хотя и лежал в постели; но с первых же слов я не мог не заметить, что обращение его со мной было совсем иное, чем при наших прежних свиданиях. Сначала я приписал эту перемену болезненному его состоянию и, отвечая на некоторые его вопросы с привычною в отношении к нему откровенностью и доверием, начал было рассказывать о тех неприятностях, которые вынес я в последнее время, об интригах и враждебных против меня действиях графа Шувалова и его сподручников. Князь Барятинский, слушавший меня молча, вдруг перебивает меня таким странным замечанием: «Скажите, пожалуйста, Д[митрий] А[лек-

сеевич], когда у Вас столько врагов, зачем же Вы еще увеличиваете число их, возбуждая против себя и прежних своих друзей?» Я посмотрел на него с удивлением, с вопросительным выражением, — и тогда он высказал свое неудовольствие на меня по поводу Высочайше утвержденного нового Положения о полевом управлении армии в военное время[28]. Я был совершенно озадачен такими неожиданными упреками. Прежде всего, князь Барятинский считал себя обиженным тем, что такое важное Положение прошло без ведома его — фельдмаршала русской армии. Как ни пытался я уверить его в несправедливости этого упрека, объяснив, что первый проект нового Положения был в свое время сообщен и на его заключение, несмотря на его пребывание за границей и болезненное его состояние, но что никакого ответа от него не было получено, — князь Барятинский продолжал отрицать сообщение ему проекта и высказал намерение подать Государю свое мнение против нового Положения. Мы расстались с ним весьма холодно. На другой день я послал ему справку о том, когда и за каким номером был послан ему первый проект Положения; но справка эта не успокоила его. Он жаловался Государю, который передал мне потом свои разговоры с фельдмаршалом. Сущность неудовольствия его на новое Положение заключалась в том, что оно будто бы умалило значение главнокомандующего армией, поставив его в какое-то зависимое положение от военного министра. Ничего подобного не было в новом Положении. Я пробовал убедить в этом князя Барятинского при свидании с ним, но пришел к тому заключению, что в нападках его на новое Положение не было ничего другого, кроме личных побуждений тщеславия и честолюбия. Впоследствии я узнал, что к нему являлся за границей известный интриган Ростислав Фадеев, пользовавшийся некогда покровительством князя Барятинского на Кавказе, желавший потом перейти в Военное министерство и вследствие неудачи оставивший вовсе службу с чином генерал-майора*. Фадеев, помещавший некогда в «Русском Вестнике» хвалебные статьи о преобразованиях в военном ведомстве в первые годы моего управления министерством, сде-

---

* Великий князь Михаил Николаевич, в один из своих приездов в Петербург, просил меня избавить его от Фадеева, причислив его к Военному министерству; но когда я выразил опасение, что Фадеев, покинув службу на Кавказе и поселившись в Петербурге, может сделаться еще более неудобным для кавказского начальства своим желчным пером, то Его Высочество признал справедливость моего замечания и пожелал, чтобы Фадеев был оставлен на Кавказе.

Р.А. Фадеев

лался потом отъявленным противником тех же преобразований и личным моим врагом; начал печатать статьи против всего, что делалось в Военном министерстве, издал несколько брошюр, имевших характер военно-политических памфлетов, наделавших много шума в Европе и забот нашему Министерству иностранных дел[29]. Фадеев, бойкий на языке и на письме, двуличный, лукавый и льстивый, легко мог втереться снова в милость фельдмаршала, скучавшего в праздной своей жизни за границей. По всем вероятиям, Фадеев, зная вполне слабые струны князя Барятинского, и подбил его восстать против нового Положения.

Фельдмаршал, как уже упомянуто, прожил в Царском Селе до 5 июня; я мало с ним виделся. После первых попыток вразумить его, разъяснить недоразумение, убедившись, что нападки его уже приняли характер личной против меня враждебности, перестал навещать его. Он уехал из Царского Села, обещав Государю при-

слать из деревни свое письменное мнение относительно нового Положения о полевом управлении армии. Вслед за отъездом фельдмаршала и Фадеев отправился к нему в Ивановское.

В половине мая я переселился со своею семьей в Царское Село, где нанял на лето удобную дачу, на бульваре, близ железнодорожной станции. Здесь 23 мая мы с женой праздновали нашу серебряную свадьбу. По этому случаю получили множество поздравлений и в том числе весьма любезную телеграмму от великой княгини Екатерины Михайловны с Каменного острова. Два дня спустя жена выехала за границу.

В то время больная наша Оля еще находилась в Бадене, где провела всю зиму в одном доме с больным братом моим[30]. Зима эта отразилась неблагоприятно на состоянии ее здоровья; только с наступлением весенней теплой погоды она начала оживляться вместе с природой. Брат переселился из центра города на окраину его, где нашлась удобная дача (villa Nyvenheim) с садом, довольно просторная для помещения не только его семьи, но и моей дочери и даже ожидавших ее приезжих. Брат со своим обычным гостеприимством желал, чтобы все приезжавшие в Баден для свидания с ним останавливались у него в доме. Тем и приятно было для него пребывание в Бадене, что он постоянно пользовался обществом людей, ему сочувственных, попеременно навещавших его. В конце апреля проезжал чрез Баден наш знаменитый врач Сергей Петрович Боткин, с которым мы были в самых лучших отношениях. Он внимательно осмотрел и брата, и дочь мою (которую ему случилось видеть впервые). Брату он присоветовал безусловно вильдбадские ванны, наперекор мнению Фридрейха, уверявшего, что эти ванны будут гибельны для больного. Что же касается дочери, то Боткин также посоветовал *попробовать* те же ванны, но избегать вообще всяких лишних лекарств и только пользоваться благоприятным влиянием чистого воздуха, а на зиму переселиться куда-нибудь в Италию. Такой совет совпал в полной мере с инстинктивными желаниями больной, которую постоянно какая-то сила тянула на юг.

29 мая жена моя, подъезжая к Бадену, съехалась неожиданно с невесткою Мариею Аггеевною Милютиной, возвращавшеюся туда из Шлангенбада, где она провела с сыном[31] около месяца, а вслед за тем приехала из Одессы сестра Мария Алексеевна Мордвинова, не видевшая еще брата Николая после его болезни. Таким образом, к началу июня образовался в доме брата в Бадене многочис-

ленный семейный съезд, и тогда решено было, согласно с мнением доктора Боткина, всей семье переехать в Вильдбад.

ДЕЛА СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ

Учреждение нового генерал-губернаторства и военного округа в самой глубине азиатского материка было важным и решительным шагом нашей политики в этой части света[32]. Генерал-адъютант Кауфман с прибытия своего в Ташкент (10 ноября 1867 года) усердно принялся за организацию управления во вверенном ему крае. С этою целью образовано несколько комиссий, которые были разосланы во все части края для собирания необходимых сведений, составления новых Положений и для разъяснения местному населению вводимых порядков. Казалось, что этот дикий, неприглядный край пробуждался от многовекового сна и вызывался к новой жизни под эгидою России.

Одною из важнейших задач для туркестанского главного начальника было установить добрые отношения с соседними ханствами. Генерал Кауфман получил как от министерств иностранных дел и военного, так и лично от самого Государя, положительное указание — избегать всяких новых завоеваний, всякого распространения пределов империи, как бы ни казались эти приобретения заманчивыми и легкими. Цель нашей политики в том крае должна была состоять в том, чтобы соседние ханства подчинить лишь нравственному нашему влиянию, установить мирные и торговые с ними сношения и прекратить грабежи в наших пределах. В таком смысле генерал Кауфман с самого приезда своего в Ташкент и вошел в сношения с владетелями Коканским, Бухарским и Хивинским, а впоследствии и с Кашгарским. Известив их письмами о своем приезде и вступлении в должность, генерал Кауфман объявил им волю русского царя водворить спокойствие в подвластном крае и дружбу с соседями. Хану Коканскому Худояр-хану предложено было войти в переговоры о заключении мирного договора, а бухарскому эмиру Музафару — утвердить те условия, которые были уже предъявлены ему генералом Крыжановским[33].

Хан Коканский немедленно прислал в Ташкент доверенное лицо для переговоров о заключении договора и выказал полную готовность войти в соглашение. Со своей стороны и генерал Кауфман еще в ноябре 1867 года отправил в Кокан посольство, во главе которого был офицер Генерального штаба Шауфус. Посоль-

ство это было принято с должным почетом и возвратилось в начале 1868 года с договором, утвержденным Худояр-ханом[34]. Договором этим установлена полная равноправность русских купцов в коканских владениях и коканских — в пределах России. Вслед за тем отправился из Ташкента караван купца Первушина чрез Кокан в Кашгар и совершил эту рискованную операцию с полным успехом. Другой караван, купца Хлудова, благополучно прошел прямо в Кашгар со стороны озера Иссык-Куль.

Не так удачен был исход сношений с эмиром Бухарским и с ханом Хивинским. Последний вовсе не дал ответа на заявление русского генерал-губернатора; в хивинских владениях удерживались попавшие в плен русские, и по временам шайки хивинские продолжали свои набеги на подвластных России киргизов. Бухарский же эмир, хотя и прислал в Ташкент своего посла для переговоров и выдал взятого в плен в предшествовавшем году бухарскою шайкою русского офицера с тремя нижними чинами*, однако ж не давал прямого ответа на требование генерала Кауфмана об утверждении предъявленных генералом Крыжановским условий мира. Бухарский посол прибегал ко всяким ухищрениям истинно азиатской дипломатии, чтобы тянуть переговоры без всякого результата, так что генерал Кауфман был вынужден предложить ему возвратиться в Бухару, чтобы лично разъяснить эмиру недоразумения, возбуждавшиеся умышленно одно за другим. Так прошло много времени; с первыми же признаками весны снова показались на границах наших с Бухарой шайки, против которых генерал Кауфман должен был выслать к Яны-Кургану несколько сотен казаков и в то же время выдвинул к горам Нура-Тау небольшой отряд майора Грипенберга, для выбора места под предположенное новое пограничное укрепление. Будущая наша граница предположена была по хребтам гор Кашгар-Даван, Нура-Тау и Бакан-Тау. Отряд Грипенберга был встречен у села Укума выстрелами в то самое время, когда в Ташкент прибыл новый посланец от эмира, будто бы с поручением окончательно разъяснить возникшие недо-

* В сентябре 1867 г. артиллерийский поручик Служенко по собственной неосторожности был захвачен бухарскою шайкой. На письма генерал-майора Мантейфеля и полковника Абрамова к самому эмиру и к беку Самаркандскому о выдаче пленных получены были ответы весьма неудовлетворительные. В октябре того же 1867 года посланный полковником Абрамовым отряд майора Штемпеля разорил селение, служившее гнездом хищнических шаек, но Служенко оставался в плену до февраля 1868 года.

разумения. Однако ж и на этот раз переговоры тянулись бесплодно, а между тем приходили из бухарских владений известия о деятельных приготовлениях к войне, что заставило генерала Кауфмана отложить предположенную им поездку в Петербург.

Впоследствии выяснилось, что эмир Бухарский не решался на заключение договора с русскими под давлением духовенства и многочисленной партии, враждебной русским. Народ, недовольный произвольными и тяжелыми поборами, вызванными отчасти войною, не мог простить эмиру понесенных им от русских поражений. Некоторые из подвластных ему пограничных беков уже перестали повиноваться и почти отложились. В самой Бухаре возникли замыслы свергнуть Музафара, доведшего Бухару до небывалого унижения: эмир, чувствуя шаткость своего положения, угрожаемый заговорами, боялся окончательно уронить себя подписанием унизительных в глазах фанатиков условий договора с гяурами; но в то же время не решался и начать снова войну, после заданных уже ему тяжелых уроков. Когда же улемы собрались для постановления формального приговора («фетва»), обязывавшего эмира отомстить русским поражения, понесенные бухарцами в предшествовавшие годы, тогда Музафар-хан уже вынужден был провозгласить «газават», то есть священную войну.

Убедившись в невозможности избегнуть военных действий, генерал Кауфман стянул к Яны-Кургану отряд из $21^1/_2$ роты, $4^1/_2$ сотен конницы при 16 орудиях. Но еще прежде открытия военных действий, первою для бухарского эмира неудачею была измена состоявшего у него на службе отряда афганцев, под начальством Искендер-хана, одного из многочисленных внуков Дост-Магомета. Недовольные на эмира за неполучение от него условленной платы, афганцы объявили, что не хотят долее служить ему: Искендер-хан со 140 афганцами явился на нашу границу с предложением своих услуг русским против бухарцев. Другою чувствительною для эмира неудачей были уклончивые ответы ханов Коканского и Хивинского на приглашение принять участие в «священной» борьбе против русских.

1 мая генерал Кауфман начал наступательные действия от Яны-Кургана к Самарканду. И тут эмир еще пытался замедлить движение русских хитростью, выслав вновь переговорщика с вероломными обещаниями. Но генерал Кауфман не остановился и атаковал бухарские скопища, занявшие сильную позицию на высотах за рекою Заравшан. Бухарцы были сбиты и бежали, оставив

всю свою артиллерию (21 орудие) и лагерь. Наша потеря была совершенно незначительна. Жители Самарканда, видя поражение эмира, заперли ворота и не впустили в город бежавшие войска бухарские, а выслали депутацию к генералу Кауфману с изъявлением покорности. Войска наши вступили в город и заняли цитадель. В тот же день город принял свой обычный вид; лавки открылись и попрятавшиеся в окрестностях семейства горожан начали возвращаться в свои жилища.

За успешное дело под Самаркандом пожалованы Государем щедрые награды: генералу Кауфману — орден Св. Георгия 3-й степени; генерал-майору Головачеву — Св. Станислава 1-й степени с мечами; полковники Абрамов и Жаринов (испр[авлял] должн[ость] окружного начальника артиллерии) — произведены в генерал-майоры; афганский выходец Искандер-хан, согласно с ходатайством генерала Кауфмана, зачислен в русскую службу с чином подполковника. Всем нижним чинам отряда выдано по 3 рубля.

По занятии Самарканда генерал Кауфман отправил легкие отряды в разные стороны, чтобы выгнать неприятельские войска из укрепленных пунктов: Чилека, Ургута, Каты-Кургана. Под Ургутом произошло (12 мая) довольно жаркое дело; однако ж наши войска овладели крепкою цитаделью, с небольшою потерей. Каты-Курган занят 18 мая без сопротивления. Генерал Кауфман, приехав туда, нашел двух уполномоченных от эмира; но в то время, когда они толковали об условиях мира, бухарские скопища снова произвели (28 мая) нападение на передовой наш отряд у Каты-Кургана и приготовились к обороне на новой позиции у Сары-Булака, а с другой стороны Самарканду угрожали скопища, собранные беками Шахрисябсскими у Кара-Тюбе. Высланный против этого скопища отряд полковника Абрамова разбил и рассеял неприятеля, а сам генерал Кауфман, усилив катыкурганский отряд до 18 рот и 6 сотен при 14 орудиях, двинулся к Сары-Булаку и 2 июня нанес окончательное поражение силам эмира.

Между тем беки Шахрисябсские, несмотря на свою неудачу у Кара-Тюбе, не отказались от покушения на Самарканд, где оставлен был лишь слабый гарнизон из 4 рот пехоты, 1 роты сапер и 2 орудий под начальством майора Штемпеля. Ввиду чрезмерной обширности города, малочисленный наш гарнизон должен был ограничиться занятием лишь цитадели, которая приводилась поспешно в оборонительное положение. Майор Штемпель воспользовался всем, что только нашлось под рукой для обеспечения

цитадели от нападения открытою силой, даже оставшимися бухарскими заклепанными пушками. В цитадели образовался значительный склад запасов всякого рода; приняты были меры и к обеспечению ее водою. Все эти предосторожности оказались нелишними. С удалением генерала Кауфмана с главными силами от Самарканда к Каты-Кургану шахрисябсские беки Баба-бек и Джура-бек со скопищем собранных со всей окрестной страны вооруженных жителей двинулись к Самарканду и вошли в тайное соглашение с жителями самого города о нападении общими силами на слабый русский гарнизон цитадели. Вероломство самаркандцев обнаружилось тогда только, когда 2 июня (день боя при Сары-Булаке), огромные толпы шахрисябцев, кипчаков и самаркандцев неистово бросились на штурм цитадели со всех доступных сторон. Гарнизон оборонялся отчаянно и отбил несколько приступов. На другой день, 3-го числа, нападения возобновились еще с большею силой и опять отбиты, несмотря на понесенные уже значительные потери в малочисленном гарнизоне. В этой двухдневной отчаянной борьбе дрались все: и нестроевые, и больные из лазарета, и купцы с приказчиками своими. В следующие пять дней нападения продолжались уже с меньшим упорством, а 8 июня, когда к Самарканду уже подходил на выручку генерал Кауфман с главными своими силами, геройский гарнизон цитадели даже перешел сам в наступление и преследовал последние, уходившие из города толпы неприятельские. За все время 8-дневного боя в этой горсти молодцов выбыло из строя 6 офицеров и 213 нижних чинов.

Поражение бухарских войск при Сары-Булаке и геройское отражение скопищ, нападавших на горсть русских в Самарканде, образумили наконец советников эмира и убедили их в невозможности дальнейшего сопротивления русским силам. Музафар-хан поспешил остановить движение русских войск к самой столице его, изъявлением полной покорности воле русского царя. Генерал Кауфман, благодаря быстрым и энергическим действиям, окончательно смирил Бухару, постановив по собственному своему усмотрению условия мирного договора и предоставив себе впоследствии свести расчеты с беспокойными беками Шахрисябсскими и с вероломными жителями Самарканда.

Успехи нашего оружия против Бухары, сохранявшей еще в глазах азиатцев какой-то призрак былого величия, отозвались далеко за пределами Средней Азии. Особенно встревожились англичане, не переносившие равнодушно и самого маловажного успеха

нашего в этой части света[35]. В Индии распространилось даже известие о том, что русские заняли уже самый город Бухару и что владения эмира поглощены ненасытным честолюбием северного великана.

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ

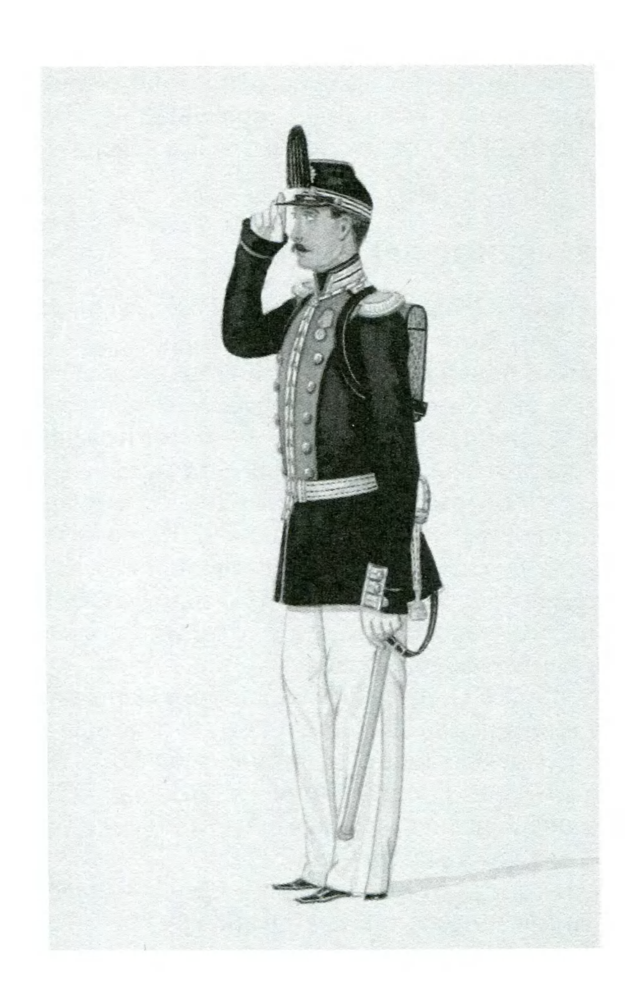
Насколько первые месяцы 1868 года отличались чрезмерными холодами, настолько же лето было необыкновенно жаркое. Засуха была поводом к большим и почти ежедневным пожарам как в самом Петербурге, так и в окрестностях его. Везде горели леса и луга; вся атмосфера была пропитана дымом и гарью. Из Красносельского и Усть-Ижорского (саперного) лагерей посылались в разные стороны войска, чтобы вместе с крестьянами останавливать по возможности распространение огня. Такая же засуха и такие же пожары составляли почти во всей России страшное бедствие для народа, еще не оправившегося от голода. В довершение беды, во многих местностях, — в том числе и в окрестностях Петербурга, — появилась на скоте сибирская язва.

Живя со своими дочерьми в Царском Селе, я не мог, конечно, избежать частых поездок в город по делам службы; тем не менее жизнь на даче доставляла мне большое облегчение, пока Государь оставался также в Царском Селе. К сожалению, эта жизнь продолжалась недолго: уже в июне начались беспрерывные поездки с Государем то в Красное Село, то в Петергоф.

В этом году сбор войск гвардии под Красным Селом начался и окончился ранее обыкновенного, так как врачи признали необходимым для поправления здоровья Государя, так же как и для императрицы, курс лечения киссингенскими минеральными водами.

К 10 мая уже была окончена практическая (т. е. учебная) стрельба артиллерии; с 19-го числа начала собираться в лагерь пехота, а 1 июня прибыла и кавалерия. Сводная саперная бригада (состоявшая из гвардейского, гренадерского, 7-го и 1-го резервного саперных батальонов) в первый раз расположилась (с 25 мая) в новом лагере — близ Усть-Ижоры, на левом берегу Невы. Лагерь этот был устроен со всеми удобствами, под ближайшим руководством командира бригады генерал-майора Зейме 1-го.

Первый приезд Государя в Красное Село был 11 июня на смотр лейб-гвардии Финского стрелкового батальона (прибыв-

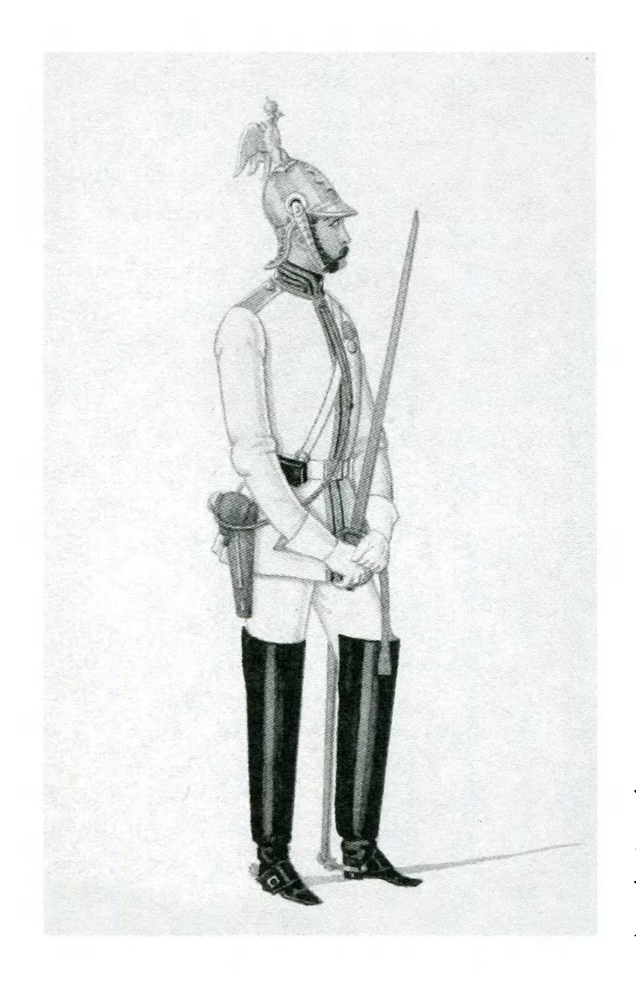


Лейб-гвардии Финского стрелкового батальона обер-офицер в летней парадной форме. Рисунок императора Александра II

шего из Финляндии), двух бригад армейской артиллерии (22-й и 24-й) и лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. С 18 июня Их Величества переселились в Петергоф, и 19-го числа я получил от Государя приказание приехать туда с докладом в следующий день (четверг). Вечером того же 20-го числа назначен был объезд Красносельского лагеря, затем парадная заря[36] и открытие Красносельского театра. Чтобы не опоздать к докладу, я приехал в Петергоф с вечера, в среду, прямо из Царского Села, на почтовых, и спокойно лег спать. Ночью был я разбужен фельдъегерем, прискакавшим ко мне из дворца (так называемой фермы)[37], с известием, что Государь, внезапно выехав в Красное Село, очевид-

Лейб-гвардии Финского стрелкового батальона стрелок в летней походной форме. Рисунок императора Александра II

но, чтобы поднять войска «по тревоге», приказал мне приехать туда с докладом. Когда я прибыл в Красное Село рано утром с первым поездом железной дороги, весь лагерь уже крепко спал после произведенного Государем внезапного двухстороннего маневра. Тревога и маневр обошлись совершенно благополучно, и всеми войсками Его Величество остался вполне доволен, но предполагавшиеся вечером того же дня объезд лагеря и заря были отменены по случаю нездоровья цесаревны. Приняв доклад мой, Государь возвратился к обеду в Петергоф, а к вечеру опять приехал в Красное Село по случаю предстоявшего на другой день полкового праздника Кирасирского Его Величества полка.



Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка рядовой в караульной парадной форме. Рисунок императора Александра II

Обычный в этом случае парад с молебствием происходил в саду пред дворцом великого князя Константина Николаевича, а по окончании парада все офицеры полка, начальствующие лица и свита были приглашены к завтраку в так называемой столовой палатке. После завтрака Государь возвратился в Петергоф.

На 24 июня я получил приказание сопровождать Государя в Кронштадт на смотр эскадры, отправлявшейся в практическое плавание. По этому случаю приехал я в Петергоф накануне вечером. В назначенный день в 11 часов утра Государь отправился с петергофской пристани на яхте «Александрия» в сопровождении великого князя генерал-адмирала; в свите находились кроме меня

управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе, эскадр-майор генерал-адъютант Сколков, контр-адмирал барон Таубе, Перелешин, Попов, Бутаков, Горковенко и еще несколько моряков. На восточном рейде Кронштадта была вытянута линия мониторов, а на большом рейде стояли броненосные суда; всего было на смотру до 23 военных судов. Государь посетил сначала фрегат «Дмитрий Донской», на котором гардемарины и кондукторы[38] только что возвратились из плавания в Атлантическом океане. Осмотрев фрегат во всех его частях, Его Величество приказал подать сигнал тревоги и, оставшись весьма довольным произведенным учением, поздравил юношей с производством в офицеры. Затем Государь осматривал форт «Константин» и одну из батарей северного фарватера (№ 10), после чего отправился в Ораниенбаум к великой княгине Елене Павловне. Я же вместе с адмиралом Краббе возвратился с ораниенбаумской пристани в Петербург.

25 июня на ночь Государь приехал в Красное Село, и на другой день утром происходил смотр стрельбы всей артиллерии (до 96 орудий). Результаты стрельбы из новых орудий оказались поразительно удачными. К обеду у Государя под шатром в саду приглашены были все начальники частей артиллерии. Около $7^1/_2$ часов вечера Государь с Наследником Цесаревичем (исполнявшим в этот день должность дежурного по лагерю) и частию свиты встречал на Красносельской станции железной дороги приехавшую из Петергофа императрицу с цесаревною, с великими княгинями* и придворными дамами. Со станции императрица проехала в шарабане в Красное Село, и оттуда начался обычный объезд лагеря. Проскакав большим галопом около 8 или 9 верст, мы сошли с лошадей у царской ставки большого лагеря, где обыкновенно происходит церемония вечерней «зари». Как всегда, съехалось множество любителей и любительниц военных зрелищ; погода на этот раз была вполне благоприятная. По окончании церемонии Царская фамилия и все начальство отправились в театр, вновь выстроенный в русском стиле и в более обширных размерах, чем бывший прежде на том же месте. Давали какую-то оффенбаховскую оперетку[39]. Я никогда не ездил в Красносельский театр, не только за неимением лишнего времени для забав, но и потому, что считал совершенно неуместным примешивать легкомысленные развлече-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Марией Александровной, Александрой Петровной, принцессой Евгенией Максимилиановной» (*примеч. публ.*).

ния к лагерным занятиям, на которые уделяется такое короткое время и на которые следовало бы, по моему мнению, смотреть гораздо серьезнее. Постоянно отказываясь от посещения Красносельского театра, я только тем и мог выразить свой протест против этой аномалии в лагерной обстановке, столь же несоответственной истинным условиям службы, как и многие другие, заведенные в гвардии порядки и обычаи, против которых бороться я был не в силах, так как они поощрялись свыше.

27 июня происходил общий смотр всем собранным под Красным Селом войскам. Всего было в строю 42 батальона, 40 эскадронов, 92 орудия. День был прекрасный жаркий, и войска представились в блестящем виде. По заведенному порядку после церемониального марша начальствующие лица были приглашены к завтраку, приготовленному на вершине так называемого Царского валика[40], и затем царское семейство и придворная свита уехали в Петергоф, но Государь возвратился вечером в Красное и на другой день, 28-го числа, смотрел учебные части войск и военные училища, а вечером — стрельбу пехоты и драгун. 29-е число Его Величество провел в семействе своем, по случаю дня именин великого князя Павла Александровича, а на 30-е число (воскресение) назначен был отъезд императрицы за границу.

В этот день, около 4 часов пополудни, Их Величества со своими детьми и цесаревной прибыли на пароходе из Петергофа в Петербург и после молебствий в Петропавловском и Казанском соборах проехали на станцию Варшавской железной дороги, по которой императрица и отправилась в путь с великою княжной Марией Александровной и младшими великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами. Прибыв 1 июля вечером в Варшаву, императрица переночевала в Бельведерском дворце, а на другой день, 2-го числа утром, выехала далее, чрез Дрезден в Киссинген.

По случаю отъезда императрицы за границу почему-то признано было нужным напечатать в официальной газете «Северная Почта» статейку, имевшую странный характер как бы оправдания этого путешествия пред общественным мнением. После успокоительных объяснений насчет здоровья Ее Величества и удостоверения, что врачи признали для нее необходимым курс киссингенских вод только в виде предохранительной меры, правительственная газета гласила: «Неохотно и, можно сказать утвердительно, даже против желания Их Императорских Величеств, делается эта уступка и приносится жертва настоятельному требованию врачей.

Императрица Мария Александровна

Небезызвестно, как мало сочувствия имеет императрица к заграничным путешествиям. Любимые летние пребывания ее — Царское Село, Петергоф, Ильинское, Ливадия. Кто имел счастье видеть Ее Величество в этих загородных жилищах, тот знает, с каким удовольствием она проводит время *дома*; не завидуя, даже и под нашим северным небом, часто пасмурным и неблагоприятным, красоте и прелестям других благорастворенных климатов...»[41] и т. д. Подобные объяснения в официальной газете выходили совершенно из наших нравов и привычек.

По отъезде императрицы Государь продолжал смотры войск в Красносельском лагере. 3 июля утром произведено учение сводному полку, составленному по штату военного времени (по 42 ряда во взводе, то есть по 84 ряда в роте) из трех полков 1-й гвардейской пехотной дивизии со сводным же стрелковым батальоном и двумя батареями, также в военном составе. При этом в первый раз учение производилось с новыми, заряжающимися сзади ружья-

ми[42]. Учение это было весьма интересно для начальствующих лиц, как испытание нового строевого устава в применении к полному военному составу частей. Подобные учения следовало бы ввести в нормальную программу учебных занятий войск в мирное время, дабы приучать глаз и голос командиров частей и офицеров к тем размерам, которые принимают строевые части с приведением в полный военный состав.

На другой день, 4 июля, происходило учение 1-й гвардейской пехотной дивизии, после которого Государь переехал на жительство в Царское Село. 7-го числа, в воскресение, он снова приехал в Красносельский лагерь, прямо к лагерной церкви 2-й гвардейской пехотной дивизии. После обедни и церковного парада происходил лагерный развод в лейб-гвардии Гренадерском полку; вечером же Его Величество присутствовал на скачке, в которой участвовал в первый раз и мой сын с большим успехом.

8 июля утром происходило учение 2-й гренадерской пехотной дивизии, а вечером — маневр с боевыми зарядами учебного пехотного батальона с учебною пешею батареей. На другой день, 9-го числа утром — учение всей кавалерии, вечером — стрельба в цель стрелковых батальонов и рот. Государь, вполне довольный всеми осмотренными войсками, в тот же вечер возвратился в Царское Село. Войска же после одного дня отдыха получили приказание 11-го числа к ночи занять первоначальные позиции, предназначенные программою общего маневра, предположенного на 12-е число.

Этот однодневный маневр заменил большие маневры, обыкновенно продолжавшиеся от одной до двух недель. Войска были распределены на две стороны, которыми командовали: великий князь Николай Николаевич — северною и генерал-адъютант Бистром — южною. Движения начались с 6 часов утра. Государь и свита сели на коней у самого дворца в Красном Селе, и весь маневр разыгрался на «военном поле». В этот день жара была невыносимая; от горевших в окрестностях торфяных болот воздух был насыщен дымом и гарью; от чрезмерной сухости по всему «военному полю» и по дорогам стояла густая пыль, так что не было возможности разглядеть войска на самом близком расстоянии. Поэтому все движения войск делались как бы в потемках. В 10-м часу уже дан был сигнал «отбоя», и тем окончился Красносельский сбор. Государь, по обыкновению, собрал около себя выпускных юнкеров, поздравил их с производством в офицеры и, высказав свои замечания начальникам касательно хода маневра, уехал в

Царское Село. Войска вслед за тем выступили из лагеря в места своего постоянного расположения.

Отъезд Государя за границу назначен был на 14 июля. Накануне этого дня последовало увольнение министра двора графа Адлерберга 1-го в отпуск за границу, для лечения, а так как сын его, граф Александр Владимирович, сопровождал Государя за границу, то исправление должности министра было временно возложено на генерал-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Приказом того же числа уволен от должности начальник 1-го военного Павловского училища генерал-лейтенант Ванновский, который не поладил с генералом Исаковым и в последнее время жаловался на нервное расстройство. Исправление должности начальника означенного училища было возложено на командира 95-го пехотного Красноярского полка полковника Пригоровского.

По примеру предшествовавшего года я решился просить отпуск за границу на время отсутствия Государя, чтобы повидаться с больною дочерью Ольгой и с братом, а вместе с тем и самому попробовать вильдбадские ванны от усилившихся в последнее время болей в ногах. Государь весьма благосклонно предложил мне доехать в поезде Его Величества до Швейнфурта, откуда расходятся пути на Киссинген и на Вильдбад. Конечно, я принял такое любезное приглашение с большою благодарностью. 13 же июля объявлено было в приказе по Военному министерству о порядке делопроизводства на время моего отсутствия, а приказом 14-го числа я уволен в отпуск на два месяца. Того же числа в 5 часов пополудни выехал я из Царского Села в свите Государя по Варшавской железной дороге*.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ И В ВАРШАВЕ

Государь ехал от Царского Села до Киссингена безостановочно. 15 июля на границе Царства Польского встретил фельдмаршал граф Берг и провожал до Вержболова, где происходила пересадка в заграничный поезд. Вечером того же дня проехали чрез Берлин по соединительной железной дороге от одной станции до другой. Государь отклонил всякие почетные встречи. 16-го числа на одной из станций, где приготовлен был обед, Государя встретил великий

---

* В автографе далее зачеркнуто: «Вслед за тем 17 июля выехали за границу великая княгиня Елена Павловна и государственный канцлер князь Горчаков» (*примеч. публ.*).

герцог Саксен-Веймарский, в русском мундире (10-го гусарского Ингерманландского полка, которого он был шефом). Под вечер мы прибыли в Швейнфурт, здесь я распростился с Государем и остался переночевать в гостинице до утреннего поезда, отходящего в Вильдбад, а Его Величество в тот же день прибыл в Киссинген. Императрица с детьми и с принцем Александром Гессенским выехала встретить Государя на станцию Поппенгейм.

17 июля приехал я в Вильдбад, где жена моя с больною дочерью находилась уже с 13/25 июня. Брат мой со всею своею семьей переехал туда же несколько дней спустя. Все они поместились в прекрасном Hotel Bellevue, где нашли все удобства для обоих больных. Сестра же Мордвинова оставалась в Бадене и приезжала в Вильдбад в начале июля только на несколько дней, так что я уже там не застал ее. Ванны вильдбадские для брата оказали с первого же раза благоприятное влияние; я нашел в нем заметное улучшение против прошлого года. Для дочери же Ольги ванны не пришлись по силам, она должна была скоро прекратить их; вообще в положении ее мало было заметно улучшения, она все еще была так слаба, что едва могла пройти несколько шагов в саду нашей гостиницы. Вскоре по приезде своем в Вильдбад и я начал брать ванны каждое утро вместе с братом, но пользы от них для моих ног не замечал. Впрочем, и нельзя было ожидать каких-либо результатов в то короткое время, которое я мог посвятить своему лечению.

С приезда Государя в Киссинген тихий и скромный этот городок принял вдруг оживленную физиономию: начались приезды разных высоких посетителей, встречи, проводы. 20 июля прибыла королева Вюртембергская Ольга Николаевна, на другой день — молодой король Баварский Людовик II, затем великий герцог Гессен-Дармштадтский. По совету врачей, великая княжна Мария Александровна переехала на время в Швальбах, где оставалась до 7 августа. Туда же ездил и Государь (30 июля — 1 августа), чтобы навестить свою дочь и прибывшего также в Швальбах короля Прусского.

В конце июля приехал в Киссинген с донесениями генерал-адъютанта Кауфмана, состоявший при нем чиновник Министерства иностранных дел надворный советник Струве (Карл Васильевич), один из сыновей знаменитого нашего астронома и будущий посланник. С ним прислан был на Высочайшее утверждение подлинный договор, заключенный Кауфманом с эмиром Бухарским, после нанесенных ему нашими войсками сильных поражений. Государь, прочитав привезенные надворным советником Струве бумаги, при-

казал ему отвезти их сперва ко мне в Вильдбад, а потом к князю Горчакову в Баден, чтобы спросить наши мнения относительно условий заключенного договора. При этом, однако же, было нам обоим сообщено графом Адлербергом (в письмах от 20 июля)[43], что Государь находит этот договор не соответствующим решению, постановленному в совещании, происходившем пред самым выездом из Царского Села. Решение это состояло в том, чтобы избегать всякого нового распространения пределов империи, поэтому Государь полагал отклонить присоединение города Самарканда и окрестной страны, а взамен того, удвоить назначенную генералом Кауфманом контрибуцию с Бухары, с тем чтобы до уплаты этой контрибуции удерживать за собою Самарканд в виде залога. При этом Государем был даже указан пример Адрианопольского мира в 1829 году[44].

Струве пробыл в Вильдбаде два дня, так что я имел достаточно времени, чтобы потолковать с ним о положении дел в Средней Азии и обдумать свой ответ на требование Его Величества. Мне казалось весьма неудобным в том крае изменять условия договора, уже заключенного местным начальником; увеличение контрибуции и временное занятие города — также находил я крайне затруднительными в исполнении. Поэтому в ответ графу Адлербергу[45] я просил доложить Государю мое мнение, что Высочайшая воля относительно изменения условий договора может встретить такие препятствия, которые поставят главного начальника края в безвыходное положение, тем более, что в значительный промежуток времени, которое пройдет до получения им этого повеления, обстоятельства могут во многом измениться и сделать вовсе невозможным приведение в исполнение Высочайшей воли. Поэтому я полагал только указать генералу Кауфману виды Его Величества, не связывая, однако же, ему руки положительным повелением. Совсем иное мнение высказано было князем Горчаковым, как узнал я впоследствии (из письма графа Адлерберга от 2/14 августа)[46]. Он, безусловно, согласился с предположением Государя, и, конечно, мнение его взяло верх; Высочайшая воля была сообщена по телеграфу генералу Кауфману в Оренбург, так как в то время он должен был уже находиться в пути из Ташкента в Петербург.

Последствия оправдали мои соображения. Высочайшее повеление дошло до генерала Кауфмана, когда не было уже никакой возможности исполнить эту волю. Позже, с приездом начальника Туркестанского края в Петербург, сам Государь и канцлер убедились в необходимости оставить Самарканд за нами навсегда[47]. А

между тем князь Горчаков поспешил уже похвалиться пред английскими министрами нашим смиренномудрием и, таким образом, сам поставил себя в крайне неловкое положение, подав снова повод к обвинению нашей политики в двуличности и даже вероломстве. Собственную свою вину князь Горчаков потом свалил на генерала Кауфмана и на Военное министерство обвинением их в неисполнении Высочайших повелений и в действиях, противных тому общему направлению, которое дается внешней нашей политике Министерством иностранных дел.

В числе бумаг, привезенных надворным советником Струве, были разные ходатайства генерала Кауфмана о наградах как Самаркандскому гарнизону за геройскую защиту цитадели, так и главному отряду за бой при Сары-Булаке. Государь утвердил все эти ходатайства: самому Кауфману пожалован орден Белого Орла с мечами; состоявший при нем прапорщик Верещагин за особенное мужество, выказанное при защите Самарканда, награжден орденом Св. Георгия; надворный советник Струве получил звание камер-юнкера и произведен прямо в статские советники (то есть чрез чин). Афганцу Искендер-хану пожалован орден Св. Станислава на шею. Наконец, разрешено эмиру Бухарскому, согласно с выраженным им желанием, прислать одного из сыновей в Петербург для воспитания.

Государь с императрицей и младшими детьми оставались в Киссингене до 12/24 августа; воды принесли здоровью их заметную пользу, несмотря на то, что посещения разных высоких особ и многих лиц, приезжавших «на поклон» Их Величествам*, не давали им возможности пользоваться тем полным спокойствием, которое составляет необходимое условие успешного лечения водами. Из Киссингена Их Величества переехали в Югенгейм (близ Дармштадта), где оставались до 6/18 сентября, а затем пробыли неделю во Фридрихсгафене у королевы Ольги Николаевны. Оттуда они выехали 13/25-го числа вечером: Государь — в обратный путь в Россию, императрица — чрез Мюнхен на озеро Комское, где предположено было Ее Величеством провести несколько недель для виноградного лечения.

Государь, проездом чрез Баден, навестил (14 августа) прусскую королеву Аугусту, потом отобедал в Дармштадте в семействе великого герцога Гессенского, а 15/27-го утром прибыл в Потсдам. Императрица же, прибыв 14-го на станцию Пазинг, близ Мюнхе-

* В числе их приезжал и русский посол в Лондоне барон Бруннов.

Король Баварии Людвиг II

на, была встречена тут королем Баварским, который проводил ее в королевский замок «Берг», где императрица провела весь следующий день, а 16/28 отправилась в дальнейший путь. Король сопровождал ее до Инсбрука. На границе же Италии встретил ее король Виктор-Эмануэль, который проводил императрицу до Милана. Переночевав здесь (с 23 на 24 сентября), императрица отправилась на другой день в Чернобио — место, избранное для ее пребывания на берегу Комского озера.

Государь провел два дня в Потсдаме* с королем Вильгельмом в ожидании приезда туда великого князя Алексея Александровича, которого желал он скорее обнять после катастрофы с фрегатом «Александр Невский», потерпевшим крушение у берегов Север-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «(15/27 и 26/28 сентября)» (*примеч. публ.*).

ной Ютландии в ночь с 12/24 на 13/25 сентября. По этому случаю происходило в Потсдаме благодарственное молебствие. Молодой великий князь прибыл туда в ночь с 16/28-го на 17/29-е, и на следующее утро Государь вместе с ним выехал на Варшаву.

В Петербурге продолжались в течение всего июля и августа необыкновенные жары, засуха и сопровождавшие их пожары. На другой же день после отъезда моего с Государем, 15 июля, случился большой пожар в Сестрорецке: выгорела бóльшая часть слободы; опасность угрожала самому заводу. К счастью, отстояли его сами поселяне, более заботившиеся о сохранении питавшего их казенного завода, чем о собственных своих домах.

Из царского семейства проводили лето в окрестностях Петербурга только наследник с цесаревной, занимавшие в Петергофе малый дворец, так называемую Александрию, великий князь Константин Николаевич, живший то в Стрельне, то в Павловске; великая княгиня Мария Николаевна, которая, по возвращении из-за границы, поселилась в своем Сергеевском дворце, между Петергофом и Ораниенбаумом, и великая княгиня Александра Петровна — в Знаменском. Наследник и цесаревна выезжали 4 августа в море, до Толбухина маяка, навстречу прибывшим из Копенгагена королю и королеве Датским с принцессою Тирой и принцем Вальдемаром (которому тогда было всего 10 лет). Король пробыл в Петергофе до 17 августа, а потом отправился в Стокгольм и оттуда обратно в Копенгаген; королева же с принцессою и принцем оставались в Петергофе до 3 сентября.

В торжественный день 30 августа[48] в Петербурге устроено было народное гуляние на Марсовом поле, с разными забавами и представлениями. Праздник этот был оживлен присутствием наследника и цесаревны с королевою Датскою, с молодыми принцессою и принцем. По случаю этого дня, как всегда, было пожаловано по военному ведомству много наград, и в том числе — великий князь Владимир Александрович произведен в генерал-майоры.

Его Высочество, путешествуя по Сибири, посетил Тобольск, Омск, Томск, объехал главнейшие уральские заводы и чрез Пермь возвратился 15 августа в Царское Село. Младший же брат, великий князь Алексей Александрович, после объезда Кавказского края, находился более двух месяцев в плавании на фрегате «Александр Невский» с адмиралом Посьетом. 8/20 июля прибыл он в Константинополь, где принят был султаном с особенным радушием; 12/24 по-

Великий князь Алексей Александрович

сетил в Афинах греческую королевскую семью; 28 июля / 9 августа высадился в Алжире; затем, после 30-дневного плавания в Атлантическом океане, прибыл 5/17 сентября в Плимут, откуда предстояло ему возвратиться в Кронштадт. Но молодому великому князю не суждено было благополучно закончить свое путешествие: как уже сказано, на пути в Балтийское море, в ночь с 12/24 на 13/25 сентября, при сильном шторме у берегов Северной Ютландии, фрегат «Александр Невский» был разбит о камни в виду берега. Не без труда удалось спасти экипаж; при этом поплатились жизнью два молодых офицера (Зарин и Икскюль) и трое матросов. Великий князь держал себя с полным спокойствием и мужеством. Датские власти и народ оказали радушно помощь нашим морякам для облегчения их положения на берегу и возвращения в отечество. Государь, встревоженный известием о несчастии, постигшем наш фрегат, те-

леграфировал великому князю Алексею Александровичу, чтобы он приехал немедленно в Потсдам, куда он и прибыл, как уже было сказано, в ночь с 16/28-го на 17/29-е, а на другой день отправился вместе с Государем в Варшаву.

Прочие члены Императорской фамилии провели также бóльшую часть лета за границей и в путешествиях*. По примеру Царской фамилии также и министры, и сановники большею частию отсутствовали из Петербурга: кто проводил часть лета за границей для восстановления своих телесных сил, кто разъезжал по России и отдыхал в своих имениях, или на дачах. В предшествовавшем году по поводу поездки одного из министров для осмотра подведомственных ему учреждений Государь при других министрах выразился с одобрением об этом путешествии, сказав, что считает подобные объезды весьма полезными. Слова эти произвели магическое действие: на следующий год все министры поспешили выказать свое усердие и с удовольствием воспользовались законным поводом для разъездов на казенный счет. Так, во вторую половину лета 1868 года почти в одно время разъезжали граф Пален, Рейтерн, Мельников, Татаринов и другие. В больших городах встречали их с торжеством, чествовали обедами, балами, иллюминациями. Случалось, что в одно время съезжались два министра и городу приходилось угощать обоих вместе или одного вслед за другим.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Великая княгиня Александра Иосифовна, выехав из Петербурга 23 июня с двумя сыновьями — Николаем и Вячеславом Константиновичами (двое других — Константин и Дмитрий лечились в Старой Руссе), находилась в Афинах по случаю родов королевы Греческой Ольги Константиновны разрешившейся 23 июля сыном, названным Константином. Великая княгиня возвратилась в Павловск только в половине сентября. Великая же княгиня Елена Павловна, выехавшая из Петербурга, как уже было упомянуто, 17 июля пользовалась водами в Рогаце и возвратилась в Петербург только 6 ноября. Екатерина Михайловна с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким и детьми, прожив часть лета в Ораниенбауме, провела потом бóльшую часть осени в Мекленбурге. Наконец, великий князь Николай Николаевич, пробыв до 11 августа в Знаменском, предпринял потом смотры кавалерии в Твери, Москве и, побывав в своих имениях, приехал 5 сентября в Варшаву, где также занялся усердно смотрами собранных в лагере войск, и оставался там до приезда Государя. Наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич также провел бóльшую часть лета в разъездах по Кавказу, а великая княгиня Ольга Фёдоровна отправилась в половине августа в Одессу, и оттуда чрез Кишинёв и Черновцы за границу. Тем же путем возвратилась она в Тифлис 21 октября в сопровождении брата ее, принца Баденского Карла Фридриха» (*примеч. публ.*).

При этом, конечно, говорились речи, возглашались тосты и не всегда обходилось без комизма.

В бытность мою в Вильдбаде я получил в первых числах августа приказание Государя приехать к 17 сентября в Варшаву. До этого срока оставалось довольно времени, чтобы проводить жену с дочерью на Юг, туда, где будет избрано для моей больной место зимовки. Слабость ее была так велика, что путешествие из Вильдбада в Италию могло быть исполнено не иначе, как небольшими переездами, с остановками, и стало быть, в довольно продолжительное время. Первый переезд наш был только до Бадена, где мы провели несколько дней. Жена и дочь по-прежнему поместились на даче у брата, а я — в ближайшей гостинице Hotel de la Cour de Bade. Здесь же жила Вера Аггеевна Абаза со своею племянницей. Сестра Мордвинова[49] остановилась также у брата, так что дача его была битком набита. Брат Николай был тогда еще в нерешимости относительно своего местопребывания на зиму; но во всяком случае предполагал оставаться в Бадене еще до октября; мы же с женой и дочерью, простившись с ним и его семьей, отправились чрез Швейцарию и Южную Францию в Канн, где предполагали окончательно решить вопрос о месте водворения больной на зиму.

Первыми после Бадена этапами были Базель, Берн, Лозанна. Пользуясь остановкою в последнем этом пункте, 17/29 августа, я навестил своего дядю графа Павла Дмитриевича Киселёва, проводившего лето, по своему обыкновению, в Уши, в Hotel beau-rivage. Я нашел его еще слабее, чем в прошлом году, и в особенности заметил в нем ослабление памяти; однако ж провел с ним в приятной беседе несколько часов за обедом и вечером на террасе отеля. На другой день мы прибыли в Женеву, где остановились на несколько дней, чтобы дать отдых больной. В Женеве встретил я нескольких соотечественников, и в том числе герцога Лейхтенбергского князя Николая Максимилиановича Романовского, который пригласил меня к себе на дачу отобедать запросто. Он жил тогда, как говорится, maritalement* с г-жою Акинфьевой, племянницей князя А.М. Горчакова, у которого она жила некоторое время в Петербурге; там имел я случай познакомиться с нею. В то время она была еще красивою женщиной, хотя и не первой молодости; старый, развратный дядюшка ухаживал за нею, а князь Николай Максими-

---

* Супружеской жизнью (*фр.*).

Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский

лианович влюбился в нее по уши и хлопотал о разводе ее с мужем, чтобы узаконить свою с нею связь. Я не видел причины уклониться от приглашения герцога, который был всегда со мною весьма любезен и внушал к себе полное сочувствие. Из Женевы ездил я еще раз в Уши, где виделся с князем Горчаковым и К.В. Чевкиным.

На пути из Женевы до Канна мы останавливались на ночлеги в Лионе, Валансе, Авиньоне и Марселе. В Канне гостиницы были еще пусты или совсем закрыты, так же как и в Ницце, куда я ездил для справки на почте о письмах. Опыт путешествия нашего от Бадена до Канна показал нам, как трудны для нашей больной дальние переезды, и как они истощают последние ее силы. Поэтому решено было

окончательно отказаться от прежней мысли о зимовке в Риме, а приискать хорошее помещение в Ментоне — пункте, славящемся наиболее теплою зимою и здоровым климатом. Сама больная предпочла его Ницце, оставившей в ее памяти слишком тяжелые впечатления.

Наступило время моего возвращения в Россию. Не имея возможности ожидать окончательного водворения больной дочери в Ментоне, я должен был расстаться с нею в Канне 12/24 сентября и в тот же день доехал в дилижансе до Генуи, а на другой день до Милана, где провел ночь и половину следующего дня. Несмотря на свою больную ногу, я с удовольствием обошел лучшую часть города и возобновил в своей памяти почти уже изгладившиеся воспоминания первого моего путешествия по Италии в молодые годы[50]. Вечером выехал я из Милана, ехал не останавливаясь чрез Верону, Мюнхен, Вену и рано утром 17 сентября был на границе Царства Польского (в местечке Граница). Здесь встретил меня подпоручик фельдъегерского корпуса Фёдоров. Облекшись в военную форму, я преобразился мгновенно в официальное лицо и с сожалением расстался со всеми удобствами вольного гражданина.

Приехав вечером в Варшаву, я был озадачен почетною встречею на станции железной дороги: на платформе выстроен был установленный караул, на фланге которого собрано было все варшавское военное начальство, за исключением лишь самого главнокомандующего фельдмаршала графа Берга, выехавшего в то время, как я тут узнал, навстречу Государю. Приезда Его Величества ожидали к 11 часам вечера, то есть чрез два часа по приезде моем, так что я имел едва достаточно времени, чтобы доехать до отведенной мне квартиры в Лазенках, переодеться в парадную форму и поспеть на станцию Варшавско-Бромбергской железной дороги ко времени прибытия Государя.

В Варшаве Государь пробыл пять дней, в продолжение которых не было буквально ни одного часа отдыха. С утра до вечера смотры, учения войскам, приемы, визиты, посещение разных местных учреждений, парадные обеды, а по вечерам — театр и работа до поздней ночи над бумагами, привозимыми ежедневно фельдъегерями из Петербурга. Суетливая эта жизнь показалась мне особенно утомительною после двух месяцев, проведенных мною за границей частным человеком, почти вне всяких служебных забот.

Ко времени прибытия Государя в Варшаву съехались туда кроме меня: государственный канцлер князь Горчаков, министр пу-

тей сообщения генерал Мельников, управляющий Собственною Е. В. канцелярии по делам Царства Польского статс-секретарь Набоков, генерал-губернаторы: виленский — Потапов и киевский — Безак. От императора Австрийского прислан был для приветствования Государя князь Турн-Таксис. Великий князь Николай Николаевич, как уже было сказано, ожидал Государя с 5 сентября и в продолжение этого времени почти ежедневно производил учения и смотры собранным под Варшавою войскам.

В первый день своего пребывания в Варшаве, 18 сентября, Государь утром принял меня с докладом по некоторым не терпевшим отлагательства делам; потом принимал еще некоторых лиц и затем вместе с фельдмаршалом проехал в открытом экипаже среди массы народа на улицах в православный собор, где архиепископ Варшавский Иоаникий встретил его приветственною речью и отслужил благодарственный молебен по случаю недавнего спасения от опасности великого князя Алексея Александровича, с возглашением вечной памяти утонувшим при крушении морякам.

Из собора Государь отправился прямо на Мохотовское поле, где происходил смотр всем, собранным под Варшавою войскам. Смотр удался вполне; погода весьма благоприятствовала блестящему виду войск. Везде на пути Государя толпы народа приветствовали его криками «ура». После смотра Его Величество посетил великого князя Николая Николаевича в Лазенковском дворце и фельдмаршала графа Берга в его временном помещении на Раздрожье. К обеду в Бельведерском дворце были приглашены главные из начальствующих лиц и министры, а вечером Государь посетил театр.

На второй день, 19 сентября, в 9 часов утра происходило на Мокотовском поле учение всей кавалерии, под общею командою генерал-лейтенанта Краснокутского; потом Государь был на охоте в окрестностях императорского имения Скерневице и возвратился в Варшаву к 8 часам вечера. Я воспользовался этим единственным свободным днем, чтобы осмотреть хотя поверхностно некоторые из варшавских военных учреждений. В этот же день, рано утром, великий князь Алексей Александрович выехал из Варшавы за границу для свидания с императрицей на берегу Комского озера, откуда возвратился в Царское Село только 9 октября.

20 сентября все утро прошло в смотрах стрельбы: артиллерии, пехоты и драгун. Результаты цельной стрельбы на всех смотрах оказались превосходные. На возвратном пути с Повонзок Государь заехал в Александрино-Марьинский институт, а затем в Лазенков-

ском дворце был большой парадный обед, к которому приглашены все начальствующие лица, гражданские и военные, архиерей, иностранные генералы и офицеры. Вечером Государь был в театре.

21-го числа, по случаю дня рождения великого князя Павла Александровича, Государь и свита слушали обедню в церкви Лазенковского дворца, а затем происходил общий двухсторонний маневр на Повонзком поле, кончившийся к 3 часам пополудни. Государь очень благодарил фельдмаршала и всех начальников за отличное состояние, в котором представились войска на всех смотрах и учениях. В тот же день были объявлены награды чинам Варшавского военного округа. Начальник окружного штаба генерал-лейтенант Минквиц, начальники дивизий генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский и Краснокутский получили звание генерал-адъютантов.

В последний день пребывания Государя в Варшаве, 22 сентября, по случаю воскресного дня, была опять обедня в церкви Лазенковского дворца с церковным парадом от гвардейских Уланского Е. В. и Гродненского гусарского полков. После раннего обеда в Бельведерском дворце, в 4 часа Государь выехал из Варшавы. Масса начальников, офицеров и публики собралась на железнодорожном вокзале проводить Его Величество. Дамы осыпали его букетами и цветами. Поезд тронулся при обычных криках «ура».

В Белостоке, около 8 часов вечера, была остановка на один час; Государь посетил тамошний девичий институт.

23 сентября в 7 часов вечера прибыли мы благополучно в Царское Село.

В ожидании моего возвращения из-за границы, дети мои оставались еще на даче в Царском Селе. В начале сентября приехал дядя их Евгений Михайлович Понсэ; он пробыл с ними и с дочерью своею (которая воспитывалась вместе с младшими моими дочерьми) несколько дней и 10 сентября уехал обратно на Кавказ с намерением подать прошение об увольнении его вовсе от службы.

В Царском Селе я прожил с дочерьми лишь несколько дней, пока осенняя ненастная погода не заставила меня перевезти их в город на зимние квартиры.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ГОДА

На другой день по возвращении Государя из-за границы, 24 сентября, происходил на Марсовом поле общий смотр войскам,

Е.П. Ковалевский

расположенным в Петербурге и окрестностях его. Встречая Его Величество после двухмесячного отсутствия, город разукрасился флагами, а вечером был иллюминован. В этот день Наследник Цесаревич произведен в генерал-лейтенанты.

Утром того же дня происходило в Сергиевском монастыре погребение Егора Петровича Ковалевского, кончившего жизнь вследствие продолжительного болезненного состояния, которое и заставило его рано покинуть деятельность служебную. Имя Егора Петровича Ковалевского связано с нашею азиатскою политикой в продолжение многих лет. Занимая место директора Азиатского департамента в Министерстве иностранных дел, он был горячим заступником славянского населения Турции и Австрии, отличался искренним патриотизмом и прямотою характера. Он не был сторонником робкой политики на Востоке, а потому часто расходился в мнениях с прямым своим начальником князем Горчаковым. В последние годы жизни Егор Петрович был

одним из деятельнейших членов Славянского благотворительного общества и председателем Общества для пособий нуждающимся литераторам[51]. Для обоих этих обществ кончина его была чувствительною потерей.

8 октября после обычного моего доклада в Царском Селе, я сопровождал Государя в Петербург по случаю происходившей в этот день в манеже Инженерного замка церемонии освящения нового штандарта, пожалованного Терскому казачьему эскадрону Собственного Е. В. конвоя. К 5 часам пополудни все офицеры конвоя и свита были приглашены к царскому обеду.

В тот же день решен Государем вопрос о замещении должности помощника главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа. Должность эта оставалась вакантною с кончины генерал-адъютанта Бюллера, последовавшей еще летом, в Рагаце. Преемником его избран начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии генерал-адъютант барон Бистром — такой же, как и предместник его, типичный гвардейский генерал из прибалтийских немцев: исполнительный, аккуратный, привыкший придавать важное значение мелочам строевой службы, впрочем, человек честный. По заведенному в Петербургском округе порядку, главная обязанность помощника главнокомандующего заключалась в председательствовании в заседаниях военно-окружного совета, стало быть преимущественно по части хозяйственной. Для такого круга деятельности барон Бистром был человек подходящий.

В половине октября Государь принимал в прощальной аудиенции испанского посла герцога д'Оссуна, занимавшего этот пост много лет. Он должен был покинуть его вследствие разразившегося в Испании государственного переворота[52]. Это был один из самых богатых испанских грандов, человек добродушный и любезный, чем приобрел особенное расположение при русском Дворе и в петербургском обществе.

27 октября происходило в Александро-Невской Лавре в присутствии Государя, Царской фамилии и многочисленных представителей высшего петербургского света отпевание графа Алексея Алексеевича Бобринского — внука императрицы Екатерины II и графа Гр[игория] Гр[игорьевича] Орлова. Покойный граф Алексей Алексеевич, хотя имел придворное звание шталмейстера, однако ж не занимал никогда служебной должности, посвятив бóльшую часть своей жизни хозяйству в обширных своих

имениях Юго-Западного края. Этого рода деятельностью принес он несомненную пользу краю и оставил по себе хорошую память. В Петербург приезжал он только изредка и на короткое время; но когда появлялся в столице, всегда пользовался весьма любезным приемом при дворе и почетом в обществе. Иногда принимал он участие в совещаниях по вопросам экономическим и железнодорожным.

Сын покойного графа, генерал-майор Свиты граф Владимир Алексеевич Бобринский готовился в будущие министры путей сообщения. 4 июня 1868 года назначен он был товарищем министра, на место инженер-генерал-лейтенанта Герстфельда, назначенного членом Государственного совета (с оставлением и членом Совета Министерства путей сообщения). Новый товарищ министра сам чувствовал в себе недостаток тех специальных познаний и опытности, которые дают начальнику авторитет; поэтому он начал свою новую деятельность путешествием за границу, для изучения железнодорожного дела в Германии, Франции, Англии и даже в Америке. Кончина отца его заставила молодого графа поспешно возвратиться в Петербург; но вслед за погребением отца, в Киевском его имении, граф Владимир Алексеевич снова уехал за границу, для довершения прерванного изучения железнодорожного дела.

Еще до возвращения Государя из-за границы (20 сентября) прибыл в Петербург туркестанский генерал-губернатор генерал-адъютант Кауфман. Вместе с ним приехал и афганец Искендер-хан. Государь принял Кауфмана весьма милостиво, но напомнил ему о своем повелении относительно Самарканда. Государственный канцлер еще настойчивее требовал возвращения Самарканда эмиру Бухарскому, ссылаясь на свое заявление английскому министерству о нежелании нашем удерживать за собою новые завоевания в Средней Азии. Однако ж генералу Кауфману удалось убедить Государя в невозможности вывода русских войск из Самарканда; он объяснил, что только владея этим городом с окрестною страной и верховьями реки Заравшана, мы держим Бухару в полной от себя зависимости; оставление же этого края может повлечь за собою потерю того влияния на бухарского эмира и того господствующего положения, которые приобретены последними нашими военными успехами.

Ближайшие события в Бухаре наглядно подтвердили основательность доводов генерала Кауфмана. Вслед за утверждением

мирного договора с эмиром возобновилось прежнее против него вооруженное восстание, во главе которого стоял его же старший сын Каты-Тюря, поддерживаемый шахрисябсскими беками и разбойничьей шайкой Садыка. Положение эмира Сеид-Музафара опять становилось непрочным, а потому и заключенный с ним генералом Кауфманом мирный договор мог потерять всякое значение, так что мы могли лишиться всех плодов последних наших военных успехов. Необходимо было в интересах России поддержать Сеид-Музафара против бунтовавшего сына его и беспокойных беков шахрисябсских, с которыми не были еще сведены наши счеты за прошлые их враждебные нам действия. Начальник Заравшанского отдела генерал-майор Абрамов, согласно данным ему генералом Кауфманом указаниям, настоятельно советовал эмиру действовать решительно для усмирения возмутившегося сына, который занял город Карши (на южной окраине ханства) и там провозгласил себя эмиром. По совету Абрамова, Сеид-Музафар в сентябре двинулся с войском на Карши и выгнал оттуда сына, который бежал к шахрисябсским бекам. Эмир двинулся было к Шахрисябсу, но не решился вступить в бой с бунтовавшими беками; узнав, что в то время Садык завладел несколькими городами в северо-восточной части ханства (Нурата и Керменэ) и угрожал самой Бухаре, эмир обратился против него. Хотя Сеид-Музафару и удалось выгнать Садыка из занятых им пунктов, однако ж Каты-Тюря между тем опять утвердился в Каршах с помощью шахрисябцев. Тогда эмир, не полагаясь на свои силы, обратился к генералу Абрамову с просьбой о помощи против непокорного сына и шахрисябцев. Абрамов на основании полученных на такой случай инструкций от генерала Кауфмана собрал на границе у Джама небольшой отряд (7 рот, 2 сотни с 6 орудиями) и двинулся на Карши. После двух незначительных встреч со скопищами Каты-Тюря (21 и 23 октября) русские войска овладели Каршами и принудили мятежного сына эмира бежать в степь. Шахрисябсские же скопища рассеялись, и беки (Джурабей и Бабабей) с остатками своих сил заперлись в укреплениях Шара и Китаба. Абрамов, водворив в Каршах законную власть эмира, предложил Сеид-Музафару немедленно занять этот город своими войсками. 27 октября Карши был передан присланному от эмира правителю Якуб-беку, и бухарские войска вступили в город.

Поддержка, оказанная эмиру русскими войсками, и восстановление его власти в городе, взятом ими с боя, окончательно утвер-

дили доверие Сеид-Музафара к русскому правительству и упрочили его положение в собственных его владениях. С этого времени эмир Бухарский обратился, можно сказать, в послушного вассала русского падишаха и постоянно держал себя с полною покорностью русским властям. Заключенный с ним генералом Кауфманом мирный договор выполнялся со всею точностью. Такой результат был достигнут самыми незначительными силами, собранными генералом Абрамовым, именно благодаря занятой нами выгодной передовой позиции в Самарканде.

Между тем 21 октября Высочайше утверждено составленное так называемою Степною комиссиею новое Положение об управлении в степных областях Оренбургского края и Западной Сибири, то есть в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской[53]. Положение это имело важное значение для будущности киргизского населения обширных степей Средней Азии; оно установляло правительственные административные власти, с определенными правами и обязанностями, на место народных родоправителей, безотчетно властвовавших над кочевым народом; определяло законный размер податей, взамен прежних произвольных поборов. Генерал-губернатору предоставлялось вводить новое Положение постепенно.

Осенью 1868 года происходили в Петербурге под моим председательством заседания международной конференции по вопросу о разрывных пулях. Вопрос этот был возбужден по следующему поводу.

С 1863 года в нашей армии, так же как и в других, введены были в употребление особого устройства ружейные пули, назначенные собственно для взрыва неприятельских зарядных ящиков или для воспламенения других удобовозгораемых предметов. Пули эти воспламенялись не иначе, как от удара капсюли о какое-либо твердое тело. Таких пуль полагалось первоначально иметь по 6 в патронной суме у каждого солдата, но впоследствии (в 1864 г.) признано было достаточным снабдить ими только унтер-офицеров в стрелковых ротах.

В конце 1867 года явилось новое изобретение — разрывной пули, воспламеняющейся без капсюли и без удара о твердое тело. Изобретатель полагал сделать важную услугу своею выдумкою: пуля его, как оказалось на произведенных опытах, воспламенялась и разрывалась, попадая даже в мягкое вещество, а следова-

тельно, и в тело человеческое. При обсуждении результатов испытания у нас возникло недоумение: может ли быть допущено к употреблению на войне такое средство, которое без всякой надобности для настоящих целей войны может только усиливать страдания раненых людей? Введение новоизобретенной пули не будет ли напрасною бесчеловечною жестокостью? Первою мыслью моею было отвергнуть предлагаемое изобретение, но затем явилось естественно соображение, что в других армиях оно может быть принято и чрез то в будущую войну нам пришлось бы действовать неравным с нашим противником оружием. Нам известно было, что означенное изобретение еще прежде нас испытывалось уже в некоторых государствах. Соображение это пробудило меня обратиться к государственному канцлеру и в отзыве от 4 мая 1868 года предложить ему снестись с другими правительствами о том, не согласятся ли они международным актом обязаться исключить из употребления в войсках если не всякие вообще разрывные пули, то по крайней мере те, которые вновь предложены, именно безкапсюльные, разрывающиеся и без удара о твердое тело.

В Министерстве иностранных дел предложение мое было принято благосклоннее, чем я ожидал. Князь Горчаков в циркуляре от 9/21 мая, испросив предварительно Высочайшее соизволение, предложил всем русским посольствам войти по изложенному предмету в объяснения с иностранными кабинетами. Все государства изъявили свое согласие на основную мысль нашего предложения, и тогда мы проектировали самую редакцию желаемого международного соглашения, в котором, однако же, не решились предложить безусловную отмену всяких разрывных пуль, а ограничились только вновь изобретенными пулями без капсюлей. Проект этот был сообщен всем кабинетам циркуляром государственного канцлера от 17/29 июня. Некоторые государства (Австрия, Испания, Швеция, Бельгия, Турция и Греция) согласились безусловно на предложенную нами редакцию и уполномочили своих представителей в Петербурге подписать договор. Другие (Франция, Дания, Швейцария и Португалия) пожелали пойти далее предложенного нами, отказываясь вовсе от употребления всяких разрывных пуль без различия, что, впрочем, совершенно совпадало с основною идеею русского предложения. Великобритания же выразила желание войти в подробнейшее обсуждение редакции предположенного соглашения, а прусское

правительство предложило для той же цели собрать особую конференцию в Петербурге с тем, чтобы поставить ей задачею обсудить не один лишь частный вопрос о разрывных пулях различных видов, а вообще все те средства поражения, которых употребление на войне между цивилизованными народами не должно быть допускаемо, каковы, например, снаряды с ядовитыми веществами, битым стеклом и т. п.

Прусское предложение выводило дело совершенно на новую почву, а потому вызвало новый циркуляр князя Горчакова от 5/17 июля[54]. Почти все государства изъявили согласие на это предложение, кроме Франции и Англии. Маркиз Мустье (Moustier) ответил, что император Наполеон, согласившись с основною мыслью русского правительства, не полагает нужным расширять рамку соглашения и входить в обсуждение всех возможных усовершенствований в артиллерийском деле. Английский же министр лорд Станлэй первоначально совсем было отклонил прусское предложение, «как несогласное с интересами Великобритании». При этом он объяснил, что английское правительство «должно возмещать численную ограниченность своих военных сил научными средствами и техническими усовершенствованиями, а потому оно лишило бы себя этой выгоды, если б согласилось положить границы своей изобретательности...» Тем не менее великобританский посол в Петербурге заявил о готовности своего правительства прислать в Петербург специального делегата на конференцию собственно по вопросу о разрывных пулях.

Результатом всей этой дипломатической переписки было, наконец, общее соглашение — открыть в Петербурге конференцию в конце октября (ст. стиля). К этому сроку и съехались делегаты от тех государств, которые изъявили желание назначить специальных представителей, а именно:

от Франции — граф Мирибель — chef d'éscadron в артиллерии, бывший прежде адъютантом военного министра и предназначенный на должность военного агента в Петербурге, на место Кольсона;

от Англии — генерал St.George;

от Италии — кавалер Биондра;

от Пруссии — полковник Швейниц, военный агент в Петербурге;

от Австрии — князь Д'Аренберг, военный агент;

от прочих государств уполномочены были принять участие в конференции состоящие при Петербургском дворе дипломатиче-

ские представители: от Баварии — граф Тауфкирхен, от Бельгии — граф Errembault de Dudreele, от Дании — Винд, от Греции — Метакса, от Нидерландов — барон Джеверс, от Португалии — граф де Рильвас, от Швеции — генерал Бьёрнштерн, от Швейцарии — генеральный консул Глинц и от Турции — Каратеодори-эфенди. Впоследствии же присоединился еще и представитель Персии — Мирза Аседулла-хан.

Со стороны же России кроме меня назначены были в состав конференции: генерал-лейтенанты артиллерии князь Масальский (заведовавший в то время Главным артиллерийским управлением, в отсутствие генерал-адъютанта Баранцова, уехавшего на Кавказ) и Ферсман, а от Министерства иностранных дел — тайный советник барон Жомини. Последний помогал мне вести дело своим мастерским пером.

Местом заседаний назначена была зала Военного совета. Первое заседание состоялось 28 октября, в понедельник. Я занял обычное свое председательское место, как в заседаниях Военного совета; барон Жомини сел по левую мою руку; всех прочих членов рассадили согласно принятому в дипломатии традиционному порядку, то есть по алфавиту. Открыв заседание кратким изложением гуманной цели нашего совещания, я предложил прежде всего прочесть составленную генералом Ферсманом записку, в которой изложен был исторически весь предшествовавший ход дела. По прочтении записки я поставил первым вопросом, подлежащим решению: кто из делегатов имел полномочие войти в суждения в том широком смысле, в котором предложено прусским правительством, и кто полагает ограничить суждения тесными пределами первоначального русского предложения, то есть собственно только о разрывных пулях? После нескольких слов, сказанных полковником Швейницем в разъяснение мысли прусского правительства, и последовавшего затем заявления соображений всех прочих делегатов, конференция пришла к общему заключению — ограничиться пределами русского предложения. Тогда мною поставлен был другой вопрос: распространить ли предположенное соглашение на всякие вообще разрывные пули или ограничиться только известными, точно определенными видами? На этот вопрос почти все высказались в пользу отмены всяких разрывных пуль вообще; но некоторые из делегатов высказали необходимость более точного определения того рода снарядов (projectiles), который разумеется под названием «пуль»,

«balles», так как не на всех языках существуют особые названия для обозначения ружейных пуль, в отличие от артиллерийских снарядов. Вопрос этот заставил нас войти в некоторые специальные, технические соображения, и после довольно продолжительного обмена мнений, постановлено было обозначить исключаемые из употребления снаряды весом менее 400 граммов, что близко подходит к английскому и русскому фунту. Однако ж некоторые из делегатов, имевшие полномочие только на подписание предложенного русским правительством проекта соглашения, нашли нужным, по поводу постановленного конференциею изменения, или лучше сказать, дополнения, обратиться к своим правительствам ad referendum*. Условившись сделать запросы по телеграфу и рассчитывая, что ответы могут быть получены в течение четырех дней, я предложил конференции вторично собраться 1/13 ноября, в пятницу.

В этом втором заседании все делегаты заявили соглашение на предположенное ограничение веса снарядов и пришли к единогласному заключению относительно редакции, так что я счел возможным предложить собраться окончательно в следующий понедельник для подписания протокола. Между тем все делегаты были приглашены ко мне на обед в субботу, 2/14 ноября. Обед удался вполне; гости мои были в отличном расположении духа. В понедельник же, 4/16 ноября, приготовленная редакция окончательного протокола была одобрена всеми делегатами и подписана; после чего принято было сочувственно предложение французского делегата выразить благодарность конференции своему председателю, а также делегату от нашего Министерства иностранных дел. Мы разошлись с дружескими рукопожатиями[55].

Составленная на основании протокола конференции «декларация», утвержденная всеми правительствами, принимавшими в этом деле участие, была впоследствии объявлена у нас приказом по военному ведомству 20 января 1869 года. Этим приказом отменены находившиеся у нас в употреблении взрывчатые пули и положено взамен их иметь в определенном в войсках и парках комплекте такое же число патронов с обыкновенными пулями.

Почти весь октябрь месяц императрица Мария Александровна провела спокойно на прелестных берегах Комского озера. Только

---

* К докладу (*лат.*).

в самом начале пребывания Ее Величества в Чернобио случившееся там наводнение заставило императрицу переехать на время в Милан, где и прожила около недели в королевском дворце. В конце октября Ее Величество предприняла обратное путешествие в Россию; останавливалась опять в Мюнхене, где готовился торжественный и сочувственный прием; но императрица отклонила всякие почетные встречи и торжества. Король Баварский выехал навстречу Ее Величеству до Куфштейна. Здоровье ее настолько улучшилось, что в Мюнхене императрица посетила театр и на другой день (4/16 ноября) выехала в Дармштадт. Король проводил Государыню до Нёрдлингена. Переночевав в Дармштадте, Ее Величество прибыла вечером 5 ноября в Берлин, провела там весь день 6-го числа, в доме русского посольства, а 9 ноября, в полдень, прибыла в Царское Село.

Здесь Их Величества оставались до 20 ноября. На другой день переезда их в Зимний дворец подписан Государем указ, которым повелено великому князю Владимиру Александровичу присутствовать в Сенате. По этому поводу в публике толковали, что Его Высочество, не чувствуя в себе расположения к военному делу, пожелал, в виде исключения из укоренившихся в Царской фамилии традиций, посвятить себя гражданскому поприщу. Последствия, однако ж, не подтвердили этих толков.

Празднование ордена Св. Георгия 26 ноября происходило по обыкновенному церемониалу, но без участия императрицы и вообще дамского пола, так как здоровье Ее Величества требовало всевозможных предосторожностей.

В петербургской жизни осень есть обыкновенно пора пробуждения от летнего усыпления; после общего затишья возникают разного рода заботы и треволнения: в школьном мире начинаются так называемые студенческие истории; в дипломатии поднимаются вопросы, временно остававшиеся без движения, а в сфере административной подогревается чиновничья деятельность, сопровождаемая мелкими личными дрязгами. К сожалению, эти осенние пароксизмы в нашей администрации заметно усилились в последние годы, именно с тех пор, как действующим лицом на первом плане появился граф Пётр Шувалов. Поставив себе задачею забрать всю власть в свои руки, он, разумеется, заботился более всего о том, чтобы вытолкнуть из состава высшего управления все личности, ему не поддававшиеся, заменив их людьми

П.А. Шувалов

своего кружка. В течение двух лет он успел достигнуть своей цели до такой степени, что в Комитете министров голос его имел решающую силу. Некоторые из министров входили в предварительное с ним соглашение по всем более важным делам; другие безмолвно подчинялись его авторитету. С заменою статс-секретаря Валуева в должности министра внутренних дел генерал-адъютантом Тимашевым граф Шувалов приобрел нового, более удобного союзника, который по своему образу мыслей и своей ловкости мог сделаться гораздо более активным орудием, чтобы провести всякую задуманную интригу.

С наступлением осени 1868 года и по возвращении из заграничного путешествия с Государем, граф Шувалов, заодно с Тимашевым, открыл решительный поход против меня. Предлогом к тому взята была газета Военного министерства «Русский Инвалид», которая давно уже была предметом ненависти и злобы наших консерваторов и крепостников. Как уже было мною не

раз упоминаемо, редакция «Инвалида» получала общее направление лично от меня, и главным лозунгом ее было отстаивать великие реформы шестидесятых годов против ярых врагов их, замысливших подкопаться под новые, ненавистные им учреждения. Кроме того, «Русский Инвалид» горячо восставал против сепаратистских стремлений некоторых из окраин России и постоянно выказывал сочувствие к славянским народам, не становясь, однако же, в ряды славянофилов. Чрез это он навлек на себя вражду не только в среде польских панов и прибалтийских баронов, но и за границей, в Вене и Берлине. В «Инвалиде» нередко появлялись весьма серьезные, капитальные статьи по нашим внутренним вопросам и внешней политике*, всегда в смысле, совершенно противоположном стремлениям наших ретроградов и крепостников[56].

Орган этой партии — газетка «Весть» наполнена была самыми неприличными выходками против всех новых реформ, в особенности же против закона 19 февраля 1861 года. Она дошла до такого цинизма, что открыто выставляла эти реформы антимонархическими, ведущими к демократической республике и упразднению дворянского сословия, так что в некоторых губерниях само дворянство подняло голос против своего слишком усердного защитника и публично выразило свое негодование по поводу некоторых статей «Вести»[57]. Замечательно, что тогда газета Каткова «Московские Ведомости» немилосердно бичевала необузданный орган крепостников и защищала от его нападок реформы императора Александра II. Для примера приведу несколько строк из одной позднейшей передовой статьи «Московских Ведомостей»**: «Скандал, который представляет эта газета (то есть "Весть"), доходит теперь до крайних пределов. Все что есть в России мыслящего, ясно видит ту постыдную и злую игру, которой этот, сам по себе ничтожный листок служит выражением и орудием. Пружины этой махинации теперь на виду, и все знают, для чего эта газета с такою настойчивостью повторяет то, чему сама не верит, и прибегает к мистификациям, которые, — как ей самой совершенно сведомо, — никого в публике обмануть не могут...» В том же номере

---

* Так, например, в 1867 году (№ 252–254) была помещена большая дельная статья о современном положении денежной и банковой системы в России известного киевского профессора Н.Х. Бунге, будущего министра финансов.

** В ноябре 1869 года.

московской газеты был напечатан протест от имени рязанских землевладельцев против безумных нападок «Вести» на реформы шестидесятых годов. И все эти наглые нападки терпелись представителями высшего правительства, даже поощрялись ими. Но кто мог тогда подумать, что настанет время, когда та же газета Каткова, так горячо восстававшая против «Вести», сама займет ее место в нашей периодической печати[58].

В числе задач газеты «Весть» были нападки или, вернее, ругательства на Военное министерство и прямо на личность военного министра. По этой части явился усердным сотрудником известный Ростислав Фадеев, который уже в 1867 году помещал в «Московских Ведомостях» свои статьи о новой организации нашей армии, вызвавшие опровержения в «Русском Инвалиде»*[59]. Статьи Фадеева в «Вести» приняли характер до такой степени резкий и неприличный, что редакции «Инвалида»** дано было мною положительное запрещение вдаваться в какую-либо полемику вообще и в особенности с «Вестью». Однако ж Фадеев в своих хулах всего сделанного в военном ведомстве за последнее время дошел до такого возмутительного цинизма, что не было уже возможности оставлять вовсе без внимания те превратные толкования и ложные сведения о состоянии наших военных сил, которые могли произвести невыгодное в политическом отношении впечатление за границей. Поэтому в одном из номеров «Инвалида» в октябре 1868 года*** была напечатана короткая заметка, предостерегавшая публику от заблуждения. Этою одною заметкою и ограничился орган Военного министерства. Все другие, самые грубые и неприличные выходки «Вести» на Военное министерство и на меня лично оставлялись без внимания[60].

В половине октября Тимашев и граф Шувалов представили Государю доклад о вредном направлении издаваемой под личным моим руководством газеты. Несколькими выдержками из разных статей «Инвалида» они внушили Государю мысль, что я будто бы веду свою личную политику, наперекор тому направлению, которое дается ими, будто бы согласно с личными указаниями Его Величества. В своих цитатах они приводили, например, мнения газеты в пользу существовавших Положений о земских и судебных

---

* 6 апреля 1867 г., № 95.

** Полковник Ген[ерального] шт[аба] Зыков.

*** 31 октября, № 298.

учреждениях[61] или против толков о том, будто отмена крепостного состояния имела последствием увеличение пьянства*. И это ставилось газете в укор! Защита существующих законоположений признавалась направлением вредным!

По поводу этого доклада. Государь назначил заседание Совета министров, не предупредив меня о предмете совещания, что впрочем бывало и в других случаях: для большинства министров цель собрания Совета оставалась тайною до самого открытия заседания. Не без удивления слушал я чтение доноса на меня министра внутренних дел и словесные дополнения Тимашева и графа Шувалова. Вовсе не подготовленный к роли обвиняемого, я возражал, как мог, объяснив, что для меня совершенно непонятно, как может считаться вредною и противною интересам правительства газета, защищающая те великие реформы, которые составляют славу настоящего царствования. Противники мои поддерживали мнение, что правительство должно иметь один только орган; что нельзя допустить, чтобы специальные органы каждого министерства проводили свои особые виды по общим вопросам государственным. В заключение совещания Государь объявил свою волю, чтобы возбужденный вопрос об изменении программы издания «Инвалида» был подробнее обсужен в Комитете министров.

Как ни тяжело было мое положение в описанном заседании Совета министров, но еще неприятнее были для меня прения по тому же вопросу в первом после того заседании Комитета министров. Тут я уже не мог скрыть своего раздражения против моих коллегов, требовавших, чтобы в «Инвалиде» не печаталось ничего, кроме статей специально военных или заимствованных из «Правительственного Вестника» — новой газеты, которую предполагалось издавать при Министерстве внутренних дел, взамен издававшейся до того «Северной Почты»[62]. Я резко заявил, что подобное предложение считаю унизительным для себя; что не могу допустить, чтобы официальное издание Военного министерства было отдано под надзор другого министра или было обязано довольст-

---

* В № 286, 287 и 289 «Инвалида» 1868 года напечатан был ряд весьма дельных статей, заключавших в себе статистические исследования о потреблении вина в России. Общий вывод из этих научных статей выражен был в передовой статье № 289 (22 октября). Статьи эти и заключительные из них выводы таковы, что могли бы с большою пользою послужить руководною нитью и гораздо в позднейшие времена, когда поднимался злополучный вопрос об уменьшении пьянства в народе.

воваться перепечатками из какой-либо другой газеты; а как ограничить газету исключительно приказами и распоряжениями по военному ведомству, значило бы оставить ее почти без читателей, то я объявил в заключение, что предпочитаю совсем прекратить издание «Инвалида».

В таком смысле был представлен мною доклад Государю, который первоначально ничего не возразил против моего решения прекратить издание, а потому я сделал немедленно же соответствующие распоряжения. В номере «Инвалида» 27 октября появилось объявление о прекращении издания этой газеты с окончанием текущего года. Вслед за тем, 30 октября, появилось объявление об издании с 1 января 1869 года новой официальной газеты «Правительственный Вестник» взамен прежней «Северной Почты». Редактором новой газеты назначен Вас[илий] Вас[ильевич] Григорьев, ориенталист, бывший некогда профессором в университете, человек, не внушавший доверия и уважения; общее же распоряжение по организации этого нового издания было поручено начальнику Главного управления по делам печати тайному советнику Похвисневу вместе с действительным статским советником П.П. Семёновым (статистиком).

Лишь только сделалось известно решение относительно «Русского Инвалида», поднялись с разных сторон выражения сожаления о прекращении такого издания, которое не только составляло насущную потребность военного сословия, но и в общем мнении приобрело особое историческое значение как издание, получившее свое начало в эпоху народного одушевления в Отечественную войну[63]. Великий князь Константин Николаевич в качестве председателя Комитета о раненых выразил негодование свое на Тимашева и графа Шувалова и заявил мне, что не считает дело окончательно решенным, что намерен снова поднять вопрос о продолжении издания «Инвалида»[64]. В то же время А.В. Головнин (в письме от 28 октября) изъявил сожаление о том, что я не отстоял «эту почтенную газету, имеющую свое длинное прошедшее и прекрасное настоящее». «По моему убеждению, — писал Головнин, — она была у нас лучшею газетою и по достоинству, и по направлению статей»[65]. Также получал я письма и от некоторых военных лиц, убеждавших меня возобновить издание. Явились и предложения о передаче права на это издание в частные руки. Одним из конкурентов был известный своими историческими трудами Щебальский.

Все эти толки, конечно, доходили до Государя, который при одном из моих докладов выразил мне и свое желание, чтобы издание «Инвалида» было продолжаемо в виде специально военной газеты. Только ради той благосклонности, можно даже сказать любезности, которые во все это время оказывал мне Государь, я воздержался от всякого решительного шага и оставил без последствий оскорбительный для меня образ действий моих коллегов. Я представил Государю новую программу для издания «Инвалида», приняв в основание значительное сокращение объема газеты, оставление в ней только официального отдела и ограничение политической части исключительно краткими известиями иностранными. 8 декабря объявлено, что с 1 января 1869 года издание «Русского Инвалида» будет продолжаемо в уменьшенном формате и только по три номера в неделю (по вторникам, четвергам и субботам), в виде прибавления к ежемесячному изданию «Военного Сборника»[66]. Издание «Инвалида» принял на себя редактор «Военного Сборника» генерал-майор Меньков, на которого я и возложил все заботы и ответственность по изданию «Инвалида»; в моем личном участии в этом деле не было уже надобности. Помощником главного редактора назначен был полковник Генерального штаба А.И. Лаврентьев[67].

Что касается издававшихся при прежней редакции «Инвалида» литографированных иностранных листков, то разумеется, издание их совсем прекратилось[68]. Министерство иностранных дел, которому я предлагал принять на себя продолжение этого издания, оказавшего заметное влияние на заграничную печать, решительно отказалось, находя достаточным поддерживать лишь субсидией брюссельскую газету «Le Nord»[69].

Прежний редактор «Инвалида» полковник Зыков, прощаясь с читателями своими в передовой статье последнего номера за 1868 год, ясно очертил характер и направление издания за предшествовавшие шесть лет. Редакция объяснила, что поставив себе главною задачей знакомить нашу армию и русское общество с обширными реформами, совершавшимися по военной части, не упускала, однако же, из виду и другой своей обязанности — «знакомить своих военных подписчиков со всем, что происходило в России, так чтобы они могли, не выписывая другой газеты, узнавать все, что совершалось в жизни русского народа, в его внутреннем развитии и в его сношениях с Европою». Поэтому газета, кроме специально военного содержания, «получила и от-

дел “неофициальный”, в котором редакция могла выражать свои собственные взгляды и взгляды своих сотрудников». Указав затем на совершившееся в означенное шестилетие полное возрождение России, редакция высказывала свое сочувствие к исполненным великим государственным преобразованиям и характеризовала свою деятельность следующим образом: «Русский Инвалид», служа посредником между общественным мнением и тою средою, для которой преимущественно назначена эта газета, никогда не терял из виду своей главной обязанности: говорить и думать так, как должна думать наша армия, которая твердо знает свою обязанность — быть безусловно верною своему Государю и его личным предначертаниям на поприще как внутренней, так и внешней политики. Вот почему «Русский Инвалид», независимо от личных и частных побуждений, стоял *за объединение России*, за внешнюю самостоятельность ее и *за неукоснительное честное осуществление тех реформ*, которые Государь наш определил для развития материального и нравственного могущества своего народа. Вот почему «Русский Инвалид» открыто говорил, насколько было возможно, о всех темных происках, направленных против национальной политики, против безусловного объединения наших окраин, против совершающихся реформ. Вот почему газета, будучи официальною, *на казенные деньги* (как неоднократно твердили и твердят ее противники), считала своею обязанностью усвоить и в неофициальной части своей дух и взгляды правительства. Вот почему «Русский Инвалид» считал себя не вправе глумиться над сочувственным нам славянским движением и обличал враждебные целости и единству империи попытки германофилов в Балтийском крае. Вот почему он с сочувствием относился ко всем фактам, имеющим значение для успешного развития реформ, крестьянской, земской и судебной, и с жаром говорил о происках, направленных к тому, чтобы затормозить, извратить дело... «Словом, можно сказать прямо и открыто, что “Русский Инвалид” уносит с собою полное и глубокое убеждение, что во все время своей деятельности он ни на шаг не отступил от великих начал, державною волею положенных в основание настоящего и будущего развития России, и всегда старался укрепить, а не подрывать веру в целесообразность и благость этих начал...»

Далее, в заключении статьи, редакция говорила: «Неужели правда на стороне тех немногих журнальных органов, которые

утверждают, что Россия пошла назад, а положение ее ухудшилось? Сравним общий итог добытых результатов с размерами жалких попыток потрясти воздвигающееся здание. Пигмеи ложными журнальными толками и инсинуациями — этими орудиями мелкого самолюбия и узких интересов — пытаются остановить могучее движение вперед. Но не остановить им шагающую вперед Россию, не вернуть им того, что успело уже войти в кровь и плоть народа, не разубедить им никого в том, что все, сделанное по воле Государя для нравственного и материального развития народа, сделано именно с этою целью и может вести только ко благу. Не верим, что сделанные реформы вредны и опасны, что они разоряют народ, что Россия нуждается в чужих интеллигенциях и в привилегиях для одного сословия в ущерб другим. Не верим, когда интрига кричит о демократизме и необходимости изменить те основы, на которых Россия начала развиваться. Оканчиваем нашу деятельность с полною верою и упованием в неизменность и неуклонность того нового пути, который указан русскому народу Державною волею».

Эта предсмертная исповедь умирающего «Инвалида» была в сущности печатным протестом против интриги, добившейся прекращения этого издания[70].

Припоминая теперь давно минувшие эпизоды своей жизни, я во многих случаях упрекаю сам себя в том, что принимал слишком близко к сердцу такие мелкие дрязги и личные неприятности, каковы описанные проделки относительно «Русского Инвалида». Быть может, я придавал им более значения, чем они заслуживали, особенно при других, занимавших меня действительно серьезных заботах и обширном круге деятельности. Но оправданием мне может служить в известной мере тогдашнее мое изолированное положение в кругу коллегов: видя кругом себя одни происки, преследование личных затаенных целей, я начал опасаться, что враждебная интересам государства партия восторжествует окончательно. Мне приходилось одному, без союзников, отстаивать свои заветные убеждения против противного им и уже преобладавшего направления. Такая постоянная и большею частью безуспешная борьба держала меня в таком нервном состоянии, что каждый новый шаг моих противников раздражал меня. Мое личное служебное положение становилось все более затруднительным.

В таком настроении духа закончил я 1868 год. Остается здесь сказать несколько слов о моей семье.

Жена моя с больною дочерью после моего отъезда из Канна оставалась там до 4/16 октября, потом переехала в Ниццу, а в конце месяца, приискав в Ментоне удобное на зиму помещение для больной, окончательно переместила ее туда. К тому же времени возвратилась из Гамбурга и г-жа Регенсдорф, на попечение которой снова должна была остаться бедная моя Ольга. Водворив ее по возможности комфортабельно, жена моя рассталась с нею 8/20 ноября и направилась чрез Симплон на Вевэ, где в то время поселился мой брат Николай.

После того как мы расстались с ним в Бадене, он настолько укрепился в силах, что решился съездить в Дармштадт представиться Государю. Его Величество принял больного благосклонно и радушно; говорил с ним о польских делах и совершенно очаровал его. Впоследствии брат писал мне: «Свидание мое с Государем было для меня истинным праздником: я нашел его помолодевшим, а он меня — стариком»[71]. Брат мой был ровесником Государя, но на вид казался тогда, по крайней мере, двадцатью годами старше его.

Оставаясь до половины октября в Бадене, брат мой находился постоянно в русском обществе. Туда приезжали К.Д. Кавелин, И.П. Арапетов, А.А. Абаза, Сем[ён] Ал[ександрович] Мордвинов и другие близкие люди. Относительно места зимовки брат после долгих колебаний предпочел провести предстоявшую зиму на Женевском озере, где поселилась также и сестра Мордвинова. Пробыв несколько дней в Уши, для свидания с дядей графом П.Д. Киселёвым, брат водворился наконец в Вевэ, в одном отеле с сестрою Мордвиновой, и оставался там до апреля следующего года. В конце октября граф Киселёв уехал из Уши в Париж; Сем[ён] Ал[ександрович] Мордвинов возвратился в Одессу, а И.П. Арапетов отправился на зиму в Италию.

Жена моя провела два дня в Вевэ, в семейном и приятельском кружке, а 15/27 ноября возвратилась в Петербург. Я встретил ее на Дивенской станции.

За несколько дней до возвращения жены, после одного из моих докладов Государю в Царском Селе, я был приглашен зайти к графине Александре Андреевне Толстой, воспитательнице великой княжны Марии Александровны, чтобы переговорить о каком-то деле. Графиня Толстая занимала во дворце помещение рядом с комнатами великой княжны, в том же коридоре, в кото-

ром находилась и моя квартира. Совершенно для меня неожиданно графиня Толстая объявила мне, что ей поручено императрицею спросить мое согласие на назначение старшей дочери моей Елизаветы фрейлиною при великой княжне Марии Александровне. Как ни лестно было это предложение, я затруднился, однако же, изъявить прямо согласие, сославшись на отсутствие жены. Но лишь только она возвратилась в Петербург, графиня Толстая возобновила предложение в таких любезных формах, что не было возможности отклонить его. После того в течение некоторого времени дело это как бы заглохло; мы уже полагали, что оно почему-либо останется без последствий, так что я был почти удивлен, когда за несколько дней до Нового года получил от графа Ал[ександра] Вл[адимировича] Адлерберга официальный запрос об имени моей дочери. Назначение ее состоялось 1 января 1869 года, и с этого времени она сделалась почти неразлучною с великою княжной до самого замужества ее. Однако ж дочери моей разрешено было во время пребывания царского семейства в Петербурге жить в родительском доме.

В самом конце года (27 декабря) приехал в Петербург младший мой брат Борис, с которым не виделись мы уже много лет. Он служил в Восточной Сибири чиновником для поручений при генерал-губернаторе. Там он женился на вдове Ивановой (Прасковье Осиповне), с которою только теперь мы и познакомились.

ОБЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В 1868 ГОДУ

В общей политике европейской продолжалось и в 1868 году прежнее тревожное опасение нарушения мира. Толки о неизбежной войне в близком будущем не прекращались. Всякое событие, где бы ни случилось, всякая мера, принятая тем или другим правительством, всякая речь, произнесенная кем-либо из официальных лиц, — все истолковывалось в смысле воинственных замыслов той или другой державы, между тем как со всех сторон только и слышались заявления о необходимости мира, о желании всех правительств поддержать его.

Общее опасение войны вызывалось отчасти тою усиленною заботливостью, с которою во всех государствах принимались меры к увеличению армий, к лучшему вооружению их, к ускорению мобилизации. В одно и то же время Законодательное собрание

Франции продолжало обсуждать внесенный в исходе прошлого года проект новой организации вооруженных сил, и в Вене шли в рейхсрате прения о военных мерах на случай войны.

Поводами к ожидаемой войне выставлялись то неизбежность столкновения между Францией и Пруссией, то посягательства Итальянского королевства на Рим[72], то волнения в христианском населении Турции, мнимые замыслы России на востоке и т. д.

Возвышение Пруссии и образование под главенством ее Северо-Германского Союза были таким чувствительным ударом и для Франции, и для Австрии, что ни та, ни другая из этих держав не могла примириться с новым положением вещей[73]. Наполеон III не забыл оскорбительной для Франции проделки Бисмарка по Люксембургскому вопросу[74] и выжидал только благоприятных обстоятельств, чтобы каким-либо громким успехом поддержать свой авторитет, поколебленный успехами Пруссии и неудачным концом безрассудной Мексиканской экспедиции[75]. Трагическая смерть эрцгерцога Максимилиана* легла тяжким укором на политику императора французов. Национальное чувство во Франции было сильно возбуждено против главного виновника стольких неудач. Всякий новый промах мог быть гибельным для узурпатора. В особенности должны были озабочивать Наполеона явные покушения Пруссии распространить свою гегемонию на государства Южной Германии, вопреки условий Пражского договора 1866 года[76]. Опасение окончательного объединения всей Германии не давало покоя ни императору французов, ни Венскому кабинету. В общественном мнении большей части Европы прусское правительство возбуждало негодование своим суровым, насильственным образом действий в отторгнутых от Дании герцогствах (Голштинии и Шлезвиге), равно как и относительно свергнутого с престола короля Ганноверского, у которого было конфисковано даже частное имущество. Король Георг V нашел себе убежище в Австрии, между тем как Франция дала приют приверженцам его и смотрела сквозь пальцы на формирование в своих пределах Ганноверского легиона[77]. Все это поддерживало толки о неизбежной войне.

Между прочим послужила поводом к таким толкам и предпринятая в феврале принцем Наполеоном поездка в Германию. Он

---

* В самом начале 1868 года (4/16 января) тело злополучного эрцгерцога было привезено в Триест и оттуда в Вену. Погребение совершено с подобающими почестями 9/21 января.

останавливался в разных немецких городах, прожил несколько дней в Берлине, и хотя во французских официозных газетах заявлялось, что принц путешествовал без всякого политического поручения, тем не менее догадки насчет таинственной цели его поездки приводили все-таки к тому заключению, что принц разъезжал в качестве соглядатая Наполеона III, ввиду предстоявшей войны. Впоследствии сделалось известным, что при свидании принца с Бисмарком последний снова заявлял, что со стороны Берлинского кабинета не встретилось бы сопротивления присоединению Люксембурга к Франции в случае согласия на то Голландии.

Но император Наполеон III потерял уже доверие к Бисмарку и старался сблизиться с Венским кабинетом. С другой стороны, Пруссия рассчитывала на поддержку России. Тогдашние отношения между дворами Берлинским и Петербургским были самые дружественные. Независимо от официальных, дипломатических сношений, сами Государи обменивались родственными, задушевными приветствиями, взаимными советами и услугами. Сношения эти происходили частью собственноручною перепискою, частью чрез посредство состоявших при особах императора и короля военных представителей: в Петербурге — прусского полковника Швейница, в Берлине — русского генерал-адъютанта графа Голенищева-Кутузова. В начале 1868 года нашему военному агенту в Париже князю Витгенштейну удалось достать тайным образом планы вооружения некоторых французских крепостей и тем оказать важную услугу Берлинскому кабинету. Присланный с этими планами из Парижа в Петербург капитан гвардейской конной артиллерии Джульяни в марте месяце был отправлен в Берлин для передачи лично генералу Мольтке.

Впрочем, эти близкие отношения между Петербургским и Берлинским кабинетами имели характер совершенно платонический. Наша внешняя политика стремилась к тому только, чтоб избегнуть активного вмешательства в возникающие международные вопросы[78]. Самым жгучим для нас вопросом, конечно, был так называемый Восточный, но и тут наше Министерство иностранных дел постоянно обуздывало ретивость и увлечение русского посла в Константинополе генерала Игнатьева, принявшего на себя роль открытого защитника и покровителя славянского населения Турции. Несмотря на постоянные наставления министерства в том смысле, чтобы отклонять это население от всяких попыток вооруженного восстания, несмотря на всю осторожность нашей полити-

ки, особенно в отношении славянских народов Австрии, в Западной Европе постоянно подозревали Россию в тайных происках, в преднамеренном возбуждении Восточного вопроса*. В начале 1868 года набралось немало поводов к подобным обвинениям. Продолжавшееся с 1866 года восстание на острове Кандии[79] не могло не возбуждать сочувствия в единоверной России; но участие наше в бедственном положении геройского населения этого острова ограничивалось лишь тем, что крейсировавшие в греческих водах суда нашего флота помогали перевозке спасавшихся от турецких жестокостей семейств инсургентов. В то время было уже перевезено с острова в Греческое королевство до 60 тысяч женщин, детей и стариков. Порта, раздосадованная тем, с многочисленной армией и сильным флотом, не могла в продолжение двух лет одолеть геройское сопротивление горсти инсургентов, ни прекратить подвоз к ним запасов, оружия и волонтеров, придиралась к греческому правительству, обвиняя его в умышленном возбуждении и поддержании мятежа и требуя от этого правительства не только прекращения сношений с островом, но и возвращения бежавших оттуда семейств кандиотских. Также обвиняли и Россию в покровительстве мятежу, в содействии инсургентам военными нашими крейсерами. По этому поводу наше Министерство иностранных дел решилось опубликовать относившиеся к Кандиотскому восстанию дипломатические документы[80], дабы напомнить Европе, что с самого начала этого восстания, то есть с 1866 года, Петербургский кабинет предлагал державам-покровительницам (Англии и Франции) не оставаться бездейственными свидетельницами событий, угрожавших спокойствию на Востоке и действовать заодно для восстановления мира, на основании постановлений Лондонской конференции 1830 года[81]. Действительно, наше Министерство иностранных дел постоянно высказывало необходимость побуждения Порты к изменению существовавшего на острове Кандии порядка управления и к ограждению христианского населения от угнетений; но французское и английское правительства заботились только об ограждении целости Оттоманской империи и неприкосновенности Парижского трактата 1856 года[82], побуждая Порту к энергическому действию для скорейшего подавления восстания.

Точно так же действовали западные державы и в отношении других подвластных султану христианских областей, в которых

---

* В автографе зачеркнуто: «...в панславизме» (*примеч. публ.*).

также проявлялось сильное возбуждение против турецкого управления. В январе 1868 года Англия, Франция и Австрия чрез своих консулов в Белграде заявили сербскому правительству строгое предостережение по случаю жалоб Порты на принимаемые князем Михаилом меры к усилению своих войск и к лучшему их устройству. Россия отказалась присоединиться к туркофильской политике западных держав в отношении Сербии, а также и румынского правительства, которое навлекло на себя обвинение со стороны Порты в том, что оно дает убежище болгарским и другим беглецам и покровительствует формированию на левой стороне Дуная болгарских шаек, которые будто бы вторгаются в Болгарию и производят там смуты. Несмотря на все опровержения со стороны румынского правительства, толки о тайном покровительстве его готовившемуся в Болгарии восстанию не прекращались и послужили поводом к сбору на северной стороне Балкан турецкой армии под начальством Омер-паши[83].

В Европе смотрели ревниво на установившееся естественное влияние России на славянское население Балканского полуострова. В особенности же оно было неприятно для венского правительства*, встревоженного сочувствием к России среди славянского населения самой Австрии. В Вене не могли забыть прошлогодних славянских демонстраций на Московской выставке и приписывали русским интригам возникшее в то время национальное движение в славянских областях Австрии[84]. Чехи открыто протестовали против введенной системы дуализма и требовали себе такой же автономии, какой добились мадьяры[85]. Происходившие в мае торжества по случаю основания в Праге Национального чешского театра послужили предлогом к самым восторженным заявлениям солидарности между славянскими племенами и к политическим демонстрациям против немецко-мадьярской системы Бейста. Положение дел в Богемии до того обострилось, что в сентябре объявлено было в Праге военное положение и пришлось усмирять народные смятения силою оружия. Принимаемые правительством репрессивные меры еще более усиливали возбуждение среди австрийских славян и то сочувствие, которое выказывалось к ним в России.

У нас в то время славянофильство было в полном разгаре. По всякому поводу выражалось публично сочувствие к «братьям-сла-

* Далее в автографе зачеркнуто: «Оно готовилось к военному вмешательству в случае откровенного восстания» (***примеч. публ.***).

Э.Г. Стакельберг

вянам», посылались телеграммы, произносились восторженные речи[86]. Правительство наше смотрело сквозь пальцы на эти славянские увлечения, которые, однако же, все более раздражали венское правительство. Толкам о войне у нас не придавали значения; никакие чрезвычайные меры военные не принимались. Известно было, что ни Австрия, ни другие державы не были готовы к войне. Еще 16/28 марта граф Стакельберг писал мне: «Австрийских замыслов нам нечего опасаться, по крайней мере в течение настоящего года,

ибо военное преобразование еще не представлено сейму, а исполнение его потребует немалого времени»[87]. В армии австрийской, так же как и во всех других, еще производилось перевооружение; предполагалось к концу года изготовить только половину потребного на всю армию числа ружей, переделанных по системе Венцля. Также и во Франции только что приступали к преобразованиям в войсках и к разработке плана мобилизации. Эта неготовность к войне объясняет, почему после упорных толков о неизбежном столкновении между державами вдруг (в апреле) заговорили о миролюбивых намерениях всех правительств и даже о взаимных соглашениях относительно сокращения вооруженных сил. Все газетные толки в этом смысле, конечно, были пущены лишь для успокоения общественного мнения. Громкие речи о «разоружении» в действительности ограничились лишь тем, что в Берлине последовало, в апреле, королевское повеление об увольнении в отпуск 12 тыс. нижних чинов с действительной службы в резерв, причем была заявлена надежда, что и другие державы последуют примеру Пруссии, доказывающей своим распоряжением миролюбивые свои виды. Франция со своей стороны также уменьшила наличную численность армии на 14 тыс. человек, а в Италии сбавлено с военного и морского бюджетов 25 млн лир.

Несмотря на подобные признаки миролюбивых намерений правительств, общественное мнение, однако же, было так настроено, что при всяком новом случае опять возрождались тревожные толки. Так, вторичное путешествие принца Наполеона, предпринятое в мае чрез Стутгардт и Вену в Прагу и оттуда на юг чрез Бухарест в Константинополь, снова подало повод к разным предположениям о тайных политических целях и воинственных замыслах Наполеона III. Казалось, что пребывание принца в Праге не могло иметь другой цели, как разве выведать настроение славянского населения Австрии, чтобы заручиться его содействием на случай, если б Франции пришлось воевать вместе с Австриею против Пруссии, союзной с Россией. Вожаки чехов Палацкий и Ригер прямо заявили французскому принцу, что славяне ни в каком случае не пойдут против России, которая одна выказывает им сочувствие. Принц уехал из Праги недовольный результатом своей миссии.

Внутреннее положение дел во всех государствах Европы содействовало укрощению всяких воинственных поползновений.

В Италии горячие патриоты не унимались в своем настойчивом стремлении к довершению единства государства перенесением сто-

лицы в Рим. Наполеон III, оказавший соседней стране такую поддержку на первых шагах ее к объединению, теперь стал на страже светской власти папы и тем навлек на себя народную ненависть. Неловкость положения его в отношении народа итальянского усугублялась образом действий самого Ватикана, который, вопреки советам императора французов, не подавался ни на какие уступки требованиям века. Напротив того, папа Пий IX затеял созвать Вселенский собор, чтобы торжественно провозгласить нелепый догмат непогрешимости наместника Св. Петра. Предположение это было заявлено еще летом прошлого года; теперь же, в 1868 году, уже определен и срок предположенного съезда кардиналов и епископов — на 8 декабря (нов. стиля) 1869 года. В сентябре 1868 года обнародован странный манифест, которым папа взывал ко всем вообще христианам, без различия исповеданий, о принятии участия в предстоявшем Соборе, «дабы спасти все христианство чрез объединение его в лоне Римско-католической церкви». Таково было самообольщение Ватикана в то время, когда самое существование светской власти папы, можно сказать, висело на волоске[88]. Притязания Ватикана, отрицавшие все добытые веками результаты цивилизации, вызывательный его образ действий встревожили католические государства, изумили самых ревностных католиков и даже угрожали расколом в самой церкви Римско-католической. Папство накануне окончательного падения его светской власти как будто пробовало поддержать себя переходом в наступление, не внимая никаким предостережениям из Парижа и Вены.

Еще тревожнее было положение дел в Испании. Вскоре после смерти маршала Норваэца (умершего 11/23 июня) открыт был заговор, имевший целью свергнуть непопулярное правительство королевы Изабеллы. Хотя главные заговорщики: маршалы Серрано и Прим и некоторые еще генералы были сосланы на Канарские острова, однако ж в сентябре, когда королева выехала на свидание с императором Наполеоном в Сан-Себастиан (близ Биаррица), вспыхнуло восстание в Андалузии под руководством изгнанных маршалов и с содействием адмирала Топете. Восстание распространилось быстро, и 17/29 сентября революционная армия уже вступила в Мадрид. Королева с любимцем своим Марфери и немногими из приближенных покинула Испанию, прибыла в Биарриц, и после весьма короткого свидания с Наполеоном переехала в По, а потом переселилась в Париж. Между тем Серрано и Прим, вступив в столицу Испании, провозгласили низложение королевы

Ф. Серрано-и-Домингес

Изабеллы и учредили временное правительство впредь до созыва кортесов. Маршал Серрано принял звание главы исполнительной власти. Вся эта революция совершилась необыкновенно быстро, почти спокойно, без пролития крови. Временное правительство выказало замечательную умеренность во всех своих распоряжениях, и несмотря на существование различных политических партий, несмотря на карлистское движение в Каталонии[89], страна терпеливо ожидала решения кортесов относительно будущей формы правления и выбора главы государства из числа многочисленных кандидатов, предлагаемых разными партиями*.

* Кроме принца Астурийского, старшего сына королевы Изабеллы, кроме дон Карлоса, указывалось на герцога Монпансье, на короля Португальского Фердинанда, на герцога Аостского, на принца Наполеона (Жерома), наконец, на герцога Эдинбургского.

Заметим, что во всех рассказанных делах вовсе не упоминается об Англии. Держава эта почти не вмешивалась в события континентальной Европы; она была в то время слишком озабочена своими собственными делами: с одной стороны, в Ирландии восстание фенианское[90] приняло характер ожесточенной борьбы с правительственными властями, сопровождаемой убийствами, похищением оружия, порчею телеграфов, взрывом зданий; с другой стороны, ожидали в Англии с тревожным нетерпением окончания военной экспедиции в Абиссинию[91], стоившей чрезвычайных усилий и громадных расходов. В половине апреля получено наконец известие об одержанном английскими войсками решительном успехе: столица Негуса Магдала взята приступом и предана огню; сам Негус Фёдор найден мертвым. Освободив находившихся в плену 60 англичан, правительство великобританское поспешило вывести свои войска из Абиссинии. Результаты экспедиции далеко не соответствовали затраченным средствам и не удовлетворили горделивых ожиданий Джон-буля. Торийское министерство д'Израэли, только в феврале заменившее либеральный кабинет Дерби — Гладстона, не могло долго удержаться: уже в конце апреля оно было поколеблено решением Нижней палаты, по предложению Гладстона, об упразднении государственной церкви в Ирландии[92]. Палата была закрыта до осени, но положение Кабинета пошатнулось, и последствием новых осенних выборов было восстановление прежнего либерального министерства Гладстона.

Внимание великобританского правительства было обращено преимущественно на продолжавшиеся волнения среди христианского населения Турции, на переворот в Афганистане, на успехи России в Средней Азии и на события на крайнем Востоке.

В Китае продолжавшееся уже несколько лет восстание «тайпингов» приняло опасные размеры[93]. В апреле инсургенты овладели Тян-Цином и угрожали самой столице. В Японии совершилась в начале года полная революция: вследствие раздоров и междоусобий «дамиосов», составлявших нечто вроде европейской средневековой феодальной аристократии, всевластие «Тайкуна» было низвергнуто, и верховная власть сосредоточена в лице одного «микадо»[94]. Во время происходивших смут было два случая проявления народного раздражения против европейцев (раз нанесено оскорбление членам французской миссии, а в другой — английским дипломатам), но в оба раза представители Европы получили полное удовлетворение.

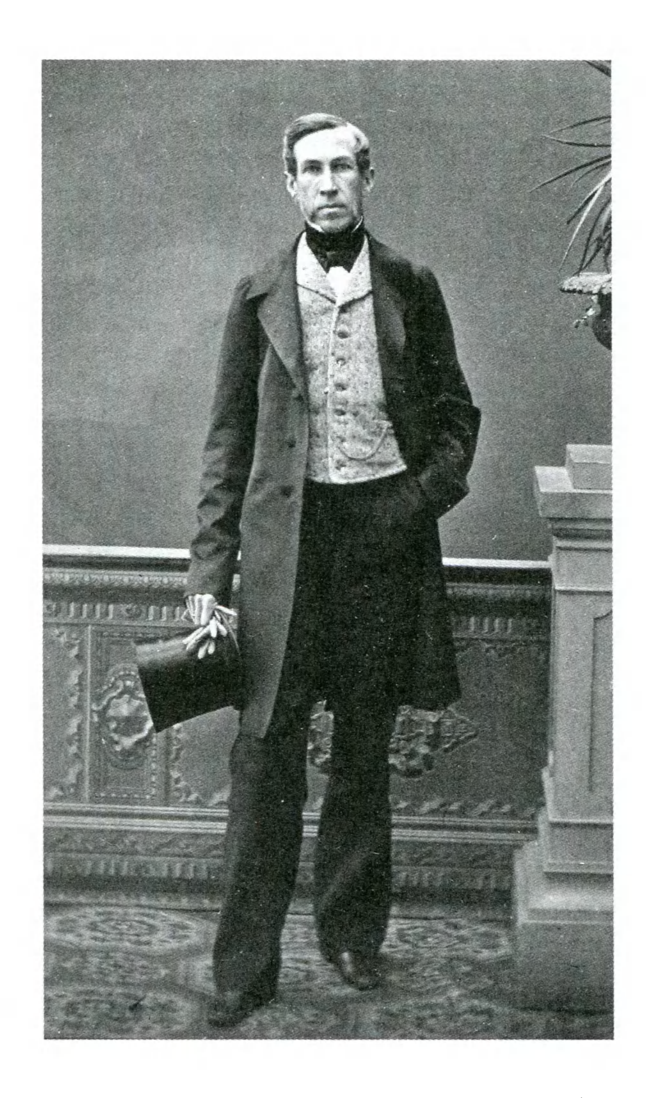
Э. Бьюкенен

В Афганистане междоусобная война между эмиром Азим-ханом и правителем Герата Якуб-ханом (сыном низверженного Шир-Али-хана)*, приняла решительный оборот в пользу последнего: в апреле Якуб-хан разбил войска эмира, овладел Кандагаром и, провозгласив отца своего Шир-Али эмиром Афганским, двинулся к Кабулу. Такой оборот дел в этой стране признавался благоприятным для Англии, так как Шир-Али считался человеком преданным ей, тогда как Азим-хан не скрывал своего недоверия к англичанам[95].

Положение дел в Афганистане постоянно озабочивало британское правительство, смотревшее на эту страну как на оплот

---

* В начале 1867 года Шир-Али-хан, вследствие понесенного его войсками поражения, принужден был бежать в Герат, и тогда эмиром Афганским провозглашен был Азим-хан.



В.И. Вестман

ост-индских владений со стороны воображаемых завоевательных стремлений России. Быстрые успехи наши в Средней Азии в последние годы представлялись в глазах англичан каким-то страшным призраком. Заключенный теперь генералом Кауфманом договор с эмиром Бухарским возбудил в Англии большое любопытство. Английский посол в Петербурге Буханан усиленно старался выведать условия этого договора от неразговорчивого товарища министра иностранных дел Вестмана (управляв-

шего министерством во время пребывания князя Горчакова за границей); не добившись ничего, обращался и ко мне. Наш же посол в Лондоне барон Бруннов доносил (от 8 октября нов. стиля), что лорд Станлей, хотя чрезвычайно интересуется нашим договором, однако ж относится к нашим делам в Азии весьма сдержанно и лично высказывается против всех возбуждаемых предположений о занятии Афганистана с присоединением его к английским владениям, в видах противодействия нашим успехам в Средней Азии. При этом барон Бруннов доносил, что вице-король Ост-Индии, более озабоченный ими, чем само министерство, сосредоточил в Пенджабе, на границе Афганистана, до 20 тыс. войска. В заключение своей депеши посол наш прибавил: «Si nous voulons rester amis (т. е. с англичанами), évitons en Asie de nous toucher de trop prés»*[96].

Неприятное впечатление произвело в Англии удержание нами Самарканда, вопреки обещанию, данному так неосторожно князем Горчаковым британским министрам в Бадене. Подобные случаи несогласия медовых речей наших дипломатов с совершавшимися фактами естественно подавали иностранным правительствам повод к обвинению России в двуличии и лживости. Зато успокоительный для английской политики оборот приняли к исходу года дела восточные на Балканском полуострове и в Кандии.

После двухлетней упорной борьбы кандиоты совершенно истощили средства для дальнейшего сопротивления. Помощь, которую инсургенты получали от Греции, мало-помалу ослабевала; сообщение с островом сделалось весьма затруднительным с усилением турецкого флота под начальством англичанина Гобарта-паши. Последний из пароходов, доставлявших помощь кандиотам и смело проскользавших сквозь линию турецкой блокады, должен был в ноябре искать спасения в гавани Сиры, а в декабре последний державшийся еще отряд инсургентов под начальством отважнейшего из вождей — Петропулаки после геройского сопротивления принужден сдаться на капитуляцию. Так кончилось это замечательное восстание кандиотов, державшихся целых два года, с ничтожными своими средствами, против многочисленных турецких войск, подкрепленных сильным

---

* «Если мы хотим остаться друзьями (т. е. с англичанами), нам следует избегать слишком близкого соприкосновения в Азии» (*фр.*).

флотом. Тщетно кандиоты взывали к Европе о помощи и заступничестве. Европа, которая и прежде, в эпоху освобождения Греции, так несправедливо решила участь кандиотов[97], и теперь не только не пришла на выручку их от жестокой турецкой расправы, но еще подбивала Порту действовать энергичнее для подавления восстания. Европа более всего избегала затронуть жгучий Восточный вопрос, когда зловещие тучи, видимо, собирались на Западе.

В Болгарии также все попытки восстания были подавлены суровыми мерами Митхада-паши, заступившего место прежнего главнокомандующего в том крае Омер-паши. Тайно образовавшееся в Болгарии временное правление обращалось (в сентябре месяце) к представителям держав в Константинополе с протестом против бесчеловечных мер паши и с просьбами о заступничестве Европы, но ни одно из европейских правительств не решилось подать голос за несчастный народ. К концу года почти все шайки повстанцев были разбиты и рассеяны[98].

Между тем в Сербии произошло трагическое событие: князь Михаил Обренович, 29 мая, среди белого дня, убит во время прогулки. Та же участь постигла и сопровождавшую его двоюродную сестру Анну Константиновну; некоторые лица свиты были ранены. Убийцами оказались родственники княжеской фамилии Радовановичи, отец с двумя сыновьями. Хотя по их показанию, побуждением к убийству служила семейная месть, однако ж были поводы к предположению и политической цели: заподозрены свергнутый с престола сербского Александр Карагеоргиевич, сын его Михаил и некоторые из их приверженцев[99]. Смерть любимого народом князя произвела в крае взрыв негодования, но благодаря разумному ведению дела Мариновичем и Лешаниным сохранен полный порядок. Они втроем с Островичем образовали временное правление; преемником же убитого князя объявлен племянник его, юный князь Милан, который воспитывался тогда в Париже и немедленно же (11/23 июня) прибыл оттуда в Белград. Встречен он был торжественно, с восторгом; собравшаяся вслед за тем Скупщина единогласно утвердила выбор князя, а по малолетству его образовано регентство из трех лиц: Блазноваца (военного министра), Ристича и Гавриановича. Вместе с тем постановлено Скупщиною, что прежний княжеский дом Карагеоргиевичей на вечные времена устраняется от участия в правлении Сербии и все имения его

конфискуются. 23 июня совершилось торжественно помазание молодого князя, а вслед за тем постановлен приговор военного суда над убийцами князя Михаила: главные из них приговорены к смертной казни, которая и приведена в исполнение 16/28 июля; заочно же судившиеся князь Михаил Карагеоргиевич и секретарь его Трифанович приговорены к 20-летнему заключению в смирительном доме; но так как они оба проживали в Австрии, то по настоянию сербского правительства князь Михаил Карагеоргиевич судился впоследствии в Пеште, и за неимением положительных улик освобожден от преследования. К чести народа и правительства, Сербия вышла из постигшего ее кризиса совершенно спокойно, чем устранено опасение дипломатического или военного вмешательства Австрии.

Таким образом, к исходу 1868 года общее положение дел политических приняло успокоительный вид. Державшиеся так упорно в начале года тревожные ожидания европейской войны на этот раз не оправдались. Все государства, как уже сказано, имели свои причины желать, по крайней мере, отсрочки предвидимой грозы. Уже в августе граф А.В. Адлерберг писал мне из Югенгейма: «Слава Богу, добрались до конца лета без катастрофы в Европе. Кажется, теперь более или менее можно ручаться за этот год; но рассчитывать на будущее довольно трудно»*.

Иначе смотрел посол наш в Константинополе. Потеряв надежду на скорое осуществление заветной своей мечты, генерал Игнатьев скорбел о том, что, по его мнению, «мы упустили удобное время для фактического уничтожения Парижского трактата, для усиления Сербии и Греции, так как положение Турции и наших естественных союзников — славянских народностей радикально изменилось в последние два года». Теперь уже и сам Игнатьев признавал желательным для нас сохранение мира; «ибо, — писал он, — ни Франции, ни Пруссии нет особенной выгоды вызвать войну собственною инициативою. Полагаю, что если даже война вспыхнет на Рейне, мы употребим все усилия, чтобы не впутаться в борьбу, исход которой, однако же, неминуемо повлияет на наше внешнее положение. Но во всяком случае мы не должны быть застигнуты врасплох неожиданным оборотом дел в Европе...»**[101]

---

* Письмо от 27 августа / 8 сентября[100].

** Письмо генерала Игнатьева от 19 ноября / 1 декабря.

Н.П. Игнатьев

На это письмо Игнатьева я ответил, что у нас питают полное доверие к миролюбивому настроению Европы, и что мы вовсе не готовимся к войне. «Вам как представителю России на Востоке должно быть известно, что мы остаемся на самой мирной ноге; мы не хотим издерживать ни одной лишней копейки сверх обыкновенного мирного бюджета. Сообразуйте с этим Ваши faits et gestes»*.

* Письмо от 17 / 29 декабря[102]; «дела и поступки» (*фр.*).

Строки эти были написаны под влиянием происходивших в то время горячих споров по поводу военной сметы на 1869 год и разных неприятностей, которые испытывал я в борьбе с беспрерывными интригами.

Однако ж, несмотря на общее желание мира, под конец года чуть было дело не дошло до войны между Турцией и Грецией. Когда восстание на острове Крите было уже почти подавлено, Порта начала обращаться к греческому правительству с высокомерными и оскорбительными упреками по поводу оказанного им покровительства вожакам Кандиотского восстания. 27 ноября (9 декабря нов. стиля) турецкий посланник в Афинах предъявил греческому министру иностранных дел резкий ультиматум с угрозою в случае неисполнения требования Порты в пятидневный срок прервать сношения и выслать всех греческих подданных из пределов Турции. Подчиниться таким требованиям Порты было невозможно для греческого правительства, и по истечении назначенного срока 5/17 декабря турецкий посланник выехал из Афин, а греческий из Константинополя. Вслед за тем последовало и распоряжение Порты о немедленной высылке всех греческих подданных из края. Хотя вскоре турецкое правительство образумилось и отсрочило исполнение такой суровой меры; однако ж между тем войска турецкие усиливались на границах Греческого королевства; со дня на день ожидалось открытие военных действий.

Тогда только встрепенулась европейская дипломатия. По предложению Петербургского кабинета решено было разобрать возникшее греко-турецкое столкновение в международной конференции, которая и открылась в Париже 28 декабря / 9 января[103].

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1868 ГОДУ

В Военном министерстве продолжалась напряженно прежняя сизифова работа: составлялись, рассматривались и утверждались новые Положения, одно за другим, по предначертанной заранее общей программе. Важнейшими из законодательных работ, приведенных к концу в 1868 году, были: Положения о Военном министерстве и о полевом управлении армиями в военное время.

Первое из этих Положений, Высочайше утвержденное только 1 января 1869 года[104], почти ничего не изменило в организа-

ции Военного министерства, которое было уже постепенно приведено в состав, определенный новым Положением. Практическое значение этого последнего заключалось лишь в том, что оно окончательно установило и разъяснило права, обязанности, отношения и круг действия всех частей и должностей Военного министерства, в общей связи центральных управлений с местными (военно-окружными). Одно только нововведение коснулось Военного совета, в котором учреждено, сверх общего собрания, «частное присутствие», для обсуждения и решения дел известной категории, в видах облегчения общего собрания и ускорения делопроизводства. Нововведение это вызывалось значительным возрастанием числа дел, подлежавших внесению в Военный совет. Так, в трехлетие 1836–1838 гг. число это едва доходило средним числом до 832 дел в год; в трехлетие же 1860–1863 гг. (т. е. еще до военно-окружной реформы) оно возвысилось до 2200 дел ежегодно, а в 1867 году дошло уже до 2815 дел. И это возвышение шло одновременно с уменьшением всей прочей канцелярской переписки, на что уже было мною указано. В 1868 году, против 1863 года, число входящих бумаг по всему министерству, с огромной цифры 446 044, уменьшилось до 279 328, то есть на 37%, а число исходящих — с 332 796 до 214 728, то есть на 35%.

Содержание всех должностных лиц в министерстве значительно увеличилось против прежнего. При этом положено было в виде общей нормы, чтобы половина содержания считалась жалованием, а другая половина — столовыми, и сверх того всем чинам определены квартирные деньги в размере четвертой доли всего оклада содержания.

Положение о полевом управлении армиями в военное время Высочайше утверждено 17 апреля 1868 года[105] после четырехлетней работы и переработки. Проект этого Положения рассылался два раза на заключение разных лиц, компетентных в деле управления войсками в военное время, и в два приема обсуждался в специальных комиссиях и в Военном совете. Изменения, введенные в новом Положении против прежнего «Положения об управлении большою армиею», составленного в достопамятный 1812 год и переделанного в 1846 году[106], требовались для согласования управления в военное время с новым устройством военной администрации в мирное время, так же как и вследствие многих перемен в военном деле и в самых средствах ведения войны.

В основание нового Положения было принято соображение, что на главнокомандующего армиею и на непосредственные его органы управления следует возложить лишь главные распоряжения, общее направление действий; они не должны быть обременяемы подробностями исполнения административных мер; исполнительная эта работа должна быть возложена на тыловые учреждения. В таком именно смысле и установлены отношения полевого управления армии с военно-окружными управлениями тыла или самого театра войны. Местные эти управления и предназначены для роли вспомогательных учреждений в тылу армии, так что в случае войны наступательной положено и вновь открываемым за границею тыловым учреждениям давать устройство применительно к типу военно-окружных управлений. Я уже имел случай в своих воспоминаниях за предшествовавший год заметить, что военно-окружные управления мирного времени не только не противоречат требованиям военного времени, — как уверяли хулители нового Положения, — но напротив того, составляют прочно подготовленные исполнительные органы для главнокомандующего действующею армией.

Не стану оспаривать, что в Положении 17 апреля 1868 года, быть может, не довольно ясно выражено, какую именно услугу военно-окружные управления должны приносить полевому управлению армии. Впоследствии и сам я увидел эту слабую сторону Положения и тогда возложил на Военно-кодификационный комитет вновь разработать отдел об устройстве тыла армии. К сожалению, генерал Непокойчицкий, несмотря на мои настояния и напоминания, почему-то тянул эту работу так долго, что Турецкая война 1877 года застала нас неготовыми в этом отношении и пришлось наскоро составить временное Положение об устройстве тыла армии[107]. Во время самой войны оно переделывалось несколько раз и все-таки оказалось неудовлетворительным. Впрочем, встреченные в эту войну неудобства и недостатки в управлении армией, особенно в устройстве тыла ее, зависели от многих случайных причин, которые здесь указывать неуместно, и во всяком случае не могут быть приписываемы тому, что Положением 1868 года полевое управление армии в военное время будто бы поставлено в зависимость от военно-окружной системы мирного времени. Этот аргумент противников военно-окружной системы есть один из самых неосновательных и нелепых[108].

Но критики Положения 1868 года восстали против него еще с другой стороны: оно будто бы стеснило власть главнокомандующего и поставило его в зависимость от военного министра. Этот упрек еще неосновательнее, чем первый: значение главнокомандующего и отношения его к военному министру нисколько не изменились против прежнего; новое Положение только формулировало их с большею отчетливостью, чем прежде. К сожалению, в этих именно нападках на Положение 1868 года главным обвинителем впоследствии явился фельдмаршал князь Барятинский[109].

Замечу при этом, что в то время, когда первоначальные предположения об изменении прежнего Положения о полевом управлении армии рассылались в два приема многим компетентным лицам, в числе последних был и князь Барятинский, несмотря на то, что он тогда проживал за границей, без должности, на положении больного; но в оба раза от него не было получено никакого отзыва. Другой же наш фельдмаршал, граф Берг, которому еще в третий раз был сообщен на заключение окончательно разработанный проект в том виде, в каком был внесен в Военный совет, дал отзыв вполне одобрительный.

Численность нашей армии была доведена уже в 1867 году, как казалось, до крайнего minimum; однако ж в течение следующего, 1868 года, оказалось возможным сделать еще сокращение на 23 тыс. человек, преимущественно чрез переформирование линейных батальонов на Кавказе, так что наличное число всех регулярных войск к концу 1868 года понизилось уже до 704 тыс. человек*. Сравнительно с 1861 годом армия наша сократилась почти на 160 тыс. человек, в том числе небоевой элемент уменьшился на 50 тыс. человек, то есть на 25%.

Наоборот, запас отпускных нижних чинов, состоявший в 1861 году из 242 тыс. человек и понизившийся к 1865 г. до 190 тыс. возрос в 1868 году до 483 тыс., а в начале 1869 — до полумиллиона, так что на укомплектование армии по тогдашнему военному составу оставался бы еще избыток в 75 тыс. отпускных нижних чинов, обученных и привычных к военному делу.

Таким образом, задача, поставленная на первом плане моей программы 1862 года относительно организации наших военных

---

* В иррегулярных войсках состояло на действительной службе 67 471.

сил, была достигнута: численность войск в мирное время доведена до наименьшего предела*, и вместе с тем приведение ее в военный состав до цифры 1 154 000 человек обеспечено полным запасом людей. Цифра эта казалась в 1862 году вполне достаточною для России боевою силой; но с тех пор значительно возросли вооруженные силы всех других больших государств, стремившихся, по примеру Пруссии, к тому, чтобы не увеличивая дорогостоящую армию в мирное время, подготовить на случай войны по возможности бóльшую массу более или менее подготовленных резервов. Поэтому естественно возникал вопрос: достаточны ли те силы, которые могла нам дать в случае войны принятая в то время организация нашей армии, сравнительно с громадными вооружениями других государств?

С таким вопросом обратился ко мне граф Павел Дмитриевич Киселёв при нашем свидании в Уши в августе 1868 года. В биографии его, составленной А.П. Заблоцким-Десятовским (том 3-й, стр. 411)[110] даже приведена выписка из дневника моего дяди, где упомянуто о нашем разговоре по этому предмету и выражен как бы упрек мне в том, что я рассуждаю о нашем военном положении с той же точки зрения, как судили за сорок лет назад, «не принимая в уважение успехи Запада и теперешнее наше изолированное положение в Европе». Далее сказано: «По моим убеждениям, мы не можем долее оставаться при нашей системе рекрутского набора, имея пред собою вооружение целых наций; нужно уравновесить средства защиты, и для того призвать под ружье всех годных людей и держать их на службе только несколько недель, подобно тому, как это делается в Швейцарии; ибо таким способом достигается цель защиты без обременения народа». Строки эти, очевидно, были написаны под живым впечатлением того устройства военных сил, которое было пред глазами графа Павла Дмитриевича во время ежегодного его летнего пребывания в Швейцарии. Однако ж я припоминаю, что в том же смысле он выражал свои мысли и гораздо ранее, при одном из наших разговоров в Петербурге в 1856 году. Как тогда, так и в 1868 году я высказывал свое сомнение в том, чтобы можно было в таком государстве, как Россия, принять в основание организации вооруженной силы народное ополчение. Даже

* В следующем году убавилось еще до 21 тыс. человек, так что крайняя цифра сокращения армии достигла в 1869 году 683 тыс. человек.

и в тех из больших государств, где дано самое широкое развитие системе резервов, под разными наименованиями: ландвера, ландштурма, национальной гвардии и т. п. — везде эти массы служат лишь вспомогательною, добавочною силой, в подкрепление постоянной армии, которая все-таки составляет главное ядро, центр тяжести вооруженных сил. Швейцария не может быть взята за образец для больших государств по многим и разнообразным причинам. В таком же смысле высказано было мое мнение и в кратком отчете за 1868 год[111], представленном Государю 1 января 1869 года: «Народное ополчение тогда только имеет существенное значение, когда состоит из людей, достаточно подготовленных к войне, по крайней мере настолько, чтобы оно могло заменить войска для внутренней службы в государстве и для местной обороны...» (прибавлю — для службы в тылу армии). «Для достижения же такого результата необходимы, кроме приготовленных в мирное время кадров, кроме достаточных запасов оружия, амуниции и всего прочего снаряжения, еще многие другие местные условия. Тирольских или швейцарских стрелков нельзя создать по распоряжению правительства, так же как и наших казаков. Россия в этом отношении находится в самых неблагоприятных условиях: применение у нас какой-либо системы постоянных милиций или волонтеров встретило бы затруднения непреодолимые. Не говоря уже об особенностях некоторых частей обширной нашей страны, достаточно вообразить себе, какие неудобства представили бы, при нашем климате и наших огромных расстояниях, периодические сборы обывателей, для учебных строевых упражнений. Сборы эти пришлось бы назначать в дорогое для рабочего класса время года, в ущерб народному хозяйству и благосостоянию, с весьма значительными расходами от казны и сомнительными результатами. Стоит только вспомнить те затруднения, которые некогда представляли даже сборы бессрочноотпускных нижних чинов и причины, по которым признано было необходимым прекратить эти сборы. Таким образом, при настоящем положении России, мысль о применении у нас начал ландверной или милиционной системы представляется, по крайней мере, несвоевременною, лишенною практического основания. Надолго еще вся сила России должна заключаться в постоянной армии, хорошо организованной, способной сокращаться в мирное время и быстро развиваться в предвидении войны.

Вслед за этими возражениями против утопии о замене постоянных армий милициями было, однако же, высказано следующее соображение: «Тем не менее нельзя не признать, что одна постоянная армия, как бы ни была многочисленна, может действительно оказаться недостаточною в случае новой против нас коалиции и ввиду чрезмерного увеличения вооруженных сил всей Европы. Поэтому нельзя не желать, чтоб и наша армия, развившись в военное время до того размера, который определен нынешним ее штатным составом, могла в чрезвычайных случаях иметь еще поддержку в организованных силах народных».

В этом смысле мы уже имеем весьма важную подмогу для армии в казачьих и иррегулярных войсках, то есть в таких частях народонаселения, которые путем историческим (а не искусственно) подготовлены к военному делу. Кроме того, в том же всеподданнейшем докладе по Военному министерству 1 января 1869 г. была указана возможность сформирования более или менее значительного резерва армии только чрез сокращение сроков службы в войсках и чрез соответственное увеличение ежегодного набора, причем представлен был расчет, что при тогдашнем штатном составе нашей армии, как мирном, так и военном, сокращение срока действительной службы до четырех лет дало бы возможность образовать запас людей, достаточный для сформирования сверх штатного состава армии в 1 150 000 человек, еще резерва в 875 тыс. человек. Впоследствии так и сделано: срок службы в пехоте уменьшен до 4 лет; но для предположенного резерва сформированы постоянные кадровые части, а чрез это несколько усилилась и наличная численность войск мирного времени. Кроме того, введено в закон и *ополчение*, формируемое только в исключительных случаях и не обеспеченное в мирное время ни кадрами, ни материальными запасами.

Дело в том, что военная сила не может быть импровизирована вдруг, когда только понадобится. Недостаточно для этого иметь лишь известное число людей, необходимо образовать запасы оружия, обмундирования и снаряжения; необходимо иметь известное число офицеров и унтер-офицеров; необходимо еще, как замечено выше, чтобы и самый запас людей был хотя сколько-нибудь подготовлен к военному делу. Вот в этом-то и заключается главное затруднение; если б даже все люди запаса проходили чрез армию, то при чрезмерном сокращении срока их службы необходимо, чтобы

они и во время состояния в запасе призывались хотя бы изредка, на самое короткое время, в учебные лагери для поддержания строевого образования и привычек военной дисциплины. А сборы эти, как уже замечено, сопряжены у нас с большими затруднениями и большими расходами. В этом отношении не может нам служить образцом какая-нибудь Швейцария. Также и потребность в офицерах и унтер-офицерах может быть обеспечена не иначе, как содержанием хотя некоторой части тех и других на службе в мирное время; а содержание лишних чинов опять требует лишних денежных средств*.

Таковы личные мои убеждения. Впрочем, если б я и разделял мнение о возможности замены постоянной армии вооружением народной массы, то, конечно, не нашел бы ни в ком поддержки для осуществления такого предположения. Все почти наши военные авторитеты и бóльшая часть военных начальников восставали даже против всякого сокращения сроков службы. Сам Государь,

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Таким образом, учреждение такой вспомогательной военной силы, подобной ландверу, милиции, ополчению, которая существовала бы не на бумаге только, а в действительности, как бы ни было дешево для государственной казны, все-таки не обходится без прибавки новых расходов к смете. Можно, конечно, заметить, что расходы эти, незначительные сравнительно с теми, которые поглощаются дорогостоящими постоянными войсками, могли бы быть покрыты некоторым сокращением состава постоянной армии, но тут является сомнение: будет ли расчетливо пожертвовать какою-либо частью хорошо организованных и обученых войск для того, чтобы взамен их приобрести импровизованную силу, хотя бы и в тройном числе, но зато слабую в боевом отношении? При настоящем составе нашей армии не опасно ли всякое дальнейшее сокращение ее, ввиду громадных сил наших соседей?.. При этом следует принять в соображение: во-первых, что наша армия не может мобилизоваться и сосредоточиться с такою быстротою, как армии соседних государств; во-вторых, что для сформирования всяких новых частей, не имеющих в мирное время постоянного и соразмерного кадра, требуется еще гораздо более времени, чем для мобилизации постоянных войск, — и наконец, в-третьих, что каковы бы ни были всякие импровизованные войска, они не могут мериться с хорошими войсками постоянной армии. Не надобно забывать, что относительное достоинство войск зависит даже не от одного совершенства строевого обучения, или умения стрелять, но столько же, если не более, от духа войск и сплоченности всех составных элементов. Поэтому, если нам и ставят в пример швейцарских милиционеров, искусных в стрельбе, или английских волонтеров, стройно парадирующих на смотрах, то еще вопрос: в состоянии ли будут эти милиции мериться с постоянными войсками всякого другого государства? Только будущий опыт даст решение этого вопроса» (***примеч. публ.***).

отлично понимавший необходимость такого сокращения для наибольшего развития военных сил в военное время, смотрел, однако же, с некоторым недоверием на чрезмерно молодой состав армии. Я должен был вести весьма осторожно и постепенно к тому, чтобы со временем достигнуть более выгодной соразмерности между наличным составом армии мирного времени и полною численностью ее по военному времени. О переходе же прямо к милиционной системе не могло быть и речи.

В течение четырех лет, 1864–1868 гг., наличный состав всех наших войск с 1 137 000 человек (весною 1864) понизился до 704 000 (к концу 1868), то есть на 433 тыс. человек. За увольнением большей части старослужащих нижних чинов главная масса армии состояла из солдат последних 7 наборов, с 1863 по 1868 год. Но такое преобладание в армии молодого элемента уже не давало повода к тем опасениям, которые могли иметь основание в первое время после приведения армии с военного положения в мирное (1864 г.). В этом отношении критический период уже миновал. Поступившие по наборам 1863 года нижние чины выслуживали уже пятый год, так что в рядах армии состояло до 40% таких солдат, которые во всех других европейских армиях считаются старослужащими. Молодой элемент в армии настолько уже окреп, что дальнейшее поддержание состава армии ежегодным приливом рекрут на смену людей старших сроков могло считаться обеспеченным.

Целый ряд мер, ежегодно вводимых для облегчения рекрутских наборов, принятая система первоначального подготовления молодых солдат, дальнейшее строевое образование их, направленное преимущественно к индивидуальному развитию, новое дисциплинарное положение, обучение грамоте, наконец, закон 25 июня 1867 года[112], обеспечивший гражданское положение солдата после оставления им рядов армии, — все это совершенно переродило наши войска и значительно подняло нравственный уровень их, а не повело к упадку дисциплины и к распущенности, как предвещали противники произведенных гуманных реформ. Высочайшие смотры, годичные отчеты начальствующих лиц и донесения инспектировавших войска членов Военного совета свидетельствовали, что армия наша была в блестящем состоянии как по строевому образованию, так и в нравственном отношении и во внутреннем устройстве.

Существовавший в войсках вредный элемент «штрафованных» значительно уменьшился; оставалось еще таких солдат не более 2%; в местных же войсках их не было вовсе, тогда как в прежнее время наибольшее число их сосредоточивалось именно в Корпусе внутренней стражи[113]. Но был у нас еще другой вредный элемент — солдаты, поступавшие на службу по найму. Прекратить разом прежнее право рекрута поставлять вместо себя другое, годное для службы лицо, казалось тогда мерою слишком стеснительною, а потому придумано было взамен частного найма ввести «заместителей», то есть таких нижних чинов, из числа выслуживших обязательный срок, которые принимались на службу командирами частей, на известных условиях и с определенным вознаграждением из особого фонда, образуемого из денежных взносов рекрут за освобождение от поступления на службу. Закон о заместителях[114], проведенный чрез Военный и Государственный советы, имел целью избавить армию от прежних наемников, а вместе с тем удержать на службе старослужащих солдат. Упразднение наемников было принято в армии весьма сочувственно, но ожидания полезных результатов от учреждения заместителей не оправдались на деле: предоставленные заместителям выгоды и льготы не привлекли на сверхсрочную службу большого числа хороших солдат и надежных унтер-офицеров; звание заместителя с первого же раза стало почти синонимом прежних наемников. Впрочем, учреждение это и не могло быть долговечно; оно само собою упразднилось с новым Уставом о воинской повинности 1874 года и заменено Положением о сверхсрочнослужащих[115].

Военное министерство было по-прежнему озабочено некомплектом в офицерах: недоставало их по мирному составу до 1400 человек, т. е. около $6^2/_3$%, а в случае приведения войск на военное положение недостаток этот достиг бы 5560 человек, то есть $21^1/_2$%. Чтобы привлечь молодежь к военной службе и удержать в рядах старых офицеров, необходимо было улучшить материальное их положение; но при ограниченности финансовых средств нельзя было и надеяться на общее возвышение окладов содержания всех офицеров; оставалось лишь принимать частные, паллиативные меры. Так, в 1868 году, по личной инициативе Государя, гвардейским офицерам, состоявшим в строю, жалование увеличено в полтора раза. Во всех вообще войсках определены порционные деньги офицерам при отправлении известных обязанностей службы: походные, лагерные, караульные. Во все части войск положено от-

пускать особые суммы по 1200 руб. на полк на выдачу пособий нуждающимся офицерам. Как ни скромны были эти меры, они все-таки несколько облегчили тяжелую долю бедного армейского офицера и во всяком случае служили в его глазах выражением попечений о нем со стороны высшей власти.

Из всех отделов Военного министерства наиболее забот и затруднений представляла *артиллерийская часть*. Причиною тому было переходное состояние вооружения как артиллерии полевой и крепостной, так и пехоты.

Перевооружение полевой артиллерии орудиями, заряжающимися сзади, не было окончено и в 1868 году; недоставало еще 192 орудий. Железных лафетов изготовлено было только около 900, а недоставало до 1600. К формированию артиллерийских парков на основании нового Положения, утвержденного 16 декабря 1867 года, только что приступали[116].

Для крепостной артиллерии требовалось огромное число новых орудий больших калибров. Хотя Пермский сталелитейный завод в это время достиг удовлетворительного изготовления 8-дюймовых орудий, однако ж, на этом калибре нельзя было остановиться. У нас проектированы были уже 9 и 11-дюймовые стальные орудия, которые могли быть тогда изготовляемы исключительно на заводе Круппа. По заключенному с ним контракту он обязался в течение трех лет (1868–1871) поставить 85 орудий означенных калибров. Число это было ничтожно сравнительно со всею требуемою массою крепостной артиллерии, на изготовление которой исчислена была сумма в 21 млн руб., с рассрочкою ассигнования на 7 лет. Но при том размере, в котором ассигнованы были суммы на этот предмет в первые два года (1868 и 1869), предполагавшееся тогда число орудий с лафетами или станками, снарядами и прочею принадлежностью едва могло быть изготовлено и в 9 лет, т. е. к 1877 году. Впрочем, в этом отношении могло служить нам некоторым успокоением то, что и другие государства не имели еще на вооружении своих крепостей ни одного орудия означенных больших калибров. Только Пруссия и Бельгия дали первые заказы тому же заводу Круппа и по тому же чертежу, какой был нами принят. Но флоты европейские уже начинали прикрываться такою броней, против которой 8-дюймовые орудия оказывались недостаточными, а потому для приморских крепостей вопрос о скорейшем вооружении большими калибрами имел особенную важность.

Еще неотлагательнее было перевооружение пехоты, в этом деле заключалась главная забота моя, так же как и генерала Баранцова. К крайнему нашему прискорбию, оно шло весьма медленно; на каждом шагу встречались затруднения и неудачи. Переделка имевшихся 6-линейных винтовок в заряжаемые сзади по системе Карле[117] производилась в 7 заводах и мастерских, а именно: на трех казенных заводах Тульском, Сестрорецком и Ижевском, состоявших в арендном управлении генерал-лейтенанта Стандершельда, полковников Лилиенфельда и Фролова; в тифлисской мастерской, которую обязался устроить тот же генерал-лейтенант Стандершельд, для переделки ружей Кавказской армии, во избежание лишней перевозки; затем в частных мастерских, устроенных в Петербурге — заводчиком Нобелем, в Либаве — Мейнгардом и Ранненфельдом и в Киеве — иностранцем Больманом, который заготовлял затворы (коробки) в Вене. По всем семи заключенным контрактам, работа по переделке прежних ружей и по изготовлению казенными заводами около 200 тысяч новых, — должна была окончиться к началу 1870 года, а к тому времени предполагалось уже устроить фабрикацию новых американских винтовок (Бердана)[118] и соответствующих металлических патронов.

Но все эти расчеты не оправдались на деле. Валовая работа по переделке и изготовлению ружей по образцу Карле началась только с весны 1868 года, и, как оказалось, ни казенные заводы, ни частные мастерские первоначально не справились с новым для них делом. Даже и заграничные фабриканты, принявшие на себя поставку частей ружейного затвора, также не выполнили своих обязательств. Нельзя было жаловаться на недостаток деятельности со стороны наших артиллеристов; напротив того, все те, от которых зависел ход этого дела, работали с напряженным усердием; но дело, само по себе сложное, встречало беспрестанно случайные и неожиданные задержки. В числе таких невыгодных случайностей был пожар, случившийся на Сестрорецком заводе 15 июля, на другой же день по выезде моем за границу. Мы с Ал[ександром] Ал[ексеевичем] Баранцовым придумывали всякие средства к устранению остановок и ускорению дела. Часто собирал я у себя специалистов для обсуждения возникавших на каждом шагу новых вопросов. И несмотря на все наши усилия, в течение 1868 года было поставлено всего 62 тысячи ружей, в числе которых переделанных только 20 тысяч. Неудачи эти и бес-

А.А. Баранцов

престанные разочарования подкапывали здоровье моего друга и сотрудника Ал[ександра] Ал[ексеевича] Баранцова, чрезвычайно впечатлительного и нервного. Необходимо было ему на некоторое время устраниться от ежедневных забот и неприятностей, и с этою целью предпринята им в конце июля поездка на Кавказ, откуда он возвратился только в октябре. Во время его отсутствия исполнение должности его было возложено на генерал-лейтенанта князя Масальского.

С октября, т. е. по возвращении моем из-за границы и А.А. Баранцова с Кавказа, возобновилась наша напряженная деятельность по ружейному делу, а вместе с нею все наши заботы и досады. К довершению нашего огорчения, дело усложнилось неожиданным вмешательством в него Наследника Цесаревича, от которого я получил 16 декабря такую записку карандашом:

«Любезный Д.А., прошу Вас очень заехать сегодня ко мне в 3 часа, если Вы свободны. Мне очень хочется показать Вам новое ружье и переговорить об этом деле.

Ваш

Александр»[119].

Приехав в назначенный час в Аничков дворец, я нашел в приемной комнате флотского офицера-лейтенанта Баранова, которого прежде встречал в разных случаях. Его Высочество, приняв меня в своем кабинете, показал мне ружье, предложенное Барановым как новый образец, по которому было бы всего легче, по его мнению, переделывать наши 6-линейные винтовки. Я объяснил великому князю, что было бы крайне неудобно теперь изменять образец, когда уже начата валовая работа по переделке наших ружей, когда затрачено уже столько времени и средств на приспособление заводов и частных мастерских; объяснял, что переход ко всякому новому образцу сопряжен с потерею, по крайней мере, 8 месяцев времени на переустройство механизмов, лекал, инструментов. Однако ж цесаревич настаивал на том, чтобы сделать опыт переделки ружей по барановскому образцу, в той уверенности, что с принятием этого образца работа так упростится, что не только не будет потери времени, но даже значительно ускорится окончание дела, не терпящего ни малейшего отлагательства. Его Высочество предлагал даже принять на себя лично распоряжения по этому предмету. Я вынужден был просить, чтобы по крайней мере дано было компетентным лицам осмотреть и испытать образец, предлагаемый неспециалистом в ружейном деле, на что Наследник Цесаревич изъявил свое согласие.

Предложенное Барановым ружье, по осмотре в Артиллерийском комитете, оказалось вовсе не его изобретением, а случайно попавшим в его руки ружьем «Альбини», одним из числа весьма многочисленных образцов, предлагавшихся тогда разными изобретателями в Германии, Бельгии, Англии, Америке. Лейтенант Баранов, способный, бойкий офицер, принадлежал к числу тех личностей, которых в школах зовут «выскочками»; он пробивал себе путь всякими выдумками, самыми разнообразными. Не довольствуясь добытым такими способами благоволением к нему морского начальства, он задумал подбиться к молодому наследнику, оказывавшему особенное расположение к морскому делу и к морякам. Его Высочеству внушили мысль, что он мог бы взять

в свои руки ружейное дело, с которым артиллерийское ведомство не умеет справиться. На подмогу Баранову явился другой пройдоха — Путилов, также игравший роль в морском ведомстве как специалист в заводском деле, — человек бойкий, предприимчивый, крайне самонадеянный*. Он был одним из главных деятелей при устройстве, под покровительством морского министра, сталелитейного завода, известного под названием «Обуховского» (за Шлиссельбургской заставой), а вместе с тем владельцем своих собственных заводов. Путилов брался за все; ничего не было для него невозможного; зато и давал часто промахи и обсчитывался. Подвернувшись к Наследнику Цесаревичу, вероятно, чрез посредство Баранова, он уверил Его Высочество, что переделка ружей по предложенной Барановым системе дело самое легкое; что он, Путилов, возьмется изготовить несколько сот тысяч таких ружей в течение пяти месяцев!! Наследник, по своей неопытности, всему этому поверил, и 19 декабря вновь я получил от него следующую записку:

«Любезный Д[митрий] А[лексеевич], простите, что я опять надоедаю Вам моим делом. Сегодня я виделся с нашим заводчиком г. Путиловым; я просил его от себя взять работу для переделки ружей; он мне обещал и объявил, что если окончательно решится переделка ружей, то он берется переделать сколько ему дадут. Теперь я прошу одного, чтобы Вы испросили у Государя позволения передать лично мне в мое распоряжение 10 тысяч винтовок 6-линейных, которые находятся теперь в складе крепостной артиллерии. Я беру на свою ответственность переделку, и г. Путилов берется их переделать, не требуя вперед денег, так что мне ничего не нужно, кроме 10 тысяч ружей. Я надеюсь, любезный Д[митрий] А[лексеевич], что постараетесь исполнить мою просьбу, и очень желал бы получить от Вас скорее ответ. Надеюсь, что к следующему докладу Вы приготовите эту бумагу. Мне желательно очень получить эти ружья в скором времени, чтобы не потерять ни одной минуты. Остаюсь истинно уважающий Вас

Александр»[120].

Как ни странно казалось это вмешательство наследника престола в технические распоряжения артиллерийского ведомства,

* Далее в автографе зачеркнуто: «пронырливый и с сильным оттенком шарлатанства» (*примеч. публ.*).

как ни огорчался А.А. Баранцов этим недоверием Его Высочества, однако ж не оставалось ничего другого, как исполнить желание великого князя, тем более, что в публике уже толковали о неудачах наших в ружейном деле и порицали избранный нами образец с бумажным патроном. Я был вперед уверен в том, что хвастливые обещания Путилова и Баранова кончатся полным фиаско; но пожертвование десятком тысяч ружей не имело важности, а между тем неудача в деле, кажущемся таким легким в глазах людей, мало знакомых с техническими работами, могло послужить к смягчению строгих приговоров над артиллерийским ведомством*.

При первом моем докладе Государю, 21-го числа, я исполнил желание цесаревича. Государь уже был предупрежден Его Высочеством и разрешил отпустить просимые 10 тыс. ружей. Несмотря на наступление праздника Рождества Христова, немедленно были сделаны распоряжения о выдаче этих ружей доверенным лицам по выбору самого Наследника Цесаревича (полковнику лейб-гвардии Измайловского полка Васильковскому и артиллерийскому офицеру Вельяминову-Зернову); принятые ими ружья были сей час же доставлены в мастерские Путилова, который обещал переделать все 10 тыс. экземпляров к 1 апреля следующего года.

Но к барановскому ружью требовался металлический патрон, а как у нас в то время еще только что задумывали устраивать патронный завод для будущих малокалиберных винтовок американского образца, то Наследнику Цесаревичу пришлось заказать некоторое количество 6-линейных патронов в Англии.

О последствиях этого странного и неприятного для меня эпизода расскажу в своем месте.

За исключением Главного артиллерийского управления во всех других отделах Военного министерства продолжалось постепенное исполнение предначертанного плана реформ и улучшений. Дело велось безостановочно, но уже без той напряженной, можно сказать, лихорадочной деятельности, которая была необходима в первые годы, чтобы дать движение предпринятому делу после долгого застоя. Притом в хозяйственных отделах министерства, на

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «в отношении к ведению ружейного дела» (*примеч. публ.*).

которых лежало удовлетворение материальных нужд армии, успех действий прямо соразмерялся с большим или меньшим ассигнованием денежных средств; а поэтому 1868 год доставил нам столь же слабые результаты, как и предшествовавший.

По *инженерной части*: продолжались работы, предпринятые для усиления обороны главных крепостей, насколько позволяли сметные ассигнования. Предпринимать же какие-либо новые фортификационные работы нельзя было и думать, тем более, что в это время возникли многие новые требования по строительной части для других отделов военного ведомства, как-то: устройство новых мест заключения военных арестантов, складов интендантских и артиллерийских, улучшение госпитальных строений и другие. Требовались также значительные расходы по специальному устройству инженерных войск, как-то: заготовление нового шанцевого инструмента, введение железных понтонов, формирование военно-телеграфных парков, усовершенствования по минной части и т. д. Все эти разнообразные потребности росли гораздо в большей соразмерности, чем те денежные средства, которые признавалось возможным ассигновать по смете.

В 1868 году утвержден новый штат всего Корпуса военных инженеров и введен в Николаевской инженерной академии дополнительный полугодовой курс для практических учебных занятий офицеров, прошедших двухлетний теоретический курс и готовящихся в военные инженеры.

По *интендантской* части: кроме некоторых частных улучшений, подвинулось заметно только изготовление шитого обмундирования и обуви в устроенных шести мастерских при интендантских складах, так что в неприкосновенном запасе уже около $^2/_3$ всего количества вещей имелось в готовом или полуготовом виде. Также и в шести обозных мастерских (устроенных первоначально в Вильне и Киеве, а потом в Петербурге, Москве, Варшаве и Казани) работа подвигалась в размере ассигнованной на это дело суммы. Постройка обоза была окончена на 19 пехотных полков, 6 кавалерийских, 7 отдельных батальонов и 24 батареи; начата постройка лазаретных повозок по образцу, только что утвержденному.

Заготовление провианта не встречало затруднений, несмотря на значительное возвышение цен. Введенная в виде опыта долгосрочная операция в Петербургском районе исполнялась успешно.

В Главном управлении разрабатывалось новое Положение о провиантском, фуражном и приварочном довольствии войск[121].

Прежняя Техническая комиссия, образованная в Москве под руководством профессора Киттары[122], получив по новому Положению о Военном министерстве значение постоянного комитета при Главном интендантском управлении, переместилась в Петербург, вместе с председателем своим действительным статским советником Киттара, окончательно поступившим на службу в Военное министерство. С этого времени круг деятельности Технического комитета постепенно расширялся в тесной связи со всеми распоряжениями Главного интендантского управления.

Военно-врачебная часть менее всех других подвигалась в улучшении своего устройства. Надежды, возлагавшиеся на административные способности и энергию тайного советника Дубовицкого, рушились с кончиною его в самом начале 1868 года; в кратковременное начальствование Главным военно-медицинским управлением, при тяжкой болезни, он не мог сделать ничего существенного; от преемника же его, тайного советника Смельского, назначенного только временно заведующим Главным военно-медицинским управлением, нельзя было и ждать успехов*. 1868 год прошел почти бесследно для военно-врачебной части. Можно разве упомянуть только о Госпитальном уставе, который после пятилетних работ и переделок наконец прошел чрез Военный совет, но получил Высочайшее утверждение только в начале следующего года[123]. Кроме того, продолжалось пополнение военно-госпитальных запасов в размере ассигнованных на то денежных средств и приступлено в обозных мастерских к постройке первых военно-госпитальных повозок по образцу, выработанному в Комиссии генерала Яковлева[124].

По *иррегулярным войскам*: продолжались законодательные работы учрежденного при Главном управлении временного комитета[125]. Ход этих работ неизбежно замедлялся при переходе составляемых комитетом проектов на рассмотрение и заключение разных ведомств и инстанций. По каждому вопросу требовались сношения с подлежащими министерствами, рассмотрение во II отделении Собственной Е. В. канцелярии, в Главном военно-кодификационном комитете, затем в Военном совете, в Департа-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «по слабости его характера и ограниченности способностей» (*примеч. публ.*).

менте законов (иногда в соединении и с Департаментом экономии), наконец, в общем собрании Государственного совета. На все эти переходы каждого представленного Главным управлением проекта нужно было весьма продолжительное время, так что проходили целые годы, пока представление достигло последней стадии — Высочайшего утверждения. Так, из целого ряда законодательных работ* комитета при Главном управлении иррегулярных войск за 1867 год только одно Положение, о воинской повинности Оренбургского казачьего войска, получило решение в том же году, а другое — о допущении «иногородних» лиц приобретать недвижимую собственность на казачьих землях — прошло чрез все инстанции в 1868 году[126], все же прочие находились еще на рассмотрении во II отделении Собственной Е. В. канцелярии. Между тем Комитет иррегулярных войск разрабатывал новые вопросы, из которых главными можно указать: 1) общественное управление в казачьих станицах и 2) судоустройство в казачьих войсках.

Собственно по военному устройству казачьих войск в 1868 году принята новая мера для усовершенствования строевого образования Донских казаков и сближения их с регулярной кавалерией: состоявшие на полевой службе в Западном крае Донские полки прикомандированы к ближайшим кавалерийским дивизиям и вместе с ними участвовали в летних сборах. Вопрос об улучшении вооружения казаков мало подвинулся вперед: все еще шли толки и споры об установлении образца для переделки имевшихся казачьих винтовок.

По *части военно-судной*: в 1868 году получил Высочайшее утверждение (5 мая) «Воинский устав о наказаниях»[127], и тем закончена продолжавшаяся уже около 30 лет работа по преобразованию военно-судной части. Первый годичный опыт применения на практике нового военного судоустройства и судопроизводства дал результаты весьма удовлетворительные, несмотря на то что личный состав открытых в Петербурге и Москве первых двух военных судов не был еще достаточно подготовлен. Военно-юридическая академия дала в этом году только первый выпуск. Положение о Военно-юридическом училище было утверждено только в сентябре того же года, а служебное положение

* В автографе в первоначальном варианте: «основных вопросов казачьего устройства, разработанных в Комитете» (*примеч. публ.*).

всего персонала военно-судебного ведомства определено 26 октября[128] применительно к положению служащих в других специальных частях военного ведомства. Открытие военных судов последовательно в других округах зависело от вносимых ежегодно в смету денежных средств, отчасти — от приискания помещений, соответствующих требуемой для нового суда обстановки. В декабре 1868 года открыты торжественно, в присутствии главного военного прокурора статс-секретаря Философова, военные суды в двух пунктах: Харькове (1-го числа) и в Одессе (10-го числа).

Главный военно-тюремный комитет продолжал деятельно вводить новые порядки в военно-исправительных ротах по мере надлежащего приспособления помещений[129]. Строительные работы производились хозяйственным способом с употреблением труда самих арестантов*. В этом деле снова выказалась замечательная деятельность и энергия флигель-адъютанта полковника Анненкова. К постройке военных тюрем еще не было возможности приступить за неимением требуемых на это значительных денежных средств; но принимались деятельные меры к устройству везде карцеров, сделавшихся совершенно необходимыми в войсках с отмены телесных наказаний.

В том же 1868 году окончательно установился порядок перевозки арестантов и ссыльных по железным дорогам и водяным путям, взамен прежнего пешего препровождения их по этапам.

Наконец, по *военно-учебной части*: в 1868 году решился вопрос о будущей судьбе начальных военных школ (прежних «училищ военного ведомства»): положено было преобразовать их в общеобразовательные элементарные заведения под названием «военных прогимназий»[130] для воспитания тех детей военнослужащих, которые, по существующим правилам, не могут поступить в военные гимназии и получить полное гимназическое образование. Курс военных прогимназий положено было установить 4-летний, соответственно условиям приема в юнкерские училища, с тем, чтобы означенным детям открыть путь к офицерскому званию в армии. Таких прогимназий открыто было в том же 1868 году восемь, с 2300 воспитанниками, из которых ежегодно могло быть выпускаемо от 450 до 500 молодых людей, лучше подготовленных, чем

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «с особенною заботливостью о сбережении денежных средств» (*примеч. публ.*).

бо́льшая часть юношей, составлявших в те времена главный контингент в юнкерских училищах.

Число этих училищ достигло уже 11 пехотных и 2 кавалерийских, с комплектом в 2340 юнкеров. Училища эти открывались постепенно на основании временного Положения 14 июня 1864 года; но в 1868 году последовало 16 марта Высочайшее утверждение Положения[131], окончательно выработанного на основании четырехлетнего опыта. Уровень образования в юнкерских училищах был, конечно, крайне ограничен; но поднять его не было возможности при той подготовке, с которою, по необходимости, принимались в училища как юноши, не получившие ни в каком заведении систематического образования, так и нижние чины «общего срока службы», кое-как подготовившиеся самоучкою. Усилить требования приемного экзамена в юнкерские училища значило бы оставить их пустыми и отказаться от пополнения существовавшего в армии значительного некомплекта офицеров. Юнкерские училища давали, что могли: строевых офицеров, исправных, надежных для службы, достаточно подготовленных к исполнению своих обязанностей. Полковые командиры отзывались о питомцах юнкерских училищ с похвалами.

В шестилетний период, протекший со времени передачи военно-учебных заведений в ведение Военного министерства[132], выполнен последовательно весь план преобразования этой части: все учебные заведения военного ведомства приведены в общую стройную систему; все получили новое направление, соответственное назначению каждого из них. Оставалось затем только совершенствовать, дополнять и развивать созданную организацию.

Денежные средства, предоставленные в 1868 году на все потребности военного ведомства, как уже было сказано в другом месте, выразились сметною цифрою 135 млн руб., превышавшею смету предшествовавшего года на 12 млн*. Большая часть этой суммы превышения (именно до 8 млн) падала на провиантское довольствие, вследствие чрезмерного возвышения цен против 5-летних сложных; остальные 4 млн составились из таких сумм,

---

* Финансовая роспись в этом году опять запоздала: она утверждена только 12 марта.

которые в прежние сметы не входили, как-то: на содержание вновь открытого Туркестанского генерал-губернаторства и военного округа, на добавочное довольствие кавказских войск, по случаю распространения на Кавказский край сметных и кассовых правил и т. д.*

В дополнение к суммам, ассигнованным по смете, в течение года потребовалось сверхсметных кредитов 7 524 109 руб. (что составляло $5^1/_2$% всей сметной суммы). Главная часть этого сверхсметного ассигнования, более 4 млн, приходилась на интендантство, а затем — на артиллерийское ведомство**. Но действительно израсходовано всего 136 700 000 руб., т. е. на 1 753 000 более сметного назначения***.

Между тем общий итог всех государственных расходов в 1868 году превзошел расходы предшествовавшего года более чем на 23 млн руб.; сверхсметных ассигнований потребовалось до 42 млн, в том числе более 12 млн на железнодорожные расходы, и годовой баланс заключился с дефицитом почти в 20 миллионов.

Спрошу опять: справедливо ли возлагалась на Военное министерство ответственность за расстройство наших финансов? Возможно ли было мелочными урезками сметных сумм по военному ведомству поправить наше финансовое положение?

Составление военной сметы на 1869 год сопровождалось такими же упорными прениями в Департаменте экономии, как и в прежние годы. На этот раз мне пришлось даже выдержать еще более ожесточенные стычки с генерал-адъютантом Грейгом, заступавшим временно место министра финансов М.Х. Рейтерна. Желая выказаться рьяным оберегателем казны, генерал Грейг выводил меня из терпения своею самонадеянностью, упорством и докторальным тоном. Он не только требовал невозможных сокращений в смете, но еще настаивал на том, чтобы Военное ми-

* Краткий анализ военной сметы на 1868 год был помещен в «Русском Инвалиде» того же года, № 85 (29 марта).

** В автографе зачеркнуто: «самые крупные суммы на артиллерийское ведомство до 1 900 000 (из которых [1 млн.] "на усовершенствование артиллерии") и по Главному штабу — 989 тыс. руб., вследствие вновь последовавших Высочайших повелений 22 апреля и 7 октября о добавочном содержании офицерам гвардии и о пособиях армейским офицерам» (*примеч. публ.*).

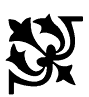
*** Далее в автографе зачеркнуто: «...но на $9^1/_2$ млн более действительно израсходованного в предшествовавшем 1867 году» (*примеч. публ.*).

С.А. Грейг

нистерство обязалось не входить с представлениями о сверхсметных в течение года ассигнованиях. Однако ж, несмотря на всю эту настойчивость представителя Министерства финансов и поддержку, оказанную ему Департаментом экономии, военная смета на 1869 год заключилась итогом в 140 млн руб., то есть опять превысила прошлогоднюю смету на 5 400 000 и более чем на 3 млн сумму действительных расходов 1868 года. Превышение это произошло частию от увеличения размера оборотных сумм (на 1 378 000 руб.), не составляющих действительного расхода для Государственного казначейства, частию от внесения новых расходов, как-то: на упомянутое выше назначение добавочного содержания гвардейским офицерам и пособий армейским. Суммы на усовершенствование артиллерии, заказ ружей и развитие арсеналов усилены на 3 654 000 рублей.

Таким образом, новая смета на 1869 год допустила некоторое усиление денежных средств только по артиллерийской части; все же прочие насущные нужды военного ведомства оставлены и на этот раз без удовлетворения. Поэтому я счел долгом своим в представленном мною 1 января 1869 года всеподданнейшем докладе о положении дел Военного министерства[133] снова напомнить об этих нуждах, указав в особенности на крайнюю скудость содержания армейских офицеров, на необходимость казарменного помещения войск, на потребность в некоторых других постройках, как, например, военно-тюремных, на увеличение запасов интендантских и военно-госпитальных, на скорейшую постройку обозов и т.д.; на все эти надобности потребны еще огромные суммы, и за невозможностью ассигнования их приходится откладывать год за годом удовлетворение самых настоятельных нужд.

1869-й год



Начало года

Ружейное дело

Железнодорожное дело

Март, апрель и май в Петербурге

Летние месяцы

Последние три месяца года

Дела азиатские

Дела Военного министерства в 1869 году

НАЧАЛО ГОДА

Ни один год еще не встречал я в таком тяжелом и грустном настроении, как наступивший 1869-й. Все испытанные мною в конце истекшего года неприятности и огорчения до того расстроили меня и нравственно, и физически, что я уже помышлял об оставлении своей должности. Вот что я писал своей дочери Ольге в один из последних дней 1868 года: «В настоящее время здесь наступило как бы затишье; по крайней мере в отношении ко мне ничего нового не произошло, быть может, потому, что сам я ото всего удалился и стараюсь как можно менее показываться, следуя изречению: удались от зла и сотвори благо. Я держусь совершенно в стороне от всех козней и ко всему сделался равнодушен. Ты вполне верно угадала, что я смотрю на все козни против меня более с презрением, чем с горечью. Жаль только будет, если интриганам удастся самое дело испортить»[134].

Однако ж при всем моем желании замкнуться в тесном круге своих служебных занятий не было возможности вовсе устраниться от обязанностей светских и особенно придворных; нельзя было всегда уклоняться от разных приглашений на балы и вечера при Дворе, от дипломатических обедов у послов, от разных официальных празднеств и церемоний. Все подобные обязательные выезды, отрывавшие от работы и расстраивавшие распределение времени, всегда меня тяготили; но тем более мне было не до них теперь, когда на сердце лежало тяжелым камнем столько забот и огорчений.

А тут на беду зима с 1868 на 1869 год отличалась особенным оживлением как при Дворе, так и в обществе петербургском. Кроме обычных царских «выходов» во дворце в Новый год и в Крещение, кроме большого бала 9 января, на который по заведенному издавна порядку открываются двери Зимнего дворца всему чиновному люду, было в этом году при Дворе несколько особых балов и парадных обедов в честь дорогого нашего гостя князя Николая Черногорского, прибывшего в Петербург 30 де-

Князь Николай Негош

кабря. Его ласкали при Дворе и восторженно принимали в публике. Князя сопровождали столь же популярный у нас воевода Илья Пламенац, адъютант князя Радонич и начальник телохранителей княжеских Георгий Петрович. Помещение князю Черногорскому и свите его было приготовлено в доме Шипова у Николаевского моста. Пробыв некоторое время в Петербурге, князь Николай посетил Москву, где ему оказан был еще более восторженный прием; там черногорцев, как говорится, носили на руках[135]. Князь Николай пробыл в Первопрестольной пять дней, из которых один употребил на посещение Троице-Сергиевской лавры, и 16 января возвратился в Петербург.

11 января жена моя со старшей дочерью Елизаветой представлялась императрице и великой княжне Марии Александровне. До того времени она устранялась от Двора и вела жизнь замкну-

тую в тесном кружке родных и близких знакомых. Но с назначением старшей дочери фрейлиной к великой княжне (о чем официально объявлено 1 января) не было уже возможности долее уклоняться от появления при Дворе. Как императрица, так и молодая великая княжна приняли жену и дочь весьма любезно, и вслед за тем моя Лиза вступила в свою должность. Хотя она продолжала жить дома, однако ж бо́льшую часть дня проводила во дворце, то присутствуя на уроках великой княжны, то сопровождая ее в прогулке, то участвуя в вечерних собраниях у императрицы. Вначале все было ново и дико для молодой девушки, до того времени мало выезжавшей в свет; но она сумела скоро стать на свое место и приобрести общее расположение при Дворе. Не раз императрица выражала мне свое удовольствие и отзывалась о дочери моей с лестными похвалами, всегда приятными отцовскому сердцу. Тем не менее мне было грустно, что придворная жизнь совершенно оторвала дочь мою от домашнего очага; я даже опасался, что при строгом исполнении всех придворных и светских обязанностей такой образ жизни мог подорвать и без того уже слабое ее здоровье.

Чествование князя Черногорского в Петербурге закончилось военными смотрами 20 и 24 января. Войска Петербургского гарнизона в две очереди были неожиданно вызываемы «по тревоге» на Дворцовую площадь; собирались они с замечательною быстротой. Государь, объехав линии, пропускал собранные части мимо себя церемониальным маршем, после чего войска возвращались в свои казармы. Оба раза в свите Государя появлялся князь Черногорский со своими блестящими спутниками, обращавшими на себя общее внимание своим мужественным видом и красивым нарядом. На другой же день второго смотра, 25 января, князь Николай распростился с императорским семейством и выехал из Петербурга на Берлин и далее чрез Вену в свои дикие горы. Черногорцы оставили по себе в Петербурге самое сочувственное впечатление.

Прибывший в Петербург в начале зимы киевский генерал-губернатор генерал-адъютант А.П. Безак, после непродолжительной болезни, скончался 30 декабря 1868 года на 69-м году жизни. Отпевание его происходило в Сергиевском соборе в присутствии Государя и Царской фамилии, после чего тело было перевезено в Киев и погребено в Киево-Печерской лавре. О личности генерала

А.П. Безак

Безака мне приходилось говорить уже не раз. Это был, несомненно, человек умный, но весьма несимпатичный. В общественном мнении он не пользовался репутациею бескорыстия и честности; его считали достойным представителем племени израильского и приписывали ему не совсем безгрешный образ действий во время управления Артиллерийским департаментом. Не принимая на себя ни подтверждать, ни отрицать такое тяжкое обвинение, я могу только высказать то, что имел случай замечать сам в действиях генерала Безака за время управления его Оренбургским краем, а потом юго-западными губерниями. На обоих этих постах, по моему мнению, он действовал разумно, а в последней должности вел энергично борьбу с польщиною[136]; но вместе с тем не могу умолчать о его слабых сторонах: неразборчивости относительно людей, которыми окружал себя, покровительстве заведомо негодяям, сильном развитии непотизма.

А.М. Дондуков-Корсаков

С кончиной генерала Безака возник вопрос о выборе лица для замещения его в Киеве. При этом опять всплыла мысль о разделении двух должностей: генерал-губернатора и главного начальника военного округа[137]. На этот раз все мои доводы о необходимости соединения власти гражданской с военною при тогдашнем положении Западного края уже не могли пересилить укрепившееся влияние графа Шувалова в союзе с генералом Тимашевым. Решено было, по их предложению, назначить генерал-губернатором в Киеве князя Дондукова-Корсакова; на должность же командующего войсками Киевского военного округа наиболее подходящим кандидатом стоял занимавший уже несколько лет место

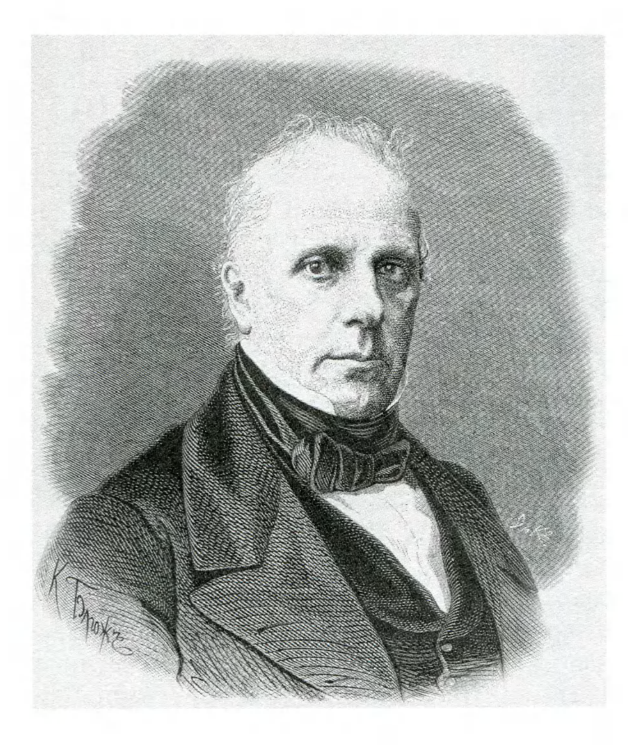
Н.Ф. Козлянинов

помощника командующего войсками того округа генерал-лейтенант Козлянинов. Назначение обоих этих лиц состоялось 6 января, и, таким образом, желание шефа жандармов и министра внутренних дел — иметь на генерал-губернаторском месте «своего человека» — осуществилось[138]; но те опасения, которые я постоянно заявлял относительно неудобств двойственности начальства там, где необходимо единство и твердость в распоряжениях, оставались в полной силе. Если зачастую случались пререкания и

ссоры даже между губернаторами и главными начальниками военных округов (как, например, в Харькове, между генерал-адъютантом графом Бреверном-де-Лагарди и генерал-майором Дурново, в Казани — между генерал-лейтенантом Семякиным и генерал-майором Нарышкиным), то не следовало ли еще более опасаться столкновений между двумя властями равностепенными. К счастью, князь Дондуков и генерал Козлянинов были приятелями и товарищами с молодых лет, как говорится, «на ты»; они придумали заранее условиться между собою о будущих взаимных отношениях, установить modus vivendi*; сочиненная ими подробная инструкция себе самим была пересмотрена в министерствах военном и внутренних дел и поднесена на Высочайшее одобрение. Говорили в шутку, что обе местные власти заключили между собою «трактат». Предосторожность эта оказалась нелишнею: действительно, князь Дондуков и Козлянинов прожили несколько лет рядом, в полном ладу, и никаких между ними столкновений не случалось. Но если на этот раз и удалось сохранить мир между обеими властями, благодаря их личным отношениям и взаимному соглашению, то может ли это служить доказательством безвредности раздвоения власти для тех правительственных целей, ради которых самое существование генерал-губернаторской власти признается необходимым.

Вслед за генералом Безаком в весьма короткое время Государственный совет лишился еще нескольких членов. 23 января происходило погребение действительного тайного советника Авраама Сергеевича Норова, занимавшего в пятидесятых годах пост министра народного просвещения, автора путешествия по Святым местам[139]; затем 6 февраля хоронили другого сановника, игравшего видную роль в царствование императора Николая — генерал-адъютанта Петра Андреевича Клейнмихеля. Таким образом, поверье, существующее между членами Государственного совета, будто бы всегда смерть одного из них сопровождается смертью двух других, сбылось вполне: в течение менее двух месяцев сошли в могилу Безак, Норов и Клейнмихель, и, конечно, все три погребальные церемонии совершались с подобающею торжественностью в присутствии Государя, Императорской фамилии и большого числа сановных лиц. Но на этот раз парки не

* Здесь: компромиссное соглашение (*лат.*).



Н.И. Бахтин

удовольствовались обычною добычей: несколько позже скончались еще два члена Государственного совета: 26 марта — действительный тайный советник Николай Иванович Бахтин, а 19 апреля — генерал-адъютант князь Александр Сергеевич Меншиков. Первый из них имел репутацию умного, даровитого и опытного дельца; он обладал замечательным даром слова и держался честно умеренно-либерального направления. Второй оставил по себе жалкую память плохим управлением морскою частью, неудачами в Крыму[140] и славою злоязычного остряка: он был одним из наиболее злобных противников освобождения крестьян и других реформ. Князь Меншиков так же, как и граф Клейнмихель, давно уже сошли со сцены, постоянно хворали и в последние свои годы уже почти совсем не показывались.

К началу 1869 года относится смерть коменданта петербургской (Петропавловской) крепости и члена Военного совета инженер-генерала Алексея Фёдоровича Сорокина, считавшегося в былое время хорошим инженером, человеком добрым и честным. Он скончался 22 февраля вследствие непродолжительной,

А.С. Меншиков

но тяжкой болезни. На место его комендантом Петропавловской крепости назначен петергофский комендант генерал от кавалерии Николай Дмитриевич Корсаков — старый улан (лейб-гвардии Уланского полка), раненый и уже довольно ветхий; на его же место в Петергоф переведен из Красного Села генерал-майор Фрейганг, командовавший некогда Кавказским стрелковым батальоном. Комендантом в Красном Селе назначен также раненый полковник лейб-гвардии Московского полка Штерн-Гвяздовский.

Несколько позже (23 марта) сошел в могилу один из отживших, но в свое время весьма известных действующих лиц Наполеоновской эпохи — генерал-адъютант барон Жомини. Он умер в Париже на 91-м году жизни. Имя его сохранится в военной истории, или лучше сказать, в истории военной литературы как авторитета в теории стратегии. Несмотря на преклонные лета и на глухоту, он до конца жизни занимался военными вопросами, но умственные силы его заметно ослабели. В одном из последних написанных им рассуждений, присланном мне для поднесения Государю, он доказывал странный тезис — как вредно для России в стратегическом отношении строить железные дороги. Понятно, что в этом парадоксе проявлялось оставшееся в голове старого стратега сильное впечатление пережитой им кампании 1812 года[141].

В заключение этого длинного некролога я должен упомянуть еще об одном покойнике, сошедшем в могилу в начале 1869 года — человеке, хотя вовсе не замечательном и неизвестном, но имя которого связано с личными моими воспоминаниями о первых шагах моих на службе — Иерониме Михайловиче Симборском. Когда я поступил юнкером в 1-ю бригаду гвардейской артиллерии, Иероним Михайлович в чине капитана заведовал специально командою юнкеров, и потому я попал под непосредственное его начальство, хотя нес службу в батарее (во 2-й батарейной)[142]. Капитан Симборский не отличался ни образованием, ни умственным развитием; он был простой «фронтовик» старого покроя — строгий с подчиненными, требовательный до педантизма, несколько тяжелый, но в сущности человек недурной. Впоследствии он командовал батареей, дослужился до чина генерал-лейтенанта артиллерии и в последнее время жил на покое, то есть без должности. Со времени моего юнкерства и до его смерти я оставался в лучших с ним отношениях.

РУЖЕЙНОЕ ДЕЛО

Из многих забот, лежавших на моих плечах в начале 1869 года, самою тяжелою было перевооружение армии. Тогдашнее ненормальное положение этого дела волновало еще более, чем меня, друга моего Александра Алексеевича Баранцова, который даже заболел от огорчения. В письме к великому кня-

зю Михаилу Николаевичу от 24 января, сообщая ему о болезни Баранцова, я писал, что «в этом отношении я счастливее его: нравственные неприятности пока еще не одолели моих физических сил, но надолго ли их достанет — не знаю». Его Высочество одобрял А.А. Баранцова, советовал ему не унывать, и в ответе своем от 17 февраля писал мне: «Хорошо бы ему с Вас брать пример, ибо мне известно, сколько и на Вашу долю приходится невзгод и всякого рода забот»[143].

Медленность продолжавшейся уже целый год переделки винтовок по игольчатой системе Карля, происходившая от сложности механизма и убыточности работы для заводчиков, а с другой стороны, вмешательство в это дело под эгидою Наследника Цесаревича людей неспециальных, вовсе незнакомых с техникою оружейного дела и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то случайно попавшей им в руки, неиспытанной системе, заставляли опасаться совершенного расстройства предпринятого дела — перевооружения армии. Опасения эти вполне разделял и великий князь Михаил Николаевич, который в качестве генерал-фельдцейхмейстера продолжал следить с любовью за ходом дел по артиллерийской части. Приведу еще выписку из того же письма его ко мне от 17 февраля, о котором упомянул выше: «Меня особенно удивляет и огорчает Высочайшее повеление о производстве столь обширного опыта по переделке ружей по системе Альбини, предложенной лейтенантом Барановым и исполняемой на заводе Путилова, вовсе незнакомого с ружейным делом. Я не могу не удивляться, как наследник не отказался от своей мысли (основанной, без сомнения, на понятном и благородном чувстве — ускорить снабжение нашей армии скорострельным оружием), прочитав записку об этом важнейшем деле, представленную генералом Баранцовым. В оной вопрос этот рассмотрен так беспристрастно, всесторонне и основательно, что, казалось бы, и невежда должен ее понять и согласиться с тем, что в ней изложено. Об этом деле я подробно и вполне откровенно напишу с этим же курьером моему дорогому племяннику и весьма любопытен, какое впечатление и результат будет иметь на него мое письмо. Какой бы ни был результат обещаний Баранова и Путилова, я убежден в том, что если всем нашим заводам и мастерским будет предписано переделывать вновь ружья по системе Альбини, то от этого дело современного вооружения нашей армии не только не ускорится, но даже замедлится, потому что заводы потеряют несколько месяцев на

переделку своих машин и механизмов и на выписку из-за границы новых. Устройство обширной патронной мастерской также потребует очень немало времени; а что более всего меня пугает — это появление в нашей армии стольких различных систем ружей и патронов, что в военное время может произойти страшное замешательство...[144]

Действительно, можно было опасаться полного хаоса в деле перевооружения нашей армии. Необходимо было во что бы то ни стало вывести его из такого ненормального положения, и я придумывал средство, чтобы дать ему новое направление. Случайно представился к тому удобный повод: один гвардейский полковник (лейб-гвардии Уланского полка) Ган, возвратившийся из заграничного отпуска, представил мне привезенное им из Вены ружье, предложенное тамошним оружейником Крнке. Хотя в то время мы были уже завалены предложениями всех возможных видов скорострельных ружей с металлическим патроном и неохотно уже принимали новые изобретения, остановившись окончательно на американском образце Бердана[145], однако ж привезенный полковником Ганом образец Крнка обратил на себя предпочтительно пред всеми другими внимание наше собственно простотою конструкции; нам пришло на мысль, что по этой системе, быть может, было бы удобнее производить переделку наших 6-линейных винтовок. Специалисты наши признавали, что переделка по системе Крнка пойдет успешнее, чем по игольчатой Карле, так же как и сравнительно с предложенною Барановым. Но тут представлялся весьма важный вопрос: благоразумно ли перейти неотлагательно к металлическому патрону, изготовление которого было тогда делом совершенно новым не только у нас, но и во всей Европе — делом еще более сложным и трудным, чем работа самого ружья. Впрочем, этот вопрос был уже почти предрешен допущением с Высочайшего соизволения опыта переделки ружей по барановскому образцу. Между тем как отпущенные Путилову 10 тыс. винтовок переделывались с крайнею торопливостью на Колпинском заводе морского ведомства, приступлено было по распоряжению Наследника Цесаревича также к устройству патронной мастерской на Васильевском острове в пустых строениях бывшего казенного винного склада. В публике толковали, что игольчатые ружья с бумажным патроном сделались уже анахронизмом, что они не могут состязаться с новыми системами,

вводимыми во Франции и в Англии. Все приводило нас к тому заключению, что не было уже возможности отстаивать начатую так неудачно переделку наших ружей по системе Карле. При всех невыгодах всякого изменения раз принятого образца мы были приведены к необходимости во всяком случае перейти к другому образцу и к металлическому патрону.

В таком смысле был составлен в начале февраля всеподданнейший доклад, в заключение которого испрашивалось Высочайшее соизволение на образование специальной комиссии, преимущественно из техников, близко знакомых с заводским делом, для обсуждения вопроса: «не следует ли все силы и средства, ныне употребляемые на изготовление игольчатых винтовок, обратить на переделку и изготовление ружей по которой-либо из наиболее упрощенных систем, с допущением металлического патрона, а в случае положительного решения этого вопроса, на каких основаниях было бы возможно совершить этот переход к новой системе, имея в виду главную цель — скорейшее перевооружение нашей армии...»[146]

11 февраля последовало Высочайшее соизволение на образование с означенною целью комиссии под председательством генерал-лейтенанта Резвого из следующих лиц: генерал-лейтенанта Стандершельда (содержателя Тульского оружейного завода), генерал-майора Карташевского (специально занимавшегося вопросом о металлическом патроне), полковников: Чагина (начальника отделения по ружейной части в Главном артиллерийском управлении), Лилиенфельда (содержателя Сестрорецкого оружейного завода), Стандершельда-младшего (брата генерала, помощника содержателя Ижевского оружейного завода), Зарубина (начальника Колпинского завода морского ведомства), Вельяминова-Зернова (избранного Наследником Цесаревичем), лейтенанта Баранова, заводчиков Нобеля, Путилова, Струкгофа и уполномоченного от либавских заводчиков[147]. На обсуждение этой комиссии предложен был целый ряд вопросов относительно технических и денежных условий дальнейшей переделки ружей, а вместе с тем возложено было на Главное артиллерийское управление принять самые деятельные и решительные меры к развитию мастерской для приготовления металлических патронов.

В Комиссии генерала Резвого все управляющие казенными оружейными заводами и частные заводчики (конечно, за исключением Путилова) положительно заявили, что переделка ружей по

системе Крнка пойдет скорее, чем по системе, предложенной Барановым; все три казенные завода и три частные мастерские* брались в общей сложности переделать по системе Крнка к 1 марта 1870 года до 469 тыс. ружей, а по системе Баранова (Альбини) только 265 тыс., и плату назначили в последнем этом случае приблизительно на 25% выше, чем в первом. Путилов совсем не явился на последнее заседание Комиссии.

После такого заключения Комиссии генерала Резвого положено было произвести еще сравнительное испытание обоих образцов в стрельбе по данной подробной программе. Результаты этого испытания также привели к предпочтению ружья Крнка. Но это было все еще не достаточно для окончательного решения вопроса: мне нужно было заручиться более вескими авторитетами не только пред Государем, сколько пред наследником и всею армией. Поэтому я предложил образовать новую, высшую комиссию из лиц высокопоставленных в военной иерархии для окончательного решения вопроса о выборе образца, наиболее соответствующего всем условиям, как техническим или заводским, выясненным предварительно Комиссиею генерала Резвого, так и боевым и финансовым. Председателем этой новой комиссии по моему предложению назначен был великий князь Николай Николаевич; в число же членов — Наследник Цесаревич, герцог Георг Мекленбургский (как председатель ружейного отдела Артиллерийского комитета и инспектор стрелковых батальонов), генерал-адъютант Баранцов, генерал-лейтенант Резвый, генерал-майор Нотбек (как командир учебного пехотного батальона, чрез который проходили испытания всех образцов оружия и патронов) и еще некоторые генералы, наиболее компетентные в военных вопросах. Государь вполне одобрил все представленные мною предложения. Времени нельзя было терять, да и сам великий князь Николай Николаевич торопился покончить возложенное на него дело, чтобы скорее отправиться в предположенное путешествие на Кавказ.

Самое учреждение этой комиссии уже было для меня чувствительным облегчением; оно как будто снимало с моих плеч часть тяготившего груза. Каково бы ни было решение комиссии, по крайней мере вопрос уже был выведен на открытую,

---

* Нобеля в Петербурге, Мейнгарда и Ранненфельда в Либаве и Больмана в Киеве.

официальную дорогу и устранял всякое личное мое столкновение с Наследником Цесаревичем в дальнейшем ведении дела. В письме от 7 марта я писал великому князю Михаилу Николаевичу: «Если при предстоящей перемене образца дальнейшее распределение работ будет поставлено на рациональных основаниях, то, быть может, и удастся нам выйти из настоящего опасного кризиса и даже скорее окончить переделку наших винтовок, чем можно было бы надеяться, продолжая переделывать по игольчатой системе...»[148]

Великий князь Николай Николаевич, получив, вероятно, личные наставления от самого Государя, повел дело в комиссии правильно и быстро. Ввиду категорического заключения технической Комиссии генерала Резвого и полученных затем результатов испытания ружей стрельбою, новая высшая комиссия не могла придти к иному решению, как в пользу окончательного принятия образца Крнка для переделки наших прежних ружей. Пока переписывались еще протоколы комиссии, великий князь доложил словесно Государю о ее решении и немедленно же выехал (12 марта) из Петербурга на Кавказ для инспектирования кавалерии*. 18 марта последовало Высочайшее утверждение заключения комиссии, а 20-го числа объявлена Высочайшая благодарность великому князю Николаю Николаевичу и благоволение членам бывшей под его председательством комиссии. В тот же день, 20 марта представлен мною Государю доклад о порядке дальнейшего ведения дела.

Для этого по предложению моему учреждены были две комиссии: одна, названная «Главною распорядительною», под личным моим председательством, должна была давать общее направление делу, разрешать все возникающие вопросы, как технические, так и финансовые, распоряжаться суммами, которые должны были отпускаться чрезвычайным сверхсметным кредитом на изготовление оружия. В видах ускорения дела, комиссия была облечена большими правами, ставившими ее наравне с Военным советом. Другая же комиссия, названная «Исполнительною», под председательством генерал-лейтенанта Резвого, должна была приводить в действие постановления первой комиссии и непосредственно наблюдать за ходом работ как по ружейной части, так и по патронной. Назначение этих двух комиссий давало возможность вести

---

* Из этой поездки Его Высочество возвратился в Петербург 19 мая.

дело энергично, без задержек, без лишней переписки. В состав первой комиссии вошли генерал-адъютант Баранцов, генерал-лейтенант Резвый, генерал-лейтенант Мордвинов (начальник Канцелярии Военного министерства), генерал от инфантерии Непокойчицкий, генерал-адъютант Лутковский и генерал-адъютант Карцов (все трое — члены Военного совета), генерал-майор Гадолин (инспектор артиллерийских арсеналов) и профессор Вышнеградский (главный механик при Артиллерийском комитете и профессор механики). Делопроизводителями комиссии назначены от Канцелярии Военного министерства — полковник Федоровский, от Главного артиллерийского управления — полковник Чагин и капитан Матиас. Из названных лиц генерал-майор Гадолин и профессор Вышнеградский состояли также и членами Исполнительной комиссии[149].

Обе комиссии неотлагательно приступили к занятиям с самою усиленною деятельностью. Исполнительная комиссия имела заседания почти ежедневно, в помещении Главного артиллерийского управления; часто была в разъездах по заводам и мастерским[150]. Главная же распорядительная — собиралась у меня на квартире, по вечерам, раза два или три в неделю (обыкновенно по вторникам и субботам). Работа закипела.

Таким образом дело было выведено на правильный путь. Наследник Цесаревич отказался от дальнейшего вмешательства; выданные Путилову ружья кое-как доделывались на Колпинском заводе и впоследствии были переданы в морское ведомство, которое, однако же, недолго ими пользовалось и поспешило сдать их в свои склады. Тем не менее лейтенант Баранов, согласно ходатайству Наследника Цесаревича, получил в награду 10 тыс. руб.; мастеру же Крнке за его изобретение выдана сумма 25 тыс. руб.; все лица, принимавшие участие в испытании ружей, за усиленные труды получили по годовому окладу жалованья. По-видимому, все остались довольны, не исключая и Путилова, которому за плохую переделку ружей на Колпинском заводе уплачено 196 тыс. руб. Мы с Баранцовым вздохнули свободнее, хотя на нас все-таки легла тяжелая ответственность за успех дальнейшего хода дела. В письме от 24 марта я писал великому князю Михаилу Николаевичу: «Нельзя не признать, что великий князь Николай Николаевич оказал большую услугу Государю и отечеству, дав надлежащее правильное направление делу, которое могло бы без этой помощи получить прискорб-

ный исход. Теперь нам предстоит задача весьма трудная — к 1 марта 1870 года приготовить до 500 тыс. ружей Крнка и к ним до 150 млн патронов»[151]. В то же время я известил и великого князя Николая Николаевича о последовавших Высочайших повелениях вследствие решения бывшей под его председательством Комиссии о принятых после его отъезда мерах. Его Высочество отвечал мне из Тифлиса телеграммою 1 апреля: «Благодарю Вас за интересное письмо и бумаги; радуюсь, что так горячо пошло ружейное дело; дай Бог Вам успеха и силы»[152].

Обеим вновь учрежденным комиссиям предстояла работа весьма сложная, обширная и спешная. Приходилось с самого начала взяться разом и за переговоры с заводчиками о прекращении работ по прежним контрактам на игольчатые винтовки, так же как о новых нарядах по образцу Крнка, и за изготовление образцовых экземпляров этого последнего ружья, с чертежами, лекалами и проч., и за устройство патронного завода. Все это требовало много соображений и вызывало огромные денежные расходы[153].

Хотя к 20 марта 1869 года, то есть ко времени открытия действий двух названных комиссией, было изготовлено и сдано всеми казенными заводами и частными мастерскими всего 106 тыс. игольчатых винтовок, однако ж и те, и другие успели уже приспособить свои механические средства к данным им нарядам, заготовить материалы, инструменты и выписать из-за границы готовые части ружейного затвора. Самые работы установились в них в такой мере, что число ежедневно поступавших в приемные комиссии игольчатых винтовок доходило уже до 650 экземпляров. Поэтому предстояло прежде всего ликвидировать прежние контракты и заключить новые на выделку ружей по другому образцу. Нелегко было склонить заводчиков на умеренное вознаграждение за расторжение прежних контрактов и сойтиться в условиях на новую работу. Оказалось необходимым принять от заводчиков сверх уже поставленных ими по 20 марта 106 тыс. игольчатых ружей еще столько же после решения о перемене образца и деньгами уплатить в виде вознаграждения убытков до 400 тыс. руб. Что же касается условий на дальнейшие работы по новому образцу, то главною нашею заботой было обеспечить исправность и своевременность в ходе работ так, чтобы не могла повториться та же прискорбная проволочка, которая нарушила все наши расчеты с игольчатыми ружьями. С этою целью введено во все новые

контракты условие, что в случае недодела в каждый из назначенных частных сроков (двухмесячных) правительство имеет право отобрать от заводчика недоделанное число ружей и передать их для переделки другому контрагенту. Что касается до цены, определенной за переделку ружей, то в среднем выводе по всем заводам и мастерским она составила 8 руб. 80 коп. за экземпляр; за новые же ружья Крнка, заказанные казенным заводам, средняя цена оказалась приблизительно в 21 руб. за экземпляр.

Заключенные с тремя казенными заводами контракты были утверждены Государем 12 апреля, а с четырьмя частными мастерскими* — 3 мая. Все эти семь контрагентов обязались в общей сложности поставить следующее число переделанных ружей: в течение 1869 года — 128 тыс., а до 15 сентября 1870 — еще 384 тыс., всего же 512 тыс.; казенные же заводы, кроме того, должны были в течение 1869 и 1870 годов изготовить 120 тыс. новых ружей. Но для того, чтобы контрагенты могли приступить к валовой работе, необходимо было прежде всего тщательно выработать все детали нового ружья, установить нормальные размеры и возможные допуски для всех частей механизма, определить выгоднейшее устройство патрона и пули и затем уже изготовить требуемое число образцовых экземпляров. Вся эта работа требовала чрезвычайной точности, так как малейшая погрешность в определении деталей могла при валовом производстве быть причиною совершенной негодности всех ружей. Поэтому пришлось производить целый ряд разнообразных опытов и исследований, встречать не раз неудачи и переделывать, а между тем необходимо было торопиться доставлением контрагентам всех данных для начатия работ. Только к концу мая они получили изготовленные на заводе Нобеля и проверенные Исполнительною комиссией образцы с лекалами, чертежами, поверочными инструментами — и с этого лишь времени можно считать начало валового производства.

Еще более встретилось затруднений и неожиданных неудач при установке патронного дела. Хотя уже в исходе 1868 года было приступлено к устройству в старом арсенальном здании (на Литейной) небольшой опытной мастерской для изучения фабрикации металлических патронов к будущему малокалиберному ружью (бердановскому), однако ж мастерская эта едва только начинала

* Нобеля в Петербурге, Мейнгарда и Комп. в Либаве, Менке (заменивший Больмана) в Киеве и Стандершельд в Тифлисе.

знакомиться с выписанными из Америки станками и с деталями этой новой специальности, когда вдруг потребовалось изготовлять патроны к крнковским 6-линейным ружьям, и притом в таких обширных размерах, что в течение менее одного года полагалось изготовить до 150 млн патронов. Задача эта могла быть исполнена только при самой напряженной деятельности и при огромных денежных затратах. Прежде всего требовалось установить производство соответствующего металла (латуни), изготовлять нового рода капсюли, возводить новые обширные постройки, приобретать машины, станки, инструмент; набрать людей, способных управлять работами в разных отделах завода. При крайне слабом развитии у нас техники встречались во всем чрезвычайные затруднения, так что не было возможности избегнуть покупок и заказов за границей. В лето успели мы устроить три новые заведения: для выделки гильз — одно в Старом арсенале на Литейной, другое — в прежнем Винном городке на Васильевском острове, а для снаряжения патронов — особое заведение на месте старой лаборатории на Выборгской стороне. Изготовление же капсюлей для металлических патронов возложено на Охтенское капсюльное заведение.

Такую обширную и сложную задачу едва ли было бы возможно выполнить в короткий срок без тех чрезвычайных средств и полномочий, которые были предоставлены обеим комиссиям: главной распорядительной и исполнительной, и если б не был принят особый порядок в ведении всего дела. Я должен при этом воздать должную справедливость всем лицам, участвовавшим в трудах обеих комиссий, в особенности же неутомимой деятельности и безграничной заботливости генерал-лейтенанта Резвого, генерал-майора Гадолина, профессора Вышнеградского и некоторых других, всецело посвятивших себя делу, возложенному на комиссии. Вспоминаю также с удовольствием о многих молодых артиллерийских офицерах, которым поручено было заведование разными отделами нового патронного завода и которые принялись за дело, совершенно для них новое, с примерным усердием и замечательною смышленностию. Некоторые из них сами изобретали механизмы или придумывали усовершенствования в заграничных машинах и станках. Генерал-майор Карташевский и полковник Ган изыскивали средства к возможному упрощению выделки металлических патронов: первый из них предложил гильзу желобчатую (gaufré), а другой — гильзу составную. Тому и другому было предоставлено разработать свои изобретения собственными средства-

ми и изготовить известное количество патронов за условленную плату для испытания стрельбою.

Могу сказать, что и на мою долю досталось немало трудов по ружейному делу: кроме обязанностей председателя в главной комиссии, заседания которой отнимали у меня несколько вечеров на неделе (единственное время дня, которое я мог употреблять на кабинетные свои занятия), я должен был и по утрам пользоваться каждым свободным часом для посещения заводов и мастерских, иногда же присутствовать на испытаниях, и два раза ездил в Сестрорецк. Частое появление мое в мастерских и личное внимание к трудам каждого из самых мелких деятелей заметно поддерживало в них бодрость, привязывали их к делу и ускоряли ход работ. Общими силами и общим сознанием великой ответственности пред отечеством преодолевались все встречавшиеся препятствия, устранялись все неожиданные неудачи и недоумения, и в короткое время создались новые обширные технические заведения.

О результатах, достигнутых к концу года, скажу в своем месте.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ДЕЛО

1867 и 1868 годы были эпохою наибольшего развития у нас железнодорожной деятельности. В эти два года открыто до 1000 верст новых рельсовых путей, а в работе было в 1868 году до 4 тыс. верст, то есть почти столько же, сколько построено было железных дорог в течение всех предшествовавших 30 лет. Имелось в виду еще большое число вновь предположенных линий. Министерства путей сообщения и финансов были осаждаемы домогательствами разных предпринимателей и аферистов на получение железнодорожных концессий. Тогда смотрели на получение концессии на какую бы то ни было дорогу как на верный способ без всяких забот и риска отложить в карман крупный капитал. Получение концессий сделалось предметом самой беззастенчивой спекуляции; ловкие аферисты прибегали и к высшим «протекциям», и к подкупу; передавая самую постройку дороги другим, второстепенным предпринимателям, с крупною сбавкою против выговоренной стоимости дороги, обогащались в колоссальных размерах, а дороги строились плохо[154].

Признаюсь, я никогда не мог объяснить себе систему, которой в то время держался твердо министр финансов Рейтерн и в которой его поддерживали другие наши финансовые авторитеты, во-

К.В. Чевкин. Рисунок М.А. Корфа

преки противному убеждению министра путей сообщения генерал-лейтенанта Мельникова. Тогда принято было за аксиому, что постройка и эксплуатация железных дорог «казенным порядком» всегда невыгодны, так же как и всякое вообще казенное предприятие и управление. М.Х. Рейтерн не раз заявлял во всеуслышание, что он, пока будет министром, ни за что не допустит казенных железных дорог. Основным принципом было поставлено поощрять и поддерживать частную предприимчивость. Исключительность и односторонность в применении этого принципа развили дух спекуляции до крайней бесцеремонности. Люди, не располагавшие никакими капиталами, превращались вдруг в крезов на счет той же казны, интересы которой полагалось охранять. На основании той же теории даже и такие важные государственные пути, как например Николаевская дорога, соединяющая обе столицы, перешла в частные руки[155] в то время, когда в других государствах уже начинали заботиться о том, чтобы наоборот, построенные на частные капиталы важнейшие пути постепенно перешли из частных рук в достояние государства.

Такой способ ведения у нас железнодорожного дела всегда казался мне загадочным, тем более, что оно было в руках таких дельных и безупречных лиц, как Рейтерн и Чевкин. В особенности удивлял меня последний, отличавшийся крайнею осмотрительностью и строгостью во всем, что касалось казенного интереса. Во всех делах, проходивших чрез его руки, Чевкин с мелочною

придирчивостью выискивал какие-нибудь невыгодные или опасные стороны, торговался из-за копеек, тормозил всякое предположение, казавшееся ему сомнительным или рискованным. Между тем в железнодорожном деле, поглощавшем сотни миллионов рублей, он поддерживал такую систему, которая поражала своею нерациональностью и вела к расточению громадных денежных средств в пользу немногих аферистов и спекулянтов. Главною заботой К.В. Чевкина при выдаче концессий было удешевление постройки дорог; поверстная стоимость, выговариваемая тем или другим из претендентов, постепенно все понижалась, и Чевкин ставил это себе в заслугу; но результатом этого понижения было то, что дороги строились все хуже и хуже; провозоспособность их сокращалась до того, что выстроенные дороги не были в силах удовлетворять требования промышленности и торговли, а между тем работали в убыток, поглощая громадные казенные суммы на уплату условленной гарантии.

Главный железнодорожный комитет[156], состоявший под председательством генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строгонова, устраненный от финансовой стороны железнодорожного дела, собирался по временам только для обсуждения направления рельсовых путей и сравнительной пользы различных проектируемых линий. Вносимые в Комитет министром путей сообщения проекты то одной, то другой линии обсуждались урывками, без общей связи, а потому с каждою новою линией все более выказывался в нашей железнодорожной сети недостаток общего рационального плана*. Хотя и составлялись неоднократно (как уже прежде мною упоминалось) нормальные сети, получившие даже Высочайшее утверждение, однако ж при выдаче концессий министры путей сообщения и финансов не стеснялись [ни] этими нормами, ни постановлениями Комитета о последовательности сооружения разных линий, соответственно сравнительной их важности или полезности, а выдавали концессии по случайным соображениям на линии, даже не внесенные в нормальную сеть, тогда как включенные в нее линии не строились.

В конце 1868 года Железнодорожный комитет вновь обсуждал представленную министром путей сообщения целую сеть проек-

* В особенности бросалось в глаза отсутствие общего плана в линиях, последовательно строившихся урывками в Юго-Западном крае между Киевом и Одессой.

тированных линий и постановил на первую очередь следующие семь дорог: 1) от Либавы до одной из станций существующей дороги от Вильны до Ковны, 2) от станции Лозовой до Севастополя, 3) от одного из пунктов Курско-Киевской дороги до Могилёва (на Днепре) и оттуда до Брест-Литовска, 4) от Борисоглебска до Царицына, 5) от Воронежа до Грушевки, 6) от Самары до Бузулука и 7) от одного из пунктов Киево-Балтской дороги до Брест-Литовска. Комитет, не предрешив самого порядка в выдаче концессий последовательно на все эти семь линий, полагал, однако же, не допускать выдачи концессий на какие-либо иные проектируемые дороги, пока не будет обеспечено сооружение именно означенных семи дорог. Такое постановление комитета получило 27 декабря 1868 года Высочайшее утверждение. Однако ж и на этот раз постановление комитета осталось только на бумаге; некоторые из одобренных им семи линий совсем не осуществились и по сие время.

Железнодорожный комитет при обсуждении поступавших на его рассмотрение проектов рельсовых путей мало обращал внимания на стратегические соображения, заявляемые со стороны Военного министерства[157]. Хотя в заседаниях комитета кроме меня принимали участие генерал-адъютанты граф Гейден и Тотлебен, а иногда приглашались и другие представители интересов военного ведомства, однако ж почти всегда наши заявления оставлялись без последствий, и брали верх соображения экономические, которыми обыкновенно мотивировались преимущества линий, предлагаемых министрами финансов и путей сообщения. Вследствие этого тогдашняя наша железнодорожная сеть вовсе не удовлетворяла самым настоятельным требованиям военным. В то время, как Пруссия и Австрия опоясывали наши границы двойною и тройною сетью железных путей, у нас во всей западной пограничной полосе не было ни одной линии, кроме Петербургско-Варшавской, для связи Царства Польского с центром государства и с южными губерниями*.

Для очищения своей совести и чтобы сложить с себя нравственную ответственность, я поручил составить в Главном штабе записку в виде общего свода соображений Военного министер-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Единственный путь от Варшавы к Динабургу пролегал в некоторых частях своих так близко от границы, что в случае войны нельзя было бы рассчитывать и на это сообщение» (*примеч. публ.*).

ства относительно необходимейших стратегических линий сообщения. Записка эта, редактированная генерал-майором Обручевым, на основании бывших у меня совещаний по этому предмету была отпечатана и сообщена всем членам Комитета министров[158]. По особому Высочайшему повелению возбужденный Военным министерством вопрос о пересмотре нашей железнодорожной сети обсуждался в заседании Комитета министров 11 февраля в присутствии великого князя Константина Николаевича и с участием членов Железнодорожного комитета. Рассуждения и споры были весьма продолжительны. Только немногие из членов отнеслись сочувственно к заявлениям Военного министерства; большинство же поддерживало министра финансов, и в том числе князь А.М. Горчаков, который с горячностью высказал, что он не видит никаких причин заботиться о стратегических требованиях и не признает других целей сооружения железных дорог, кроме экономических. Не желая открыто опровергать вырвавшуюся у него фразу, я, сидя рядом с ним, передал ему написанные на листке бумаги несколько строк, в которых выразил свое удивление, что министр иностранных дел устраняет безусловно соображения, прямо относящиеся к обеспечению безопасности государства. Князь Горчаков тут же сделал на моей записке несколько своих отметок и закончил такою громкою фразой: «Есть кровь и патриотизм русского народа, и это не пустые слова». Отметка эта, характеризующая нашего знаменитого канцлера, сохранилась у меня и по сие время. Кончено, он сам в душе не верил тому, что написал; это был привычный фейерверк фраз[159].

Результатом суждений комитета было постановлено, что из числа указанных военным министром необходимейших стратегических линий две главные уже внесены в нормальную сеть: от Брест-Литовска на Смоленск и на Киев*; о других же не было и речи. Пришлось опять отложить вопрос до более благоприятного момента. Однако ж наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич, узнав о решении комитета, упрекнул мне, что в записке Военного министерства не была включена в первую очередь Кавказская линия, которую Его Высочество признавал весьма важною и в стратегическом, и в экономическом

* В автографе зачеркнут следующий первый вариант текста: «[...] от Брест-Литовска одну на Смоленск и Москву, другую — на Киев» (*примеч. публ.*).

М.Н. Анненков

отношениях, для сообщения между морями Чёрным и Каспийским, поперек всего Закавказского края. Великий князь не раз писал об этой линии самому Государю и вследствие его настояний последовало позже особое Высочайшее повеление о добавлении Закавказской дороги к числу включенных комитетом в первую очередь[160].

В военных соображениях важно не одно лишь существование и направление железнодорожных линий, но и действительная провозоспособность каждого пути. Поэтому Военное министерство должно в своих приготовительных мерах на случай войны принимать в расчет самое устройство каждой дороги и подвижной ее

состав, дабы не впасть в опасную ошибку, ожидая от железных дорог непосильную помощь в минуту надобности. В этих видах учрежден был при Главном штабе и под председательством начальника его особый Комитет по передвижению войск железнодорожными и водяными путями. На этот комитет возложена была обязанность постоянно следить за провозоспособностью каждой линии и находиться по этому предмету в прямых сношениях с правлениями дорог. Делопроизводство по комитету было возложено на генерал-майора Анненкова, который с этого времени сделался главным деятелем в Военном министерстве по всем распоряжениям, касавшимся перевозки войск по железным дорогам. С этого же времени обращено внимание на приспособление подвижного состава железных дорог к военным надобностям, на порядок размещения войск и военных тяжестей в поездах и введено обучение войск быстрой посадке и выгрузке.

Для обеспечения же в военное время эксплуатации железных дорог в занятом неприятельском крае, для порчи и разрушения неприятельских путей и восстановления своих, поврежденных противником, решено было учредить военные железнодорожные команды, на первое время в числе 23. Чины этих команд были распределены по разным линиям для обучения их всем специальностям железнодорожной службы. Все распоряжения относительно этих команд в то время были возложены на Главный штаб.

МАРТ, АПРЕЛЬ И МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

С наступлением великопостного сезона обыкновенно в правительственных сферах принимаются за те дела, которые считались не слишком спешными в первые суетливые месяцы года. В числе такого рода дел в марте 1869 года выступил на очередь вопрос об административном устройстве Восточной Сибири.

В исходе истекшего 1868 года местным генерал-губернатором М.С. Корсаковым представлены были соображения и предположения по многим весьма важным предметам управления гражданского и военного. Главнейшие из них касались перенесения центра управления Приморской областью из Николаевска в Хабаровку, устройства Южно-Уссурийского края, усиления в нем русской колонизации, охранения границ его, усиления положения нашего на острове Сахалин и преобразования военно-мор-

М.С. Корсаков

ской части на берегах Тихого океана[161]. Предварительное рассмотрение возбужденных генерал-губернатором вопросов было возложено на временную комиссию, образованную под председательством члена Военного совета генерал-адъютанта Лутковского, который в предшествовавшем году был командирован в Восточную Сибирь для инспектирования войск и военных учреждений, а потому имел возможность ознакомиться с положением и нуждами Приморского края.

Эта отдаленнейшая из всех окраин России, пустынная, непроизводительная, лишенная путей сообщения, была похожа на оторванную колонию, мало полезную для метрополии. Изредка посещал эту страну иркутский генерал-губернатор, но эти дорогостоящие поездки приносили мало пользы. Редкое, разбросанное

И.С. Лутковский

население едва было в состоянии прокормить себя; войскам же и морским командам Приморской области даже продовольствие посылалось из Петербурга кругосветным путем и обходилось непомерно дорого. Гражданская администрация не имела средств к оживлению края. Притом же она была в руках моряков, малоспособных к управлению*. Малочисленные войска, разбросанные

* В это время военным губернатором Приморской области был контр-адмирал Фуругельм.

мелкими частями, так же как и казаки, насильственно поселенные по Амуру и Уссури, бедствовали в полном смысле слова, были изнурены работами, о строевом же благоустройстве нечего было и думать. Инспекторский смотр, произведенный генерал-адъютантом Лутковским, выказал положение военной части в этом крае в самом печальном виде.

Еще со времени управления Восточною Сибирью графа Муравьёва-Амурского, поднимался вопрос о том, чтобы весь Приморский край (т. е. области Приморскую и Амурскую) отделить от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и образовать для него особое самостоятельное управление, центром которого назначить Хабаровку, лежащую при слиянии Амура с Уссури[162]. Предположение это, вновь возбужденное генералом Корсаковым[163], поступило на обсуждение в подлежащие министерства в то же время, когда рассматривались и проекты так называемой Степной комиссии тайного советника Гирса об устройстве управления киргизским населением Западной Сибири и Оренбургского края[164]. Министерство внутренних дел вздумало связать эти проекты с предложением касательно отделения Приморского края от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, и таким образом явился новый обширный проект общего административного передела всей Азиатской России. За основное начало было принято выделить из состава генерал-губернаторств губернии Тобольскую, Томскую, даже Енисейскую и Иркутскую, оставив в ведении генерал-губернаторов только самые окраины империи, то есть пограничные области. Проект этот рассматривался в Особом совещании представителей разных министерств, в том числе и Военного; но я лично не сочувствовал основной мысли Министерства внутренних дел, находя несообразным упразднение генерал-губернаторской власти в самых отдаленных губерниях империи, когда существование этой высшей местной власти признавалось еще нужным в губерниях, ближайших от центра государства. В сущности побудительною причиной такого предположения было стремление Министерства внутренних дел к централизации власти: с чиновничьей точки зрения, министерству удобнее иметь дело непосредственно с губернаторами, которые сами не что иное, как чиновники того же министерства, чем с генерал-губернаторами, лицами более самостоятельными и авторитетными.

При таком различии взглядов разных министерств последовало Высочайшее повеление обсудить возникшие вопросы в осо-

бом совещании под председательством великого князя генерал-адмирала из министров, причастных к делу. Выбор председателя оправдывался тем соображением, что в вопросе об устройстве Приморского края затрагивались непосредственно интересы морского ведомства; но с другой стороны, этот выбор усложнил дело, так как Морское министерство домогалось исключительного подчинения ему всей береговой полосы Восточной Сибири в виде отдельного генерал-губернаторства под начальством командующего морскими силами в Тихом океане. В заседаниях, происходивших в Мраморном дворце, я положительно восстал против этого предположения, находя несправедливым интересы целого края принести в жертву исключительным видам одного морского ведомства. Чтобы выразить нагляднее невыгоды проекта, я приводил в пример сравнение с домом, у которого наружная стена на улицу принадлежала бы не хозяину самого дома, а особому владельцу. Конечно, я не мог высказать пред Августейшим председателем еще более важный аргумент — доказанную опытом непригодность морских офицеров или адмиралов к управлению краем. Многолетнее начальствование адмиралов в Приморской области показало, что и самые дельные из них не обращали должного внимания на гражданские и экономические интересы подведомого им края; даже в отношении подчиненных им сухопутных войск, они были плохими начальниками. Вообще, моряки привыкают смотреть на сухопутные войска с каким-то пренебрежением; на языке их «солдат» есть существо низшее сравнительно с матросом. Этим объясняется почти бедственное положение, в котором находились линейные батальоны и местные команды в Приморской области, пока они состояли под прямым начальством адмиралов; на них смотрели как на рабочую силу. Отчет генерал-адъютанта Лутковского, при всей мягкости редакции, констатировал укоренившиеся в войсках того края беспорядки, злоупотребление и полное невнимание начальников к благоустройству войск.

Таким образом, совещания в Мраморном дворце не могли привести ни к какому общему заключению; оставалось придумать средство, обыкновенно употребляемое в подобных случаях, — затянуть дело, отложить его до более удобной обстановки, а для этого было решено вновь снарядить комиссию для собрания на месте разных данных, будто бы необходимых для всестороннего обсуждения дела. Предположение это было утверждено

Государем; во главе новой экспедиции в Приморскую область положено было поставить генерал-адъютанта Сколкова — опять моряка, занимавшего в то время должность эскадр-майора, человека ограниченного, мало развитого, вышедшего в люди только благодаря тому, что он в молодых летах понравился князю Меншикову, попал из штурманов в адъютанты к нему, сделался его любимцем, а под Севастополем лишился руки. Все служебное поприще Сколкова заключалось в личном угодничестве пред начальством; не было в нем решительно никаких данных, чтобы оправдать назначение его руководителем работ такой комиссии, на которую возлагалась задача весьма сложная. В состав комиссии вошли делегаты от министерств военного, морского, внутренних дел, финансов и государственных имуществ. Представителем интересов военного ведомства был полковник Генерального штаба Зыков. Комиссия должна была выехать из Петербурга в конце апреля[165].

Из всех разнообразных предположений генерала Корсакова осуществились только весьма немногие, преимущественно те из них, которые касались исключительно одного Военного министерства. Так, усилены были войска на острове Сахалине до состава целого батальона, а предположение об устройстве на острове военного управления получило ход установленным законодательным порядком чрез Военный и Государственный советы[166].

Ко всем заботам и неприятностям, вынесенным мною в зиму 1868–1869 годов, прибавились в марте месяце студенческие беспорядки в Медико-хирургической академии. Предлогом к ним на этот раз послужило неудовольствие студентов на нового профессора Ландцерта, избрание которого пришлось не по вкусу некоторым из профессоров, принадлежавшим к партии ультрарусской. Весьма прискорбно, что в эту бессмысленную борьбу партий некоторые профессора втягивали молодежь, подстрекая ее к демонстрациям и беспорядкам. Вслед за демонстрациями против Ландцерта студенты вздумали требовать «право сходок», строго в то время запрещенных. Беспорядки эти при слабости тогдашнего начальства академии дошли до такого размера, что я счел необходимым закрыть на время академию, то есть прекратить лекции, чтобы дать время молодежи отрезвиться и укротиться. Вообще я не придавал подобным студенческим «историям» большой важности и смотрел на них, как на увлечения лег-

Ф.Ф. Трепов

комысленной молодежи; тогда как мои коллеги Тимашев и граф Шувалов обыкновенно делали из мухи слона и пользовались каждым пустым случаем, чтобы запугивать Государя, подстрекали его к репрессивным мерам, выставляя самих себя зоркими охранителями спокойствия и порядка. Петербургский обер-полицмейстер генерал-адъютант Трепов, со своей стороны, при ежедневных докладах Государю старался выказать свою бдительность, придавая значение всякому мелочному полицейскому

донесению. Однако ж в отношении ко мне генерал Трепов всегда показывал, по крайней мере по наружности, внимательность и предупредительность, сообщая мне доходившие до него секретные сведения о происходившем в студенческом мире. Таким путем я узнавал многое, что было даже неизвестно ближайшему начальству академии, совершенно бессильному пред массою студентов*.

Заступивший место тайного советника Дубовицкого действительный статский советник Наранович был добрый, кроткий старичок, которого все уважали и никто не слушался. Возникшие в академии беспорядки, очевидно, были делом закулисных подстрекателей, потому что вслед за тем начались такие же проявления буйства между студентами в университете, в Технологическом институте и в других высших учебных заведениях не только в Петербурге, но и в Москве[167]. В беспорядках принимали участие преимущественно студенты младших курсов, особенно первогодичные. В Медико-хирургической академии не был замечен ни один из студентов 5-го курса, так что я счел возможным возобновить лекции в этом курсе уже с 22 марта, а на всех прочих лекции были открыты только 28 апреля.

Однако ж беспорядки в академии выказали вполне несостоятельность начальника ее П.А. Нарановича и инспектора студентов полковника Смирнова. Признано было необходимым заменить их обоих другими, более энергичными лицами. Почтенный Павел Андреевич остался членом Военно-медицинского ученого комитета, а на место его начальником академии назначен тайный советник Николай Илларионович Козлов. Выбор этот не всеми одобрялся, но смутные слухи насчет Н.И. Козлова, по моему мнению, не должны были устранять от деятельности человека умного и энергичного. Последствия показали, что я не ошибся в этом назначении.

При одном из моих докладов в конце марта Государь передал мне записку, полученную им от фельдмаршала князя Барятинского из его курской деревни и помеченную 20-м числом марта. Это было обещанное им изложение его возражений на

---

* В автографе далее зачеркнуто: «и перед раздорами в профессорской конференции» (*примеч. публ.*).

новое Положение о полевом управлении армии в военное время[168]. На полях записки были уже положены собственноручные отметки Государя карандашом. Прочитав эту записку, я был возмущен недобросовестностью, с которою она была составлена и ясно узнал в ней руку Фадеева[169]: это был беззастенчивый подбор парадоксов и натяжек, подтасовка вырванных фраз с извращением их смысла для подтверждения того мнения, будто бы новое Положение унизило значение главнокомандующего армией, лишило его самостоятельности, поставило его в зависимость от военного министра, «лишило армию прямого доступа к Государю и заслонило от нее лицо* Монарха». В записке снова высказывался настойчиво упрек мне** в том, что при составлении проекта и рассылке его разным лицам не было спрошено мнение фельдмаршала. С негодованием читал я все эти обвинения, но успокоился, увидев Государевы отметки, в которых довольно резко указывалась неосновательность и парадоксальность рассуждений князя Барятинского. В одном месте, например, была такая отметка: «Это только слова...» В другом: «несправедливо» или «напротив того...» Я мог бы считать себя совершенно удовлетворенным этими отметками, которые имели тем бóльшую цену, что были набросаны Государем под первым впечатлением прочитанной им записки, прежде всяких разъяснений с моей стороны. Однако ж я счел нужным, в дополнение к этим кратким отметкам самого Государя, представить Его Величеству и свое, более обстоятельное возражение на записку фельдмаршала по всем пунктам ее содержания[170]. Объяснительную мою записку Государь оставил у себя; полагаю, что она была послана князю Барятинскому. Впоследствии же Его Величество потребовал от меня [как] копии с самой записки фельдмаршала, так и с моих возражений для отправления к графу Бергу. Обе записки также передавались мною для прочтения великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам.

В продолжение Великого поста устроена была по распоряжению находившегося в Петербурге туркестанского генерал-губернатора Кауфмана специальная выставка произведений Турке-

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

** В автографе вместо этого местоимения: министерству (*примеч. публ.*).

станского края. Помещение для нее было отведено в нижнем этаже дома Министерства государственных имуществ (у Синего моста). Целый ряд больших комнат был наполнен всякими предметами, характеризующими производительные средства Средней Азии и быт тамошнего населения. Здесь в первый раз появились оригинальные произведения кисти Верещагина. Петербургская публика с любопытством стекалась смотреть Туркестанскую выставку и останавливалась в особенности пред типичными картинами художника, тогда еще малоизвестного[171]. 2 апреля выставку посетили Их Величества, а в следующие дни — прочие особы Императорской фамилии. Генерал Кауфман сам встречал и водил по выставке Августейших посетителей. Выставка была закрыта 15 апреля.

По заведенному порядку на шестой неделе Великого поста 9 апреля Государь осматривал картографические и топографические работы военного и морского ведомств, разложенные в залах Зимнего дворца.

20 апреля Светлое воскресение было встречено обычным выходом во дворец с христосованием и с объявлением о пожалованных наградах, назначениях и других официальных новостях, всегда ожидаемых с большим нетерпением в служебном мире. Главною новостью было увольнение от должности министра путей сообщения генерал-лейтенанта Мельникова с назначением его членом Государственного совета, а на его место исправляющим должность министра — товарища его, генерал-майора графа Влад[имира] Алекс[еевича] Бобринского. Павел Петрович Мельников, считавшийся в свое время одним из лучших наших инженеров путей сообщения и пользовавшийся общим уважением как честный и достойный человек, к сожалению, предался на старости спиритизму, омрачившему уже немало голов даже таких людей, которые справедливо считались умными, учеными, и что всего страннее — специалистов по наукам точным (генерал Шильдер, профессора Бутлеров и Вагнер и многие другие). Говорили, что Государь, при одном из докладов генерала Мельникова, прямо спросил его: правда ли, что он занимается спиритизмом, столоверчением и вызыванием духов? Последовавшие будто бы на этот вопрос объяснения Мельникова убедили Государя в невозможности оставлять долее такого маньяка в должности министра. Не знаю,

П.П. Мельников

в какой мере достоверен этот слух, но думаю, что во всяком случае были и другие причины увольнения П.П. Мельникова. Более чем когда-либо в публике слышались нарекания на Корпус инженеров путей сообщения, распущенность которого приписывалась чрезмерной мягкости и доброте министра. По всем вероятиям, граф Шувалов воспользовался этим настроением общественного мнения, чтобы провести в министры еще одного из людей своей клики.

Преемник П.П. Мельникова, как я имел уже случай упоминать, считался подготовленным к занятию поста министра путей сообщения только потому, что он посвятил несколько месяцев на поездки по заграничным железным дорогам. На графа Бобринского возлагались большие упования как на человека, обладающего большим состоянием и не принадлежащего к той корпорации, в среде которой он призван был проявить свои административные способности[172]. В то время господствовал в нашей высшей администрации дилетантизм. Люди специальные, знатоки дела, систематически устранялись от него. Граф В.А. Бобринский, сам вовсе незнакомый с частию, которою взялся управлять, подбирал и в помощники себе таких же, как он, дилетантов. Так, заведование всеми шоссейными и водяными путями было вверено генерал-майору князю Щербатову, занимавшему до того времени должность калишского губернатора, бывшему офицеру Генерального штаба, не из числа особенно способных, человеку самонадеянному и притом совершенно запутавшемуся в своих собственных денежных делах. С помощью князя Щербатова граф Бобринский задумал преобразовать коренным образом устройство Министерства путей сообщения, взяв при этом за образец новое Положение о Военном министерстве[173]. Попытка эта была похожа на пародию, которая, однако же, могла привести к серьезным последствиям — к окончательному расстройству и путанице в ведомстве путей сообщения. Систематическое замещение всех высших должностей дилетантами из высшего круга общества вообще должно было приводить к самым жалким результатам и беспрестанным разочарованиям. Бездарность и неподготовленность к делу обнаруживались весьма скоро и наглядно, так что, несмотря на сильную поддержку, подобные назначения большею частию были недолговечны. Так вышло и с обоими графами Бобринскими, появившимися один за другим во главе ведомства путей сообщения[174].

Вскоре после Святой недели, именно 2 мая, происходил на Марсовом поле большой парад, и на другой же день Царская фамилия переселилась в летнее свое местопребывание — в Царское Село, где оставалась до предположенного переезда в подмосковное село Ильинское[175]. 5 мая Их Величества приезжали в Петербург по случаю открытия выставки садоводства, устроенной весьма эффектно в Михайловском манеже и в примыкавших к нему

временных пристройках. Открытие выставки совершилось с некоторым торжеством, с участием дипломатического корпуса и многочисленной сановной публики.

С 6 мая начались мои регулярные, по три раза в неделю, поездки в Царское Село. Каждый раз после доклада заходил я повидаться со своею старшею дочерью, которой отведено было помещение в том же нижнем коридоре Большого дворца, где находились комнаты великой княжны Марии Александровны и на моем пути от Государя в свой номер.

ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ

С мая месяца вся моя семья в этом году была разбросана по разным странам и в беспрерывных разъездах. Сын мой получил от артиллерийского начальства дальнюю командировку в Восточную Сибирь и выехал из Петербурга 10 мая вместе с полковником Генерального штаба Зыковым, назначенным в состав Комиссии генерал-адъютанта Сколкова. Поручение, данное моему сыну, заключалось в том, чтобы указать артиллерийским батареям Приморской области действие из новых орудий, заряжаемых с казенной части, отправленных уже ранее морем в Николаевск и Владивосток[176]. Сын мой выпросил себе разрешение по исполнении поручения возвратиться в Петербург морским путем чрез Суэцкий канал, открытие которого было назначено осенью того года. На командировку сына я смотрел как на счастливый для него случай увидеть и узнать много нового, поучительного и полезного в практической жизни*.

Из дочерей моих старшая, Елизавета, находилась неотлучно при великой княжне Марии Александровне и вместе с нею и с императрицей переезжала из Царского Села в Ильинское, а позже в Крым. Вторая дочь, Ольга, прозимовав в Ментоне с

---

* В автографе далее следовал зачеркнутый текст: «К сожалению моему, он совершил свое далекое и любопытное путешествие слишком поспешно, не как любознательный путешественник, а, скорее, как исправный курьер, — к чему, впрочем, он был отчасти вынужден ограниченностью денежных средств. Проскакав быстро через всю Сибирь, он должен был в Иркутске дожидаться прибытия Сколкова и других членов комиссии, с которыми предстояло ему проехать далее на Амур. Не имея терпения дождаться их, он уехал вперед один, прибыл 14 июня в Сретенск, а 2 июля в Николаевск, где уже нашел отправленные туда новые орудия» (*примеч. публ.*).

своею «dame de compagnie» г-жою Регенсдорф, переехала в начале мая в Ниццу*. Наконец, две младшие дочери[177] и племянница Анна Понсэ с достойною их наставницей Ольгой Ивановной Винтер проводили лето в окрестностях Выборга, на одном из островов Транзундского архипелага Сонион-Сари, где находилась мыза, принадлежавшая родственницам Ольги Ивановны, двум добрым старушкам Рейхенберг, которые уделили половину своего домика для помещения моих детей и доставляли им всевозможные удобства**.

Жена моя, проводив 17 мая своих птенцов до Кронштадта, три дня спустя, 20-го числа, выехала с дочерью Надеждой за границу. Я проводил их до Луги вместе со старшею дочерью Елизаветой, которая возвратилась в Царское Село, а я очутился в полном одиночестве в своем обширном петербургском помещении. Жена первоначально направилась чрез Берлин в Дрезден, где остановилась на один день для свидания с некоторыми своими знакомыми, а затем продолжала путь чрез Кёльн в Париж. Там остановилась она в маленьком отеле Meyerbeer в Champs Elysée, поблизости того дома на rue Balzac, в котором проживал в то время брат мой Николай со своею семьей.

Пробыв всю зиму в Вэвэ, на берегу Женевского озера, брат мой переехал в начале апреля в Париж для консультации с тамошними врачами и для свидания с дядей графом П.Д. Киселёвым. В Париже нашел он многих хороших знакомых, пользовался разными,

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «[...] где поместилась сначала в “Ponsion Anglaise” на Cionoz, а потом, 16 мая, переселилась на несколько дней в семейство Назимовых, занимавшее прекрасную загородную виллу (Villa Cosola, S[te] Bartolomy) и здесь дождалась приезда матери и сестры Надежды. Здоровье ее значительно поправилось; пребывание в горном климате, очевидно, принесло ей большую пользу и оправдало мнение С.П. Боткина, так же как и собственное инстинктивное стремление самой больной, вопреки убеждениям немецких врачей» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе вычеркнут следующий текст: «Хотя на всем острове не было другого жилья, кроме усадьбы старушек Рейхенберг, однако же вскоре эта пустынная, глухая местность оживилась прибытием на Транзундский рейд всей эскадры из Кронштадта на летнюю стоянку. Моряки пользовались близким соседством мызы, высаживались на остров, приходили в усадьбу покупать молоко и яйца и гуляли по лесу. Адмиралы и некоторые из офицеров познакомились с хозяйками усадьбы, развлекались, играя с моими детьми, баловали их катанием на лодках и показывали им устройство судов. Девочки мои скоро сделались сами страстными морячками» (*примеч. публ.*).

доступными больному развлечениями и так доволен был тамошнею своею обстановкой, что решился остаться в Париже на более продолжительное время, чем предполагал*. В конце апреля приехал в Париж и младший мой брат Борис, который после многих лет, проведенных на службе в Восточной Сибири, взял отпуск на несколько месяцев и в конце декабря 1868 года прибыл с женою своею в Петербург[178]. В первый (и, кажется, единственный) раз в жизни решился он съездить за границу, чтобы повидаться с больным братом Николаем и сестрою Мордвиновой. Пробыв в Париже неделю, он возвратился в Петербург, а вскоре потом к своему месту службы в Иркутск**.

Жена моя пробыла в Париже всего два дня и продолжала путь чрез Лион и Марсель в Ниццу. Встреча ее с больною дочерью была тем радостнее, что с первого же взгляда замечалось в ее здоровье значительное улучшение. Чрез несколько дней жена с обеими дочерьми выехала на пароходе в Неаполь. Здесь оставались они до половины июня и затем переселились в Сорренто. Больная наша настолько уже поправилась, что была в силах на пути осматривать Помпейские развалины. В Сорренто путешественницы поместились сначала в гостинице Tramontana. С первых же дней они познакомились с проживавшею в Сорренто княгиней Оболенской — первою женою князя Юрия Александровича Оболенского (брата давнишнего моего приятеля князя Дмитрия Оболенского), а затем и с некоторыми другими обитателями Сорренто: с немецким археологом Helbig и его любезною, талантливою женой, рожденною княжной Шаховской; с семейством графа Correale, состоявшим из старика, владельца прекрасной виллы в самом Сорренто, дочери его и двух сыновей; с другим семейством из Пьемонта — маркизой de Faverge, добродушною и довольно комичною старою англичанкой, жившей в Сорренто с двумя дочерьми и сыном. Впоследствии круг знакомства еще расширился; между прочим припоминаю ближайших соседей: князя Дендичи (Фрассо) и его жену — венскую аристократку с детьми. Знакомства эти доставляли моим дочерям некоторое развлечение в их тихой и однообразной жизни. С отъ-

* В автографе далее зачеркнуто: «Здоровье младшей дочери его скоро поправилось благодаря мерам, принятым по указанию тогдашней знаменитости — доктора Нелатона» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «Сестра же Мордвинова, заехав в Штутгардт для свидания с одной приятельницей своей, возвратилась в Одессу» (*примеч. публ.*).

ездом Оболенских мои путешественницы перешли в их помещение в Hotel de la Grande Bretagne (или Villa Santa Severina), которое представляло все удобства для летнего пребывания; с террасы дома открывался великолепный вид на весь залив Неаполитанский с Везувием на первом плане. Больная наша могла уже принимать участие в прогулках по окрестностям, сначала в носилках, а потом и на ослике.

Таким образом, в течение лета вся моя семья была разбросана чуть не по всему земному шару: жена с двумя дочерьми — на юге Италии, старшая дочь — под Москвою, а потом в Крыму, младшие дочери — в Финляндии, а сын — на Тихом океане; один брат — в Париже, другой — в Иркутске, сестра — в Одессе (по возвращении из-за границы).

В первое время после отъезда моей семьи из Петербурга, пока Их Величества находились еще в Царском Селе, я имел утешение в дни моих докладов видеться со старшею своею дочерью; иногда в часы досуга гулять с нею по Царскосельскому парку или навещать в Павловске наших друзей: К.К. Грота и К.Д. Кавелина. Случалось, что я оставался в Царском до вечера, когда позволяли служебные мои обязанности. В начале же июня я совсем переселился туда на несколько дней, дабы избегнуть слишком частых переездов в Царское Село не только в дни докладов, но и по разным случаям.

5 июня я сопровождал Государя в Красное Село, где происходил объезд лагеря, затем парадная зоря, а на другой день, 6-го числа, общий смотр на Военном поле всем войскам Красносельского сбора.

7-го числа Государь посетил Охтенский пороховой завод, в первый раз после перестройки его заново, вследствие страшного взрыва 1865 года[179]. Перестройка продолжалась три года и обошлась почти в миллион рублей (в том числе около 275 тысяч на одни механизмы). Государь приехал с великим князем Владимиром Александровичем. Я встретил их вместе с артиллерийским начальством у дома начальника завода генерал-майора Ракуса-Сущевского. Мы повели Его Величество по всем новым постройкам, начав с турбин, приводящих в движение посредством железного каната целый ряд отдельно расставленных пороховых фабрик на протяжении почти двух верст. Этот способ передачи движения, в то время еще новый, дал возможность, при перестройке завода, вполне устранить прежнюю скученность и тесноту завод-

ских построек. Взамен бывших деревянных бараков, теснившихся один возле другого, возведен целый ряд каменных небольших построек, огражденных земляными валиками. Новое устройство завода, произведенное профессором Вышнеградским, под наблюдением особой комиссии (председателем которой был инспектор пороховых заводов генерал-майор Яфимович), представляло полное применение всех новейших механических усовершенствований в пороховом деле; некоторые же из механизмов были проектированы самим Вышнеградским и помогавшими ему артиллерийскими офицерами. Особенное внимание обращали на себя впервые устроенные у нас механические станки для выделки призматического пороха. Мы могли похвастаться, что в новом своем виде Охтенский завод стал едва ли не лучшим из существовавших в то время пороховых заводов. Все механизмы были пущены в ход в присутствии Государя, который обошел занятое заводом обширное пространство, входя со вниманием во все подробности, выслушивая терпеливо объяснения и несколько раз выражал начальству и строителям одобрение и благодарность. По окончании осмотра порохового завода и некоторых его исторических достопримечательностей, Его Величество посетил еще капсюльное заведение и после завтрака у начальника завода возвратился в Царское Село. Всему начальству, начиная с генерал-адъютанта Баранцова, и строителям завода объявлена была в Приказе Высочайшая благодарность.

11 июня утром Их Величества с младшими великими князьями[180] и великою княжной выехали из Царского Села в Колпино и оттуда по Николаевской железной дороге в Москву. В свите их состояли генерал-адъютанты граф Алекс[андр] Влад[имирович] Адлерберг, граф Шувалов, князь Влад[имир] Ив[анович] Барятинский, тайный советник Озеров (состоявший при великой княжне Марии Александровне, бывший посланник в Берне), графиня Толстая, фрейлины баронесса Пиллар-фон-Пильхау, моя дочь, затем воспитатели и преподаватели великих князей, придворные врачи (Карель и Гартман), чины Военно-походной канцелярии и т. д. Их Величества прибыли в Москву в 12-м часу ночи; на другой день (12-го числа), по заведенному неизменному порядку, происходил в Кремлевском дворце «большой выход», потом торжественное шествие с Красного крыльца в соборы, затем развод на «Царской площадке» и в тот же день переезд в Ильинское.

Здесь Государь пробыл десять дней в спокойствии и отдыхе. Только раз, в ночь на 21-е число, он неожиданно приехал в лагерь на Ходынке, по «тревоге» поднял на ноги все войска, сделал им учение и к 6 часам утра возвратился в Ильинское. 22 июня приехал туда фельдмаршал князь Барятинский из своей курской деревни. В тот же день, к ночи Их Величества переехали в Петровский дворец, по случаю назначенного на следующий день смотра войскам на Ходынке, а 24-го числа вечером Государь выехал обратно в Царское Село; императрица же с детьми осталась в Ильинском.

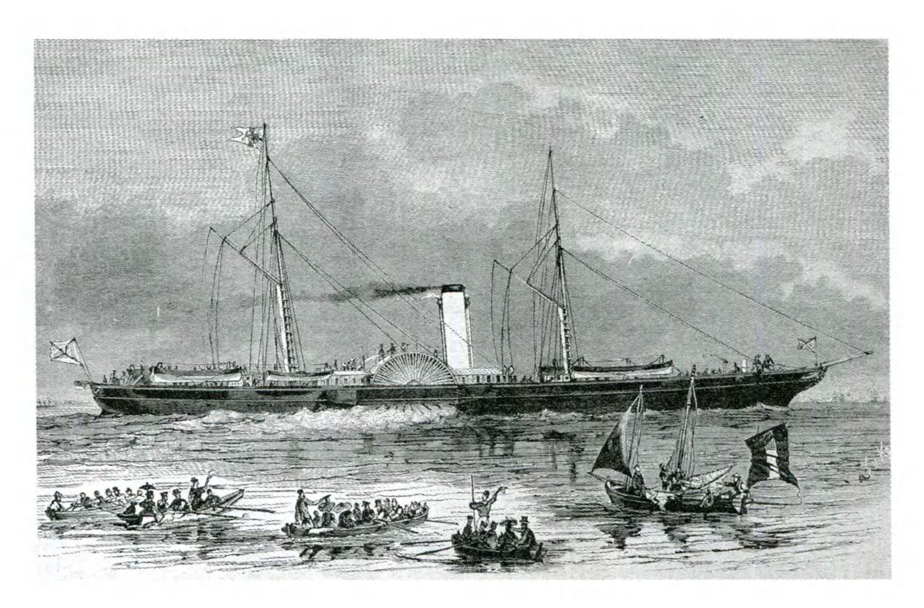
В продолжение двухнедельного отсутствия Государя из Царского Села я оставался в Петербурге в полном одиночестве, продолжал усиленно работать над ружейным делом, разъезжал по заводам и мастерским. Пользуясь временною своею независимостью в распределении времени, я побывал в Сестрорецке, в Кронштадте, на Охтенском заводе и отводил душу перепискою с разбросанными по разным странам членами своей семьи. Петербург был пуст, как всегда бывает в летнее время. Раз позволил я себе съездить в Павловск к К.К. Гроту, а в другой — в Ораниенбаум, по приглашению великой княгини Елены Павловны, продолжавшей по-прежнему оказывать мне самое благосклонное внимание. Побывал я и в Петергофе, чтобы взглянуть на моих маленьких друзей-питомцев военных гимназий в летнем помещении их на месте прежнего кадетского лагеря. Повидавшись с ними, я проехал навестить семью Ал[ександра] П. Карцова, проводившую лето на дороге в Ораниенбаум (на даче Бека, рядом с тою, в которой некогда мы провели лето вместе с Карцовыми, близь деревни Мартышкиной). Кроме этих загородных поездок, несколько раз обедал я у Александра Алексеевича Зелёного, в летнем помещении министра государственных имуществ на Аптекарском острове.

С возвращения Государя из Москвы начались поездки в Красное Село. Уже 27 июня Государь неожиданно приехал из Царского Села в лагерь около 2 часов пополудни и вызвал войска по «тревоге». Хотя в то время некоторые части войск только что возвращались с утренних учений, а другие собирались выступить на послеобеденные занятия, и никто, конечно, не мог ожидать «тревоги», однако ж войска собрались замечательно скоро, и Государь остался весьма доволен произведенным по его программе двухсторонним маневром. В 6-м часу Государь возвратился в Царское Село.

В этот день (пятница) я был в Петербурге и, конечно, не мог присутствовать на «тревоге», но 29-го числа, в воскресение, ездил в Красное Село по случаю происходившего в лагере в присутствии Государя церковного парада при 1-й гвардейской пехотной дивизии и потом лагерного развода.

На 2 июля назначен был Высочайший смотр флоту на Транзундском рейде. Я был приглашен сопровождать Государя, что было для меня тем приятнее, что давало возможность повидаться с младшими моими детьми в их летнем помещении на острове Сонион-Сари. 1 июля вечером Государь прибыл из Петергофа на Кронштадтский рейд вместе с Наследником Цесаревичем и великими князьями Владимиром и Алексеем Александровичами*. В Свите Его Величества, кроме меня, находились: управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе, граф Ал[ександр] Вл[адимирович] Адлерберг, граф Шувалов, адмиралы Новосильский, Посьет, Крюгер, Лихачёв и еще несколько моряков; кроме того приглашен был в эту поездку прусский посол принц Рейсс. Все мы собрались на яхте «Штандарт» до прибытия Государя. Уже был 12-й час ночи, когда его Величество вступил на яхту, и вслед за тем «Штандарт» снялся с якоря в сопровождении нескольких других судов. На следующее утро мы были уже на Транзундском рейде. Здесь собрано было до 50 судов разных рангов и званий. Около $10^1/_2$ часов начался смотр, а потом стрельба по выставленному, вместо мишени, старому судну, которое, конечно, вскоре пошло ко дну. Затем производились разные, весьма любопытные для нас, профанов в морском деле, упражнения с минами, с таранами и т. д. Все это кончилось около 5 часов пополудни, и тогда все командиры судов были приглашены на яхту к царскому столу. Пользуясь этим антрактом в морских упражнениях, я отпросился у Государя съехать на берег острова Сонион-Сари, чтобы повидаться с детьми. Поездка эта удалась мне как нельзя лучше: я нашел своих птенцов в цветущем состоянии здоровья, очень довольными своим пребыванием в этом диком месте, где они могли без всякого стеснения бегать по лесу, купаться в море, кататься на лодках, охотно предлагаемых любезными моряками. Дети очень обрадовались моему посещению; не было конца их рассказам о том, как баловали

* Великий князь Константин Николаевич был в то время за границей.



Яхта «Штандарт»

их добрые моряки. Особенно были друзьями их адмиралы Керн, Стеценков и некоторые из молодых офицеров.

Возвратился я на «Штандарт» как раз к тому времени, когда после царского обеда все командиры судов возвратились к своим местам и дан был сигнал произвести высадку на один из ближайших островов. Операция эта была произведена в виде боевого маневра; при десантном отряде свезены были на берег две картечницы Гатлинга (уступленные морскому ведомству нашею артиллерией)[181]. Государь со всею свитой также вышел на берег и остался вполне доволен маневром.

На другой день, 3 июля, около 9 часов утра Государь со всею сопровождавшею его свитой прибыл на флагманский броненосный фрегат «Петропавловск», на котором были собраны все командиры судов. Его Величество выразил им свое удовольствие и благодарность; начальника же эскадры вице-адмирала Бутакова (Григория Ивановича) поздравил генерал-адъютантом и сам надел ему аксельбант, взяв его у великого князя Алексея Александровича. Моряки были в полном восхищении. Затем Государь приказал пробить «тревогу» и произвел учение экипажу «Петропавловска»; потом посетил еще несколько судов и закончил

осмотром броненосного фрегата «Громобой», на котором экипаж состоял из воспитанников морского училища и волонтеров. Произведенное им учение артиллерийское и парусное, а наконец стрельба в мишень, заслужили полное одобрение Его Величества. Было уже около полудня, когда Государь возвратился на «Штандарт», куда опять были приглашены к завтраку все флагманы и командиры судов. Снова Государь выразил им свое удовольствие и после тоста за русский флот, бросил бокал и разбил его. Моряки подобрали обломки этого бокала и, как говорят, хранят их в Морском музее.

По окончании с полным успехом морского смотра «Штандарт» в сопровождении тех же судов, которые конвоировали его от Кронштадта, отплыл в обратный путь, и к вечеру мы все были уже по домам. Двухдневное наше плавание совершилось как самая приятная прогулка. Во все время погода была превосходная.

На другой день, 4-го числа, Государь переехал в Красное Село и оставался там почти безвыездно до 12-го числа. Каждый день в присутствии Его Величества производились смотры, учения и маневры, закончившиеся 12-го числа общим двусторонним маневром. Обычных больших маневров не было в этом году, к великой радости юнкеров военных училищ, выгадавших таким образом целый месяц к производству в офицеры. Производство это состоялось в последний день лагерного сбора, то есть по окончании маневра 12 июля.

На последнем общем маневре, происходившем в окрестностях Дудергофа и Кирхгофа, присутствовал известный итальянский генерал Ламармора, бывший незадолго пред тем военным министром. Приехав в Россию в качестве простого туриста, он просил позволение видеть наши маневры как частное лицо, в штатском платье. Однако ж Государь, увидев его в группе любопытных зрителей маневра, подъехал к нему и обошелся с ним весьма любезно.

Еще до окончания красносельских военных занятий наследник с цесаревною выехали 10 июля в дальнее путешествие по Волге и на Дон. В Москве присоединился к ним и великий князь Алексей Александрович. 12-го же числа непосредственно по окончании Красносельского сбора великий князь Владимир Александрович отправился на яхте «Штандарт» в Стокгольм по случаю предстоявшего 16-го числа того же месяца бракосочетания наследного

принца Датского с принцессой Шведской Луизой Жозефиной (дочерью короля Шведского Карла XV).

14 июля Государь посетил Кронштадт. В Свите Его Величества, кроме генерал-адъютанта Краббе и меня, находились по особому приглашению генерал-адъютанты Новосильский и Игнатьев (посол в Константинополе). Государь начал свой осмотр с форта «Константин», где в то время строился броневой бруствер. По осмотре некоторых других фортов южного фарватера он вышел на берег, проехал чрез город в экипаже, посетил некоторые из фортов северного фарватера и в тот же день возвратился в Царское Село.

На 17 июля назначен был отъезд Государя в Москву и оттуда в Крым. В самый день своего выезда в дальний путь Его Величество в 9 часов утра посетил Усть-Ижорский лагерь 1-й саперной бригады. Я сопровождал Государя как во время осмотра саперных работ и полигонной стрельбы артиллерии, так и потом при обозрении Колпинского адмиралтейского завода[182]. Затем, откланявшись Его Величеству на Колпинской станции железной дороги, возвратился в Петербург.

Императрица Мария Александровна с младшими детьми и небольшою своею свитой оставалась в Ильинском в течение около трех недель отсутствия Государя и провела это время в полном спокойствии и тишине. Для молодежи придумывались разные развлечения, прогулки верхом или в экипажах, а по вечерам происходили в маленьком кружке чтения вслух. Дочь моя Елизавета описывала мне этот идиллический образ жизни с энтузиазмом настоящего новичка, которому все было еще ново и привлекательно в придворном мире. Впрочем, и нельзя было не отнестись с полным сочувствием к домашней обстановке царской семьи в тех случаях, когда императрица оставалась одна с младшими детьми и, когда все кругом ее дышало благодушным, безмятежным спокойствием ее личности. Совершенно деревенская жизнь, безо всяких поводов к утомлению, принесла заметную пользу здоровью императрицы. В начале июля она даже предприняла поездку в Саввин монастырь, близь Звенигорода. 11 июля ильинский кружок оживился приездом наследника и цесаревны, а вслед за тем и великого князя Алексея Александровича, который обладал особенным даром развеселить общество своим остроумным юмором. Впрочем, Их Высочества оставались в Ильинском всего два дня: 13-го числа они отправились

Е.Д. Милютина

по железной дороге в Нижний, куда прибыли к самому открытию ярмарки, а затем продолжали свое путешествие по Волге на пароходе.

Императрица с наличною частью семейства и свитою ездила 16-го числа в Троицко-Сергиевскую лавру, а 18-го числа выехала навстречу Государя на станцию Химки.

Его Величество, как уже было сказано, выехал с Колпинской станции 17 июля около полудня и в Твери имел ночлег. Его сопровождал до Москвы герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий, свиту составляли генерал-адъютанты граф Ал[ександр] Вл[адимирович] Адлерберг, граф Шувалов и прочие лица обычной путевой свиты. 18-го числа утром Государь произвел смотр распо-

ложенным в Твери войскам: двум полкам 1-й кавалерийской дивизии и одному полку 1-й пехотной дивизии (Нарвскому пехотному). После смотра, когда Государь и все сопровождавшие его лица возвращались на железнодорожную станцию при палящем солнце, произошел прискорбный случай: скоропостижная смерть начальника 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Шейдемана, по всем вероятиям, от солнечного удара.

В тот же день в 4 часа пополудни Государь прибыл на последнюю пред Москвою железнодорожную станцию Химки, где и встретился с императрицей и младшими детьми. Вместе с ними Его Величество проехал в Ильинское. На этот раз пребывание там Государя было непродолжительно. 23 июля Их Величества уже переехали в Петровский дворец, и с этого дня начались ежедневные смотры и учения войскам Ходынского лагеря. 24-го числа прибыл в Москву прямо из Стокгольма великий князь Владимир Александрович. На другой день после утреннего учения войск царское семейство переехало обратно в Ильинское; но на другой же день, 27 июля, Их Величества с великою княжной Марией Александровной и великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами выехали оттуда в дальний путь на Юг, а великий князь Владимир Александрович возвратился в Петербург.

28 июля в Орле Государь принимал местные власти, посетил собор и произвел смотр войскам, расположенным в лагере. Между тем императрица посетила девичий институт. К вечеру того же дня царский поезд остановился у Льговской станции, где Их Величества были встречены фельдмаршалом князем Барятинским и местными властями. Станция была великолепно иллюминована. Отсюда Их Величества проехали в экипаже в имение князя Барятинского. Вся дорога на протяжении 4 верст, самый дом фельдмаршала и окружающий парк были освещены бесчисленными огнями. На крыльце дома встретила Августейших гостей хозяйка, княгиня Елизавета Дмитриевна, по старому русскому обычаю с хлебом-солью. Фельдмаршал, конечно, не упустил случая приготовить подобающий прием царственной чете, но на беду Государь приехал в Деревеньки совсем больной, в сильной простуде, так что двухдневное пребывание в гостях у фельдмаршала вышло очень грустное. 30-го числа утром Их Величества выехали в дальнейший путь на Киев и Одессу; но все предполагавшиеся на пути смотры войскам (в Батурине, Киеве, Межибужье) были отменены.

К 8 часам вечера 30-го числа царственные путешественники прибыли в Киев. В то время не было еще железнодорожного моста чрез Днепр, а потому приготовлен был пароход, на котором Их Величества проследовали торжественно между иллюминованными берегами реки, усеянными толпами народа, при восторженных криках «ура». На другой день утром они посетили Киево-Печерскую лавру и затем выехали далее; 1 августа утром прибыли в Одессу и немедленно же отправились на пароходе «Тигр» к Южному берегу Крыма.

С прибытием 2 августа в Ливадию Государь скоро оправился от своей простуды. Как и в прежние годы, благодатный климат, чистый воздух, сравнительно спокойная жизнь имели заметное влияние на его здоровье. Императрица также чувствовала себя хорошо в первое время пребывания в Ливадии. Дочь моя Елизавета снова писала мне восторженные письма, описывая путешествие, прелестный берег Крыма, ливадскую жизнь и оказываемые ей знаки расположения Их Величествами и великою княжной.

Между тем наследник с цесаревною и великим князем Алексеем Александровичем совершали свою чудную прогулку по Волге. После Нижнего они останавливались в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове и Царицыне. В каждом городе Их Высочества после приема местных властей посещали собор, некоторые заведения, а Наследник Цесаревич, кроме того, производил смотры войскам. Везде были торжественные встречи с восторженными криками, иллюминациями и т. д. 27 июля Их Высочества переехали по железной дороге из Царицына в Калач, где встретил их наказной атаман Донского казачьего войска генерал-лейтенант Чертков. Далее весь путь по Дону на пароходе был рядом восторженных встреч и проводов во всех прибрежных казачьих станицах. 1 августа происходил торжественный въезд в Новочеркасск, и затем в продолжение двух дней казачество чествовало своего Августейшего атамана и цесаревну, впервые посетившую донскую столицу. 3 августа, после смотра учебному казачьему полку, Их Высочества ездили на Грушевские каменноугольные копи и оттуда проехали прямо в Аксайскую станицу и далее в Ростов. На другой день они переехали на пароходе в Таганрог, а 6 августа прибыли в Ливадию. Последствием посещения Дона Августейшим атаманом всех казачьих войск были, как само собою разумеется, многочисленные награды чинам Донского войска: наказной атаман генерал-

лейтенант Чертков получил звание генерал-адъютанта, а начальник штаба полковник Леонов — звание флигель-адъютанта.

На другой день приезда в Ливадию наследника и цесаревны, 7 августа, прибыл в Ялту на русском пароходе «Таврида» принц Карл Румынский*. Он был помещен в Орианде, во дворце великого князя Константина Николаевича, и в тот же день принят Их Величествами в Ливадии. После трех дней пребывания в царском семействе принц Карл отплыл 10 августа из Ялты и возвратился в Бухарест. В день отъезда он был украшен орденом Св. Александра Невского**.

В половине августа прибыл на Южный берег Крыма великий князь Михаил Николаевич со всем своим семейством и поселился в ориандском дворце великого князя Константина Николаевича. К общему прискорбию ливадского общества, здоровье императрицы расстроилось вследствие простуды; лихорадка с кашлем и упадок сил не позволяли Ее Величеству выходить из комнаты в продолжение более шести недель.

День 30 августа[183] праздновался в Ливадии весьма скромно. По обыкновению пожаловано большое число наград по военному ведомству, и последовало огромное производство в чины: 17 генерал-лейтенантов произведены в полные генералы, в том числе граф Александр Владимирович Адлерберг и посол в Париже граф Стакельберг. Генерал-адъютант Карцов назначен командующим войсками Харьковского округа на место генерал-адъютанта Бреверна-де-Лагарди, который просил, под предлогом болезни, увольнения в годовой отпуск с отчислением от должности. Впрочем, не одно расстроенное здоровье побудило графа Бреверна оставить место и отказаться надолго от деятельной службы: при своем крутом, раздражительном, высокомерном нраве он не мог переносить мелких столкновений с тогдашним харьковским губернатором генерал-майором Свиты Дурново, который вел себя

---

* Пароход был выслан за принцем в Сулин; 4 августа принц прибыл в Одессу и в тот же день отправился оттуда в Ялту.

** Вскоре после поездки своей в Крым принц Карл предпринял путешествие по Европе с целями матримониальными. Последствием этого путешествия был брак его с принцессою Нёйвидскою (Neuwied) Елизаветой, которая приходилась в родстве с великою княгиней Еленой Павловной и за несколько лет пред тем проживала у Ее Высочества в Петербурге. Тогда мне случалось не раз видеть эту юную симпатичную принцессу. Помолвка ее с принцем Карлом совершена в начале октября, а 12/24 ноября был торжественный въезд молодой четы в Бухарест.

совершенно бестактно в отношении к графу Бреверну, бывшему своему начальнику. Граф Бреверн не мог забыть, что он был уже командиром Кавалергардского полка, когда Дурново только что произведен в корнеты в этом полку.

30-го же августа подписан довольно оригинальный указ Сенату — о возведении в дворянское достоинство Шамиля, бывшего «имама», главы мюридов, со всем нисходящим потомством*. Кто мог тогда предвидеть, что новый российский дворянин вслед за возведением его в это звание переселится в Турцию, где и кончит жизнь, а старший сын поднимет снова оружие в рядах турецкой армии против облагодетельствовавшей его России[184].

2 сентября наследник с цесаревной выехали из Ливадии на пароходе «Тигр». Свежая погода замедлила их плавание, так что они прибыли в Одессу только 4-го числа утром и провели там день; затем останавливались в Москве и прибыли в Царское Село 10 сентября.

Около того же времени возвратился в Петербург и великий князь Николай Николаевич, который после отъезда Государя из Царского Села ездил в свои имения и на конские заводы, а в конце августа присутствовал на больших прусских маневрах, происходивших в окрестностях Кёнигсберга в присутствии короля Вильгельма. Кроме личной свиты великого князя, командированы были на эти маневры русские офицеры разных родов оружия.

Находившиеся за границей великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Александра Иосифовна возвратились в Петербург в конце августа.

Пред отъездом своим из Царского Села в Крым Государь с обычною своею благодушною внимательностью сам предложил мне съездить за границу, чтоб отдохнуть от усиленных трудов и забот. Занятия Комиссии по ружейному делу были доведены до такого положения, что кратковременное мое отсутствие уже не могло причинить никакого неудобства или остановки в дальнейшем ходе дела, а других спешных и важных дел не предвиделось. С разрешением мне двухмесячного заграничного отпуска установлен был, по примеру предшествовавших двух лет, особый временный порядок делопроизводства по Военному министерству; при этом

* В октябре 1868 года Шамиль, по собственному желанию и с Высочайшего разрешения, переселился из Калуги в Киев со своею семьей, в том числе и старшим сыном Казы-Магома.

чрезвычайные полномочия, предоставленные по расходованию сумм Распорядительной комиссии по ружейному делу, были на время моего отсутствия переданы Военному совету.

21 июля выехал я из Петербурга и, не останавливаясь нигде в пути, прежде всего поспешил навестить брата Николая, который в то время находился в Вильдбаде. Врачи присоветовали ему вторично попробовать тамошние ванны, оказавшие ему в прошлом году заметную пользу. Жене его, Марии Аггеевне, предписаны были воды в Наугейме — местечке между Франкфуртом и Гессеном. В конце июня брат со всею семьей[185] отправился из Парижа в Наугейм и, оставив там жену с дочерьми, сам с сыном и его гувернером переехал в Вильдбад.

Приехав туда 24-го числа, я нашел в положении брата заметное улучшение против прошлого года: он ходил тверже, даже взбирался по лестницам в* третий этаж; в правой руке была некоторая подвижность; говорил он с меньшими затруднениями, хотя иногда язык все еще не находил нужных слов, особенно собственных имен. Он даже мог написать довольно складно коротенькую записку, и мне случалось получать от него собственноручные письма; но читать не мог иначе, как по складам, что происходило, вероятно, от повреждения глазных нервов: глаз не мог разом обнять целое слово. Иногда брат заговаривал уже о возвращении в Россию, но предполагал провести еще одну зиму в Париже. Когда заводил он речь о возможности возвращения его к делам служебным, он смотрел на собеседника испытующим взглядом, как бы ожидая приговора и напрашиваясь на одобрительное слово. Очевидно, его тяготило не столько физическое расслабление, сколько сознание упадка сил умственных. Грустно было на него смотреть.

В Вильдбаде пробыл я с братом три дня и проводил его до Бадена, где распростился с ним и его семьей, обещав еще раз навестить их на возвратном пути из Италии. Я ехал безостановочно чрез Стутгардт, Мюнхен, Бреннерский перевал, Верону, Болонью во Флоренцию. Здесь остановился на один день, чтоб отдохнуть и возобновить в памяти давно прошедшие впечатления первого моего там пребывания в лета молодости (1840 год)[186]. В течение утра я успел обойти лучшие части города, взглянуть на собор, обозреть в главных чертах галереи в Ufficii и в Palazzo Pitti, а вечером подышать свежим воздухом в Cascino. На другой день выехал я из Флоренции рано утром и

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

безостановочно проехал прямо до Неаполя. Здесь на воксале* железной дороги совершенно нежданно увидел я свою жену, которая выехала навстречу мне из Сорренто. Переночевав в Неаполе, мы на другой день утром отправились вместе по железной дороге до Кастеламаре, а далее с vetturino** в Сорренто. Погода была чудесная. Блеск воды в заливе, силуэты отдаленных островов Капри, Исхии, Прочиды, а влево дымящий Везувий — все на каждом шагу возобновляло в памяти моей былые впечатления[187]. Под вечер мы наконец добрались до желанной нетерпеливо villa S[ta] Severina, и я имел радость обнять обеих моих дорогих дочерей. Для меня была приготовлена одна из комнат их квартиры, так что мы могли быть неразлучны во все время моего пребывания в Сорренто. Время это протекло быстро. Я был вполне счастлив, видя, что моя дорогая больная могла уже принимать участие в прогулках, иногда довольно дальних. Мы ездили то на Punto di Sorento, то на горы в Deserta или к Arco naturale, то катались в лодке наших приятелей Correale. Раз предприняли мы с ними и с маркизом de Faverge далекую экскурсию на остров Капри, где переночевали, осмотрев, конечно, знаменитую Лазуревую пещеру, а на другой день продолжали плавание в Амальфи. На пути нас застиг было шквал, но мы благополучно выдержали его, переночевали в Амальфи и на другой день возвратились в экипаже чрез Quisisana в Сорренто. Больная наша выдержала превосходно всю эту трехдневную поездку. Кроме прогулок, развлечением дочерям моим служили уроки рисования и итальянского языка, а по вечерам собирались у нас добродушные наши знакомцы «на русский чай». В отеле оказался тульский самовар; наши приятели-итальянцы скоро так вошли во вкус русского чая, что упивались им буквально до пота лица.

Ученый Гельбиг предложил мне однажды съездить со мною в Помпейские развалины, и, конечно, я принял с радостью эту любезность. Осмотр древностей под руководством археолога имеет совсем иное значение, чем обыкновенная прогулка с невежественным гидом. Кроме этого одного раза я не расставался с моими дочерьми до того самого дня, когда приближавшийся срок моего отпуска вынудил меня совсем проститься с ними. С грустью выехал я 19 сентября из Сорренто. Однако ж на этот раз я расстался с больною далеко не с таким тяжелым чувством, как в прежние годы; я оставил ее уже не в таком физически расслабленном и

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

** Извозчик (*итал.*).

нравственно удрученном состоянии. Уезжая из Сорренто, я уносил с собою утешительную надежду, что моя дорогая Оля проведет за границей, быть может, только еще одну, последнюю зиму и в будущем году возвратится в свою семью.

В исполнение данного брату Николаю обещания навестить его вторично на возвратном пути из Италии в Россию я избрал прежнее направление — чрез Бреннер и Мюнхен в Баден, как самое кратчайшее*; выехав из Сорренто 19 сентября и не останавливаясь в Неаполе, прибыл на другой день утром в Рим, где провел два дня. Под руководством того же любезного археолога Гельбига, который водил меня по развалинам Помпеи, и добрейшей его жены (они в то время уже переехали из Сорренто) я успел в короткое время осмотреть самые замечательные произведения искусства в Ватикане, взглянуть на внутренность храма Св. Петра и на некоторые из новейших любопытных раскопок на Палатинской горе. Истинное наслаждение доставило мне восстановление в памяти моей тех впечатлений, которых едва заметные следы сохранились с 1841 года[188].

23 сентября прибыл я в Баден. Брат мой жил тогда со своею семьей в villa Koch; он проводил время в кругу съехавшихся в Баден многочисленных русских, в числе которых были Александр Агтеевич Абаза, сестра его Вера Аггеевна, И.П. Арапетов, князь А.М. Горчаков**, фрейлина Тютчева (Дарья Федоровна) и много других. В Бадене провел я с братом только один день: надобно было торопиться поспеть в Петербург к сроку данного мне отпуска. Прибыв туда 27 сентября, я телеграфировал в Ливадию о своем возвращении и с Высочайшего разрешения вступил на другой же день в свою должность, а 29-го числа представился наследнику и цесаревне в Царском Селе.

Младших детей своих я уже нашел в Петербурге; они покинули еще 12 сентября свой дикий остров, прозванный ими «Робинзоновым». От сына получены были наконец известия, что он успел побывать на Сахалине и во Владивостоке, откуда намеревался отправиться в Японию, Китай, далее океаном и чрез Суэц возвратиться в Европу.

В продолжение моего двухмесячного отсутствия из Петербурга в министерстве накопилась (как бывало обыкновенно) страшная масса задержанных дел. Приходилось приниматься за все разом,

* Далее в автографе зачеркнуто: «хотя через это я должен был отказаться от свидания с дядей графом Киселёвым, проводившим лето по обыкновению в Уши» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «с верными своими сателлитами И.С. Мальцевым и Миклашевским» (*примеч. публ.*).

видеться и объясняться со множеством лиц, но первою моею заботой было, конечно, ружейное дело. Осведомившись о положении его, я счел необходимым лично побывать в Туле, где приступали в то время к работам по переустройству оружейного завода. Генерал Нотбек, незадолго пред тем возвратившийся из-за границы, после осмотра важнейших иностранных заводов, занимался с нашими лучшими техниками из артиллеристов разработкою плана предстоявших работ[189]. В первых числах октября я выехал из Петербурга, пробыл три дня в Москве, где осматривал разные военные учреждения, и затем, употребив один день на осмотр Тульского завода, возвратился 8 октября в Петербург.

ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА ГОДА

7 октября Государь, оставив императрицу с младшими детьми в Ливадии, отплыл на пароходе «Тигр» в Одессу с великим князем Алексеем Александровичем. Проездом чрез Киев 9-го числа посетил он Софийский собор и Михайловский монастырь и, не останавливаясь в Москве, прибыл 11 октября в 1 час дня в Царское Село. В тот же день, несколькими часами позже, возвратилась в Петербург из-за границы великая княгиня Елена Павловна.

С возвращением Государя возобновились мои поездки в Царское Село. Первый доклад мой во вторник, 14-го числа, происходил частию в кабинете Государя в Царском Селе, частию в вагоне железной дороги, по случаю приезда Его Величества в Петербург. Государь соблюдал в точности обычай — каждый раз по возвращении из путешествия помолиться в Казанском соборе. Кроме того целью приезда было посещение великой княгини Елены Павловны. Для встречи Государя город украсился флагами, а вечером была иллюминация. На 15-е же число назначен общий смотр войскам Петербургского гарнизона; но за дурною погодой был отложен и состоялся только 16-го числа. Войска на смотру были в походной форме.

В то время в Петербурге находилось бухарское посольство, во главе которого прибыл один из сыновей эмира — 12-летний мальчик Сеид-Абдуфаттак-хан (Тюря-Джан); руководителями ему даны были: тесть эмира Абдул-Касим-бей и дядя Мирахур-Сафар; при них было еще несколько низших лиц и прислуга. Гласною целью посольства было заявление дружественных отношений эмира к России и чувств преданности его к русскому падишаху; но была и негласная цель — заручиться в поддержке русского правительства

перехода наследия эмира Музафара, по смерти его, к тому именно из его сыновей, который был прислан в Петербург, помимо других претендентов, из которых старший сын эмира Каты-Тюря открыто восстал на своего отца. Кроме того бухарский эмир все еще питал надежду на возвращение ему некоторых из завоеванных русскими частей владений его[190]. Посольство прибыло в Ташкент еще 26 июня с тремя слонами, назначенными эмиром в подарок русскому царю. В то же время прислана им срочная доля контрибуции, которую эмир вносил с полною исправностью. В Ташкенте бухарское посольство пробыло более двух месяцев, так как генералу Кауфману было дано знать, что Государь может принять это посольство не ранее осени по возвращении из Крыма в Петербург. Поэтому оно отправилось в путь только в половине августа в сопровождении русского подполковника Колзакова и переводчика. Оно двигалось весьма медленно, сообразуясь с поступью слонов. 17 сентября прибыло в Оренбург; 1 октября — в Москву, где остановилось на два дня для отдыха и осмотра достопримечательностей; наконец, в Петербург — 3 октября. Здесь приготовлено было для него помещение в Hotel d'Angleterre (у Синего моста); содержание во все время путешествия и пребывания в Петербурге производилось от казны.

С приезда в Петербург, в ожидании возвращения Государя из Крыма, бухарские посланцы делали визиты разным лицам высшего правительства, осматривали все, что могло быть для них занимательно; по вечерам же развлекали их театром. У меня они были 10-го числа, по возвращении моем из Тулы, а 20-го — у князя Горчакова, только что возвратившегося из-за границы. Бухарцы держали себя умно, с достоинством и, видимо, были довольны оказанным им почетным приемом. Всего более произвел на них впечатление большой смотр войскам 16 октября, которым они любовались с балкона дворца принца Ольденбургского.

22 октября посольство представлялось Государю в Зимнем дворце, в так называемой Золотой гостиной. После краткого приветствия, сказанного юным Тюря-Джаном и переданного переводчиком по-русски, старший из посланцев «датка» Абдул-Касимбий произнес речь, в которой выразил «безграничное сожаление и раскаяние» эмира о том, что давнишние дружественные отношения Бухары к могущественной соседней империи были в последнее время нарушены вследствие случайных недоразумений; искреннюю радость его восстановлению прежней дружбы, твердое желание упрочить навсегда эти добрые отношения и доказать лич-

ную свою преданность русскому царю. Государь ответил в нескольких словах и, по окончании аудиенции, приказал показать бухарцам дворец и Эрмитаж.

Несмотря на совет, данный бухарскому посольству в Ташкенте генералом Кауфманом: не возбуждать в Петербурге вопроса о возвращении эмиру отнятой у него части владений, причем было объяснено, что ни сам Государь, ни Министерство иностранных дел даже не войдут в рассмотрение подобных неуместных заявлений, тем более, что все сношения с соседними с Туркестанским краем владельцами предоставлены генерал-губернатору, посольство, однако ж, не последовало этому совету и представило Государю письмо эмира, в котором все-таки выражались надежда на великодушие русского царя и просьба о возвращении отнятых от Бухары каких-то «пяти или шести городов». Само собою разумеется, что просьба эта была оставлена без последствий.

Бухарское посольство пробыло еще некоторое время в Петербурге, представлялось членам Императорской фамилии и продолжало свои разъезды по городу и окрестностям. Бухарцев угощали всем, что только могло возбуждать любопытство в азиатце и оставить в его понятиях сильное впечатление.

29 октября в Царском Селе Государь принимал нового французского посла генерала Флёри, заменившего барона Талейрана. Флёри был один из самых близких доверенных лиц и сподручников Наполеона III, домашний у него человек, типичный образчик того низкого уровня, который составлял характеристическую черту тогдашнего французского придворного круга. Генерал Флёри, человек уже пожилой, не располагал в свою пользу ни своею наружностью, ни тоном и манерами. В петербургском обществе ходили на его счет разные анекдоты, не внушавшие уважения к новому французскому послу.

Около того же времени состоявший уже довольно давно в должности прусского военного агента полковник Швейниц был произведен в генералы и получил новое высокое назначение прусским посланником в Вену. На место его назначен военным агентом (или в звание «состоящего при особе императора») полковник Вердер, командир одного из пехотных полков прусской гвардии. Швейниц оставил по себе в Петербурге добрую память как человек умный, скромный и с большим тактом.

Императрица оставалась в Ливадии до конца октября. Отъезд ее из Крыма откладывался со дня на день по случаю возоб-

Э.Ф. Флёри

новлявшихся у нее лихорадочных явлений. К тому же императрица находила полезным сколь можно продлить свое пребывание на Южном берегу, пока стояли еще прекрасные осенние дни. Климатические условия, очевидно, имели большое влияние на ее здоровье. Возбуждался даже вопрос о том, чтобы ей провести зиму на Юге, но она не хотела и слышать о зимовке за границей.

В начале октября императрица была обрадована приездом в Крым брата Ее Величества, принца Александра Гессенского, присутствие которого оживило маленькое общество ливадское. К половине октября здоровье императрицы начало поправляться, в первый раз выехала она на прогулку 19 октября.

Дочь моя Елизавета также выдержала несколько недель карантина вследствие ушиба ноги при падении с лошади. Несмотря на этот неприятный случай, она продолжала восхищаться Крымом и ливадским образом жизни.

Наконец, 28 октября императрица, чувствуя себя уже довольно окрепшею, чтобы предпринять путешествие, выехала из Ливадии в сопровождении принца Александра на пароходе «Тигр». В Одессе она провела два дня, в продолжение которых дочь моя Елизавета поместилась у своей тетки Мордвиновой. 31 октября императрица доехала до Киева, где опять провела несколько дней. Дальнейший путь на Москву оказался невозможным по случаю прекращения сообщения по Николаевской железной дороге (между Москвою и Петербургом) вследствие случившегося в ночь с 17-го на 18 октября пожара на большом деревянном мосту чрез р. Мсту. Внезапное прекращение сообщения между обеими столицами произвело страшный переполох. Приняты были, конечно, самые энергичные меры для установления хотя временной переправы чрез Мсту, для чего командированы поспешно из местечка Медведя (места расположения 1-й саперной бригады) сперва 4-й понтонный полубатальон, а потом еще 500 сапер. К 26 октября уже наведен был понтонный мост, по которому временно производилась пересадка и перегрузка между поездами, сходившимися на обоих берегах реки. Но вскоре наступивший ледоход снова прервал и это малоудобное сообщение.

Поэтому поезд императрицы был направлен кружным путем от Орла на Витебск и Динабург. Только 6 ноября в 11 часов вечера Ее Величество прибыла в Петербург. С этого же дня и Государь после обычного празднования в Царском Селе полкового праздника гвардейских гусар переселился в Зимний дворец*.

---

* В автографе далее зачеркнут следующий абзац:

«Октябрь 1869 года приводит мне на память человека, с которым я был многие годы в приятельских отношениях и который имел в свое время некоторое значение в русской литературе: я говорю о Василии Петровиче Боткине, кончившим жизнь 16 октября вследствие продолжительной и тяжкой болезни. Знакомство мое с ним началось с сороковых годов, когда мы с братом Николаем попали в кружок тогдашних молодых ученых и литераторов, группировавшихся вокруг Николая Ивановича Надеждина и Константина Алексеевича Неволина[191]. Между ними Василий Петрович был одним из приятнейших собеседников, как знаток в деле искусств и литературы, отличавшийся тонким эстетическим вкусом. Его «Письма об Испании» в то время обратили на себя общее внимание и доставили их автору литературную известность. Но в личности Василия Петровича сливались две стороны, не одинаково симпатичные: с одной — это был художник в душе, поэт, чуткий ко всему изящному, с другой — эгоистичный эпикуреец. Почти до последних своих дней, в промежутки тяжких страданий, он нередко оживлялся при воспоминаниях о красотах искусства и поэзии, точно так же как о прелестях реальной жизни. В последний раз я видел Василия Петровича Боткина незадолго до его смерти; он лежал в своей ма-

В.П. Боткин. Рисунок П.Ф. Бореля

Разбросанная в течение всего лета по разным странам моя семья начала постепенно собираться в Петербурге на зимние квартиры. 21 октября я был обрадован приездом сына, который успел в крайне короткое время совершить дальнее путешествие из Владивостока в Нагасаки, Шанхай, Кантон, остров Цейлон в Суэц, куда он прибыл именно в то время, когда хедив готовился к торжественному открытию нового всемирного пути и к пышному приему ожидаемых высоких гостей. Осмотрев канал, посетив Каир и Александрию, сын мой переехал оттуда в Бриндизи и затем по

ленькой квартире на Литейном и был уже так плох, что не мог разговаривать. Однако же заметно был тронут моим посещением. Он умер на 57-м году жизни и оставил завещание, которым назначил щедрые пожертвования (до 70 тыс. рублей) в пользу Московского университета, Музыкальной консерватории и некоторых других художественных учреждений» (*примеч. публ.*).

железным дорогам кратчайшим путем перелетел в Петербург. Он так торопился, что не только не воспользовался случаем повидаться с матерью и сестрами, находившимися в то время в Риме (о чем, впрочем, он и не имел сведения), но даже не озаботился о предохранении себя от холода и наступивших уже морозов. Он проехал чрез всю Европу с юга на север в легкой летней одежде, приспособленной к тропическому климату.

Старшая дочь моя Елизавета возвратилась из Крыма в Петербург 6 ноября с императрицей и великою княжной. Оставались затем в отсутствии жена с двумя дочерьми (Ольгой и Надеждой). Покинув Сорренто 22 сентября вскоре после моего отъезда оттуда, они провели несколько дней в Неаполе, где успели осмотреть музей и некоторые достопримечательности, а 26 сентября переехали в Рим. Здесь прожили они почти целый месяц в ожидании ответа доктора Боткина относительно выбора места зимовки для нашей больной*. Согласно полученному наконец совету его, решено было провести вторую зиму в Ментоне. В конце октября путешественницы мои выехали из Рима чрез Ливорно** во Флоренцию, где провели пять дней и нашли весьма любезный прием у дяди моего Николая Дмитриевича Киселёва, занимавшего пост посланника при Флорентийском дворе. Из Флоренции путешественницы проехали чрез Александрию, спустились в Ривьеру к Савоне и далее с vetturino*** малыми переездами достигли до Ментона. Здесь приискано было для нашей больной удобное помещение в Hotel de la Paix на самом

* Далее в автографе зачеркнут первоначальный текст о пребывании в Риме: «В продолжение этого времени погода была большею частью ненастная и холодная, так что с 11 октября приходилось уже топить печи в гостинице (Hotel de Russie). Погода всегда имела большое влияние на нашу больную; поэтому в первое время пребывания в Риме она редко могла выезжать, что весьма огорчало бедную страдалицу, давно уже мечтавшую о Риме, так богатом драгоценностями искусства. Однако же ей удалось отчасти воспользоваться пребыванием в Вечном городе и видеть по крайней мере главнейшие из его достопримечательностей, под руководством ученого Гельбига, любезной и даровитой жены его и нашего русского художника Михаила Петровича Боткина (брата знаменитого врача). Наконец пришло давно ожидаемое письмо от Сергея Петровича Боткина, который сам был озабочен болезнью своей жены. Он привез ее в Париж и намеревался приехать с нею в Рим, но служебные обязанности заставили его возвратиться из Парижа в Петербург, а жена его с детьми отправилась в Рим, где и осталась на зиму» (***примеч. публ.***).

** Тогда между Римом и Флоренцией существовала только береговая железная дорога.

*** Извозчик (*итал.*).

берегу моря, а для ухода за нею приглашена была одна немецкая дама, г-жа Видмер. Жена моя пробыла в Ментоне более двух недель, озабоченная возможно удобным водворением больной на зиму. Наконец, 22 ноября отправилась она с дочерью Надеждой в обратный путь в Россию. В Париже провели они пять дней с братом Николаем и его семьей, видались и с дядей графом Киселёвым. Брат с прибытия своего в Париж (из Бадена) пользовался электрическим лечением, был бодр и весел. Очень порадовало его внимание, оказанное ему Государем, который вспомнил о нем по случаю принимавшихся тогда мер для устройства крестьян в Царстве Польском и приказал послать ему составленную по этому делу записку. В собственноручном письме от 16 ноября брат просил меня выразить свою глубокую признательность Его Величеству[192].

26 ноября (ст. стиля), ровно чрез месяц после свидания моей жены во Флоренции с Николаем Дмитриевичем Киселёвым, получено в Париже известие о его кончине. Можно было опасаться, что эта внезапная смерть произведет потрясающее впечатление на дряхлого старшего брата; однако ж граф Павел Дмитриевич перенес удар стоически; в дневнике его 27 ноября (9 декабря) записано: «В 7 часов я раскрыл глаза, чтобы прочесть полученную в ночь роковую телеграмму; я поражен. Теперь я одинок на свете, брат мой умер вчера в полдень. После первого оцепенения я подумал, что он в первый раз меня обошел в праве старшинства и что мне следует теперь перенести на его вдову всю нежность, которую я оказывал ему с самого детства его. Прежде всего нужно узнать о его последних распоряжениях в отношении вдовы, исполнить их свято и дополнить их, если окажется нужным»*.

29 ноября жена моя с дочерью Надеждой выехали из Парижа и прибыли 3 декабря восвояси. Таким образом только под конец года, после стольких странствований, вся моя семья, за исключением бедной больной Оли, собралась, наконец, на зимние квартиры.

Конец ноября в Петербурге ознаменовался рядом торжеств и церемоний, которые на целую неделю вывели меня из обычной моей трудовой колеи. Поводами к этим торжествам были: во-первых, закладка памятника Екатерине II, во-вторых — пятидесятилетний юбилей существования Инженерного училища, и наконец — столетний юбилей ордена Св. Георгия.

* Это место из дневника графа Киселёва приведено в книге А.П. Заблоцкого-Десятовского: «Граф П.Д. Киселёв и его время». Т. III. С. 419.

К последнему этому юбилею съехалось в Петербург большое число георгиевских кавалеров, в том числе фельдмаршал граф Берг, прусский принц Альбрехт, получивший Георгиевский крест во время путешествия его по Кавказу, и великий князь Михаил Николаевич, прибывший 19 ноября со всем своим семейством. По случаю же юбилея Инженерного училища также съехались многие из бывших его питомцев.

Николаевское инженерное училище было основано 24 ноября 1819 года под непосредственным руководством тогдашнего генерал-инспектора инженеров великого князя Николая Павловича — будущего императора Николая I. Но так как на 24 ноября — день Святой Екатерины — назначена была закладка памятника императрице Екатерине II, то юбилейное празднование училища было перенесено на 23-е и на 25-е числа; Георгиевский же юбилей праздновался 26 и 27 ноября.

Уже 22-го числа в Михайловском манеже происходил предварительный смотр Государя командам, сформированным для предстоявшей 26-го числа церемонии в залах Зимнего дворца. Одни из этих команд состояли из георгиевских кавалеров, другие — из нижних чинов, назначенных от всех частей гвардии и армии в качестве представителей их на торжестве высокочтимого военного ордена. Численный состав этих команд доходил до 900 человек. Командовали взводами Наследник Цесаревич и другие великие князья. На смотру Государя присутствовали иностранные принцы (принц Альбрехт Прусский и принц Александр Гессенский), граф Берг и многие из съехавшихся георгиевских кавалеров. Проходя по фронту, занимавшему все четыре стороны манежа, Государь обращал внимание иностранных гостей на некоторых изукрашенных крестами и медалями нижних чинов и объяснял состав команд, представлявших собою как бы живое изображение в миниатюре всего состава русской армии.

23 ноября, в воскресение, в 1-м часу пополудни собрались в помещении Инженерного училища бывшие питомцы его, приглашенные гости и почти все члены Императорской фамилии. Около часа приехал сам Государь с Наследником Цесаревичем. Встреченный начальником на главном подъезде Инженерного замка, он прошел чрез залы библиотеки, где собран был весь личный состав училища и академии и выстроена рота юнкеров. В Модельном зале собраны были бывшие воспитанники училища. Государь обратился к ним с несколькими приветливыми словами и затем прошел чрез

классы в церковь между рядами приглашенных гостей. У дверей классных комнат поставлены были парными часовыми юнкера, одетые по формам разных эпох в исторической последовательности; у входных же дверей самой церкви в паре, одетой по современной юнкерской форме, стоял великий князь Николай Николаевич (Младший). В церкви была уже отслужена литургия; с прибытием же Государя началось молебствие, по окончании которого Его Величество со всею многочисленной свитой возвратился прежним путем в библиотеку. Проходя чрез Модельный зал, где собрались к тому времени чины училища и академии и выстроена была рота юнкеров, Государь остановился и произнес краткую речь, обращенную к бывшим и к наличным питомцам училища. Тут Его Величеству поднесены были генералом Тотлебеном медаль, выбитая в память празднуемого юбилея, некоторые изданные по этому случаю книги, в том числе история училища и академии за протекшее пятидесятилетие[193] и рельефный план Севастополя. Торжество в этот первый день закончилось завтраком. Стол для Государя и почетных гостей был накрыт в библиотеке, а столы для прочих приглашенных — в классных комнатах.

На другой день, 24 ноября, в полдень Государь прибыл к месту закладки памятника императрице Екатерине II на площади пред Александринским театром, Аничковским дворцом и Публичною библиотекой. На самом месте воздвигаемого памятника была устроена эстрада, устланная красным сукном; на ней стоял амвон и ожидало духовенство. Кругом эстрады выстроены команды от тех частей войск, которые существовали в царствование великой императрицы: по одной роте от полков Преображенского, Семеновского и Измайловского, от 1-го военного Павловского училища (как преемника прежнего Первого шляхетского кадетского корпуса) и Морского училища и эскадрон лейб-гвардии Конного полка (в пешем строе). Части эти были поставлены по трем сторонам эстрады со знаменами и штандартом; четвертый фас был занят взводом Дворцовых гренадер, несколькими унтер-офицерами Кавалергардского полка и воспитанниками 1-й и 2-й Петербургских военных гимназий*. Для публики были устроены места**.

---

* В автографе далее зачеркнуто: «По случаю холодной и сырой погоды войска были в шинелях» (*примеч. публ.*).

** В автографе зачеркнут первоначальный вариант начала следующего абзаца:
«Крики "ура", раздававшиеся по Невскому проспекту со стороны Большой Морской, заранее возвестили приближение Государя к месту церемо-

Церемония началась по обыкновению молебствием с водосвятием и провозглашением вечной памяти императрице Екатерине II. По окончании службы Государем вложено несколько монет и медалей в приготовленный на месте закладки медный ящик и положен первый кирпич фундамента, поднесенный строителем памятника художником Микешиным*. В заключение Его Величество обошел выстроенные части войск, сопровождая митрополита Исидора, окроплявшего их освященною водой.

25 ноября — второй день празднования юбилея Инженерного училища. По программе этого дня в полдень начался торжественный акт в присутствии Наследника Цесаревича, генерал-инспектора инженерной части великого князя Николая Николаевича, некоторых других членов Императорской фамилии и многих приглашенных лиц. Акт происходил в большом зале Главного инженерного управления; на одном из фасов его была устроена эстрада с кафедрой, по сторонам которой приготовлены места: с одной — для членов Конференции академии и училища, с другой — для депутаций, назначенных от разных высших учебных заведений для принесения поздравления Инженерному училищу. Позади рядов кресел для гостей выстроена рота юнкеров Училища. Акт открылся пропетою юнкерами молитвой; затем я прочел во всеуслышание подписанную Государем накануне (24-го числа) Высочайшую грамоту Николаевской инженерной академии и училищу и рескрипты на имя Его Высочества генерал-инспектора инженерной части и товарища его генерал-адъютанта Тотлебена. Чтение это было приветствовано криками «ура» и пропетым юнкерами гимном «Боже, Царя храни». Потом мною же объявлены пожалованные награды чинам Инженерного корпуса, академии и училища. В числе награжденных лиц: генерал Тотлебен зачислен в Гвардейский саперный батальон, а генерал-лейтенант Кауфман 2-й (главный интендант, бывший долгое время начальником академии и училища) — в 1-й Кавказский саперный батальон, которым некогда он командовал, и кроме того назначен генерал-адъютантом. Начальник училища генерал-майор Тидебель зачислен в Свиту Его Величества. Затем трое из старших инженерных

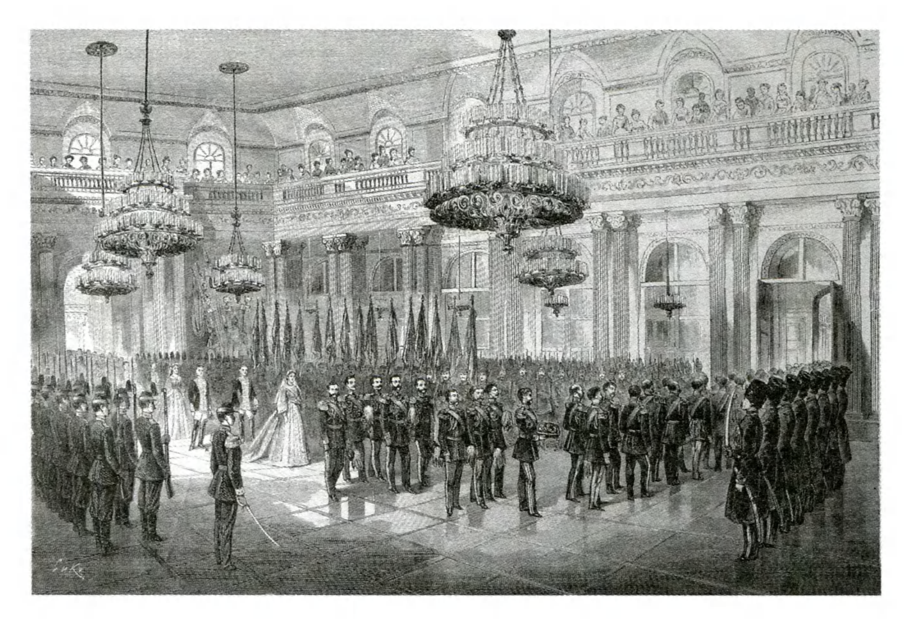
нии. Подъехав со стороны Публичной библиотеки, он вышел из экипажа, прошел по фронту войск и затем вступил на эстраду, на которой стали и прочие члены Императорской фамилии и свита» (*примеч. публ.*).

* В автографе далее зачеркнуто: «Вслед за Государем положили также по кирпичу Наследник Цесаревич, прочие члены Императорской фамилии и некоторые из присутствовавших почетных лиц» (*примеч. публ.*).

генерал-майоров произведены в генерал-лейтенанты, а командир роты юнкеров училища полковник Савельев — в генерал-майоры; наконец, многие из преподавателей и служащих в академии и училище получили ордена. После объявления наград произнесены были по этому поводу несколько слов великим князем Николаем Николаевичем и начальником училища, и затем начался прием поздравлений. Депутации, одна за другою (в том числе от Петербургского университета, от Технического общества[194] и Технологического института), выходили вперед и читали поздравительные адресы. При этом депутация университета заявила, что генерал Тотлебен избран университетским Советом в число почетных членов университета. Начальник училища генерал Тидебель выразил благодарность за принесенные поздравления. Затем инспектор классов полковник Савурский прочел краткий отчет о деятельности академии и училища за протекшее пятидесятилетие, а профессор генерал-майор Болдырев — обозрение хода инженерного дела в России за тот же период времени. Акт закончился пропетыми юнкерами молитвою и народным гимном. После акта великие князья и многие из приглашенных лиц прошли в залы, где хранятся модели крепостей и осматривали вновь изготовленную модель Севастополя.

В тот же день в залах Инженерной академии дан был большой обед на 520 человек с участием великих князей Николая и Михаила Николаевичей и Владимира Александровича. Само собою разумеется, что обед сопровождался целым рядом тостов с криками «ура», которые раздавались и при разъезде почетных гостей, когда юнкера выбежали на крыльцо с обычными в таких случаях шумными проводами. Мне пришлось, несмотря на мои попытки сопротивления, вынести варварский обычай качания и подбрасывания.

Георгиевский праздник 26 ноября[195] совершился в этом году с особенною торжественностью, хотя церемониал этого дня в общих чертах был такой же, как и в другие годы. Особенность заключалась в том, что пред обычным шествием Государь вышел из Золотой гостиной в Белый зал, где были собраны все георгиевские кавалеры, и произнес довольно длинную речь, в которой выразил как от своего имени, так и от почивших своих предшественников, императоров Александра I и Николая I благодарность за боевые подвиги кавалеров; при этом вспомнил об отсутствовавшем фельдмаршале князе Барятинском и лично обратился к присутствовавшим великим князьям: Константину Николаевичу (по поводу усмирения польского мятежа)[196], Михаилу Николаевичу (по



Церемониальное шествие из Гербовой в Георгиевскую залу Зимнего дворца 26 ноября 1867 года

поводу окончательного умиротворения Кавказа), графам Бергу и Евдокимову. Затем Его Величество сказал: «Повинуясь воле учредительницы военного нашего ордена, положительно Ею выраженной в манифесте по случаю его основания, я как гроссмейстер ордена возложил на себя сегодня первую степень сего ордена; но мне в особенности дорог крест 4-й степени, который я ношу, и день, в который я удостоился получить его, принадлежит к счастливейшим воспоминаниям моей жизни»[197]. Окончив свою речь, Государь обратился к принцу Альбрехту и по-французски сказал, что выбрал настоящий случай празднования столетнего юбилея ордена Св. Георгия, чтобы препроводить первую степень этого ордена королю Прусскому Вильгельму, как старейшему из иностранных кавалеров 4-й степени*. Затем Государь возвратился во внутренние покои, а кавалеры георгиевские перешли из Белого зала в

* Известно, что в кампании 1814 года участвовал принц Вильгельм (будущий король Прусский), второй сын короля Фридриха Вильгельма III, имевший в то время всего 17 лет от роду. Император Александр I наградил его орденом Св. Георгия за неустрашимость, выказанную молодым принцем в сражении 15/27 февраля при Bar-sur-Aube[198].

Концертный, откуда началось шествие чрез Николаевский зал, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский и Гербовый в Георгиевский. В Николаевском зале теснились все военные чины, не участвовавшие в церемонии; в прочих залах были выстроены войска. Самый порядок шествия отличался от обычного церемониала тою особенностью, что непосредственно пред Их Величествами старшие из георгиевских кавалеров несли на парчовой подушке те самые знаки ордена, которые императрица Екатерина II впервые возложила на себя в день учреждения ордена[199]. Знаки эти, по вступлении процессии в Георгиевский зал, были положены у приготовленного для молебствия аналоя. В числе георгиевских кавалеров и соответственно старшинству по степеням ордена шли оба иностранные принца. В Георгиевском зале выстроены были взводы, составленные исключительно из нижних чинов и офицеров, украшенных военным орденом; пред фронтом стояли Георгиевские знамена и штандарты. Государь прошел по фронту взводов и в сопровождении всех особ Императорской фамилии вышел из Георгиевского зала чрез Портретную галерею ко входу в большую Дворцовую церковь. Здесь он был встречен митрополитом и многочисленным духовенством с крестом и освященною водой. Приложившись ко кресту, Их Величества, предшествуемые хором певчих и духовенством, возвратились в Георгиевский зал, где совершено молебствие с возглашением многолетия Императорскому дому, а затем вечной памяти императрице Екатерине II, императорам Александру I и Николаю I «и всем воинам, на поле брани живот свой положившим»; наконец, многолетие всероссийскому воинству сопровождалось пальбою с Петропавловской крепости, а митрополит окропил знамена и штандарты освященною водой. В этом церковном служении было действительно что-то внушительное, торжественное. По окончании церковного обряда духовенство возвратилось в церковь, а шествие прежним порядком двинулось тем же путем до Концертного зала. Чрез несколько минут Государь возвратился в Георгиевский зал, благодарил стоявшие тут взводы георгиевских кавалеров и оставался, пока выносили знамена и штандарты с установленною военною почестью, а потом прошли и взводы георгиевских кавалеров мимо прочих войск, которые отдавали им военную честь.

Несколько времени спустя Государь сошел в нижние коридоры дворца, где устроено было угощение для нижних чинов — кавалеров. Его Величество обходил столы и, взяв чарку водки, возгласил

тост «за здоровье боевых молодцов», в числе которых почти половина состояла из отставных стариков. Вечером же того дня был парадный спектакль в Большом театре[200] для георгиевских кавалеров. На представление это приглашен был и дипломатический корпус.

По случаю торжества 26 ноября приказом на этот день назначены генерал-адъютантами: генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант Хрущов и киевский генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков; фельдмаршал граф Берг назначен вторым шефом 13-го драгунского Военного ордена полка; некоторые из генералов — георгиевских кавалеров зачислены в полки, в которых некогда служили или которыми командовали; министр государственных имуществ Зелёный и семь других, состоявших выше его генерал-лейтенантов, произведены в полные генералы. Генерал-лейтенант Баумгартен, отличившийся в Крымскую войну под Четати[201] во главе Тобольского пехотного полка, назначен членом Военного совета. Прусскому военному агенту флигель-адъютанту короля полковнику Вердеру пожалован орден Св. Георгия 4-й степени.

Продолжением торжества 26 ноября был большой парад, происходивший на другой день на площади пред Зимнем дворцом. Все войска, расположенные в Петербурге и окрестностях его, были построены частию на этой площади, частию по набережной, на Исаакиевской площади и даже вдоль Большой Морской. Всего было в строю $46^{1}/_{2}$ батальона, $34^{1}/_{2}$ эскадрона и 92 орудия. Георгиевские знамена и штандарты были собраны в Портретной галерее Зимнего дворца; здесь же поставлен взвод Дворцовых гренадер, составленный исключительно из георгиевских кавалеров. Все наличные генералы и офицеры — кавалеры Св. Георгия собрались в 12-м часу утра в Георгиевском зале, а прочие, не находившиеся в строю военные чины, так же как и придворные — в Гербовом зале. Ровно в полдень Государь прошел чрез этот зал в Портретную галерею, и немедленно же началась церемония выноса знамен и штандартов. Впереди шел сам император; непосредственно за ним чины Свиты — георгиевские кавалеры, потом знамена, взвод Дворцовых гренадер и, наконец, прочие георгиевские кавалеры по старшинству степеней. Вдоль всего пути чрез Гербовый зал, Петровский фельдмаршальский, Аванзал, по всей Посольской лестнице и коридору до большого выхода на дворцовый двор расставлены были шпалерами Дворцовые гренадеры. Спустившись с крыльца, Государь сел верхом, так же как и следовавшая за ним свита (остальная свита ожидала верхом у больших ворот дворца при выезде на площадь).

Когда шествие выступило из ворот на площадь, войска отдали установленную честь; знамена и штандарты были отнесены к своим полкам, а принадлежавшие таким частям, которые в параде не участвовали, с сопровождавшим их взводом Дворцовых гренадер стали по левую сторону Александровской колонны лицом ко дворцу. Шедшие в процессии кавалеры Св. Георгия заняли место по правую сторону памятника. Государь, объехав все войска, возвратился к Александровской колонне, и тогда началось прохождение войск церемониальным маршем от здания Военно-окружного штаба между дворцом и колонной. Государь проехал сам в голове войск и затем стал у колонны лицом ко дворцу. По окончании прохождения всех войск георгиевские кавалеры были приглашены во дворец к завтраку, за которым Государь провозгласил тост за здоровье кавалеров, а потом в честь прусского короля Вильгельма, нового кавалера 1-й степени. Принц Альбрехт ответил тостом за здоровье гроссмейстера ордена императора Всероссийского.

К 6 часам снова собрались георгиевские кавалеры к большому парадному обеду во дворце. Столы были накрыты более чем на 1000 приборов в роскошно убранных залах: Георгиевском, Гербовом и в Портретной галерее. В Георгиевском зале, насупротив входа из Портретной галереи, поставлен был великолепный портрет императрицы Екатерины II во весь рост, а пред портретом положены были на табурете орденские знаки, возложенные ею на себя. За столом, на почетном месте пред портретом, сидела императрица и по сторонам ее члены Императорской фамилии; Государь же сел на другой стороне стола, лицом к портрету, в ряду со старшими георгиевскими кавалерами. Во время обеда хоры музыки и певцов исполняли исключительно русские пьесы и военные марши. В конце обеда Государь, подняв бокал, произнес краткую речь, в заключение которой провозгласил тост за здоровье георгиевских кавалеров. Когда же великий князь Михаил Николаевич от имени кавалеров провозгласил тост за здоровье Государя, залы дворца огласились продолжительными и восторженными криками «ура», покрывавшими и звуки оркестра, игравшего народный гимн, и пушечные выстрелы с крепости.

По окончании обеда все присутствовавшие перешли в Белый зал, где Государь и императрица еще довольно долго беседовали с кавалерами.

Тем закончилось торжество столетнего юбилея Георгиевского ордена; но не все еще было кончено на тот день: оставалось завершить празднование Инженерного училища блестящим балом, устроенным

в залах Инженерного замка на 1300 приглашенных. Бал этот был удостоен присутствия (хотя и на короткое время) самого Государя, многих членов Императорской фамилии и принца Альбрехта.

В самый день Георгиевского праздника (26 ноября) Государь обменялся сочувственными телеграммами с королем Прусским Вильгельмом и с императором Австро-Венгерским Францем-Иосифом. В телеграмме к королю Государь, поблагодарив за дружеское письмо короля Вильгельма, врученное принцем Альбрехтом, выразился так: «Готовясь к нашему военному торжеству, прошу Вас от имени всех кавалеров ордена Св. Георгия принять первую степень этого ордена, которая принадлежит Вам по праву и которую мы увидим с гордостью на Вашей груди. Примите это как новое доказательство соединяющей нас дружбы, основанной на воспоминании той великой эпохи, всегда нам памятной, когда соединенные наши армии сражались за общую для нас святую цель».

Король Вильгельм ответил в тот же день:

«Глубоко тронутый, со слезами на глазах благодарю Вас за оказанную мне честь, которой я не мог ожидать. Но еще более радуют меня те выражения, в которых Вы известили меня. Действительно, я вижу в этих выражениях новое доказательство Вашей дружбы и памяти о великой эпохе, когда наши соединенные армии сражались с одною святою целью. Во имя этой дружбы и памятной эпохи беру на себя смелость просить Вас принять мой орден Pour le mérite*. Моя армия будет гордиться, видя Вас кавалером этого ордена. Да сохранит Вас Бог»[202].

С этого времени Государь всегда и при всех формах одежды носил на шее крестик Pour le mérite, а на груди — Георгиевскую звезду (даже на сюртуке).

Телеграмма императора Франца-Иосифа от 25 ноября заканчивалась так: «Я буду мысленно находиться среди кавалеров, украшенных этим орденом, который я всегда считаю за честь носить и который служит мне драгоценным воспоминанием дружбы». Ответ Государя 26 ноября был такого содержания: «Именем всех кавалеров Св. Георгия приношу Вам мое поздравление со днем столетней годовщины учреждения этого ордена. Выражения Вашей любезной телеграммы меня глубоко тронули, так же как и воспоминания о незабвенной эпохе, со времени которой наш военный орден имеет честь считать Вас в числе своих кавалеров»[203].

---

* За заслуги (*франц.*).

Когда орденские знаки Св. Георгия 1-й степени были доставлены в Берлин, в королевском дворце дан был 30 ноября / 12 декабря парадный обед, к которому были приглашены все члены королевской фамилии, русское посольство и все военные, имевшие орден Pour le mérite. Король Вильгельм при этом надел на себя звезду и ленту Георгиевского ордена и в конце обеда провозгласил тост за здоровье российского императора. «Пожалование королю Вильгельму ордена Св. Георгия 1-й степени произвело в нашей армии (т. е. прусской) чрезвычайно отрадное впечатление», — писал Шнейдер* в своей статье, присланной им тогда же в редакцию «Русского Инвалида». Вслед за тем в день иностранного Нового года, когда король Вильгельм принимал поздравления собравшихся во дворце старших военных чинов, престарелый фельдмаршал граф Врангель в своей приветственной речи упомянул, что прусская армия гордится пожалованием королю высшего русского военного ордена. Король Вильгельм в ответе своем выразился, что «отличием этим, так же как и сопровождавшими лестными словами, он обязан тем, которые вели прусскую армию к победам и тем, которые в продолжение долгих лет обучали и подготовляли ее для таких великих подвигов».

По случаю отпразднованного юбилея Георгиевского ордена нашим Главным штабом была издана книга «Орден Св. великомученика Георгия. 1769–1869». В ней собраны исторические сведения об этом ордене и об известнейших его кавалерах. Экземпляр этой книги, в великолепном, художественно отделанном переплете, был поднесен Государю накануне торжества. Также по инициативе Главного штаба испрошено было Высочайшее разрешение на открытие по всей империи подписки на пожертвования в пользу нуждающихся кавалеров орденов Св. Георгия. По этому поводу от имени Государя и Наследника Цесаревича была пожалована в распоряжение Кавалерской думы сумма в 70 тыс. руб. (указ 9 декабря 1869 года)[204].

Случайное присутствие в Петербурге большого числа съехавшихся к празднику ордена Св. Георгия кавалеров этого ордена из числа участников Кавказской войны и Севастопольской обороны

---

* Шнейдер состоял при короле Вильгельме в качестве чтеца и пользовался большим доверием короля; он был специалист по части военной хроники не только прусской армии, но и русской. Он приезжал не раз в Петербург, знал русский язык, следил за всеми мелочными переменами в наших войсках (мундирах, знаках отличий, знаменах и т. д.). Он пользовался большою благосклонностью нашего Государя.

подало повод к устройству 4 декабря Кавказского вечера, а 5 декабря — Севастопольского обеда взамен назначаемых ежегодно на 4 и 11 февраля. На Кавказском вечере присутствовали (хотя весьма недолго) великий князь Михаил Николаевич и принц Альбрехт; всего же съехалось в гостинице «Демут» до 160 старых и новых кавказцев, в числе которых выдавались граф Евдокимов, князь Леван Меликов, князь Багратион-Мухранский и многие другие известные личности. По обыкновению роль хозяина исполнял генерал Козловский. За ужином, конечно, было множество тостов и речей, а затем казачьи песни и пляска. На следующий день на Севастопольском обеде (в той же гостинице «Демут») присутствовало до 100 лиц; в числе их великие князья Николай и Михаил Николаевичи, генералы Коцебу, Тотлебен, Ушаков, Хрущов, Зелёный, Хрулёв, Баумгартен. Великие князья, генерал Тотлебен и другие предлагали многие тосты, вызывавшие шумные изъявления восторга. Обычный оратор на Севастопольских обедах, генерал Меньков (редактор «Военного Сборника» и «Инвалида»), произнес длинную речь, которую закончил тостом «за процветание Севастопольского музея — славного памятника грозной эпохи».

Кавказский вечер и Севастопольский обед составили как бы эпилог всей серии празднеств, поглощавших внимание Петербурга в течение целых двух недель. Давно была пора успокоиться и приняться снова за будничную работу.

В исходе 1869 года (15 декабря) произошли значительные перемещения в нашем дипломатическом корпусе. Князь Н.А. Орлов, давно уже занимавший скромный пост представителя России в Брюсселе, переведен в Вену, а граф А.Д. Блудов — из Дрездена в Брюссель; на его же место в Дрезден назначен действительный статский советник В.Е. Коцебу, состоявший в звании поверенного в делах в Карлсруэ; на этот же пост назначен статский советник П.А. Сабуров, состоявший до того времени советником посольства в Лондоне. Наконец, советник посольства в Вене барон К.П. Икскуль получил пост посланника во Флоренции, на место умершего Н.Д. Киселёва.

В заключение остается упомянуть о 50-летнем юбилее действительного тайного советника графа Виктора Никитича Панина, праздновванном 15 декабря. Маститый юбиляр получил по этому случаю обычный рескрипт и украшенный алмазами портрет Государя.

ДЕЛА АЗИАТСКИЕ

В конце 1869 года сделан был важный шаг в ходе нашей азиатской политики занятием Красноводска на юго-восточном берегу Каспийского моря.

Предположение о занятии этого пункта давно уже входило в план действий русского правительства и не раз возбуждался вопрос о приведении его в исполнение; но предприятие это отлагалось до более благоприятных обстоятельств, тем более, что со стороны Министерства иностранных дел постоянно выражались опасения, что занятие такого пункта может далеко завлечь нас и усложнить наше положение в Средней Азии в отношении Персии и Англии[205].

В 1869 году случайные обстоятельства послужили поводом к неотлагательному осуществлению давнишнего проекта. С весны этого года начались волнения и даже открытое восстание среди киргиз Оренбургского края. Предлогом к тому было введение в действие составленного так называемою Степною комиссией Положения об управлении киргизским населением степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств[206]. В районе Западно-Сибирского управления новый порядок был введен совершенно спокойно и успешно; население подчинилось ему беспрекословно, несмотря на то, что узаконенные подати (собственно кибиточный сбор) увеличились почти вдвое. В Оренбургском же крае, где администрация вообще не отличалась ни умением, ни честностью, введение нового Положения встретило открытое сопротивление. По всем вероятиям, в населении этого края уже и прежде таились поводы к неудовольствию; зачинщиками же и подстрекателями восстания были стоявшие во главе народа султаны и родоправители, которые понимали, что введение нового русского управления нанесет удар их безотчетному владычеству над темною массою народа. С наступлением весны часть населения начала уходить в глубь степи и в пределы хивинских владений. Появились вооруженные шайки, нападавшие на мирное киргизское население. Хива была постоянно очагом, из которого поддерживались волнения и неурядицы в наших степях. В то время, когда эмир Бухарский заискивал расположение туркестанского генерал-губернатора, исправно выплачивал наложенную на него контрибуцию и отправил своего сына с посольством в Петербург, хан хивинский продолжал дер-

жать себя явно враждебно к России, не давал ответа на посланные ему генералом Кауфманом два письма, не освобождал находившихся в Хиве русских пленных, принимал к себе наших беглых и даже высылал открыто вооруженные шайки, которые вторгались в наши степи, частию по западной стороне Аральского моря, чрез Усть-Урт, частию к низовьям Сырдарьи. Одна многочисленная шайка, появившаяся в конце мая в Барсуках, навела такой панический страх на пути из Оренбурга в Ташкент, что сообщение по нему было на некоторое время прервано.

Для восстановления спокойствия в степи, для защиты остававшегося покорным населения и для прикрытия сообщения выдвинуто было в степь, по распоряжению оренбургского начальства, несколько отрядов. Два главные, служившие как бы резервом малым подвижным колоннам, гонявшимся за шайками, расположены были в двух пунктах и возводили укрепления: один — под начальством флигель-адъютанта полковника графа Борха — у Ак-Тюбе в верховьях Илека; другой — подполковника Штемпеля — на р. Уиле. Генерал Крыжановский объявил, что все пойманные мятежники будут судимы по полевым законам.

Со своей стороны, и генерал Кауфман, по возвращении своем из Петербурга (в июле), также счел нужным принять некоторые меры для прикрытия мирного населения на Сырдарье. Общее начальство над собранными для этого малыми отрядами было поручено начальнику штаба Сырдарьинской области полковнику Троцкому.

Высланные в степь отряды в Уральской области имели несколько встреч с киргизскими шайками, которые, однако ж, не отваживались вступать в открытый бой и обыкновенно убегали от наших войск, предпочитая нападать на беззащитных людей, на транспорты, на табуны и стада, но иногда и на малочисленные военные команды.

Таким образом, беспорядки и волнения продолжались в оренбургской степи во все лето и осень, даже и в следующем году. С прекращением сообщения чрез эти степи торговля должна была искать себе другие пути. Некоторые караваны хивинские и бухарские направились летом 1869 года к берегам Каспийского моря, именно: к Красноводскому заливу. По донесению об этом начальника нашей морской станции в Ашур-Ада, кавказское начальство вспомнило о предполагавшемся еще в 1865 году занятии Красноводска и подняло вопрос о приведении этого проекта в исполнение. Полковник Генерального штаба Столетов (занимавший пре-

жде на Кавказе должность начальника Закатальского округа), специально посвятивший себя восточным делам и изучивший восточные языки, был прислан в Петербург великим князем главнокомандующим Кавказскою армией с планом экспедиции, которую предполагалось предпринять в августе того же года. По краткости остававшегося времени, совершенно недостаточного для надлежащих приготовлений к такому сложному предприятию, как высадка значительного отряда на пустынный и бесплодный берег, при тогдашних затруднениях финансовых и начатом перевооружении армии, признано было более удобным отложить предположенную экспедицию до будущей весны, а пока заняться необходимыми к ней приготовлениями. В таком смысле составленный доклад был утвержден Государем, и повеление Его Величества было сообщено 17 июля великому князю Михаилу Николаевичу. Но Его Высочество при личном свидании с Государем в Крыму настоял на том, чтобы предположенное занятие Красноводска исполнить в ту же осень, а для устранения материальных затруднений решено было уменьшить состав десантного отряда до одного батальона при двух горных орудиях и полусотне казаков. При столь ограниченных размерах предприятия, конечно, не могло встретиться препятствий к исполнению; немного требовалось времени на снаряжение такого отряда, для сбора потребного числа судов и снабжения всеми предметами довольствия; зато и результаты предприятия могли быть только самые скромные.

29 октября назначенный в экспедицию батальон Дагестанского пехотного полка, с придачею 50 сапер и казаков, под начальством полковника Столетова был посажен в Петровске на суда, зафрахтованные у общества «Кавказ и Меркурий»[207]. После благополучного перехода чрез Каспийское море отряд высажен 5 и 7 ноября на северном берегу Красноводского залива, в пункте, указанном еще в 1859 году рекогносцировкою полковника Дандевиля[208]. При высадке никакого сопротивления не встречено, и ближайшие к берегу туркмены приняли русские войска довольно дружелюбно. Отряду Столетова на первое время приходилось заниматься только водворением своим на новоселье и обеспечением своего существования на зиму. Впрочем, и немыслимо было, чтобы одною высадкою на туркменский берег можно было сразу разрешить все те обширные задачи, которые были поставлены целью занятия Красноводска. Цель эта могла быть достигнута только дальнейшим постепенным, систематическим и разумным образом дейст-

вий нашей военной администрации в Закаспийском крае. К сожалению, слишком много лет прошло по занятии Красноводска, пока выказалось значение этого шага в общем ходе наших дел в Средней Азии.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1869 ГОДУ

Прошло уже семь лет с тех пор, как в начале 1862 года мною представлен был Государю обширный план преобразований и улучшений по всем частям военного ведомства[209]. В течение этого времени главнейшие из предположений по организации войск и управлений были уже приведены в исполнение. Во всем военном ведомстве последовало столько изменений, что оказывалось уже невозможным руководствоваться существовавшим изданием Свода военных постановлений (1859 год) и чувствовалась крайняя необходимость нового издания его.

План этого нового издания Свода был утвержден еще в 1865 году; но только к 1869 году законодательные работы по Военному министерству подвинулись настолько вперед, что Главный военно-кодификационный комитет нашел возможным приступить к печатанию некоторых частей нового Свода, а именно: части I, заключавшей в себе устройство всех военных управлений (четыре книги I, II, III и IV, Военное министерство, Управление военно-окружное, местных войск и полевое) и части VI — военно-уголовной (книги XXII, XXIII и XXIV: уставы о наказаниях, военно-дисциплинарный и военно-судебной). Эти две части были отпечатаны в начале 1869 года и введены в действие приказом 2 июля. По этому случаю председателю Главного военно-кодификационного комитета генерал-лейтенанту Непокойчицкому объявлена Высочайшая благодарность в рескрипте 15 июля, а членам комитета — благоволение в приказе.

Кроме того, подготовлялась еще IV часть нового Свода, заключавшая в себе Положения о заведениях разных военных ведомств. Одна половина этой части (книги XV, XVI и XVII, заведения военно-учебные, военно-врачебные и военно-тюремные) уже печаталась; другая половина (книги XII, XIII и XIV — заведения интендантские, артиллерийские и инженерные) приготовлялась к печати.

Но означенные три части составляли едва половину всего Свода. К изданию остальных частей, заключавших в себе устройство войск: регулярных (часть II) и иррегулярных (часть III) с их управ-

лениями и военное хозяйство (часть V), не было возможности приступить в ближайшее время, так как входившие в эти части законоположения далеко не все были выработаны. По многим предметам даже не было еще приступлено к работе; некоторые вопросы оставались еще не выясненными. Главному военно-кодификационному комитету поставлено было в обязанность следить за ходом постепенной разработки новых законоположений в разных отделах Министерства и содействовать по возможности безотлагательному восполнению остававшихся еще пробелов в новом издании Свода. Но при всей доброй воле и деятельности трудившихся лиц работы шли не так быстро, как было желательно. Некоторые проекты приходилось по нескольку раз переделывать, а иногда и откладывать до другого времени по независившим от Военного министерства обстоятельствам. Казалось, что по мере работы конец ее все отдалялся, как недосягаемый предел горизонта, как обманчивый мираж.

Наличная численность всех наших регулярных войск, доведенная к началу 1869 года до 704 тыс. человек, еще понизилась в течение этого года на 21 тыс. человек и дошла до 683 тыс.* Это был крайний minimum, какого не бывало в России с давних времен и не было впоследствии. Новое сокращение достигнуто было, так же как и в прежние годы, разными частными изменениями в штатах мирного времени и притом исключительно на счет небоевого и нестроевого элемента, без малейшего ущерба боевому составу армии. Напротив того, военный состав по штатам достигал 1 260 000. Для приведения войск в этот состав имелось уже в запасе (в бессрочном и временном отпуску) до 548 000 человек.

В показанном выше наличном числе войск оставалось уже весьма мало старослужащих нижних чинов, поступивших по прежним наборам (до 1856 года); это были почти исключительно штрафованные да несколько старых унтер-офицеров, добровольно остававшихся на сверхсрочной службе. Но в составе армии уже числилось более 360 тысяч человек, прослуживших 5 лет и свыше, что составляло почти 60%. Число нижних чинов, поступивших на основании нового Положения о «заместителях»[210], было ничтож-

* К 1 января 1870 г. значилось по спискам налицо — всего 601 775 нижних чинов; в иррегулярных войсках состояло на действительной службе 65 159 человек.

но — всего 1417 человек, так что учреждение это положительно не удалось, и необходимо было придумывать другие средства для удержания на сверхсрочной службе хороших унтер-офицеров, в которых уже и тогда чувствовался недостаток.

Некомплект в офицерах доходил (в 1869 г.) в общей сложности до 8% против штатного мирного состава; для приведения же армии на военное положение оказался бы огромный недостаток в офицерах. За невозможностью какой-либо общей меры для заметного улучшения материального положения офицеров на службе, необходимо было изыскивать другие меры к привлечению молодых людей к военной службе; и с этою целью подвергнуты пересмотру все прежние постановления о поступлении на службу юнкеров и вольноопределяющихся, а также о производстве в первый офицерский чин. Новое Положение, Высочайше утвержденное 8 марта[211], сократив сроки службы для производства в офицеры, вместе с тем открыло доступ к офицерству и нижним чинам общего срока, которым предоставлено было, по прослужении 10 лет и при известных других условиях, поступать в юнкерские училища для приготовления к офицерскому экзамену. Этою мерой предполагалось не только открыть новый источник для пополнения некомплекта в офицерах, но вместе с тем и поднять нравственное значение солдата.

Непрерывная и напряженная деятельность Главного штаба, касавшаяся всех сторон устройства войск, их службы и образования, охватывала столько разнообразных вопросов, что трудно было бы здесь перечислить их. В 1869 году продолжались некоторые изменения в составе и устройстве местных войск в отдаленных (азиатских) округах; учреждались первые железнодорожные команды; вводились новые порядки в управлениях воинских начальников уездных и губернских для усовершенствования учета нижних чинов запаса (отпускных), и вместе с тем для ускорения процедуры призыва этих чинов в случае надобности. Пересмотр штатов всех войск и управлений давал повод к многочисленным частным изменениям как в числе людей, так и в окладах содержания, причем уравнивались и по мере возможности усиливались оклады, определенные с давних времен. В большей части случаев эти прибавки в содержании служащих покрывались чрез сокращения в численном составе.

К 1 января 1869 года истекал двухлетний срок, назначенный для испытания в некоторых армейских пехотных полках и отдельных батальонах трех проектированных Положений о полковом хо-

зяйстве[212]. Но испытание это не привело к положительным выводам о преимуществах той или другой системы, и потому решение вопроса было отложено еще на один год, в течение которого испытание проектов, составленных в комиссиях генералов Лауница и Липранди, распространено сверх прежних двух дивизий (1-й гренадерской и 27-й) еще на пять дивизий, расположенных в пяти разных округах. К 1 января 1870 года поступили в Главный штаб отзывы начальствующих лиц о результатах произведенного опыта; но и на сей раз оказалось невозможным вывести из них какое-либо общее заключение, так что признано было необходимым продлить испытание еще на год и только в течение 1871 года окончательно разработать новое Положение о полковом хозяйстве.

Относительно строевого образования войск в 1869 году возбужден был вопрос о развитии лагерных занятий (летних сборов), для чего предположено во всех военных округах устроить в удобных пунктах постоянные лагери, с отпуском ежегодно денежных средств для постепенного возведения необходимейших построек, начав с хозяйственных; впоследствии же имелось в виду перейти от палаточного лагеря к барачному. Для разработки этого вопроса была образована при Главном штабе особая комиссия.

Другим вопросом, не менее важным в отношении образования и благоустройства войск, был вопрос казарменный, на который и прежде указывалось ежегодно в моих всеподданнейших отчетах. Почти половина полевых войск была расположена по квартирам, без манежей, без стрельбищ и других приспособлений, сделавшихся необходимыми при новой системе обучения войск*. Разбросанное по деревенским избам размещение войск при наших климатических условиях прерывало на большую часть годы строевые занятия и обучение; невыгода эта была особенно ощутительна при кадровом составе войск и сокращенных сроках службы.

Вопрос о постройке казарм был поднимаем не раз и в давно прошедшие времена (1827 и 1829 гг.), но громадность потребных на то денежных средств устраняла возможность какой-либо общей меры в этом отношении: строить разом казармы на все части армии было, конечно, несбыточною мечтой, хотя и являлись прожектёры и спекулянты с подобными предложениями. Военному

* Местные войска были несколько в лучшем положении в этом отношении. Две трети их, или 66%, имели казарменное помещение; в полевых же войсках — едва 53%.

министерству оставалось довольствоваться частными, случайными мерами для улучшения размещения той или другой части войск, там, где представлялся к тому удобный случай, как, например, приспособлением какого-либо старого, заброшенного здания (монастыря, фабрики и т. п.) или даже частных домов. Министерство старалось привлечь к этому делу города, на которых искони лежала одна из тяжелых повинностей — квартирная. Чтобы заинтересовать города, первым шагом признавалось переложение этой повинности из натуральной в денежную. Для разработки этого предположения давно уже существовала особая комиссия при Министерстве финансов; но работы ее оставались целые годы без движения, опять-таки из-за финансового затруднения*.

В 1869 году дело это приняло новый оборот вследствие представленной Государю Наследником Цесаревичем (неизвестно кем составленной) записки о крайней необходимости казарм на всю армию[213]. На этот раз вмешательство Его Высочества было более кстати, чем попытка личного его участи в ружейном деле. По моему предложению, последовало Высочайшее повеление учредить при Главном штабе особую Казарменную комиссию для обсуждения вопроса о казарменном размещении войск при пособии частных капиталов. Комиссия была составлена под председательством помощника начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Мещеринова из представителей министерств: военного, финансов и внутренних дел. На комиссию возложено было прежде всего заняться обсуждением общего расположения армии по округам, приняв при этом в соображение сеть железных дорог; затем указать, для каких частей войск, в каких пунктах и в какой последовательности потребно возведение новых казарм или улучшение имеющихся помещений. Предварительная эта работа была исполнена комиссиею в течение 1869 года; затем приступлено к приблизительному исчислению потребных на постройки денежных средств и к обсуждению финансовых способов исполнения.

Работы во всех отделах Военного министерства продолжались и в 1869 году в прежнем направлении. Результаты их в отношении

* Далее в автографе зачеркнуто: «так как по расчетам комиссии не было возможности избегнуть некоторого лишнего расхода, а, следовательно, нового налога» (*примеч. публ.*).

готовности армии к войне зависели, конечно, от размера тех денежных средств, которые предоставлялись сметою на удовлетворение материальных потребностей военного ведомства.

В этом отношении надобно поставить на первое место в 1869 году *артиллерийскую часть*, на которую ассигновано было более, чем в предшествовавшем году, на 3 654 000 руб. Тем не менее из всех отделов министерства артиллерийская часть по-прежнему причиняла наиболее хлопот и разочарований, в особенности относительно ружейного дела, которое в начале года находилось, можно сказать, в положении отчаянном. Только с учреждения особых временных комиссий, о которых было подробно рассказано в своем месте, дело получило успешный ход. Оружейные заводы и мастерские, за весьма небольшими исключениями, начали поставлять ружья исправно, в определенные по контрактам сроки, несмотря на некоторые недоразумения, встреченные в Киевской мастерской иностранца Больмана и на пожар, случившийся 20 ноября в Либавской мастерской. Для ускорения дела устроена была еще одна мастерская в Варшаве. На Главной распорядительной комиссии лежала забота своевременно доставлять на заводы и в мастерские назначенные в переделку винтовки, отбираемые от войск, причем необходимо было соображать эту передачу таким образом, чтобы войска не оставались без оружия, а для того приходилось некоторым частям войск дать временно игольчатые ружья из числа поступивших уже в склады. Можно сказать, что в это время бóльшая часть оружия находилась в транспортах, на больших дорогах, а бóльшая часть армии оставалась почти без вооружения. Такое положение было бы крайне опасно, если б не было полной уверенности в сохранении мира в Европе, по крайней мере до следующего 1870 года.

В начале апреля начали прибывать из Америки первые транспорты бердановских ружей, изготовленных на Кольтовском заводе, под непосредственным наблюдением полковника Горлова и капитана Гуниуса, которые и выработали окончательно принятый у нас образец малокалиберного ружья*. По предложению герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, испрошено было Высочайшее повеление неотлагательно вооружить новыми

* К сожалению, мы рано лишились одного из этих специалистов: капитан Гуниус по возвращении в Петербург застрелился 27 марта 1869 года. Причины этого самоубийства остались неизвестными.

превосходными винтовками гвардейские стрелковые батальоны, а потом и армейские. К концу года все стрелковые батальоны (за исключением лишь Туркестанского) имели уже новое малокалиберное вооружение, не уступавшее в своих качествах лучшим в то время во всей Европе образцам. Летом 1869 года сам Бердан предложил еще некоторые новые усовершенствования в своем ружье, так что мы получили новый образец под названием «бердановского № 2». По заключенному с Берданом контракту, он обязался изготовить в Бирмингеме еще 30 тыс. ружей этого второго образца.

Между тем принимались меры к установлению у нас в России фабрикации ружей того же образца. Предположено было по истечении в следующем году срока арендного содержания Тульского оружейного завода генерал-лейтенантом Стандершельдом обратить этот завод по-прежнему в казенное управление и перестроить его заново с приспособлением к рациональному изготовлению нового малокалиберного оружия. При этом весьма важен был выбор лица в начальники будущего завода; выбор пал на командира Учебного пехотного батальона генерал-майора Нотбека — человека дельного и близко знакомого со стрелковою частию. Хотя он не принадлежал к числу специалистов-техников, однако ж можно было надеяться, что он справится с делом при содействии опытных помощников. Для ближайшего же ознакомления с заводским делом он был командирован за границу, с поручением осмотреть лучшие заводы Англии, Бельгии и Франции. На место его командиром Учебного батальона назначен генерал-майор Данилов.

Что касается патронного дела, то первоначально оно встречало большие затруднения и неудачи. Петербургский патронный завод, созданный совершенно вновь и в самое короткое время, был поставлен в необходимость в одно время и учиться, и производить. Однако ж к концу года производительность завода была доведена до 30 тыс. патронов в день.

Испытание изготовленных заводами крнковских ружей и к ним 6-линейных патронов было произведено в ноябре в Учебном батальоне, довольно в больших размерах (выпущено до 20 тыс. патронов). Результаты оказались удовлетворительными как относительно ружья, так и патрона. Вообще к концу 1869 года ружейное дело было поставлено так, что можно было уже спокойно смотреть на будущее; но в то время вооружение нашей армии находилось в крайне невыгодном положении. К 1 января 1870 года мы имели

следующее количество разных видов скорострельного (т. е. заряжаемого сзади) оружия:

Капсюльных (Терри — Нормана)	62 000
Игольчатых (Карле)	200 000
Крнковских	100 000
Бердановских	17 000
	379 000
В течение 1870 года ожидалось еще:	
Игольчатых	17 000
Крнковских	523 000
Бердановских № 1	13 000
Бердановских № 2	30 000
	583 000

При таком разнообразии наличного оружия необходимо было, по крайней мере, избегнуть смешения различных образцов. Положено было на первое время распределить игольчатые ружья исключительно в войска азиатских округов и кавказские; в Европейской же России всю пехоту вооружить крнковскими ружьями, а полученные из Америки берданки первого образца дать исключительно стрелковым батальонам. Этот план временного вооружения армии был утвержден Государем и постепенно приводился в исполнение. По мере изготовления ружей Крнка приходилось снова развозить их в полки, отбирая от них временно данные им игольчатые или старые гладкоствольные ружья, которые, в свою очередь, перевозились частию в склады, частию же на Кавказ и в азиатские округа. Таким образом, одни перевозки оружия и патронов поглощали огромные денежные суммы, — чего, однако ж, ни в каком случае избегнуть было невозможно. На все же расходы по ружейному и патронному делу потребовалось в одном 1869 году до 12 млн рублей.

К концу года сделано было распоряжение о присылке в Петербург по одному офицеру от каждого полка для ознакомления с новым оружием. Офицеры эти обучались при Учебном батальоне в Ораниенбауме и потом должны были возвратиться в свои части в качестве инструкторов по ружейной части.

Заботы главного артиллерийского начальства по ружейному делу не останавливали хода усовершенствований артиллерии полевой и крепостной.

Перевооружение полевой артиллерии орудиями, заряжаемыми сзади, было закончено к весне 1869 года; продолжалось изготовле-

ние полевых орудий для запаса, положенного в соразмерности 50% всего числа, состоявшего на вооружении батарей. Также продолжалось изготовление железных лафетов на перемену прежних деревянных, и скорострельных орудий (картечниц) Гатлинга. Но тактическое значение последних и место, которое они должны занять в организации артиллерии, не были еще вполне выяснены*.

Крепостная артиллерия продолжала пополняться новыми орудиями больших калибров частию с Пермского завода, изготовлявшего 8-дюймовые пушки, частию с Крупповского, продолжавшего выполнять исправно заказ 9- и 11-дюймовых пушек. Число ежегодно поступавших на вооружение крепостей новых орудий зависело от размера ассигнуемых денежных сумм; а как стоимость этих орудий со станками, снарядами и принадлежностью была чрезвычайно значительна, то пополнение крепостной артиллерии подвигалось очень медленно.

Дороговизна стальных орудий побуждала наших артиллеристов продолжать изыскания над усовершенствованием литья медных орудий. В 1869 году полковником Лавровым начаты были в Петербургском арсенале опыты над проковкою или прессованием металла, одновременно с такими же работами австрийского генерала Ухациуса в Вене. Первоначально эти опыты подавали надежды на успех, но впоследствии все попытки заменить стальные орудия медными были брошены.

Для дальнейших заказов крепостных орудий необходимо было определить общее число их, требуемое для вооружения всех наших крепостей. Решение этого вопроса было тесно связано с переустройством самих крепостей, которые и в инженерном отношении находились в то время в таком же переходном положении, как в отношении вооружения. Поэтому учреждена была особая смешанная комиссия из артиллеристов и инженеров, под председательством генерал-адъютанта Тотлебена, для составления проекта вооружения крепостей как нормального (окончательного), так и переходного (временного). Разработанные этою комиссией в 1869 году табели вооружения были представлены на Высочайшее утверждение частию 25 февраля, частию 11 ноября. По этим проектам вся потребность в крепостных орудиях боль-

* В автографе далее зачеркнуто: «Еще обсуждалось предложение о формировании в каждой артиллерийской бригаде четвертой батареи под названием “скорострельной”» (*примеч. публ.*).

ших калибров определилась громадною цифрою 4754, так что наличное число орудий, поступивших уже в то время на вооружение крепостей, не составляло и трети всей потребности. Недостававшие две трети предполагалось пополнять постепенно в 7-летний срок; но с каждым годом возникали все новые требования, по мере успехов артиллерийской техники, а потому означенный срок все более растягивался и приведение в желанное, удовлетворительное состояние вооружения наших крепостей становилось какою-то заветною, недосягаемою целью.

В том же положении находилась и *часть инженерная*. Современные условия военного искусства требовали таких дорогих фортификационных сооружений, что при ограниченности ассигнуемых ежегодно денежных средств результаты многолетних инженерных работ получались едва заметные. В счет 36 млн руб., исчисленных в 1862 году на достройку наших крепостей и на приведение их в положение, соответствующее современным средствам атаки, уже отпущено было в течение семи лет до 25 млн*, из которых почти половина (12 млн) употреблена на усиление Кронштадта; из других крепостей наибольшие суммы обращены были на керченские укрепления (4 245 000 руб.), затем уже гораздо в меньших размерах: на Брест-Литовск (1 690 000), Варшавскую цитадель (1 360 000), Выборг (1 241 000) и Свеаборг (1 110 000); на все же остальные пять крепостей (Динабург, Динамюнда, Новогеоргиевск, Ивангород и Николаев) в общей сложности — около 3 115 000 руб. По мере того, как расходовались эти громадные суммы, возрастали и требования инженерного искусства, вызываемые, в свою очередь, успехами артиллерийской техники[214].

Что касается постройки, исправления и ремонта зданий в крепостях и вне крепостей, то суммы, ежегодно ассигнуемые на этот предмет приблизительно в одинаковом размере, далеко не удовлетворяли действительной потребности, постоянно возраставшей, в зависимости от совершавшихся по всем частям военного ведомства преобразований и улучшений. Некоторые из этих потребностей были неотлагательны, как, например, устройство помещений для новых военно-судебных учреждений, мест заключения арестантов, складов запасов и т. д. Не говорю о необходимости казарменных помещений для войск во избежание повторения.

---

* В том числе по смете 1869-го г. около 2 млн рублей.

Э.И. Тотлебен

Стоявший во главе инженерного ведомства генерал-адъютант Тотлебен* охотнее занимался фортификационными работами и высшими военными вопросами, чем строительною частию, которою он всегда тяготился**. В организации инженерного корпуса, несмотря на новые штаты, не было заметного усовершенствова-

* Хотя звание «генерал-инспектора по инженерной части» носил великий князь Николай Николаевич, но в сущности это было почти почетное. Великий князь мало занимался инженерным делом.

** Далее в автографе зачеркнуто: «Притом он не отличался способностями административными» (*примеч. публ.*).

ния; в самом производстве работ инженерное ведомство держалось прежней рутины. Новые порядки, введенные в военной администрации Положением о военно-окружном управлении всего труднее прививались в инженерном ведомстве[215].

Напротив того, войска инженерные были обязаны генералу Тотлебену многими улучшениями. К 1869 году все саперные батальоны и инженерные парки были снабжены новым шанцевым инструментом; на все шесть понтонных полубатальонов построены железные понтоны, строились к ним фуры и конская сбруя; сформированы четыре военно-телеграфных парка; совершенствовалась минная часть; летние практические занятия в саперных бригадах получили большее развитие в связи с практическою стрельбой артиллерии. Генерал Тотлебен следил за успехами военного дела за границей, и в этом отношении заслуги его не подлежат сомнению.

По *интендантской части*: достигнут в 1869 году немаловажный результат: неприкосновенный запас вещей окончательно пополнен на весь тогдашний военный состав армии, и притом не в материалах только, а в готовом обмундировании и готовой обуви. С этого времени обмундировальные мастерские продолжали работать уже для периодического освежения запасов выпуском соответственного количества вещей из складов в войска на текущее довольствие. Оставалось еще докончить образование «чрезвычайного запаса» материалов, предназначенного на случай экстренной надобности в военное время и рассчитанного на обмундирование 100 тыс. человек. Запас этот предполагалось еще усилить.

Постройка обоза в мастерских подвинулась настолько, что число повозок, как уже готовых, так и находившихся еще в работе, составляло несколько менее половины всего требуемого количества. При таком результате четырехлетних работ обозных мастерских можно было рассчитывать, что постройка обоза на всю армию окончится не ранее 1873 или 1874 года, и то не включая полкового лазаретного обоза, к постройке которого только что было приступлено. В самом образце повозки для перевозки больных и раненых придумывались еще разные улучшения, и предлагалось много новых разнообразных проектов, которые обсуждались и испытывались в обозной комиссии*. Для Кавказской армии также не

* Далее в автографе зачеркнуто: «Спорам по этому вопросу между специалистами по обозной части и врачами не было конца» (*примеч. публ.*).

были еще утверждены образцы всего обоза; проектирование его и испытание были предоставлены кавказскому начальству[216].

Снабжение войск провиантом производилось исправно, но цены на хлеб все еще стояли очень высокие до осени. Удачный опыт долгосрочной поставки в петербургском районе применялся и к некоторым другим провиантским операциям. Для снабжения приморских магазинов Одесского округа заключен на 10-летний срок контракт с владельцем паровой мельницы в Ростове-на-Дону Посоховым; также устроены долгосрочные поставки в Пермской и Вологодской губерниях. Условия, на которых заключены были контракты, казалось, вполне ограждали интересы казны от переплаты, что было в особенности необходимо в Одесском округе, где с давних времен провиантскими поставками завладели немногие монополисты*. Несмотря на благоприятные результаты, оказавшиеся с первых же годов долгосрочных операций, система эта вызвала впоследствии сильную критику и нападки на Военное министерство со стороны Государственного контроля.

Из числа нововведений по интендантскому ведомству в 1869 году упомяну об устройстве Интендантского музея в новом помещении у Аларчина моста. Музей этот должен был составлять как историческое хранилище предметов обмундирования и снаряжения русских войск в минувшие времена, так и склад современных (утвержденных) образцов и, наконец, обмундирования иностранных армий. В состав музея вошли и прежний Комиссариатский «магазин образцов», и коллекции прежней «Редакции военной хроники»[217]; в него поступили и художественные средства этой редакции: литография, рисовальщики и проч. Устройством музея усердно занялся назначенный на должность управляющего музея генерал-майор барон Штейнгель. В одном здании с музеем поместился и Технический комитет Главного интендантского управления.

По *военно-врачебной части*: можно признать существенным успехом в 1869 году издание XVI книги нового Свода военных постановлений, в которую вошли Положения о всех военно-врачебных заведениях мирного и военного времени, с включением Медико-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «По контракту с Посоховым, цены на муку определялись на основании стоимости зерна в местностях, соседних с Ростовом-на-Дону, с добавкою установленной платы за перемол и морскую перевозку» (*примеч. публ.*).

хирургической академии, соединенного с нею Клинического госпиталя (переименованного из прежнего 2-го военно-сухопутного) и Петербургского хирургического инструментального завода. Все эти Положения, Высочайше утвержденные 15 июля[218], объявлены к руководству приказом 19-го числа того же месяца. Из них особенное значение представлял тот отдел, которым установлялась наконец организация врачебной части армии в военное время. Вместо прежних «госпитальных кадров» положено впредь иметь в готовности материальную часть для формирования 84 военно-временных госпиталей (каждый на 600 больных), в том числе 48 госпиталей с обозом и 24 «дивизионных лазарета», образующих 12 «подвижных госпиталей». Организация эта была рассчитана на 54 240 больных нижних чинов и 2264 офицера. Хотя размер этот и признан был впоследствии недостаточным, тем не менее Положение 1869 года представляло уже ту важность, что дало возможность с этого времени вести на твердых началах переустройство прежних «госпитальных кадров» и пополнение госпитальных запасов.

Обоз госпитальный строился на 48 военно-временных госпиталей в частных мастерских; постройку его предполагалось окончить в 1871 году и затем приступить к постройке обоза для дивизионных лазаретов, независимо от строившегося в казенных мастерских полкового лазаретного обоза[219].

Для пополнения необходимого в военное время числа врачей составлен был и внесен в Государственный совет проект учреждения «резерва врачей»[220]. Для приготовления фельдшеров к службе в госпиталях и лазаретах открыта была в Петербурге первая военно-фельдшерская школа, по образцу которой должны были впоследствии учреждаться школы и в других округах. Но школы эти, даже и в полном своем развитии, не могли пополнить всего требуемого на всю армию значительного числа фельдшеров; а потому введены были в войсках фельдшера низшего разряда, под наименованием «ротных», приготовляемые по мере возможности из нижних чинов общего срока службы, и затем прежние цирюльники и брадобреи исключены из штатов войсковых частей.

По *иррегулярным войскам*: из многочисленных и обширных законодательных работ «Временного комитета» при Главном управлении[221], некоторые весьма важные уже получили окончательное утверждение в законодательном порядке; другие прошли чрез Военный совет и внесены в Государственный совет.

К числу первых принадлежали: 1) закон о необязательности службы для казачьих офицеров, о дозволении им выхода из казачьего сословия и поступления на службу вне казачьего войска, без отчисления от казачьего сословия; этою важною законодательною мерой (объявленной 29 апреля) разрушена прежняя безвыходная замкнутость казачьего сословия; 2) Положение о поземельном устройстве станичных обществ и о запасных землях; 3) о преобразовании Астраханского казачьего войска как в гражданском, так и военном устройстве; 4) о преобразовании Уральского и Сибирского казачьих войск в связи с новым Положением о «степных» областях: Уральской, Акмолинской и Семипалатинской; 5) об упразднении Новороссийского казачьего войска и 6) о новом устройстве Кубанской и Терской областей (объявлено приказом 30 декабря)[222].

В основании нового устройства этих двух областей положено то же начало, которое ранее введено в Оренбургском казачьем войске и применено в новых Положениях об Астраханском, Уральском и Сибирском войсках, а именно: объединение в полицейском и судебном отношении разнородного населения каждой области — войскового (казачьего) и гражданского (как русского, так и туземного или горского). При этом некоторые из казачьих станиц обращены в гражданское ведомство; звания атаманов обоих казачьих войск соединены со званием начальников областей.

Ко второй категории дел, внесенных в Государственный совет, но еще не получивших утверждения, относились: Положения об общественном управлении в казачьих войсках, о соляном промысле в войсках Донском, Кубанском и Терском, о торговом обществе в войске Донском, о войсковом правлении в том же войске.

Затем на рассмотрении II отделения Собственной Е. В. канцелярии находилось Положение о земских учреждениях и о подсудности в казачьих войсках. Целый ряд других, не менее важных вопросов разрабатывался еще в Главном управлении иррегулярных войск, а некоторые дела уже внесены в Военный совет.

По строевой части принимались меры к установлению правильного обучения молодых казаков. В тех же видах составлено и Высочайше утверждено (2 ноября) новое Положение о Донском учебном полку[223] и открыто урядничье училище в Новочеркасске. Самою же существенною мерой для поднятия строевого образования Донских казачьих полков было предоставление войсково-

му наказному атаману Донскому права выбирать на должности командиров полков достойнейших полковников и подполковников, не стесняясь очередными списками. Этою мерой положен конец существовавшему искони несостоятельному порядку назначения полковыми командирами штаб-офицеров по старшинству, хотя бы совершенно неспособных и даже никогда не служивших в строю.

Наконец, в том же 1869 году приняты по иррегулярным войскам две следующие меры: 1) для охранения границы Южно-Уссурийского края от вторжения китайских шаек сформирована в этом крае Южно-Уссурийская конная казачья сотня из охотников Амурского и Забайкальского войск и 2) отменено (Высочайше утвержденным 4 июля Положением Комитета министров) ежегодное командирование Оренбургских и Уральских казаков в Казанскую и Пермскую губернии для несения там полицейской службы.

По *части военно-судной*: законодательные работы завершены Высочайшим утверждением 7 июня Устава о военно-дисциплинарных взысканиях[224], что дало возможность выпустить в целости VI часть нового Свода военных постановлений. Новые суды продолжали действовать успешно. В октябре открыты суды с прежнею торжественностью в присутствии главного военного прокурора тайного советника Философова еще в двух округах: в Вильне (15-го числа) и в Киеве (23-го).

Учрежденная в 1866 году Военно-юридическая академия дала в этом году уже второй выпуск офицеров, специально подготовленных к службе по военно-судебному ведомству, и, таким образом, дальнейшее пополнение личного состава этого ведомства могло уже считаться обеспеченным.

Возникшие в первое время нарекания на новое военно-судебное устройство, будто бы имевшее влияние на упадок дисциплины в войсках, опровергались фактами и цифрами. Отчеты показывали, что число важных нарушений дисциплины, влекущих уголовные наказания, значительно уменьшилось: в 1865 году было 139 таких случаев, в 1868-м — 55. Что же касается до маловажных дисциплинарных проступков, то показания отчетов вовсе не вели к тому заключению, что число проступков в действительности увеличилось, а объяснялись тем, что новым судебным порядком преследуются такие проступки, которые прежде оканчивались домашнею, негласною расправой.

По *части военно-учебной*, получившей уже почти законную организацию, оставалось вводить частные улучшения и некоторые изменения в учебных программах для ближайшего согласования курсов в заведениях различных категорий.

В начале года внесено было в Государственный совет представление о так называемых дворянских капиталах, некогда пожертвованных дворянством разных губерний на учреждение или содержание кадетских корпусов. Военное министерство, приняв в свое ведение эти заведения и приступая к преобразованию их в военные гимназии, ввиду открыто выказанного тогда дворянством несочувствия к кадетским корпусам, предположило отказаться от означенных капиталов (с которых проценты составляли до 240 тыс. руб.) и обратить их в пользование Министерства народного просвещения. Но Государственный совет взглянул иначе на это дело и постановил: получаемые с дворянских капиталов проценты оставить в ведомстве военно-учебных заведений, с новым распределением их на дворянских стипендиатов разных губерний, частию в военных гимназиях, частию в военных прогимназиях. Заключение Государственного совета было Высочайше утверждено 24 ноября*, и решение это не могло уже возбудить неудовольствия в дворянстве, среди которого новые военные гимназии приобрели доверие и сочувствие.

Нельзя того же сказать о военных прогимназиях, только что начинавших устраиваться на новых началах**. Эти элементарные общеобразовательные и воспитательные заведения, подготовлявшие юношей к курсу юнкерских училищ, должны были по своему назначению оказать большую услугу весьма многим родителям, не имевшим возможности (по бедности ли, по другим ли обстоятельствам) подготовить своих детей к поступлению в соответствующий летам их класс военной гимназии. Но в первое время по учреждении военных прогимназий не могло составиться в обществе ясного представления об этих новых заведениях; на них, естественно, смотрели как на переименованные «военно-начальные школы» (бывшие «училища военного ведомства»), которые, в свою очередь, были ничем иным,

* Окончательный же расчет и распределение дворянских вакансий между гимназиями и прогимназиями утверждены только 14 апреля 1870 г. и объявлены в приказе 25 апреля того же года[225].

** Положение о военных прогимназиях получило окончательное утверждение только 19 апреля 1869 года[226].

как прежними школами кантонистов[227]. Поэтому дворянство некоторых губерний приняло с неудовольствием новое распределение «дворянских вакансий» между военными гимназиями и прогимназиями. Неудовольствие это едва ли было основательно. Правда, новоучрежденные военные прогимназии были заведения низшего разряда как по уровню учебного курса, так и по скудной материальной обстановке, унаследованной от прежних военно-начальных школ; но тем не менее они открывали выход тем «недорослям из дворян» и офицерским детям, которые в большинстве случаев оставались без всяких средств воспитания и образования.

В 1869 году упразднены последние из военно-начальных школ, а также существовавшая в Петербурге Военно-чертежная школа (приказом 17 марта). С открытием двух новых военных прогимназий, петербургской и пермской*, состояло уже всего 10 заведений этой категории с 2700 воспитанниками. Они могли давать ежегодно юнкерским училищам до 500 кандидатов, лучше подготовленных, чем большинство тех полуграмотных юнкеров, которых эти училища должны были по необходимости принимать за недостатком лучших конкурентов.

Впрочем, ежегодный приток молодых людей в военную службу юнкерами или вольноопределяющимися начал заметно возрастать, а следовательно, увеличивалось и число учащихся в юнкерских училищах. Не только не было уже в них некомплекта, как в предшествовавшие годы, но приходилось отказывать некоторым в приеме за неимением мест. Признано необходимым увеличить комплект учащихся, и потому в 1869 году открыты два новых училища: в Петербурге (пехотное, на 200 юнкеров, открыто 4 ноября) и в Новочеркасске урядничье-казачье (на 120 урядников Донского и Астраханского войск, открыто 1 декабря); кроме того, в шести пехотных училищах комплект юнкеров с 200 доведен до 300, а при двух училищах (варшавском и виленском) учреждены отделения казачьи для молодых урядников, служивших в казачьих полках, расположенных в западных пограничных округах. Таким образом, к концу 1869 года число юнкерских училищ доведено было до 14 (10 пехотных, 2 кавалерийских и 2 казачьих), на 3250 юнкеров и урядников. При двухлетнем курсе они должны были давать еже-

---

* Открытая в том же году военная прогимназия в Елизаветграде была перемещена туда из Киева.

годный выпуск свыше 1500 человек, что обеспечивало пополнение офицерского состава в войсках*.

В том же 1869 году Высочайше утверждены (17 июля) новые Положения для школ артиллерийского ведомства (технической, пиротехнической и оружейных), а также для военно-фельдшерской (26 апреля)[228]. С начала нового учебного курса новые Положения вступили в действие в артиллерийских школах, и в то же время открыта первая Военно-фельдшерская школа в Петербурге.

Школа эта (о которой уже было мною упомянуто) поместилась в отдельном здании, выстроенном для нее рядом с Медико-хирургическою академией и Клиническим госпиталем. Она должна была служить образцом для других предположенных таких же заведений; поэтому при устройстве этой первой школы я счел необходимым приложить личное свое участие. Легче устраивать совсем новое учебное заведение, чем изменить направление в заведении, уже существующем, с укоренившимися привычками и традициями. Требовалось много настойчивости, чтобы новая школа ни в чем не напоминала прежнюю, существовавшую при 2-м Военно-сухопутном госпитале и поражавшую своим безобразием во всех отношениях. Это было тем труднее, что новая школа была подчинена тому же медицинскому начальству, которое привыкло уже к жалкому виду прежней. Устранить это невыгодное условие можно было одною только мерою — выбором непосредственных начальников школ из людей, привыкших к иным порядкам; а потому на эти должности и назначались исключительно военные офицеры из числа служивших в ведомстве военно-учебных заведений; врачи исполняли обязанности инспектора классов.

Говоря о положении военно-учебной части в 1869 году, я должен упомянуть в заключение об учреждении (приказом 29 марта) в Николаевской академии Генерального штаба дополнительного полугодичного курса, которого цель заключалась в том, чтобы офицеры, окончившие двухгодичный курс, могли испытать свои силы в применении приобретенных ими знаний к разрешению нескольких тем из разных частей военных наук. Такого рода практические работы должны были дать средство к более верной, чем на экзаменах, оценке способности каждого офицера к службе Генерального штаба. Первый дополнительный курс открыт был в октябре 1869 года.

* В течение предшествовавших пяти лет юнкерские училища дали до 2 тысяч офицеров; в 1868 же году — 900.

Военные расходы, исчисленные по смете 1869 года в 140 348 576 руб., как уже было сказано, превысили прошлогодние почти на 5 400 000 руб. Также упомянуто было, что из этой цифры превышения действительною прибавкою к средствам Военного министерства можно считать только 3 654 000 на артиллерийскую часть.

Несмотря на эту прибавку, в течение года потребовалось еще до 12 251 000 сверхсметных ассигнований (что составляло $8^3/_4$% всего сметного назначения), и большая часть этой суммы (8 400 000 руб.) приходилась опять на артиллерийское ведомство.

В действительности, израсходовано было в этом году по всем частям Военного министерства 147 702 000 руб., то есть на 7 353 000 руб. более сметного назначения и на 11 млн более действительных расходов предшествовавшего года. Сравнительно же с 1867 годом военные расходы возросли на 20 миллионов*.

Значительное увеличение военных расходов в этом году, конечно, не могло не отозваться на общем нашем финансовом положении; но далеко не в той мере, как обыкновенно полагали. Повторю высказанное уже за прежние годы: что не в одних же военных расходах следует искать причину расстройства наших финансов. Общая цифра государственных расходов, действительно произведенных в 1869 году (почти до 500 млн руб.) превосходила прошлогоднюю на $78^1/_2$ млн, т. е. на 16%**, тогда как военные расходы возросли только на $8^3/_4$%. Общая цифра сверхсметных расходов, со

* В автографе далее зачеркнуты три абзаца:

«Превышение расходов 1869 года против предшествовавшего года падало главным образом на артиллерийскую часть, тогда как расходы по интендантству даже уменьшились на 2 млн, преимущественно вследствие понижения цен на провиант.

По артиллерийской части в этом году израсходовано почти 25 млн, т. е. более против 1868 года на 11 885 000 руб., а против 1867 — почти на 13 млн. Произошло это преимущественно от огромных издержек на перевооружение армии, достигавших в этом одном году до $10^1/_2$ млн руб. Кроме того на улучшение артиллерии приходится прибавка в 680 тыс. рублей.

Затем довольно крупные прибавки приходились по Главному штабу — до $454^1/_2$ тыс. руб. (преимущественно на перевозки войск по железным дорогам и на топографическую часть) и на инженерные работы почти 400 тыс. руб.» (*примеч. публ.*).

** Действительно израсходовано в 1868 году 420 223 824, а в 1869 — 498 709 432; но если прибавить расходы, подлежавшие еще выполнению, то разность была бы еще значительнее: в 1868 г. — 441 282 998, а в 1869-м — 534 746 273.

включением и железнодорожных, достигавшая 79 млн*, составляла почти 16% сметной суммы. Только благодаря излишнему против сметного предположения поступлению государственных доходов на 29 млн руб., финансовый год закончился с дефицитом довольно умеренным — в 11 300 000 рублей[229].

По смете на 1870 год после всех обычных урезок в Департаменте экономии итог военных расходов определился в 144 721 321 руб., то есть опять с превышением прошлогодней сметы на 4 372 000 рубэ, но менее действительных расходов 1869 года почти на 3 млн руб. Главная прибавка и по смете 1870-го года приходилась так же, как в предшествовавшем году, на артиллерийскую часть (2 785 000 рублей).

Таким образом, при всех усилиях Департамента экономии сокращать военные расходы смета с каждым годом все возрастала, хотя сравнительно в меньшей соразмерности, чем общая цифра всех государственных расходов. Несмотря на это прогрессивное возрастание военных расходов, одна только артиллерийская часть воспользовалась в 1868 и 1869 годах довольно крупными прибавками к прежнему нормальному размеру ее расходов, что и дало возможность значительно подвинуть вперед дело перевооружения армии и усовершенствования артиллерии. По всем же прочим отделам Военного министерства ассигнуемые ежегодно денежные средства, едва достаточные для удовлетворения насущных потребностей, позволяли принимать только исподволь, мало-помалу, необходимейшие меры к приведению нашей армии в бóльшую готовность к войне. Конечно, много было уже сделано в этом отношении, но многого оставалось еще желать.

---

* Сверхсметные ассигнования по статьям обыкновенных расходов составили 37 181 880 руб.; по железнодорожному делу — 35 409 328, да еще 6 651 012 — заимообразных, то есть с возвратом впоследствии в Государственное казначейство.

Книга XIX
1870–1871

1870-й год

ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ГОДА

В первый день нового года, кроме обычного «выхода» при Дворе, происходило торжество присяги великого князя Алексея Александровича, достигшего совершеннолетия (т. е. 20-летнего возраста). Попечителем к нему назначен был генерал-адъютант Посьет.

3 января по случаю трехсотлетнего юбилея Донского казачьего войска пожаловано этому войску Георгиевское знамя при грамоте, но празднование юбилея отложено до мая месяца: торжество это должно было совершиться в присутствии Наследника Цесаревича, атамана всех казачьих войск*.

В день Крещения, 6 января, крестный ход на Иордан сопровождался большим парадом войск на Дворцовой и Адмиралтейской площадях. 13-го же числа происходил в Зимнем дворце большой парадный бал. Вообще зима с 1869 на 1870 год проводилась при Дворе весьма оживленно. Причиною тому отчасти было появление в обществе молодой великой княжны Марии Александровны, достигшей в то время 17-летнего возраста. Частые приглашения ко Двору, разумеется, отзывались и на моем образе жизни; слишком много времени отрывалось от дела и тратилось на такие обязанности, к которым вовсе не лежали ни сердце, ни голова.

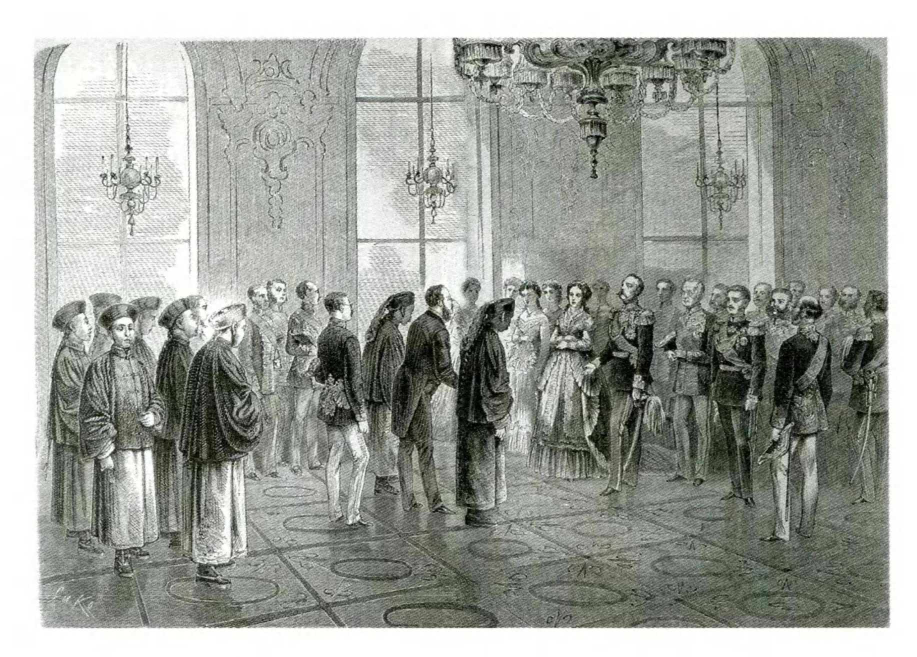
2 февраля опять происходила в Зимнем дворце церемония присяги великого князя Николая Константиновича по обычному на этот случай церемониалу. В этот день ему минуло 20 лет от роду; он посещал уже второй год курсы Николаевской академии Генерального штаба; занимался прилежно и оказывал успехи. Окончил он академический курс (с дополнительным классом) в следующем 1871 году.

С 1 января 1870 года в издании «Русского Инвалида» последовала новая перемена: газета эта снова обратилась в ежедневную, и программа ее получила некоторое расширение. В своем месте

* В автографе далее зачеркнуто: «и цесаревны» (*примеч. публ.*).

Э. Бёрлингем

рассказано было о катастрофе, постигшей этот орган военного ведомства в конце 1868 года. Из крупной и влиятельной военно-политической газеты «Русский Инвалид» превратился в тощий листок, выходивший в течение всего 1869 года только по три раза в неделю в малом формате, и заключал в себе почти одни лишь приказы и другие официальные сведения по военному ведомству. Издание этого листка принял на себя генерал-майор Меньков, состоявший уже целые 10 лет главным редактором «Военного Сборника». Вынужденный строго держаться в «Инвалиде» предписанных тесных рамок, он как бы совестился выставлять свое имя под каждым номером такого жалкого листка и несколько раз обращался ко мне с просьбой об изменении программы издания с обращением его снова в ежедневную газету. Я наконец согласился на это, но Высочайшее разрешение на предположенное изменение программы и объема издания последовало лишь в августе 1869 года во время пребывания моего за границей по докладу Главного штаба.



Представление китайского посольства императору Александру II

В конце января прибыло в Петербург китайское посольство, в состав которого входили и природные китайцы и несколько европейцев; во главе же посольства был американец Бёрлингем, которого биография довольно замечательна. Попав из адвокатов в члены союзного конгресса, он был назначен в 1861 году посланником Северо-Американских Штатов в Вене, но австрийское правительство отказалось принять его за то, что он открыто выказал сочувствие к объединению Италии. Вследствие этого он был назначен посланником в Пекин и здесь приобрел такое доверие и расположение китайского правительства, что оно предложило ему принять на себя звание представителя Китая в Европе. Посольство выехало из Пекина еще в конце 1868 года; первоначально посетило Северо-Американские Штаты, в течение следующего 1869 года объехало европейские Дворы, побывало в Париже, Лондоне, Берлине и наконец прибыло в Петербург. 4 февраля 1870 года оно было принято в Зимнем дворце с обычною торжественностью.

Ровно неделю спустя, 11-го числа, Бёрлингем скоропостижно умер в своей квартире, в гостинице Клэй (в Михайловской улице, впоследствии названной «Европейскою»). 14-го числа происходи-

ло отпевание покойника в Англиканской церкви (на Английской набережной) в присутствии всего дипломатического корпуса, чинов Министерства иностранных дел и других официальных лиц. Тело оставалось в церковном склепе до отправления его в Америку. Китайское посольство, лишившись своего главы, оставалось, однако, в Петербурге до апреля месяца и было еще раз принято Государем в прощальной аудиенции 4 апреля.

В первых числах февраля в Петербурге много было толков по поводу выходки прибалтийских немцев, позволивших себе с небывалою еще дерзостию высказать явно и формально свои сепаратичные* стремления. Несколько отъявленных феодалов от имени всего лифляндского дворянства подали на имя Государя прошение (от 8 февраля), в котором жаловались на мнимое нарушение привилегий, дарованных краю в отношении религии, языка и обособленности местного законодательства. На этом прошении положена была Государем 25 февраля такая собственноручная резолюция: «Так как законы общие и местные заимствуют силу свою от единой власти самодержавной, то решительно отказать лифляндскому дворянству в ходатайствах, изложенных в сем прошении, тем более что они несогласны с самым Введением в Своде местных узаконений». Резолюция эта удивила лифляндских баронов, не привыкших к такому категорическому отпору со стороны Государя, и тем более, что Высочайшая резолюция была опубликована как бы в угоду тем, которых немецкие феодалы Прибалтийского края называли «русскою партией»[230].

Великий князь Михаил Николаевич, со всем своим семейством прибыв в Петербург пред Новым годом, выехал 21 февраля за границу. На прощание он отдал приказ по артиллерии в виде похвального аттестата главному артиллерийскому начальству за все время отсутствия из Петербурга самого генерал-фельдцейхмейстера. В приказе перечислены подробно главные перемены, улучшения и усовершенствования, сделанные в артиллерийском ведомстве в течение семи лет, со времени назначения Его Высочества на Кавказ. Действительно, сделано было много, и в этом нельзя не отдать справедливости ретивой деятельности генерала Баранцова, вопреки нападкам на него некоторых строгих критиков, находив-

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

ших, что дело шло не так быстро, как они желали. Приказ Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера имел главною целью зажать рот хулителям.

Великий князь, проводив свое семейство до Карлсруэ, возвратился в марте на Кавказ чрез Одессу и Поти; великая же княгиня Ольга Фёдоровна с детьми оставалась за границей до мая.

Вскоре после приказа генерал-фельдцейхмейстера представился еще другой случай отдать должную справедливость деятельности артиллерийского ведомства. 20 марта Государь посетил гильзовый отдел патронного завода на Литейной; подробно осмотрев изготовление металлических патронов, обошел затем устроенную в том же здании (Старого арсенала) мастерскую для отделки новых, заряжающихся сзади орудий. Вследствие этого посещения объявлено было в Высочайшем приказе, что Его Величество, найдя оба эти заведения в отличном устройстве, «изволил заметить, что, невзирая на краткость времени, патронный завод успел довести свою деятельность до размера, вполне обеспечивающего снабжение армии новыми металлическими патронами».

В течение февраля кончили жизнь двое из наших старейших генералов: барон Оффенберг и барон Медем. Первый из них был кавалеристом старого закала; в последние годы состоял членом Военного совета, но в занятиях его почти не участвовал и большею частию проживал в своем имении в Прибалтийском крае. Второй же, генерал от артиллерии барон Медем, был во всю жизнь почтенным тружеником на военно-ученом поприще, одним из главных деятелей Военной академии в первый период ее существования[231]. Ему принадлежит честь первоначальной правильной постановки преподавания у нас военных наук, в особенности курса стратегии и военной истории. Скончался он на 75-м году жизни.

1 марта минуло столетие со времени основания в Петербурге так называемого Английского клуба (в котором, впрочем, давно уже не оставалось ничего английского). Так как, по заведенному искони в этом клубе обычаю, члены его собираются к обеду (table-d'hôte)* по субботам, то празднование юбилея было перенесено с 1 марта на первую после этого дня субботу и пришлось на 7-е число. В то время клуб помещался (с октября 1869 года) в доме Бенардаки на Невском проспекте за Аничковским мостом. К обеду кроме записавшихся членов приглашено было много посторонних

* Общий стол (*фр.*).

почетных лиц. В числе последних удостоился и я чести участвовать в празднестве. Собралось несколько сот членов и гостей; столы не умещались в обширном столовом зале и заняли также соседние комнаты. За обедом, разумеется, говорились речи, возглашались тосты*, и продолжалось пиршенство до поздней ночи.

12 марта справлялся в Одессе 50-летний юбилей службы генерал-адъютанта графа Коцебу. По этому случаю пожалованы ему алмазные знаки ордена Св. Андрея при рескрипте, в котором по обычаю заключался длинный перечень всей службы юбиляра.

В числе поднятых в начале 1870 года общегосударственных вопросов, в которых и я должен был принять участие, было внесенное в Комитет министров представление министра внутренних дел об основных началах предположенного преобразования губернского и уездного управления. Вопрос этот, конечно, имел существенное значение, но в руках Тимашева, графа Шувалова и компании он получил направление тенденциозное. Эти господа только и заботились об усилении местной власти, о расширении прав губернаторов, которые, по мнению шуваловской клики, должны быть поставлены в губернии как представители верховной власти. Вследствие этого принципа надлежало будто бы подчинить им непосредственно все местные административные органы разных ведомств. Имелось при этом в виду в особенности обуздать судебные и земские учреждения. В таком смысле особая комиссия, образованная при Министерстве внутренних дел под председательством директора полиции исполнительной действительного статского советника Косаговского, проектировала основные начала задуманной реформы. Проект этот вызвал возражения со стороны многих из членов Комитета министров[232]. Представлено и мною письменное мнение, в котором высказано, что если в губернском управлении существует неурядица, если личность губернатора не пользуется тем значением, которое должно принадлежать высшему лицу местной администрации, то причину подобного явления следует приписать не стеснению и ограничению прав и власти губернатора, а напротив того слишком большому произволу в действии властей, чрезмерной опеке

* В автографе далее зачеркнуто: «а после обеда, имевшего характер почти официальный, члены и гости разошлись по разным комнатам обширного клубного помещения и пировали до поздней ночи» (*примеч. публ.*).

самого Министерства внутренних дел над губернскими властями, наконец, неудачному выбору личностей, большею частию вовсе не соответствовавших предназначаемой губернаторам роли. По моему мнению, устройство местного управления в губерниях и уездах действительно требовало коренного преобразования; но преобразование это должно бы заключаться в приведении всех органов администрации в стройную систему, в соглашении их функций с учреждениями, созданными в последнее время, судебными и земскими, а не в том только, чтобы губернатора сделать полновластным пашой. После продолжительных и горячих прений Комитет министров учтивым образом отклонил представление министра внутренних дел, признав нужным предварительно пересмотреть коренным образом весь II том Свода законов, для чего образовать при Министерстве внутренних дел новую комиссию из представителей всех ведомств. Такое постановление Комитета было утверждено Государем 16 апреля, и, таким образом, затея шуваловская отложена в долгий ящик.

БОЛЕЗНЬ ГОСУДАРЯ. ПОЕЗДКА ЕГО ЗА ГРАНИЦУ (АПРЕЛЬ, МАЙ, ИЮНЬ)

С некоторого времени здоровье Государя так расстроилось, что врачи признали необходимым для него лечение эмскими минеральными водами. Решено было ехать за границу раннею весной, лишь только наступит теплая погода. Еще 3 апреля Его Величество обычным порядком осматривал выложенные в залах Зимнего дворца картографические и топографические работы Военного и Морского министерств; но вслед за тем почувствовал себя так дурно, что не мог говеть на Страстной неделе; обычный «выход» во дворце в ночь на Светлое воскресение (12 апреля) был отменен, что, разумеется, подало повод к бесконечным толкам. Обряд христосования, с давнего времени строго соблюдавшийся при Дворе, был крайне утомителен для Их Величеств. Однако ж на четвертый день праздника (15-го числа) Государь настолько почувствовал облегчение, что христосовался с фельдфебелями, вахмистрами и некоторыми другими нижними чинами тех частей гвардии, которых Его Величество считался шефом.

Отменен был также и выход во дворце в день рождения Государя 17 апреля. В этот день последовало увольнение генерал-адъютанта графа Владимира Фёдоровича Адлерберга от должности

В.Ф. Адлерберг

министра Двора и уделов. Место его занял сын Александр Владимирович Адлерберг, с сохранением и прежнего звания командующего Императорскою Главною квартирой. Перемена эта прошла почти незаметно, ибо граф' Владимир Фёдорович, хотя и сохранял еще удивительную для его лет бодрость физическую и умственную, однако ж совсем потерял зрение и редко показывался. При Дворе привыкли уже смотреть на графа Александра Владимировича как на действительного министра, хотя он был облечен только титулом товарища министра.

В огромном списке произведенных в чины на 17 апреля замечалось производство пяти генерал-лейтенантов в полные генералы: помощника командующего войсками Виленского округа Манюкина с назначением членом Комитета раненых, начальника Главного

Д'Аренберг

управления иррегулярных войск Карлгофа, командующего войсками Харьковского округа Карцова, финляндского генерал-губернатора графа Адлерберга 3-го и начальника Главного штаба графа Гейдена. Место генерала Манюкина осталось не замещенным.

Так называемый майский парад, т. е. весенний общий смотр войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях, предполагался первоначально на 22 апреля, но был несколько раз отменяем, частию по нездоровью Государя, частию же вследствие кончины 20-го числа после непродолжительной болезни младшего из сыновей Наследника Цесаревича, великого князя Александра Александровича, родившегося 26 мая предшествовавшего года. Погребение совершено обычным порядком 22 апреля.

Три дня спустя, 25-го числа, Их Величества переехали на житье в Царское Село, а 28-го состоялся смотр на Марсовом поле, накануне выезда Государя за границу.

В это время Петербург был занят рассказами о трагическом происшествии в ночь с 24 на 25 апреля — убийстве австрийского

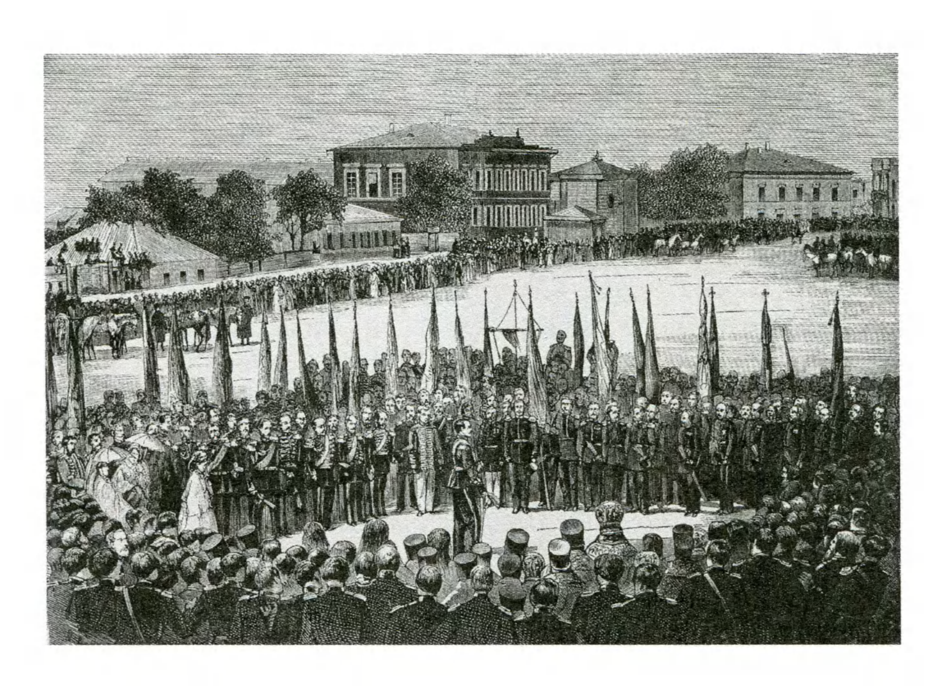
военного агента майора князя д'Аренберга. Этот молодой человек, принадлежавший к высшей австрийской аристократии, числившийся в одном из гусарских полков, по своему образованию и воспитанию пользовался в петербургском обществе вниманием и расположением. Он вел большую игру и возвращался обыкновенно из клуба домой довольно поздно. Жил он в нижнем этаже дома князя Лобанова-Ростовского на Миллионной близ Эрмитажа. По произведенному следствию оказалось, что злодеи, задумавшие ограбить его, забрались заранее в его квартиру и, спрятавшись за оконными занавесками, выждали возвращения князя д'Аренберга домой; когда же он улегся в постель и заснул, мошенники, выйдя из засады, убили его и похитили лежавшие на столе бумажник с деньгами, часы и другие ценные вещи. Виновные были найдены немедленно и преданы военному суду*. Убийство это произвело сильное впечатление в дипломатическом корпусе. 27-го числа вечером тело покойника было перевезено в католическую церковь (на Невском проспекте), где на другой день, 28-го числа, совершено отпевание со всеми военными почестями в присутствии самого Государя, который был при этой церемонии в австрийском гусарском мундире, так же как и великий князь Николай Николаевич.

На другой день, 29 апреля, в 8 часов вечера Государь выехал из Царского Села в сопровождении великого князя Владимира Александровича. Свиту его составляли: генерал-адъютант граф Адлерберг 2-й, граф Шувалов, граф Перовский, Свиты Е. В. генерал-майоры Рылеев и Воейков, флигель-адъютант Салтыков, доктор Карель и другие лица Военно-походной канцелярии. До границы провожали Государя исправляющий должность министра путей сообщения Свиты генерал-майор граф Бобринский (Владимир Алексеевич) и виленский генерал-губернатор генерал-адъютант Потапов, а в Вильне присоединился и фельдмаршал граф Берг.

Утром 1 мая Государь прибыл в Берлин. На станции железной дороги была обычная встреча; король и принцы, как водится, были в русских мундирах, а император и великий князь — в прусских. Государь остановился в доме русского посольства. После завтрака у короля он посетил вдовствующую королеву в Шарлоттенбурге, обедал у короля, а вечером был в опере. На другой день — большой смотр войскам, затем обед у вдовствующей коро-

---

* Военный суд 18 мая приговорил обоих преступников к каторжным работам в рудниках на 15 лет.



Речь великого князя Александра Александровича в Новочеркасске

левы в Шарлоттенбурге. 3-го числа утром Государь выехал из Берлина и в тот же день прибыл в Эмс. Чистенький этот городок иллюминовался и разукрасился флагами для встречи высокого гостя. Помещение для Его Величества было приготовлено в гостинице «Дармштадт», и с 4-го числа начался курс лечения.

После отъезда Государя за границу императрица с тремя младшими великими князьями (Алексеем, Сергеем и Павлом Александровичами) и великою княжной Марией Александровной оставалась до конца июня в Царском Селе. В продолжение этого времени Ее Величество приезжала в Петербург для осмотра Всероссийской выставки, открытой с 14 мая в здании так называемого Соляного городка на Фонтанке. Выставка была не обширна, но устроена эффектно и привлекала массу посетителей.

Наследник Цесаревич с цесаревною также жили в Царском Селе до поездки на Дон по случаю празднования трехсотлетнего юбилея Донского казачьего войска. Выехав из Царского Села 17 мая, Их Высочества прибыли 20-го числа в Новочеркасск. Встреча их была торжественная и восторженная. Вечером того же дня

происходила у Наследника Цесаревича (в доме атаманском) с обычным обрядом прибивка знамени, пожалованного войску в день юбилея (3 января), а на другой день — торжество освящения этого знамени в среде войскового круга и в присутствии многочисленного собрания чинов войска Донского, равно как и депутаций от других казачьих войск. Пред освящением знамени войсковой наказный атаман генерал-адъютант Чертков объявил о пожалованных чинам Донского войска наградах, о дарованных по случаю юбилея милостях и новых законодательных мерах. Главнейшими из них были: обеспечение генералов и офицеров донских обращением срочных земельных участков в полную собственность; увеличение содержания казачьих офицеров на службе; преобразование войскового правления; введение мировых судебных установлений; наконец, новое Положение о станичном самоуправлении. Все эти новые Положения были заранее выработаны в Главном управлении иррегулярных войск, но объявление их приурочено к знаменательному дню войскового юбилея. За несколько до того дней (12 мая) объявлено было также Высочайшее повеление о наименовании Земли войска Донского *Областью*[233].

Донцы готовили к своему юбилею целый ряд празднеств, но Их Высочества заблаговременно дали знать, что по случаю недавней кончины их младшего сына они желают, чтоб из программы торжества были исключены балы и всякие другие увеселения, несовместные с трауром. Поэтому празднование в присутствии Их Высочеств ограничилось двумя только днями: в первый (21 мая) — после освящения знамени отслужена в соборе обедня с молебствием и красноречивою речью архиепископа Платона; потом собранные в Новочеркасске части Донского войска прошли церемониальным маршем пред Их Высочествами и войсковыми знаменами, и, наконец, на площади у Александровского сада был завтрак более чем на тысячу гостей, с тостами и речами. На второй день утром цесаревна принимала дам, а потом собранных в дворцовом саду воспитанниц и воспитательниц Мариинского института. Затем Их Высочества присутствовали на завтраке в Купеческом собрании, посетили женскую гимназию и архиепископа Платона; к обеду во дворец приглашено было до трехсот лиц, и день закончился гулянием в Александровском саду с иллюминацией и фейерверком. На следующий день, 23-го числа, утром Их Высочества выехали из Новочеркасска, но празднества юбилейные продолжались и после отъезда Августейших гостей.

Наследник Цесаревич и цесаревна возвратились в Царское Село 26-го числа, но пробыли там недолго; 2 июня отправились они на яхте «Штандарт» в Копенгаген, где цесаревна оставалась до конца июля, а Наследник Цесаревич, проводив Ее Высочество, возвратился в Петербург и принял начальство 1-ю гвардейскою пехотною дивизией в Красном Селе.

Около того же времени великий князь Константин Николаевич предпринял дальнее путешествие по Волге в Каспийское море, а великий князь Алексей Александрович отправился в противоположную сторону — на север: в Петрозаводск, Вологду, Архангельск и на Мурманский берег.

Курс лечения Государя в Эмсе продолжался до конца мая. В течение этого времени приезжал туда король Прусский с Бисмарком. 31 мая, по окончании лечения водами, Государь отправился в Югенгейм, где оставался до 8/20 июня. Затем, на пути в Стутгарт, останавливался в Луизенбурге у вдовствующей королевы Вюртембергской, а в Стутгарте был встречен королем и королевою. Здесь Его Величество пробыл пять дней; 14-го числа посетил в Дармштадте великого герцога Гессенского и в тот же день прибыл в Веймар, где провел три дня у великого герцога. Оттуда Государь выехал 18 июня на Дрезден, Бреславль и 19-го прибыл в Варшаву.

Наместник фельдмаршал граф Берг встретил Государя на границе в Сосновицах; в Варшаве же ожидал приезда Его Величества министр внутренних дел генерал Тимашев. Государь остановился в Бельведерском дворце и в самый день приезда, вечером, поехал вместе с графом Бергом на станцию Варшавско-Венской железной дороги на встречу эрцгерцога Альбрехта, прибывшего для приветствования Государя от имени императора Франца-Иосифа. Государь сам привез эрцгерцога со станции в Лазенковский дворец.

На другой день, 20 июня, после посещения Государем православного собора, происходил на Макатовском поле общий смотр собранным под Варшавою войскам (87 батальонов, 32 эскадрона, 9 сотен и 21 батарея). Вечером Его Величество с эрцгерцогом посетили театр. 21-го числа происходило торжество открытия памятника, воздвигнутого покойному фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому[234]. При этом объявлены награды, пожалованные многим чинам Варшавского военного округа: сам граф Берг получил звание второго шефа 12-го гренадерского Астраханского Его Высочества Наследника Цесаревича полка.

22-го числа утром Государь смотрел учение всей кавалерии, а 23-го — двухсторонний маневр, после которого Его Величество выехал из Варшавы и в тот же день прибыл в Гродно.

Переночевав в вагоне, Государь 24 июня утром произвел смотр собранным под Гродной войскам (26-й пехотной дивизии с ее артиллерийскою бригадой и некоторым частям кавалерии), а вечером того же дня, прибыв в Вильну, произвел также смотр 27-й пехотной дивизии, утром же 25-го числа такой же смотр — 29-й пехотной дивизии в Динабурге. В тот же день, 25 июня, Его Величество прибыл в Петергоф, куда к тому времени уже переселилась императрица с младшими детьми.

МОЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ* (МАЙ — ИЮНЬ)

Планы моей семьи на предстоявшее лето зависели вполне от решения вопроса о том, возможно ли больной дочери моей Ольге после проведенных ею пяти лет за границей возвратиться в Россию. Здоровье ее в последние годы заметно поправилось, силы укрепились, но чрезвычайная чувствительность к холоду и сырости и наклонность к простуде возбуждали еще опасение вредного на нее влияния петербургского климата, особенно в зимнее время года. Не принимая на себя решение, от которого зависела будущность дочери, мы с женой положились в этом отношении на добрый совет Сергея Петровича Боткина, который собирался съездить весною в Италию к своей больной жене, жившей в Риме. Дочь моя ожидала с нетерпением его приезда и возлагала на него все свои надежды. Зиму и начало весны провела она в Ментоне в Hôtel de la Paix, где имела удобное помещение; при ней находилась пожилая немка Frau Widmer; нашлись добрые знакомые как в самом Ментоне, так и в Ницце, откуда приезжали по временам и навещали ее генерал Назимов с дочерьми и отставной генерал Сулима. Желая говеть на Страстной неделе, Ольга переехала 1/13 апреля в Ниццу, где поместилась в Pension Anglaise, но бóльшую часть дня проводила у Назимовых среди больных. Кроме самой Анастасии Александровны Назимовой, давно уже страдавшей неизлечимою болезнью, и сын ее доживал последние дни свои в сильнейшей чахотке. Вскоре он и скончался, а немного позже (в

* В автографе зачеркнут первоначальный вариант заголовка: «Моя семья» (*примеч. публ.*).

С.П. Боткин

конце июля) сошла в могилу и его мать, к великому огорчению моей дочери, к которой семейство Назимовых всегда оказывало дружеское расположение.

Узнав, что доктор Боткин выехал из Петербурга 9 апреля прямо в Рим, дочь моя Ольга 10-го же числа (ст. стиля), в Страстную пятницу, выехала из Ниццы на пароходе до Ливорно, а далее по железной дороге в Рим, где была встречена на станции железной дороги С.П. Боткиным и его братом Михаилом Петровичем. Переезд этот она выдержала весьма удовлетворительно, так что Сергей Петрович Боткин был удивлен найденною в прежней его пациент-

ке заметною переменой к лучшему. В продолжение недели пребывания в Риме моя Оля с жадностию предавалась осмотру картинных галерей, замечательных церквей, развалин, и все сходило ей благополучно, так что Сергей Петрович после нескольких внимательных исследований ее состояния признал совершенно возможным возвращение ее в Россию. В таком смысле он телеграфировал мне 23 апреля и вслед за тем переехал со своею семьей в Сорренто, куда, по его совету, переехала и дочь моя. Там она поселилась в тех же самых комнатах, которые занимала моя семья в прошлом году, в Villa Severina; на другой же половине того же этажа, где в минувшем году жило семейство князя Фрассо-Дендичи, поселился С.П. Боткин со своею семьей.

Телеграмма Боткина окончательно разрешила наши недоумения и колебания. Решено было мною немедленно отправиться за границу за дочерью, с тем чтобы привезти ее морем в Одессу, между тем как жена моя с прочими дочерьми переедет в Киев, где и приищет удобное для всей семьи загородное помещение. 5 мая получил я из Эмса от графа А.В. Адлерберга телеграмму о Высочайшем разрешении мне заграничного отпуска, и 9-го числа выехал я из Петербурга.

После моего отъезда жена моя оставалась несколько дней в Петербурге в ожидании приезда из Одессы сестры Мордвиновой, которая, намереваясь провести лето в своей деревне Никольском (в Псковской губернии), пожелала прежде повидаться с моею семьей. 17 мая она прибыла в Петербург с малолетнею дочерью, а 19-го числа жена выехала из Петербурга с тремя дочерьми, племянницей и Ольгой Ивановной Винтер; 24-го прибыла в Киев и поселилась под самым городом в слободе Лукьяновке, на даче генерала Богговута.

Я же, проехав безостановочно от Петербурга чрез Берлин в Париж, остановился там, чтобы повидаться с братом Николаем и дядей графом Киселёвым. Пребывание брата в Париже имело, повидимому, хорошее влияние на его физическое и психическое состояние; он мог уже делать пешком довольно продолжительные прогулки и принимать некоторое участие в разговорах и спорах между посещавшими его близкими приятелями, хотя и заметно было, что всякая сколько-нибудь сложная работа мысли утомляла его. Зато болезненное состояние его жены усилилось до такой степени, что французские врачи признали необходимым подвергнуть ее серьезной операции, известной под названием «овариотомии».

При беспомощном состоянии брата невозможно было оставить на его попечении больную жену и детей в чужом городе, поэтому в марте месяце съехались в Париже брат и сестра больной (Александр Аггеевич и Вера Аггеевна Абаза). Операция была произведена 11/23 апреля знаменитым хирургом Péan, совершенно успешно. К маю больная начала уже поправляться, хотя должна была оставаться несколько недель в постели почти в неподвижном положении. Между тем здоровье брата несколько расстроилось; чаще прежнего случались у него обмороки. Признано было необходимым иметь при нем постоянно врача, который мог бы ухаживать за больным, подавать ему первую помощь в случае какого-либо болезненного припадка, а вместе с тем занимать его, когда больной оставался в одиночестве. Для такой цели приглашен был один из наших молодых врачей Павлов, согласившийся за умеренное вознаграждение прожить некоторое время за границей при больном. Он приехал в Париж только в конце мая, то есть уже после моего посещения брата Николая.

В Париже я остановился в маленьком отеле «Meyerbeer» среди Champs Elysées (у Rond-Point), поблизости от жилья моего брата в Rue Balzac. Я нашел его уже оправившимся от недавнего расстройства, но жена его не вставала еще с постели. Почти каждый день я бывал вместе с братом у дяди графа Киселёва, который принял меня очень радушно, как будто предчувствуя, что свидание наше будет последним. У дяди встречался я с вдовою покойного его брата Николая Дмитриевича, приехавшею в то время в Париж для свидания с деверем.

Прожив в Париже всего три дня, я выехал оттуда 14-го числа чрез Лион, Шамбери и Mont-Cénis. Тогда еще только разрабатывался Монсенисский туннель; движение же производилось по временной узкоколейной железной дороге, устроенной с поразительною смелостью, извилинами по крутым ребрам гор, почти по одному направлению с шоссейной дорогой. Поезд состоял всего из трех маленьких вагонов, похожих на те омнибусы, которые ходят по городским улицам. В каждом вагончике помещалось только по 10 пассажиров, сидевших лицом к лицу друг к другу и без багажа, который перевозился особыми поездами. Во многих местах рельсы были уложены на кронштейнах над глубокими пропастями. В таких местах кондукторы закрывали ставнями окна вагона, так что приходилось двигаться несколько минут как бы в закрытом ящике, чтобы избавить пассажиров от испытания их нервов.

Таким путем мы перевалили чрез громады Альпов и к вечеру благополучно спустились к Сузе. Затем я ехал уже безостановочно чрез Турин, Флоренцию, Рим и Неаполь до самого Сорренто, куда прибыл 17 мая.

Мне было отрадно попасть снова в те же самые комнаты, где в прошлом году провел я несколько недель со своею семьей; утешительно было увидеть, как дочь моя поправилась в здоровье; наконец, встретиться с нашим другом С.П. Боткиным и его семейством. Помещение его было отделено от нашего только небольшою площадкой общей лестницы. Мы виделись беспрестанно в течение недели, проведенной мною в Сорренто; по вечерам сходились поочередно то у нас, то у Боткиных и распивали чай из русского самовара — прошлогоднего нашего знакомца, единственного в гостинице. Нас навещали и прошлогодние наши приятели: два брата Correale.

22 мая мы проводили г-жу Видмер до Кастеламаре и возвратились в Сорренто, а 25-го числа, распростившись с любезными соседями, переехали в Неаполь на лодке нашего приятеля Antonio. Не без грусти оставили мы прелестное Сорренто; погода была восхитительная. Высадившись на Sta Lucia, мы дошли пешком до гостиницы Hotel de la ville на Villa Nationale (по-прежнему Villa Reale); здесь же и в прошлом году переночевал я на пути в Сорренто. В Неаполе мы провели три дня: успели побывать в музее, поездить по окрестностям, обменяться визитами с графом Корреале и его дочерью, с маркизою Фаверж и ее дочерьми и познакомиться с проживавшими уже с давнего времени в Неаполе нашими соотечественницами Сухтелен — матерью и двумя немолодыми дочерьми, считавшими себя в каком-то дальнем родстве со мною по моей матери.

29 мая / 10 июня выехали мы из Неаполя на пароходе и на другой день вышли на берег в Мессине; переночевали там и утром следующего дня переехали по железной дороге в Катану. Здесь у подошвы Этны пробыли мы два дня: осматривали город, окрестности его, но взбираться на вершину вулкана не решились. Мы были поражены обширными работами, предпринятыми для перестройки и украшения города. Целые длинные улицы выпрямлялись и планировались. Катана, видимо, принимала физиономию нового красивого города. Возвратившись 3/15 июня в Мессину, встретились здесь с нашим соотечественником маркизом Паулучи, который так же, как и мы, возвращался в Россию чрез Константинополь с двумя малолетними детьми. Вместе с ним совер-

шили мы приятное путешествие на прекрасном пароходе французской компании Messagerie Impériale. Погода нам вполне благоприятствовала; море было гладкое, как зеркало. Пользуясь остановкою в Пирее для нагрузки угля, мы с Олей вышли на берег, прокатились по улицам почти уже в сумерки и крайне пожалели, что не имели довольно времени, чтобы взглянуть на Афины.

В Пирее к нашему обществу присоединились два путешественника в фесках, но говорившие между собою по-немецки. Один пожилой, другой молодой, красивой наружности. Скоро они познакомились с нами, и мы нашли в них людей весьма образованных, благовоспитанных, много путешествовавших по Востоку. В путешествии случается сближаться очень скоро с приятными спутниками. При выходе на берег в Константинополе мы сговорились с ними остановиться в одной гостинице — чуть не единственной, уцелевшей в Пере после случившегося там за несколько дней пред тем (24 мая / 5 июня) страшного пожара, истребившего несколько кварталов. Вместе с новыми нашими знакомцами явились мы в Hotel d'Angleterre, вместе позавтракали и вместе же условились предпринять прогулку в окрестности города. Нам подали одну четвероместную коляску; уселись мы в нее вчетвером и после самой приятной прогулки чрез город на так называемые Сладкие воды (Eaux douces) так уже сблизились, что потом не расставались почти во все пять дней нашего пребывания в Царьграде, хотя не позаботились взаимно назвать себя. Однако ж заметно было, что наши неизвестные знакомцы узнали, кто я; мы же догадывались, что молодой наш спутник должен принадлежать к какой-либо из фамилий бесчисленных мелких немецких принцев, а товарищ его должен быть его ментор. Только в последний день, пред нашим выездом из Константинополя, мы обменялись визитными карточками и тут узнали, что молодой наш спутник был принц Шаумбург-Липпе, а ментор его — барон Мендинг, тот самый, который впоследствии сделался известен как автор нескольких интересных исторических романов, под псевдонимом Самарова.

Короткое время, проведенное нами в Константинополе, конечно, было все употреблено на осмотр замечательностей города и окрестностей. К великой радости моей, Оля отлично выдержала ежедневные, довольно утомительные прогулки. Обыкновенно бродили мы целое утро и возвращались в гостиницу только к позднему обеду. Нужно ли говорить, с каким жадным любопытством осматривали мы храм Св. Софии, любовались Босфором и несрав-

ненною панорамою обоих его берегов. На другой же день по приезде нашем в Константинополь я нашел у себя визитную карточку нашего посла Игнатьева, который, узнав о моем приезде, приехал нарочно из Буюк-Дэрэ и оставил мне пригласительную записку. Поездка в Буюк-Дэрэ доставила нам удобный случай налюбоваться прелестными видами Босфора, почти на всем его протяжении. Н.П. Игнатьев и его семья, состоявшая из жены, тещи княгини Голицыной и малых детей, приняли нас весьма радушно, предложили нам прогулку на катере к тому месту противолежащего берега Босфора, где в 1833 году стоял лагерем отряд генерала Муравьёва[235]. Возвратившись в Буюк-Дэрэ, мы отобедали вместе с австрийским послом бароном Прокечем, а к вечеру возвратились в Перу, вполне довольные своею прогулкой.

9 июня оставили мы Константинополь на русском пароходе «Владимир». Чёрное море оправдало данное ему древними греками название негостеприимного; мы выдержали довольно сильную качку и рады были выйти на берег в Одессе рано утром 11-го числа. Здесь встретила нас жена моя, которая вместе с дочерью Надеждой только что объехала Южный берег Крыма. В Одессе остановились мы на один день в квартире сестры Мордвиновой, проводившей лето, как уже я сказал, в своей псковской деревне.

В Одессе пробыли мы два дня, которые я употребил для осмотра тамошних военных учреждений и войск. В первый день (11-го числа), после приема начальствующих лиц, я объехал помещения всех отделов военно-окружного управления, военного суда, юнкерского училища и провиантский магазин. Во второй день (12-го) смотрел войска, собранные в лагере (Волынский и Житомирский пехотные полки, 14-й стрелковый батальон и 4 батареи 14-й и 15-й артиллерийских бригад). 13 июня мы выехали все вместе по железной дороге, незадолго пред тем открытой между Балтой и Киевом, и 15-го числа утром прибыли в древний город Св. Владимира.

Большим для меня счастьем было увидеть наконец мою бедную Олю, возвратившеюся в свою семью после пяти лет искания здоровья на чужбине. Счастье это омрачалось только невольным вопросом: как выдержит она русскую зиму в Петербурге? Во всяком случае признавалось более осторожным оставаться ей на осень в Киеве сколь можно долее, пока на севере не установится настоящая зима. Дача Богговута представляла на летнее время довольно удобное помещение, с тенистым садом, окруженная другими садами и вдали от городской пыли. Генерал-губернатор князь Донду-

ков-Корсаков и добродушная княгиня, его жена, оказывали моей семье всевозможные любезности. Командующий войсками округа генерал Козлянинов жил тогда в деревне со своею семьей и только изредка посещал мою семью; зато бывали часто начальник штаба генерал-майор Драгомиров и начальник инженеров генерал-майор Биркин с их семействами.

Сделав необходимые визиты местным властям, побывав в Киево-Печерской лавре у митрополита Арсения, я занялся затем осмотром находящихся в Киеве военных учреждений: Арсенала, ружейной мастерской (в которой производилась переделка винтовок иностранцем Лонштейном, заступившим место Больмана), госпиталя, юнкерского и фельдшерского училищ, военно-исправительной роты, разных складов, лагеря саперной бригады и большого лагеря 12-й пехотной дивизии, которою командовал генерал-лейтенант Ванновский (прежний начальник Павловского военного училища, а впоследствии военный министр). К сожалению, в военной гимназии я мог только обойти пустое помещение ее, так как воспитанники были уже распущены на каникулярное время. Главное же внимание обратил я на осмотр окрестной местности в отношении к проектированным фортификационным постройкам.

Давно уже было решено обратить Киев в большую крепость, в виде опорного пункта для армии, действующей в Юго-Западном крае. При императоре Николае I возведена была центральная крепость по тогдашней системе фортификации, то есть в виде обширных казарм и башен, замыкавших кругом Киево-Печерскую лавру. В этом виде Киевская крепость не имела в наше время никакого значения стратегического, а между тем существовавшие эспланадные правила чрезвычайно стесняли развитие города, так что лучшие части его, примыкавшие к Лавре, не могли застраиваться и представлялись какими-то заброшенными пустырями. Притом крепость не прикрывала вновь построенных мостов: ни висячего, возведенного на шоссе, ни железнодорожного. Для обеспечения последнего уже решено было возвести сильный форт на Лысой горе, а затем предполагалось обнести весь город отдельными верками, для которых места были выбраны и указаны генералом Тотлебеном. Ввиду этого проекта составлены были и даже Высочайше утверждены новые эспланадные правила, которые еще более прежних возбудили в киевском населении ропот и неудовольствие. Более же всех волновался и тревожился святоша Андрей Николаевич Муравьёв, который считал укрепление Киева

Церковь Св. апостола Андрея Первозванного в Киеве

чуть не святотатством. Притом же его лично беспокоило то, что в собственном его саду, близь церкви Андрея Первозванного, на том самом месте, откуда посетители его обыкновенно любовались живописным видом, была поставлена инженерами одна из множества вех, обозначавших места проектированных укреплений. Узнав о моем приезде в Киев, Андрей Николаевич Муравьёв немедленно приехал ко мне с запискою, в которой пространно доказывал, как бесполезно и неуместно укреплять Киев и тем в случае войны подвергнуть святыни его бомбардировке.

Хотя такой аргумент и не был бы достаточен для отмены давнишней мысли об обращении Киева в укрепленный город, однако ж я счел необходимым и по многим другим соображениям вникнуть ближе в самый проект наших инженеров, так же как и в установленные по их требованиям эспланадные правила, подавшие повод к общим жалобам. Я посвятил два утра на объезд тех пунктов, где предполагалось сооружать укрепления, и лежащей впереди их местности. Меня сопровождали сам князь Дундуков-Корса-

А.Н. Муравьёв

ков, генералы Драгомиров, Биркин и несколько инженерных офицеров. Результатом моего обозрения было полное убеждение не только в основательности жалоб киевлян, но и в несообразности всего проекта. Кроме одного пункта на Лысой горе, где проектированный большой форт мог быть действительно полезен для прикрытия важного в стратегическом отношении железнодорожного моста, все прочие укрепления были намечены по самой окраине города, а некоторые даже в средине его, как, например, на месте обсерватории, также в Университетском саду, на месте бывших Миниховских укреплений и т. д.

Пункты эти были выбраны только на том основании, что они командуют над низменною долиной Лыбеды и дают перекрестный обстрел. Но в случае осуществления такого проекта пришлось бы не только стеснить железным кольцом будущее развитие города, особенно в сторону железнодорожной станции, но и в самом

центре лучшие части его обратить в обширные пустыри. В военное же время неприятель, заняв высоты за Лыбедой, разгромил бы весь город и Киево-Печерскую лавру. Таким образом, Андрей Николаевич Муравьёв оказался правым, хотя и не имел понятия о военном деле. Но как же мне было пред ним и пред прочими мирными обывателями Киева гласно осудить проект специалистов в инженерном деле и такого авторитета, каким считался Тотлебен? Я должен был ограничиться обещанием киевлянам нового пересмотра эспланадных правил. В таком смысле дан мною письменный ответ и Муравьёву, от которого, однако же, я получил позже (от 7 июля) еще обширное послание по тому же предмету[236]. В сущности же, я убедился в необходимости полной отмены тотлебеновского проекта и решился по возвращении в Петербург возбудить вопрос о замене предположенных в самом городе укреплений сооружением нескольких отдельных передовых фортов, вынесенных на высоты правого берега Лыбеды. С этою переменою общего плана обороны сами собою уничтожились бы стеснительные для города эспланадные правила*.

Я расстался со своею семьей и выехал из Киева 25 июня, а 28-го приехал в Петербург. На другой же день явился я к Государю в Петергоф и вступил в должность. Дом свой я нашел совсем пустым. Сын был в Красном Селе, а старшая дочь еще 15 июня уехала в отпуск в Тамбовскую губернию, в имение приятельницы своей М.Н. Вельяминовой**.

---

* Однако ж и в следующем 1871 году получил я вновь жалобное письмо Андрея Ник[олаевича] Муравьёва (от 14 сентября), опять встревожившегося слухами о постройке укреплений среди города, на месте обсерватории. Письмо это заканчивалось следующим своеобразным пафосом: «Было время, когда при разгроме монгольском, в отсутствии всех князей русских, отступивших от своего родного Киева, один лишь боярин русский Димитрий, имя коего навсегда осталось памятным в древней летописи городов русских, поднял меч для его защиты и бился до последней капли крови на стенах города и в Десятинном храме, так что и сами враги уважили его геройскую доблесть. Да восстанет за нас и теперь другой боярин Димитрий, и если не мечом, то своим мощным словом да оградит Первопрестольный Киев от предстоящего ему разорения»[237]!

** Далее в автографе зачеркнуто: «Несмотря на краткость службы при Дворе, она уже почувствовала потребность хотя на время оторваться от подавляющей придворной среды и отвести душу в домашнем приятельском кружке. В одном из своих писем из деревни (от 24 июня) она писала мне о своей жизни в Царском Селе: “Я вполне убедилась, что эта жизнь не может никогда играть существенной роли в моей жизни. Двор — это моя школа; когда я выдержу выпускной экзамен, тогда начнется моя настоящая жизнь”» *(примеч. публ.)*.

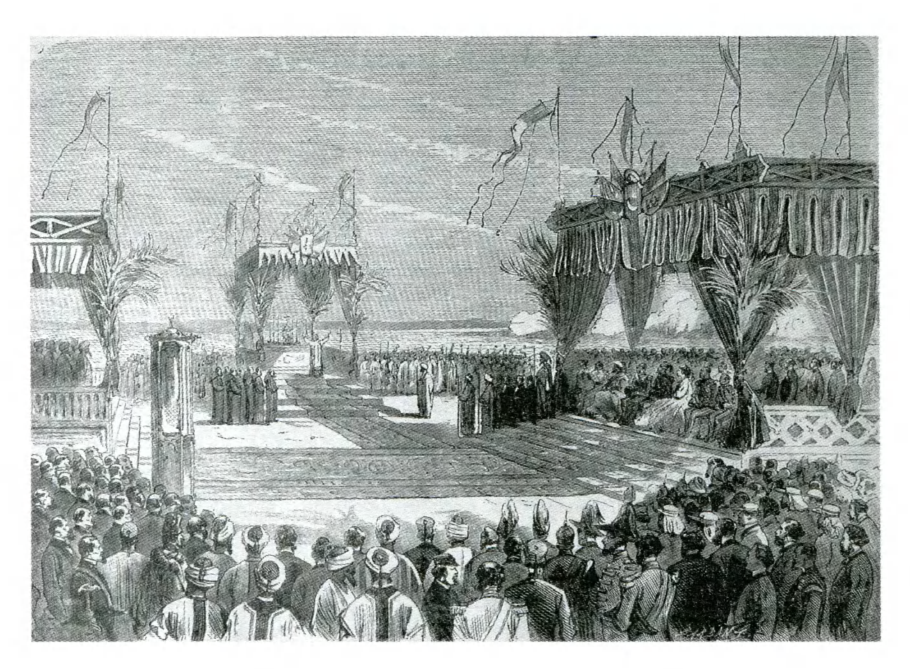
ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКАЯ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА. ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

Во время описанных путешествий Государя и моих разъездов по Западной Европе никто не мог предвидеть, что на политическом горизонте собирались черные тучи, которые вскоре разразятся страшною бурей.

После крупных столкновений предшествовавших лет между государствами европейскими, казалось, наступил период успокоения. Прежние толки о близкой новой войне умолкли. В течение всего 1869 года не произошло в политическом мире ничего, что затрагивало бы наши русские интересы, а потому в моих воспоминаниях за тот год вовсе и не упоминалось о делах международных. Задачей европейской дипломатии сделалось как будто только улаживать возникавшие тут и там местные недоразумения, в особенности же на Балканском полуострове, постоянно озабочивающем западные кабинеты.

Так, возникшие еще в конце 1868 года опасения разрыва между Турцией и Грецией были устранены постановлением Парижской конференции в начале 1869 года[238]. Затем волнения в Сербии по поводу удержания турками некоторых укрепленных пунктов в пределах княжества были успокоены, под влиянием европейской дипломатии, уступкою со стороны Порты и выводом остававшихся еще в Сербии турецких гарнизонов. В начале 1870 года велись переговоры между кабинетами о присвоении Княжествам придунайским (Валахии и Молдавии) наименования княжества Румынского, о назначении особой международной комиссии для разбора недоразумений между Турцией и Черногорией из-за пограничного вопроса о Большой и Малой Брде[239]. В то же время и давнишняя распря между болгарским духовенством и патриархом Греческим разрешилась султанским фирманом об отделении болгарской церкви в особый экзархат[240].

Оставалось еще уладить возникшее между Портою и хедивом Египетским столкновение по поводу происходившего в ноябре 1869 года торжественного открытия канала Суэцкого. Еще в начале того года Измаил-паша предпринял поездку по Европе — в Вену, Берлин, Париж, Лондон, под предлогом приглашения государей на предстоявшие торжества. Желание хедива придать этим торжествам наиболее пышности удалось в полной мере. В октябре месяце съехались в Порт-Саид многие высокие особы:



Открытие Суэцкого канала

от Австрии — сам император Франц-Иосиф, от Франции — императрица Евгения, от Пруссии — наследный принц Фридрих, от Италии — герцог Аостский, от Голландии — принц Генрих, от Швеции — принц Август; каждый из этих почетных гостей, конечно, был сопровождаем блестящею свитой. Стеклась на торжество громадная публика. Самое открытие канала совершилось 5 и 6 ноября (17 и 18 нов. стиля). Измаил-паша и Лесепс не поскупились на эффектную обстановку церемонии. Собравшиеся в порте многочисленные суда всех национальностей проследовали церемониально по новому каналу и по Красному морю до Суэца, где и закончились торжества. Гости разъехались в разные стороны, предоставив хедиву рассчитаться со своим сюзереном, раздраженным на вассала за разыгранную им пред Европой роль независимого государя. В Константинополе только и выжидали окончания суэцких празднеств; немедленно же султан обратился к Измаилу-паше со строгим фирманом, в котором настойчиво потребовал, чтобы хедив обязался впредь не выходить из пределов предоставленных ему прав прежними сул-

танскими фирманами и соблюдать в точности установленные вассальные отношения к Порте. Притом султан протестовал против усиления египетской армии и флота; требовал уступки приобретенных хедивом броненосцев и ружей новейших образцов. Решительный этот шаг турецкого правительства встревожил европейскую дипломатию; но благодаря вмешательству ее, столкновение между султаном и хедивом было улажено. Измаил-паша, не видя ниоткуда поддержки, подчинился требованиям своего сюзерена, уступил ему свои броненосные суда за уплату 400 тыс. турецких фунтов, а Порта отказалась от требования ружей.

Успокоившись со стороны Балканского полуострова, европейская дипломатия обратила внимание на дела Римско-католической церкви. Появившиеся еще в 1868 году энциклики папы Пия IX, в особенности пресловутый «Силлабус»[241] и решение созвать Вселенский собор с призывом к участию в нем христиан всех исповеданий, произвело сильное религиозное волнение в среде католиков, вызвало протест со стороны Протестантского собора в Вормсе и подало повод к дипломатическим переговорам о занятии Рима на время заседаний собора соединенными войсками Франции, Италии и Австрии. Несмотря на попытки католических держав отклонить папу от его намерения, предположенный собор состоялся в конце 1869 года и приступил в самом начале следующего года к обсуждению поднятых жгучих вопросов, в числе которых главное место занимал чудовищный догмат о папской непогрешимости. Вся Европа, и католическая, и некатолическая, была изумлена новыми и высокомерными притязаниями Ватикана в такое время, когда престол папский был так сильно поколеблен. Продолжавшиеся около двух месяцев горячие прения между многочисленными (до 600 человек) высшими представителями католицизма, заключились 1 июля 1870 года (ст. стиля), как и следовало ожидать, почти единогласным признанием заявленных новых догматов. Провозглашение папской непогрешимости было крайне рискованным шагом со стороны Ватикана; оно чуть было не вызвало раскола в среде Римско-католической церкви и вместе с тем оказало невыгодное влияние на политическое положение Римского Первосвященника, ускорив окончательное падение его светской власти[242].

Затем ожидал еще решения вопрос о престолонаследии в Испании. Прошло уже более полутора года со времени революции,

свергнувшей королеву Изабеллу[243]. Собравшиеся в феврале 1869 года кортесы спокойно обсуждали вопрос о будущем образе правления в стране, и несмотря на оппозицию многочисленных республиканцев, последовало решение — сохранить монархический образ правления. В мае того же года обнародована новая конституция. Оставался вопрос — о выборе короля из числа имевшихся в виду кандидатов. Решение этого вопроса затянулось как вследствие борьбы партий в самой стране, так и по некоторым соображениям внешней политики. В выборе того или другого кандидата были заинтересованы некоторые иностранные государства. Одним из кандидатов был дон Альфонсо — сын бывшей королевы Изабеллы, в пользу которого отреклась она от всяких притязаний на утраченную корону. Император Наполеон III, приняв королеву Изабеллу под свое покровительство, поддерживал кандидатуру принца дон Альфонсо. Временное же правительство испанское, во главе которого стояли маршал Серрано и генерал Прим, склонялось на сторону другого кандидата — малоизвестного принца Леопольда Гогенцоллернского, который уже изъявил предварительно готовность принять предлагаемую корону. Окончательный выбор того или другого кандидата принадлежал кортесам, которые и были созваны для того на 3 августа (нов. стиля).

Никто не мог предвидеть, что дело это примет вдруг совершенно другой оборот и поведет к кровопролитной войне между двумя великими державами — между Францией и Пруссией.

Чтобы выяснить себе дальнейший ход событий, так неожиданно поколебавших спокойствие Европы, необходимо искать корней их в тогдашнем внутреннем положении Франции и в предшествовавших отношениях Наполеона III к прусскому правительству.

Во Франции давно уже замечались симптомы постепенного упадка того обаяния, которое довольно долго внушала Вторая империя. Способствовали тому как постоянная фальшь и изворотливость во внутреннем управлении государства, при частых сменах министерств, так и неудачи во внешней политике, особенно же злосчастная экспедиция Мексиканская[244], а в последнее время — успехи прусского оружия и сплочение Северной Германии[245]. Притихшие на время партии легитимистов, орлеанистов, республиканцев снова подняли голову. В законодательной палате усилилась оппозиция; последние выборы сопровождались боль-

Император Франции Наполеон III, императрица Евгения и принц Луи

шими беспорядками, доходившими кое-где до баррикад. Несмотря на все старания Наполеона III приобрести популярность в массе народа, неудовольствие проявлялось и в низших слоях. Все показывало, что Франция уже не расположена долее выносить навязанную ей диктатуру*. Чувствуя под собою нетвердую почву, Наполеон III искал опоры в общественном мнении. При откры-

---

* В автографе зачеркнуто: «бонапартистскую» (*примеч. публ.*).

тии Законодательного собрания в 1869 году заявлено было намерение императора сделать новый шаг на пути либеральных реформ расширением прав, предоставленных конституциею народному представительству, и восстановлением ответственности министров пред палатами. Составленный в таком смысле законопроект внесен был в марте 1870 года на обсуждение Сената, а в апреле обнародован императорский декрет о призыве народа к поголовному голосованию (plébiscite) вопроса: одобряет ли страна либеральную политику императора? Результат голосования, как можно было заранее предвидеть, оказался полным торжеством Наполеона III; от всех европейских государей получил он поздравления.

Но мнимый этот успех считался недостаточным для восстановления утраченного обаяния; признавалось необходимым польстить тщеславию народа французского успехом и в политике внешней. Пришелся очень кстати вопрос о престолонаследии в Испании. Хотя выбор короля еще ожидал решения кортесов, однако ж для Наполеона достаточно было и одного предположения о кандидатуре принца Гогенцоллернского, чтобы поднять тревогу. Он решился воспользоваться предлогом, чтобы придраться к прусскому правительству, к которому давно питал злобу. Не мог он забыть проделки Бисмарка в 1866 и 1867 годах, во время и после войны австро-прусской[246]. И в то время уже ожидался разрыв между Францией и Пруссией, но тогда военные силы Франции были в таком плачевном состоянии, что Наполеону пришлось перенести смиренно удар, нанесенный его самолюбию. С тех пор, как казалось, сделаны были маршалом Niel многие улучшения по военной части; ближайшие советники Наполеона полагали, что настало время свести счеты с Пруссией и снова поднять политическое значение Франции.

Во главе тогдашнего министерства во Франции стоял Эмиль Оливье, а делами иностранными правил герцог Grammont. Занимавший должность военного министра маршал Niel умер в августе 1869 года; в лице его Наполеон лишился одного из самых дельных, энергичных сотрудников. Заступивший его место генерал Leboeuf не был на высоте предстоявшей ему задачи.

Представителем Пруссии в Париже был Вертер, представителем Франции в Берлине — Бенедетти. Русский посол в Париже генерал-адъютант граф Стакельберг скончался в апреле 1870 года после тяжкой болезни, вследствие сделанной ему операции вырез-

ки рака. На место его первоначально назначался посол наш в Лондоне барон Бруннов, которого должен был заменить в Лондоне генерал-адъютант князь Орлов, только что назначенный пред тем послом в Вену. Но предположения эти не осуществились: барон Бруннов, по настоятельным его просьбам, остался на своем, давно насиженном месте в Лондоне, а послом в Париж перемещен князь Орлов*. Место его в Вене занял Новиков из Афин, куда посланником назначен Сабуров (Пётр Александрович).

В конце июня 1870 года, за несколько недель до предстоявшего открытия в Мадриде испанских кортесов для решения вопроса о выборе короля, Парижским кабинетом предписано было французскому посланнику в Берлине лично объясниться с королем Вильгельмом, находившимся в то время в Эмсе, и потребовать от него, чтобы принцу Гогенцоллернскому было *приказано* отказаться от кандидатуры на испанский престол. Король на этот раз дал французскому послу ответ уклончивый, устранив себя от всякого влияния на вопрос об испанском престоле, а между тем сам принц Леопольд, чтобы не быть поводом к столкновению между двумя державами, отказался от предложенной ему кандидатуры. Казалось, что тем и должно бы дело считаться улаженным, но император французов не признал достаточным отречение самого принца. Французский министр иностранных дел заявил (1/13 июля) прусскому посланнику в Париже Вертеру, что французское правительство считает необходимым и на будущее время устранить возможность новой попытки со стороны Пруссии утвердить свое влияние на Пиренейском полуострове. В этих видах предписано было французскому послу Бенедетти снова просить личной аудиенции у короля Вильгельма, чтобы вручить ему собственноручное письмо Наполеона, — письмо, в котором требовалось, в самых настойчивых и жестких выражениях, чтобы король дал обязательство и впредь никогда не допускать немецкой кандидатуры на испанский престол; мало того, требовалось, чтобы король написал извинительное письмо Наполеону, такое, которое могло бы быть опубликовано. Это было уже прямым вызовом на открытый разрыв. Король, предупрежденный Вертером о содержании письма Наполеона, не принял французского посла и немедлен-

---

* Князь Орлов, бывший ранее посланником в Брюсселе, принял назначение в Вену весьма неохотно, что видно из письма его ко мне от 11/23 марта 1870 г.[247]

но же выехал (3/15 июля) из Эмса в Берлин, чтобы неотлагательно принять меры ввиду неизбежной войны*.

В тот же день во французском Законодательном собрании и в Сенате возвещено было министрами, что война объявлена Пруссии. Возвещение это вызвало в обеих палатах восторженные возгласы. С другой стороны, и в Германии весть о разрыве с Францией возбудила чрезвычайное патриотическое одушевление. Король Вильгельм на всем пути своем и в самом Берлине был приветствован с восторгом. 4/16 июля объявлено Северо-Германскому Союзному Совету о предстоявшей войне, и в тот же день началась мобилизация армии.

Разрыв между Пруссией и Францией был событием, совершенно неожиданным для всех. Война между этими двумя державами легко могла обратиться в кровопролитие общеевропейское, угрожавшее неисчислимыми бедствиями для всего человечества. Поэтому весьма было важно отвратить вмешательство в борьбу двух соперников какой-либо третьей державы. В этом отношении наш Государь** оказал великую услугу как России и Германии, так и остальной Европе, поспешив объявить о своей твердой решимости сохранять полный нейтралитет. В декларации Петербургского кабинета, обнародованной 11/23 июля, было сказано: «С глубоким сожалением Государь Император взирает на бедствия, неизбежно сопряженные с войною на Европейском материке. Его Императорское Величество принял твердую решимость соблюдать строгий нейтралитет в отношении воюющих держав до тех пор, пока случайностями войны не будут затронуты интересы России. Императорское правительство всегда готово оказать самое искреннее содействие всякому стремлению, имеющему целью ограничить размеры военных действий, сократить их продолжительность и возвратить Европе блага мира»[248]. Об этом решении своем Государь лично объявил послам прусскому и французскому; оба они остались весьма довольными приемом и словами Государя.

Заявление нашего правительства заставило и Венский кабинет объявить себя нейтральным. Однако ж в циркуляре графа Бей-

---

* Рассказываю ход дела в том виде, в каком оно нам представлялось по тогдашним гласным сведениям, опуская позднейшие разоблачения закулисного образа действий Бисмарка и прусских генералов.

** Канцлер князь Горчаков находился в то время в Вильдбаде и прибыл в Петербург только 25 июля. Министерством иностранных дел управлял тайный советник Вестман, а дипломатическую переписку вел барон Жомини.

Ф. Бейст

ста, возвещавшем о таком намерении австро-венгерского правительства, заключалась оговорка, не внушавшая полного доверия: пассивная роль Австрии обусловливалась охранением собственных ее интересов, afin de ne pas être le jouet des événements*. В этих видах граф Бейст предупреждал о необходимости для Австрии некоторых военных распоряжений, как, например, пополнения кавалерии и артиллерии лошадьми, вследствие будто бы только случайного в них некомплекта против штатов мирного времени.

Государь вообще мало доверял искренности и твердости венской политики. Австрийский первый министр граф Бейст, отъявленный русофоб, не раз уже выказывал свое враждебное настроение и против нас, и против славянства вообще, так что графу Хотеку, австрийскому посланнику в Петербурге, нелегко было при всем его старании и мягкости форм поддерживать

* «Чтобы не стать игрушкой в руках обстоятельств» (*фр.*).

добрые отношения между двумя империями. Существовавшее в славянском населении Австрии неудовольствие против правительства усилилось вследствие введенной в то время системы дуализма. Разрыв между Пруссией и Францией возбудил в среде славян надежды на общий переворот в Европе; на Россию они смотрели, как на свою опору в борьбе с немецко-мадьярским гнетом. Славянские выходцы из Австрии, компрометированные пред своим правительством, мечтали уже о вступлении русских войск в пределы Австрии и добродушно советовали нам воспользоваться благоприятным моментом, чтобы занять Галицию, где, по их уверению, население давно уже ожидает нашего вмешательства*.

По поводу тогдашних сочувственных отношений австрийских славян к России припоминаю, что раз, при моем посещении графа Хотека (25 июля), мне случилось вступить с ним в откровенную беседу по этому щекотливому вопросу. Само собою разумеется, что она имела более характер академический, чем политический, но именно потому и могли мы затронуть такой вопрос. В глазах иностранцев я имел репутацию панслависта, сторонника «ультрарусской» национальной партии, а граф Хотек сам принадлежал к чешской национальности. Когда он навел разговор на отношения наши к австрийским славянам, то я откровенно высказал ему личное свое мнение, что в этом случае австрийское правительство должно винить само себя: система дуализма и преобладание, данное в империи Габсбургов элементу мадьярскому, поставили славянское население Австрии в приниженное положение и способствовали тому взаимному сочувствию, которое выказывается между ним и русским народом. «По моему убеждению, — сказал я, — для Австрии единственная рациональная форма государственного строя есть устройство чисто федеративное, с полным равноправием всех народностей. При таком условии правительству австрийскому не было бы и повода к ревнивому отношению к России, и обратно, для России не было бы поводов к неудовольствиям на свою соседку». Граф Хотек, как я слышал потом, остался весьма доволен нашею откровенною беседой, уверял в полной готовности своего правительства сблизиться с нашим. В самый день нашего свидания, вечером, полу-

---

* Образчиком этих мечтаний может служить письмо Ливчака ко мне от 8 июля 1870 года[249].

Б. Хотек

чил я от него письменное уведомление о наградах, пожалованных австрийским императором некоторым русским по случаю недавнего пребывания эрцгерцога Альбрехта в Варшаве, причем граф Хотек присовокупил несколько весьма любезных фраз относительно желания императора Франца-Иосифа показать, как высоко ценит он оказанный эрцгерцогу нашим Государем радушный прием. На письме графа Хотека Его Величество сделал отметку: «Желал бы верить этим учтивостям»[250].

Недоверие к твердости австрийского нейтралитета так же, как и к политике Англии, возбуждало в нашем Министерстве иностранных дел опасение, что и мы можем быть против собственной воли вовлечены в войну. Поэтому Государь приказал мне на всякий случай приготовить общее соображение о распределении наших военных сил, с указанием тех мер, которые было бы необходимо принять заблаговременно, дабы не быть застигнутыми войною врасплох. 9 августа представлена мною Его Величеству записка, в которой принято было в основание предположение о

сосредоточении на границах наших с Австрией двух армий собственно для наступательных действий: одной — в Царстве Польском, силою до 350 тыс. человек, другой — на Волыни, в 117 тыс. человек; затем значительные силы оставались бы в Польше и Западном крае в виде резерва и для охранения спокойствия среди польского населения[251].

Между тем война между Пруссией и Францией разыгралась скорее, чем можно было ожидать. Вся Европа была поражена неимоверною быстротою мобилизации и сосредоточения прусской армии: повеление о мобилизации последовало 4/16 июля; 13/25-го началось уже движение войск к границам Франции; 19/31-го король Вильгельм с графом Бисмарком выехал из Берлина к армии, а с 23 июля / 4 августа начался уже ряд поражений французских войск при Вейсенбурге, Саарбрюккене, Вёрте и Шпихерне. Французская армия оказалась вовсе не подготовленною к войне; пруссаки с первых же дней кампании одерживали блистательные успехи. Прочие германские государства выказали небывалое единодушие и приняли деятельное участие в борьбе, под главенством короля Прусского. Таким образом, война, вызванная самою Францией, застигла ее совершенно врасплох. Противником Франции, нежданно для нее, стала вся Германия.

В моих воспоминаниях о прежних годах (1866, 1867 и других) уже упоминалось о тех разоблачениях, которые появились немедленно по объявлении войны между Францией и Пруссией насчет прежних настойчивых домогательств Наполеона III заключить с Берлинским кабинетом секретный договор, которым последний обязался бы содействовать присоединению к Франции Люксембурга, Бельгии и части германских областей на левой стороне Рейна. Разоблачения эти, появившиеся первоначально в английской газете «Times»[252], вызвали было опровержение со стороны французского правительства; когда же в газете было указано на хранящийся в берлинском Министерстве иностранных дел письменный документ о предложениях Франции, писанный рукою самого Бенедетти, то французское правительство отговаривалось тем, что документ этот есть не что иное, как памятная записка, набросанная французским посланником со слов самого графа Бисмарка. Тогда прусский канцлер уже сам раскрыл все тайны своих сношений с разными агентами французского правительства в опубликованном циркуляре его

от 17/29 июля 1870 г. ко всем представителям Северо-Германского Союза при иностранных Дворах[253]. Граф Бисмарк не без цинизма признавался, что он умышленно тянул переговоры с Наполеоном, храня в тайне его предложения, с тем чтобы не рассеять разом мечтательных планов императора французов; что благодаря этой политике Пруссии удалось покончить успешно сперва с Данией, а потом с Австрией, избегнув войны, которою Наполеон угрожал уже в то время.

Вспыхнувшая война произвела и у нас в Петербурге глубокое впечатление. Первоначально общественное мнение разделилось в своих ожиданиях и сочувствиях. Рассуждали и даже держали пари о том, кто возьмет верх: немцы или французы. Значительное большинство открыто выражало желание успеха французам, и первые известия о победах немецких войск возбудили в русском обществе не только некоторое удивление, но даже разочарование и прискорбие. Напротив того, в придворных сферах, начиная от самого Государя и Царской фамилии, высказывалось явное сочувствие успехам немецкого оружия[254]. Несмотря на объявленный нейтралитет наш, при германских армиях находились русские офицеры, русские врачи, целые лазареты «Красного Креста»; но факт этот оправдывался тем, что само правительство французское с открытия войны объявило решение не допускать в своих армиях присутствия какого-либо из иностранцев, тогда как правительство прусское изъявило согласие на присылку в германские армии иностранных офицеров, хотя и с ограничением числа их. Первоначально, по соглашению нашему с прусским Военным министерством, было положено командировать от нас только трех лиц: полковника Генерального штаба барона Зедделера, капитана гвардейской конной артиллерии Доппельмайера и флигель-адъютанта князя Мещерского, не считая состоявшего при короле Прусском в качестве постоянного военного делегата генерал-адъютанта графа Голенищева-Кутузова. Позже, по настоятельному ходатайству фельдмаршала графа Берга, разрешено было командировать в германскую армию еще усыновленного им племянника, корнета лейб-гвардии Уланского Его Величества полка графа Берга, а впоследствии прусское военное начальство уже не стеснялось допущением в свои армии и большего числа иностранных офицеров, так что последовательно были командированы еще многие лица, как-то: Свиты Е. В. генерал-майор Ан-

ненков — с целью изучения порядков пользования железными дорогами в военное время; служившие в интендантстве полковники Боркман и Цурмилен — для изучения устройства тыла армии; инженер-генерал-майор Герн, полковник Вальберг и гвардейского саперного батальона штабс-капитан Мельницкий — по части инженерной, не говоря уже о врачах, сестрах милосердия и проч.

Известия, получаемые с театра войны, ожидались с нетерпением и читались с жадностью. Самые интересные для нас сведения сообщал барон Зедделер, состоявший в Главной квартире короля Вильгельма. Письма его, по прочтении Государем, передавались поочередно другим членам Императорской фамилии. Государь не скрывал своей радости при получении каждой телеграммы о победах германских войск: немедленно посылал королю Вильгельму поздравительные телеграммы, а по временам — Георгиевские кресты, в таком притом большом числе, что щедрость эта возбуждала в петербургском обществе сетование и насмешки.

ИЮЛЬ, АВГУСТ, СЕНТЯБРЬ

По возвращении Государя из-за границы здоровье его настолько поправилось, что он уже мог выносить без усталости частые поездки в Красносельский лагерь с ежедневными смотрами войск, учениями и маневрами. На другой же день по приезде в Петергоф, 26 июня, под вечер, Его Величество прибыл в Красное Село и объезжал лагерь обычным порядком, а 27-го числа произвел общий смотр всем находившимся в сборе войскам. Затем 2 июля Государь посетил Кронштадт для смотра флота и морских маневров у Красной Горки; с 3-го же числа начались смотры в Красносельском лагере по утвержденному расписанию, по два раза в день, утром и вечером. 12 июля, в воскресение утром, происходил церковный парад и лагерный развод, а вечером — офицерская скачка на призы. С 13-го числа началось постепенное выступление войск для предварительного занятия мест, назначенных по расписанию для больших маневров.

Моя жизнь с приезда из-за границы проходила в беспрерывных переездах между Петербургом, Петергофом, Красным Селом и в сопровождении Государя в его поездках, на смотрах и маневрах. Для серьезных занятий по министерству оставалось

мало времени, я мог работать лишь урывками; в Петербург приезжал только в дни заседаний Военного совета и случайно назначаемых совещаний. Все почти мои ближайшие помощники были в отсутствии: граф Гейден отдыхал с семьею в деревне (Подольской губернии); М.П. Кауфман объезжал подведомые ему интендантские учреждения в Кавказском и других округах; Д.С. Мордвинов, получив отпуск за границу, на пути своем проверял по моему поручению делопроизводство в военно-окружных управлениях в Вильне и Варшаве. 12 июля присутствовал я на красносельских скачках, в которых одним из деятельных участников был мой сын — страстный любитель лошадей и спорта. В этот вечер он скакал в два приема и в оба раза выиграл призы, которые торжественно получил из рук Государя. По окончании же лагерного времени он еще участвовал в царскосельских скачках.

С 16 июля начались большие маневры. Северный отряд, которым начальствовал великий князь Николай Николаевич, собрался в окрестностях Петергофа и Ораниенбаума, а Южный под начальством генерал-адъютанта барона Врангеля (члена Военного совета) — у Кипени и Гатчины. В первые дни сбора Северного отряда под Петергофом Государь с императрицей, великими князьями и придворными дамами объезжал биваки, а великие княгини Елена Павловна и Екатерина Михайловна, ежедневно посещая бивак под Ораниенбаумом, приглашали к себе начальников и офицеров, угощали войска пивом и водкой. В продолжение маневров, в день отдыха, Двор находился в Ропше. Маневры закончились 21-го числа под Красным Селом и по заведенному порядку Государь, собрав вокруг себя выпускных юнкеров военных училищ, поздравил их с производством в офицеры.

В тот же день 21 июля возвратился в Петергоф из-за границы великий князь Владимир Александрович ко дню именин императрицы и великой княжны Марии Александровны. День этот (22 июля) праздновался в Петергофе, а 23-го числа Наследник Цесаревич уехал в Копенгаген, где оставалась цесаревна. Их Высочества провели вместе в замке Фреденсборг еще целый месяц (до 21 августа). В то время великий князь Алексей Александрович находился еще в плавании на эскадре вице-адмирала Посьета в Белом море и Северном океане. Посетив Соловецкий монастырь, Его Высочество прибыл 12 июля на Новую Землю, откуда напра-

вился вдоль мурманского берега к Коле, Нордкапу и далее к берегам Исландии. Великий князь Константин Николаевич также был в отсутствии во все лето: объехав порты Каспийского моря, он высадился в Петровске и чрез Дагестан и Терскую область прибыл в Тифлис, откуда отправился чрез Поти в Крым, в свою прелестную Орианду.

28 июля Государь опять ездил в Кронштадт в сопровождении великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича. В свите находились, кроме меня, генералы Баранцов и Тотлебен, адмирал Краббе, прусский генерал Вердер и несколько моряков. Сначала были осмотрены форты южного фарватера, причем генерал-майор Петрушевский показывал и объяснял устроенные им на некоторых фортах аппараты для точного определения места неприятельских судов и для сосредоточенной по ним стрельбы. Затем, вышед на Кронштадтский берег, Государь осматривал доки, пароходный завод, другие морские учреждения и закончил осмотром некоторых из фортов северного фарватера. Из Кронштадта Государь отправился в Ораниембаум, к обеду у великой княгини Елены Павловны, а я с другими лицами свиты возвратился в Петербург.

6 августа происходило в Петербурге обычное празднование Преображенского полка и гвардейской артиллерии. При докладе моем в этот день, в вагоне железной дороги Государь объявил мне о зачислении меня в 1-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду и в ту самую 2-ю батарею, в которой я начал службу юнкером. Такое зачисление в какую-либо часть войск значило в сущности пожалование полкового мундира, что считалось высокою милостию. В тот же день герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий зачислен в гвардейскую конную артиллерию; князь Масальский (начальник артиллерии Петербургского округа) и генерал-майор Чертков (Григорий, командир Преображенского полка) получили звание генерал-адъютанта, а генерал-майор Лесман (командир 2-й гвардейской артиллерийской бригады) зачислен в Свиту Е. В.

10 августа Государь посетил саперный лагерь под Усть-Ижорой, осматривал произведенные работы саперные, минные и мостовые, также работы учебной команды, собранной от всех полков округа для обучения саперному делу и, наконец, присутствовал при артиллерийской стрельбе учебного полигона.

Лейб-гвардии Конной артиллерии 1-й Его Величества батареи обер-офицер в парадной форме. Рисунок императора Александра II

17-го числа, в день полкового праздника лейб-гвардии Гатчинского полка, Государь опять приезжал в Петербург. После молебствия в полковой церкви (что на Обводном канале у Царскосельской железной дороги) и завтрака под навесом, устроенном во дворе казарм, Государь отправился в Зимний дворец, где было назначено заседание Совета министров (не помню, по какому именно вопросу). По окончании совещания Его Величество возвратился в Петергоф, куда и я отправился в царском поезде, чтобы поспеть к назначенному в тот день в Петергофском дворце обеду для офицеров Гатчинского полка. Там я остался и ночевать с тем,

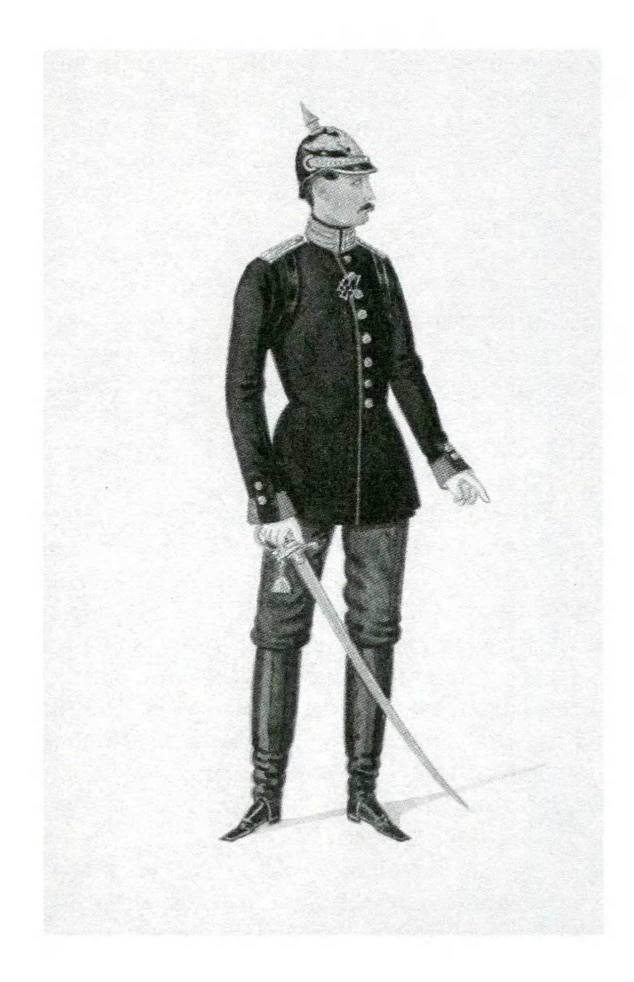
М.-Э. Мак-Магон

чтобы вечером заняться делами и приготовить свой доклад Государю на следующее утро.

На полковом празднике утром 17-го числа Государю откланивался французский военный агент подполковник Мирибель, возвращавшийся в свое отечество, чтобы принять участие в военных действиях, принявших уже в то время неблагоприятный для французского оружия оборот. Едва прошло десять дней от начала военных действий, как уже на всей боевой линии французские войска были в полном отступлении. В Париже министерство старалось, сколько могло, скрывать от народа понесенные французскими войсками поражения; тем не менее печальная истина скоро обнаружилась. Известие о неудачах при Вёрте

и на Шпихернских высотах произвело в столице Франции потрясающее впечатление. Вследствие бурного заседания в Законодательном собрании и уличных беспорядков Париж и некоторые из департаментов были объявлены в осадном положении. После кровопролитных битв под Мецом (со 2/14 по 6/18 августа), когда армия маршала Базена, отрезанная от центра Франции, обрекла себя на пассивную оборону мецских укреплений, все внимание Европы обратилось на армию Мак-Магона, которая долго формировалась в Шалонском лагере и только 8/20-го числа двинулась оттуда к северу. В продолжение некоторого времени неизвестно было направление движения этой армии. 17/29 августа, пред самым приездом Государя из Петергофа на полковой праздник Гатчинского полка, узнали в Петербурге о странном движении Мак-Магона вдоль бельгийской границы к Седану, тогда как главные германские силы направились наперерез его путям сообщения. Известно было, что при армии Мак-Магона находился и сам Наполеон III. Известие это казалось нам загадочным. При встрече моей с французским военным агентом невольно вырвался у меня вопрос: что думает он об этой странной новости? Мирибель со свойственным французу шовинизмом пустился восхвалять тонкие стратегические соображения Мак-Магона и с самодовольствием высказал уверенность в том, что предпринятый искусный маневр французской армии в самом непродолжительном времени разыграется блестящим для французского оружия успехом.

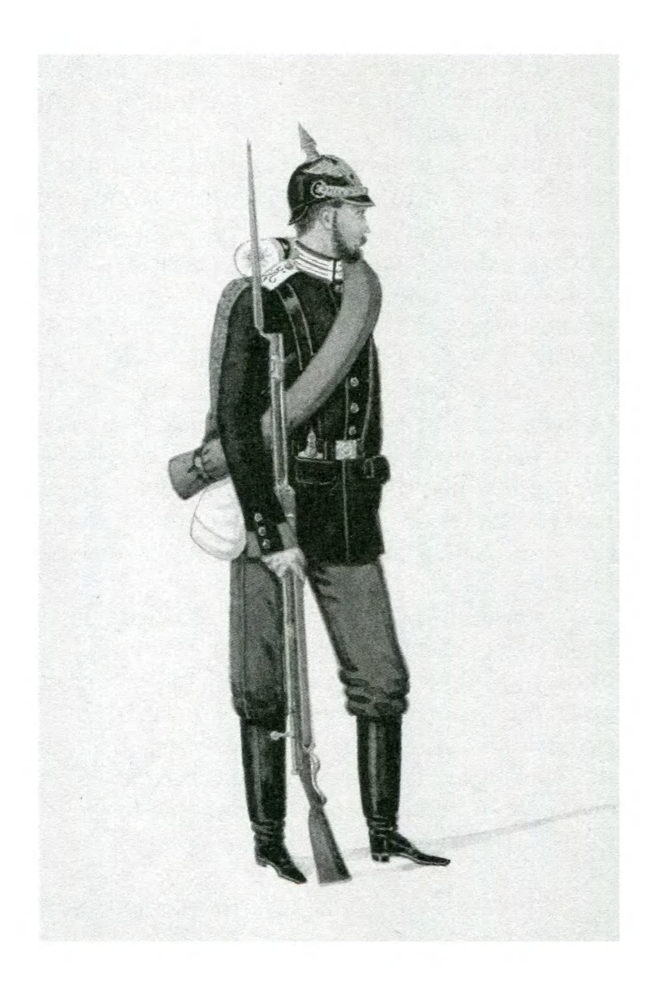
Утром 20 августа Государь отправился в Москву с великими князьями Владимиром Александровичем и Николаем Николаевичем. Я также сопровождал Его Величество. В Москву приехали мы в 12-м часу ночи; несмотря на поздний час, народ, как всегда, толпился у станции железной дороги и вдоль улиц, иллюминованных и разукрашенных флагами. На другой день, 21-го числа, после «выхода» в Кремлевском дворце и обычного шествия в кремлевские соборы, происходил смотр войскам на Ходынке, а потом начальники частей войск были приглашены к обеду в Петровском дворце, куда Государь и переселился со всею свитою. 22-го числа Его Величество смотрел общее учение всем войскам Ходынского лагеря; 24-го — стрельбу артиллерии и пехоты (утром и вечером) и, наконец, 25-го числа — двухсторонний маневр в ближайших окрестностях лагеря. Всеми войсками Его Величество остался весьма доволен. В свободное время от военных смотров и учений



Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского № 1 полка обер-офицер 3-го фузилерного батальона в походной форме. Рисунок императора Александра II

Государь посещал в Москве некоторые заведения. После маневра 25-го числа и раннего обеда выехали мы из Москвы и на другой день утром прибыли в Царское Село, куда переселилось к тому времени царское семейство.

Во время пребывания Государя в Москве, в то время, когда он 22-го числа выходил из Петровского дворца, чтобы ехать на учение, получена была телеграмма о результате происходившей накануне решительной битвы под Седаном. Французская армия, припертая к бельгийской границе и окруженная превосходными германскими силами, потерпела полное поражение и должна была положить оружие; сам император Наполеон III сдался в



Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского № 1 полка фузилерного батальона рядовой в походной форме. Рисунок императора Александра II

плен. Известие это произвело у нас, так же как и во всей Европе, чрезвычайно сильное впечатление[255]. Хотя по самому началу кампании уже можно было предусматривать неудачный для Франции исход войны, однако ж едва ли кто ожидал такого полного поражения для Франции и такого блестящего торжества для Германии. Государь, не скрыл своей радости пред всею свитой, собравшейся у подъезда Петровского дворца для сопровождения Его Величества на учение. Немедленно же была отправлена поздравительная телеграмма королю Вильгельму. Чрез день после того, 24-го числа, узнали мы по телеграфу, что накануне, вслед за объявлением французскому Законодательному собранию о Се-

данской катастрофе, провозглашено было в Париже низложение династии Бонапартов и учреждение Временного республиканского правительства[256].

Неимоверно быстрый ход кампании и непрерывный ряд успехов, одержанных германскими войсками, до того были изумительны и неожиданны, что, естественно, должны были возбудить много толков и рассуждений в нашем обществе как военном, так и невоенном. Даже прежние противники немцев начали восторгаться необыкновенным совершенством, до которого доведено военное устройство в Пруссии, и глубокими, дальновидными соображениями прусских военоначальников в противоположность французской неурядице и легкомыслию. От этого бросавшегося в глаза сравнения нечувствителен был переход к рассуждениям о нашем собственном положении и нашем военном устройстве; а по всегдашней нашей склонности к пессимизму, к порицанию всего своего, к фрондерству послышались в обществе и печатались в газетах суждения о нашей неготовности к войне, причем почему-то восставали в особенности на части интендантскую и военно-врачебную. Рассуждения эти большею частию вращались на одних предположениях, на отдельных случайных фактах, приводимых говорунами без знания дела и без общих верных сведений. Поэтому я счел не лишним напечатать в «Русском Инвалиде» небольшую статью в разъяснение этих толков для успокоения публики*.

Семейство мое, как уже было сказано, провело все лето на даче в предместье Киева. 23 июля приехала туда и старшая дочь Елизавета из Тамбовской деревни приятельницы ее М.Н. Вельяминовой, у которой она гостила более месяца; на другой же день, 24-го числа прибыла в Киев из Бессарабии сестра жены моей Д.М. Понсэ. Но семья оставалась в сборе недолго. В начале августа жена моя, посетив графиню Е.Н. Гейден в ее имении близ станции Гнивань (в 230 верстах от Киева по железной дороге), оставила там на некоторое время младших детей с их маленькими друзьями — детьми графини Гейден. Старшая же дочь моя Елизавета, получив известие о тяжкой болезни княжны Лидии Вяземской, племянницы М.Н. Велья-

* «Русский Инвалид» 1870 г., № 189, августа 29-го.

миновой, поспешила вернуться в ее тамбовскую деревню (Лотарёво). 10 августа выехала она из Киева вместе с сестрою Надеждой, которая особенно была дружна с княжною Лидией. Прибыв в Лотарёво, они нашли больную в таком опасном положении, что не могли даже видеться с нею; а между тем получено было из Петербурга от графини А.А. Толстой (наставницы великой княжны Марии Александровны) извещение о намерении императрицы вскоре отправиться в Крым. Дочери моей Елизавете необходимо было немедленно возвратиться к сроку данного ей отпуска, и 16 августа она прибыла в Петергоф. Надя оставалась еще несколько дней в Лотарёве, до приезда туда брата ее, который проводил ее до Киева, и к 1 сентября возвратился в Петербург. К отъезду Нади из Лотарёва княжна Лидия уже вышла из опасности.

В числе близких знакомых, навещавших мою семью в Киеве, был генерал-лейтенант Н.Ф. Козлянинов, командующий войсками округа. 9 августа с ним приключился паралич. Жена моя приняла на себя тяжелую обязанность лично объявить это печальное известие жене его, жившей с детьми в деревне в Киевской губернии. Больной, несмотря на сильное потрясение всей нервной системы, скоро, однако же, пришел в сознание и настойчиво хотел продолжать свои служебные занятия, что было немыслимо при тогдашнем его состоянии. По получении об этом известия в Петербурге немедленно же было дано знать по телеграфу, чтобы генерал-лейтенант Ванновский, начальник 12-й пехотной дивизии, вступил в исправление должности командующего войсками округа; но ввиду чрезвычайной раздражительности больного от него скрывали сделанное распоряжение, пока, наконец, уговорили его просить отпуска и отдохнуть в деревне. В начале сентября его перевезли на Южный берег Крыма в Ялту, куда переехала и вся его семья.

По возвращении Государя из Москвы в Царское Село я часто оставался там после моих докладов на весь день, чтобы видеться со старшею дочерью и менее чувствовать пустоту в своей обширной петербургской квартире. Между придворною челядью ходили толки о предстоявшей будто бы поездке Царской фамилии в Крым; толки эти, конечно, возбуждали во мне надежду еще раз повидаться со своею семьей в Киеве; но при тогдашнем положении политических дел удаление Государя от

столицы даже на самое короткое время было немыслимо. Скоро сделалось известно, что поедет в Крым одна императрица с младшими детьми.

К 30 августа возвратились из Копенгагена Наследник Цесаревич с цесаревною. В торжественный этот день Их Величества и вся Царская фамилия приехали утром в Александро-Невскую лавру, где совершена обычным порядком торжественная церковная служба, а потом был завтрак у митрополита. Для народа устроено было на Царицыном лугу (Марсовом поле) гуляние со всевозможными забавами, какие только могла придумать изобретательность генерала Трепова. Сам Государь с императрицей и членами царского семейства катались среди толпы при восторженных криках «ура» и раздавали призы счастливцам, одержавшим верх на состязаниях. По обыкновению, в этот день пожаловано было много наград; в числе их Наследник Цесаревич получил орден Св. Владимира 2-й степени, как сказано в грамоте, за отличное состояние 1-й гвардейской пехотной дивизии, которою Его Высочество начальствовал во время лагеря. В военном приказе на тот же день объявлено о новой милости казачьим войскам: по примеру Донского войска содержание офицеров всех прочих казачьих войск уравнено с окладами армейской кавалерии. В тот же день происходило в Екатеринодаре и Владикавказе торжественное объявление нового Положения о воинской службе казаков Кубанского и Терского войск[257].

В начале сентября великий князь Алексей Александрович окончил свое продолжительное плавание на дальний север. Посетив берега Исландии, Его Высочество на фрегате «Варяг» прибыл 4/16 сентября в Копенгаген, откуда возвратился в Царское Село. Любо было смотреть на этого красивого 20-летнего юношу, с атлетическим складом, полного сил, здоровья, остроумия и веселого юмора.

Выезд императрицы в Крым, отлагаемый день за днем, наконец назначен был на 15 сентября. С Ее Величеством отправились великая княжна Мария Александровна, великие князья Сергей и Павел Александровичи и князь Евгений Максимилианович Романовский (герцог Лейхтенбергский). Свиту составляли генерал-адъютанты князь Владимир Ив[анович] Барятинский и граф Иосиф Карл[ович] Ламберт, шталмейстер Александр Петр[ович] Озеров, наставница великой княжны графиня А.А. Толстая, фрейлины баронесса Пилар и моя дочь; сверх того Анастасия Никола-

евна Мальцева с дочерью, воспитатели и преподаватели великих князей, а при князе Евгении Максимилиановиче — полковник Зарубаев. Дочь моя просила дозволение выехать двумя днями ранее выезда императрицы, чтобы встретиться в Москве с М.Н. Вельяминовой, которая в то время, по совету врачей, решилась выехать из деревни с больною племянницей княжною Вяземской и везти ее за границу. В Москве она остановилась на несколько дней в ожидании приезда туда доктора Боткина. Дочь моя, пробыв с друзьями своими два дня, 16-го числа присоединилась к царскому поезду. 17-го числа императрица имела ночлег в Киеве, так что дочери моей удалось провести вечер в своей семье. Далее Ее Величество ехала чрез Одессу и оттуда на пароходе «Тигр» прибыла 20 сентября в Ливадию.

Внезапно вспыхнувшая война между Францией и Пруссией застигла моего брата Николая еще в Париже, в ожидании полного выздоровления жены его после вынесенной ею тяжелой операции. По совету врачей он выехал оттуда 21 июля / 2 августа со своею семьей на морские купания в St. Adresse, близ Гавра; туда же приехала и свояченица его Вера Аггеевна Абаза с племянницей. Война, быстро принявшая грозные размеры, ускорила решение брата покинуть Францию и вернуться в Россию. После долгих рассуждений и совещаний признано было наиболее разумным как для самого больного, так и для детей, уже подраставших и требовавших правильного воспитания, поселиться в Москве. Выехав 19/31 августа из St. Adresse, брат со всею семьей должен был совершить не совсем спокойный переезд чрез Руан в Брюссель, вблизи от самого театра войны. В крае замечался сильный переполох; в окрестностях Валансьена поезду угрожала даже опасность. Однако ж брату удалось благополучно добраться до Брюсселя, где он остановился на два дня для отдыха, и затем продолжал путь с некоторыми остановками чрез Берлин в Петербург. 3/15 сентября он прибыл прямо ко мне в дом, где было приготовлено помещение для него и всей семьи. Я нашел его бодрым и довольным возвращением восвояси. Жена его также поправилась, хотя худоба ее напоминала еще о недавней тяжкой болезни.

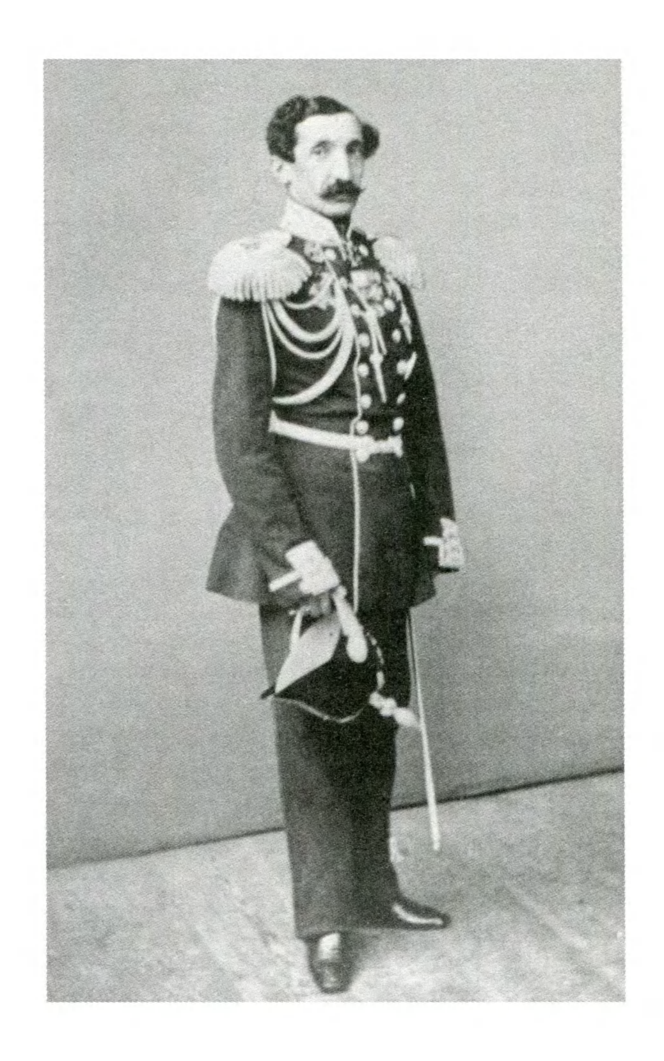
Пробыв у меня дней десять, она с частью детей отправилась вперед в Москву, чтобы приискать помещение и сделать все приготовительные распоряжения для водворения семьи. Брат Николай переехал туда несколько дней спустя (18 сентября). Поселился

он в одной из лучших частей города — на Большой Никитской, против церкви Вознесения, в одном из тех типичных домов, стоящих особняком среди двора, которые сохранились еще в Москве как остатки старого барства. В Москве нашелся целый кружок хороших друзей и добродушных знакомых, среди которых больной мог отводить душу и дотянуть последние годы своей страдальческой жизни.

В конце сентября брата посетила в Москве сестра Мордвинова, на возвратном пути из Псковской деревни в Одессу, где муж ее, Семён Александрович Мордвинов, получил новую должность по судебному ведомству (старшим членом окружного суда). В Москве сестра провела три дня, а 28-го числа навестила мою семью в Киеве. В это время с наступлением осенней свежей погоды жена моя нашла уже необходимым переселиться с дачи в самый город и приняла с удовольствием любезное предложение губернатора М.К. Катакази занять временно его казенную квартиру, остававшуюся пустою за отсутствием всей семьи за границей. Здесь моя семья и провела весь октябрь.

Государь оставался в Царском Селе почти безвыездно целых три месяца до 24 ноября. С напряженным вниманием и участием следил он за ходом войны во Франции и за развивавшимися с необычайною быстротой важными событиями политическими. Все подробности военных действий живо интересовали его; успехи германских армий радовали его почти столько же, как бы победы собственных его русских войск. В начале октября послана была в германскую армию с инженер-генерал-майором Герном масса Георгиевских крестов, офицерских и солдатских. В дни моих докладов иногда получал я приглашение остаться к обеду у Его Величества, и почти всегда главным предметом разговоров за обедом и после него были известия с театра войны.

Спокойная жизнь, которую вел Государь в Царском Селе, представляла весьма выгодные условия, чтобы подвинуть вперед многие из работ по Военному министерству, требовавшие личного участия Его Величества. Именно в это время удалось провести некоторые новые предположения первостепенной важности, о которых я буду говорить подробнее и обстоятельнее в своем месте. В числе множества вопросов, получивших тогда же Высочайшее разрешение, было упразднение Рижского военного округа. Я воспользовался для этого увольнением генерал-адъютанта Альбединского от должности



П.Р. Багратион

генерал-губернатора Прибалтийских губерний и назначением на это место генерал-лейтенанта князя Багратиона, занимавшего до того времени место помощника виленского генерал-губернатора. Причины увольнения Альбединского, пользовавшегося особенным расположением Государя, равно как и выбора его преемника, остались мне неизвестны. Я знал князя Багратиона как человека совершенно ничтожного, хотя не лишенного ловкости и изворотливости, подобно многим из его земляков, но оставившего по себе не совсем чистую репутацию за время командования Собственным Е. В.

конвоем. Не имев возможности ни помешать такому назначению, ни провести мысль об упразднении прибалтийского генерал-губернатора, — что, по моему мнению, следовало бы сделать давно, — я должен был ограничиться упразднением хотя военного округа, отдельное существование которого не оправдывалось ни пространством его, ни стратегическим значением. Приказом 22 сентября две губернии этого округа, Лифляндская и Курляндская, присоединены к Виленскому округу, а третья, Эстляндская — к Петербургскому[258]. Очевидные неудобства такого распределения между двумя военными окружными начальствами губерний, подчиненных в гражданском отношении особому генерал-губернатору, могли, по моим соображениям, только ускорить упразднение и самого этого генерал-губернаторства, существование которого противоречило общим государственным интересам.

28 сентября Государь вызвал по «тревоге» войска Царскосельского гарнизона и сделал им учение; а 9 октября происходил большой смотр войскам в Петербурге на Марсовом поле.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

События на театре войны шли с неимоверною быстротой. Вслед за поражением главной французской армии под Седаном и сдачей в плен самого императора Наполеона III германские армии подвигались сосредоточенно к Парижу, и с 7/19 сентября началось обложение города. Французское Временное правительство переместилось в Тур; защита столицы вверена комиссии под председательством генерала Трошю. В тот же день французский министр иностранных дел Жюль Фавр при посредстве английского посла вступил в переговоры с графом Бисмарком в Ферьере. Переговоры эти продолжались два дня, но без успеха, так как заявленные прусским канцлером условия казались тогда французскому правительству почти безрассудными[259]. Оно попробовало искать поддержки нейтральных держав и с этою целью поручило Тьеру объехать главные столицы европейские. Начав с Лондона, Тьер приехал чрез Вену в Петербург (15/27 сентября). После объяснений с нашим государственным канцлером он представился 17 сентября Государю в Царском Селе, а 22-го числа выехал из Петербурга обратно в Вену. К сожалению моему, мне не удалось с ним познакомиться: мы обменялись визитами, не застав друг друга. В Петербурге, так же как потом в Вене и во Флоренции, Тьер

А. Тьер

получил только платонические заявления соболезнования о судьбе, постигшей Францию, да некоторые слабые надежды на нравственное заступничество[260]; более того он, конечно, и не мог ожидать от континентальных государств. Только Лондонский кабинет выказал несколько более деятельное участие, предложив другим державам (циркуляром лорда Гренвиля* от 11/23 октября) войти в общее соглашение между собою, чтобы склонить обе воюющие стороны к заключению перемирия и тем дать возможность Фран-

* Лорд Гренвиль занял в кабинете Гладстона место статс-секретаря по иностранным делам после смерти лорда Кларендона 22 июня / 4 июля.

ции произвести спокойно выборы в состав Учредительного собрания, которое могло бы установить легальным порядком новое правительство взамен низвергнутого.

Между тем положение Парижа с каждым днем становилось тяжелее. Продолжительная и строгая блокада угрожала истощением запасов продовольствия; а к тому же среди беспокойного парижского населения беспрестанно проявлялись попытки к беспорядкам и волнениям. В половине октября возобновились переговоры о перемирии: Тьер по возвращении из своей дипломатической поездки выехал в Версаль — главную квартиру короля Вильгельма. Переговоры его с Бисмарком длились пять дней и опять безуспешно. Сдача Страсбурга (15/27 сентября), а потом ровно месяц спустя (15/27 октября) капитуляция всей армии Базена в Меце — еще усилили требовательность и непреклонность победителя*. Французское Временное правительство еще возлагало надежды на формировавшиеся новые армии и на партизанские действия мелких отрядов, составленных из волонтеров (franc-tireurs). На минуту счастие как будто улыбнулось несчастной Франции: в конце октября (28 октября / 9 ноября) Луарская армия, под начальством генерала D'Aurelle de Paladines, имела успех под Орлеаном и оттеснила было германскую армию генерала Танна. Но удача эта не принесла никакой пользы: 16/28 ноября Луарская армия, в свою очередь, была оттеснена Второю германскою армией принца Фридриха Карла, и снова немцы заняли Орлеан и Руан. Поражение Луарской армии отняло у парижан последнюю надежду на выручку; большая вылазка, предпринятая в ночь с 17/29 на 18/30 ноября войсками, защищавшими Париж, была также отбита, и с половины декабря германские батареи начали бомбардировать самый город.

Половина Франции была уже в руках германских войск. Французское Временное правительство, признав небезопасным местопребывание свое в Туре, переместилось в Бордо.

Не раз мне случалось слышать от Государя, что он не умрет спокойно, пока на сердце у него лежит тяжелым бременем Парижский трактат 1856 года и в особенности две статьи его: одна — ограничившая державные права России на Чёрном море, другая — ото-

* 16/28 октября наследный принц Прусский и принц Фридрих Карл были произведены в фельдмаршалы, а генералу Мольтке пожаловано графское достоинство.

рвавшая от империи клочок Бессарабии[261]. Возгоревшаяся между Францией и Германией кровавая распря, результата которой ожидала вся Европа с трепетным беспокойством, казалась благоприятным моментом для решительного шага с нашей стороны к заветной нашей цели — расторжению унизительных для России обязательств[262]. После нескольких предварительных объяснений по этому предмету с князем Горчаковым Государь собрал 15 октября в Царскосельском дворце Совет министров и открыл заседание одушевленною речью о своем намерении воспользоваться благоприятными политическими обстоятельствами для восстановления достоинства и прав России. Прежде чем решиться на такой важный шаг, Его Величество пожелал выслушать откровенное мнение своих министров. Все присутствовавшие, конечно, выразили в большей или меньшей степени, с большею или меньшею искренностью свое сочувствие к намерению Государя; однако ж при этом высказывались и некоторые опасения; говорилось о приготовлениях на тот случай, если б дело не обошлось без войны. Со своей стороны, я высказал мнение, что было бы осторожнее на первый раз ограничиться заявлением об отмене статей Парижского трактата, относящихся лишь к Чёрному морю, не касаясь вопроса территориального, на том основании, что восстановление прав России на уступленную часть Бессарабии не могло бы осуществиться иначе, как в ущерб соседнему государству, с которым мы находимся в дружественных отношениях. С этим мнением все были согласны, и в таком смысле последовало окончательное решение Его Величества.

Об этом решении немедленно же было сообщено представителям России при всех иностранных Дворах циркуляром князя Горчакова от 17/29 октября. Исходя из того факта, что со времени заключения Парижского трактата 30 марта 1856 года много уже совершилось перемен в установленных этим договором основах европейского равновесия, русский канцлер в своем циркуляре высказывал такое мнение: «Il serait difficile d'affirmer que le droit écrit, fondé sur le respect des traités, comme base du droit publie et règle des rapports entre les états, ait conservé la même sanction morale qu'il a pu avoir en d'autres temps»*[263]. За таким вступлением

* «Вряд ли можно утверждать, что писаное право, основанное на уважении к соблюдению верности договорам как на основе публичного права и правил взаимоотношений государств, сохранили то же моральное значение, что было им присуще в былые времена» (*фр.*).

А.М. Горчаков

следовало категорическое заявление, что Петербургский кабинет уже не считает для себя обязательными статьи 11-ю, 13-ю и 14-ю Парижского трактата, ограничившие державные права России на Чёрном море.

На заявление это, как и следовало ожидать, первым отозвался кабинет Лондонский. Лорд Гренвиль в ноте от 10 ноября (нов. стиля) протестовал против решения Петербургского кабинета, не признавая за которою-либо одною из договаривающихся сторон права освобождать себя от принятых на себя обязательств без общего согласия всех подписавших договор[264]. Посол наш в Лондоне барон Бруннов, отличавшийся чрезмерною осторожностию и робостью, в депеше от 7/19 ноября[265] предрекал, что заявление наше неизбежно поведет к войне с Англией, причем напоминал, что он таким же образом в нояб-

Ф.И. Бруннов

ре 1853 года предсказал Крымскую войну за пять месяцев до разрыва. Барон Бруннов советовал принять заблаговременно надлежащие меры со стороны наших министерств: финансов, военного и морского; а именно относительно хранившихся в Лондонском банке русских капиталов, заказанных в Бирмингеме ружей[266] и отправленных в Тихий океан наших военных судов. Однако ж три дня спустя (10/22 ноября) наш посол, как бы спохватившись, поспешил телеграфировать князю Горчакову, что судить о том, какое влияние произвело наше заявление

на Англию, можно будет по тому, последует ли созвание чрезвычайной сессии парламента или нет.

После Англии можно было ожидать протеста преимущественно от Турции. Посол наш генерал Игнатьев доносил, что первое известие о решении Петербургского кабинета, полученное в Константинополе от турецкого посла Галиль-паши, произвело большую тревогу, потому что турки вообразили себе, что русское правительство намерено объявить отмененным весь трактат 1856 года. По-видимому, английский посол Эллиот подстрекал Порту и советовал ей готовиться к войне[267]. Однако ж дело скоро разъяснилось; 13/25 ноября султан принял генерала Игнатьева и объявил ему, что не станет противиться воле российского императора и ни в каком случае не намерен воевать*.

Из прочих держав, подписавших трактат 1856 года, Австрия и Италия приняли заявление Петербургского кабинета спокойно, хотя и не без некоторых оговорок; со стороны Франции, при тогдашнем ее бедственном положении, нельзя было и ждать возражений; что же касается Пруссии, то граф Бисмарк выказал полное желание уладить дело согласно видам России, и чтобы устранить возникшие со стороны Англии возражения, предложил обсудить вопрос в международной конференции. Предложение это было принято всеми державами, не исключая и Англии, которая, однако ж, согласилась на конференцию в Лондоне с оговоркою, чтобы результат ее не считался предрешенным заявлением Петербургского кабинета**. Порта совершенно успокоилась, хотя, по донесению Игнатьева, считала себя несколько обиженною тем, что в Константинополе решение русского правительства было заявлено официально позже, чем другим державам. Вместе с тем турецкий министр иностранных дел выразил надежду на предоставление и в пользу Турции некоторого вознаграждения (équivalent), намекая на отмену статьи трактата относительно закрытия проливов***.

---

* Телеграмма генерала Игнатьева 13/25 ноября: «J'ai été reçu aujourd'hui par le Sultan. Il avoue q'il ne ferait la guerre en aucun cas, si même il avait trois millons de soldats, à moins d'être attaqué, et me charge d'exprimer à l'Empereur l'éspoir que la question sera réglée à notre satisfaction»[268] (*фр.*). — «Я сегодня был на приеме султана. Он признал, что не пойдет войной ни в коем случае, даже если бы он имел 3 млн солдат, [война возможна] если только начнется нападение, и поручил мне заверить императора, что вопрос будет решен в нашу пользу».

** Нота лорда Гренвиля 16/28 ноября.

*** Депеша генерала Игнатьева 17/29 ноября[269].

В России решение Государя сбросить с себя унизительные условия Парижского договора произвело общий восторг. Со всех углов империи начали стекаться в Петербург поздравительные и благодарственные адресы Государю и государственному канцлеру. Из Ливадии дочь моя писала (29 октября)[270], что известие, сообщенное Его Величеством в письме к императрице, произвело в тамошнем маленьком кружке большую радость. В особенности на Юге, в черноморских портах возбудила живое сочувствие надежда на восстановление Черноморского флота. Простодушные патриоты уже вообразили себе, что вот сейчас же русский флаг будет снова господствовать на водах нашего южного моря; появились даже предложения открыть по всей России подписку на сбор денежных средств для постройки военных судов. Но скептики и тогда выражали сомнение: в состоянии ли будет Россия при своем финансовом положении извлечь из достигнутого дипломатического шага реальные выгоды.

Со времени Крымской войны, то есть в течение 14 лет, не обращалось никакого внимания на интересы России в Чёрном море. Все прежние морские учреждения были заброшены; Севастополь оставался такою же развалиной, какою был вслед за его разгромом; учрежденное с политическою целью Русское товарищество пароходства, получавшее от казны громадные субсидии, преследовало только выгоды своих акционеров. Даже в самый момент принятого Государем решения о восстановлении державных прав России на Чёрном море последовало другое решение — об отсрочке сооружения Севастопольской железной дороги! Все прибрежные пункты Чёрного моря оставались совершенно беззащитными, за исключением лишь Керчи, где продолжалась еще постройка сильной крепости[271].

Пока не было полной уверенности в благополучной развязке возбужденного щекотливого вопроса о наших правах на Чёрное море и ожидался еще результат предстоявшей Лондонской конференции, мы должны были озаботиться о принятии на случай войны хотя некоторых мер, таких в особенности, которые требуют более продолжительного времени. К числу их относилось приведение в оборонительное положение важнейших приморских пунктов. С этою целью командирован был на черноморские берега генерал-адъютант Тотлебен; отправлено было значительное число подводных мин (300 в Одессу и 400 в Севастополь) и крепостных орудий. Перевозка этих громоздких грузов

могла производиться только по единственной в то время железной дороге чрез Одессу, а потому не было возможности скрывать наши военные распоряжения, — в чем, впрочем, и не было особенной надобности. Напротив того, эти военные приготовления, быть может, и способствовали успешному исходу Лондонской конференции[272].

Пока германские армии все более и более стесняли кольцо обложения Парижа и готовились к бомбардированию столицы Франции, в Главной квартире прусского короля совершилось важное политическое событие. Вследствие переговоров, искусно веденных графом Бисмарком с южно-германскими государствами, не входившими в тогдашний Северо-Германский Союз, в начале ноября последовало общее соглашение об условиях присоединения их к союзу и об изменениях в прежней союзной конституции. 21 ноября / 3 декабря происходило в Версале торжественное вручение королю Вильгельму баварским принцем Луитпольдом письма короля Баварского с предложением маститому вождю победоносной союзной армии титула императора Германского. Все пребывавшие в Версале немецкие государи присоединились к заявлению Баварии, а вслед за тем, 27 ноября / 9 декабря, в Берлине Прусским ландтагом провозглашено образование империи Германской, под главенством короля Прусского.

Таким образом, прямым результатом побед германских армий над французами было окончательное объединение Германии и утверждение полной гегемонии Пруссии. Другим важным последствием понесенного Франциею поражения было падение светской власти папы и окончательное объединение Италии. С самого начала войны французские войска, охранявшие владения Римского Первосвященника, получили приказание возвратиться во Францию. Еще 24 июля / 5 августа последний эшелон французского отряда отплыл из Чивита-Веккии; 30 августа / 11 сентября королевские войска вступили в пределы папских владений, а 8/20 сентября заняли Вечный город. 28 сентября / 10 октября обнародован декрет короля Виктора-Эмануэля о присоединении Римской области к Итальянскому королевству. Три месяца спустя король, при въезде в Рим, был встречен восторженно населением его.

Также и в Испании прежние затруднения в избрании короля уладились сами собою с устранением подавлявшего влияния им-

ператорской политики Наполеона. После многих отказов нашелся, наконец, кандидат, согласившийся принять предложенную корону. То был герцог Аостский Амедей, второй сын короля Виктора-Эмануэля. Выбор этот утвержден кортесами 4/16 ноября, а 21 декабря (2 января) новый король Испанский въехал торжественно в Мадрид.

НОВЫЙ ПОВОРОТ В НАШИХ ВОЕННЫХ РЕФОРМАХ

Война франко-прусская произвела сильное впечатление во всей Европе. Умы поражены были громадностью военных сил, развернутых Пруссией, совершенством их организации, быстрыми ударами, нанесенными могущественному врагу. Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план; заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе.

Вопрос этот уже ставился мною гораздо ранее. Во всеподданнейшем докладе 1 января 1869 года о положении дел Военного министерства за истекший 1868 год[273] выражалось сомнение в том, можем ли мы, ввиду колоссальных вооружений других европейских государств, довольствоваться теми силами, которые были установлены тогдашними нашими штатами военного времени. То же самое сомнение было вновь выражено в следующем всеподданнейшем докладе 1 января 1870 года: указав на необходимость создания новой вооруженной силы, ***в подкрепление*** действующей армии, я прибавил: «Вопрос этот столь важен и касается столь многих государственных интересов, что требует отдельного рассмотрения, а потому не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть, чтобы по этому предмету представлена была особая записка, которая могла бы быть подвергнута всестороннему обсуждению в комиссии из некоторых лиц, наиболее пользующихся Вашим доверием в важнейших делах государственных»[274]. Против этого места доклада положена была Государем отметка: «Согласен».

В исполнение этого предположения приступлено было в Военном министерстве к сбору необходимых данных и к предва-

рительным соображениям. Возгоревшаяся на Западе война дала этому делу новый толчок, подтвердив фактически заявленную мною необходимость подготовления новых вспомогательных сил сверх имеющейся армии. В августе испрошено мною Высочайшее повеление, чтобы комиссия, учрежденная в 1862 году (под председательством действительного тайного советника Бахтина, а впоследствии перешедшая под председательство генерал-адъютанта графа Гейдена) для пересмотра рекрутского устава[275], не ограничивалась буквально этою задачей, а приступила неотлагательно к разработке нового устава о личной воинской повинности. При этом имелось в виду отменою множества устарелых положений прежнего рекрутского устава, носившего отпечаток отмененного крепостного права, разложить тягость воинской повинности по возможности на большую массу населения и тем облегчить бремя для той доли его, на которой оно лежало дотоле.

Задача была щекотливая. При наших сословных привилегиях и разнообразных, дарованных в разное время, льготах тем или другим категориям населения, какой принять критерий в новой законодательной работе для проведения черты, до которой могла быть распространена обязательность воинской службы? Насколько современные понятия и дух времени допускали коснуться традиционных привилегий и льгот, без опасения возбудить крик в лагере наших консерваторов?

Вопросы эти, конечно, сильно озабочивали меня. В сентябре мне случилось войти в разговор по этому предмету с П.А. Валуевым, который принадлежал к числу наиболее просвещенных наших консерваторов и вместе с тем всегда выказывал особенное внимание к военным вопросам. Сочувствуя всем улучшениям в военном ведомстве, он иногда высказывал мне разные свои мысли и соображения. Так, еще в 1867 году, вследствие одной беседы нашей, он обратился ко мне с запискою следующего содержания*:

«Вы много делаете для армии и для обеспечения числительности ее резервов, хотя я надеюсь, что со временем Вы еще более сократите срок строевой службы; но Вы не обеспечиваете числительности офицеров**. У вас и теперь офицеров мало; с тех пор,

* 12 июля 1867 года[276].
** Упрек не совсем справедливый.

П.А. Валуев.
Рисунок Б.Ф. Бореля

как число поляков в рядах армии ограничено, этот недостаток еще ощутительнее. Я почти уверен, что при нынешнем направлении нашей молодежи этот недостаток со временем увеличится, а не уменьшится. К устранению его предстоит только одно средство — *обязательность военной службы на короткий срок и без нарушения сословных преимуществ* для лиц тех сословий, которые не подлежат рекрутской повинности. Знаю, что это возбудит толки, но:

1) оно необходимо;

2) оно возбудит менее толков, если сословным преимуществам будет оказано внимание и срок службы будет краткий (не свыше 3 лет);

3) оно принесет большую косвенную пользу образованием лиц из средних сословий (купечества и разночинцев) на таких основаниях и с таким приобыканием к дисциплине, которых теперь не имеется;

4) оно принесет такую же пользу отвлечением от заграничного жительства, хотя на время, или от гражданского канцелярского

пустодействия, или бездействия таких молодых людей, с деньгами и образованием, которые сделались бы со временем или хорошими и постоянными военнослужащими, или, по крайней мере, запасными офицерами на случай войны;

5) оно легче может быть проведено в настоящее время ввиду прусско-австрийской войны и Кёнигсгреца[277];

6) оно могло бы быть подготовлено прессою, и «Московские Ведомости», например, могли бы принести в этом отношении более пользы, чем хроническою клеветою на некоторых из Ваших коллегов

и 7) наконец, оно не только необходимо, полезно и возможно, но еще — настоятельно и даже неотложно».

Из приведенной записки видно, что в мыслях П.А. Валуева тогда имелось в виду привлечь дворянское сословие к обязательной военной службе только на особых правах, преимущественно в офицерском звании. Записка его осталась в моем портфеле, в числе многих pia desiderata*, осуществление которых или не согласовалось с общими моими соображениями, или казалось неудобоисполнимым при господствовавшем в то время настроении в нашей высшей администрации и всесильном влиянии враждебной мне лично партии. Три года спустя статс-секретарь Валуев, проведши лето 1870 года за границей, вернулся оттуда под свежим впечатлением совершившихся пред его глазами событий — неимоверно быстрой мобилизации прусской армии и громадного развития сил Германии. Передавая мне эти впечатления, он выказал полное сочувствие к возбужденным мною тогда вопросам о развитии наших вооруженных сил, образованием резервов и о коренном изменении нашего рекрутского устава. Он пошел далее, чем я мог от него ожидать: он высказал мысль о распространении обязательной военной службы на все сословия без исключения. Я отвечал ему, что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новою революционною мерой. Я убедил Валуева изложить письменно его мысли и представить их Государю от своего имени.

Так и было сделано. Несколько дней после нашего разговора П.А. Валуев прислал мне свою записку, озаглавленную так:

---

* Благие пожелания (*лат.*).

«Мысли невоенного о наших военных силах»[278]. Объяснив в ней, чему обязана Германия изумительным успехом ее военной системы, Валуев ставил затем вопрос: «Возможно ли у нас если не принятие этой системы, то по крайней мере приближение к ней?» Отвечая на этот вопрос, он приходил к заключению, что «достижение означенной цели возможно только при распространении обязанности военной службы, хотя бы с некоторыми ограничениями, на сословия, ныне по закону от этой обязанности изъятые». Затем он писал: «Ввиду событий нынешней войны и под свежим влиянием произведенного ими впечатления, едва ли к сему не представляется весьма удобный момент. Мотивы к развитию на обновленных основаниях военных сил государства так очевидны, что они всеми будут усмотрены. С одной стороны, безопасность России требует, чтобы ее военное устройство не отставало от уровня военных сил ее соседей; с другой, предстоит явная необходимость в бережливом производстве расходов. То и другое возможно в совокупности только при такой системе, которая допускала бы наивозможно меньшее наличие войск в мирное время, при наивозможно большем наличии во время войны...» В заключение было сказано: «Если главная мысль, в настоящей записке изложенная, уже составляет, как я полагаю, предмет соображений Военного министерства, то было бы желательно, по тесной связи прикосновенных к нему вопросов со всеми условиями гражданского быта страны, чтобы до составления каких бы то ни было по этому предмету предположений, военное ведомство имело в виду мнения некоторых представителей гражданских ведомств и тех сословий, на которые следовало бы распространить начало обязательной военной службы».

Записку Валуева я нашел вполне отвечающею цели, и, по желанию его, лично представил Государю при своем докладе 5 октября в Царском Селе. Подавая эту записку, признаюсь, я мало рассчитывал на успешный результат. Зато как я был обрадован, когда на другой день получил ее обратно от Государя с такою резолюциею: «Совершенно совпадает и с твоими, и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности».

На другой день, 7 октября, придя с докладом к Государю, я выразил Его Величеству радость, которую доставила мне его резолюция, открывающая новый путь дальнейшей деятельности

Военного министерства и обещающая великие результаты для приведения военных сил России в уровень с развитием их в других государствах Европы. Затем я доложил, в каком порядке полагал бы вести дело для правильного и осторожного осуществления одобренных Государем главных начал, и в заключение просил разрешения представить письменный доклад по этому предмету. Государь выразил полное одобрение всех моих соображений, так что я вышел от него вполне довольный успехом, которым я был обязан подмоге П.А. Валуева. Возвратившись в свою комнату (в Царскосельском дворце), я был еще так полон мыслями о предстоявшей новой реформе, что не мог принудить себя заняться какими-либо другими текущими делами и тут же взялся за перо, чтобы набросить канву будущего устава всеобщей воинской повинности в России. Первыми строками было: «§ 1. Защита отечества от внешних врагов есть священная обязанность, лежащая на всем народонаселении мужского пола от 21- до 46-летнего возраста. Все люди этого возраста, способные носить оружие, числятся в том или другом разряде вооруженных сил на нижеследующих основаниях...»

Строки эти были потом изменены в редакции; но сущность их сохранилась и в окончательно выработанном и утвержденном уставе. Также и многое, далее набросанное в первых черновых моих заметках, послужило материалом для разработки этого устава в комиссии[279].

В течение всего октября в Главном штабе собирались данные, делались предварительные расчеты, обсуждались в общих чертах основания для ведения дела как по новому уставу о воинской повинности, так и по вопросу о развитии наших вооруженных сил. В этой первоначальной, подготовительной работе ближайшими помощниками мне были: граф Ф.Л. Гейден, генерал-лейтенант Г.В. Мещеринов и генерал-майор Н.Н. Обручев. Наконец в первых числах ноября представлен был Государю доклад, вследствие которого последовало 4 ноября Высочайшее повеление, опубликованное на другой день в следующей форме:

«Государь Император по докладу Его Величеству настоящего положения работ комиссии, на которую возложен пересмотр постановлений о личной военной повинности, Высочайше соизволил принять во внимание:

1) что для полного обеспечения военной защиты государства, без обременительного для ее финансов увеличения наличного

состава армии, необходимо постепенное образование резервных и запасных войск, призываемых на службу только в военное время;

2) что устройство запасных войск должно быть основано на тех же самых коренных началах, на которых основано общее устройство армии, и что необходимость соблюдения этого условия вполне подтверждается современными военными событиями;

3) что сокращение сроков обязательной службы облегчает исполнение личной военной повинности и должно быть сохраняемо в виду при составлении новых об этой повинности законоположений;

4) что сокращение служебных сроков без ослабления военных сил государства в общем составе наличных и запасных частей армии зависит от числительности той доли населения, которая ежегодно призывается или впредь будет призываться на службу;

5) что все ныне действующие постановления о поступлении на военную службу, несмотря на допущенные в них различия по правам состояний или правам сословным, имеют один общий источник, заключающийся в понятии о всеобщей и священной обязанности защиты отечества;

6) что для обеспечения надлежащего устройства запасных войск необходимо установление более постоянного и более правильного соотношения между числом новобранцев, вступающих в армию на основании начала обязательного призыва, и числом лиц, которые ежегодно поступают на военную службу на других основаниях, и которые по правам состояния и по степени образования преимущественно занимают офицерские должности;

вследствие сего Государю Императору в 4-й день сего ноября благоугодно было повелеть военному министру: составить и представить на Высочайшее утверждение, установленным порядком, предположения об устройстве запасных частей армии и о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве»[280].

Высочайшее повеление это было редактировано при участии статс-секретаря Валуева; этим объясняется несколько запутанный и туманный оборот некоторых фраз.

Чрез несколько дней после опубликования этого повеления помещена была в «Русском Инвалиде» (19 ноября) объяснительная

статья, в которой главною темой было: устранить всякую мысль о том, что означенное повеление вызвано современными политическими обстоятельствами, а вместе с тем предупредить неправильные и превратные толки в публике о способах осуществления Высочайшей воли, выраженной лишь в самых общих чертах.

7 ноября представлены мною Государю две записки, в которых изложены были уже с некоторою определительностию основные начала предстоявших работ двух комиссий: в одной — по уставу о воинской повинности, в другой — по устройству вооруженных сил[281]. В первой приведены были почти без изменения те самые основные положения, которые первоначально были мною набросаны 7 октября в Царском Селе. Во второй записке высказана была та основная мысль, что для усиления постоянной армии в военное время одна милиция или ополчение недостаточны; что такого рода силы, наскоро формируемые, могут быть пригодны лишь для внутренней и тыловой службы; боевою же силой в подкрепление армии могут быть резервы, правильно организованные и обученные, а для того имеющие в мирное время хотя слабые кадры. На основании этой общей мысли в записке было изложено предположение о сформировании резервных войск, весьма близко подходящее к той организации, которую мне удалось осуществить только гораздо позже, после Турецкой войны 1877–1878 гг., подтвердившей фактически крайнюю необходимость существования в мирное время кадров, для формирования в случае войны резервной армии. По расчетам, приведенным в записке 7 ноября, имелось в виду сформировать кадры для 30 резервных дивизий с артиллерией*. В общем итоге предполагалось, при увеличении ежегодного контингента новобранцев до 160 тысяч, довести вооруженные наши силы (не считая ополчения) до цифры 1 653 393 нижних чинов при 50 954 офицерах.

Государь одобрил предварительно все изложенные в обеих записках соображения, но обратил внимание на необходимость обеспечения средств пополнения убыли в войсках во время самой войны и в особенности относительно гвардии. Вследствие этого

* В 1878 году действительно сформировано было 96 резервных батальонов, что составляло кадр для 96 пехотных полков или 24 дивизий; но в это время полагалось уже дать полкам 4-батальонный состав (в 24 дивизиях = 384 батальона), тогда как в проектах 1870 года расчеты были основаны на 3-батальонном составе (в 30 дивизиях = 360 батальонов).

указания представлена была Его Величеству 24 ноября дополнительная записка о формировании в военное время четвертых, или запасных, батальонов и другая — о возможности сокращения срока обязательной службы в действующих войсках до 7 лет (вместо тогдашних 10 лет)[282].

Все означенные записки с приложенными к ним расчетами и ведомостями были отпечатаны и разосланы членам Совета министров, в котором предстояло первоначальное обсуждение представленных Военным министерством основных начал предпринимаемой новой военной реформы. В Совете участвовали: великие князья (Наследник Цесаревич, Константин, Николай и Михаил Николаевичи), генерал-адъютанты Чевкин, Краббе, Тимашев, граф Шувалов, граф Адлерберг, Зелёный, генерал-майор граф Бобринский (исправляющий должность министра путей сообщения), канцлер князь Горчаков, действительный тайный советник князь Гагарин, граф Панин, барон Корф, князь Урусов, Рейтерн, граф Толстой и Татаринов. В качестве делопроизводителей были статс-секретари Ф.П. Корнилов и Д.М. Сольский.

В Совете министров не было возражений против основных идей проекта; высказаны были лишь частные замечания, вследствие которых были сделаны впоследствии некоторые изменения в первоначальных предположениях[283]. 17 ноября объявлено было Высочайшее повеление о назначении двух отдельных комиссий: одной — для разработки Положения о воинской повинности, другой — для составления Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении, и затем существовавшая с 1862 года комиссия для пересмотра рекрутского устава была закрыта. Вновь учрежденные комиссии под главным руководством военного министра и под непосредственным председательством начальника Главного штаба графа Гейдена были составлены из следующих членов и делопроизводителей:

Комиссия о воинской повинности: от министерств: военного — генерал-майоры Клугин, Обручев, Аничков, Анненков; морского — Свиты контр-адмирал Стеценков и капитан 1-го ранга Свешников; внутренних дел — действительные статские советники Семёнов и Маков; финансов — тайные советники Гирс и Демонтович; народного просвещения — тайный советник Воронов; государственных имуществ — тайный советник Протопопов; уделов — тайный советник Кетчер; II-го отделения Собственной

Е. В. канцелярии — статский советник Калугин; Собственной канцелярии Е. В. по делам Царства Польского — действительный статский советник Евреинов; делопроизводители: действительный статский советник Лебединцев (от Военно-кодификационного комитета), полковники Генерального штаба Шнитников и Максимовский и статский советник Розинг.

Впоследствии добавлены были в состав этой комиссии: сенатор тайный советник Гернгрос и несколько представителей от войск: генерал-адъютант Дрентельн, князь Масальский, генерал-лейтенант Суходольский и генерал-майор Зейме.

Другая комиссия (об устройстве вооруженных сил) имела следующий состав: генерал-лейтенант Швебс (начальник местных войск Петербургского округа), князь Масальский (начальник артиллерии того же округа), Мещеринов (помощник начальника Главного штаба), Раль (начальник 35-й пехотной дивизии), генерал-майоры граф Павел Андр[еевич] Шувалов (начальник штаба Петербургского округа), Зейме (начальник Сводной саперной бригады), Богуславский (помощник начальника Главного управления иррегулярных войск), Фриде (помощник начальника Главного артиллерийского управления), Якимович (помощник начальника Канцелярии Военного министерства), Обручев (управляющий делами Военно-ученого комитета), Аничков (состоящий при военном министре), Павлов и действительный статский советник Добужинский (оба последние — от интендантства); делопроизводители: полковник Генерального штаба Величко, флигель-адъютант штабс-ротмистр Горяинов и коллежский советник Стефан.

Кроме названных постоянных членов, предоставлено было председателю приглашать и других лиц, с которыми совещание может оказаться полезным.

В руководство обеим комиссиям даны были общие указания, Высочайше одобренные 20 декабря и опубликованные в «Инвалиде» 25 декабря.

Известия о последовавшей Высочайшей воле приняты были во всех концах России с полным сочувствием и патриотическим одушевлением, чему, конечно, немало способствовали тогдашние политические обстоятельства. Со всех углов империи, от земств, городов, дворянских собраний, разных учреждений и даже от отдельных личностей получались на имя Государя адресы и телеграммы с выражением полного сочувствия к предположенной ве-

ликой государственной мере. Получал и я лично от многих поздравительные письма и телеграммы. В особенности было мне приятно такое поздравление от Киевского университета, в день празднования годовщины его учреждения 10 ноября, в телеграмме, подписанной профессорами: Бунге, Шульгиным, Белокопытовым, Цехановецким и Линниченко[284]. Не было ни одного голоса в защиту отменяемых сословных привилегий. Общественное мнение на этот раз вполне верно оценило благотворные последствия принимаемой важной государственной меры — привлечения всех сословий к «священной обязанности защиты отечества». Оно было важно не столько в материальном отношении*, сколько в нравственном: оно должно было возвысить самое достоинство военной службы, распространить в народе сознание святости долга пред отечеством, поднять звание солдата и общий уровень образования не только в войсках, но и в народе; наконец, предположенная мера как прямое последствие отмены крепостного состояния должна была, скорее, сгладить сословную рознь. Предполагалось по выработке общего устава о воинской повинности в империи и Царстве Польском постепенно распространять обязательность военной службы и на так называемые инородческие племена, стоявшие в исключительном положении, как бы вне общего гражданского организма империи. О введении же общей воинской повинности в Великом княжестве Финляндском объявлено было в Высочайшем рескрипте на имя финляндского генерал-губернатора графа Н.В. Адлерберга 3-го от 31 декабря 1870 г. (12 января 1871 года)[285].

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ 1870 ГОДА

В конце октября моя семья оставила Киев. Младшие дети с воспитательницей своей выехали вперед 24-го числа и прибыли 28-го в Петербург, а жена с двумя старшими дочерьми выехала 28-го, провела четыре дня в Москве и прибыла в Петербург 4 ноября. Недоставало еще старшей дочери для полного сбора семьи; она возвратилась из Крыма с императрицей только в конце ноября.

---

* В числе 160 тыс. человек предполагавшегося тогда ежегодного контингента новобранцев, приходилось от привилегированных сословий всего около 6 тыс. человек.

Ее Величество оставалась в Ливадии до 20 ноября. Здоровье ее значительно укрепилось в благодатном климате Южного берега. Переехав в Севастополь сухим путем, императрица отплыла оттуда на пароходе «Тигр» и, прибыв в Одессу 21-го числа, провела там весь следующий день; посетила тамошний институт, принимала депутации и даже была вечером в театре. 23-го числа после молебствия в соборе Ее Величество выехала по железной дороге на Киев, где посетила Печерскую лавру, институт, осматривала вновь выстроенный дворец[286]; затем провела сутки в Москве и прибыла в Петербург 29 ноября.

26 ноября 1870 года, ровно год спустя после юбилея Николаевского инженерного училища, наступило пятидесятилетие со времени основания Артиллерийского училища, при тогдашнем генерал-фельдцейхмейстере великом князе Михаиле Павловиче. Юбилей этот праздновался тем же порядком и почти по той же программе, как за год пред тем справлялся юбилей Инженерного училища. В первый день торжества, 25 ноября, Государь приехал около полудня в Михайловскую артиллерийскую академию и училище, где собралась к тому времени бóльшая часть императорского семейства, почетные гости и много бывших воспитанников училища и академии. Его Величество был встречен на главном подъезде великим князем Михаилом Николаевичем, генерал-адъютантом Баранцовым и начальством заведения. Поднявшись по парадной лестнице под руку с великою княгиней Еленой Павловной Государь и за ним все прочие члены Царской фамилии прошли чрез залу и чертежную академии, где были собраны приглашенные гости. В большой конференц-зале были выстроены юнкера. Приняв рапорт от командира батареи, Государь прошел по галерее вдоль всех классов училища, где были размещены бывшие питомцы его, по выпускам, начиная с младших. У каждой двери стояли парными часовыми юнкера, одетые в соответствующую каждой эпохе форму обмундирования. Далее чрез библиотеку и чрез помещение лазарета (который по этому случаю был переведен в другое место) царское семейство и почетные гости прошли в церковь, где было отслужено молебствие; затем на возвратном пути из церкви в конференц-залу в помещении библиотеки поднесены были Его Величеству выбитая по случаю юбилея медаль и приготовленные к этому дню издания: исторический обзор училища[287] и некоторые ученые труды про-

фессоров. Тут же на столе выставлены были прекрасные модели разных новых артиллерийских изобретений, изготовленные учениками Технической артиллерийской школы. В конференц-зале приготовлен был завтрак для Царской фамилии и почетных лиц; для прочих гостей накрыты были столы в залах академии и музея. В проходной комнате пред входом в конференц-залу стояли юнкера и хор музыки гвардейской артиллерии, другой хор музыки был помещен на хорах залы. В конце завтрака, после возглашения тоста за здоровье Государя, юнкера пропели народный гимн с аккомпанементом оркестра, и затем Его Величество со всею Царскою фамилией и почетными гостями спустились по лестнице к подъезду химической лаборатории, между двумя рядами юнкеров, расставленных по ступеням. Бóльшая часть съехавшихся на юбилей бывших питомцев училища оставалась еще долго за столами в товарищеской беседе.

На другой день, 26 ноября, происходило обычное торжество Георгиевского праздника, а 27-го числа снова зала Артиллерийской академии и училища наполнилась к полудню большим числом приглашенных гостей и бывшими питомцами училища: в этот день происходил торжественный акт. На одной стороне залы была эстрада, на которой разместились начальство и Конференция академии и училища, а также депутации, прибывшие с приветствиями от разных ученых и учебных учреждений. Первые ряды кресел заняли особы Императорской фамилии и почетные лица; на хорах залы поместились юнкера училища и оркестр. После пропетого юнкерами стихаря акт открылся прочтением подписанных 26-го числа грамоты на имя академии и училища и Высочайших рескриптов генерал-фельдцейхмейстеру и товарищу его генерал-адъютанту Баранцову[288], которому пожалован в этот день орден Св. Владимира 1-й степени. Затем объявлены другие пожалованные по случаю юбилея награды, в числе которых было производство в полные генералы двух старых артиллерийских генерал-лейтенантов: барона Розена, бывшего некогда начальником Артиллерийского училища, и Новицкого, киевского коменданта. Двое из профессоров: генерал-майоры Маиевский и Гадолин, а также военный агент наш в Северо-Американских Штатах Горлов* зачислены в Свиту. Почти все преподаватели и служа-

* Горлов оказал немаловажную услугу в деле разработки образца нашего нового малокалиберного (бердановского) ружья[289].

щие в академии и училище получили соответственные награды. Но самым почетным выражением царского внимания к артиллерии было то, что Государь принял звание шефа 1-й батареи гвардейской конной артиллерии, а шефом 3-й батареи той же артиллерии назначил сына генерал-фельдцейхмейстера, великого князя Георгия Михайловича, достигшего незадолго пред тем семилетнего возраста.

После объявления о наградах начальник академии и училища генерал-лейтенант Платов провозгласил Высочайше утвержденное постановление Конференции академической о назначении великого князя Михаила Николаевича почетным президентом академии, а великих князей Константина и Николая Николаевичей — почетными членами, так же как и некоторых генералов, в числе которых и я удостоен того же почетного звания. Затем начался ряд приветственных адресов, подносимых депутациями от разных учреждений, начиная от Академии наук и кончая самым младшим по времени учреждения из ученых и учебных заведений — Военно-юридической академии[290]. Депутации, одна за другою, подходили к столу Конференции и прочитывали адресы. В особенности замечены были адресы Московского и Петербургского университетов: ректор первого из них Баршев заявил в заключение своей речи, что Московский университет удостоил генерал-майора Маиевского ученого звания доктора математики, а Петербургский университет избрал в число своих почетных членов начальника Артиллерийской академии генерал-лейтенанта Платова. После поздравлений прочитан был отчет о деятельности академии и училища и, наконец, Его Высочество генерал-фельдцейхмейстер произнес краткую речь к бывшим и настоящим питомцам этих заведений. Акт закончился пропетым юнкерами народным гимном.

В третий день юбилейных торжеств, 28 ноября, отслужена была в Петропавловском соборе панихида по великом князе Михаиле Павловиче, основателе Артиллерийского училища, в присутствии Государя, членов Царской фамилии, большого числа артиллерийских генералов и офицеров. Из собора великий князь Михаил Николаевич с начальством академии и училища, несколькими профессорами и представителями первых пяти выпусков училища отправились во дворец великой княгини Елены Павловны. По прочтении адресов на имя Ее Высочества и дочери ее великой княгини Екатерины Михайловны ве-

ликий князь поднес им обеим вычеканенные по случаю юбилея медали. Великая княгиня была растрогана до слез. Лица, составлявшие депутацию, были приглашены Ее Высочеством к завтраку.

В тот же день в конференц-зале академии и училища устроен был по подписке обед. В числе приглашенных почетных гостей были великие князья. Обед был роскошный, с музыкой, тостами и речами. Почетные гости разъехались вскоре после обеда; но товарищеская трапеза артиллеристов продолжалась до позднего вечера.

Так был отпразднован юбилей нашего рассадника артиллерийских офицеров. Сряду четыре дня (со включением и Георгиевского праздника) не прекращались торжества. Пора было успокоиться и приняться снова за будничные труды, в числе которых в то время было немало весьма серьезных.

Пред Рождеством назначен был Высочайший смотр войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях его; но разместить все эти войска одновременно на Дворцовой и Адмиралтейской площадях оказалось почему-то затруднительным, и вследствие этого смотр разделен был на две очереди: 21 и 22 декабря.

В один из последних дней года (30 декабря) Государь охотился в окрестностях станции Малая Вишера (Николаевской железной дороги). Охота была любимым его развлечением, весьма полезным для его здоровья, особенно в зимнее время. Обыкновенно посвящал он этому развлечению один день недели, именно среду: выезжая из Петербурга во вторник вечером, ночевал в приготовленном для него помещении вблизи места охоты; на другой день все утро охотился и к обеду возвращался в Петербург. На царскую охоту приглашались каждый раз известные лица, одни — в качестве любителей охоты, как например, барон Ливен, князь Рейсс, генерал Вердер, граф Перовский, другие — в качестве приятных собеседников или собственно для вечерней партии преферанса, как, например, князь Суворов, граф Ламберт и т. д. Охота 30 декабря 1870 года, к сожалению, окончилась трагическим случаем: один из участников ее, егермейстер Скарятин (Владимир Яковлевич), был убит выстрелом одного из стоявших рядом с ним в цепи охотников, и, как впоследствии оказалось, именно графом Ферзеном, обер-егермейстером.

П.К. Ферзен

Происшествие это, конечно, произвело крайне тяжелое впечатление и на Государя, и на всех окружавших его; поднялся говор в обществе; заподозрили графа Ферзена в умышленном убийстве Скарятина. Если подозрение и не имело основания, то все-таки граф Ферзен навлек на себя общее негодование тем, что сначала пробовал устранить от себя даже и нечаянную вину смерти своего коллега*, свалив ее на других. Дело это наделало столько шума, что Государь приказал произвести тщательное расследование, для чего составлена была особая комиссия под

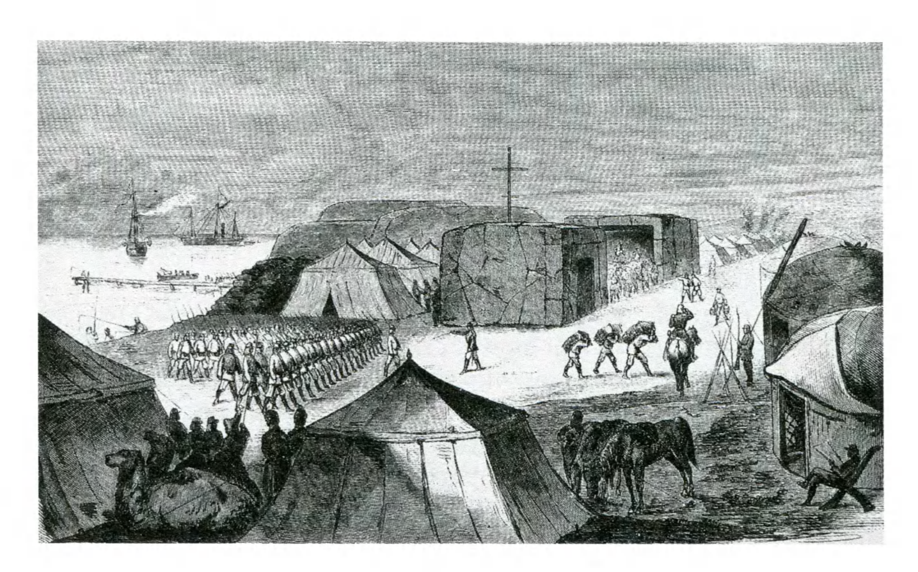
* Так в тексте (*примеч. публ.*).

председательством генерал-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, бывшего некогда воспитателем Наследника Цесаревича. Впоследствии результат произведенного расследования был опубликован, и дело кончилось отставкою графа Ферзена и выездом его из России навсегда.

ДЕЛА АЗИАТСКИЕ

Возникшее еще летом 1869 года возмущение кочевого населения Оренбургских степей продолжалось и в начале следующего года[291]. Ближайшие к нашим укреплениям роды кочевников откочевали в дальние места, частью в Хивинские владения. Начальник Мангышлакского приставства полковник Рукин, выехавший в марте из форта Ново-Александровского с 38 казаками, был окружен в недальнем от форта расстоянии шайкою адаевцев[292] и погиб с большею частью конвоя, после чего скопище мятежников обложило самый форт.

Гарнизон Ново-Александровского форта состоял всего из двух сотен пеших уральских казаков; сообщение его с Оренбургом было прервано, так что известие об угрожавшей опасности дошло до Петербурга чрез Астрахань. Подать помощь из Оренбурга было невозможно, особенно в зимнее время. Поэтому признано необходимым временно подчинить Мангышлакское приставство кавказскому начальству, которому Высочайше повелено отправить на Мангышлак отряд для усмирения бунта и строгого наказания мятежников. По приказанию Его Высочества главнокомандующего Кавказскою армией начальник Дагестана генерал-адъютант князь Меликов немедленно же отправил из Петровска на пароходах две роты пехоты с двумя орудиями, а вслед за тем еще две роты стрелкового батальона и сотню Дагестанского конно-иррегулярного полка под начальством полковника Генерального штаба графа Кутайсова. С прибытием этих войск форт Ново-Александровский был выручен из опасности. Однако ж когда в апреле месяце граф Кутайсов предпринял с частью прибывших с Кавказа войск движение в глубь полуострова, к заливу Александр-бай, высланная вперед сотня дагестанских всадников наткнулась на сильную шайку киргизов, между тем как другое, более многочисленное скопище мятежников, пользуясь удалением русского отряда от форта, двинулось к нему для нового нападения. Граф Кутайсов поспешил вернуться на помощь форту и сам,



Лагерь Мангышлакского отряда

с командою дагестанских всадников, едва пробился сквозь толпы кочевников. С возвращением отряда в форт (22 апреля) скопище мятежных киргиз снова удалилось и после того уже не возобновляло попыток против форта.

К лету удалось восстановить спокойствие на Мангышлакском полуострове. Адаевцы начали возвращаться на прежние свои места кочевки с изъявлением готовности подчиниться новому порядку управления в степных областях, так что генерал-адъютант князь Меликов, прибыв лично в июле месяце в Ново-Александровский форт, нашел уже возможным большую часть присланных с Кавказа войск возвратить в Дагестан.

В это же время оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант Крыжановский объезжал северную часть Оренбургских степей. К Усть-Урту выдвинуты были легкие отряды для охранения мирного населения от рыскавших шаек киргизских и хивинских. При встрече с русскими войсками шайки эти утекали, но, высмотрев где-нибудь караван или военный транспорт, нападали на них и грабили. Так, 25 июля большая шайка напала на военный транспорт, следовавший в тылу нашего отряда, под прикрытием 20 казаков, и чуть не истребила все это слабое прикрытие. Казаки храбро отстреливались до прибытия на выручку роты пехоты.

Не было сомнения в том, что киргизы, кочующие между Каспийским и Аральским морями, были подстрекаемы к мятежу эмиссарами хана Хивинского, который продолжал держать себя враждебно в отношении к пограничным русским властям. Письма генерала Кауфмана сперва оставлял он без ответа, а потом прислал дерзкий ответ. Еще в декабре 1869 года генерал Кауфман писал мне: «Нам нельзя оставить дела в таком положении; нужно во что бы ни стало привести Хиву к одному знаменателю с Бухарой и Коканом. Если не будет ответа, или ответ будет неудовлетворительный, если не возвратит взятых в плен трех русских, нельзя будет избегнуть наступательных действий. Но для этого нужно двинуть отряд также от Красноводска...», — пункта, занятого нами только за несколько недель пред тем, как было написано это письмо. Генерал Кауфман и впоследствии неоднократно заявлял, что при всем своем желании избегать военных действий, будет поставлен в необходимость смирить кичливого хана[293].

Напротив того, эмир Бухарский продолжал вести себя мирно и покорно. Посольство его с сыном эмира во главе по возвращении из Петербурга пробыло некоторое время в Ташкенте и потом отправилось восвояси. Говорили, что эмир был не совсем удовлетворен результатом посольства: и действительно, кроме обычных подарков и любезных фраз, оно прибыло домой с пустыми руками; надежды эмира на великодушное возвращение ему отнятых нами его «городов» не осуществились[294]. Тем не менее в конце апреля эмир прислал в Ташкент последнюю остававшуюся за ним долю контрибуции, и генерал Кауфман, в знак окончательного установления добрых отношений с Бухарой, послал к эмиру посольство, под начальством полковника Носовича с любезным посланием и подарками. Посольство это было принято в Бухаре с особенным почетом; эмир выражал не раз полковнику Носовичу свою преданность русскому царю и готовность исполнять все желания туркестанского генерал-губернатора. Одновременно с русским посольством находилось в Бухаре и посольство Шир-Али хана Авганского, пытавшегося склонить эмира к враждебным действиям против русских. Однако ж властелин Бухары не поддавался этим коварным внушениям и остался верен дружественным заявлениям, переданным чрез Носовича, при возвращении его в июле в Ташкент[295].

Между тем генерал Кауфман счел полезным ближе ознакомиться с горною страной, лежащею между владениями Бухарски-

ми, Коканскими и Авганскими. С этою целью была снаряжена полуученая, полувоенная экспедиция, под начальством генерал-майора Абрамова, который в мае двинулся от Самарканда вверх по Заравшану, одновременно с другою колонной, направленной туда же со стороны Уратюбе, под начальством подполковника Генерального штаба Деннета. Экспедиция эта была совершена весьма успешно: дотоле почти неизвестная страна до озера Искендер-Куль была осмотрена и снята глазомерно[296]; горское население большею частию встречало русские колонны миролюбиво и даже радушно. Однако ж движение это не совсем обошлось и без враждебных встреч. 25 июня при проходе чрез одно ущелье (Кшутское) отряду пришлось выдержать бой с потерею 5 убитых и 30 раненых.

Пока генерал-майор Абрамов занят был рекогносцировкою к стороне Искендер-Куля, в окрестностях Самарканда появились снова шайки грабителей из Шахрисябса. Небольшое это владение, лежащее в горах, верстах в 150 к югу от Самарканда, признавало прежде власть эмира Бухарского; но с тех пор, как Бухаре нанесен был нами тяжкий удар, шахрисябцы начали действовать враждебно и против эмира, и против нас. Они были главными зачинщиками нападения на гарнизон наш в Самаркандской цитадели в 1868 году, и, хотя эмир обещал нам привести в повиновение и наказать их, однако ж ему не удалось с ними справиться. Шахрисябцы угрожали даже свергнуть с престола эмира Музафара, поддерживая возмутившегося против него старшего сына Каты-Тюря. Еще в 1869 году шахрисябцы производили частые нападения на южные пределы Бухарских владений и навели ужас на местное население. Шайки грабителей проникали и в наши пограничные местности. Против них высылались генералом Абрамовым легкие отряды, гонявшиеся за грабителями и оберегавшие мирное население*. Хотя в начале 1870 года эмиру удалось смирить своего сына, однако ж шахрисябсские беки, одобренные безнаказанностью и пользуясь удалением из Самарканда начальника Заравшанского отдела, дошли до такой дерзости, что начали собирать «зякет» (подать) с подвластных нам пограничных селений и нападать

* Один из таких поисков произведен был сотнею уральских казаков под начальством штабс-ротмистра Скобелева и корнета Герстенцвейга (сына бывшего дежурного генерала)[297]. Им удалось в ночь с 7 на 8 декабря настигнуть шайку в самом убежище ее и совершенно ее истребить. Это был первый боевой опыт Скобелева.

даже на казачьи команды. Тогда генерал Кауфман приказал Абрамову, по возвращении его в Самарканд, собрать отряд и быстро двинуться в Шахрисябс, чтобы проучить беспокойных соседей. Неожиданное появление русского отряда в горных малодоступных местностях и взятие приступом главного города Китяба (14 августа) произвели весьма выгодное для нас впечатление в крае. Генерал Кауфман поступил вполне политично, передав взятые нашими войсками города Китяб и Шар эмиру Бухарскому, который, заняв их немедленно своими войсками, выразил письменно генералу Кауфману свою признательность и преданность русскому царю. Восстановление власти эмира в Шахрисябсе укрепило доверие его к благим видам русского правительства и упрочило дружественные наши с ним отношения.

Взятие Китяба стоило нам недешево: в отряде нашем было 19 убитых (в том числе 1 офицер) и до 100 раненых, в том числе сам генерал Абрамов и 7 офицеров. В числе наград, пожалованных за это молодецкое дело, Абрамов получил Георгиевский крест 3-й степени. Бежавшие из Китяба беки Шахрисябсские (Джура-бий и Баба-бий) искали убежища у хана Коканского, но Худояр-хан, убежденный в необходимости поддержания дружественных отношений к туркестанскому генерал-губернатору и желая угодить ему, выдал беглых беков и отправил их в Ташкент. Кауфман обошелся с побежденными кротко, водворил их в Ташкенте с приличным содержанием, а вместе с тем отправил в Кокан состоявшего при генерал-губернаторе чиновника Министерства иностранных дел Струве с поручением выразить Худояр-хану благодарность за его образ действий и тем укрепить дружественные с ним отношения[298].

Министерство иностранных дел, одобрив распоряжения генерала Кауфмана относительно обоих соседних владельцев, ставших уже к нам как бы в вассальные отношения, желало, однако же, еще большего: оно снова подняло вопрос об уступке эмиру Бухарскому самого Самарканда[299]. Но генерал Кауфман совершенно справедливо признавал это невозможным, так же как и прежде; он считал чрезвычайно важным занятие такого передового пункта, как наблюдательного поста между Бухарою и Авганистаном, откуда можно было всегда ожидать интриг и враждебных замыслов. Притом часто возобновлявшиеся в этой стране смуты и перевороты отзывались неблагоприятно и в соседнем с нами Авганском Туркестане. Тогдашний владетель Кабула Шир-Али был озабочен

восстанием сына его Якуба, правившего Гератом, и побегом из Авганистана другого претендента на кабульский престол — Абдурахмана, одного из сыновей Дост-Магомета. Вытесненный более счастливым конкурентом, покровительствуемым англичанами, Абдурахман бежал сначала в Бухару, где, однако же, эмир не решился дать ему убежище, и тогда явился в Ташкент под покровительство русского генерал-губернатора. По азиатскому обычаю, он прибыл не один, а со свитой из 230 авганцев, которых пришлось кормить на казенный счет. Пребывание этих незваных гостей затрудняло Кауфмана не только по значительности расхода*, но и по соображениям политическим в отношении англичан, которые ревниво и подозрительно следили за всеми нашими действиями в сопредельной с Авганистаном окраине. Генерал Кауфман счел нужным послать к Шир-Али-хану письмо, в котором объяснил ему, что прием, оказанный у нас Абдурахману, есть не что иное, как простой долг гостеприимства. Однако ж объяснение это не могло успокоить подозрительность английских властей, которые ставили нам в упрек и считали интригою всякое сношение наших пограничных властей с владетелем Авганистана[300].

Между тем сами англичане, не довольствуясь подчинением этой страны своему исключительному влиянию, деятельно заботились об установлении тесных связей политических и торговых с другим нашим соседом — Кашгаром (Джиты-Шар). С возникновением мусульманского движения в Западном Китае, Кашгар образовал отдельное владение под властью Якуб-бека — человека энергичного и честолюбивого: английские ост-индские власти задались целью привлечь кашгарского владетеля в сферу своего влияния и для того отправляли к нему посольства с подарками, предлагали снабжать его оружием, инструкторами и при этом, разумеется, не упускали случая возбуждать в нем недоверие к русским. Происки эти отозвались заметно на зачинавшихся в то время торговых наших сношениях с Кашгаром[301]: караваны наших купцов были задерживаемы по многим месяцам. Якуб-бек, пользуясь полной неурядицей во всей западной окраине Китайской империи, стремился расширить свои владения, то воюя против дунган, то входя с ними в соглашение.

---

* Генерал Кауфман, видя, что пребывание Абдурахмана в Ташкенте может продлиться долго, назначил на содержание авганцев определенную сумму — по 1750 руб. в месяц.

Восстание дунган[302] в Западном Китае началось почти одновременно с возмущением в центральных и восточных областях его. В начале шестидесятых годов китайские власти были совершенно выгнаны из областей Ган-су, Шанси и соседней с нашею Семиреченскою областью долины Иллийской. Обширные пространства превратились в пустыни; города, некогда цветущие и многолюдные, обращены в развалины. Но восставшее мусульманское население, легко свергнув власть пекинского правительства, не заключало, однако же, в себе самом элементов, необходимых для того, чтобы сплотиться в какой-либо самостоятельный политический организм. Не нашлось личности, которая придала бы единство и силу отложившимся от Китая областям. Только в Джиты-Шаре (Кашгаре) образовалось нечто похожее на самостоятельное владение под железною властью пришлеца; в остальных же местностях, где господствовали дунганы, была полная анархия. Поэтому не трудно было Якуб-беку постепенно распространять свое владычество к северу Тянь-Шаня, а с другой стороны, пекинское правительство, подавив наконец восстание так называемых тайпингов[303] (название, имеющее в сущности общее значение разбойников, хищников), обратило значительные силы для восстановления своей власти в западных областях. Китайцы, со свойственною им выдержкою, мало-помалу подвигались вперед и постепенно оттесняли дунган. Весною 1870 года войска императорские под предводительством знаменитого Лихуджана уже заняли было большую часть области Шанси, но почему-то Лихуджан был отозван, и предпринятое восстановление китайской власти в той стране опять отсрочилось надолго.

Неурядица в ближайших к нашей границе областях Китая не могла не отзываться и в наших пределах; торговля совсем прекратилась. Летом 1870 года консул наш в Кульдже Павлинов предпринял было поездку в Монголию для собрания сведений о положении края; он доехал благополучно с купеческим караваном до Улясутая, но в то самое время, когда он там находился со своею семьей, несколькими казаками и русскими торговцами, дунгане напали на Улясутай и, ворвавшись в город, по своему обычаю, разграбили его, сожгли и перерезали почти все население. Павлинов, раненый, едва спасся бегством в Кобдо, откуда китайские власти препроводили его до русской границы. Павлинов не мог уже возвратиться на свой пост, так как в Кульдже уже властвовал какой-то дунганский «султан», избегавший всяких сношений с

Абиль-оглы, последний султан Кульджи. Рисунок Б.Ф. Бореля

пограничными русскими властями и оставлявший без ответа все заявления генерала Колпаковского о беспорядках, производимых в наших пределах вторгавшимися по временам шайками дунган и калмыков[304]. Генерал Кауфман уже в это время заявлял о необходимости скорейшего прекращения неурядицы в соседних с нами областях, или восстановлением в них власти китайцев, или занятием Иллийской долины нашими войсками. На первый раз он решился занять Музартский горный проход с тою целью, чтобы не допустить кашгарского владетеля Якуб-бека завладеть Кульджою.

Для обсуждения поставленного генералом Кауфманом вопроса назначено было осенью 1870 года особое совещание под моим председательством. В нем приняли участие представители министерств иностранных дел и военного. Необходимо было установить вообще предстоявший нам образ действий на Крайнем Востоке: оказать ли действительную материальную помощь дружественной соседней державе, для восстановления законной власти в отложившихся ее областях, или же, ввиду безнадежного положе-

ния этой власти, войти в соглашение с представителями дунганского восстания и стараться образовать в ближайшем нашем соседстве небольшие мусульманские владения, которые были бы нашими естественными союзниками, в случае возможных в будущем столкновений наших с Китаем. Некоторые из военных членов совещания высказывали мнение в этом последнем смысле, но взяло верх мнение представителей Министерства иностранных дел, в особенности барона Остен-Сакена, ближе всех знакомого с азиатскими делами и убедившего членов совещания в том, что восстание дунганское есть явление преходящее, нередко случавшееся и в прежние времена в Китае, что в нем не представляется никаких задатков для основания каких-либо новых самостоятельных политических организмов, что пекинское правительство с обычною ему выдержкою и настойчивостью рано или поздно одолеет восстание, и что потому с нашей стороны было бы неполитично отступить ныне от традиционной нашей политики — поддержания дружественных отношений с этим сильным и долговечным соседом. Результатом совещания было признание необходимости оставаться пока в выжидательном положении, дать время пекинскому правительству восстановить свою власть в возмутившихся областях, а до того времени избегать по возможности столкновений и с дунганами, пока не будет с их стороны каких-либо враждебных против нас действий[305].

Такое заключение совещания, конечно одобренное вполне Министерством иностранных дел, было утверждено Государем, и сообразно тому дана была инструкция генералу Кауфману. Однако ж можно было заранее предвидеть, что на деле не удастся нам долго выдержать предначертанную пассивно-нейтральную роль, ввиду происходящей непосредственно на границах наших неурядицы. На пограничных наших постах случались частые столкновения, и не было возможности воспретить безусловно отрядам нашим переходить за пограничную черту.

Еще в октябре, когда дунганское восстание распространилось в восточную часть Монголии и угрожало Урге, пекинское правительство, само чувствуя себя бессильным обеспечить этот пункт от неприятельского нападения, обратилось с просьбой о помощи к русскому консулу Шишмарёву. По получении от него донесения в Петербурге предписано было начальству Восточной Сибири немедленно двинуть к Ургу небольшой отряд. Как только этот город был занят одною казачьею сотней, дунгане отказались от своего

намерения и удалились. Казачий наш отряд оставался в Урге несколько месяцев, в виде охраны нашего консульства.

Тогдашнее положение пекинского правительства было весьма трудное. Независимо от внутренних возмущений Китай вынес тяжкие удары и внешних врагов — Англии и Франции[306]. После вынужденных уступок Европе прежняя инерция Срединной империи была расшатана в самых основах. Пекинское правительство увидело необходимость ладить с Европой и для того решилось отступить от вековой своей замкнутости. В начале 1870 года оно само отправило посольство в разные государства европейские; но пока это посольство переезжало из одной столицы в другую, едва было не случилось новое столкновение с Европой. В июне по какому-то случайному поводу в Тянцине умерщвлены были фанатиками проживавшие там французские миссионеры и сестры милосердия — всего 14 человек, в числе которых попали по недоразумению и трое русских. Конечно, происшествие это произвело тревогу в Европе. На счастье пекинского правительства Франции в это время было не до Китая, и потому дело кончилось обменом дипломатических нот и денежным вознаграждением.

Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский, продолжавший и во время постоянного своего пребывания во Франции следить за ходом дел в Восточной Сибири, в письме ко мне от 23 декабря 1870 года[307], рассуждая о невыгодном для наших интересов положении Северного Китая, указывал необходимость занятия нашими войсками Урги и Улясутая. Относительно первого пункта, как сказано, мысль графа Муравьёва осуществилась уже ранее; что же касается до Улясутая, то этот пункт был слишком удален от нашей границы и притом находился в самом центре дунганского восстания, так что занятие его нашими войсками неизбежно вовлекло бы нас в открытую с ним борьбу, что было бы совершенно в разрезе принятому совещанием плану действий.

В заключение сделанного мною обзора положения дел на азиатских наших окраинах в течение 1870 года остается упомянуть о возбужденном еще в прежние годы вопросе касательно нового административного деления Сибири, в особенности же отделения Приамурского края от Иркутского генерал-губернаторства[308]. К сожалению, это дело нисколько не подвинулось вперед благодаря разномыслию между министерствами и своеобразным видам каждого из них. В начале года ожидалось представление адмиралом Сколковым отчета о прошлогодней поездке его на Амур во главе

Н.Н. Муравьёв-Амурский

целой комиссии, а в мае, как бы умышленно, в самое время моего отъезда за границу, великий князь Константин Николаевич назначил совещание по вопросу, в котором мы с ним совершенно расходились во взглядах. В совещании этом заступал мое место граф Гейден. Его Высочество по-прежнему настаивал на подчинении всей прибрежной полосы Восточной Сибири исключительному ведению Морского министерства. Большинство участвовавших в совещании, состоявшее из моряков, конечно, поддерживало мнение председателя, а потому журнал совещания был составлен в том же смысле, несмотря на возражения графа Гейдена[309]. Однако ж дело это было отложено до моего возвращения и затем надолго заглохло, вероятно потому, что великому князю генерал-адмиралу

вполне было известно мое твердое намерение противиться до крайности его проекту.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1870 ГОДУ

В последовательном развитии наших вооруженных сил 1870 год имел выдающееся значение: с одной стороны, грозная война, возгоревшаяся на западе Европы, доставила нам еще более, чем предшествовавшая война австро-прусская, наглядные указания для дальнейших мероприятий и совершенствований по всем частям нашего военного устройства; с другой стороны, последовавшее 4 ноября Высочайшее повеление о коренном изменении оснований, на которых дотоле отбывалась у нас воинская повинность[310], имело такое существенное значение, что могло считаться началом нового периода в истории нашей армии.

Обе указанные знаменательные черты 1870 года дали новое направление последующим работам Военного министерства; но самый 1870 год прошел без малейшего нарушения обычного течения дел. Нейтральное положение, принятое Россией относительно воюющих сторон, дало нам возможность избегнуть всяких чрезвычайных военных мер и оставаться в течение всего года на мирном положении. Только в то время, когда последовало решение Государя относительно отмены известных статей Парижского трактата[311], спокойствие наше несколько поколебалось; возникло сомнение, не разгорится ли война общая, европейская, в которую и мы будем вовлечены против собственной своей воли. Но для нас опасение могло быть только со стороны Англии, а позднее время года позволяло рассчитывать, что она во всяком случае не решится что-либо предпринять до весны. Поэтому мы не имели повода торопиться принятием каких-либо военных мер, сопряженных с большими расходами. На первое время мы ограничились только упомянутыми выше распоряжениями по обороне приморских наших пунктов и приостановкою обычного в осеннее время перечисления в запас (в бессрочный отпуск) нижних чинов старших сроков службы.

Одна эта мера дала возможность без призыва людей из запаса привести из «кадрового» состава в «обыкновенный мирный» все 15 пехотных дивизий, расположенных в западных пограничных округах, так что из всех 47 пехотных дивизий остались в кадровом составе только 12, исключительно во внутренних округах; 4 диви-

зии на Кавказе были в «усиленном» мирном составе; затем остальные 31 дивизия — в «обыкновенном» мирном.

Наличная численность всех регулярных войск, понизившаяся к началу 1870 года до 683 тыс. человек (списочных), опять возросла в конце года до 733 тыс., то есть увеличилась на 50 тыс. нижних чинов*. Если ж прибавить иррегулярные войска** и разные нестроевые команды, то всего *на довольствии* состояло в конце года до 833 тыс. человек.

В самой организации войск произведены в 1870 году следующие главные перемены:

1) стрелковые батальоны отделены от пехотных дивизий и сведены в отдельные стрелковые бригады, в числе 8 бригад, по 4 батальона в каждой. При этом 1-й и 2-й резервные батальоны обращены в действующие;

2) во всех пеших артиллерийских бригадах добавлено по одной батарее «скорострельной» и сформирована 2-я Туркестанская артиллерийская бригада из двух батарей, состоявших прежде при Сибирском казачьем войске, и третьей, вновь сформированной — горной;

3) крепостная артиллерия приведена в новый штатный состав, по которому число рот определено в мирное время 59, а в военное 91.

За всеми сделанными изменениями в организации войск и в штатном их составе, численность всей регулярной армии по военному положению усилилась до 1 208 000 нижних чинов.

Таким образом, в конце 1870 года разность в числе нижних чинов по штатам мирным и военным составляла около 462 тыс. человек. В запасе же имелось до 508 тыс. бессрочноотпускных, так что за укомплектованием всех частей оставался бы излишек людей в 46 тыс. человек, который должен был еще возрасти в последующие годы.

Но можно было предвидеть, что наступит время, когда число людей в запасе уменьшится разом на весьма значительную цифру, — именно в 1874 и 1875 годах, когда минет 20-летний срок со времени чрезвычайных усиленных наборов 1854 и 1855 годов. Об

---

* В автографе далее зачеркнуто: «Штатное же число при тех составах, в которых находились войска в начале года, было 726 тыс. человек, а в конце года увеличилось до 747 тыс. нижних чинов» (*примеч. публ.*).

** В иррегулярных войсках состояло на действительной службе 70 676 человек.

этом обстоятельстве я счел долгом предварить Государя, доложив ему, что, продолжая рекрутские наборы в принятом тогда размере, мы должны ожидать к 1876 году недостатка до 88 тыс. запасных, для приведения всей армии на военное положение. Для устранения этого важного недостатка было предложено мною усилить наборы, начиная с текущего года, до 6 рекрут с 1000 душ. В таком размере и назначен был Высочайшим манифестом 1 декабря 1870 года рекрутский набор в январе следующего года[312]. По этому поводу была напечатана одновременно с Манифестом объяснительная статья в «Русском Инвалиде», дабы устранить всякие предположения и толки, какие могли быть вызваны усилением рекрутского набора при тогдашних политических обстоятельствах.

Главнейшею заботою Военного министерства было ускорение мобилизации армии. Придумывались всевозможные меры к устранению невыгод наших чрезмерных расстояний, бездорожья, климата, недостаточного развития железнодорожной сети. В 1870 году составлены были: Положение о порядке сбора отпускных нижних чинов в случае призыва на службу (Высочайше утвержденное 22 сентября)[313] и первое Расписание, указывавшее распределение означенных чинов запаса и пути передвижения их для быстрого приведения войск на военное положение. Расписание это было представлено мною Государю в Петергофе; Его Величество весьма одобрил эту сложную и кропотливую работу Главного штаба, в особенности же полковника Генерального штаба Величко, замечательного труженика и знатока дела. Само собою разумеется, что Расписание должно было обновляться каждый год, соответственно переменам в численном составе и территориальном распределении чинов запаса, так же как и переменам в самой армии. При этой ежегодно возобновляемой работе имелось в виду постепенно совершенствовать Расписание, дабы достигнуть возможно большей быстроты мобилизации. В этом отношении Пруссия дала всей Европе назидательный урок. Конечно, для нас пример Пруссии был идеалом недосягаемым; тем не менее мы должны были по крайней мере приближаться к нему насколько было физически возможно.

Мобилизация армии требует быстрого укомплектования не одними только людьми, но и лошадьми. Первый шаг и в этом отношении был сделан в 1870 году: приступлено в Главном штабе к разработке вопроса о военно-конской повинности.

Из множества других, разнообразных предметов занятий Главного штаба в том же году укажу только те, которые имели более общее значение:

1) Положением 15 февраля определено первоначальное устройство железнодорожных команд, для формирования которых в военное время подготовлялось определенное число офицеров и нижних чинов, распределенных по разным железным дорогам, под общим надзором начальства местных войск[314];

2) на том же основании учреждены военно-телеграфные команды с целью подготовления телеграфистов на станциях Государственного телеграфа, для комплектования военно-телеграфных парков, о которых Положение Высочайшее утверждено 1 августа и объявлено приказом 31-го числа того же месяца[315];

3) составлены подробные правила для передвижения войск по железным дорогам, чертежи разных приспособлений в подвижном составе железных дорог для военных целей; производились опыты посадки и высадки войск с их обозами; собирались данные о провозоспособности дорог для расчета возможной скорости передвижения больших масс войск. По всем этим предметам Главный штаб входил в соглашения с Министерством путей сообщения и с управлениями железных дорог;

4) учрежденные в прошлом году при Главном штабе комиссии, одна — о постоянных лагерях, другая — о казарменном размещении войск, — продолжали пока только предварительные работы;

5) обращено внимание на снабжение войск в военное время топографическими картами в широком размере; для этого проектированы склады карт при военно-окружных штабах, а в Военно-топографическом отделе Главного штаба производились опыты разных новых изобретений и усовершенствований, имеющих целью ускорить и удешевить воспроизведение карт в большом числе экземпляров, посредством замены ручного труда механическими способами;

6) по устройству полкового хозяйства полученные отзывы от начальников войск о результате производившихся уже несколько лет испытаний снова оказались недостаточными для окончательного решения вопроса, а потому Военным советом постановлено продлить опыт еще на год, то есть на весь 1871 год[316]. Между тем вводились некоторые улучшения в хозяйственном устройстве местных войск;

7) продолжавшийся пересмотр штатов и разные изменения в составе войск (особенно в мелких нестроевых командах всякого

рода) давали сбережения в расходах, обращаемые на увеличение содержания некоторым должностным чинам. Такие прибавки к содержанию составили в 1870 году до 143 тыс. рублей;

8) кроме того, до 340 тыс. руб. обращено на улучшение положения унтер-офицеров: приказом 1 августа увеличены оклады содержания фельдфебелям, вахмистрам и другим старшим чинам унтер-офицерского звания. Вместе с тем общее число унтер-офицеров по штатам мирного времени значительно уменьшено. Мера эта не только дала средства для покрытия некоторой части расхода на увеличение содержания старшим унтер-офицерам, но имела и другую цель — уменьшить несоразмерный излишек унтер-офицеров в числе запасных нижних чинов*.

Последовательная в течение многих лет разработка разнообразных частных вопросов, входящих в круг деятельности Главного штаба, привела к тому, что армия наша вполне преобразилась во всех подробностях своего внутреннего и строевого состояния. Но с конца 1870 года приходится начинать сызнова многосложную работу ввиду поставленных Военному министерству новых капитальных задач, на которые отныне должно обратиться все его внимание.

Сказанное выше о характере деятельности Главного штаба в течение 1870 года до Высочайшего повеления 4 ноября применяется и ко всем другим отделам Военного министерства: по всем частям работы деятельно подвигались вперед в том же направлении, которое было дано им в предшествовавшие годы.

По *части артиллерийской*: по-прежнему обращено было внимание на ружейное дело, которое настолько уже шло успешно, что учрежденная под моим личным председательством Главная распорядительная комиссия собиралась только изредка, по мере надобности, для разрешения каких-либо вновь возникавших сомнений и недоразумений или для ассигнования сумм на расходы[317]. Все контрагенты вместе с Варшавскою казенною мастерской успели к концу года сдать до 572 тыс. крнковских ружей, что составило вместе с 211 тысячами игольчатых и 30 тысячами малокалиберных американского изготовления всего до 813 тыс. ружей, заряжаемых с казенной части. По мере сдачи крнковских ружей ими заменя-

* Для приведения всех войск в полный военный состав требовалась по штатам 21 тыс. унтер-офицеров; числилось же в бессрочном отпуску до 77 тыс. человек.

лись в войсках европейских округов игольчатые винтовки, передаваемые в Кавказский и Сибирский округа.

При передаче ружей в войска встретились некоторые затруднения только в Варшавском округе, где найдены были неудовлетворительными ружья, доставленные от либавских заводчиков. Затруднение это было улажено при содействии генерал-лейтенанта Мордвинова (начальника канцелярии Военного министерства), проезжавшего в то время чрез Варшаву: ружья действительно плохие были исправлены, а замеченная в начале неудовлетворительность меткости стрельбы была впоследствии устранена улучшениями в изготовлении патрона.

К концу года из числа 41 пехотной дивизии, расположенной в Европейской России, вооружены были крнковскими ружьями уже 35 дивизий и все саперные войска; а все стрелковые батальоны, не исключая и туркестанских, — бердановскими винтовками первого образца[318]. Вместе с ружьями войска получили и полный комплект патронов, которых было уже изготовлено до 95 млн. Патронный завод был доведен до такого состояния, что мог бы изготовлять по 700 тыс. патронов в день, если б, к сожалению, не встречалось остановок за хорошею латунью. Расширение и усовершенствование патронного дела сделалось главным предметом наших забот. Сверх мастерских, первоначально устроенных в здании Старого арсенала на Литейной, открыт (8 сентября) другой отдел — на Васильевском острове, в здании прежнего казенного винного магазина* и приступлено к устройству третьего отдела — собственно для снаряжения патронов, на Выборгской стороне, на месте старой артиллерийской лаборатории.

Обширные эти работы, производившиеся притом весьма спешно, выписка из Америки и Германии машин и станков, при новизне дела, — требовали крупных денежных средств и поглощали значительную часть сметных ассигнований по артиллерийскому ведомству. Но в течение года оказалось необходимым еще испросить сверхсметный кредит в размере свыше одного миллиона рублей на переустройство Тульского оружейного завода, который по окончании срока аренды генералом Стандершельдом снова перешел в казенное управление и назначен был для производства ис-

---

* Здесь первоначально приступлено было к устройству патронной мастерской по распоряжению Наследника Цесаревича для изготовления патронов к ружьям Баранова и Путилова[319].

Лейб-гвардии Конной артиллерийской нарезной батареи № 3 бомбардир в карауль-ной парадной форме. Рисунок императора Александра II

ключительно бердановских ружей второго образца. В мае 1870 года утверждены Положение и штат нового заводского управления[320], и в то же время приступлено к строительным работам, заведование которыми было возложено на Особый комитет под председательством генерал-майора Свиты Нотбека, назначенного (25 апреля) на должность начальника завода. Работы велись энергично; генерал-адъютант Баранцов, осматривавший их в октябре того же года, нашел уже заметный успех.

Относительно *полевой артиллерии*: в 1870 году решен вопрос о скорострельных пушках (картечницах): положено образовать из них особые батареи, и приказом 10 августа объявлено Высочайшее

повеление о сформировании во всех артиллерийских бригадах четвертых батарей — скорострельных. На первый раз сформированы были эти батареи только в 15 бригадах, по числу полученных из Америки 120 картечниц Гатлинга[321].

В своем месте уже было упомянуто о сформировании в этом году 2-й Туркестанской артиллерийской бригады. Кроме того, в организации полевой артиллерии отменен (приказом 10 августа) «кадровый» состав и положено в мирное время содержать все батареи или в «обыкновенном», или в «усиленном» составе.

В видах усовершенствования нашей полевой артиллерии проектирована была у нас новая 4-фунтовая утяжеленная пушка для действия усиленным зарядом, дабы достигнуть более отлогого и меткого выстрела, сравнительно с орудиями существовавшего образца.

Наконец, по *крепостной артиллерии*: продолжалось пополнение недостававшего вооружения крепостей орудиями больших калибров, частью стальными 9- и 11-дюймовыми, изготовляемыми за границею на заводе Круппа, и 8-дюймовыми с наших сталелитейных заводов (Пермского и Обуховского), а частью медными и чугунными, которые отливались в наших арсеналах и назначались для сухопутных крепостей. Вообще вооружение крепостей в этом году достигло приблизительно половины положенного по нормальным табелям, утвержденным в предшествовавшем году, и то без включения положенного числа орудий в запасе. Для пополнения всего недостававшего вооружения требовался еще расход до 14 млн руб.; а как Высочайше утвержденным 31 декабря 1869 года мнением Государственного совета постановлено было отпускать эту сумму в течение пяти лет равными частями, то полное вооружение наших крепостей могло быть приведено к концу, по тогдашним расчетам, только в 1876 году.

В *инженерном отношении* наши крепости совершенствовались и усиливались еще медленнее, чем относительно артиллерийского вооружения. В 1870 году продолжались работы, так же как и в прежние годы, преимущественно в Кронштадте и Керчи и весьма в малых размерах — в сухопутных крепостях. Особенное внимание главного инженерного начальства обращено было на усовершенствование минной части, на которую возлагались у нас большие надежды для обороны приморских крепостей и портов. По этой части у нас достигнуты были значительные успехи в техническом отношении, но в практическом применении на местах этого важ-

ного средства защиты, то есть в организации минных команд в крепостях, сделано было еще весьма мало.

В инженерных войсках успех в этом году состоял в сформировании шести военно-походных телеграфных парков, в снабжении новым обозом понтонных полубатальонов и шанцевым инструментом полевых и осадных инженерных парков.

По *части интендантской*: продолжались с особенною пользою деятельные работы Технического комитета[322] по улучшению как вещевого, так и провиантского довольствия войск. Технические изыскания для усовершенствования выделки вещей, способов приемки их и хранения значительно возвысили качество вещей без увеличения ценности их заготовления. Такому выгодному результату способствовало заготовление вещей преимущественно из первых рук, то есть непосредственно от заводчиков и фабрикантов, с которыми заключались долгосрочные контракты. Вследствие этого к общим торгам предъявлялось уже незначительное количество предметов заготовления, что способствовало понижению торговых цен. Устранение злоупотреблений при приемке вещей комиссиями при интендантских складах имело то последствие, что производители и поставщики уже не находили надобности надбавлять к ценам негласные расходы и охотно подвергались строгой, но правильной приемке. Благодаря установившемуся в этом отношении порядку, все заготовления в 1870 году, несмотря на стоявшие высокие цены в торговле и на возвышение образцов многих предметов, обошлись даже выгоднее, чем в прежние годы.

Весьма важный шаг сделан в этом же году в отношении ускорения мобилизации армии: большая часть предметов неприкосновенного запаса, необходимых для приведения частей в полный военный состав, развезена в войска, при которых и положено на будущее время хранить этот запас. Исключение сделано относительно некоторых предметов вещевого довольствия, хранение которых в частях войск признавалось в то время неудобным; такие вещи полагалось тогда оставить в складах затюкованными, в полной готовности к немедленной отправке в войска по получении извещения о мобилизации. Порядок этот был изменен только впоследствии, когда изысканы были средства к устройству полных складов вещей при всех частях войск.

По провиантской части, так же как и по вещевой, производились в Техническом комитете разные исследования и опыты для регулирования приемки продуктов, для усовершенствования хлебо-

печения, изготовления сухарей и в особенности консервов для военного времени. Много полезных указаний в этом отношении доставляла последняя война франко-прусская. Состоявшие при прусской армии наши офицеры привезли множество новых сведений по устройству продовольственной части в германских войсках.

По *военно-врачебной части* франко-прусская война также доставила нам весьма важные указания. Главный военно-госпитальный комитет признал необходимым приступить к пересмотру заново положения, утвержденного только в прошлом году, о военно-врачебных учреждениях в армии[323]. Принятый в основание этого Положения расчет необходимых в военное время врачебных средств (по одному госпитальному месту на каждых 8 человек из наличного состава армии в 650 тыс. человек) оказался на опыте совершенно недостаточным. Во многих других подробностях потребовалось изменение Положения, штатов и табелей. Соответственно предстоявшему изменению общего устройства и размера военно-врачебных учреждений, должны были измениться и расчеты госпитальных запасов и госпитального обоза.

Таким образом, устройство врачебной части в военное время, на разработку которого потрачено было столько лет работы, не только не подвинулось вперед, но сделало шаг назад. Пришлось приняться за это дело сызнова, пользуясь данными, добытыми из опыта последней войны. Что касается до предполагавшегося образования на время войны «резерва врачей», то и в этом деле встречена была неудача. Проект, внесенный в Государственный совет по предварительном обсуждении в Соединенных Департаментах законов и экономий, был передан в особую комиссию для переделки; но вскоре потом вовсе оставлен без дальнейшего хода, ввиду возникших новых предположений о коренном изменении оснований воинской повинности. Новое начало — общеобязательность военной службы должно было открыть новый путь к обеспечению потребности армии в специалистах по всем отраслям.

Положение о «ротных» фельдшерах вводилось постепенно в армии; в какой степени эта мера могла пособить недостатку в фельдшерах в военное время — указать могло только время. Между тем с преобразованием фельдшерских школ* признано было справедли-

---

* По образцу Петербургской школы учреждена была в 1870 году еще вторая — Киевская.

вым предоставить приготовляемым в этих заведениях молодым людям некоторые преимущества по службе в отличие от фельдшеров, подготовляемых в войсках. В этих видах установлено звание «классного фельдшера», взамен прежних «лекарских помощников». Новая эта мера, конечно, была очень скромною приманкой для молодых людей на тяжелое и незавидное поприще фельдшера в госпитале или лазарете.

По *иррегулярным войскам*: 1870 год дал обильные результаты: из многочисленных и обширных законодательных работ Временного комитета при Главном управлении[324] многие важные вопросы получили окончательное разрешение. Кроме внесенных уже в прошлом году в Государственный совет Положений (об общинном управлении в казачьих войсках, о преобразовании войскового правления в Донском войске, о соляном промысле в войсках Донском, Кубанском и Терском), в течение года внесены в Совет, рассмотрены и утверждены следующие представления Главного управления иррегулярных войск: 1) о подсудности казачьих войск; 2) об отбывании военной службы и хозяйстве Кубанского и Терского войск (приказ 6 августа); 3) об упразднении Иркутского и Енисейского казачьих полков и Шапсугского берегового батальона; 4) об обеспечении офицерских чинов Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, предоставлением в личную потомственную собственность состоявших в пожизненном пользовании земельных участков (Положение, объявленное в виде Монаршей милости в день празднования 300-летнего юбилея Донского войска); 5) о введении в Донском войске мировых учреждений; 6) о распространении действия государственного контроля на войсковые казачьи суммы; 7) о сравнении в окладах содержания казачьих офицеров на полевой службе с офицерами регулярных войск[325] и т. д.

Одно перечисление главных законодательных работ, частью уже вошедших в действие, частью еще подготовлявшихся в Главном управлении иррегулярных войск, свидетельствует о неутомимой деятельности этого управления и образованного при нем Временного комитета. Последовательным, систематическим рядом мер и новых узаконений, Положения о казачьих войсках постепенно с каждым годом все более приводились к единству, и почти незаметно казачьи населения, в своем гражданском и экономическом быту, сближались с другими частями империи.

Собственно по строевой части в 1870 году решен один вопрос: Высочайше утверждены образцы казачьих скорострельных (т. е.

заряжающихся сзади) винтовок как для переделки прежних 6-линейных, так и для нового малокалиберного оружия[326]. Ни к самому заказу новых ружей, ни к переделке прежних не могло еще быть приступлено, пока не был разъяснен вопрос финансовый — о средствах для покрытия нового значительного расхода.

Работы по Главному управлению иррегулярных войск продолжал вести с прежнею неутомимою деятельностью и разумною последовательностью почтенный Николай Иванович Карлгоф, несмотря на свое плохое здоровье и частые болезни. Помощник его генерал-лейтенант Адам Петрович Чеботарёв (донской казак) также хворал и чувствовал утомление от усиленной работы. В сентябре 1870 г. он был назначен членом Главного военно-кодификационного комитета, в котором мог быть весьма полезным деятелем своим основательным знанием условий казачества. Помощником же Н.И. Карлгофу назначен был генерал-майор Богуславский, бывший за несколько лет пред тем командующим Башкирским войском, — человек еще полный сил, весьма дельный и хороший работник.

По *военно-судной части*: 1870 год ознаменовался введением нового военного судопроизводства в Кавказском округе (приказом 10 сентября)[327], так что в этом году военно-судебные уставы действовали уже в семи округах. Открытие нового суда в Тифлисе последовало 8 ноября, в день именин великого князя главнокомандующего[328], в присутствии Его Высочества, главного военного прокурора статс-секретаря Философова и находившегося в то время на Кавказе князя Евгения Максимилиановича Романовского.

По мере распространения новых военно-судебных учреждений личный состав их пополнялся уже исключительно личностями, специально подготовленными к этой деятельности в Военно-юридической академии. Вообще дело шло вполне удовлетворительно в военно-окружных судах; но гораздо слабее — в судах полковых, где оно велось строевыми офицерами, мало знакомыми с законами. Чувствовалась необходимость какой-либо меры для установления в полковых судах более правильного и единообразного делопроизводства. С этою целью в 1870 году произведена была ревизия многих полковых судов в четырех округах (Петербургском, Московском, Харьковском и Одесском); ревизия эта доставила Главному военно-судному управлению обильный материал для разработки наставления означенным судам и порядка надзора за их действиями.

Главный военно-тюремный комитет[329] продолжал деятельно вести постепенное переустройство помещений военно-исправительных рот. В 1870 году окончательно устроены были совершенно согласно Положению 16 мая 1867 года[330] только две роты: Кронштадтская и Новогеоргиевская, устраивалась третья в Шлиссельбурге (на 600 арестантов) и вновь открыта в Екатеринограде (на Кавказе). В остальных ротах производились строительные работы хозяйственным порядком с употреблением самих арестантов. Этот способ производства работ способствовал значительному сокращению расходов. К постройке же военных тюрем еще не было возможности приступить.

Наконец, по *военно-учебной части*: приводилось в исполнение начатое еще в прошлом году расширение юнкерских училищ для открытия пути к офицерству возраставшему с каждым годом числу вольноопределяющихся. Кроме увеличения комплекта юнкеров, в существовавших училищах открыто в конце года новое училище — в Ставрополе (на Кавказе) для урядников Кубанского и Терского казачьих войск, а также для юнкеров драгунских полков Кавказской дивизии. Зато учрежденное прежде в Оренбурге четвертое военное училище упразднено за невозможностью поддерживать такое заведение на соответственном уровне, в отдаленном, провинциальном городе.

В военных гимназиях и прогимназиях продолжались систематически постепенные улучшения в учебных курсах, согласование программ и общее возвышение уровня образования.

Принимая лично живое участие в ходе военно-учебного дела, я пользовался каждым свободным часом для посещения петербургских заведений. Замечаемые с каждым годом новые успехи в их развитии доставляли мне истинную отраду.

Военная смета на 1870 год, как уже было сказано, достигла 144 721 321 руб., и превысила смету предшествовавшего года на 4 372 000 руб., из которых приходилось на одну артиллерийскую часть до 2 785 000 добавочного ассигнования. Но в течение года оказалось необходимым испросить еще добавочное ассигнование по этой части в 819 825 руб., преимущественно на дело оружия; всего же по Военному министерству испрошено было сверхсметных кредитов 3 922 276 руб., что составляло лишь $2^3/_4$% всей сметной суммы, тогда как общая сумма сверхсметных ассигнований по всем ведомствам, за исключением железнодо-

рожных кредитов, достигала 40 424 598 руб., то есть почти 9% всех сметных расходов.

Действительно израсходовано в 1870 году по Военному министерству 145 211 000 руб., то есть на 890 000 более против сметного назначения, но менее действительных расходов прошлого 1869 года на 2 491 000 руб. Главное уменьшение расходов произошло по артиллерийской части — на 4 161 000 руб., и наоборот возросли расходы по интендантству — на 1 779 000 руб., преимущественно на денежное и вещевое довольствие.

В отношении общего нашего финансового положения 1870 год можно считать довольно благоприятным. Обильный урожай способствовал увеличению государственных доходов, которых поступило на $31^1/_2$ млн более предположенного по Росписи; общая же сумма обыкновенных расходов несколько понизилась против прошлого года, так что несмотря на громадную цифру ассигнований на железнодорожное дело, достигших до $81^1/_2$ млн руб. (11 110 000 сметных и 70 379 000 сверхсметных), финансовый год закончился с незначительным дефицитом в 4 923 254 рублей.

С приближением времени составления новых смет на 1871 год последовало 23 октября Высочайшее подтверждение о «всемерном сокращении смет и дополнительных требований (сверхсметных расходов)»[331]. Но самое рассмотрение смет в Департаменте экономии происходило тогда уже, когда в правительственных сферах и в публике сильно заговорили о необходимости увеличения наших военных сил, особенно после обнародования Высочайшего повеления 4 ноября. Хотя в то время ничего еще не предпринималось на деле, а только приступали к обсуждению поднятого вопроса, однако ж перемена в общем настроении все-таки отозвалась на новой смете. Общий итог военных расходов на 1871 год поднялся до 154 600 000 руб., т. е. на 9 877 000 выше прошлогодней сметы.

Из этой цифры опять наибольшая доля приходилась на артиллерийскую часть*. Затем увеличение наличного числа войск вызвало лишнего расхода более миллиона рублей; обмундирование рекрут (вследствие принятия на счет казны расходов, лежавших

* Далее в автографе зачеркнуто: «именно до 5 157 000. В том числе на патронное дело ассигновано более прошлогоднего — 5 242 000; на формирование скорострельных батарей — более миллиона, а на переустройство Тульского оружейного завода — 1 655 000 руб.» (*примеч. публ.*).

прежде на «сдатчиках» рекрут) — 1 165 000 руб.; на пополнение запасов интендантских и военно-госпитальных — 1 900 000 руб. Наоборот уменьшение расходов получилось в значительном размере (2 340 000 руб.) от понижения цен на провиант.

Таким образом, смета опять возросла и опять не вследствие увеличения текущих расходов на содержание войск и управлений, а главным образом от внесения в нее крупных сумм на расходы единовременные или чрезвычайные, вызванные переустройством материальной части и некоторыми требованиями современного военного дела, не существовавшими в прежнее время.

В отчете за 1870 год (т. е. во всеподданнейшем моем докладе 1 января 1871 года)[332] высказано было такое заключение: «Нельзя надеяться, чтоб и в ближайшем будущем означенные чрезвычайные расходы прекратились или уменьшились; напротив того, предстоящие новые преобразования, в видах значительного увеличения наших вооруженных сил на случай войны, должны, без сомнения, потребовать и новых средств денежных, чтобы образовать полные запасы всех необходимых предметов снаряжения и вооружения для предположенных новых сил, и чтобы устроить для них надлежащие кадры».

1871-й год

Начало года

Политическое положение Европы в начале года

Вопрос учебный

С конца марта до конца июля

Моя поездка на Юг России (27 мая — 19 июля)

Лагерное время (21 июля — 21 августа)

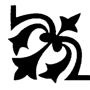
*Поездка Государя на Кавказ
и пребывание его в Крыму*

Осень в Петербурге (сентябрь — октябрь)

Последние два месяца 1871 года

Дела азиатские

Дела Военного министерства в 1871 году



НАЧАЛО ГОДА*

Новый год начался по обыкновению большим «выходом» во дворце; затем 3 января присутствовал я на торжественном акте в Медико-хирургической академии; 7-го числа происходил зимний парад войскам Петербургского гарнизона на Дворцовой и Адмиралтейской площадях, а 11-го числа — большой бал в Зимнем дворце.

В представленном мною 1 января всеподданнейшем докладе о деятельности Военного министерства за истекший год исходною точкой всех соображений, конечно, поставлены были Высочайшие повеления, объявленные 4 ноября прошлого года, о распространении воинской повинности на все сословия и новой организации резервных и запасных войск. Повеления эти, — как выражено было в докладе, — открывали новую эпоху в ходе преобразований по военному ведомству. «События последних лет в Западной Европе, — говорилось во вступительной статье доклада, — указали нам, сколь необходимо дальнейшее развитие и усовершенствование наших военных сил. С одной стороны, важные реформы в военном устройстве европейских государств, значительно увеличившие вооруженные их силы, вызвали необходимость коренного изменения нашей системы воинской повинности, без чего мы не могли бы дать нашим вооруженным силам полное развитие, достаточное для обеспечения безопасности государства; с другой стороны, события последней франко-прусской войны показали, до какой степени необходима всегдашняя готовность твердо встретить первоначальные удары противника и какое важное значение имеет правильная организация мирного времени, заранее предусматривающая все требования войны. Оба указанные обстоятельства, предстоящее переформирование наших резервов и опыт франко-прусской войны — неизбежно от-

* В автографе зачеркнут первый вариант заголовка: «Начало года в Петербурге. Январь и февраль» (*примеч. публ.*).

разились на деятельности Военного министерства в истекшем году почти по всем отраслям управления...» Главная задача дальнейших работ министерства указывалась в том, чтобы «поставить нашу армию сколь можно в большую готовность к войне и вместе с тем подготовить средства для большего развития наших вооруженных сил в соразмерности с современными громадными вооружениями других европейских государств»[333].

Литографированные экземпляры означенного доклада были разосланы, так же как и в прежние годы, членам Императорской фамилии, министрам, главным военным начальникам и некоторым из членов Государственного совета. Сверх того послан был экземпляр и моему дяде графу П.Д. Киселёву при письме от 4 января, в котором я напомнил ему о наших прежних с ним беседах относительно устройства вооруженных сил России. Он не раз высказывал мысль, что при настоящем положении Европы необходимо и нам создать систему резервов, стоящих как можно дешевле в мирное время и способных широко развиваться в случае войны. «Вполне сознавая несомненную истину этих советов, я объяснял тогда, что образование таких резервов у нас имеется в виду, но что для приведения этой мысли в исполнение еще не наступило время, во-первых, потому, что мы не иначе можем образовать требуемое количество вещевых запасов (даже и по настоящему составу нашей постоянной армии), как постепенно, по мере отпускаемых на то денежных средств; а во-вторых, потому что после произведенных уже великих реформ во всем государственном строе необходима некоторая выдержка, дабы дать время каждой новой мере установиться и пустить корни. Теперь наступило время для той важной реформы по военной части, которая давно заботила Вас. Ныне, когда наши запасы для армии пополнены, когда крестьянская реформа совершенно улеглась, Государь император изволил признать своевременным приступить к преобразованию у нас и рекрутской повинности, заменив ее конскрипцией, с распространением на все сословия без различия, а вместе с тем дать прочную организацию тем резервам, которые должны быть впредь собираемы в случае войны, в подкрепление постоянной армии...»[334] Таким образом, давнишняя мысль графа П.Д. Киселёва должна была вскоре осуществиться, и я поспешил сообщить ему это приятное для него известие, препроводив ему и записки 20 декабря 1870 года, в которых изложены были основные начала предпринимаемых новых преобразований[335].

Граф Павел Дмитриевич в ответном своем письме от 13/25 января из Уши[336] (где он оставался всю зиму по невозможности возвратиться в Париж) благодарил меня за доставление всеподданнейшего моего доклада и выразил свой взгляд в следующих строках: «Я читал его [т. е. доклад] с большим интересом, радуясь найти в нем ту осмотрительность и внимание к многосторонним интересам, затрагиваемым реформою, которые, — как я полагаю и желаю от всего сердца, — должны снискать поднятому Вами делу прочный и неспорный успех. В припоминании прежних своих посильных забот о крестьянах мне особенно приятно было видеть, что при установлении военной повинности имеют быть приняты во внимание пользы земледельческой промышленности, отвлечение от коей на долгие сроки лучших сил населения у нас было бы тем ощутительнее, что крестьянин наш по натуре своей легко отвыкает от сохи и после долгой службы под ружьем уже не возвращается к мирным занятиям хлебопашества»*.

Таким образом, и здесь по поводу военных реформ выразилась та же заботливость о крестьянском населении, которою был проникнут граф П.Д. Киселёв во всю свою жизнь, с молодых лет и до гроба[337]. В приведенном письме, писанном уже незадолго до его кончины, несмотря на полный упадок сил физических, все еще проглядывают отличительные черты здравого и практического ума истинно государственного человека.

С наступлением 1871 года должны были начаться работы учрежденных по Высочайшему повелению двух комиссий: одной — по вопросу о воинской повинности, другой — по устройству резервных войск[338].

Все члены, назначенные от разных министерств в состав первой комиссии, собрались 5 января утром в зале Военного совета. Я лично открыл эту комиссию, объяснив в своей вступительной речи общие соображения, которые следует иметь в виду при обсуждении всех подробностей предлежавшей сложной работы. В особенности счел я нужным предостеречь членов комиссии от крайних увлечений в ту или другую сторону по вопросу о сроках обязательной службы, так как в этом отношении существовали две совершенно противоположные точки зрения: одни, конечно,

* Письмо писано под диктовку графа П.Д. Киселёва чужою рукой; подпись его показывала, как уже слаба была его собственная рука.

большею частью военные, отстаивали продолжительность сроков; другие, преимущественно штатские, клонили к чрезмерному сокращению их. В то время вопросы этого рода были у нас вообще совершенно новы, и мало кто прежде рассуждал о них. Поэтому я счел нужным войти некоторым образом в самые элементарные объяснения той взаимной зависимости, которая существует между сроками службы, размером ежегодного контингента новобранцев и общими цифрами вооруженных сил в мирное время и в военное время. При этом, конечно, поставлено было комиссии в обязанность постоянно иметь в виду согласование интересов народа с интересами армии. В заключение было объявлено комиссии, что представленные Военным министерством и предварительно одобренные Государем основные начала предстоящей работы не должны стеснять суждений комиссии, которой в этом отношении предоставляется полный простор. Пожелав ей успешного исполнения возложенной на нее важной работы, я вышел из залы, и граф Гейден занял председательское кресло, чтобы установить программу и порядок предстоявших занятий.

Таким же порядком 8 января открыты мною заседания и другой комиссии, названной сокращенно «организационною». Собранным в зале Военного совета членам этой комиссии объявлены были мною главные основания предложенной ей задачи. Обратив ее внимание на необходимость такого устройства вооруженных сил, которое давало бы возможность в случае войны употребить наибольшую часть боевой (действующей) армии в поле против неприятельских сил, я указал, что в этих видах предстоит создать такие вспомогательные силы, которые могли бы удовлетворять всем второстепенным требованиям войны, как-то: местной службы в тылу армии, в крепостях и т. п., а также для пополнения убыли в армии и для подкрепления ее в случае крайности. При этом указано было и на финансовую сторону задачи: было бы бесполезно составлять такие предположения, которых осуществление нам не по силам. Затем замечено было, что в самом порядке приведения в исполнение предполагаемой новой организации вооруженных сил необходимо установить такую постепенность, чтобы во все время неизбежного в подобных случаях переходного положения быть всегда в готовности на случай чрезвычайных обстоятельств, вызывающих внезапное развитие боевых сил. Дав комиссии эти общие указания, я предоставил графу Гейдену вести дальнейшие суждения об установлении порядка занятий и хода предстоявших работ.

Ф.Л. Гейден

С этого времени в обеих комиссиях началась непрерывная, усиленная деятельность. Заседания и совещания назначались то общие, то отдельными группами. Первая комиссия (по воинской повинности) подразделилась на 4 отдела: 1-й под председательством сенатора тайного советника Николая Александровича Гернгроса должен был заняться вопросами о сроках службы и льготах по отбыванию повинности; 2-й под председательством тайного советника Протопопова — о возрасте призываемых на службу и порядке самого производства призыва; 3-й под председательством

тайного советника Александра Карловича Гирса — о финансовой стороне дела, и 4-й под председательством генерал-адъютанта Дрентельна — о вольноопределяющихся.

Вторая комиссия — организационная — подразделилась на девять отделов под председательством:

1-й — генерал-лейтенанта Швебса — об организации пехотных частей, служащих кадрами для формирования в военное время резервных и запасных войск;

2-й — генерал-майора Зейме — об артиллерийских и инженерных частях;

3-й и 4-й — генерал-майора Свиты графа Павла Андр[еевича] Шувалова — о кадрах гвардейских частей и кавалерии;

5-й — генерал-лейтенанта Мещеринова — о порядке счисления и призыва чинов запаса;

6-й — генерал-адъютанта князя Масальского — об интендантских и артиллерийских запасах и обозах;

7-й и 8-й — генерал-майора Богуславского — о казачьих войсках и иррегулярных милициях;

9-й — генерал-лейтенанта Раля — о государственном ополчении.

В то время, когда комиссии приступали к возложенной на них обширной и сложной работе, — да и долго еще потом, — продолжалась присылка с разных концов России адресов на имя Государя с выражениями патриотического сочувствия всех сословий к предположенной важной государственной мере.

14 января назначено было Государем заседание Совета министров для обсуждения представленной графом Шуваловым записки по вопросу о допущении женщин на службу в правительственных и общественных учреждениях. Вопрос этот возбужден был по следующему поводу.

В 1864 году тогдашний главноуправляющий путями сообщений генерал-лейтенант Мельников испросил чрез Комитет министров Высочайшее разрешение допускать женщин на должность телеграфисток в Финляндии, где уже с давних времен женщины допускались на должности в почтовых учреждениях. На журнале Комитета министров по этому предмету была положена Государем такая отметка: «Полагаю, что со временем можно бы допустить женщин и в Империи». Вследствие того в 1865 году то же дозволение распространено на всю империю, но в виде временной меры на три года. По истечении этого срока, в 1869 году, министр внутренних дел вошел с представлением в Государственный совет об утверждении

означенной меры в законодательном порядке, причем полагал также допускать женщин и на должности по почтовому ведомству, по примеру Финляндии и некоторых иностранных государств. Государственный совет, имея в виду, что и у нас женщины уже допускались на некоторые служебные должности, как например на бухгалтерские по IV отделению Собственной Е. В. канцелярии, признал нужным обобщить вопрос, предоставив министру внутренних дел по сношении с другими министрами и главноначальствующими войти в Государственный совет с общим предположением о допущении женщин к занятию известных должностей по разным ведомствам. Вследствие такого-то постановления шеф жандармов и счел нужным вмешаться в дело, придав ему значение вопроса нравственно-политического. В записке графа Шувалова указывалось на современное стремление женщин к «эмансипации», на систематическую «агитацию» в печати по так называемому женскому вопросу, на «нигилистическое направление» у нас женского образования. Возбуждение вопроса о допущении женщин на известные должности по службе общественной и государственной граф Шувалов объяснял стремлением наших «передовых» женщин сбросить с себя все условия нравственности и семейной жизни, освободиться из-под зависимости от родителей и мужей и вести жизнь развратную. «Женщина-нигилистка вреднее женщины открыто дурного поведения, — сказано было в записке графа Шувалова, — эта падает в разврат часто вследствие нужды, сознает, что она распутна, из жизни своей не делает пропаганды; напротив того, в ней проявляется стремление выйти из своего позорного положения; тогда как другая гордится распущенностию своих убеждений, как бы драпируется в свое учение и проповедует его везде и всякому, доказывая, что оно единственно истинное, правдивое и очищенное от предрассудков. Там — просто разврат, а здесь — философия разврата...» В заключение своем граф Шувалов предлагал поощрять женщин к деятельности акушерской и учебной, допускать их на должности телеграфисток только в известной пропорции и затем отклонить прием женщин на всякие должности канцелярские и административные как по назначению от правительства, так и по выборам.

По прочтении записки графа Шувалова никто из присутствовавших не счел нужным войти в обсуждение общего вопроса о положении женщин в обществе и государстве, никто не возражал шефу жандармов с точки зрения принципиальной; напротив того, высказанные некоторыми из присутствовавших замечания более

клонились к подкреплению полицейского взгляда графа Шувалова, и постановленное самим Государем заключение совещания было совершенно в том же смысле[339].

Две недели спустя после описанного заседания Совета министров происходило другое, 28 января, гораздо более оживленное и многозначительное. На этот раз поставлен был вопрос о главных основаниях предположенного министром народного просвещения графом Д.А. Толстым преобразования средних учебных заведений. Вопрос этот, весьма важный сам по себе, получил особенно выдающееся значение вследствие той тенденциозности, которую придал ему граф Толстой, и той страстной борьбы, которую тем возбудил даже между министрами. Поэтому значение упомянутого заседания Совета министров может быть объяснено не иначе, как в общей связи с ходом всего этого дела, которому и полагаю ниже посвятить особую статью.

В начале февраля финляндский генерал-губернатор граф Ник[олай] Вл[адимирович] Адлерберг, приехав в Петербург, представил прямо Государю записку по поводу объявленного в Высочайшем рескрипте на его имя от 31 декабря 1870 года (12 января нов. стиля) предположения о распространении на Великое княжество Финляндское предстоявшего введения во всей империи общеобязательной воинской повинности. Вопрос этот связан был с восстановлением существовавших прежде Финляндских стрелковых батальонов, упраздненных в 1867 году по ходатайству финляндского сената, который признавал тогда содержание этих войск отяготительным для финансов такой бедной страны, какова Финляндия. С тех пор в этом крае оставался один только гвардейский стрелковый батальон, входивший в состав гвардейской стрелковой бригады и пополнявшийся вербовкою, тогда как упраздненные 9 батальонов имели организацию поселенных войск, на основании старой шведской системы «indelta». Система эта отжила свое время и в самой Швеции; финляндцы сознавали невозможность восстановления прежней организации и понимали, что никакая страна не может иметь привилегию освобождения от тягости воинской повинности. В известной сфере финляндской «интеллигенции», ревниво отстаивавшей автономию страны, вероятно, радовались даже предположенному восстановлению финляндских войск, в видах бóльшего еще упрочения политической самостоятельности Великого княжества. С самого присоединения к России Финляндия составляла как бы особое, конституционное

Н.В. Адлерберг

государство, связанное с империей почти исключительно только личностию монарха[340]. Но никогда сепаратизм ее не проявлялся так сильно и так систематически, как в царствование императора Александра II. Государь, довольный выказываемыми во всех случаях со стороны финляндцев знаками личной преданности к своему великому князю, легко уступал постепенным, шаг за шагом, вымогательствам их, благодаря вкрадчивости и гибкости министра — статс-секретаря графа Армфельда и недальновидному благодушию финляндских генерал-губернаторов: барона Рокасовского и графа Адлерберга, заботившихся лишь о том, чтобы быть приятными и угодными финляндцам.

Граф Адлерберг по своей апатичной натуре и привычкам балованного царедворца занимался делами слегка и давал

себя водить за нос местным влиятельным лицам. В представленном Государю докладе по вопросу о воинской повинности в Финляндии граф Адлерберг, как и следовало ожидать, предлагал решить задачу в смысле желательном для финляндских автономитов, то есть на том основании, чтобы Финляндия имела свои войска, без всякой связи с русскою армией и организованные по особой системе, приближающейся к прусскому ландверу[341].

Доклад графа Адлерберга Государь передал мне для представления моего мнения. 13 февраля, лишенный возможности по нездоровью, явиться лично с докладом, я послал Его Величеству записку, в которой высказал откровенно свой взгляд на отношения Финляндии к России. Записка начиналась следующим вступлением: «Великому княжеству Финляндскому даровано Монаршею волею полное самоуправление; тем не менее Финляндия, присоединенная к России силою оружия, составляет нераздельную часть Империи Российской и, следовательно, пользуясь своим особым *местным* самоуправлением и особыми *местными* законами, не может, однако же, домогаться всех атрибутов отдельного и независимого государства. Необходимая и неопровержимая политическая связь Финляндии с Империей Российской должна выражаться прежде всего в единстве верховной власти; а затем в единстве управления делами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не может иметь своей отдельной политики внешней, так же как и отдельной вооруженной силы. Немыслимо было бы предоставить Финляндии иметь особое управление иностранными делами и своих дипломатических представителей при иностранных государствах; точно так же не следовало бы предоставлять ей иметь свою армию, поставленную совершенно в независимое положение от общего в империи управления военною частию...» Став на эту точку зрения, я указал в своей записке явное стремление финляндцев к полному обособлению от России и в заключение изложил, на каких условиях могло бы быть допущено будущее устройство финляндских войск, а именно:

1) чтобы эти войска, равно как и принадлежащие им склады оружия и вещевых запасов, состояли в заведовании Военного министерства и финляндского военно-окружного управления;

2) чтобы все чины, состоящие на действительной службе в финляндских войсках, были подведомы общим военно-судебным учреждениям империи;

3) чтобы генералы и офицеры из уроженцев Финляндии служили безразлично в войсках финляндских или русских, и наоборот, в финляндских войсках служили без различия офицеры из финляндцев или русских;

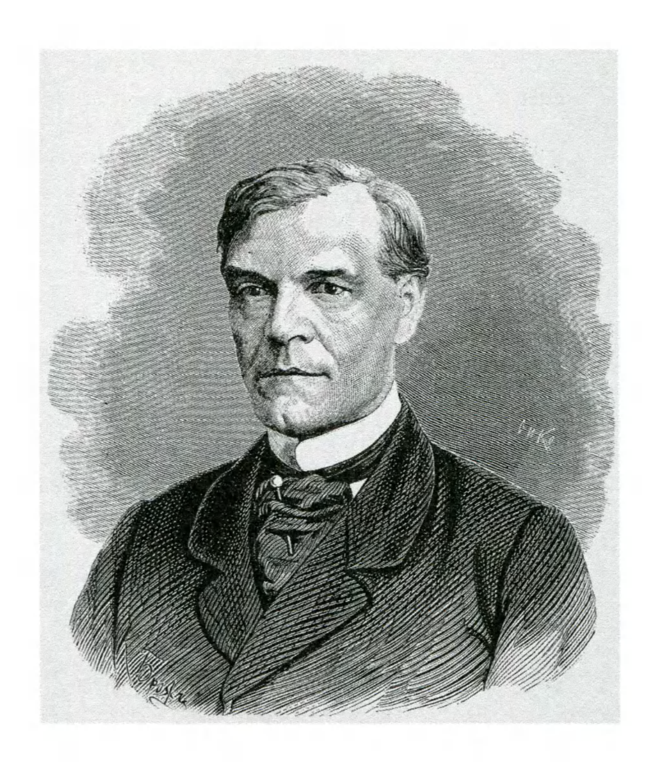
4) чтобы строевые уставы, командные слова, вооружение и снаряжение были одинаковы в финляндских и русских войсках и

5) чтобы финляндские войска как в мирное время, так и в военное, служили по Высочайшему усмотрению как в пределах Финляндии, так и вне ее границ.

Государь, прочитав мою записку, сделал карандашом следующую отметку: «Главные основания, изложенные в этой записке, совершенно согласны с моими собственными мыслями»[342]. При следующем моем докладе Его Величество сказал мне, что на записке финляндского генерал-губернатора положена резолюция в смысле изложенных в моей записке соображений.

Впоследствии для разработки Положения о воинской повинности и устройстве войск в Финляндии образована была особая, местная комиссия, помимо всякого участия Военного министерства империи. Высочайшая резолюция, положенная на первоначальном докладе генерал-губернатора, по-видимому, была совсем позабыта. Ни одно из заявленных мною в 1871 году условий не было принято во внимание, кроме только русских командных слов, да и то лишь по личному настоянию самого Государя[343].

14 февраля, в Петербурге, скончался скоропостижно государственный контролер, статс-секретарь, тайный советник Валериян Алексеевич Татаринов. Об этой личности я уже говорил прежде, а потому не стану здесь останавливаться на его характеристике. Также упоминал я о наших с ним личных отношениях[344]. Хотя мне и случалось иметь с ним неприятные столкновения, хотя я и негодовал на чрезмерный педантизм, с которым вначале вводил он новые контрольные порядки, однако ж, скажу не обинуясь, что введением этих порядков Татаринов оказал государству несомненную и важную заслугу. С его именем навсегда останутся связанными водворение у нас



В.А. Татаринов

действительного контроля и установление правильного сметного и кассового порядка.

Преемником Татаринову назначен был Александр Аггеевич Абаза (родной брат жены моего брата Николая). Назначением этим он был обязан покровительству великой княгини Елены Павловны, при которой он занимал должность гофмейстера, а также рекомендации министра финансов Рейтерна, который имел случай узнать способности Александра Аггеевича по делам железнодорожным, так как А.А. Абаза был одним из главных деятелей в так называемом Главном обществе российских железных дорог[345]. Положение, занятое им в этом обществе, вывело его неожиданно на большой путь государственной деятельности, несмотря на то, что он не проходил обычным путем по ступеням чиновничьей иерархии. Начав с военной службы в бывшем гвардейском конно-пионерном эскадроне, А.А. Абаза рано вышел в отставку и занимался своими частными делами как человек с хорошим состоянием. Позже он попал ко Двору великой княгини

А.А. Абаза

Елены Павловны, которая умела отличать людей с головой и дарованиями. Она не ошиблась, выдвинув своего гофмейстера на более широкий путь, на котором он скоро выказался видным государственным деятелем.

В течение зимы Главное артиллерийское управление заняло новое помещение в здании Старого арсенала на Литейной. Помещение это было устроено на широкую ногу, можно сказать, с роскошью. Из всех других частей Военного министерства ни одно не пользовалось таким простором и удобством расположения.

24 февраля Главное артиллерийское управление в этом новом помещении удостоилось Высочайшего посещения. В назначенный час Государь приехал вместе с Наследником Цесаревичем и с герцогом Мекленбург-Стрелицким. Я встретил их на подъезде, вместе с генерал-адъютантом Баранцовым и другими начальствующими лицами. После представления Государю чинов управления Его Величество обошел все помещения и с особенным вниманием останавливался в тех залах, где выставлены были образцы некоторых новых технических усовершенствований по артиллерийской части. После осмотра Главного артиллерийского управления Государь обошел устроенные в том же здании Старого арсенала мастерские: патронную и орудийную.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ ГОДА

Вся Европа в начале года ожидала с напряженным вниманием развязки гигантской борьбы Германии с Францией. Уже четыре месяца Париж был тесно обложен немецкими армиями, а с половины декабря (ст. стиля) началось бомбардирование злополучного города. Положение столицы с миллионным населением было отчаянное, так же как и всей Франции. Все усилия заседавшего в Бордо Временного правительства продлить борьбу оказывались безуспешными против подавляющих сил Германии. Вновь созданные на скорую руку армии французские, на которые возлагались последние надежды, от которых Париж ожидал своего спасения, — потерпели в начале января полное поражение: Луарская, генерала Шанзи, — при Le Mans, Северная, генерала Федерба, — при St. Quentin, и Южная, генерала Бурбаки, — близ Монбельяра. Предпринятая в то же время (7/19 января) большая вылазка из Парижа против блокирующих немецких войск также была отбита. Победитель с беспощадною суровостью теснил осажденный город. К разрушительному действию неприятельских бомб присоединялись бедствия населения от необычайно холодной зимы, а в довершение — недостаток продовольствия. Парижу угрожал голод. Держаться долее становилось невозможным, и «правительство обороны» (gouvernement de la défence nationale) вынуждено было возобновить переговоры с противником.

11/23 января уполномоченный от означенного правительства Жюль Фавр* выехал в Версаль — Главную квартиру германских армий. Переговоры тянулись пять дней; неумолимый победитель заявил условия крайне суровые; тем не менее приходилось на все согласиться. 16/28 января, на 135-й день блокады и после целого месяца бомбардирования, подписано было перемирие на три недели. Условия этого перемирия были таковы, что возобновить оборону Парижа по истечении срока было уже немыслимо; но по крайней мере открылась возможность снабдить город продовольствием. Временное правительство в Бордо немедленно же распорядилось производством во всей Франции выборов депутатов в Народное собрание, которое должно было собраться в Бордо для утверждения условий мира.

После продолжительных и тугих переговоров в Версале между графом Бисмарком и Жюлем Фавром, предварительные условия мира были предъявлены Народному собранию Франции. Как ни жестоки были эти условия для побежденного, ничего другого не оставалось, как принять их. 14/26 февраля утверждены эти предварительные условия с тем, чтобы окончательный полный трактат был выработан впоследствии во Франкфурте. Франция уступила две богатые области: Эльзас и Лотарингию с двумя большими крепостями: Страсбургом и Мецом; должна была уплатить 5 миллиардов франков контрибуции и подчиниться другим, оскорбительным для ее достоинства условиям: 17/29 февраля германские войска торжественно вступили в Париж и в продолжение двух дней занимали часть города, как бы для того только, чтобы больнее уязвить побежденного; затем выговорено было, что немецкие войска будут занимать часть французской территории до уплаты всей суммы, наложенной по договору контрибуции.

Большего торжества и больших результатов нельзя было и желать прусскому правительству. Еще до заключения мира в Версале совершилось 6/18 января многознаменательное событие: королю Прусскому Вильгельму поднесен с торжественностию, от

---

* Жюль Фавр заведовал иностранными делами и временно внутренними. Во главе «правительства обороны» по-прежнему оставался генерал Трошю; главное же начальство войсками в Париже после неудачной вылазки 4–19 января было вверено генералу Vinoy.

имени всех государей германских, титул императора Германского. С другой стороны, Франция, которая так еще недавно относилась к берлинскому правительству с высокомерием, теперь раздавлена, унижена, обессилена на долгое время. Вторая империя пала; Народным собранием Франции провозглашено низвержение династии Бонапартов и впредь до окончательного установления в государстве будущей формы правления, временно исполнительная власть вверена Тьеру — человеку, внушавшему Европе доверие и уважение.

Среди славы и торжества, которыми увенчалось прусское оружие, новый император Германский не забыл, насколько он обязан этими успехами императору Российскому. В самый день подписания предварительных условий мира с Францией, 14/26 февраля, он известил Государя об этом счастливом событии телеграммой, которую заключил такими словами: «Никогда Пруссия не забудет, что она Вам обязана тем, что война не приняла крайних размеров. Да благословит Вас за это Господь. До конца жизни Ваш признательный друг Вильгельм». Наш Государь ответил своему дяде задушевным поздравлением, а вслед за тем получил от него следующее письмо, написанное 19 февраля / 3 марта:

«Пресветлейший, державный Император, сердечно любимый брат, племянник и друг!

Нынешний день, в который я произвел под стенами Парижа смотр моей гвардии, напоминает мне то время, когда наши армии, связанные между собою тесным братством по оружию, вступали в неприятельскую столицу под предводительством Императора Александра I и моего отца. Поэтому я радуюсь от души, что Ваше Императорское Величество, в милостивом внимании к моей армии, изволили благосклонно принять звание шефа моего 1-го гвардейского гренадерского Императора Александра полка, которому на вечные времена присвоено имя в Бозе почившего дяди Вашего Величества, славной памяти Императора Александра I. В твердой уверенности, что новое почетное отличие, дарованное храброму полку, который всегда стремился к тому, чтобы показать себя достойным своего достославного наименования, побудит его снискать себе и Вашу, Государь, благосклонность, я распорядился о наименовании Вашего Императорского Величества шефом означенного полка. С особенным удовольствием пользуюсь настоящим случаем, что-

Германский император Вильгельм I

бы возобновить Вашему Величеству выражение глубочайшего уважения и искренней дружбы, с которыми остаюсь,

В. И. В-ва

душевно преданный Вам брат, дядя и друг

Вильгельм»[346].

Государю было особенно приятно, что император Вильгельм среди торжества своего ценил оказанную ему услугу. Действительно, положение, принятое Россией в начале войны, удержало и другие державы от вмешательства и развязало руки прусскому правительству. Ни Австрии, ни Англии не могло нравиться создание среди Европейского континента новой могущественной империи; однако же они обе остались безмолвными зрительницами совершавшихся под их глазами событий и не сделали ни шага для облегчения положения Франции во имя пресловутого политического равновесия. Они не замедлили поздравить нового императо-

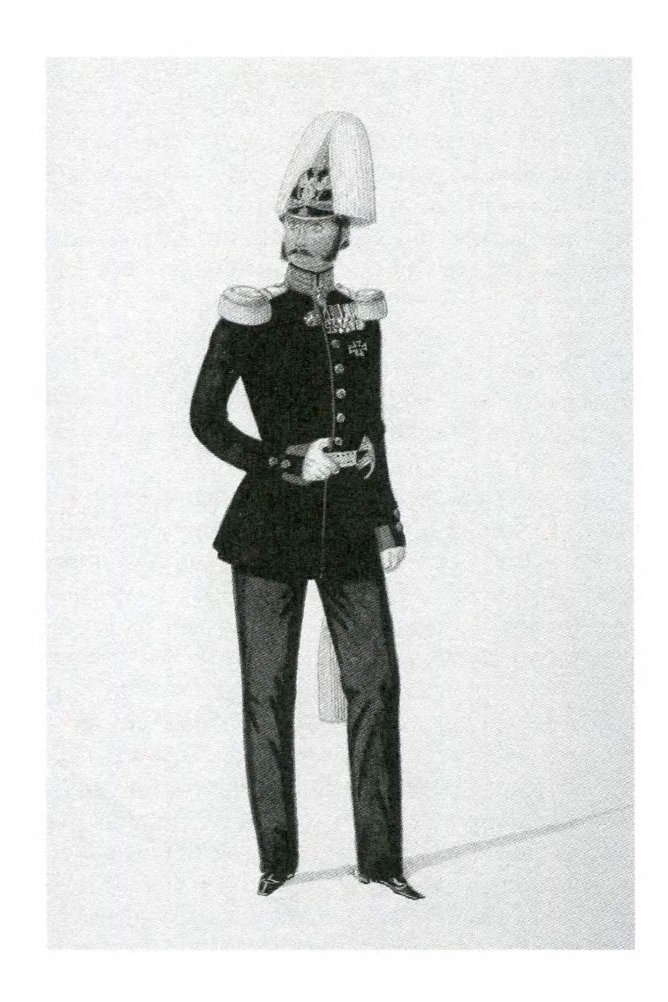
Королевско-прусского 6-го кирасирского Бранденбургского императора Всероссийского Николая I полка флигель-адъютант, полковник в парадной форме. Рисунок императора Александра II

ра Германского с успешным для него окончанием войны; мало того, Австро-Венгрия, окончательно уступив Пруссии прежнюю свою роль в Германии, начала даже заискивать благорасположения прежней своей соперницы, и с этого времени началось сближение обеих держав; но центр тяжести всей европейской политической системы отныне переместился в Берлин.

Могло ли быть выгодно и для России образование новой могущественной державы среди Европейского континента? В то время, как Государь радовался блестящим успехам своего дяди и друга, в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем. Насколько Государь твердо

полагался на традиционный союз России с Пруссией, как на самую верную опору мира в Европе, настолько же общественное мнение не доверяло долговечности этого союза, основанного более на личных симпатиях между монархами, чем на интересах обоих государств. За исключением немногих из числа приближенных к Государю и к царской семье, преимущественно же прибалтийских немцев, вся остальная Россия осуждала пристрастие Государя к пруссакам и открытые заявления его сочувствия к успехам германского оружия, вопреки объявленному нейтральному нашему положению[347]. Весьма неблаговидной казалась щедрая раздача немцам русских орденов; Георгиевские кресты сыпались на германских генералов, офицеров и солдат так, как будто они сражались за интересы России.

Но у Государя, кроме врожденного влечения сердца и кроме традиционной политики, в основе которой лежала дружба с Германией и недоверие к Франции, как императорской, так и республиканской, было в то время особое побуждение к тому, чтобы держаться заодно с победоносною Германией, — побуждение, которое могло и в глазах России оправдывать в некоторой степени наше косвенное пособничество успехам Германии: нам нужно было заручиться авторитетным союзником для поддержания пред Европой нашего заявления 19/31 октября об отмене статей Парижского трактата относительно нейтрализации Чёрного моря[345]. Содействие Германии в этом вопросе было как бы возмездием за оказанную ей услугу. Дабы заявление наше получило силу и в глазах других держав, подписавших договоры 1856 года, состоялось по инициативе Берлинского кабинета соглашение, чтобы возникший вопрос обсудить в международной конференции, которая и собралась в Лондоне 17/29 января под председательством великобританского министра иностранных дел лорда Гренвиля. Представителями других держав в конференции были: России — барон Бруннов, Германии — граф Бернсторф, Австро-Венгрии — граф Апони, Италии — маркиз Кадорна, Турции — Музурус-паша. Заседания конференции, начавшиеся без участия представителя Франции, были отсрочены до более благоприятных для Франции обстоятельств, и только по заключении предварительных условий мира в Версале, состоялось решение Черноморского вопроса. 1/13 марта подписан акт, которым установленная трактатом 1856 года нейтрализация Чёрного моря отменена; но при этом, как бы в укор России, состоялся особый протокол, которым при-



Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 штаб-офицер в парадной форме. Рисунок императора Александра II

знано, что в существующих международных договорах не могут быть допускаемы отмена или изменение статьи заявлением какой-либо одной державы, без предварительного общего соглашения между всеми подписавшими договор[349].

Решение Лондонской конференции, сложившее с России стеснительные и унизительные для нее обязательства относительно Чёрного моря, было обнародовано в «Правительственном Вестнике» 5/17 марта, причем было высказано в заключение статьи: «Это дело, не нарушая ничьих прав, не требуя ни от кого никаких пожертвований, восстановило права нарушенные, устранило символ международного недоверия и скрепило искренние отношения ме-

жду государствами. Это дело по преимуществу есть дело мира и справедливости».

Чрез несколько дней, 18/30 марта, последовал обмен ратификаций нового договора, а вместе с тем государем подписаны рескрипты на имя государственного канцлера и посла нашего в Лондоне, которым пожалованы награды: князю Горчакову — титул светлости, а барону Бруннову — графское достоинство.

В тот же день, в ознаменование счастливого события, произведен Государем большой смотр войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях. Смотр происходил на Дворцовой и Адмиралтейской площадях; в строю находилось $41^1/_2$ батальона, $34^1/_2$ эскадрона и 98 орудий. По окончании церемониального марша начальники войск были приглашены к завтраку во дворец, и здесь Государь с чувством гордости и удовольствия объявил о достигнутом заветном желании его: вычеркнуть из Парижского договора статьи, унизительные для достоинства России и несовместные с ее верховными правами.

В какой мере этот успех мог уравновешивать невыгоды, созданные для России возвышением Германии и ослаблением Франции, — укажет время.

Между тем в Германии после подписания Версальского договора было полное ликование. Возвращение императора Вильгельма чрез Франкфурт в Берлин было непрерывным триумфальным шествием. Рядом с императором чествовали канцлера германского графа Бисмарка, возведенного в княжеское достоинство, и великого стратега графа Мольтке, произведенного вскоре потом в фельдмаршалы.

С другой стороны, несчастная Франция, побежденная, униженная, едва отделавшись от врага внешнего ценою тяжких жертв, подверглась новым горьким испытаниям — смуте внутренней и войне междоусобной. Народные волнения, начавшиеся в Париже с половины февраля (т. е. немедленно по подписании предварительных условий мира), обратились скоро в открытое восстание; Национальная гвардия подчинилась мятежному социалистическому комитету, завладевшему большею частию города и некоторыми из его внешних фортов, так что Временное правительство должно было переместиться в Версаль и вступить в открытый бой с мятежниками. 22 марта / 3 апреля произошла кровопролитная битва между версальскими войсками и Парижскою Национальною гвардией. По примеру столицы возникло восстание и в неко-

торых других больших городах; мятежники захватили власть во имя социализма и «коммуны». В продолжение двух месяцев (марта и апреля) эта самозванная власть проявляла себя убийствами, разрушением и самою безобразною неурядицей[350]. Казалось, что все основы государственного бытия Франции были поколеблены.

В петербургском обществе большинство скорбело о бедственном положении Франции. Особенно сильное впечатление производили известия из Парижа, когда безобразия «коммуны» дошли до крайнего, чудовищного неистовства; когда разнузданная чернь начала варварски разрушать лучшие части города, истреблять исторические памятники и образцовые создания искусства. Зато каждая телеграмма об успехе версальских войск, постепенно овладевавших подступами к Парижу, была встречаема с сочувствием. Только 10/22 мая правительственные войска наконец вступили в самый город и заняли западную часть его. С этого дня уже можно было считать, что власть и порядок взяли верх над анархией и неурядицей*. Франция была спасена.

За несколько дней пред тем, 28 апреля / 10 мая, подписан во Франкфурте князем Бисмарком и Жюлем Фавром окончательный мирный договор между Францией и Германией[351].

ВОПРОС УЧЕБНЫЙ

В начале 1871 года министром народного просвещения внесены были на рассмотрение Государственного совета три проекта новых Положений: 1) о гимназиях, 2) о реальных училищах, долженствовавших заменить «реальные гимназии» и 3) о городских училищах взамен прежних «уездных»[352].

Вопрос о преобразовании учебных заведений Министерства народного просвещения был поднят графом Дм[итрием] Андр[еевичем] Толстым под влиянием двух страстных и односторонних поклонников «классической» древности — М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, редакторов и издателей «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника». Граф Толстой подчинился вполне руководительству этих двух личностей; они убедили министра народного просвещения, что все неурядицы в наших учебных заведениях происходили будто бы от неправильного направления, данного всей

* В самый этот день совершено последнее варварство коммуны — разрушение Вандомской колонны.

Д.А. Толстой

системе образования уставами 1864 года[353], проведенными во время министерской деятельности А.В. Головнина; что вернейшее средство к восстановлению школьного порядка состоит в том, чтобы все среднее образование основать на самом широком развитии изучения древних языков; что на них основана школьная система во всей Западной Европе и что в них заключается единственное рациональное, в полном смысле «классическое» образование; что поэтому твердое знание обоих древних языков, латинского и греческого, должно быть непременным условием допущения молодых людей к высшему университетскому образованию[354].

Граф Д.А. Толстой, как человек с узким умом, поддался всецело этой теории московских филологов и публицистов, а как человек упрямый и односторонний, сделался страстным фанатиком «классического» образования и гонителем противоположного направления, получившего прозвание «реального». Решено было по-

М.Н. Катков

ложить конец той двойственности (по выражению московских фанатиков), которая была введена в среднем образовании уставами 1864 года; не допускать другого вида гимназий, кроме «классических» с обоими древними языками, а существовавшие «реальные гимназии» заменить несколькими «реальными училищами», так организованными, чтоб они отнюдь не могли соперничать с гимназиями, для чего придать им характер профессиональный и ни под каким видом не допускать окончивших курс в этих училищах ни в один из факультетов университетских.

Граф Толстой, усвоив себе такой план, нашел сильных союзников и поддержку в графе Шувалове, Тимашеве и других наших «консерваторах», которым предположенное преобразование учебной части было растолковано в смысле полицейской и политической меры. Предположенное в гимназиях развитие до крайности изучения древних языков считалось действительнейшим средством для водворения школьной дисциплины; усиленное требование знания древних языков, по уверению защитников классициз-

П.М. Леонтьев

ма, отвлечет молодежь от вредных лжеумствований, к которым будто бы ведут естественные науки, а вместе с тем будет иметь последствием, что гимназический курс сделается доступным меньшему числу учащихся; следовательно, только немногим прилежнейшим ученикам, одолевшим трудности этого курса и удостоенным аттестата «зрелости», откроется дорога в университет; таким образом, уменьшится сам собою столь вредный, по мнению наших консерваторов, наплыв в университеты огромной массы молодежи всех сословий. Наши охранители увидели заманчивую перспективу: не прибегая ни к каким насильственным мерам, навлекающим в наше время общее порицание и ропот, — подобным, например, установленному некогда ограничению известною цифрой числа студентов в университетах, — открывалась возможность очистить университеты от опасной массы юношей-пролетариев и водворить дисциплину вообще в среде учащейся молодежи.

С этой точки зрения дело было представлено Государю. План графа Толстого под наружною оболочкою педагогической системы

представлялся мерою политическою и полицейскою. Для вящего успеха авторы этого плана подняли агитацию против всех учебных заведений реального характера и даже против естествознания вообще как источника материализма, неверия, нигилизма. В этих видах «Московские Ведомости» восстали против военных гимназий, которые в то время приобрели весьма хорошую репутацию в общественном мнении. Наплыв в эти заведения так усилился, что оказалось нужным постепенно увеличивать в них комплект своекоштных воспитанников и ввести экстернов (приходящих). Военные гимназии были, несомненно, лучшими у нас заведениями среднего разряда как по учебной части, так и в особенности — по воспитательной; можно было признать их образцом для реальных гимназий[355]. Понятно, что они были как бельмо на глазу для авторов проекта графа Толстого. Редакторы «Московских Ведомостей» не постыдились для своих целей выступить в целом ряде статей с самыми несправедливыми нападками на военные гимназии, выставлять их какими-то уродливыми учебными заведениями, представлять в извращенном виде достигнутые в них хорошие результаты и доказывать бесполезность самого существования их. Статьи этого рода появились в «Московских Ведомостях» гораздо ранее, чем графом Толстым был дан ход официально проектам Каткова и Леонтьева, так что первоначально меня даже удивил такой внезапный поворот «Московских Ведомостей» против Военного министерства при тех личных отношениях, которые до того времени существовали между мною и Катковым и после того сочувствия, которое «Московские Ведомости» оказывали к реформам по военному ведомству. Только позже раскрылись побуждения московских публицистов: статьи их о военных гимназиях входили в стратегический план подготовительной агитации для успеха начатого графом Толстым похода.

Агитация эта не осталась без результатов. В заседании Совета министров 28 января с первых слов Государя уже можно было подметить, что он поддался мистификации графа Толстого, поддержанного графом Шуваловым и Тимашевым. Некоторые из членов Совета также были уже подготовлены. Впрочем, в заседании этом не могло быть серьезных прений по существу дела; как всегда, результат совещания был уже предрешен заранее: положено было дать проектам графа Толстого ход законодательным порядком; но предварительно обсудить эти проекты в особом, специально назначенном присутствии, на правах департамента Государственного совета.

Прошло более месяца. 10 марта получил я уведомление из Государственной канцелярии о том, что я назначен в число членов означенного Особого присутствия, составленного под председательством генерал-адъютанта Сергея Григорьевича Строгонова из следующих лиц: Наследника Цесаревича, принца Петра Георгиевича Ольденбургского, генерал-адъютанта Чевкина, графа Литке и графа Путятина, действительного тайного советника графа Панина и Валуева, тайного советника Головнина, князя Урусова, Грота, министров народного просвещения, финансов и военного*.

С первых же заседаний этого присутствия оказалось явственно разделение голосов: в пользу проектов графа Толстого, то есть на стороне классицизма, стали председатель граф Строгонов и статс-секретарь Валуев; решительными противниками — генерал-адъютант Чевкин, Головнин, Грот и я; из остальных — одни склонялись на сторону классицизма, как, например, принц Ольденбургский и граф Путятин; другие приставали к нам, противникам ультра-классиков: в числе таких был граф Панин, которого голос был для нас весьма важен, так как он имел более всех других прав судить о классическом образовании. Наследник Цесаревич не высказывался определительно. Прения были чрезвычайно продолжительные и горячие. Граф Толстой защищал свои проекты со свойственными ему страстностью и раздражительностию. Он приносил с собой в заседания груды книг на разных языках и цитировал из них места в подтверждение теории о единственном законном пути к образованию — чрез изучение мертвых языков. Чевкин, Грот и я доказывали односторонность такого мнения, необходимость равноправности классического и реального образования в видах практических и государственных; часто указывали на натяжки и даже фальшивые цитаты в доводах графа Толстого. Самое продолжительное и горячее заседание было 16 апреля; в этот раз я выступил с длинной речью, в которой систематически разобрал все доводы наших противников и опроверг все приводимые ими аргументы. Отделив с умыслом спорный вопрос о праве на поступление в университеты, я напирал в особенности на необходимость существования и развития средних учебных заведений с общеобразовательным реальным характером и доказывал оши-

* Позже добавлен был в число членов еще действительный тайный советник Титов.

бочность предположенного графом Толстым низведения реальных училищ на степень профессиональных школ. Меня поддержали Чевкин, Головнин, отчасти Рейтерн. В результате на нашей стороне оказалось сильное большинство голосов. Мы торжествовали победу; граф Толстой посинел от злобы[356].

Большинство голосов в Особом присутствии не имело решающего значения. Протокол присутствия с обоими мнениями подлежал еще внесению в общее собрание Государственного совета; но и в общем собрании большинство голосов не решало дела. Между тем проекты графа Толстого были уже опубликованы в майской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» и сделались предметом гласного обсуждения в печати. Впрочем, газетная полемика по этому предмету завязалась ранее: бóльшая часть периодических изданий высказалась против ультраклассических увлечений «Московских Ведомостей». Но борьба эта велась не при равных условиях: тогда как «Московские Ведомости» могли безнаказанно печатать самые яростные нападки и клеветы на существующие учебные заведения, противники этой газеты находились под тяжелым давлением Главного управления по делам печати. Газета «Голос» поплатилась за свою слишком горячую защиту реального образования приостановкой издания на четыре месяца[357]. Под влиянием газетной полемики толки о проектах графа Толстого приняли и в публике характер страстной борьбы между двумя партиями, окрещенными названиями «классиков» и «реалистов». На стороне последних всегда оказывалось подавляющее большинство. Случалось, что защитниками классического образования становились лица, вовсе не учившиеся ни одному из древних языков, тогда как люди, получившие действительно классическое образование, восставали против односторонности и увлечений графа Толстого. Да и сам граф Толстой не знал греческого языка и начал брать уроки только в течение лета 1871 года. Главные же союзники его в походе за классицизм граф Шувалов и Тимашев не учились ни тому, ни другому древнему языку. Это не мешало им в заседаниях Особого присутствия выслушивать сентенции в том смысле, что без обоих древних языков нет полного развития умственных способностей человека, что лишь основательное изучение этих языков дает право на высшее образование, которое одно должно открывать путь к высшим должностям в государственной службе. И таким сентенциям смиренно подчинялись наши государственные деятели, по-

лучившие образование в Пажеском или кадетских корпусах, да и сами члены Императорской фамилии, учившиеся только «чему-нибудь и как-нибудь».

Деятельное участие, принятое мною в прениях по поводу проектов графа Толстого, отняло у меня много времени и отвлекло от главных моих занятий; но я не жалел ни трудов, ни времени, считая дело слишком важным и признавая за собою обязанность вступиться за реальное образование, с которым связаны интересы всех специальных видов службы, промышленности и общественной жизни. Вопрос о реальном образовании затрагивал косвенно и подведомственные мне военно-учебные заведения (специально военные гимназии) и Медико-хирургическую академию. Последняя приравнивалась к медицинским факультетам университетов. От Конференции ее было представлено мне формальное заключение, что для успешного прохождения курса медицинских наук вовсе нет надобности в основательном изучении обоих древних языков, что достаточно самое поверхностное знание одного латинского языка, и что воспитанники классических гимназий, судя по бывшим в последние годы поверочным испытаниям их при поступлении в академию, оказываются слишком мало подготовленными к академическому курсу в математике и физике. Такое формальное заявление со стороны вполне компетентного ученого сословия казалось весьма веским аргументом против того мнения, будто основательное изучение обоих древних языков должно быть непременным условием допущения молодых людей на все без исключения университетские факультеты. С другой стороны, главный начальник военно-учебных заведений генерал-адъютант Исаков снабжал меня разными полезными данными и мнениями опытных педагогов по вопросу о значении древних языков в учебном плане общеобразовательных заведений среднего разряда. Некоторые из этих записок казались мне столь дельными и убедительными, что я передавал их для прочтения сочленам моим.

Государь следил за ходом дела об учебной реформе и, конечно, знал, что проекты графа Толстого встретили сильную оппозицию и в Особом присутствии Государственного совета, и в печати, и в общественном мнении; без сомнения, он имел случай слышать возражения против идей, внушенных ему графом Толстым и графом Шуваловым; мне самому случалось высказывать Его Величеству мои убеждения, — и несмотря на то, он не отступил от усвоенного себе взгляда на это дело. В этом случае выказалась свойст-

венная ему черта характера, которая в известных случаях имела благотворное влияние на успех совершившихся в его царствование великих дел: без нее не удалось бы довести до конца ни освобождения крестьян, ни судебной реформы, ни решения польского вопроса, ни преобразований по военной части. К сожалению, это такая черта, которая в самодержавном монархе может в одинаковой мере иметь и благотворное, и весьма прискорбное влияние на судьбы государства, смотря по тому, в которую сторону наклонится. Чему Россия обязана великими историческими своими успехами в первое десятилетие царствования императора Александра II, тому же следует приписать и последовавшую затем систему реакции, и продолжительное зловредное влияние графа Петра Шувалова, а также и прискорбные результаты проектированного графом Толстым преобразования учебной части.

Окончательное обсуждение проектов графа Толстого в Общем собрании Государственного совета было назначено в экстренном заседании 15 мая, в субботу, то есть в самый день закрытия сессии Государственного совета, как будто с тем умыслом, чтобы устранить обстоятельное обсуждение такого важного дела и избегнуть лишних прений. Очевидная невозможность рассмотрения в одно заседание трех обширных Положений вынудила председателя предложить на обсуждение только основные начала предположенной реформы собственно относительно классических гимназий, отложив все остальное до открытия новой сессии в предстоявшую осень. С самого открытия заседания выказалось ясно, что председатель и многие из влиятельных членов были уже настроены в пользу проектов графа Толстого. Нас удивило, что и граф Панин, стоявший прежде решительным противником этих проектов, теперь перешел на сторону ультраклассицизма. Говорили, что он передался из одного лагеря в другой вследствие личных объяснений с ним Государя. Можно полагать, что и некоторые другие члены Совета, в том числе и сам председатель, и прочие великие князья, получили свыше mot d'ordre*. Как бы то ни было, но председатель[358] на этот раз держал себя не беспристрастно: он явно клонил в пользу классиков, не давал высказаться противной стороне и даже не допускал вовсе общих суждений об основной идее проекта. Прения были сосредоточены преимущественно на одном вопро-

* Указание (*фр.*).

се: следует ли или нет допускать в университет (по всем факультетам без различия) одних лишь учеников классических гимназий, окончивших в них полный курс и изучивших оба древних языка? Вопрос этот вовсе не был принципиальный; он мог быть обсужден в связи с Положением о реальных училищах, тем более, что и по прежнему уставу реальных гимназий они не давали права на поступление в университет. Но председателю было известно, что именно по этому вопросу существовало разногласие и в самой среде защитников реального образования, а потому можно было ожидать, что при постановке такого вопроса окажется благоприятное для классического образования разделение голосов. Однако ж и этот расчет не оправдался: на стороне графа Толстого оказалось 19 голосов, на противной — 29. Прения затянулись так долго, что не было уже возможности входить в дальнейшие препирательства, и председатель закрыл заседание в $6^1/_2$ часов, предложив членам съехаться еще раз в следующую субботу для подписания журнала.

Таким образом, несмотря на все пристрастие, с которым велись совещания, на очевидное давление свыше на многих из членов Совета, на все хитросплетения, парадоксы и софизмы графа Толстого, — все-таки оказалось и в Общем собрании сильное большинство голосов против его проектов. Но как я сказал, и в Общем собрании большинство не решало дело; окончательный результат зависел оттого, будет ли Государем утверждено мнение большинства или меньшинства. Поэтому для той или другой стороны было весьма важно, чтобы в журнале заседания доводы в пользу каждого мнения были изложены сколь можно полнее и убедительнее. Редакцию мнения большинства приняли на себя К.В. Чевкин, А.В. Головнин и я. Надобно было торопиться работой и вместе с тем избегнуть длинноты. Наконец, журнал был составлен, подписан в назначенный день и представлен на Высочайшее утверждение. Чрез несколько дней узнали мы с горестью, что Государем утверждено мнение меньшинства. Ясно было, что затеянное графом Толстым преобразование учебной части в направлении ультраклассическом было предрешено бесповоротно[359].

2 июля обнародовано Высочайшее повеление, чтобы впредь в университеты допускать лишь окончивших полный курс классической гимназии, с аттестатом «зрелости» и ввести предложенные министром народного просвещения изменения в Уставе гимназий 1864 года[360].

С КОНЦА МАРТА ДО КОНЦА ИЮЛЯ

Петербургская жизнь, временно оживившаяся под впечатлением грозных событий на Западе и в ожидании результата Лондонской конференции по жгучему вопросу о восстановлении державных прав России на Чёрном море, успокоилась в течение марта месяца и приняла с этого времени свое обычное течение. День Светлого воскресения, 28 марта, встречен, как всегда, ночным съездом в Зимний дворец к заутрене. В числе пасхальных наград по военному ведомству последовали назначения генерал-лейтенанта Козлянинова генерал-адъютантом, генерал-майора Обручева — в Свиту, а моего адъютанта полковника Брока — флигель-адъютантом. Жене моей пожалован орден Св. Екатерины, так же как и жене генерал-адъютанта Тимашева*.

В первые дни Пасхи получены были прискорбные известия об уличных беспорядках, происходивших в Одессе. И в прежние годы случались там в Светлое воскресение драки между греками и евреями; но столкновения эти никогда еще не принимали таких размеров, как в 1871 году. На этот раз явилась на подмогу грекам толпа всякого сброда, буйствовавшая в продолжении трех дней: она бродила по улицам, била стекла в синагоге, в жидовских домах, разбивала лавки и кабаки, разбрасывала и уничтожала имущество евреев. Плохая полиция городская была бессильна прекратить беспорядки; призванным же на помощь ей командам от войск не велено было прибегать к огнестрельному оружию. Однако же когда рассвирепевшая толпа начала бросать в войска каменьями, пришлось пустить в дело не одни казацкие нагайки, но и штыки. При этих столкновениях ранены каменьями 3 офицера и 24 солдата, а в народе оказалось двое убитых и до 20 раненых; более 1000 человек было арестовано. Городские власти в начале потеряли голову и действовали без надлежащей энергии; когда же толпа, наконец, угомонилась и спокойствие

---

* В автографе зачеркнут первоначальный вариант первого абзаца: «К концу марта месяца успокоилось то напряженное внимание, с которым следили у нас за важными политическими событиями на Западе и за ходом Лондонской конференции по вопросу о нейтрализации Чёрного моря; петербургская жизнь вошла снова в свои однообразные и бесцветные рамки. По обыкновению, на шестой неделе Великого поста (в понедельник, 15 марта) происходил в залах Зимнего дворца осмотр картографических работ и съемок Военного и Морского министерств, затем справлялся обычным порядком полковой праздник Конной гвардии, а 28 марта встретили мы Светлое воскресенье» (*примеч. публ.*).

было восстановлено, началась самая беззаконная расправа с арестованными. Насколько во время самых беспорядков городское население, под влиянием страха, роптало на бездействие власти, настолько же последующие распоряжения начальства возбудили общее негодование.

Зима, проведенная императрицею в Петербурге, не могла, конечно, способствовать улучшению ее здоровья. Она была так слаба, что Государь должен был в этом году оставаться в Петербурге долее обыкновенного. Только Наследник Цесаревич со своим семейством переехал в Царское Село на Фоминой неделе, 7 апреля, ввиду предстоявших вскоре родов цесаревны. Ее Высочество разрешилась благополучно 27 апреля сыном, наименованным Георгием*.

22 апреля происходил на Марсовом поле так называемый майский парад. Всеми бывшими на смотру войсками командовал помощник главнокомандующего генерал-адъютант барон Бистром за отсутствием великого князя Николая Николаевича, который в начале апреля предпринял большое путешествие по России — чрез Киев, Одессу, в Область войска Донского, где осматривал конские табуны Задонской степи, а на обратном пути посетил конские заводы Воронежской и Харьковской губерний.

Вслед за большим парадом начались в присутствии Государя на Семеновском плаце бригадные учения расположенным в Петербурге пехоте и кавалерии. 3 мая Их Величества переселились в Царское Село, а 6-го числа императрица выехала за границу для лечения эмскими минеральными водами**. Сопровождали Ее Величество великая княжна Мария Александровна, великие князья Владимир, Сергей и Павел Александровичи; свиту составляли те же лица, что и в прошлом году: генерал-адъютант князь Влад[имир] Ив[анович] Барятинский, тайный советник Алек-

---

* В автографе далее предполагался зачеркнутый абзац:

«16 апреля в царском семействе праздновалась тридцатая годовщина супружества Их Величеств. По этому случаю получили очередные награды бывшие адъютанты Наследника Цесаревича граф Александр Влад[имирович] Адлерберг, Паткуль и Мёрдер (первый — орден Св. Александра Невского, второй — Белого орла)» (*примеч. публ.*).

** В автографе далее зачеркнуто: «Государь предполагал также выехать за границу несколько позже» (*примеч. публ.*).

Кронпринц Германский Фридрих Вильгельм

сандр Петрович Озеров, графиня А.А. Толстая, фрейлины баронесса Пиллар и моя дочь Елизавета; при великом князе Владимире Александровиче состоял контр-адмирал Бок и за адъютанта молодой корнет граф Шувалов; при младших великих князьях — капитан 1-го ранга Арсеньев.

На пути своем в Эмс императрица остановилась в Берлине, где провела два дня. Как со стороны королевского семейства, так и берлинского населения оказан был Ее Величеству самый радушный прием. В то время пруссаки были еще как бы в чаду после недавних своих военных успехов, но держали себя в первое время без высокомерия. Наследный Принц говорил приближенным императрицы: «Je n'onblierai jamais de ma vie ce que votre Empereur a fait pour nous»*. Князь Бисмарк, находившийся в то время еще во Франкфурте по

* «Никогда в моей жизни я не забуду, что Ваш император сделал для нас» (*фр.*).

случаю переговоров и заключения мирного договора с Францией, поспешил в Берлин, чтобы представиться российской императрице. Только королева Аугуста предпочла отсутствовать, выехав из Берлина в Кобленц накануне приезда нашей императрицы.

11 мая Ее Величество выехала из Берлина и к вечеру того же дня прибыла в Эмс, где встретили ее оба брата: принцы Карл и Александр Гессенские с их семействами. Потом прибыли туда король и королева Вюртембергские, принцесса Мария Максимильяновна Баденская, многие другие принцы, принцессы и разные лица; считавшие долгом своим представиться российской императрице. Немедленно же по приезде своем в Эмс, Ее Величество приступила к лечению водами.

Дочь моя, по совету врачей, также пользовалась эмскими водами. Пребывание в Эмсе доставило ей случай видеться с ее приятельницей М.Н. Вельяминовой и с больной ее племянницей княжной Вяземской, остававшимися там до половины июня.

Моя семья в 1871 году в первый раз провела лето и осень на Южном берегу Крыма, с которым жена моя ознакомилась в предшествовавшем году, объехав быстро этот прелестный уголок. Ей удалось тогда приискать там удобное и приятное помещение в Меласе — имении княгини Голицыной-Остерман, принадлежавшее некогда графу Льву Алексеевичу Перовскому, на самом берегу моря, под Байдарскими воротами. Выехав из Петербурга 5 мая, жена моя с двумя дочерьми Ольгой и Надеждой, провела пять дней в Москве с братом Николаем и его семьей в ожидании сестры Мордвиновой, которая также намеревалась остановиться в Москве на пути из Одессы в ее псковское имение. Младшие дети со своею наставницей О.И. Винтер уехали вперед в Бессарабию, в имение брата моей жены Евгения Михайловича Понсэ, где они должны были дождаться остальной части семьи. Приезд сестры в Москву замедлился, и потому, не дождавшись ее, моя жена выехала оттуда 10 мая; останавливалась на один день в Киеве, где нашла радушный прием со стороны прошлогодних своих знакомых, и затем, приехав 15-го числа в имение своего брата (Леонтьево), провела там десять дней. 25 мая она приехала в Одессу, пробыла там два дня и, наконец, после довольно беспокойного перехода морем на пароходе «Коцебу» прибыла 28-го числа в Севастополь, оттуда в тот же день доехала в экипаже до Меласа.

Три дня спустя прибыли туда и младшие дети, так что с 1 июня вся семья (за исключением сына и старшей дочери) водворилась окончательно в этом уединенном приюте. Пребывание в чудном климате, на самом берегу моря доставляло всей семье истинное наслаждение; в особенности приносило пользу для здоровья дочери Ольги после стольких лет болезни, проведенных в южных странах. К общей нашей радости, она перенесла отлично длинное путешествие; здоровье ее заметно укрепилось сравнительно с прошлым летом.

С отъезда старшей дочери моей за границу с императрицей, сына — в Красное Село, а всей остальной семьи — в Крым я остался совершенно одиноким в Петербурге; но не надолго: 15 мая приехала сестра моя Мордвинова с двумя проживавшими у нее девицами и малолетнею дочерью. Я предложил им помещение в моей опустевшей квартире. Пробыв у меня неделю, сестра уехала 22 мая в свое псковское имение Никольское. Немного пришлось мне видеться с гостями своими: в самый день приезда их все утро провел я частию в Царском Селе, частию в заседании Государственного совета; на другой день, 16-го числа (Троицын день), справлялся обычным порядком полковой праздник Измайловского полка и гвардейского саперного батальона: утром церковный парад, а затем парадный обед в Царском Селе, где остался я ночевать по случаю предстоявшей на следующий день (17-го числа) церемонии крестин новорожденного великого князя Георгия Александровича.

Последние дни пред закрытием сессии Государственного совета на время летних каникул обыкновенно отличаются какою-то лихорадочною деятельностию в высших административных сферах. Но едва ли когда бывало в них такое напряженное, такое возбужденное состояние, как в этом, 1871-м году, благодаря раздражительным прениям по учебному вопросу. Вместе с тем и по случаю предстоявшего вскоре отъезда Государя за границу требовалось неотлагательное разрешение множества других разнообразных вопросов.

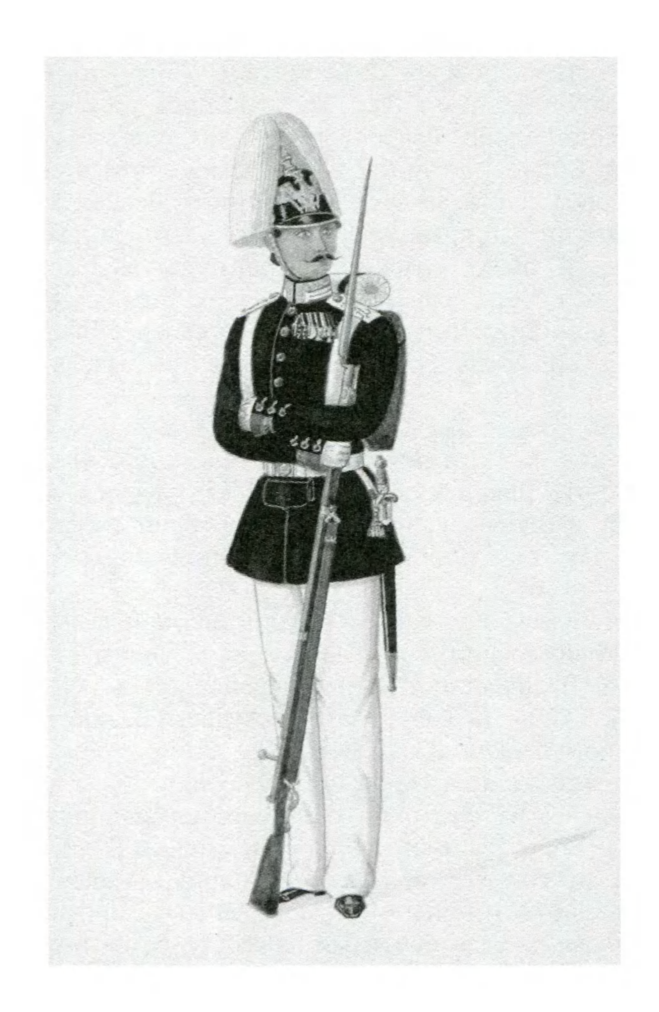
25 мая, после приема нового турецкого посла Рустем-бея, Государь выехал из Царского Села по железной дороге за границу. Сопровождали его великий князь Алексей Александрович, граф Александр Владимирович Адлерберг и граф Шувалов. На

пути своем Государь останавливался 26-го числа в Динабурге и Вильне для смотра собранных там войск, а 27-го прибыл в Берлин. На вокзале железной дороги была обычная парадная встреча, и затем император Вильгельм проводил Государя в дом русского посольства. Первое свидание двух императоров после недавних великих событий, покрывших славою царственного вождя германских армий, было сердечное и трогательное. Наш Государь благоговел пред своим дядей, радовался его торжеству, оказывал самое любезное внимание его армии; со своей стороны, и дядя показывал сердечные чувства дружбы и признательности племяннику.

В Берлине Государь провел два дня. Можно полагать, что в это короткое пребывание не было никаких политических объяснений, судя по тому, что наш государственный канцлер князь Горчаков, отправляясь в Вильдбад, проехал чрез Берлин за три дня до прибытия туда Государя и не присутствовал при свидании императоров.

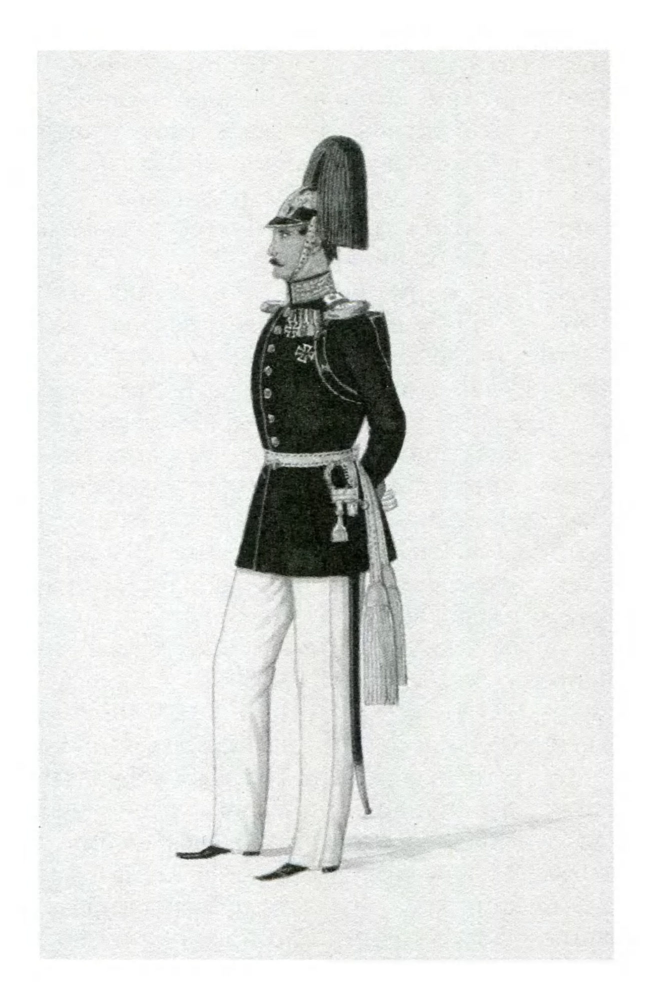
Выехав из Берлина 29 мая, Государь посетил в Веймаре великого герцога Саксен-Веймарского, который со всем своим семейством встретил Его Величество в Галле. Переночевав в Веймаре, Государь утром 30 мая (в воскресение) слушал обедню в дворцовой православной церкви и затем выехал далее, в Эмс, куда прибыл вечером того же дня. На железнодорожном вокзале встретили его Государыня императрица с находившимися при ней детьми, король и королева Вюртембергские, принц Вильгельм Баденский с супругой его принцессой Марией Максимильяновной. У подъезда гостиницы «Четырех башен», занятой царственным семейством, ожидал почетный караул от батальона 1-го гвардейского гренадерского полка, шефом которого Его Величество был назначен незадолго пред тем. Батальон этот, прибыв в Эмс собственно для почетной встречи своего шефа, на другой же день возвратился в Кобленц, чтоб участвовать в предстоявшем 4/16 июня торжественном вступлении прусской гвардии в Берлин.

Прежде чем начать курс лечения водами, Государь съездил 1/13 июня в Кобленц для посещения находившейся там императрицы Германской Аугусты. Прибыв в Кобленц в 11-м часу утра, Его Величество произвел смотр означенному 1-му гренадерскому Императора Александра I полку прусской гвардии и после завтрака у императрицы Аугусты возвратился в



Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 унтер-офицер в летней парадной форме. Рисунок императора Александра II

тот же день в Эмс. Смотр в Кобленце доставил Государю новый повод к изъявлению особенного его благоволения прусскому войску и к обильной раздаче Георгиевских крестов. На другой день императрица Германская сама прибыла в Эмс, чтобы посетить нашу императрицу. Отобедав с русскою царственною семьей, императрица Аугуста в тот же вечер выехала в Берлин, где в то время делались приготовления к упомянутому торжеству вступления в столицу победоносной прусской гвардии и вместе с тем открытия памятника королю Фридриху-Вильгельму III.



Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 обер-офицер 3-го фузилерного батальона в летней парадной форме. Рисунок императора Александра II

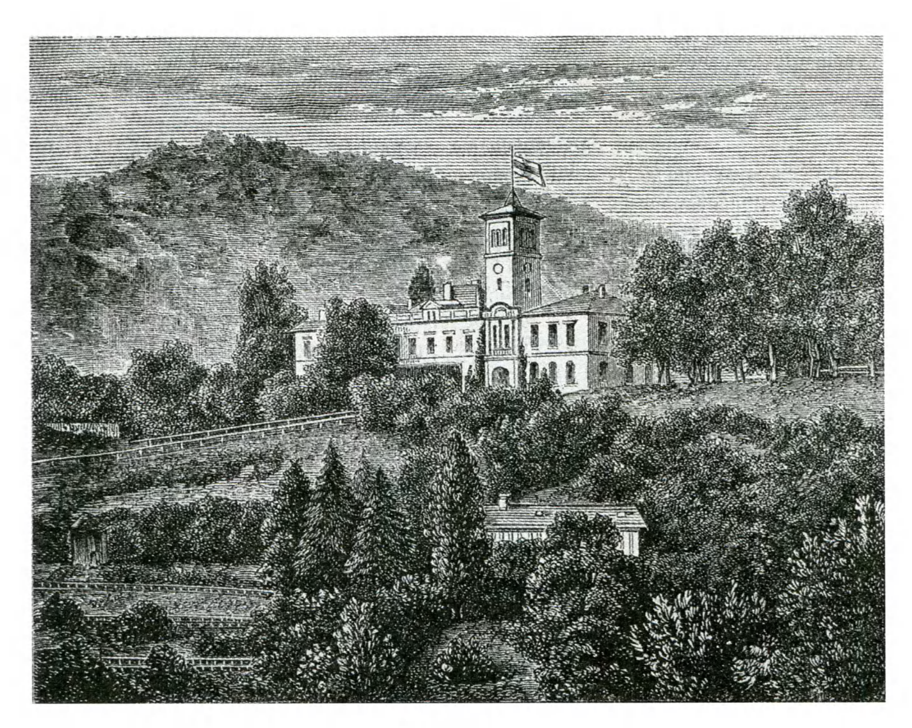
Торжество это совершилось 4/16 июня с большою пышностью и эффектными излияниями патриотического энтузиазма. Главные участники военных успехов прусской армии были в этот день удостоены высоких наград. В числе их генерал Мольтке, как уже было сказано, произведен в фельдмаршалы, а военный министр генерал Роон получил графский титул.

Во время пребывания Государя в Эмсе, приезжали туда на поклон весьма многие лица как иностранные, так и русские, в том числе и фельдмаршал князь Барятинский. Наследный принц Английский (Уэльский) прибыл с принцессою, супругою своею (сест-

рой нашей цесаревны) и с братом своим Альфредом, герцогом Эдинбургским, которого прочили в женихи великой княжны Марии Александровны. 14 июня императрица, окончив курс лечения, переселилась с большею частью семейства в Петерсталь — замок в Великом герцогстве Баденском, на р. Ренх, в 8 милях от Рейна и в 10 от Страсбурга. В этом летнем местопребывании великогерцогского семейства Ее Величество провела около двух недель. Туда же прибыл и Государь несколько позже (23 июня / 5 июля), по окончании своего лечения эмскими минеральными водами. Из Петерсталя Их Величества ездили в Страсбург и в Баден, где навестили императора Вильгельма и императрицу Аугусту, а затем переехали в Фридрихсгафен. Здесь праздновалась 1/13 июля серебряная свадьба короля и королевы Вюртембергских. По этому случаю съехалось во Фридрихсгафен многочисленное родство царственной четы; в том числе прибыли великий князь Константин Николаевич, великий герцог Саксен-Веймарский, принц Александр Гессенский и другие. Также приехал туда и наш государственный канцлер князь Горчаков, который в самый год свадьбы великой княжны Ольги Николаевны с тогдашним наследным принцем Вюртембергским (1846) был назначен русским посланником в Стутгардт и с тех пор постоянно пользовался особенным расположением бывшей наследной принцессы, а потом королевы.

Во время пребывания Государя в Фридрихсгафене явилась туда странная депутация от разных евангелических германских обществ, в числе 37 человек с адресом на имя Его Величества. В этом адресе заключалось ходатайство за лютеранское население Прибалтийского края, будто бы претерпевающее притеснения в религии и свободе совести. По приказанию Государя князь Горчаков принял эту депутацию 2/14 июля и, выслушав ее речь, объявил, что ходатайство депутации основано на неверных данных, так как предположение о стеснении совести и религии в Прибалтийском крае не имеет никакого основания; поэтому представление адреса Государю было отклонено. Несмотря на этот учтивый отказ, депутация осталась довольна любезным приемом нашего канцлера, как он сам по крайней мере заявил в представленном им Государю докладе, опубликованном тогда же в газетах.

7/19 июля Их Величества переехали из Фридрихсгафена в Югенгейм. Здесь принц и принцесса Уэльские распростились с императорским семейством и переехали в Киссинген, а герцог Эдинбургский оставался еще до самого отъезда Их Величеств у



Югенгейм

своей сестры принцессы Алисы (супруги принца Гессенского Людвика, племянника нашей императрицы). Уже тогда моя дочь писала мне, что принц Альфред, сколько можно замечать, нравится великой княжне и что, по всем вероятиям, судьба ее решится в предстоявшую зиму.

В Югенгейме Их Величества оставались до 13/25 июля. Накануне выезда их оттуда посетил их император Вильгельм. Из Югенгейма Их Величества ехали чрез Берлин в Варшаву, куда прибыли 14-го числа. Здесь ожидали присланные для приветствования их от имени императоров Германского и Австро-Венгерского генералы Паппе и Гиулай. В Варшаве Их Величества пробыли четыре дня. Ежедневно происходили смотры и учения собранным в лагере войскам: в первый день, 15-го числа, после молебствия в православном соборе, происходил на Макатовском поле общий смотр 73 батальонам, 41 эскадрону и сотням и 24 батареям; на другой день — учение всей кавалерии, а затем стрель-

ба пехоты; 17-го числа — двухсторонний маневр. С военными занятиями чередовались ежедневные приемы представлявшихся лиц и депутаций, посещение разных заведений, парадные обеды; по вечерам — представления в театре. 18-го числа, в воскресение, Их Величества слушали обедню в церкви Лазенковского дворца; затем происходил смотр стрельбы артиллерии, а вечером — выезд из Варшавы. Фельдмаршал граф Берг и на этот раз умел приготовить для Государя блестящий прием в Варшаве: все городское население было на ногах с утра до вечера; везде, где показывались Их Величества, встречали их криками «ура». Во время пребывания их в Варшаве подписан манифест, которым объявлена была новая царская милость: польским эмигрантам, остававшимся за границей вследствие последнего мятежа, дозволено было возвратиться на родину, почти на таких же основаниях, как было разрешено после восстания 1830 года[361].

На пути из Варшавы в Петербург Государь останавливался 19-го числа в Гродне для смотра войска, а 20 июля утром Их Величества прибыли в Петергоф.

В тот же день прибыл туда морем Наследник Цесаревич из Гапсаля, где цесаревна с детьми оставалась с 12 июня до конца июля. 31-го числа Его Высочество встретил цесаревну за островом Сескаром и вместе с нею возвратился на пароходе «Олаф» в Петергоф. Дети их оставались в Гапсале еще около месяца.

МОЯ ПОЕЗДКА НА ЮГ РОССИИ (27 МАЯ — 19 ИЮЛЯ)

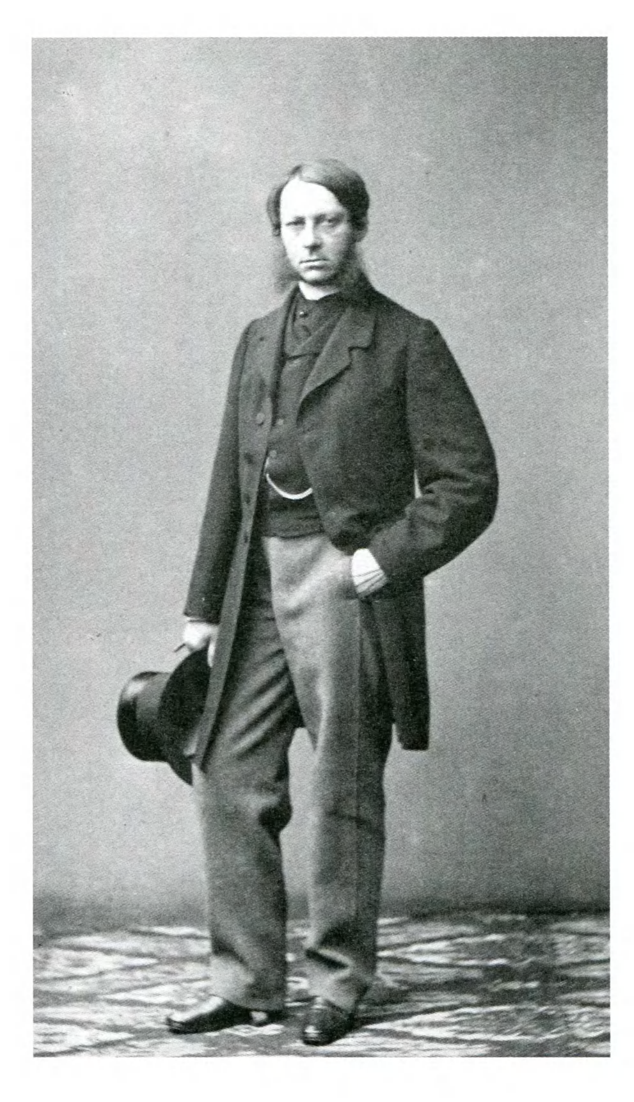
Во все продолжение первого десятилетия управления моего Военным министерством постоянная работа кабинетная удерживала меня почти безвыездно в Петербурге. За исключением кратковременных посещений Москвы в свите Государя, да прошлогоднего проезда чрез Одессу и Киев, мне еще не удалось ознакомиться лично с военными учреждениями и войсками разных военных округов. Ввиду выраженного Государем желания, чтобы министры по временам объезжали подчиненные им учреждения в губерниях, я решился в 1871 году воспользоваться летним затишьем и отсутствием Государя, чтобы предпринять поездку по России. На этот раз я предположил проехать чрез Москву и Харьков на Дон, затем в Керчь и, заехав на короткое время на Южный берег Крыма, возвратиться чрез Одессу, Николаев и Киев. На другой раз имел я в виду объехать Приволжье, а впоследствии Виленский и Варшав-

ский округа. Государь вполне одобрил мой план и разрешил мне отправиться в предположенное путешествие вслед за выездом Его Величества за границу.

Предпринимая первую мою поездку в качестве военного министра, я предварил главных начальников военных округов, что желал бы видеть войска и учреждения не в праздничном их виде, а во вседневной, будничной обстановке и просил избавить меня от всяких почетных встреч и церемоний. Выехав из Петербурга 27 мая, я начал свой смотр с Москвы. На этот раз я мог несколько подробнее обозреть все тамошние военно-учебные заведения, военный госпиталь, интендантский склад с обмундировальнною мастерской, места, назначенные для военного отдела на предстоявшей в следующем году выставке и т. д. В учебных заведениях присутствовал я на годичных экзаменах и военную прогимназию застал уже в летнем ее помещении в Сокольниках. Утро 30-го числа провел я в лагере на Ходынке, где уже собраны были 1-я гренадерская и 1-я пехотная дивизии с их артиллерией. К обеду обыкновенно приезжал я к брату Николаю и проводил у него весь вечер; раз был приглашен на обед к генерал-губернатору князю Долгорукову, а в другой день к командующему войсками округа генералу Гильденштуббе, который доставил мне случай видеться со всеми начальствующими лицами военно-окружного управления.

Брат мой Николай по случаю моего приезда в Москву должен был отложить на несколько дней предположенное перемещение свое на лето в деревню (Коралово, имение Голохвастова, в окрестностях Звенигорода). Я нашел заметное улучшение в его состоянии физическом и психическом, что, впрочем, я имел случай заметить и ранее по двум его письмам, полученным мною в январе и феврале, написанным весьма толково и довольно твердою рукой[362]. Он мог уже принимать участие в разговорах о делах и по-прежнему интересовался особенно вопросами, касавшимися хода дел в Царстве Польском, но сам говорил мало и затруднялся иногда в именах собственных.

Вечером 31 мая выехал я из Москвы и на другой день утром прибыл в Орёл, где был встречен командующим войсками Харьковского округа генерал-адъютантом Карцовым и орловским губернатором Мих[аилом] Ник[олаевичем] Лонгиновым. Последний пригласил меня остановиться у него же, в губернаторском доме, в котором он жил в то время в одиночестве, за отсутствием



М.Н. Лонгинов

его семьи. С М.Н. Лонгиновым в молодые лета я был в приятельских отношениях; мы были даже в некотором родстве: жена его, рожденная Левшина, приходилась мне троюродною сестрой по матери ее, рожденной княжны Грузинской. Особенно в близких отношениях был Лонгинов с моим младшим братом Владимиром, с которым он был товарищем по университету[363]. В те времена он был веселым, остроумным собеседником; в нем не было никаких

задатков будущего реакционера, ненавистника новейших реформ и гонителя печати; напротив того, он сам забавлялся стихотворством в шуточном и часто вовсе нецензурном жанре.

Немедленно по приезде в Орёл я принял начальствующих лиц и затем посетил Орловскую военную гимназию, где присутствовал на экзаменах, осматривал письменные и чертежные работы учеников и, пробыв в заведении более трех часов, успел в то же утро осмотреть помещение 24-го резервного батальона и лазарет квартировавшего в Орле Звенигородского пехотного полка. После обеда смотрел я тот же резервный батальон в строю и нашел его в отличном состоянии, затем произвел учение Звенигородскому полку и осмотрел его казармы, которые нашел совершенно негодными.

2 июня выехал я из Орла вместе с генералом Карцовым в Брянск для осмотра тамошнего артиллерийского арсенала. В присутствии моем отлиты были два орудия. В тот же день возвратились мы в Орёл, а на другой день выехали оттуда в Харьков, куда прибыли вечером. Здесь я остановился у генерала Карцова, давнишнего моего товарища и друга. Семья его была уже в летнем своем местопребывании Чугуеве, куда и мы отправились на другой день. Там обыкновенно располагалась лагерем часть войск Харьковского округа и производилась практическая стрельба артиллерии; но ко времени моего приезда сбор еще не начался, а потому я осмотрел только те части войск, которые постоянно расположены в Харькове и Чугуеве, а именно: 4-го числа в Харькове — 34-й пехотный Севский полк и один батальон 33-го Елецкого, а 5-го числа в Чугуеве — 9-й гусарский Киевский полк. Так же, как и в Орле, я был неприятно поражен негодностию казарменных помещений, едва поддерживаемых городом от полного разрушения. Даже полковые лазареты были помещены в ветхих, сырых сараях, в которых обрушавшиеся потолки кое-как поддерживались подставками. Кроме войск, я посетил в Харькове заседание военно-окружного суда, а в Чугуеве — юнкерское училище, госпиталь, фейерверкерскую школу и артиллерийский полигон, который только что начинал тогда устраиваться.

В семействе Ал[ександра] Петр[овича] Карцова я чувствовал себя как бы в кругу родственном. Екатерина Николаевна Карцова, дочь почтенной Эмилии Антоновны Пущиной, умная женщина, хорошая мать семейства, была с давних времен дружна с моей семьей; дочери ее — ровесницы и приятельницы моих до-

черей. О самом Александре Петровиче Карцове я упоминал уже не раз: это был человек, достойный во всех отношениях уважения и сочувствия.

По возвращении из Чугуева в Харьков и пред отъездом оттуда в дальнейший путь я отправил 6 июня всеподданнейшее донесение Государю обо всем мною виденном и замеченном. На этом донесении, полученном в Эмсе 17/29 июня, положена Его Величеством следующая собственноручная отметка: «Благодарю за отчет и утверждаю все сделанные тобою распоряжения»[364].

Продолжая свой путь из Харькова в Новочеркасск по железной дороге в сопровождении хозяина ее Полякова[365], я остановился в Ростове-на-Дону, где осмотрел помещение 4-й резервной артиллерийской бригады, склад артиллерийских снарядов и паровую мукомольную мельницу купца Посохова (долгосрочного контрагента интендантства). Утром 7 июля прибыл я в Новочеркасск; на станции железной дороги встретил меня войсковой наказный атаман генерал-адъютант Чертков со всеми чинами управления военного и гражданского. Он предложил мне остановиться у него в атаманском доме, где в то время он жил один, без семьи.

В Новочеркасске я провел четыре дня и во все это время был в беспрерывном движении. В первый день, 7-го числа, успел я осмотреть войсковой госпиталь и урядничье (юнкерское) училище. В последнем учебный курс и годичные экзамены были уже закончены, юнкера старшего класса ожидали выпуска в офицеры. Это был первый выпуск из Новочеркасского училища. Из расспросов моих преподавателям и ученикам, так же как из осмотра письменных работ юнкеров, я вынес общее заключение, что постановка учебной части в этом училище заметно отстала от уровня других юнкерских училищ; но главный недостаток заключался в неудобном помещении училища в двух отдельных частных домах. То же неудобство представляло и помещение госпиталя.

На второй день, 8-го числа, было назначено общее представление мне чинов войсковых управлений, начальников частей почетных лиц и проч., потом осмотр всех присутственных мест, музея горного управления, публичной библиотеки, богоугодных заведений, областного острога. После обеда происходил за городом смотр собранным для практической стрельбы десяти батареям Донской казачьей артиллерии. После стрельбы в цель произведено было общее учение батареям с пальбою. Все движения и построения отличались обычною в казачей артиллерии живостию и

лихостью. После артиллерии показали мне учебный полк и урядничье училище в пешем строю, так как лошади их в то время находились на травяном довольствии.

9-го числа, в среду, предпринята была поездка по железной дороге на Грушевские каменноугольные копи, где в то время только что начиналась систематическая разработка. Я спускался в шахты и осматривал образовавшуюся уже небольшую слободку пришлого рабочего населения. Здесь же владелец вновь устраиваемого на Дону железноделательного завода Пастухов показывал мне планы и чертежи своих сооружений. В заключение меня потешили зрелищем на обширной степной равнине собранных с окрестных станиц трехсот так называемых малолетков, то есть молодых казаков, приготовляемых к наряду на ближайшую очередь действительной службы. Летние учебные сборы этих малолетков установлены только с 1864 года. Я был приятно удивлен, увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых «линейных» казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость. Вслед за учением малолетков показаны были мне станичные табуны.

По возвращении с Грушевки в Новочеркасск предстоял мне торжественный обед, который заранее был мне предложен от донского дворянства. Еще в Харькове получил я по телеграфу приглашение от областного дворянского предводителя Иловайского в самых лестных для меня выражениях. В обеде участвовали все местные власти, чины управлений и большое число съехавшихся по этому случаю дворян, служащих и отставных. После обычных тостов за здоровье Государя и особ Императорской фамилии предводитель дворянства произнес прекрасную речь, в которой с большим тактом намекнул на встреченное в первое время Военным министерством со стороны казаков недоверие к предпринятым преобразованиям в их гражданском быту и на постепенное затем уразумение донцами благотворных целей новых, дарованных им Положений, клонившихся к преуспеянию их совместно с общим отечеством — Россией; в заключение он сказал: «Прежде чем беспристрастная история произнесет свой вековеч-

ный приговор о глубоком значении трудов Ваших на пользу развития России, современники нравственно обязаны сказать Вам — честному труженику Государства Русского, что Вы не обаянием власти, но упорным трудом и человечностию завоевали себе уважение всего передового населения Отечества. Тихий Дон разделяет это уважение настолько, насколько верит, что Вы желаете ему добра и славы...» За этою речью, конечно, последовали продолжительные «ура», с чоканиями, рукопожатиями, обниманиями. На речь Иловайского я ответил несколькими словами, выразив искреннее и горячее мое сочувствие к интересам казачества, усердные старания мои быть верным исполнителем воли Государя, проникнутого любовью к своим подданным и желанием блага верным и доблестным донцам; в заключение благодарил за оказанный мне лестный и радушный прием. Затем новые возгласы «ура», новые чокания и рукопожатия.

Последний день моего пребывания в Новочеркасске, 10-го числа, четверг, был посвящен учебным заведениям: гимназиям мужской и женской, Мариинскому институту[366], детскому приюту; затем был прощальный обед у атамана. На другой день, 11-го числа, выехал я из Новочеркасска, отправив пред самым отъездом второе донесение Государю с отчетом обо всем виденном на Дону. На этом донесении Государь положил 25 июня / 7 июля (в Петерстале) следующую отметку: «С истинным удовольствием прочел я твое письмо о посещении твоем Войска Донского. Дай Бог, чтобы все отрасли управления продолжали совершенствоваться и чтобы боевой дух прежних донцов в них поддерживался»[367].

В Таганроге пробыл я несколько часов. После смотра расположенного там резервного батальона объехал город с градоначальником его контр-адмиралом Кульчитским, видел домик (называемый теперь дворцом), где кончил жизнь свою император Александр I[368], и затем на пароходе отплыл в Керчь, куда прибыл к вечеру следующего дня, 12-го числа. На городской пристани встретил меня керченский комендант генерал-майор Ползиков, строитель крепости инженер генерал-майор Седергольм и другие местные власти. Не останавливаясь в городе, я немедленно отправился с комендантом в крепость, в приготовленное там для меня помещение. Некоторые части крепости были осмотрены в тот же вечер; следующий же день (13-е число) весь был проведен мною в подробном обзоре фортификационных сооружений, внутренних построек, вооружения; а вечером сделал смотр кре-

постному батальону, стоявшему в то время лагерем, между крепостью и городом. Батальон этот за неимением казарм в самой крепости помещался в городе, что было совершенно нерационально и не только отягощало службу батальона, но и отвлекало его от прямого назначения. В казематах же крепости расположена была военно-рабочая бригада, сформированная из «штрафованных» нижних чинов и предназначавшаяся первоначально для работ на проектированной Севастопольской железной дороге[369]. Сооружение этой дороги не состоялось, а строитель Керченской крепости крайне нуждался в рабочих руках; поэтому бригада и обращена была на крепостные работы. Инженеры дорожили этою рабочею силой.

Крепость Керчь, строившаяся по проекту генерала Тотлебена, занимает обширное пространство и защищает вход в Азовское море. Укрепления ее состоят из большого числа своеобразно расположенных верков как по берегу моря, так и по высотам. Особенно замечательна она по множеству закрытых помещений для войск и складов, так что в этом отношении едва ли какая-либо другая крепость имеет над Керчью превосходство. Грунт местности позволяет здесь врываться в землю колоссальными галереями, пещерами, ходами, не требуя никаких искусственных одежд. Первоначально существовало описание недостатка в пресной воде, и потому устроена была громадных размеров цистерна; но потом нашлись и родники с превосходною водой. Строитель крепости генерал-майор Седергольм был всею душой предан своему делу и занимался усовершенствованием крепости, как своего любимого детища. С любовью разводил он посадки на голых, известковых холмах и обрывах, и несмотря на короткое время своего существования, Керченская крепость уже представлялась со стороны моря совершенно прикрытой зеленою пеленой, так что неопытному глазу со стороны моря трудно даже догадаться о существовании грозных укреплений. Однако ж в то время крепость была еще далеко не достроена; оставалось возвести много оборонительных верков и помещений внутри крепости. Еще более предстояло работ и расходов для усовершенствования крепостного вооружения, соответственно современным требованиям.

В Керчи явился ко мне капитан военной шхуны, присланной туда по приказанию великого князя Михаила Николаевича в мое распоряжение. Я был крайне удивлен такою неожиданною любезностию Его Высочества. Маршрут мой был соображен с рас-

писанием срочных рейсов Русского товарищества Черноморского пароходства и торговли[370], так что я не имел надобности в казенном пароходе. Капитан шхуны пояснил мне на словах, что ему приказано перевезти меня в Новороссийск и другие пункты Кавказского берега. Но посещение Кавказа вовсе не входило в мой план и в расчет времени; поэтому я должен был отклонить любезное предложение кавказского начальства, вручив капитану шхуны письмо к великому князю Михаилу Николаевичу с изъявлением признательности моей за оказанное мне внимание. Однако ж Его Высочество прежде получения этого письма, узнав по телеграфу о моем отказе воспользоваться присланной шхуной, выказал неудовольствие (как потом узнал я от его приближенных) и выразил в телеграмме своей в Ялту, от того же 13-го числа, свое сожаление, присовокупив, что имел намерение пригласить меня к себе в Боржом[371]. Такое приглашение поставило бы меня еще в большее затруднение.

Пред выездом из Керчи, 14-го числа, я отправил третье донесение Государю. На нем была сделана Его Величеством следующая отметка: «Надеюсь, что все сделанные тобой замечания не останутся без пользы. Петерсталь. 27 июня / 9 июля 1871»[372].

На рассвете 15 июля высадился я в Ялте и сей же час отправился в наемном экипаже в Мелас. В первый раз мне пришлось увидеть восхитительный Южный берег Крыма; утро была прекрасное; я пришел в совершенный восторг, особенно же, когда подъехав к Меласскому спуску с почтового шоссе, увидел у своих ног окруженный густою зеленью, на берегу моря, белый дом, с характеристичными четырьмя башнями, и на площадке перед домом двигавшиеся белые точки. Длинный спуск шагом по зигзагам дороги показался мне бесконечным. В нетерпении, я выскочил из экипажа и прямыми тропинками побежал к дому, чтобы скорее обнять встретивших меня дорогих моих детей и жену. Они только что встали и собирались к утреннему чаю.

В Меласе провел я почти три недели; это был истинный для меня отдых. Южный берег показался мне очаровательнее всего, что приходилось мне видеть прежде, даже на Кавказе и в Италии. Семья моя, так же как и я, восхищалась живописным своим местопребыванием и свыклась с уединенною жизнью. Впрочем, мы не совсем были лишены общества: кроме ближайших добродушных соседей, с одной стороны, П.П. Черепанова, владельца небольшой усадьбы, с другой — Н.Я. Данилевского, ученого-бота-

ника и зоолога, страстного садовода, иногда посещали Мелас и приезжие из более отдаленных мест. Время пребывания моего в Меласе пролетело незаметно, и крайне грустно было мне так скоро покинуть этот тихий приют, расставаясь со своею семьей, вероятно, на продолжительное время.

5 июля приехал я в Севастополь, который не случалось мне видеть прежде. Я был поражен видом его развалин; казалось, предо мною предстал Севастополь 1855 года, тотчас после его разгрома[373]. Контр-адмирал Кислинский, комендант города, провожавший меня при объезде этих печальных руин и остатков от окружавших город укреплений, рассказывал мне, где что было во дни процветания нашего Черноморского флота. С Парижского трактата Севастополь совсем заброшен; морское ведомство отреклось от него, хотя начальником города по-прежнему назначался адмирал со званием коменданта. Кислинский слыл в морском ведомстве «бравым» офицером (выражение собственно морское); это был человек добрый, честный, но безгласный. На все мои вопросы: почему не делается того или другого для приведения города, по крайней мере, в опрятный вид, Кислинский только пожимал плечами, как бы выражая тем: покойника уже не воскресить.

Кроме замечательных местностей в отношении воспоминаний исторических, осматривал я и настоящие помещения войск, расположенных в Севастополе: двух полков 13-й пехотной дивизии и ее артиллерийской бригады. Полки пользовались сохранившимися морскими казармами; артиллерия же была разбросана по разным помещениям на Северной стороне. Осмотр этот указал мне, как много еще недоставало для удобства размещения войск и вообще для благоустройства города, восстановление которого в будущем было связано с вопросом о сооружении железной дороги.

Из Севастополя прибыл я в Одессу на срочном пароходе Русского товарищества. В Одессе я не застал генерала Коцебу, который проводил лето в Ялте. Начальник окружного штаба генерал-майор Горемыкин (племянник покойного моего друга и товарища по Гвардейскому генеральному штабу Фёдора Ивановича Горемыкина)[374] встретил меня на пристани со всем генералитетом и чинами окружных управлений, а потом сопровождал меня в объезде одесских военных учреждений. Я посетил все отделы военно-окружного управления, военный суд, юнкерское училище, некото-

рые из помещений войск, в том числе строения бывшего карантина, о которых в то время шли препирательства между министерствами внутренних дел и военным.

Благодаря любезности главного директора Русского товарищества пароходства и торговли контр-адмирала Чихачёва, в мое распоряжение предоставлен был для поездки в Николаев особый пароход «Митридат» (капитан Добровольский), на котором и прибыл я туда к вечеру 11-го числа. На пристани встретил меня главный командир порта генерал-адмирал Глазенап, у которого приготовлено было для меня и помещение. На следующий день, осмотрев в городе склад оружия и некоторые военные заведения, я проехал чрез Морской арсенал за город, в ракетное заведение и на местность артиллерийского полигона, к устройству которого было только что приступлено. Ракетное заведение, устроенное в широких размерах специалистом и горячим приверженцем ракетного дела генерал-лейтенантом Константиновым, не оправдало блестящих ожиданий ученого строителя. Быстрые успехи артиллерийского искусства все более отодвигали ракеты на задний план, так что громадное Николаевское заведение было занято изготовлением лишь незначительного числа ракет для употребления на азиатских наших окраинах[375].

На возвратном пути из Николаева я осматривал укрепления, возведенные для прикрытия подступа неприятельским судам к этому пункту. Верстах в 5 от Николаева вниз по Бугу возведена была Константиновская батарея в средине самого русла речки, которое притом было заграждено ряжами; на левом берегу реки была другая батарея, так что проход, оставленный в ряжевой линии, обстреливался перекрестным огнем. Тут же, под прикрытием береговой батареи, сложены были в сарае подводные мины, назначавшиеся для окончательного преграждения пути неприятельским судам. С обеих батарей в присутствии моем произведено было несколько боевых выстрелов по подвижной мишени и взрыв гальванической мины. Осмотр Николаевских укреплений убедил меня в совершенной недостаточности их и в очевидной необходимости для обеспечения Николаевского порта в случае войны с морской державой перенести оборону вперед, к самому устью Буга.

14 июля утром возвратился я в Одессу, а вечером того же дня выехал оттуда по железной дороге в Бендеры. Здесь осмотрел я крепость и производившиеся в ней инженерные работы; объехал

окрестные высоты, господствующие над городом, дабы составить себе хотя приблизительное понятие о выгоднейших пунктах для возведения предполагавшихся отдельных передовых фортов; посетил лагерь 15-й пехотной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Ольшевский, бывший при мне в Тифлисе дежурным генералом, а еще ранее (в бытность мою обер-квартирмейстером Кавказской линии)[376] старшим адъютантом. Возвратившись в крепость, я осмотрел помещение Офицерского собрания и обещал старшинам его доставить необходимые средства для устройства этого собрания. В благодарность за эту помощь впоследствии поднесено было мне звание постоянного почетного члена Бендерского офицерского собрания.

Переночевав в Бендерах, я выехал оттуда 16-го числа утром по железным дорогам на Киев, Курск и Москву и, нигде не останавливаясь, прибыл 19 июля утром в Петербург.

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ (21 ИЮЛЯ — 21 АВГУСТА)

На другой день по возвращении своем из-за границы, 21 июля, Государь приехал неожиданно в Красносельский лагерь и, вызвав войска «по тревоге», произвел им общий маневр с предполагаемым противником. С этого же дня начались почти ежедневные смотры и учения по утвержденному расписанию: 22-го числа — объезд лагеря и «вечерняя заря»[377], а 23-го — большой смотр на военном поле ($58^1/_2$ батальона, $40^1/_2$ эскадрона и 122 орудия). В оба эти дня присутствовали императрица и великие княгини с придворными дамами, король Греческий Георг, дядя его принц Глюксбургский и большое число разных иностранных гостей. 24-го числа происходила стрельба артиллерии и потом смотр учебных частей, а 25-го, в воскресение, вечером — офицерская скачка и раздача призов за стрельбу.

И в этом году сын мой принял деятельное участие в состязании. Выиграв опять два приза, он собирался было скакать еще в третий раз, чему, однако ж я счел своею обязанностию воспротивиться. Это время было для него периодом самого сильного разгара страсти к спорту. Не удовольствовавшись выигранными в один день двумя призами, он вслед за тем участвовал еще в Петергофских и Царскосельских скачках и выиграл еще призы.

На другой день Красносельских скачек, 26-го числа, происходило в присутствии Государя и многочисленных гостей уче-

ние всей кавалерии. Вечером того же дня царское семейство и Двор возвратились в Петергоф по случаю празднования 27-го числа дня рождения императрицы. 28 июля опять происходили в Красном Селе утром и вечером смотры стрельбы пехоты и драгун, 29-го числа — корпусный маневр с предполагаемым противником, а 30-го — маневр с боевыми патронами. С этого же дня началось передвижение войск на места, предназначенные им по расписанию сборных пунктов для предстоявших больших маневров.

В этом году предпринято было в первый раз испытание учрежденных в предшествовавшем году военных железнодорожных команд[378]. Для этого приказано было ко времени Красносельских больших маневров произвести быструю постройку временной военной дороги на протяжении 8 верст от Лиговской станции Балтийской железной дороги до соединения с Петербурго-Варшавскою линиею, на 9-й версте от Петербурга, близ дер. Каменки. Главное руководство исполнением этого опыта было возложено на генерал-майора Анненкова с помощью трех инженеров путей сообщения: Усова, Шишкина и Воробьёва. Материальные средства для предположенной постройки были предложены безвозмездно известным железнодорожным предпринимателем Варшавским, так что для предположенного опыта не потребовалось значительных расходов. К 23 июля собрано было до 400 нижних чинов из числа обучавшихся железнодорожному делу на разных линиях. Сформированные из этих нижних чинов команды приступили 28 июля к работе с обоих концов линии одновременно с помощью просторабочих от полков 22-й пехотной дивизии. 31-го числа проездом из Петергофа в Петербург я остановился на Лиговской станции и осмотрел производимые работы, которые велись так успешно, что на 8-й день, то есть 4 августа, дорога была уже готова и пущен первый поезд.

Большие маневры назначены были со 2 по 11 августа. На этот раз план маневров был составлен в обширных размерах; театр действий был перенесен на новую, менее знакомую местность — на север от Петербурга, в окрестности Мурина, Токсова и Осиновой рощи. Главными начальниками обеих сторон были назначены: северной — великий князь Николай Николаевич; южной — генерал-адъютант Дрентельн. Императорская Главная квартира собралась к вечеру 1 августа в Токсове, куда и сам Государь прибыл на ночлег.

В первые три дня маневров (2-го, 3-го и 4-го) движения и действия происходили малыми частями войск на пространстве между Токсовом и Осиновой рощей, а на следующие два дня, 5 и 6 августа, дан был войскам отдых. В эти дни Императорская Главная квартира расположилась в Осиновой роще, имении графа Левашева. Здесь 6-го числа справлялся праздник Преображенского полка и гвардейской артиллерии. По этому случаю приехала туда императрица, с цесаревной, с великою княжной Марией Александровной и придворными дамами, также король Греческий с принцем Глюксбургским. Утром 6-го числа на лугу пред помещичьем домом, занятым царственными гостями, происходил обычным порядком церковный парад, после которого на биваке Преображенского полка устроено было угощение для солдат; все офицеры полка и гвардейской артиллерии были приглашены к царскому обеду. По обыкновению, праздник этот ознаменовался некоторыми наградами и милостями: командир 1-й гвардейской артиллерийской бригады генерал-майор Пистолькорс зачислен в Свиту, а полковник гвардейской конной артиллерии Энгельгард и поручик Преображенского полка барон Рокасовский назначены флигель-адъютантами.

На другой день с раннего утра возобновились движения войск к стороне Петербурга. 8-го числа, в воскресение, опять была дневка. Их величества провели этот день в Петергофе, а я остался в Петербурге, чтобы возместить хотя несколько, потерянные для работы дни маневров. Однако же на ночь Главной квартире было приказано снова собраться в Чесменской военной богадельне[379]. Утром 9-го числа Государь, прежде чем сесть верхом, обошел все помещения богадельни. Маневры перенеслись 9-го числа к стороне Царского Села, где мы и ночевали на 10-е число. В оба дня шел проливной дождь, как бы назло приглашенным именно на эти дни иностранным послам: великобританскому — сиру Андрью Буханану и вновь прибывшему французскому генералу Лефло. К 11-му числу погода несколько разгулялась, и в этот день маневр закончился генеральною битвою на Волковом поле, то есть под самым Петербургом. В последний момент маневров, по заведенному порядку, Государь поздравил выпускных воспитанников военно-учебных заведений с производством в офицеры и затем Его Величество с частью свиты своей возвратился в Чесменскую богадельню, откуда проехал к тому пункту Петербурго-Варшавской железной дороги, где отделялась от нее

вновь построенная военными командами временная ветвь. По этой импровизированной линии мы провезли благополучно Государя до Лиговской станции, откуда Его Величество продолжал путь в Петергоф.

Первый опыт постройки наскоро железной дороги посредством военных команд удался вполне. Государь лично поблагодарил генерал-майора Анненкова и всех участвовавших в этой работе, а в приказе объявлено им Высочайшее благоволение. Построенная временная ветвь была впоследствии передана в распоряжение Общества Балтийской железной дороги[380], которое, однако же, признало ее бесполезною и решило разобрать.

В самый день окончания маневров, 11 августа, Наследник Цесаревич с цесаревною снова отправились на пароходе «Олаф» в Гапсаль, где оставались их дети, и возвратились в Петергоф 19-го числа*.

13 августа Государь ездил в Кронштадт. После смотра флоту на рейде произведен был морской маневр на высоте «Красной горки». 15-го числа великий князь Николай Николаевич выехал во вторичное путешествие на Юг России: на пути своем он осматривал войска Киевского, Харьковского и Одесского округов и возвратился в Петербург только в конце сентября.

17-го числа Государь приезжал из Петергофа в Петербург по случаю полкового праздника лейб-гвардии Гатчинского полка, которому в этот же день возвращено прежнее его наименование лейб-гвардии Егерским полком. Пред церковным парадом Их Величества присутствовали при освящении вновь построенной церкви на берегу Большой Невки, близ Строгановского сада, в память покойного Наследника Цесаревича Николая Александровича. К обеду офицеры лейб-гвардии Егерского полка были приглашены в Петергофский дворец.

На 20 августа назначен был отъезд великого князя Алексея Александровича в кругосветное путешествие на фрегате «Светлана» в составе эскадры адмирала Посьета. Путешествие это было предположено на продолжительное время, не столько в видах практики в морском деле, сколько с тою целью, чтобы отвлечь

---

* В автографе далее зачеркнуто: «Их Величества оставались во все это время в Петергофе; а потому и я проводил там большую часть времени с той целью, чтобы чаще видеться со старшей дочерью пред предстоявшим ей отъездом в Крым» (*примеч. публ.*).

великого князя от романтических похождений, о которых в то время сделалось уже известно всему городу. Молодой великий князь, как говорят, настоятельно хотел поправить свое юношеское увлечение браком, и чтобы не допустить этой развязки романа, придумано было дальнее путешествие. В день, назначенный для отъезда великого князя, Государь сам проводил его на эскадру и, простившись с ним на фрегате «Светлана», возвратился в Петергоф. Наследник Цесаревич и другие молодые великие князья оставались на фрегате до ночи. На рассвете 21-го числа эскадра снялась с якоря.

В тот же день назначен был выезд Их Величеств по Николаевской железной дороге до Москвы, откуда предположено было императрице продолжать путь в Крым с цесаревной, с великой княжной Марией Александровной и младшими двумя великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, а Государю с Наследником Цесаревичем и с великим князем Владимиром Александровичем предпринять путешествие по Волге и на Кавказ.

В самый день выезда Их Величества, 21 августа, назначен был Государем осмотр саперных работ в Усть-Ижорском лагере. На пути от Петергофа до Колпина по железной дороге Государь выслушал мой обычный доклад; у Колпинской же станции ожидали экипажи для переезда нашего в саперный лагерь. Осмотр работ, стрельба с осадных батарей, взрывы мин, — все это продолжалось часа два, и затем по возвращении на Колпинскую станцию я распростился с Их Величествами и вернулся в Петербург*.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «До самого дня отъезда Государя я ожидал, что мне будет предложено сопровождать Его Величество. Ни одно из его путешествий не могло быть для меня более приятно и для самой службы более полезно, как это посещение Приволжского края и особенно Кавказа. Но Государь не сказал мне ни слова, а напрашиваться я никогда не позволял себе. Полагал ли он, что дела в то время требовали моего присутствия в Петербурге, или были иные причины — осталось для меня загадкою, но как бы то ни было, признаюсь, я был огорчен и даже чувствовал неловким свое положение в Петербурге в то время, когда Государь объезжал Кавказский край и производил смотры войскам столь близкой мне Кавказской армии. Еще более было бы мне неловко в такое время проситься в Крым и отдыхать в семье, а потому, скрепя сердце, я решился провести в Петербурге всю скучную осень, в полном одиночестве, и воспользоваться глухим временем, чтобы усиленною деятельностью подвинуть вперед предпринятые в министерстве многие важные работы» (*примеч. публ.*).

ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ НА КАВКАЗ И ПРЕБЫВАНИЕ ЕГО В КРЫМУ

В 2 часа ночи с 21 на 22 августа царский поезд прибыл в Москву. Императрица с цесаревной, с великою княжной Марией Александровной и младшими великими князьями, не выходя из вагонов, продолжали путь на Курск, Киев, Одессу и прибыли 26-го числа в Ливадию; а Государь с Наследником Цесаревичем и с великим князем Владимиром Александровичем остался на три дня в Москве. Несмотря на поздний час прибытия в первопрестольную столицу, толпы народа, по обыкновению, встретили царя восторженными криками «ура», на всем пути до Иверской[381] и оттуда до Кремлевского дворца; улицы были иллюминованы.

Трехдневное пребывание Государя в Москве ничем не отличалось от других, ежегодных его приездов туда. В первый день — обычный выход во дворце, шествие по соборам, затем смотр войскам на Ходынке; обед для начальников войск в Петровском дворце, где Государь и остался ночевать. На смотру Его Величество объявил лейб-гренадерскому Екатеринославскому полку о назначении вторым шефом его Наследника Цесаревича. Во второй день, утром, Государь присутствовал на двухстороннем маневре войск, потом посетил некоторые заведения в городе, а к обеду в Петровском дворце приглашены были все городские начальственные лица. В третий день, 24 августа, Его Величество смотрел утром стрельбу артиллерийскую и пехотную, позже обедал у генерал-губернатора князя Долгорукова, а в 10 часов вечера выехал по железной дороге в Нижний.

Во все время путешествия Государя в свите его находились, кроме генерал-адъютанта графа А.В. Адлерберга* и графа П.А. Шувалова и других лиц, обыкновенно сопровождавших Его Величество, еще прусский генерал Вердер и австрийский военный агент Бехтольсгейм. Присутствие первого из них никого не удивляло, потому что все привыкли уже видеть генерала Вердера постоянно в свите Государя; в то время он пользовался таким вниманием

---

* В автографе далее зачеркнута сноска: «В течение лета граф Адлерберг лечился в Карлсбаде; в отсутствие его заведовал Министерством Двора граф Эдуард Троф[имович] Баранов, а Главной квартирой — граф Шувалов. Граф Адлерберг возвратился из-за границы и вступил в должность 15-го августа» (*примеч. публ.*).

Б.Ф. Вердер

и доверием Его Величества, что знал прежде чем кто-либо другой из приближенных к Государю все, что делалось и предполагалось у нас до мельчайших подробностей; от Вердера не было тайн, а чрез него, конечно, все было известно императору Вильгельму. Совсем на другой ноге был австрийский военный агент; а потому появление его в свите Государя во время путешествия показалось небывалым фактом; в нем видели признак новых политических отношений, сближения между кабинетами Петербургским и Венским. Что касается до личности Бехтольсгейма, то он всегда казался мне человеком ловким, вкрадчивым и не внушал доверия; он доводил до приторности свое старание быть со всеми любезным и всем приятным.

Путешествие Государя по Волге продолжалось двенадцать дней — с 25 августа по 5 сентября. Он останавливался в Нижнем, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове; каждому из этих городов посвящено было по одному дню; везде начиналось с посещения собора и приема властей; затем смотр войскам, посещение некоторых учебных и благотворительных заведений; к обеду приглашались местные власти, а вечер заканчивался иногда театром, где таковой имелся. 30 августа, рано утром, не доходя Самары, Государь приказал остановить пароход у небольшого села на берегу Волги, чтобы помолиться в скромной деревенской церкви. Это было село Семёновка или Благовещенское. Сопровождавшие Государя лица рассказывали впоследствии, как было трогательно это неожиданное для крестьян и для церковного причта появление царя, с какою искреннею преданностию встретили они высокого гостя, как спешили подстилать под его стопы холст, платки и всякое тряпье, какое попадалось в незатейливом их имуществе.

На пути от Царицына в Астрахань Государь остановился у ставки калмыцкого князька Тюменя; посетил Будийское капище, присутствовал на скачке и других забавах калмыков. Прибыв 4 сентября в Астрахань, Его Величество после церковной службы в соборе заехал в мечети, персидскую и турецкую, посетил гимназии, мужскую и женскую, домик Петра Великого[382], местную выставку, а после обеда, к которому были приглашены местные власти, присутствовал на представлении в театре. Переночевав на пароходе, Государь на другой день утром осматривал рыбные ловли и затем отплыл далее в море.

6 сентября Государь высадился в Петровске на Кавказский берег. Здесь встретил его великий князь Михаил Николаевич с многочисленною свитой и местными властями Дагестана; на другой же день прибыл в Темир-Хан-Шуру, где представились Его Величеству депутации от разных племен дагестанского населения. 8-го числа происходил смотр собранным в лагере войскам, затем большой обед, а вечером был в местном собрании. В этот день пожаловано было множество наград; в том числе генерал-адъютанту графу Евдокимову — орден Св. Владимира 1-й степени; генерал-адъютанту Лорис-Меликову — алмазные знаки ордена Св. Александра Невского; генерал-адъютанту князю Меликову — орден Александра Невского и т. д. Тут же последовало назначение великого князя Владимира Александровича шефом 83-го пехотного Самурского полка.

Дворец наместника в Тифлисе

Оставив Шуру 9 сентября, Государь объехал значительную часть Северного Дагестана: на Ходжан-махи, Гуниб, Хунзах, Ботлых и чрез Ведень прибыл 16-го числа в Воздвиженское, где представились на смотр Его Величества собранные в лагерь войска Терской области. 17-го Государь прибыл во Владикавказ; здесь опять смотр войскам, прием депутаций, посещение разных заведений, вечером бал от городского общества, а 19-го числа, после обеда, выезд далее в Тифлис.

20 сентября, подъезжая к Тифлису, Государь остановился у лагеря собранных тут войск и произвел им смотр; затем въехал верхом в город, при восторженных криках народа, толпившегося на улицах, украшенных флагами, коврами и цветами, на всем пути до Сионского собора. В Тифлисе Государь пробыл четыре дня; все это время прошло в приеме служащих, почетных лиц, депутаций и присланных с приветствиями от султана Турецкого и шаха Персидского чрезвычайных посольств, в смотрах и учениях войск, посещении разных заведений, в парадных объездах и т. д. Государь щедро осыпал наградами всех, о ком ходатайствовал великий князь наместник. Почтенный князь Григорий Дмитриевич Орбельян получил

орден Св. Андрея Первозванного; генерал-лейтенанты князь Тархан-Моуравов и Андроников назначены генерал-адъютантами; также назначено несколько флигель-адъютантов. В виде награды некоторым полкам Государь приказал числить себя в 17-м драгунском Северском, а Наследника Цесаревича — вторым шефом в лейб-гренадерском Эриванском; великий князь Михаил Николаевич назначен шефом 149-го пехотного Черноморского полка*.

25 сентября Государь выехал из Тифлиса, ночевал в Боржоме; 26-го числа прибыл в Кутаис, где провел один день и затем, сев в Поти на яхту «Тигр», прибыл 30-го сентября в Ливадию.

Государь вынес из своей поездки по Кавказу самое благоприятное впечатление. По приезде в Ливадию Его Величество поручил моей дочери сообщить мне, что он «остался в восхищении от войск Кавказской армии». Государь вспомнил и князя Барятинского: еще из Гуниба 11 сентября отправлен был к нему рескрипт, в котором была выражена царская признательность за те результаты его деятельности на Кавказе, которых Его Величество был очевидцем во время своего проезда по Дагестану. По окончании же всего путешествия в день отплытия из Поти Государь выразил в рескрипте на имя великого князя Михаила Николаевича свою признательность за те блестящие успехи, которые были достигнуты по всем частям за время его управления Кавказским краем[383].

До приезда Государя в Крым образ жизни императрицы в Ливадии отличался обычным спокойствием и простотою. К сожалению, в здоровье Ее Величества не замечалось значительного улучшения; она мало принимала участия в прогулках, предпринимаемых для развлечения молодых великих князей и великой княжны. Старшая дочь моя Елизавета по временам навещала свою семью в Меласе, насколько позволяли обязанности ее при великой княжне; иногда же приезжали к ней в Ливадию младшие сестры и мать.

В этом году моя семья оказалась на некоторое время в полном сборе (за исключением меня одного), когда в начале сентября сын мой также приехал в Крым. Приезд его оживил меласскую жизнь; в то же время заезжали туда и другие, временные гости; в числе их графиня Е.Н. Гейден со своими детьми. К сожалению, дочь моя Ольга опять была довольно долго лишена возможности принимать

---

* Позже приказом 26 октября Государь приказал числить себя в Кабардинском пехотном полку, шефом которого был фельдмаршал князь Барятинский.

участие в развлечениях и удовольствиях молодежи, и на этот раз уже не вследствие прежней болезни ее, а по случайному ушибу ноги при падении с лошади. Последствием этого прискорбного случая было то, что она должна была оставаться почти в неподвижном положении около шести недель и начала выезжать снова лишь в конце сентября; в начале же следующего месяца она уже ездила вместе с моей женой в Ливадию представиться императрице, цесаревне и великой княжне.

С прибытием в Крым Государя, Наследника Цесаревича и великого князя Владимира Александровича общество ливадское совершенно изменилось в своем составе и образе жизни: начались почти ежедневные приемы беспрестанно приезжавших новых лиц, разные церемонии и торжества; предпринимались прогулки и дальние экскурсии. 9 октября прибыл в Крым князь Сербский Милан; он провел в Ливадии несколько дней. Позже, 19-го числа, приехал великий князь Михаил Николаевич со всем своим семейством и прожил в Орианде до 27 октября, а затем отправился за границу, в Италию, где и провел всю зиму.

Между тем Наследник Цесаревич и цесаревна выехали из Ливадии еще 12 октября, а Государь с великим князем Владимиром Александровичем — 23-го числа. Императрица же с великою княжной Марией Александровной и младшими великими князьями оставалась несколько долее в Крыму, пока позволяло состояние погоды. Здоровье Ее Величества было так неудовлетворительно, что врачи находили для нее необходимым сколько возможно избегать петербургской осени. Были даже толки о том, чтобы оставаться ей всю зиму в Крыму или же зимовать за границей. Но императрица и слышать не хотела о таком предположении.

ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ (СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ)

Во все время путешествий Государя и пребывания его в Крыму, то есть в продолжение более двух месяцев, я оставался в Петербурге в полном одиночестве и посвящал все свое время исключительно занятиям служебным. Пользуясь свободою в распределении своего дня, я посещал по утрам, почти ежедневно, разные военные учреждения: артиллерийские мастерские, госпитали, военно-учебные заведения и другие. Два раза ездил в Кронштадт для осмотра производившихся там инженерных работ и крепостной артиллерии. Кроме заседаний Военного совета (по средам), Комитета министров

(по вторникам) и многих других комитетов и комиссий, в которых занятия не прерывались и в летнее время, с половины сентября возобновились и заседания Государственного совета. Снова начались прения по проектам графа Толстого, рассмотрение которых было прервано в мае наступлением каникулярного времени.

На этот раз обсуждались Положения о «реальных» и «городских» училищах. Хотя прения были уже гораздо менее раздражительны, чем прежние, однако же столь же продолжительны и упорны. Не возвращаясь уже к вопросу о праве учеников реальных училищ поступать в университет (так как этот вопрос был уже решен окончательно Высочайшим повелением 2 июля), Государственный совет, однако же, должен был решить другой принципиальный вопрос: следует ли реальным училищам сохранить тот же характер общеобразовательных заведений среднего разряда, какой имели прежние реальные гимназии, или же придать им значение профессиональных учебных заведений, как настаивал граф Толстой в угоду своим московским нимфам Эгериям[384], желавшим всячески принизить реальное образование, дабы дать безусловное преобладание гимназиям с обоими древними языками. И в этом случае, конечно, я был на стороне тех, которые отстаивали общеобразовательное значение реальных училищ; мы доказывали, что эти заведения должны быть подготовительными ко всем вообще высшим специальным учебным заведениям, а потому требовали, чтобы курс их был поставлен на один уровень с курсом гимназий, с тем лишь различием, что в реальных училищах должно быть дано бóльшее развитие математическим и естественным наукам, а также новым языкам и графическим искусствам взамен древних языков, поглощающих бóльшую часть времени в гимназиях классических. На стороне этого мнения опять оказалось в Общем собрании Государственного совета значительное большинство голосов; и несмотря на то, опять утверждено было Государем Положение, почти в том виде, как было проектировано графом Толстым, с незначительными лишь изменениями в частностях[385].

Таким образом, Катков вместе с графом Толстым восторжествовали. Внушение редактора «Московских Ведомостей», с поддержкою шефа жандармов, перевесившее все решения Государственного совета.

Хотя в личном составе высшей администрации и произошли в течение 1871 года некоторые перемены, однако ж чрез это ни-

Н.В. Левашев

сколько не изменилось мое изолированное положение в среде моих коллегов*. В отсутствие графа Шувалова, находившегося при Государе, место его в заседаниях высших правительственных учреждений и в разных совещаниях заступал новый «товарищ» его — генерал-адъютант граф Левашев, назначенный на эту должность 8 мая, вследствие увольнения генерал-майора Мезенцева от должности управляющего III отделением Собственной Е. В. канцелярии. Граф Левашев был до этого назначения петербургским губернатором; он принадлежал к числу самых завзятых крепостников, противников всяких либеральных мер и реформ; притом человек жестокого характера и самодур. Таким образом, появление этой новой личности в составе высшей администрации ничего доброго не предвещало.

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

А.П. Бобринский

Другою переменой было назначение генерал-майора графа Алексея Павловича Бобринского 1-го (состоявшего с 1869 года членом Совета Министерства путей сообщения) сперва товарищем министра путей сообщения, а потом (в сентябре) исправляющим должность министра, на место двоюродного его брата графа Владимира Алексеевича Бобринского, который, вследствие постигшего его нервного расстройства, должен был совсем остановить служебные занятия. Граф Алексей Павлович был еще менее своего предместника подготовлен к управ-

лению таким ведомством, где требуются специальные технические знания; но в том аристократическом кружке, к которому принадлежали оба графа Бобринские, не трудно пускать пыль в глаза и, ничего не делая, прослыть светлым государственным умом. Граф Алексей Павлович Бобринский, не занимав прежде никакой служебной должности, не имев никакой практики административной и вдруг сделавшись министром, взялся за дело с самоуверенностию и с самого начала задумал произвести в министерстве коренные преобразования. Несостоятельность его выказалась очень скоро; к тому же в его образе действий и речах обнаруживался такой недостаток последовательности и правдивости, что даже официальные заявления его нельзя было принимать на веру, и никто не придавал значения его словам*.

Состоявшееся в начале года назначение Александра Аггеевича Абазы на пост государственного контролера составляло утешительное исключение из общего характера всех назначений на высшие должности в описываемую эпоху. Он не принадлежал к тому кружку, который относился ко мне враждебно; выказывал всегда честные политические правила и благие намерения, держал себя с достоинством и беспристрастием; при всем том на поддержку с его стороны я не мог рассчитывать: А.А. Абаза по своему характеру, чрезмерно сдержанному, при усвоенных с молодых лет утонченных светских формах, соблюдал во всем золотую средину и, не поддаваясь реакционным тенденциям шуваловской партии, в то же время умел ладить и с нею, и с людьми честных либеральных убеждений.

Таким образом, из всех моих коллегов единственным союзником, на которого я мог полагаться и в котором всегда находил открытое, дружественное сочувствие, по-прежнему оставался Александр Алексеевич Зелёный. К сожалению, положение его самого было в то время весьма не прочно. Зелёный, как старый моряк не умел вести дело с дипломатическою осторожностию и мягкостию, и как горячий сторонник так называемой русской или руссофильской партии, резко становился во враждебные от-

---

* В пользу графа Алексея Бобринского можно сказать одно — что он выступил отъявленным противником установившейся тогда системы постройки железных дорог выдачею концессий частным лицам или компаниям. Но ему не по силам было бороться с такими упорными противниками казенных дорог, каковыми были Рейтерн и Чевкин[386].

А.А. Зелёный

ношения и к прибалтийским немцам, и к полякам, а чрез это навлек на себя злобу весьма многих из числа влиятельных лиц, которые своими навыками мало-помалу поколебали прежнее расположение к нему Государя. Мне случалось нередко слышать от Зелёного горькие жалобы на незаслуженное неудовольствие Его Величества. К тому же летом 1871 года он был поражен нервным ударом и лишился всякой возможности продолжать служебные занятия. Врачи признали нужным выпроводить его за границу. В сентябре он выехал в сопровождении семейства Карновичей сна-

чала в Париж, а потом в Канн, где провел часть зимы и где здоровье его начало поправляться.

К указанным переменам в личном составе высшей администрации надобно присоединить состоявшееся несколько позже (в ноябре) назначение нового товарища министра внутренних дел, генерал-майора Шидловского, на место тайного советника Обухова. Оба эти избранники Тимашева, и прежний, и новый, были одинаково ярые крепостники и ретрограды; оба соответствовали вполне общему направлению, преобладавшему в то время в нашем высшем правительстве. Но Шидловский вдобавок отличался весьма крутым нравом, резкостию и самонадеянностию. Я знал его еще как ученика в Военной академии, где он кончил курс с блестящим успехом[387]; потом был на счету бойких офицеров Генерального штаба; позже, в звании командира полка, славился строгостию и суровостию с подчиненными; затем несколько лет состоял тульским губернатором и на этом посту выказал вполне свои ретроградные взгляды и деспотические наклонности, — чему, вероятно, и обязан был назначением (в 1870 году) на должность заведующего Главным управлением по делам печати, а потом и товарищем министра.

Как ни трудно было мое положение в отношении моих коллегов, как ни тяжело вести постоянно борьбу с открытыми противниками, однако ж еще гораздо тягостнее было узнавать стороной о разных закулисных интригах, о пустых пересудах по поводу каждой меры, принимаемой по Военному министерству, в особенности же переносить молча недобросовестные и наглые нападки некоторых органов периодической печати. Против газетных статей и печатных пасквилей я поставил себе правилом не возражать; мне казалось унизительным входить в полемику с недобросовестными писаками, которые из личной злобы или по заказу строчили всякую дребедень, не стесняясь ни правдою, ни здравым смыслом. Мне известны были некоторые из этих писак; в числе их отличались яростью генералы Черняев и Фадеев и отставной капитан Комаров. Пользуясь покровительством графа Шувалова и Тимашева, они могли безнаказанно печатать все, что только стекало с желчного их пера против Военного министерства и лично против министра. Черняев сделался даже сам редактором газеты «Русский Мир», специально посвященной нападкам на Военное министерство и заступившей в этом отношении место прекратившей свое

существование «Вести»*. На ту же тему появлялись статьи в «Биржевых Ведомостях» и в «Московских Ведомостях», которые сделались враждебными Военному министерству с открытия похода против военных гимназий и борьбы по поводу классицизма[389]. Самые неприличные выходки этих газет против Военного министерства и меня лично терпелись Главным управлением по делам печати (может быть, даже поощрялись), в то время как за всякую оппозицию ультраклассическим убеждениям графа Толстого или за какое-нибудь нескромное известие, касающееся круга действий Министерства внутренних дел, газеты подвергались строгим карам. Когда газетные статьи относились лично до меня, я не заявлял ни слова министру внутренних дел; но случалось, что являлся протест со стороны самой цензуры: генерал-лейтенант Штюрмер, заседавший в Цензурном комитете специально для ограждения интересов военного ведомства, по временам возмущался цинизмом газетных статей или указывал на такие, которые даже подрывали дисциплину в армии. Но Тимашев и в таких случаях обыкновенно прикидывался безвластным, связанным будто бы существовавшими законами о печати. Когда в «Русском Инвалиде» или даже в котором-либо из частных изданий являлось опровержение распускаемых ложных сведений о военных делах, то министр внутренних дел заявлял, что не может принять мер к обсуждению виновных редакций, потому что само Военное министерство будто бы возбуждает полемику.

При том положении, которое печать занимает в нашем обществе, не мудрено, что газетные пасквили на Военное министерство отчасти повлияли на общественное мнение. В известных кружках читали со злорадством гнусные клеветы и распускали новые; в большинстве же публики, чуждой военному делу, всегда попадаются простодушные читатели, принимающие на веру все печатное и не подозревающие гнусных закулисных пружин. Всего же прискорбнее было то, что в самой среде военных образовалась партия оппозиции, не сочувствующая вообще всем реформам, произведенным в военном ведомстве в последнее десятилетие**. В этой-то партии и подхватывали с жадностию все нелепые разглагольство-

---

* Газета эта держалась субсидиями, которыми снабжали ее некоторые из богатых представителей так называемой аристократии. Издание ее прекратилось в апреле 1870 года за скудостию денежных средств[388].

** В автографе далее зачеркнуто: «скорбящая об отмене прежних порядков с их безобразиями и неурядицей» (*примеч. публ.*).

вания газетных пророков. Нашлись и лица высокопоставленные, близкие к Государю, напевавшие ему на свой лад затверженные афоризмы из статей какого-нибудь Фадеева или Черняева. Сам Государь понимал лучше, чем эти говоруны, суть дела и слышанное одним ухом выпускал в другое. Однако же частое повторение одних и тех же фраз разными личностями в конце концов все-таки оставляло кое-какие следы.

Во время пребывания моего в Крыму в конце июня 1871 года, в минуты тяжелого раздумья, набросал я свои размышления о том, «почему так много недовольных нашими военными реформами». В этой записке я перечислил разнообразные мотивы к порицанию деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие. Во главе этого сонма недовольных поставлены мною заслуженные люди старого покроя, которые не могут сочувствовать ничему новому только по своей привычке к старому; некоторые из этой категории даже не столько сожалеют о прежнем отжившем порядке, сколько о перемене названия, формы. Затем указан многочисленный разряд таких личностей, которых собственные интересы затронуты новыми переменами; сюда принадлежат, например, оставшиеся «за штатом» при сокращении состава некоторых управлений; другие — скорбящие о новых мерах к искоренению незаконной наживы; старые полковые командиры, лишившиеся доходов от прежнего полкового хозяйства, и многие другие. Далее приведены жалобы на новое устройство военно-судной части, будто бы подорвавшее в войсках дисциплину; поводы к этим жалобам объясняются тем, что отмена телесных наказаний и запрещение своеручной расправы поставили в тупик многих старых служак, привыкших к прежним «патриархальным» отношениям к подчиненным: генералы и офицеры, усвоившие себе прежний взгляд на дисциплину и убежденные в том, что удержать ее нельзя иначе, как с палкою в руке, были поставлены в затруднение новыми требованиями службы; не умея стать в правильные отношения к подчиненным, основанные на строгом соблюдении законности, на уважении человеческой личности и на нравственном перевесе старшего над младшим, — они сваливали всю вину на новые порядки. В записке указывалось еще и на многие другие категории недовольных новыми положениями. Затем ставился вопрос: не следует ли Военному министерству в дальнейших своих действиях стараться по возможности примирить всех этих недовольных какими-либо уступками и компромиссами? В ответ на этот вопрос

указывалась невозможность колебания совершившихся реформ и возвращения вспять к тому, что уже осуждено долговременным опытом. «Точно так же, как немыслимо возвратиться когда-либо к крепостному праву, к прежнему судопроизводству и многим другим безобразиям былого времени, невозможно пойти назад и в деле военных преобразований. Отступление, колебание, неуверенность столь же опасны в этом случае, как и в бою с неприятелем». Записка заканчивалась следующим заключением: «Итак, чтоб устранить указанное зло, происходящее от неудовольствия и ропота тех личностей, которых интересы (прибавлю: или привычки) затронуты новыми порядками в военном ведомстве, не следует допускать и мысли о каких-либо уступках этим эгоистическим желаниям; напротив того, единственное средство заключается в том, чтобы недовольные перестали и думать о прежних, отживших порядках. Если сделается очевидным для всех, что правительство не колеблется в своих предприятиях, что возвращение к прежнему порядку решительно невозможно, что ни ропот, ни интриги не могут поколебать оснований раз принятого плана преобразований, то зло прекратится само собою».

Приведенная записка была помечена: «2 июля 1871 г., в Меласе»[390]. Я полагал, что она может пригодиться в том случае, если б я заметил, что распускаемые против меня толки и враждебная печать повлияли на образ мыслей самого Государя, что они возбудили в нем недоверие ко всему сделанному по Военному министерству, под его же мощным крылом. Если удалось интриганам остановить ход общих великих государственных реформ, прославивших его царствование и поколебать в нем доверие к собственным его великим делам, то не имел ли я повода опасаться возможности подобного же прискорбного поворота и в реформах военных?.. Поэтому по возвращении своем из Крыма в Петербург я держал означенную записку в резерве, в том же портфеле, с которым ходил обыкновенно с докладом к Государю.

К счастью, мне не представилось повода к представлению моей записки, которая и осталась погребенною в картонах моего домашнего архива.

В числе грустных воспоминаний о 1871 годе, я должен упомянуть о кончине тайного советника Фёдора Герасимовича Устрялова и генерал-майора Дмитрия Христиановича Бушена и также о

прекращении деятельности генерал-майора Виктора Михайловича Аничкова. Не раз уже я имел случай вспоминать о важных услугах, оказанных мне Ф.Г. Устряловым и В.М. Аничковым, принимавшими самое деятельное участие в работах по преобразованиям в военной администрации. Устрялов скончался уже в преклонных летах вследствие тяжкой и продолжительной болезни. Аничков же был еще в цвете лет; в 1870 году продолжал работать с обычным усердием, знанием дела и замечательною способностью редактирования. На нем лежала, между прочим, черновая редакция представляемых ежегодно Государю кратких отчетов о деятельности Военного министерства. Им же составлен был такой отчет и за 1870 год. Но вслед за тем, уже в зиму на 1871 год начали в нем обнаруживаться признаки психического расстройства; его поступки и речи по временам выказывали ненормальное состояние рассудка. Лето провел он со своей семьей в деревне, близ Любани (на Николаевской железной дороге), и я не видел его до осени, когда он возвратился в Петербург уже с полным размягчением мозга. Болезнь его развилась чрезвычайно быстро и в короткое время свела его в могилу (в 1877 году). Это было чувствительною потерею для Военного министерства и для меня лично.

Не менее грустное впечатление произвела на меня смерть Д.Х. Бушена, директора Пажеского корпуса, — человека прекрасного, искренно мною любимого. Он скончался 21 сентября 1871 года еще в молодых летах, вследствие продолжительной болезни. Бушен был в числе моих слушателей в Военной академии[391], потом в чине капитана Генерального штаба был назначен в помощь мне для собирания материалов к предпринятой мною в 1853 году истории Кавказской войны[392], позже поступил на службу по военно-учебному ведомству и был отличным директором сперва Орловской военной гимназии, а потом Пажеского корпуса. И то, и другое заведение успел он привести в примерный порядок и приобрел общую любовь как сослуживцев, так и своих питомцев.

В этом же году скончался 22 июля в своей деревне под Калугой, предместник мой генерал-адъютант Николай Онуфриевич Сухозанет[393] на 78-м году жизни.

Усиленные занятия и разные служебные заботы не давали мне времени скучать в своем одиночестве и подавляли хандру, наводимую мрачной петербургскою осенью. С конца сентября, когда обыкновенно все служащие лица возвращаются к своим местам из

летних разъездов, возобновилась деятельность во всех частях министерства. И мое одиночество прекратилось с возвращением 18 октября моего сына из Крыма. В тот же день в Царское Село прибыл Наследник Цесаревич со своим семейством. На другой день, 19-го числа, ездил я в Царское Село представиться Его Высочеству и цесаревне.

Неделю спустя, 27 октября, возвратился и Государь в Царское Село. С этого времени мой образ жизни резко изменился: после двух месяцев совершенного затишья наступает непрерывная суета; спокойная кабинетная работа сменяется беспрестанными переездами, придворными церемониями, смотрами войск и всякою другою тратою времени.

ПОСЛЕДНИЕ ДВА МЕСЯЦА 1871 ГОДА

При первом моем докладе 28 октября Государь рассказывал мне с восхищением о своем путешествии по Кавказу и отзывался с большими похвалами о состоянии тамошних войск. На другой день, 29-го числа, происходил в Петербурге большой смотр войскам, которые, несмотря на холодную и сырую погоду, представились в блестящем виде.

С возобновлением моих поездок в Царское Село я навещал поселившуюся там в это время тетку свою Елизавету Николаевну Киселёву, вдову Сергея Дмитриевича Киселёва. 6 ноября провел я весь день в Царском Селе по случаю полкового праздника лейб-гусар. 8-го же ноября Государь вторично приезжал в Петербург по случаю полкового праздника лейб-гвардии Московского полка.

В этот день приехали в Петербург младшие дети мои с наставницею своею, О.И. Винтер*. С приездом их в Петербург заметно оживился наш дом, хотя окончательного сбора всей семьи приходилось ожидать еще целый месяц.

В ноябре прибыл в Царское Село фельдмаршал князь Барятинский. Встреча его со мной была учтивая, но холодная. После первого моего официального к нему визита, на который он ответил визитною карточкой, я уже ни разу не был у него и не входил ни в

* Далее в автографе зачеркнуто: «С Южного берега Крыма до Одессы ехали они в сопровождении своего дяди Евгения Михайловича Понсэ, который приезжал на короткое время в Мелас и возвратился в свое имение в Бессарабии, где он окончательно поселился по выходе в отставку. В Москве дети мои провели несколько дней в семье моего брата» (*примеч. публ.*).

какие с ним объяснения. Были ли у него какие-либо разговоры обо мне с Государем — мне неизвестно.

Приезд князя Барятинского совпадал с годовщиною ордена Св. Георгия, которая в этом году праздновалась с особенною торжественностию. К этому дню съехались фельдмаршал граф Берг и большое число иностранных кавалеров Св. Георгия, увенчанных еще свежими лаврами: принцы Фридрих Карл Прусский, Август Вюртембергский, Павел Мекленбург-Шверинский, фельдмаршал граф Мольтке, генералы Альвенслебен, Вердер (корпусный командир) и Будрицкий. Вся эта блестящая депутация от победоносной германской армии прибыла в Царское Село 23 ноября. Государь в форме Прусского полка, которого был шефом, встретил почетных гостей на вокзале железной дороги и вместе с ними переехал в Петербург.

С 24 ноября начался непрерывный ряд празднеств, церемоний, представлений, взаимных визитов, парадных обедов. 25-го числа граф Мольтке посетил наш Главный штаб вместе с другими прусскими генералами: граф Гейден встретил их при входе со всеми чинами штаба и провел их по всем помещениям, начав с библиотеки и кончив Военно-топографическим отделом, где знаменитый прусский стратег рассматривал с большим любопытством наши новые картографические работы. В тот же день иностранные гости присутствовали на так называемой репетиции Георгиевского парада, производимой обыкновенно самим Государем, в манеже Инженерного замка, накануне торжества.

Самое торжество 26-го числа происходило по обычному церемониалу; но ему придавало особенное значение участие в шествии четырех фельдмаршалов*. За большим обедом в Николаевском зале Государь провозгласил тост в честь императора Вильгельма, старейшего из георгиевских кавалеров, и выразил при этом самые теплые чувства к своему дяде и другу. На эту речь ответил принц Фридрих Карл тостом в честь императора Александра II.

На другой день, 27 ноября, происходил на Адмиралтейской и Дворцовой площадях большой смотр войскам, расположенным в Петербурге и ближайших окрестностях (45 батальонов, $34^1/_2$ эскадрона, 106 орудий); войска были в походной форме. В этот день граф Мольтке назначен почетным членом Николаевской академии Генерального штаба. По этому случаю утром 28-го числа он

---

* Принц Фридрих Карл числился фельдмаршалом и в русской армии.

приехал ко мне в назначенный час, к которому собрались у меня начальник этой академии и все члены Конференции ее. После представления их фельдмаршалу я попросил всех войти ко мне в кабинет, и здесь граф Мольтке вошел в разговор с профессорами, с участием расспрашивая о специальных занятиях каждого из них. Через два дня потом он приехал в академию во время лекций и здесь снова выслушивал с большим вниманием объяснения по разным его вопросам.

Несколько дней позже графу Мольтке поднесено было Петербургской Академией наук звание ее почетного члена.

Германские гости в нашей столице осматривали все с замечательною любознательностью; но, конечно, главное внимание их было обращено на разные наши военные учреждения. Государь сам показывал им в Михайловском (Инженерном) манеже учение роты и эскадрона по нашему новому уставу[394], а также введенные в наших войсках гимнастические упражнения. Между прочим, прусские генералы осматривали и наш патронный завод (Васильеостровский отдел)[395] с особенным любопытством, так как патронное дело было для них совершенно ново, ибо в то время в Германии не был еще окончательно решен вопрос о введении оружия с металлическим патроном. Из военно-учебных заведений они посетили Пажеский корпус и 1-е военное Павловское училище. В последнем они случайно съехались с Государем, который сам повел своих гостей по всем частям громадного заведения, показывал им строевые занятия юнкеров, гимнастику, музей и объяснял исторические достопримечательности, сохранившиеся в здании и музее. В Инженерном замке показывали им модели наших крепостей; здесь с особенным любопытством выслушали они целую лекцию генерала Тотлебена, объяснявшего севастопольскую модель.

Принц Фридрих-Карл, наслышавшись от графа Мольтке о посещении им Главного штаба, выразил желание также видеть это колоссальное учреждение. 30 ноября в назначенный час принц приехал в сопровождении графа Мольтке и других генералов. Я встретил их вместе с графом Гейденом и чинами Главного штаба и провел их по всему зданию тем же путем, как и в первое посещение прусских генералов. В библиотеке Главного штаба показаны были принцу старинные замечательные издания. С большим любопытством остановился он на модели Ахульго и выслушал мои объяснения кампании 1839 года[396]. Здесь же поднесены были

Принц Фридрих Карл

принцу и графу Мольтке сочинения генералов Богдановича и Леера самими авторами, а в Военно-топографическом отделе — некоторые из наших новейших карт. Осмотр закончился фотографическим павильоном.

4 декабря происходило погребение скончавшейся в Праге супруги принца Петра Георгиевича Ольденбургского принцессы Терезы, давно уже страдавшей неизлечимою болезнью. Тело ее было перевезено со станции Варшавской железной дороги в Сергиевский монастырь, где и происходило отпевание, в присутствии Царской фамилии и иностранных принцев.

Три дня спустя, 7 декабря, немецкие наши гости выехали из Петербурга обратно в Берлин, как кажется, вполне довольные оказанным им приемом. Состоявший при графе Мольтке во время пребывания его в Петербурге полковник Генерального штаба

Фельдман получил от него весьма любезное письмо, в котором знаменитый стратег выразил признательность от себя и от имени своих спутников за оказанное им у нас внимание.

В то время, когда Петербург встречал германских героев, 23 ноября императрица выезжала из Ливадии. Ее Величество решилась возвратиться на зиму в Петербург и назначила свой выезд с таким расчетом, чтобы избегнуть утомительных для нее петербургских торжеств. Доехав сухим путем до Севастополя, а далее на пароходе «Тигр», императрица прибыла 25-го числа в Одессу и в тот же день продолжала путь по железной дороге на Киев, где отдыхала одни сутки, а затем проехала безостановочно чрез Москву и прибыла в Петербург 29 ноября.

С Ее Величеством приехала и старшая моя дочь. Две же другие, Ольга и Надежда, с матерью своею, выехали из Меласа 22 ноября в надежде проехать ранее императрицы; но в Севастополе пришлось им ждать более суток срочного парохода, так что они неожиданно съехались в Севастополе и потом в Одессе со старшею дочерью Елизаветой. Оставшись в Одессе на одни сутки, они выехали оттуда 27-го числа и прибыли на другой день в Киев, где опять остановились на сутки для отдыха. Здесь нашли они прежний радушный прием у прошлогодних своих друзей: князя и княгини Дондуковых-Корсаковых, Козляниновых, Гудима-Левковичей и других. В Москве провели целую неделю, большею частью в семье брата Николая. В здоровье его не заметно было перемены, ни к лучшему, ни к худшему. По временам он чувствовал слабость; случались обмороки. Но в психическом состоянии больного было несомненное улучшение. В письме ко мне от 26 октября он изложил весьма толково свой взгляд на состоявшееся незадолго пред тем Положение Комитета министров относительно судебной реформы в Царстве Польском. Одобряя мнение, поданное князем П.П. Гагариным, генералом Чевкиным, Набоковым и некоторыми другими членами (в том числе и мною), в пользу сохранения гминных судов и введения во всех судах русского языка, брат выразился так: «Это существенное условие для слияния с Россией. Теперь, когда наш язык введен во всех управлениях (не исключая и крестьянских) и господствует во всех школах, остается только доверить это дело в судах[397]. Строки эти достаточно показывают, насколько уже восстановились у бедного моего брата нормальные его силы умственные.

А.Ш.Э. Лефло

Утром 8 декабря наконец вся моя семья оказалась в полном сборе.

В заключение хроники 1871 года упомяну о некоторых переменах в составе дипломатического корпуса в Петербурге.

Еще летом последовало назначение представителя от французского республиканского правительства: новый посол генерал Лефло, занимавший пред тем во временном правлении Франции пост военного министра, не имел в себе ничего похожего на дипломата; это

был чистый тип старого французского генерала — un vieux troupier*, добродушный, бесцеремонный старичок, не воздерживающийся иногда от крепких слов, неупотребительных в светском разговоре. Простота и естественность его обращения внушали к нему доверие; он очень понравился в Петербурге.

Представители Великобритании и Австро-Венгрии: сэр Андрью Буханан и граф Хотек оставили свои посты в Петербурге: первый переведен был в Вену, и никто еще не был назначен на его место; делами посольства временно заведовал старший секретарь. Представитель же Австро-Венгрии граф Хотек получил (в сентябре) назначение на должность наместника в Богемии, а вместо него послом в Петербурге назначен барон Лангенау — пожилой генерал, лишившийся ноги в одну из последних кампаний; он был мало симпатичен, всегда имел выражение лица угрюмое, чем-то недовольное, и в этом отношении составлял резкую противоположность своему предместнику и своему французскому коллегу. В то время произошла важная перемена и в самом правительстве венском: первый министр граф Бёйст, отъявленный руссофоб, вышел в отставку; место его занял граф Андраши, имя которого было связано с Венгерским восстанием 1848 года[398]. Трудно было тогда предвидеть, какое значение могла иметь эта перемена в направлении венской политики в отношении к нам; но во всяком случае об удалении графа Бейста нам жалеть не приходилось.

С нашей стороны назначение представителя России в Париже последовало лишь в декабре: пост русского посла при французском правительстве снова занял генерал-адъютант князь Орлов. В то же время посланник наш в Берлине тайный советник Убри, равно как и представитель Германии в Петербурге принц Рейсс, были возведены в звание послов.

О князе Орлове мне случалось упоминать уже не раз; но я не избегаю повторения, если приходится к слову вспомнить о личности хорошей, симпатичной. Князь Николай Алексеевич, бесспорно, принадлежал к числу таких личностей. Это был человек прямодушный, открытый, обходительный, чуждый всякой спеси и тщеславия, так обыкновенных в человеке придворном и дипломате. Зная его, нельзя не полюбить и не сойтиться с ним. Более всего приносит ему чести то, что при своем исключительном положении при дворе он сохранил все приятельские отношения молодых

---

* Старый служака (*фр.*).

Н.А. Орлов

своих лет*. Выбор князя Орлова на высокий пост русского посла в Париже именно в ту эпоху, после страшного погрома, разразив-

* В автографе первоначально было: «и не забывал старых своих знакомых, далеких от той сферы, в которую поставила его судьба. Со мною и с братом моим Николаем он был с молодых лет в дружеских отношениях. При всех этих достоинствах князя Орлова нельзя, конечно, поставить его в число искусных и тонких дипломатов, можно даже сказать, что те именно качества его характера, которые так привлекательны в нем как в частном человеке, не подходили к установившемуся типу дипломата» (*примеч. публ.*).

шегося над Францией, можно считать весьма удачным. Русскому послу предстояло восстановить прерванные отношения между самодержавной империей и новой республикой. Никто не мог лучше князя Орлова выполнить такую задачу. Прибыв в начале 1872 года на свой новый пост, он с первого же шага стал в самые дружественные отношения с президентом республики Тьером и с его министрами. Князю Орлову тем легче было занять выгодное положение, что с давних пор, состоя посланником в Брюсселе, он имел близкие связи в Париже и не скрывал своего сочувствия к Франции. Республиканское правительство, озабоченное в то время восстановлением политического и финансового положения Франции, скорейшею ликвидацией своих расчетов с Германией и очищением французской территории от немецких войск, занимавших еще восточные ее департаменты, не могло не дорожить сближением с Россией и приняло с особенным удовольствием такого симпатичного посредника, каков был князь Орлов.

В том же 1871 году последовали некоторые перемены в составе военных агентов наших за границей: служивший в гвардейской артиллерии флигель-адъютант полковник Доппельмайер назначен в Берлин, а полковник Генерального штаба граф Кутайсов — в Лондон, на место генерал-майора Новицкого, перемещенного в Рим ради болезненного состояния жены его, родной сестры графа Александра Владимировича Адлерберга.

В последний день года (31 декабря) по случаю столетней годовщины рождения графа М.М. Сперанского, совершена была в Александро-Невской лавре торжественная панихида в присутствии Государя, большей части членов Императорской фамилии и многочисленного собрания высших чинов. По окончании панихиды Государь и все присутствовавшие следовали за духовенством на могилу знаменитого государственного человека, кончившего жизнь 11 февраля 1839 года. Отданная Государем почесть памяти такой исторической личности произвела в петербургском образованном обществе весьма благоприятное впечатление[399].

ДЕЛА АЗИАТСКИЕ

В Средней Азии все было спокойно в начале 1871 года, хотя со стороны хивинского хана продолжались прежние враждебные к нам отношения. Генерал Кауфман в письме от 20 февраля писал

мне, что надеется *пока* обойтиться без войны с Хивой, хотя и не может ручаться, что не будет к тому вынужден поведением хивинцев. В предвидении такой случайности генерал Кауфман вошел прямо в сношение с полковником Столетовым, начальником Красноводского отряда, и с главным кавказским начальством о возможном с той стороны содействии туркестанским войскам в случае движения на Хиву[400].

С Бухарой, напротив того, установились самые дружественные отношения. Желая скрепить их еще более, генерал Кауфман отправил в мае посольство к эмиру Бухарскому; во главе этого посольства поставлен был чиновник Министерства иностранных дел Струве. Прибыв 10 мая в Карши, где в то время имел пребывание эмир, посольство было принято с почетом и радушием. Эмир высказывал полную свою преданность русскому царю и разрешил членам посольства разъезжать по Бухарским владениям куда пожелают. Пробыв 6 дней в Карши, Струве отправился в Бухару, а к 17 июня возвратился в Ташкент. Во время пребывания его в Бухаре командирован был туда генералом Кауфманом русский врач Садовский по случаю тяжкой болезни одного из сыновей эмира, того самого, который приезжал в Петербург в 1869 году[401]. Садовскому удалось оказать больному облегчение к большому удовольствию эмира.

Но главное внимание туркестанского начальства в то время обратилось на Восток. С тех пор, как восстание дунганское вытеснило китайские власти из прилежащих к нашим границам областей Западного Китая, нарушено было спокойствие и в пределах наших окраин; торговля вовсе прекратилась; пограничные наши киргизы и калмыки терпели от хищнических набегов дунган и таранчей[402]. Генерал Кауфман в начале избегал всякого вмешательства в эти неурядицы; однако ж, в приведенном уже письме от 20 февраля писал мне: «На Китайской границе дела наши все нехороши. Там мы имеем дело с совершенною дрянью, а между тем покончить с нею иначе нельзя, как раздавив ее, ибо ничего другого она не понимает. Завоевывать Кульджи я не стану как по Высочайшему на то категорическому повелению, так и по собственному моему взгляду на дело; но и тут может случиться, что я буду вынужден разрешить (подразумевается генералу Колпаковскому, командующему войсками Семиреченской области) наказать кульджинского султана за его поведение с нами. Смею Вас уверить, да я думаю, что это видно по всему, что у меня нет лишнего задора и не было

никогда; а потому, если я решаюсь на какое-либо военное предприятие, то это значит, что иначе поступить было нельзя. Верьте этому, ибо это правда...»

Вскоре так и случилось. В апреле, из наших пределов самовольно откочевало вдруг в Кульджинское владение до 1000 киргизских юрт. На требование генерала Колпаковского возвратить беглых султан Таранчинский дал дерзкий ответ, и тогда генерал Кауфман нашел необходимым разрешить Колпаковскому двинуться на Кульджу для наказания дикого султана. Первоначально слабый наш отряд, встреченный толпами таранчей, должен был несколько раз отбиваться от их отчаянных нападений; но с прибытием в первых числах июня подкреплений и самого генерала Колпаковского наши войска перешли в наступление и 18-го числа нанесли неприятелю решительное поражение, вследствие которого султан Таранчинский сам явился с безусловною покорностию. 22 июня генерал Колпаковский занял Кульджу.

Первоначально у нас вовсе не было намерения удержать за собою этот пункт. Чтобы решить вопрос о том, какие меры следовало принять на будущее время для прекращения неурядицы в соседнем с нами Илийском крае до восстановления там китайских властей, генерал Кауфман поехал сам на место, осмотрел Кульджу и расположенный там отряд генерала Колпаковского и в письме от 27 сентября писал мне: «Поездка моя в Кульджу была не бесплодна; я составляю подробное донесение о том, как полагаю поступить с этою страной. Нет другого способа, по мнению моему, как ожидать китайцев и ведать ею до их прихода...» «Если б определилось с точностью, что китайцы не могут придти в Кульджу в скором времени, тогда надо подумать, кому дать ее в управление, чтобы не занимать ее нашими войсками. К тому времени мы более ознакомимся с отношениями населения между собою, с личностями, и тогда можно вернее сделать выбор; теперь же, пока мы не знаем еще, что предстоит впереди, как проникнем мы в Урумчи — со штыками, или с ситцами, — невозможно отдать верховья Или в руки таранчей...»[403]

Вот где был зародыш того Кульджинского вопроса, который впоследствии чуть не довел нас до войны с Китаем и который разрешился ровно чрез десять лет после вступления наших войск в Кульджу[404].

С занятием Илийской долины нашими войсками в крае водворилось на время спокойствие, так что немедленно же начали хо-

дить караваны и возобновилась торговля. Генерал Кауфман на пути из Кульджи в Ташкент в сентябре встретил возвратившегося из Петербурга генерал-майора Гомзина, командированного для личных объяснений по разным представлениям и проектам туркестанского генерал-губернатора. Несмотря на продолжительное пребывание в Петербурге, Гомзину не удалось провести привезенные проекты, которые потерпели общую участь всех подобных представлений местных начальников, проходящих чрез разные министерства. Дело затянулось на долгое время, и Гомзин возвратился в Туркестанский край с пустыми руками.

В течение лета командированы были в тот край для осмотра оружия и стрельбы в войсках два генерала по выбору инспектора стрелковых батальонов герцога Мекленбург-Стрелицкого: Свиты генерал-майоры Эрнрот и Брант. Они объехали почти все батальоны, как стрелковые, так и линейные, и возвратились с отзывами весьма удовлетворительными. Войска Туркестанского округа, несмотря на свое недавнее сформирование, несмотря на неблагоприятные местные условия размещения и службы, держались в порядке и отличались боевым духом.

Генерал Кауфман при многоразличных своих заботах встречал частые затруднения со стороны Министерства финансов и Государственного контроля, которые придирались к каждому распоряжению его, сколько-нибудь выходившему из тесных рамок формальностей, установленных для обыкновенного спокойного времени. Местные органы их, имея поддержку и поощрение свыше, старались выказать свою независимость от главного местного начальника и позволяли себе входить с ним в официальные пререкания, чего не мог выносить равнодушно генерал Кауфман, державший себя в крае маленьким царьком. Дошло до того, что Ташкентская казенная палата получила от министра финансов положительное приказание не исполнять требований генерал-губернатора, не разрешенных сметными и контрольными правилами. Тихое распоряжение ставило генерала Кауфмана в безвыходное положение при тогдашних обстоятельствах. Он горько жаловался, доказывая, что не может отвечать за безопасность и спокойствие в крае, если лишен права располагать денежными средствами, требуемыми внезапно непредвиденными военными распоряжениями. Вслед за официальным по этому предмету заявлением, он отправил (12 июля) курьера в Петербург с жалобой прямо на имя Государя и с письмом ко мне[405]. Курьер этот прибыл

К.П. Кауфман

3 августа в то время, когда мы были в самом разгаре больших маневров под Токсовом. Государь, прочитав письмо Кауфмана, прислал это письмо ко мне, а утром следующего дня, когда я ехал верхом за Его Величеством, подозвав меня к себе, сказал, что признает объяснения Кауфмана вполне основательными и что при докладе министра финансов по этому делу уже высказал ему свой взгляд на исключительное положение местного начальника в таком крае, где неожиданные военные обстоятельства могут требовать неотложных расходов, хотя бы и с отступлением от установленных общих правил. Государь прибавил: «Слава Богу, что дела с нашими соседями приняли благоприятный оборот и что ныне все обошлось хорошо; но могло бы разыграться иначе, и тогда отвечал бы главный местный начальник...» О таком взгляде Государя я сообщил немедленно генерал-адъютанту Грейгу (исправляющему

должность министра финансов за отсутствием М.Х. Рейтерна) и самому генералу Кауфману. Слова Государя успокоили последнего; отпущенная по его распоряжению сумма в 65 тыс. руб. генералу Колпаковскому на расходы по Кульджинской экспедиции, признана была действительным расходом, и переписка по этому предмету прекратилась. Вопрос же о предоставлении генералу Кауфману известного простора в распоряжениях по расходам в случае непредвиденных крайних обстоятельств, разрешился тем, что положено было включить в смету Туркестанского края особый кредит на удовлетворение подобных надобностей; впоследствии же предоставлены были в распоряжение генерала Кауфмана также и доходы с занятого нашими войсками Кульджинского края.

Успехи наши в Средней Азии всегда озабочивали английское правительство и общественное мнение в Великобритании. В особенности же английские власти в Ост-Индии зорко следили за нашими действиями в странах, сопредельных с Афганистаном. Столько же тревожило их пребывание в Ташкенте Абдурахмана, претендента на наследие Дост-Магомета, сколько и междоусобия в самом Авганистане, вследствие открытого возмущения правителя Гератского Якуба-хана против собственного отца Шир-Али, хана Кабульского. В 1871 году наконец удалось англичанам примирить отца с сыном; Якуб-хан явился с покорностью в Кабул, был обласкан отцом, но устранен от управления Гератом. Главнокомандующий Ост-Индскою армией лорд Нэпир Магдальский, сознавая слабые стороны военного положения английского владычества в стране, принимал разные меры к лучшему устройству войск и к поднятию их нравственной силы. С этою целью и в виде политической демонстрации предпринят был в конце года большой сбор войск в лагере при Дели.

В Восточной Сибири произошла в начале года перемена главного начальства. Генерал-лейтенант Корсаков, вследствие усилившейся болезни, вынужден был просить увольнения от занимаемых им должностей генерал-губернатора и командующего войсками округа, а вскоре потом (в апреле) он скончался. На место его назначен был 21 января сенатор генерал-лейтенант Ник[олай] Петр[ович] Синельников, имевший репутацию человека крутого и энергичного. Я знал Синельникова еще в тридцатых годах, когда он занимал должность дежурного штаб-офицера

в штабе Гвардейского корпуса[406]. После того он был губернатором последовательно в нескольких губерниях: сперва в Житомире, потом в Воронеже, наконец, в Москве, и везде занимался преимущественно наружным благоустройством городов, сам ходил по рынкам и лично распоряжался везде, где считал нужным водворять порядок. Наклонный более к службе полицейской, он принадлежал к числу тех самодуров старого покроя, которые проповедовали, что закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять; поэтому считал позволительным всякий произвол и нарушение закона, оправдываемые предполагаемой благой целью. После Крымской войны Синельников был назначен генерал-интендантом 1-й армии в Варшаве и справлялся с этой должностью довольно удачно, до упразднения означенной армии в 1862 году; тогда он был назначен сенатором. Я уже упоминал об его деятельности в последующие годы, по заведованию арестантскими работами на железных дорогах. Быть может, именно эта деятельность и навела на мысль о выборе Синельникова на пост главного начальника в крае, переполненном ссыльными и каторжниками. При самом назначении ему указано было от Министерства внутренних дел — прибрать к рукам этих несчастных, учредить за ними более, чем прежде, строгий надзор, что признавалось необходимым после той распущенности, которая выказалась во время управления генерала Корсакова, побегом некоторых, сосланных в каторгу важных государственных преступников, и в том числе знаменитого нашего революционера Бакунина[407].

Синельников отправился в Восточную Сибирь с похвальными намерениями — искоренять там злоупотребления, водворять порядок; но еще до его отъезда из Петербурга уже можно было предсказать, что мало будет толка из его пресловутой энергической деятельности. Вместо того, чтобы ознакомиться с важнейшими делами края, совершенно ему неизвестного, он прежде всего стал хлопотать об устройстве домовой церкви в генерал-губернаторском доме (в Иркутске) и о дозволении ему носить казачью форму с пером на шапке для более видимого отличия его особы. Делами пограничными, колонизацией края, о проектах нового разделения его — новый генерал-губернатор мало интересовался[408].

Уже по пути в Иркутск Синельников везде навел страх и трепет. Брат мой Борис, привязавшийся к краю, которому посвя-

тил много лет службы, вначале было радовался тому, что наконец разразилась гроза над всеми творившимися в Восточной Сибири неправдами и беззакониями; он надеялся, что при новом, строгом начальнике все пойдет к лучшему; однако ж скоро разочаровался: новый генерал-губернатор много шумел, круто поступал, беспощадно разгонял чиновников; но вместо восстановления законности и порядка еще более расстраивал ход дел своим безграничным произволом и пристрастием. К концу того же года брат мой уже писал мне, что не может оставаться долее в Восточной Сибири и просил моей помощи для перемены места службы. Помочь ему в этом случае было мне нелегко при тогдашних моих холодных отношениях почти ко всем моим коллегам и в особенности к министру юстиции графу Палену, вполне принадлежавшему к партии гр[афа] Шувалова и комп. В ожидании какого-либо благоприятного случая брат мой был вынужден еще довольно долго выносить самодурство своего начальства[409].

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1871 ГОДУ

В 1871 году минуло 10 лет со вступления моего в управление Военным министерством. В течение этого десятилетия не прерывалась самая напряженная деятельность министерства для приведения в исполнение целого ряда преобразований и усовершенствований по всем частям военного ведомства. Бóльшая часть предположений, изложенных в первоначальной, Высочайше утвержденной программе 1862 года[410], уже осуществилась. Но с 1871 года Военному министерству дается новая программа, с целым рядом новых задач; начинается новый период в его деятельности. С одной стороны, франко-прусская война указывает необходимость новых усовершенствований во всех частях военного устройства, с другой стороны, Высочайше утвержденные 4 ноября 1870 года новые основания для будущего отбывания воинской повинности всем населением империи и вместе с тем предположенное развитие вооруженных сил посредством новой организации резервов вызывают коренные изменения во всем нашем законодательстве. Приходится предпринять заново колоссальную работу — переделки большей части нашего Свода военных постановлений; начатое новое издание этого Свода приостанавливается, даже прерывается на половине[411].

С самого начала года, как уже было сказано, приступили к работе обе вновь учрежденные комиссии под председательством генерал-адъютанта графа Гейдена: одна — имевшая задачею разработку нового Положения о воинской повинности, начала с подробного обсуждения всех частных вопросов, касавшихся сословий и разных категорий лиц, вновь призываемых к исполнению службы, изъятий и льгот, какие могут быть предоставлены некоторым из этих категорий, сроков службы, порядка призыва и т. д.; другая комиссия, на которую возложено было обсуждение нового устройства резервов и ополчений (обыкновенно называвшаяся «организационною»), занялась предварительно сбором необходимых данных, расчетами и частными вопросами, решение которых должно было предшествовать обсуждению общих оснований новой организации. Работы первой комиссии в течение года подвинулись настолько, что главные основания новой системы военной повинности уже выяснились с полною определенностью. Во второй же комиссии возникло столько спорных вопросов, и высказалось столько различных, даже противоположных взглядов, что не было еще возможности придти к какому-либо общему заключению.

Сверх того, образована была еще особая комиссия под председательством генерала Непокойчицкого для переработки Положения о полевом управлении армиями в военное время, с тою главною целью, чтобы пополнить пробел в существовавшем Положении относительно учреждений в тылу действующей армии[412]. Последняя война франко-прусская выказала наглядно, до какой степени возвысилось важное значение этой части военного устройства при современных огромных армиях и обширности театра военных действий. Та же война давала и ценный материал для предстоявшей нам работы; весьма отчетливые сведения по части устройства тыла прусских армий привезены были командированными на театре войны нашими офицерами. К сожалению, учрежденная под председательством генерала Непокойчицкого комиссия не спешила приняться за возложенную на нее важную задачу; несмотря на неоднократные мои напоминания А.А. Непокойчицкому, работа не была исполнена, так что впоследствии пришлось ему же как начальнику полевого штаба действующей армии в Болгарии[413] испытать на деле все невыгоды, проистекающие от несовершенства организации тыловой службы.

Пока в комиссиях обсуждались вопросы будущего, в главных управлениях министерства продолжались с прежнею деятельностию работы по таким частям военного устройства, которые не были связаны с возложенными на комиссии новыми задачами. Так, по *Главному штабу* приостановлены были всякие нововведения по организации войск; не последовало почти изменения и в численном составе армий*, несмотря на то, что в течение года десять дивизий пехотных были приведены из «обыкновенного» состава в «кадровый», а зато двадцать бригад артиллерийских — приведены из обыкновенного в «усиленный». Приняты были по Главному штабу лишь некоторые частные временные меры, как-то: прекращено замещение рекрут людьми по частному найму, и возвышены цены как выкупных квитанций, так и вознаграждения принимаемых на службу заместителей**. Предоставленное рекрутам право выкупа допущено было временно до введения ожидаемого нового Положения о воинской повинности, с тою целью, чтобы из получаемых сумм образовать особый фонд для вознаграждения сверхсрочно остающихся в войсках унтер-офицеров. Предположение это, однако же, не осуществилось на деле.

Особенное внимание Военного министерства обращено было на усовершенствование в местных военных управлениях ведения списков чинов запаса и порядка призыва этих чинов на службу. В видах фактического испытания целесообразности установленных для того правил, произведен был в 1871 году (20 сентября) примерный сбор запасных в двух уездах: Харьковском и Киевском. Результаты этого опыта оказались удовлетворительными как относительно быстроты сбора, так и пригодности людей к строю. Подобные испытания положено было повторять ежегодно, в большем числе уездов, притом неожиданно, с тем, чтобы в местных военных управлениях и в самой среде нижних чинов запаса поддерживать постоянную готовность к внезапному призыву. Другою задачей Военного министерства было дать надлежащее направление строевому образованию войск, поставив главною целью приготовление их к прямому боевому назначению. В этом отношении уже

---

* Наличный состав регулярных войск в начале года был — 733 761, в конце — 732 068. Всего же, с иррегулярными войсками состояло на довольствии 815 тыс. человек.

** Цена выкупных квитанций с 570 руб. поднята до 800, а плата заместителям — с 40 руб. до 60.

был сделал заметный шаг вперед благодаря инициативе покойного графа Ридигера* и вводимым постепенно изменениям в обучении войск Петербургского военного округа. Эти нововведения, испытываемые в гвардии, под глазами самого Государя, конечно, распространялись и на войска других округов. Только что окончившаяся война франко-прусская дала новый толчок нашим попыткам. Под живым впечатлением современных действий пруссаков и рассказов возвратившихся с театра войны наших офицеров, все главные начальники более или менее взялись за дело рационального обучения войск, за распространение тактических знаний между офицерами и командирами частей. Везде начали заводить в зимнее время лекции и беседы, решение тактических задач, военную игру, а в летнее время предпринимались «полевые поездки» сначала только офицеров Генерального штаба, потом с участием строевых офицеров разных родов оружия, а наконец, и одних строевых офицеров. Так, летом 1871 года была предпринята в большом размере полевая поездка офицеров Генерального штаба в Лифляндию, под главным руководством начальника Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Леонтьева. Поездка эта дала первые указания для дальнейшего направления этого рода упражнений, которых первоначальный пример был указан Прусским генеральным штабом под руководством знаменитого начальника его графа Мольтке.

При этом не могу не заметить, что данное обучению войск новое направление могло бы приняться гораздо успешнее и с бóльшими результатами, если б начальствующие лица убедились в том, что требования свыше вполне изменились, если б сам Государь окончательно отрешился от старых привычек, укоренившихся у нас со времен императора Павла и достигших апогея в царствование Николая I. К сожалению, Государь, имея наклонность к поддержанию прежних традиций, хотя и радовался успехам войск

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «но должно также отдать справедливость великому князю Николаю Николаевичу, который понял сущность современных требований военного дела и старался, сколько мог, по своему званию главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа и вместе с тем председателя Главного комитета по устройству и образованию войск, вводить в подведомственных ему войсках новый порядок обучения, обратив главное внимание на цельную стрельбу, на применение боевых действий на местности, на разведочную службу, маневрирование малыми и большими отрядами» (*примеч. публ.*).

в настоящем тактическом образовании, в то же время, однако ж, требовал и строгого соблюдения стройности и равнения на церемониальном марше, точного соблюдения на разводах, церковных парадах и других церемониях, всей прежней мелочной формалистики. Одно какое-нибудь замечание Государя за пустую ошибку уставную или за неровность шага, не достаточно «чистое» равнение — парализовало все старания придать обучению войск новый характер, более соответственный истинной пользе и условиям войны. Такое противоречие в требованиях Государя объясняется особыми чертами его характера: привязанностию к старому, недоверием к новому, опасением всяких крайностей. В вопросе обучения войск он понимал, конечно, новые требования, но вместе с тем опасался, чтобы войска не утратили своей традиционной стройности и стойкости.

В течение 1871 года почти во всех округах производились смотры войскам командированными по Высочайшему повелению лицами. В числе их великий князь Николай Николаевич инспектировал войска Киевского и Харьковского округов. Кроме того, вследствие предложения герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого принято было с 1871 года за правило, ежегодно производить специальное инспектирование стрельбы и оружия в войсках чрез особых лиц по указаниям его, инспектора стрелковых батальонов. Мера эта обещала несомненную пользу для успешного ведения стрелкового дела, получившего такое важное значение при новом усовершенствованном оружии.

По отчетам инспектировавших лиц, все войска найдены были в отличном состоянии. Как на общий во всех почти частях недостаток указывалось на некомплект офицеров и на увеличившуюся трудность приготовления требуемого числа хороших унтер-офицеров. На эти две слабые стороны нашей армии указывалось ежегодно и в представляемых мною Государю отчетах по Военному министерству; причем главною причиной некомплекта офицеров выставлялось слишком недостаточное содержание их. В 1871 году наконец удалось, хотя в некоторой степени, пособить офицерам, а командирам частей, лишившимся прежних негласных доходов от так называемой экономии, даны средства к жизни, приличной их званию. В последние дни 1871 года* Высочайше утверждена новая табель добавочных окладов содержания командирам частей и

* Объявлено в приказе 1 января 1872 года.

должностным лицам[414]; прочим же офицерам определено производить «порционные» деньги. В том же году Высочайше утверждено (22 мая) новое Положение о военной эмеритуре[415], выработанное особою комиссией, учрежденною еще в предшествовавшем году для пересмотра прежнего Положения, после 10-летнего опыта действия эмеритальной кассы*. Комиссия нашла возможным, пользуясь блестящим состоянием операций этой кассы, увеличить размеры эмеритальных пенсий на одну треть и вместе с тем допустить многие частные изменения в правилах в пользу военнослужащих и семейств их. Обе указанные меры значительно улучшили положение офицеров и заметным образом содействовали удержанию их на службе.

В то же время (в мае 1871) Высочайше утверждена новая мера относительно унтер-офицеров: для удержания их на сверхсрочной службе, допущено оставлять их по добровольному согласию на годичный срок с добавочным содержанием и некоторыми внешними отличительными знаками[416]. Новый этот расход, как уже было сказано, должен был покрываться излишком сумм, поступавших за выкупные рекрутские квитанции.

В 1871 году наконец последовало решение вопроса о полковом хозяйстве. После пяти лет испытания разных проектов 13 декабря Высочайше утверждено окончательно Положение, выработанное в Главном штабе и Главном военно-кодификационном комитете[417]. Положение это, объявленное приказом 21 декабря, должно было войти в действие во всех войсках пехотных, кавалерийских и саперных с 1 января 1872 года. С этого времени во всей русской армии устанавливается единообразный порядок ведения хозяйства, гласный, законный, не допускающий прежнего произвольного и безотчетного распоряжения командира денежными и материальными средствами, определенными на довольствие части. Новый этот порядок, естественно, не нравился многим; люди старого закала не могли свыкнуться с мыслью, что хозяйство полковое — не личное их хозяйство. К сожалению, новый порядок введен был не вполне: в кавалерии фуражное довольствие осталось на прежних основаниях, а в артиллерии вовсе не признавалось возможным применить новые правила к батарейному хозяйству. Артиллерийское начальство, начиная с почтенного моего друга А.А. Баранцова, упорно противилось всяко-

* Учреждение военной эмеритуры последовало 25 июня 1859 года.

му изменению заведенного искони порядка, и все попытки мои в течение многих лет, ввести в артиллерии новые правила хозяйства оставались без результата.

Переходя к *артиллерийской части*, начну, как и в прежние годы, с ружейного дела. К весне 1871 года большая часть нарядов по переделке 6-линейных ружей была окончена, согласно с контрактами. Все полевые войска получили новое вооружение по военному составу и даже с некоторым излишком в запасе. Однако ж Исполнительная комиссия генерала Резвого[418] в первую половину года продолжала еще усиленно работать как над окончанием расчетов с контрагентами по ружейному делу, так и над усовершенствованием патронного дела, введением в войсках переснаряжения патронов, отпускаемых на учебную практику, над укупоркою и перевозкою патронов и т. д. Все войска, получившие новое оружие, были снабжены и полным комплектом патронов; оставалось еще пополнять запасы в парках. Патронный завод получил обширное развитие: сверх прежних трех отделов (двух гильзовых — на Литейной и на Васильевском острове — и снаряжательного — на Выборгской стороне), присоединен к заводу под общее начальство генерал-майора Петрушевского и Охтенский капсюльный отдел. В то время наш патронный завод по своим размерам мог считаться обширнейшим в Европе; он был снабжен лучшими машинами и станками, из которых некоторые были придуманы нашими артиллерийскими офицерами и техниками.

Но данное войскам новое вооружение было только временное, переходное. 6-линейные винтовки с механизмом Крнка значительно уступали в качествах проектированному малокалиберному (4,2-линейному) бердановскому ружью; а кроме того, разнообразие в вооружении войск представляло важную невыгоду. На Кавказе и в азиатских округах оставались еще игольчатые винтовки, тогда как все стрелковые батальоны имели уже американские малокалиберные ружья. Заказанные же в Бирмингаме 30 тыс. ружей второго бердановского образца не были еще получены от завода. Необходимо было обратить все внимание на скорейшее переустройство наших оружейных заводов, на которые с этого времени исключительно возлагалось изготовление нового малокалиберного оружия на всю армию.

Замечу, что в то время даже и в Германии не был еще решен окончательно вопрос о переходе к новому оружию с металлическим патроном.

Из наших трех оружейных заводов один — Тульский — переустраивался на казенный счет и состоял в казенном управлении под начальством генерала Нотбека. На строительные работы уже отпущены были огромные суммы. 27 июля происходила в присутствии генерал-адъютанта Баранцова торжественная закладка вновь возводимого корпуса, между тем как в старых строениях уже производилась установка механизмов и предполагалось приступить с начала 1872 года к выделке нового оружия, хотя бы в малых размерах. Прочие два завода решено было отдать по-прежнему в арендное содержание благонадежным лицам из числа служащих в артиллерийском ведомстве и знающих ружейное дело. Между многими лицами, заявившими желание принять на себя переустройство заводов и изготовление нового оружия в течение известного числа лет и по определенной цене, открыт был конкурс. Соперничество между явившимися претендентами на выгодную «аферу» подало повод к разным интригам, наговорам и яростной газетной полемике. Бедный Александр Алексеевич Баранцов был в страшном волнении, опасаясь, с одной стороны, попасть на какого-нибудь недобросовестного афериста, с другой — навлечь на себя осуждения в газетах и в общественном мнении, или даже замечание со стороны Контроля. По рассмотрении предложений разных конкурентов Военный совет, согласно представлению Главного артиллерийского управления, постановил заключить контракты: по Сестрорецкому заводу — с генерал-майором Лилиенфельдом, прежним арендатором, а по Ижевскому — с капитаном артиллерии Бильдерлингом. К крайнему моему сожалению, последний этот выбор подал впоследствии повод к неприятным нареканиям, когда Бильдерлинг сделался зятем А.А. Баранцова.

К августу 1871 года ружейное дело пришло в такое положение, что признано было возможным закрыть Исполнительную комиссию, передав дальнейшее ведение дела в одно из отделений Главного артиллерийского управления; упраздненное в 1869 году звание Инспектора оружейных заводов восстановлено, с прибавкою в его титуле: «и патронного». На эту должность назначен генерал-лейтенант Стандершельд, прежний арендатор Тульского завода*. Главная распорядительная комиссия была оставлена еще на неко-

* Далее в автографе зачеркнуто: «Начальником же оружейного отделения в Главном управлении назначен полковник Беляев» (*примеч. публ.*).

торое время для докончания дел по расчетам с прежними контрагентами и по отчетности в чрезвычайных денежных средствах, отпущенных в распоряжение комиссии. По случаю же закрытия Исполнительной комиссии представлен был Государю общий отчет о результатах двухлетней деятельности обеих комиссий по перевооружению войск[419]. Всем лицам, участвовавшим в трудах комиссий и вообще в работах по ружейному и патронному делу, пожалованы награды или объявлено Высочайшее благоволение; генерал-лейтенант Резвый произведен в генералы от артиллерии с назначением членом Военного совета; генералу Баранцову и мне объявлена в приказе (20 августа) «искренняя признательность» Его Величества.

По части артиллерии полевой, крепостной и осадной в 1871 году продолжалось изготовление недостававшей материальной части: орудий, лафетов, снарядов и принадлежности. Четвертые скорострельные батареи сформированы во всех артиллерийских бригадах[420], но за неимением всего потребного на все 47 батарей числа картечниц Гатлинга, половина батарей получила временно 4-фунтовые орудия. Изготовление же недостававших картечниц несколько приостановилось, вследствие оказавшихся в них недостатков, для устранения которых придумывались средства и производились опыты[421]. Артиллерийские парки были приведены окончательно в устройство соответственно тогдашнему составу войск и снабжены новым обозом. Вооружение крепостей с каждым годом приближалось к предположенному нормальному расчету, так что к концу года оно достигло почти 60% положенного полного числа орудий новых образцов*. В этом числе имелось уже 57 пушек 11-дюймовых на вооружении приморских крепостей, и сверх того доставлена Круппом для испытания одна 14-дюймовая.

Ввиду новых предположений относительно развития наших вооруженных сил, надобно было предвидеть значительное увеличение всех потребностей в материальной части артиллерии. Все прежние расчеты и установившиеся нормы предстояло пересмотреть сызнова. И в этом отношении последняя франко-прусская война дала нам некоторые полезные указания. Так, например, она

---

* В счет 4016 орудий, считавшихся тогда нужными для вооружения крепостей приморских и сухопутных, не включая запаса, имелось в действительности: в конце 1870 г. — 1921, а к концу 1871-го — 2381.

убедила нас в необходимости усиления полевой артиллерии соразмерно с пехотой; доставила положительные данные для определения состава осадного парка и т. д.

Относительно осадной артиллерии у нас ничего еще не было сделано, хотя, очевидно, наши прежние осадные парки сделались совершенно несоответственными новому вооружению крепостей. Для составления проекта новой организации этих парков образована была особая комиссия из артиллеристов и инженеров под председательством генерал-адъютанта Тотлебена. После продолжительных исследований на основании тщательно собранных современных и исторических данных комиссиею выработан был проект, по которому оказалось необходимым усилить каждый из имевшихся у нас двух осадных парков на западной границе, до 400 орудий (в том числе нарезных 280 пушек и 40 мортир*), а на Кавказе иметь третий парк, в половинном размере. Проект этот, Высочайше утвержденный 25 мая 1871 года, установил норму, до которой предстояло довести материальную часть означенных парков. Исполнить эту новую задачу возможно было только постепенно в течение нескольких лет[422].

От крепостной и осадной артиллерии естественный переход к *инженерной части*.

Впечатление, произведенное франко-прусскою войной, побудило нас поднять вопрос о местных средствах обороны наших западных окраин. В течение 10 последних лет уже отпущено было из Государственного казначейства до 29 млн руб. на строительные работы в крепостях; но из этой крупной суммы, как уже не раз было упоминаемо, бóльшая часть употреблена на приморские крепости, и в особенности на Кронштадт; в сухопутных же крепостях сделано было весьма мало, и в случае войны оборонительной они не оказали бы нам большой пользы, так как ни одна из них не имела передовых, далеко вынесенных фортов, без которых невозможно крепости долго держаться при современных средствах атаки. Центральная наша стратегическая позиция на Висле могла быть беспрепятственно обойдена с обоих флангов вторжением неприятеля из Восточной Пруссии в Северо-Западный наш край, или из Галиции в Юго-Западный;

* Пушки полагались 24- и 9-фунтовые, а мортиры 8- и 6-дюймовые. Но в числе 24-фунтовых пушек полагалось иметь известную часть нового образца — стальных, утяжеленных, дальнего боя.

на всем пространстве до Западной Двины и Днепра мы не имели ни одного укрепленного пункта, который мог бы хотя несколько задержать наступление противника и дать время нашим армиям мобилизоваться и сосредоточиться. Железные дороги (которых было так не много) не имели никакой защиты. Одним словом, можно сказать, что на случай войны оборонительной наш театр войны вовсе не был подготовлен в инженерном отношении.

События франко-прусской войны наглядно выказали нашу неподготовленность. Признано было необходимым составить общий план обороны всего западного театра войны, а для того предварительно произвести основательные рекогносцировки посредством особых комиссий из офицеров Генерального штаба, инженерных и артиллерийских. Комиссиям поставлялось в обязанность подробно осмотреть существующие крепости, обсудить их средства обороны и недостатки, указать необходимые дополнительные сооружения, выбрать пункты для передовых отдельных фортов; затем осмотреть некоторые местности пограничной полосы, имеющие особенное стратегическое знание, как-то: окрестности Вильны, Ковно, Гродно, Белостока, течение Буга и Нарева, а на юге — окрестности Дубно, Проскурова и верхнее течение Днестра. Во всех указанных пунктах следовало произвести подробные съемки и собрать все данные, необходимые для разработки проектов фортификационных построек.

Комиссии успели в течение лета 1871 года исполнить добросовестно значительнейшую часть возложенных на них работ, так что на основании привезенных ими обширных съемок и предварительных соображений приступлено было в течение зимы к обсуждению главных стратегических вопросов и к самой разработке некоторых фортификационных проектов. Работа предстояла обширная, продолжительная; но при самом приступе к ней приходилось задать себе вопрос: откуда возьмутся те крупные денежные средства, которые, несомненно, потребуются вновь, чтобы осуществить всю массу проектированных сооружений? В состоянии ли будет Россия вынести такие же громадные пожертвования на инженерную часть, как другие государства, например Пруссия и Франция. Даже маленькая Бельгия не поскупилась израсходовать до 23 млн руб. (80 млн франков) на одну крепость свою — Антверпен. Цифра эта могла служить нам масштабом стоимости современных крепостей.

Кроме проектируемых фортификационных работ на западном театре войны, представлялся еще вопрос о некоторых пунктах Черноморского прибрежья. С отмены статей Парижского трактата, ограничивавших верховные права России на этом море, Николаев и Севастополь снова получали стратегическую важность. Существовавшие на берегах Буга батареи, обстреливавшие доступ к Николаеву, сделались уже недостаточными, и приступлено было к разработке проекта обороны самого входа в Бугский лиман, у Очакова. Что же касается до Севастополя, лучшего нашего порта, то предстояло еще обсудить будущность его: должен ли он и впредь оставаться открытою, купеческою гаванью, или снова обратиться в укрепленный военно-морской пункт?

Все эти высшие стратегические соображения и новые обширные проекты, занимавшие инженерное ведомство в 1871 году, не прерывали прежних его работ по разным техническим предметам, как-то: по подводным минам, по военному воздухоплаванию, броневой одежде и т. д. Напротив того, много новых полезных данных в этом отношении добыто было находившимся при германской армии инженерными офицерами (Герн, Мельницкий и другие). Между прочим, сведения по части телеграфной и железнодорожной побудили нас приступить к пересмотру наших Положений о военно-телеграфных парках и железнодорожных командах. Существовавшие у нас 6 военно-телеграфных парков признаны недостаточными; решено было впредь иметь их в числе девяти и притом с усилением каждого из них. Для обсуждения же организации железнодорожных частей войск образована была особая комиссия под председательством генерал-адъютанта Тотлебена и с участием генерал-майора Анненкова, которому до того времени поручено было заведование железнодорожными командами. Тогда эти команды не имели постоянной организации, а собирались лишь временно по особому распоряжению. Так, в 1871 году часть этих команд была собрана под Красным Селом и во время больших маневров произведен довольно удачно опыт быстрой постройки небольшого участка железной дороги. Но пример Пруссии показал необходимость организации постоянного кадра железнодорожных частей войск, и потому решено было у нас сформировать железнодорожные батальоны и притом включить их в состав саперных бригад.

Упомяну в заключение, что в этом году окончательно все инженерные войска, не исключая и парков, осадных и полевых, снаб-

жены сполна инструментом, обозом и всем остальным инженерным имуществом.

По *интендантской части*: в 1871 году достигнуты заметные успехи преимущественно в отношении провиантского довольствия. Окончательно утверждено (31 июля) выработанное в Главном интендантском управлении Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск[423], которое должно было войти в силу с 1 января следующего года. Новое это Положение, определив размеры всех видов довольствия сообразно действительной потребности, устранило многие неправильности и невыгоды прежних Положений, и что всего важнее, установило «приварок» на новых более рациональных началах и тем способствовало улучшению вообще пищи солдата. В этом же году Военному министерству удалось, пользуясь понижением цен на провиант, положить начало образованию во всех западных пограничных округах запасов провианта на случай усиления войск и приведения их в военный состав: мера эта, давно уже составлявшая предмет забот министерства, откладывалась многие годы по недостаточности сметных сумм и по причине высоких цен. В 1871 году достигнуты и большие сбережения в расходах по заготовлению провианта, и запасено до 243 тыс. четвертей в складах означенных четырех округов[424]. Приступлено также к устройству общих хлебопекарен в пунктах больших сборов войск, начав с Варшавы и Красносельского лагеря в виде опыта. Многие другие технические улучшения по провиантской части производились Техническим комитетом Главного интендантского управления[425].

Также и по вещевому довольствию продолжались в том же комитете деятельные работы в видах улучшения обмундирования и снаряжения солдата; склады запасов окончательно пополнены и приведены в порядок, соответственно тогдашнему военному составу войск. Таким образом, интендантству удалось после многолетних усилий достигнуть заветной цели; в то время, когда возникшие предположения о новом развитии наших военных сил уже предъявляли ему новые требования и новые задачи.

Постройка полковых обозов продолжалась как в обозных мастерских, строивших преимущественно лазаретные повозки, так и в самих войсках, принявших на себя постройку прочих повозок по определенным ценам. Для войск Кавказской армии утвержден особый образец, по которому также приступлено к постройке обоза в самих войсках.

По *части военно-врачебной*: заканчивалось пополнение запасов для военно-временных госпиталей и продолжалась постройка для них обоза; открыта третья фельдшерская школа в Москве; принимались меры к пополнению некомплекта врачей, все еще достигавшего до 10% по мирному положению. Что же касается до предположения Военного министерства об учреждении на случай войны «резерва врачей», то вопрос этот, как уже было сказано, не получил разрешения в Государственном совете, а передан на обсуждение особой смешанной комиссии из делегатов разных ведомств. Комиссия эта после долгих препирательств представила наконец в Государственный совета свои соображения вообще об улучшении положения врачей всех ведомств и мерах для увеличения числа их, и, таким образом, дело приняло совсем новый оборот. Как всякое дело, касающееся многих министерств, оно затянулось на долгое время, а специальный вопрос об обеспечении армии в военное время необходимым врачебным персоналом остался неразрешенным, о чем впрочем Военное министерство не очень скорбело в той надежде, что с предстоявшим введением общей воинской повинности вопрос о резерве врачей разрешится сам собою.

Вообще дела по военно-медицинской части получили с 1871 года более прежнего твердый и деятельный ход вследствие перемены личности во главе этого ведомства. Временно заведовавший Главным военно-медицинским управлением тайный советник Е.Н. Смельский — человек добродушный и честный, но уже старый и до крайности мягкий, праздновал 14 мая свой пятидесятилетний юбилей медицинской службы; по этому случаю испрошено было ему в награду почетное звание лейб-медика, с увольнением от обязанностей по Главному военно-медицинскому управлению, но с оставлением членом Военно-медицинского ученого комитета и сохранением содержания. Должность главного военно-медицинского инспектора занял тайный советник Н.И. Козлов, вместо которого начальником Медико-хирургической академии назначен профессор действительный статский советник Чистович. О личности Н.И. Козлова я имел уже случай говорить: каковы бы ни были недостатки, которые ставили ему в укор, все-таки нельзя не признать в нем человека умного, энергичного и более всех других его коллегов способного к занятию высшей административной должности. Что же касается до Чистовича, то я должен сознаться, что выбор его на должность начальника академии

был не совсем удачен: при всех его достоинствах как человека и профессора он не был одарен ни тою твердостию характера, ни то самостоятельностию, которые были необходимы для поддержания начальственного авторитета в таком учреждении, как Медико-хирургическая академия того времени.

По *иррегулярным войскам* также следует прежде всего отметить перемену лица, стоявшего во главе управления: почтенный Николай Иванович Карлгоф, выказавший столько знания дела и благоразумия в ведении казачьих реформ, давно уже хворал и наконец вынужден был просить об увольнении от должности. С сожалением расстался я с таким сотрудником. 1 января 1871 года генерал Карлгоф был назначен членом Военного совета, а начальство в Главном управлении возложено на генерал-майора Александра Петровича Богуславского, который впоследствии (1 января 1872 года) и утвержден в этой должности. Нельзя было сделать лучшего выбора: при нем работы продолжались в Главном управлении иррегулярных войск с тою же разумностию, выдержкою и в том же направлении, как и при его предместнике.

В ходе преобразований в казачьих войсках важнейшими успехами в 1871 году были: введение в Донском войске мировых учреждений на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 года, также введение в том же войске общего порядка счетоводства на основании единства кассы с подчинением войсковых сумм Государственному контролю[426]; наконец, решение вопроса об открытии окружных судов в Новочеркасске и в станице Усть-Медведицкой. Кроме того Высочайше утверждено (2 октября) Положение о воинской повинности в Сибирском казачьем войске[427] и подготовлены такие же Положения для Астраханского и Забайкальского казачьих войск. Продолжалась разработка многих других законодательных вопросов по гражданскому и экономическому устройству казачьих войск, как-то: о введении земских учреждений, о Донском коннозаводстве, о горном промысле, лесах и т. д.

При войсковом штабе Донского казачьего войска учреждена особая комиссия, на которую возложена выработка нового проекта Положения об отбывании казаками воинской службы соответственно тем главным началам, которые были только что Высочайше утверждены для составления общего Положения о воинской повинности в империи. Комиссии вместе с тем указано

иметь в виду современные требования войны, дабы казачьи полки могли изготовиться к выступлению своевременно и нести службу наравне с регулярной кавалерией. Условия эти имели большую важность при современной быстроте мобилизации европейских армий, непродолжительности войн и крайней недостаточности нашей регулярной конницы, сравнительно с другими государствами*. Необходимо было принять все возможные меры, чтобы казаки могли действительно восполнить этот недостаток кавалерии в нашей армии, не утратив, однако ж, присущих им искони особенных боевых качеств.

В этих видах необходимо было неотлагательно озаботиться улучшением вооружения казаков: решено было приступить к заказу для них новых малокалиберных винтовок, по образу бердановских, но с приспособлением к специальному казачьему типу, выработанному самими казаками (полковником Терского войска Сафоновым). Изготовление потребного для всех казачьих войск числа таких винтовок положено было рассрочить на несколько лет с отнесением расхода поровну на казну и на казачьи суммы. Для содержания же в исправности данного казакам оружия учреждены во всех казачьих войсках оружейные мастерские.

Продолжавшаяся уже почти десять лет преобразовательная работа в казачьих войсках как по гражданской части, так и по военной произвела уже в них заметное изменение: насколько полки и батареи казачьи по своему устройству и службе сблизились с регулярною кавалерией с того времени, как началось прикомандирование их к кавалерийским дивизиям, настолько же и население казачьих войск вошло уже в общий строй государственной жизни. Притом возбужденные среди этого населения в первое время реформ неосновательные опасения насчет видов правительства, мало-помалу улеглись; казаки поняли, что реформы эти клонятся к улучшению их гражданского быта, а не к упразднению казачества. Думаю, что высказанные мне лично на Новочеркасском обеде заявления в таком смысле были искренни.

По *военно-судебной части*: в 1871 году реформа распространена еще на один обширный округ — Казанский (приказом 13 августа)[428]. Открытие нового суда в Казани совершилось 15 октября

* У нас было всего 56 полков при 144 орудиях конной артиллерии; тогда как в Германии — 100 полков при 264 конных орудиях.

с обычным торжеством в присутствии главного военного прокурора статс-секретаря Философова. Кроме того, новые военно-судебные установления введены в районе бывшего Рижского округа, т. е. в Прибалтийских губерниях (приказом 6 сентября)[429]. Оставалось еще ввести их в Варшавском и Финляндском округах и в Области Донского войска: в Варшавском округе преобразование военно-судебное было тесно связано с общим вопросом о введении в Царстве Польском Судебных уставов 20 ноября 1864 года; в Финляндии также необходимо было военно-судебные установления согласовать с местными законами, о чем и велась переписка с тамошним начальством; наконец, относительно Области войска Донского, которую предположено было включить в район действия Харьковского военного суда, ожидалось только введение в области общих судебных уставов и разъяснение некоторых частных вопросов касательно прав и круга действий местного военного начальства.

Переустройство военно-исправительных рот продолжалось по мере приспособления помещений. Некоторые роты: Кронштадтская, Рижская, Динабургская, Новогеоргиевская, Брест-Литовская, — получили уже полное внутреннее устройство, определенное Положением[430] и нормальными штатами; в прочих установленные порядки вводились постепенно, по мере возможности: мастерские, обучение грамоте, меры исправления и т. д. С 1 января 1871 года окончательно отменена высылка арестантов на крепостные работы. В этом же году приступлено к постройке первой военной тюрьмы в Петербурге по плану, вполне соответственному строгим условиям одиночного заключения. Составлялись и рассматривались в Главном военно-тюремном комитете проекты построек или перестроек для военных тюрем в Москве, Варшаве и Киеве.

Наконец, по *военно-учебной части*: в 1871 году продолжалась только, так сказать, внутренняя работа усовершенствования учебного и воспитательного дела в заведениях, без всяких перемен в общем их устройстве. Прибавилась только одна военная прогимназия в Тифлисе, образовавшаяся из прежних двух школ: «военно-начальной» и «Кавказских межевщиков». Поднят был вопрос о новом расширении юнкерских училищ для усиления выпуска на пополнение некомплекта офицеров в армии, однако ж признано было преждевременным принять какую-либо окончательную меру относительно этих училищ, ввиду предстоявшего изменения в по-

рядке отбывания воинской повинности и предположений о развитии наших военных сил. Обе эти важные перемены должны были, конечно, иметь прямое влияние на соображения по вопросу о будущих средствах пополнения войск офицерами: с одной стороны, можно было предвидеть, что потребность в офицерах увеличится, а с другой — что изменится и состав того контингента молодых людей, который проходит чрез юнкерские училища. В какой мере то и другое обстоятельства могли отозваться на устройстве и размере этих заведений, вперед определить было невозможно.

Уже не раз приходилось мне указывать на постоянное в последние годы возрастание военной сметы, несмотря на крайнее уменьшение наличной численности войск и на все усилия как самого министерства, так и Департамента экономии, сокращать расходы. По смете на 1871 год, как было уже сказано, все военные расходы были исчислены в 154 598 844 руб. — более против предшествовавшего года на 9 877 000 руб.; но в течение года потребовалось еще до 5 393 892 руб. сверхсметных кредитов; всего же израсходовано в действительности 159 275 000, то есть более против сметного предположения на 4 657 000, а против прошлого года — на 14 млн руб. (что составляло до 9,7%). Приведенная цифра превышения действительных расходов в 1871 году против предыдущего года падала преимущественно на артиллерийскую часть — до 6 408 000 руб. (преимущественно на патронное дело и переустройство Тульского оружейного завода) и на интендантскую — до 5 638 000 рублей.

К счастию, общее наше финансовое положение оказалось в этом году еще благоприятнее, чем в прошлом. Доходов поступило 508 187 576 руб., более предполагавшихся по Росписи на[431] $37^1/_2$ млн, тогда как расходы, со включением и сверхсметных (до $41^1/_2$ млн), составляли всего 480 890 000 руб., так что оказался остаток в 27 297 566 руб.: явление давно уже небывалое в наших финансах.

Нежданно благоприятный исход этого финансового года, конечно, не был еще известен в то время, когда приходилось, по заведенному порядку, составлять военную смету на следующий 1872 год и отстаивать ее пред Департаментом экономии. На этот раз открывалась возможность некоторые из прежних крупных расходов вовсе прекратить, как-то: на пополнение интендантских запасов, из которых оказалось возможным даже обратить небольшую часть в зачет на текущее довольствие; по некоторым же

статьям значительно уменьшить размер расходов*. Несмотря на то, окончательно утвержденная цифра военных расходов на 1872 год определилась в 161 млн руб., т. е. с превышением на 6 372 000 руб. против прошлогодней сметы.

Такая постоянная прогрессия в военных расходах, естественно, должна была поражать всякого, кто судил только по общим итогам, не вникая глубже в подробности дела. Мне было крайне тяжело слышать ежегодно возобновлявшиеся укоры Военному министерству в разорении государства. Хотя не раз уже было указываемо мною на общее прогрессивное возрастание всей государственной сметы, однако ж такой аргумент не мог оправдывать предполагаемого излишества в расходах военных, которые поглощали слишком большую долю государственных средства, лишая тем возможности совершенствовать и развивать другие части государственного устройства**. В подтверждение этих упреков указывался пример других великих держав, которые издерживали на военную часть гораздо меньшие суммы как абсолютно, так и относительно общего государственного бюджета. В особенности ставили в образец Пруссию, или тогдашнюю Северную Германию, которая, имея на случай войны армию в 1 152 000 человек, расходовала в мирное время всего 67 433 000 таллеров (по смете на 1870 год, что составляло по тогдашнему курсу 81 245 000 руб.). За тот же год военная смета Австрии составляла 91 057 140 гульденов (60 700 000 руб.), а Франции — 375 976 182 франка (121 675 000 рублей).

Чтобы выяснить моим коллегам и членам Государственного совета нерациональность подобного сравнения военных расходов разных государств сопоставлением лишь валовых итогов смет,

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «как-то: на пополнение военно-госпитальных запасов (приблизительно, на 700 тыс. руб.) и на патронное дело (до 1 346 000 руб.). Зато по другим статьям потребовались большие прибавки: на артиллерийские перевозки (около 1 млн руб.), на переустройство Тульского завода (894 000 руб.), на постройки (851 тыс. руб.); на продовольствие войск по случаю нового повышения цен (3 800 000 руб.), наконец, до $3^1/_2$ млн руб. по особому Высочайшему повелению на усиление содержания военнослужащих. За всеми этими сокращениями и прибавками» (*примеч. публ.*).

** Соразмерность военных расходов с общею цифрою расходов по всем ведомствам (считая не одни только сметные ассигнования, а действительное исполнение по отчетам Государственного контроля) выражались в процентах следующими цифрами: в 1866 г. — 31,3; 1867 — 29,9; 1868 — 30,9; 1869 — 31,5; 1870 — 29,7%.

Н.Н. Обручев

поручено было мною генерал-майору Обручеву, как профессору военной статистики и управлявшему делами Военно-ученого комитета, с помощью одного дельного чиновника Канцелярии Военного министерства Думшина, составить обстоятельный сравнительный разбор военных смет, нашей и северо-германской, на 1870 год. Задача эта была нелегкая: для правильного сравнения необходимо было, так сказать, переверстать обе сметы, т. е. группировать все цифры их по соответствующим категориям, так чтобы сопоставить расходы однородные. Сложная и кропотливая эта работа была окончена в половине декабря 1871 года; получилась объемистая записка, заключавшая в себе подробный и основательный анализ всего военного хозяйства обоих соседних государств. Вот в сущности те общие заключения, к которым приводил труд генерала Обручева.

1) В категории расходов обыкновенных или текущих, собственно на содержание войск, хотя абсолютные цифры нашей сметы и

превышали соответствующие цифры северо-германской, но соразмерно с численностью военных сил, на каждого человека приходилось у нас почти вполовину меньше, чем у наших соседей*. О каких-либо сокращениях в расходах этой категории не могло быть и речи; напротив того, признавалась необходимость как усиления численности наших войск ввиду громадного возрастания военных сил других государств, так и улучшений самого довольствия нашей армии.

2) Что же касается другой категории обыкновенных (текущих) расходов, не подлежащей прямой соразмерности с численностью войск, то превышение цифр нашей сметы против северо-германской объяснялось в записке генерала Обручева как неизбежное последствие присущих нашей стране, нашему государственному строю и культуре особенностей. Так, например, наглядным указанием значения обширности нашей страны приводилось различие в расходах на перевозки, перемещения, разъезды: у нас — 6 696 673 руб., в Северной Германии — 1 265 152, или на военно-топографическую часть: 177 900 руб. и 53 976 руб. По многим статьям значительность наших расходов объяснялась более обширным кругом действий и обязанностей, возложенных на наше Военное министерство. Есть в нашей смете целые категории расходов, вовсе не имеющиеся в северо-германской, как-то: по казачьим и иррегулярным войскам, по местному управлению Кавказа и азиатских окраин, по высшей полиции в Царстве Польском и многие другие.

Наконец, 3) значительное место в нашей военной смете занимают расходы единовременные, или чрезвычайные, требуемые для приведения армии и всех отраслей военного хозяйства в надлежащую готовность на случай войны, в соответствии с современным состоянием военного дела в Европе и с возникающими все новыми усовершенствованиями. Так, весьма крупные цифры требовались на пополнение запасов всех родов, на последовательные в несколько приемов перевооружения войск, на новую артиллерию, на усиление обороны крепо-

* На все виды интендантского довольствия войск в нашей смете (65 653 900 руб.) приходилось по 84 руб. 90 коп. на человека, в Северной Германии (51 686 524 руб.) по 160 р. 10 коп. Далее в автографе зачеркнуто: «На содержание военной администрации (центральной и местной): у нас (4 994 000 руб.) приходится по 6 руб. 46 коп. на человека, в Северной Германии (2 713 406) по 8 руб. 55 коп.» (*примеч. публ.*).

стей и т. д., и т. д.* Все, чего достигали мы постепенно в этом роде мероприятий, по мере вносимых в смету средств, с рассрочкою на многие годы, было уже ранее достигнуто нашими соседями, а вновь требуемые громадные суммы на большее еще развитие военных сил Германии испрашивались по временам у палат в виде чрезвычайных кредитов, без внесения в годовую смету.

Как ни желательно было облегчить бремя, налагаемое военною сметою на финансы наши, можно ли было принести в жертву военное могущество России и готовность ее к поддержанию своего достоинства в случае возможных усложнений политических? Весьма кстати приведены были в заключение дельного труда генерала Обручева следующие слова прусского военного министра генерала Роона, только что произнесенные им в Германской палате (29 ноября 1871 г.):

«Армия есть политическое и вместе с тем техническое орудие, требующее таких же непрерывных усовершенствований, как и всякое другое. Если самое существование государства требует существования этого орудия, то оно должно быть совершенно, должно стоять в уровень с подобными же орудиями других государств и быть готово выдержать с ними самую упорную борьбу. Всякое отступление от этих принципов ведет к гибельным последствиям. За нарушение их поплатилась Австрия под Кёнигсгрецом, поплатилась Франция под Мецом и Седаном, и если, напротив того, Пруссия вышла в оба эти раза победительницею, то именно потому, что ее правительство смотрело на армию не как на *бремя* для экономических интересов страны, а как на *силу*, обеспечивающую самое существование государства...»[432]

Записка генерала Обручева была отпечатана; экземпляры ее розданы министрам и членам Государственного совета. Некоторые из них выражали мне похвалы дельной работе [по] искусной редакции записки; но тем и кончилось. Так же как и прежние подобные разъяснения, предъявляемые министерством относительно военной сметы, записка 19 декабря 1871 года осталась без возражений со стороны наших финансистов и скоро была забыта. В следующие годы регулярно повторялись все те же нарекания и жалобы на мнимую небережливость Военного министерства.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Во всех мероприятиях этого рода Пруссия давно уже опередила нас» (*примеч. публ.*).

Книга XX

1872 – начало 1873

1872-й год

Начало года (январь и февраль)

Весна в Крыму (март, апрель, май)

Юбилей Петра Великого и Московская политехническая выставка (30 мая — 12 июня)

Лагерное время (12 июня — 18 июля)

Третья поездка Государя в Крым и смотры (18 июля — 23 августа)

Поездка Государя в Берлин (23—31 августа)

Возвращение Государя в Крым (1 сентября — 24 октября)

Последние два месяца 1872 года

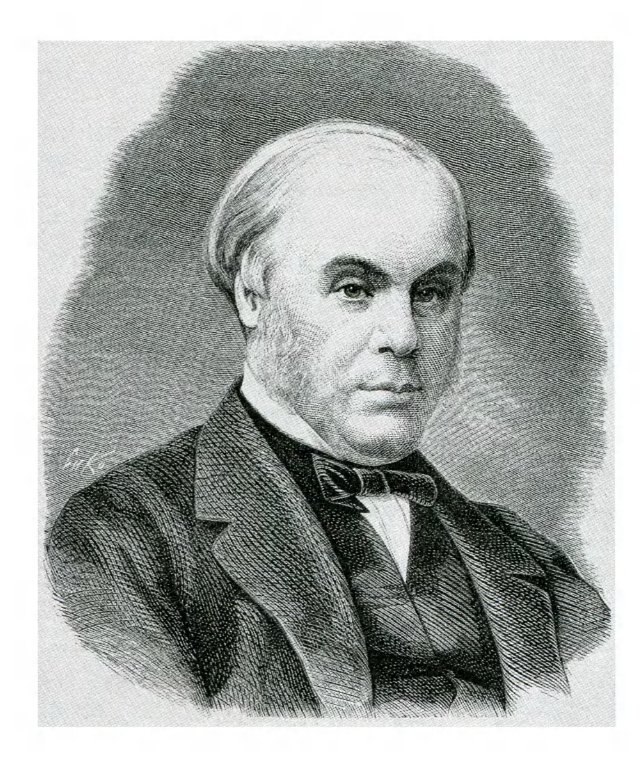
Дела азиатские

Дела Военного министерства в 1872 году

НАЧАЛО ГОДА (ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ)

Первый день каждого наступающего года ожидается в чиновном мире с напряженным любопытством в чаянии великих милостей и важных назначений на должности. В числе таких новостей на 1 января 1872 года первое место заняли возведение барона Модеста Андреевича Корфа в графское достоинство, производство графа Петра Андреевича Шувалова и А.Е. Тимашева в полные генералы и награждении М.Х. Рейтерна орденом Св. Владимира 1-й степени. Производство графа Шувалова и Тимашева выходило из ряда обыкновенных наград: по своему старшинству в чине генерал-лейтенанта они стояли далеко не на очереди и обошли множество старших, даже из числа генерал-адъютантов, занимавших видные должности, как например князя Святополк-Мирского (помощника главнокомандующего Кавказской армией), Кауфмана 1-го (генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского округа) и других. Поэтому производство графа Шувалова и Тимашева было принято в публике за несомненное знамение особенной, исключительной к ним царской милости и великой их силы. В действительности же заключение это было верно, собственно, в отношении графа Шувалова, умевшего довольно долго удерживать за собою преобладающее влияние на Государя и сильное доверие его; что же касается Тимашева, то его роль была всегда и во всем служить Шувалову подручником; Шувалов и вывел его в полные генералы, так как Тимашев был старше его в чине, и обойти министра внутренних дел при производстве шефа жандармов было бы уже совсем неудобно. Стоявший в списке генерал-адъютант рядом с графом Шуваловым и вслед за ним князь Орлов, назначенный послом в Париже, не был произведен и долго еще оставался в чине генерал-лейтенанта, несмотря на то, что занимал высокий пост и был в большой милости при Дворе, можно сказать, даже домашним в царской семье.

В продолжении января петербургская жизнь текла обычным порядком. 9-го числа я присутствовал на публичном акте в Меди-



Н.А. Милютин.
Рисунок П.Ф. Бореля

ко-хирургической академии. 17-го и 21-го Государь, по примеру прошлого года, производил смотры войскам на Дворцовой и Адмиралтейской площадях, а затем назначались почти ежедневно частям гвардии поочередно зимние прогулки по улицам городским и за город.

В конце месяца прибыл из-за границы великий князь Михаил Николаевич и оставался в Петербурге до половины марта.

1872 год начался для меня и для всей моей семьи весьма печально: 26 января брат Николай кончил свою страдальческую жизнь.

После лета 1871 года, проведенного им в деревне, когда мы радовались видимому улучшению его физического и психического состояния, он начал заметно толстеть. В течение осени, после последнего моего свидания с ним в октябре, полнота его начала уже принимать характер болезненной опухлости. Первое тревожное известие получил я в письме его жены от 20 декабря. Призванные тогда врачи признали у больного «отек живота». Болезненные эти

признаки до того усилились к концу года, что нельзя было уже сомневаться в близкой опасности; лицо его вдруг похудело и побледнело, усилилась одышка; пропал аппетит; наступила такая слабость, что он, сидя в креслах, окруженный семьей и приятелями, беспрестанно дремал. Более же всего беспокоило прекращение мочи. Все указывало явно на брюшную водянку с ожирением сердца и брайтовым перерождением почек.

Получив из Москвы протокол консультации тамошних врачей (Заборовского и Варвинского), я спрашивал мнение и нашего авторитета в болезнях этого рода С.П. Боткина, который прежде лечил брата Николая и знал его натуру. Боткин, так же как и московские врачи, нашел, что нет никакого сомнения в безвыходном положении больного и что вопрос может быть лишь в том, насколько близка роковая минута. Врачебные пособия могли только продлить более или менее страдания больного, который притом отказывался с упорством подчиняться советам врачей. 31 декабря получена была из Москвы тревожная телеграмма. Некоторые из наших лучших друзей: И.П. Арапетов, К.Д. Кавелин, К.К. Грот, К.И. Домонтович, — поспешили отправиться в Москву; поехал туда и сын мой. Они нашли больного в лучшем положении, чем ожидали. В первые два, три дня нового года страдания его несколько облегчились; показалась моча. Больной уже мог по нескольку часов в день сидеть в гостиной или в библиотеке, за большим столом, около которого каждый день, перед обедом и по вечерам, собирался дружеский кружок. Кроме петербургских приезжих, тут бывали князь и княгиня Черкасские, Самарины (Юрий Фёдорович и Пётр Фёдорович с его женою), Николай Сергеевич Киселёв, княгиня Е.А. Голицына и другие. Брат чрезвычайно дорожил вниманием и участием друзей; общество их, разговоры, споры составляли для него насущную потребность до последних дней жизни. Сам он, конечно, не мог уже принимать живого участия в этих беседах, но следил за ними, интересовался вопросом дня, а иногда и вставлял свое слово. В половине января положение больного настолько улучшилось, что врачи посоветовали ему иногда кататься в закрытом экипаже. Несколько раз он выезжал, хотя ему было очень трудно спускаться по лестнице, садиться в карету и выходить из нее. Петербургские друзья в надежде на благоприятный оборот болезни и на отсрочку роковой минуты возвратились в Петербург, за исключением И.П. Арапетова, оставшегося в Москве. В это же время приехала туда из рязанской

деревни старая наша тетка Елизавета Михайловна Якимова (родная сестра моего отца), которая была тогда уже на десятом десятке лет своей жизни; она поместилась в квартире брата.

Однако ж успокоительный оборот в ходе болезни продолжался недолго. Еще 24-го числа больной катался в карете с моим сыном, а вечером сидел до 11 часов, окруженный по обыкновению друзьями. В ночь же на 25-е число вдруг сделалась у него хрипота. Послали за врачом (Заборовским), который нашел положение больного опасным. В течение дня собрались врачи на консилиум. Больной задыхался от мокроты, но был еще в памяти и даже спрашивал о результате происходивших в то время дворянских выборов, почему-то интересовавших его. Но под вечер начался бред. Ю.Ф. Самарин предложил больному призвать священника, на что он охотно согласился. Во время причащения он был еще в памяти и сознательно повторял за священником «правила». Когда окружавшие подходили к нему с поздравлениями, он со всеми трогательно прощался и потом, по-видимому, успокоился. Но в 12-м часу снова начал хрипеть и стонать; в течение всей ночи ставили ему горчичники, мушки, холодные компрессы; ночь была очень тяжелая. Во все время при больном находились неотлучно врач Гаспари, мой сын и Николай Сергеевич Киселёв (который сам был болен). Жену больного, уже истощившую совершенно свои силы, уговорили прилечь, чтобы сколько-нибудь отдохнуть. До самого утра больной мучился удушием; по временам на несколько минут как бы успокаивался, а иногда пульс почти совсем прекращался, так что врач ежеминутно ожидал кончины. К утру 26-го числа пульс усилился; но больной большею частью был в забытьи, по-видимому, уже не страдал, а в 5 часов вечера дыхание прекратилось.

Только накануне кончины брата, 25-го числа, под вечер, получил я от И.П. Арапетова телеграмму такого содержания: «С больным вдруг сделалось хуже, отеки легких, дышит трудно, может задохнуться; положение самое тяжелое»[433]. Первым моим движением было — показать эту телеграмму С.П. Боткину, который объявил, что если я желаю еще застать брата в живых, то должен ехать неотлагательно. На другой же день утром поехал я к Государю, чтобы испросить разрешение на отъезд из Петербурга и вечером выехал с курьерским поездом вместе с Александром Аггеевичем Абазой. Прибыв в Клин рано утром 27-го числа, мы нашли тут телеграмму, извещавшую о кончине брата. Таким образом, я уже не застал его в живых.

Поезд наш опоздал целым часом в Москву, так что мы с Александром Аггеевичем приехали в дом покойного брата лишь во 2-м часу, во время панихиды, после которой тело покойника было переложено в гроб. На лице его выражалось то же строгое спокойствие, которое мы привыкли видеть в продолжение его болезни; не заметно было признаков страдания. Нечего говорить, в каком горе нашел я семью и друзей, окружавших тело покойника. Сердечное участие, с которым все они ухаживали за больным до последней минуты жизни его и глубокая скорбь их показывали, до какой степени покойный мой брат умел привязывать к себе всех, сближавшихся с ним. Известие о кончине его везде вызвало искренние выражения соболезнования и глубокого уважения к памяти честного, сердечного человека, замечательного государственного деятеля. На телеграмму мою о кончине брата Государь в тот же день (27-го) отвечал: «От души сожалею о кончине твоего брата и никогда не забуду услуг, им оказанных, — что прошу передать его бедной вдове...» Я отвечал Государю: «Покойный брат мой до последней минуты жизни вспоминал с благоговением о милостивом расположении к нему Вашего Величества. Бедная вдова его глубоко тронута высоким вниманием Вашим...»[434] Также получены были сочувственные телеграммы от великой княгини Елены Павловны, герцога Георга Мекленбургского, от множества друзей, знакомых и прежних сослуживцев брата. В Петербурге на другой же день по получении известия о его кончине, 28-го числа, отслужена была в Казанском соборе, протоиереем Васильевым (бывшим священником русского посольства в Париже), заупокойная обедня, к которой съехались многочисленные друзья, знакомые и почитатели покойного брата. Некоторые же из близких друзей отправились в Москву, чтобы присутствовать на погребении.

Вечером 28 января тело перевезено было из дома в Университетскую церковь, а на другой день, 29-го числа, из церкви в Новодевичий монастырь, где и было погребено близ входа в одну из монастырских церквей, вправо от ворот*. В оба дня, несмотря на холодное время, шествие было весьма торжественно и многолюдно. В числе присутствовавших были высшие московские власти,

---

* Место это было выбрано в близком расстоянии от могилы нашей матери Елизаветы Дмитриевны, скончавшейся 23 июля 1838 г. Впоследствии же рядом с братом погребены две дочери мои Мария и Елена, скончавшиеся почти одновременно в декабре 1882 г. в Оренбурге.

начиная с генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова; лица всех слоев общества; даже многие, едва знакомые. Погребение это носило характер не только обычного церковного обряда, но вместе с тем и заявления общего сочувствия к памяти достойного и уважаемого человека.

Отдав последний долг брату, с которым был связан с малолетства теснейшею дружбой, я выехал в тот же день вечером из Москвы и возвратился 30-го числа в Петербург. Государь принял меня в тот же день и повторил мне, в самых теплых выражениях, как ценил он характер и достоинства моего покойного брата. Осиротевшей семье его была назначена, по докладу великого князя Константина Николаевича (в качестве председателя Государственного совета), щедрая пенсия, вдове и дочерям отдельно*; а вслед за тем, по представлению министра государственных имуществ продолжено производство аренды.

В продолжение трехдневного моего отсутствия из Петербурга и в самый день погребения моего брата, 29 января, праздновался пятидесятилетний юбилей Корпуса военных топографов. В присутствии Государя, великих князей и значительного числа служивших в разные времена чинов означенного Корпуса, совершено было молебствие, после которого Государю поднесены были графом Гейденом выбитая по случаю юбилея медаль и изданный к этому дню исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов[435]. Затем происходил осмотр выставленных в хронологическом порядке образцов разных военно-топографических и картографических работ.

По случаю этого юбилея Корпусу военных топографов пожалована была грамота, в которой объявлено Высочайшее благоволение за его полувековую полезную деятельность. Многие из служивших в этом Корпусе, начиная с начальника Военно-топографического отдела Главного штаба, генерал-майора Форша, получили награды, а граф Гейден и я — Высочайшие рескрипты. В рескрипте на мое имя выражено было Высочайшее одобрение деятельности моей не по одной лишь военно-топографической части, получившей в 1866 году новую организацию, но и по всему вообще управлению военному. «Назначив Вас в 1861 году военным ми-

* Вдове — по 5 тысяч рублей в год, а дочерям — по 2 тысячи рублей каждой до замужества.

нистром, я возложил на вас трудную и многосложную обязанность исполнения обширных преобразований в военном ведомстве, которые, согласно моим предначертаниям, являлись необходимым последствием быстрого развития общего строя государственной жизни России и современных успехов военного дела. При осуществлении этой важной государственной задачи я встретил в Вас исполнителя столь же преданного, сколько просвещенного и неутомимого, вполне достойного того высокого доверия, которым Вы облечены мною...»[436] и т. д.

Приводя эту выписку из рескрипта, невольно припоминаю графа Берга, который говаривал, что читать самый рескрипт не стоит, так как редакция его есть риторическое упражнение какого-нибудь чиновника; но что вся суть дела заключается в последних, собственноручно приписываемых Государем словах пред именем Его Величества. На этом основании и я упомяну, что под рескриптом, данным мне 29 января 1872 года, была подпись: «искренне Вас любящий Александр».

Рескрипт этот был вручен мне уже по возвращении моем 30-го числа в Петербург. Вместе с тем узнал я, что по ходатайству начальства Корпуса военных топографов, Высочайше разрешено было поместить мой портрет в Военно-топографическом отделе Главного штаба. Такою почестью я был глубоко тронут.

Около того же времени мне было оказано лестное внимание Обществом вспомоществования нуждающимся воспитанникам Московского университета и Советом Петербургского педагогического общества, выбравшими меня (12 и 24 января) в число почетных своих членов[437].

21 февраля кончил жизнь еще один из видных государственных деятелей — князь Павел Павлович Гагарин, занимавший несколько высших должностей: председателя Комитета министров, комитетов Кавказского и Польского и члена Главного комитета по устройству сельского состояния. Он скончался вследствие весьма непродолжительной болезни на 84-м году жизни. Несмотря на такие преклонные лета, он был до последней своей болезни необыкновенно бодр и крепок как физическими, так и умственными силами. Вел он жизнь самую скромную и неприхотливую; жил в небольшой квартире в Офицерской улице, а летом — на казенной даче Елагинского острова, у Крестовского моста. До последнего года жизни он обыкновенно ходил оттуда пешком в Государствен-

П.П. Гагарин.
Рисунок М.А. Корфа

ный совет и обратно. Князь П.П. Гагарин был бесспорно человек умный, благонамеренный и деловой. До самой смерти он много работал, входил в дела, принимал их горячо к сердцу. Притом он был искренний русский патриот. К сожалению, не всегда взгляд его на дела был вполне современный. Не принадлежа, собственно, к числу завзятых крепостников и ретроградов, он, однако же, стойко держался на почве консервативной и боялся слишком быстрого движения вперед. Князь Гагарин часто тормозил дела, так же как и его друг детства и родственник Конст[антин] Влад[имирович] Чевкин, с которым, однако же, он постоянно был в каких-то препирательствах, иногда довольно комичных. Чевкин имел более разностороннее образование, зато и более мелочного самолюбия; князь же Гагарин, более односторонний, воспитанный на юридическом поприще, не уступал своему другу в упорстве, защищая свои взгляды, иногда весьма странные.

П.Н. Игнатьев.
Рисунок П.Ф. Бореля

Места председательские в Комитете министров и в Кавказском занял генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев, а в Комитете по делам Царства Польского — генерал-адъютант Чевкин. Мне приходилось уже не раз говорить об этих обеих личностях. Хотя Павел Николаевич Игнатьев считался человеком деловым, опытным, но при его узком, одностороннем уме, сдержанности* и угодничестве можно было предвидеть, что он будет жалким председателем. Что же касается до К.В. Чевкина, то при всех его недостатках нельзя не отдать ему полной справедливости в том, что в делах, касавшихся Царства Польского, точно так же, как и в крестьянском деле, он держался всегда правильного пути, согласного с общими интересами государственными, и никогда не отступал ни на шаг от принятого направления.

В половине февраля прибыла в Петербург королева Вюртембергская Ольга Николаевна, а позже (в начале марта) приехал и сам король, который, однако ж, оставался недолго и уехал обратно

* В автографе зачеркнуто: «двуличном характере» (*примеч. публ.*).

за границу 13 марта. Королева же говела вместе с императорским семейством на первой неделе Великого поста и впоследствии отправилась с Государем в Крым.

В том же феврале месяце прибыли принц Вильгельм Баденский со своею супругою принцессой Марией Максимильяновной по случаю происходившего 20 февраля торжества присяги князя Георгия Максимильяновича.

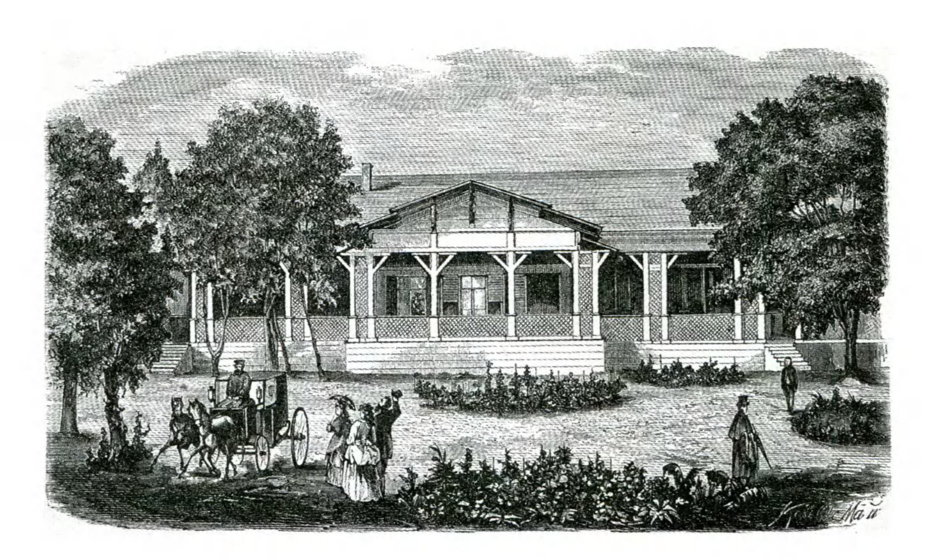
ВЕСНА В КРЫМУ (МАРТ, АПРЕЛЬ, МАЙ)

В течение зимы с 1871 на 1872 год здоровье императрицы опять расстроилось до того, что на первой неделе Великого поста она не была в силах причаститься вместе со всем царским семейством в малой дворцовой церкви, а приняла причастие в своих внутренних покоях. Врачи признали необходимым для Ее Величества выехать из Петербурга как можно ранее. Решено было отправиться ей уже в марте месяце, в Крым, где и оставаться до зимы.

14 марта императрица выехала с великою княжною Марией Александровной. Сопровождал ее на этот раз доктор С.П. Боткин, заместивший прежнего врача ее Гартмана. До самой Одессы императрица ехала не выходя из вагона, но с остановками в ночное время. Погода благоприятствовала путешествию: хотя больная продолжала сильно кашлять и чувствовала утомление, однако ж переезд не имел, по-видимому, вредного влияния на состояние ее здоровья.

20 марта Ее Величество съехались в Одессе с Государем, который выехал из Петербурга тремя днями позже, 17-го числа, вместе с королевой Вюртембергской Ольгой Николаевной и великой княжной Верой Константиновной. Из Одессы Их Величества переехали вместе на пароходе «Ольга» до Ялты и 21-го числа, около 2 часов дня, прибыли в Ливадию.

Пребывание на Южном берегу Крыма всегда приносило заметную пользу здоровью императрицы, особенно когда она могла вести жизнь совершенно спокойную, остерегаясь от простуды и утомления. Явилось, однако же, опасение, чтобы летние жары не имели невыгодного влияния на больную; поэтому поручено было д-ру Боткину приискать поблизости Ливадии, где-нибудь на горах, более прохладное место, с тем, чтобы там выстроить на скорую руку помещение, где императрица могла бы проводить, по крайней мере, самые знойные дни или часы дня. С.П. Боткин усердно принялся за изыскания и выбрал возвышенное место над



Дворец «Эреклик»

самою Ливадией, с превосходным видом на всю Ялтинскую бухту. Выбор был одобрен Государем и немедленно же закипела усиленная работа: призваны были отовсюду сотни рабочих; приступили к разработке отлогой и широкой дороги на горы; свозились материалы; доставлялись все вещи с невообразимою поспешностью и за баснословные цены; многое выписывалось даже из-за границы. Как будто какою-то волшебною силой, в два, три месяца воздвигся на горах небольшой, но прелестный дворец, которому дано было название «Эреклик».

Государь оставался в Ливадии всего две недели. Выехав оттуда 5 апреля, Его Величество прибыл в Петербург 9-го числа. Королева Вюртермбергская и великая княжна Вера Константиновна оставались с императрицей до конца Святой недели и только 23 апреля уехали морем, чрез Константинополь, Афины и Венецию. Императрица после отъезда Государя начала поправляться, благодаря спокойному образу жизни и благоприятным климатическим условиям. На Страстной неделе она вторично говела со всеми окружавшими ее. Дочь моя Елизавета описывала с восторгом, как встретили Пасху в Ливадии, как умилительна была церковная процессия в заутреню Светлого воскресения, как успокоительно действовала на душу эта тихая жизнь, тесном кружке ливадского общества.

В продолжение пребывания Государя в Крыму великий князь Николай Николаевич, выехав из Петербурга 20 марта, производил в Варшаве ежедневные смотры и учения расположенным там гвардейским войскам и кавалерии. Найдя все части в превосходном состоянии, Его Высочество возвратился в Петербург 4 апреля.

В отсутствии же Государя, 31 марта, чествовали пятидесятилетний юбилей генерал-адъютанта Чевкина. Он получил в этот день от Его Величества лестный рескрипт с приложением украшенного алмазами портрета, для ношения на груди. Утром в назначенный час депутации от разных ведомств и учреждений приносили юбиляру поздравления, адресы, альбомы и выбитую собственно на этот случай медаль. Во внимание к деятельности К.В. Чевкина по части железных дорог и телеграфов, предоставлено было ему на всю жизнь право пользоваться теми и другими бесплатно.

В это же время, то есть в бытность Государя в Ливадии, решился щекотливый для меня вопрос — о будущем помещении военного министра. Дело состояло в том, что квартира, в которой я жил с 1863 года (на Дворцовой набережной, в доме Лохвицкого), нанималась на казенный счет по контракту, которого срок истекал весною 1873 года. Домовладелец не иначе соглашался продлить контракт, как со значительною надбавкой к ассигнованной наемной плате и притом на продолжительный срок. Приискивались другие дома в центральных частях города; но везде запрашивались еще большие цены. Периодическое возобновление контрактов на помещение военного министра с прогрессивным возвышением платы представляло большие неудобства. Возникла мысль о постройке, для помещения министра, казенного дома: по расчетам инженеров, единовременная затрата от 100 до 125 тыс. руб. избавила бы казну от ежегодной наемной платы, достигавшей 7500 руб. и постепенно возраставшей, соответственно дороговизне петербургских квартир. Место для постройки указывалось весьма удобное на свободном участке земли, принадлежащем инженерному ведомству, на Большой Садовой близ Инженерного замка, рядом с помещением Гальванической роты. Предположение это казалось мне основательным: изо всех министров один только военный министр не имел казенного помещения с тех пор, как при увольнении от этой должности князя А.И. Чернышёва купленный для помещения военного министра дом в Малой Морской был подарен ему в частную собственность. Занявший после него должность министра князь Вас[илий] Андре[евич] Долгоруков, также и его

преемник Н.О. Сухозанет не позаботились об обеспечении своих преемников постоянным помещением; для них нанимались квартиры в частных домах, и в течение двадцати лет уже пять раз переменялось местопребывание военного министра. Теперь предстояло шестое перемещение.

Прежде, чем дать официальный ход возникшему предположению о постройке дома, я принял все меры к строгой проверке исчисленных инженерами расходов, и так как некоторые из моих коллегов проповедовали теорию о невыгодности казенных построек вообще, вследствие чего принадлежавшие некоторым министерствам здания были уже распроданы за бесценок и даже дарились*, то я счел не лишним предварительно узнать личный взгляд Государя на этот спорный вопрос. Требовалось неотлагательное решение, дабы не упустить удобного для работ времени в текущем году; притом мне казалось даже более удобным решить его в отсутствие Государя письменным докладом, чем позже докладом личным. Вот почему я поспешил отправить предположение Главного инженерного управления в Ливадию, при письме к графу А.В. Адлербергу, которого просил лично доложить Государю о моих соображениях по возбужденному вопросу. «Я не решился бы представить такое предположение, — писал я 24 марта графу Адлербергу, — если б дело шло только о помещении для меня лично, а не для военного министра вообще. Быть может, мне и не придется жить в предполагаемом доме, на постройку которого потребуется по меньшей мере два года. В течение этого времени я могу, конечно, принять на свой собственный счет передержку, какая окажется необходимою для кратковременного помещения; но как новый контракт на приличную для военного министра квартиру может быть заключен не иначе, как лет на пять, то я не считаю себя в праве принять на себя какие-либо обязательства, которые могут перейти на моих преемников...»[438]

31 марта граф Адлерберг телеграфировал мне, что на докладе о постройке дома для военного министра последовала собственноручная Высочайшая резолюция: «Совершенно с этим согласен...» В тот же день он добавил письмом, что Государь словесно выразил

---

* Примером продажи казенных домов за бесценок мог служить самый тот дом, в котором я жил и который в прежнее время служил казенным помещением министра финансов. Подарены же были некоторые дома Морского министерства.

совершенное одобрение представленного предположения. «Если вы мне позволите выразить при этом случае мое собственное мнение, — писал граф Адлерберг, — то осмелюсь сказать, что давно бы следовало одним или другим способом устроить приличный дом для военного министра и что мне приходилось неоднократно упрекать покойного князя Василия Андреевича Долгорукова в неуместном, по моему мнению, и эгоистическом пренебрежении этого дела»[439].

С получением из Ливадии такого категорического ответа, я уже не колебался дать делу узаконенный ход чрез Военный совет и занялся вместе с архитекторами и инженерами разработкой плана предпринимаемой постройки. План этот был составлен по личным моим указаниям, причем я старался согласовать удобства внутреннего распределения с условиями местности, которая требовала, чтобы дом имел фасад на три стороны, и притом не под прямыми углами. Задача эта была разрешена удачно; оказалось возможным прирезать к дому свободный участок земли для сада, так что новая постройка, хотя и в центральной части города, заняла место, окруженное со всех сторон зеленью. С наступлением теплого времени начались деятельные работы.

По условию с подрядчиком постройка должна была вполне быть окончена только к осени 1874 года. Таким образом, новое помещение для военного министра могло быть занято не ранее, как чрез полтора года по истечении срока контракта на наем дома Лохвицкого. Оставался, следовательно, еще вопрос о приискании временного помещения на этот промежуток времени. Но для решения этого второстепенного вопроса оставалось впереди еще довольно времени.

Государь после первой своей поездки в Крым провел в Петербурге всего четыре недели, из которых две первые — Страстная и Святая — прошли, по обыкновению, почти бесследно для дел. В Светлое воскресение, 16 апреля, состоялись довольно важные назначения и пожаловано много разных наград. Генерал-адъютант Зелёный по совершенно расстроенному здоровью окончательно уволен от должности министра государственных имуществ и получил орден Св. Андрея; на его же место министром назначен статс-секретарь П.А. Валуев. Управлявший Министерством путей сообщения граф А.П. Бобринский произведен в генерал-лейтенанты с утверждением в должности министра. Великий князь Владимир

Александрович, которому пожаловано было пред самой Пасхой, 10 апреля (день его рождения), звание генерал-адъютанта, назначен членом Государственного совета. В Военный совет назначены три новых члена: генерал-адъютант Глинка-Маврин, генерал-от-инфантерии Бутурлин и инженер-генерал-лейтенант Рыдзевский. На место первого командующим войсками Казанского округа назначен генерал-лейтенант Бруннер, а на место Бутурлина, помощником командующего войсками Одесского округа, генерал-лейтенант Семека. Начальник Канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант Мордвинов получил звание генерал-адъютанта, что было для него большой радостию и весьма приятно для меня, в особенности после тех нареканий, которые недоброжелатели мои распускали на счет Военного министерства вообще и лично против генерала Мордвинова. Еще более заметным выражением царского внимания, непосредственно мне оказанного, было назначение флигель-адъютантом моего сына, еще молодого офицера в чине поручика.

Святая неделя и в этом году прошла не совсем благополучно. Как прошлогодняя Пасха ознаменовалась уличными беспорядками в Одессе, направленными против еврейского населения[440], так в 1872 году, во второй и третий дни праздника (17 и 18 апреля), произошли народные буйства в Харькове. Поводом к этим беспорядкам было грубое и своевольное обращение одного полицейского частного пристава с народом, толпившимся на Михайловской площади, где были устроены балаганы и качели. Говорили, что полицейский чиновник был даже в нетрезвом виде. На его неприличную брань народ отвечал также бранью и криками. Тогда пристав вызвал из полицейского дома пожарную команду, которая, проскакав по площади, переполненной народом, давила людей, и в том числе задавила до смерти одного солдата Воронежского пехотного полка. При виде трупа и слыша крики раненых толпа, уже озлобленная на полицию, стала бросать камнями в пожарных и принудила последних укрыться во дворе полицейского дома. И в народе, и в пожарной команде было много пьяных. Полетели камни в окна полицейского дома. Вызвана была из ближайших казарм рота пехоты; прибыли на площадь губернатор и другие власти. Но они были также встречены каменьями. Командующий войсками округа генерал-адъютант Карцов, не считавший себя вправе вмешиваться в распоряжения гражданского начальства, несколько раз присылал спросить у губернатора, не следует ли

принять военные меры для восстановления порядка; но губернатор, Свиты генерал-майор князь Крапоткин, не только отклонил положительно помощь войск, но и бывшую уже на площади роту отослал в казармы. К вечеру толпа уже приняла угрожающее положение, требуя освобождения арестованных людей. Сам губернатор, первоначально стоявший храбро пред народом, бросавшим в него камни, должен был укрыться в полицейском доме. Толпа покушалась выломать в этом доме двери и окна. Тогда генерал-адъютант Карцов по просьбе явившихся к нему полицмейстера, прокурора и судебного пристава приказал привести на площадь три батальона, при появлении которых толпа разбежалась, и беспорядок прекратился без употребления оружия.

Однако ж на другой день, 18-го числа, с утра народ начал опять собираться на Михайловской площади, у полицейского дома, и снова угрожал полиции, требуя освобождения арестованных накануне. Приехавший на место губернатор, встреченный бранью, принужден был опять укрываться в полицейском доме. Опять вызвана была пожарная команда (уже из другой части города). Появление ее было сигналом к открытому бунту. Часть толпы бросилась на пожарную команду, окружила ее; мгновенно лошади были выпряжены и разогнаны, а повозки и бочки разбиты вдребезги. Другая часть народа бросилась на полицейский дом, ворвалась в него, уничтожила все: мебель, двери, — выбросила из окна бумаги архива, зерцало, даже образа, не тронув одного лишь Государева портрета. Тогда только губернатор согласился на призыв войск и просил прислать одну роту; но генерал Карцов приказал двинуть на площадь все бывшие в городе войска, свободные от караулов, и даже сделал распоряжение о присылке в Харьков двух батальонов пехоты из Курска и Полтавы и одного гусарского полка из Чугуева. Первый прибывший на площадь батальон не испугал толпы и встречен был каменьями, которыми ранены 1 офицер и 7 рядовых. Раздались выстрелы, которые, по свидетельству военного начальства, были произведены самовольно бывшими в рядах батальона рекрутами, будто бы стрелявшими на воздух; однако ж этими выстрелами ранено было в толпе народа несколько человек, и в числе их один гусарский офицер. Толпа отхлынула и на некоторое время сделалась осторожнее; но около 3 часов дня беспорядки возобновились с новою яростью. Несмотря на появление на площади архиерея, убеждавшего народ идти в храм молиться, толпа продолжала бесчинствовать на площади, в присутствии губернатора и

войск, а частью устремилась ко второй полицейской части, находящейся в центре города, разбила дом и освободила арестованных. Губернатор постоянно показывал невозмутимый вид спокойствия и до конца противился употреблению оружия против народа. К вечеру толпа уже обратилась к острогу, где содержалось до 800 арестантов и в числе их до 300 каторжных, ожидавших отправления в Сибирь. Тогда генерал Карцов уже решился выйти из своей пассивной роли и принял распоряжения на свою ответственность, помимо губернатора. В острог были введены войска и дано им приказание, в случае покушения толпы ворваться туда, стрелять в упор. Встретив здесь готовность к серьезному отпору, толпа начала расходиться, однако ж с угрозами предпринять на следующий день нападение на уцелевший еще один полицейский дом, на тюрьму и на отделение Государственного банка.

К утру 19-го числа уже прибыли в Харьков части войск, вызванные из других городов. Утром генерал Карцов назначил смотр прибывшему из Чугуева Киевскому гусарскому полку, на той самой площади, где накануне происходили главные беспорядки. Внушительный вид кавалерийского строя подействовал успокоительно на толпу; площадь была очищена без сопротивления; в кучках любопытных, собиравшихся в разных частях города в виду расставленных войск, не проявлялось уже ничего враждебного. Начавшийся после полудня сильный дождь окончательно водворил спокойствие в улицах города.

Между тем прокурорским надзором производилась разборка арестованных. Значительнейшее число их оказалось захваченными случайно, и потому было освобождено. Вообще не оставалось сомнения в том, что в происшедших беспорядках не было и тени какого-либо политического побуждения; это был исключительно взрыв народного негодования на полицию, отличавшуюся в Харькове своим дурным устройством и бессильную для действительного охранения порядка в большом городе. Нераспорядительность же самого губернатора дала случайной вспышке буйства пьяной толпы развиться в настоящий двухдневный бунт. При этом выказались во всей ясности неудобства существовавших отношений между военными и гражданскими властями, поставленными в странный между собою антагонизм. Генерал Карцов горько жаловался на то невыносимое, фальшивое положение, в котором он находился во все время харьковских беспорядков, оставаясь пассивным свидетелем народного буйства в виду войск, стоявших с

ружьем у ноги. В представленной генералом Карцовым по этому случаю записке[441] указывалось вообще на странные отношения, существовавшие между военными и гражданскими властями в губернии. Эти ненормальные отношения и прежде уже не раз подавали повод к пререканиям и неприятным столкновениям; они высказались и в настоящем случае: Крапоткин, молодой генерал, недавно еще работавший в одном из отделений Главного штаба, сделавшись губернатором, принимает на себя роль главного начальника в губернии, представителя высшего правительства, и считает своим долгом для поддержания губернаторского достоинства держать себя надменно даже пред старым генерал-адъютантом, занимающим несравненно более высокий пост в государственной иерархии. Во все время беспорядков в Харькове Крапоткин систематически избегал даже встречи с генералом Карцовым. К последнему приезжали и прокурор, и даже архиерей, чтоб уговаривать его принять на себя распоряжения для спасения города от дальнейшей неурядицы; губернатор же не входил ни в какие сношения с главным военным начальником и отклонял все его предложения помощи.

Записку генерала Карцова я представил Государю и по его приказанию передал копии с нее Тимашеву и графу Шувалову. Но и на этот раз мои настояния об установлении более нормальных отношений между губернаторами и местным военным начальством остались без успеха. Тимашев и граф Шувалов упорно отстаивали принцип преобладания гражданской власти в губернии и полной независимости ее от военной. Они ревниво ограждали важность губернатора в глазах обывателей и проводили постоянно ту ложную фикцию, что губернатор есть в губернии представитель самой верховной власти. Всякий раз, когда по приказанию Государя поднимался вопрос об установлении более рациональных правил для действия гражданских и военных властей в случаях возникновения где-либо беспорядков или бунта, Тимашев и граф Шувалов, а за ними и большинство Комитета министров клонили к тому, чтобы до последней крайности удерживать за гражданскими властями все распоряжения до того момента, когда уже приходится неизбежно скомандовать войскам стрелять или идти в штыки. Таким образом; за военными начальниками оставлялась неблагодарная роль слепых исполнителей распоряжений гражданского начальника, к сожалению, распоряжений; часто весьма неудачных. В большей части случаев военному начальству предоставлялось дей-

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович

ствовать только в минуту последней крайности, когда дело уже испорчено нераспорядительностию полиции и гражданских властей.

Граф Шувалов и сподручники его, во всяком случае, сколько-нибудь выходившем из нормального течения дел (или, точнее, из обычной мертвенной инерции), подозревали скрытые политические пружины, искали тайных подстрекателей. Так и харьковские беспорядки первоначально хотели они выставить как новое проявление революционных и анархических попыток. Однако ж произведенное формальное расследование рассеяло всякие подобного рода подозрения.

В конце Святой недели, 21 апреля, происходил в залах Зимнего дворца обычный смотр государем топографических и картографических работ Военного министерства и гидрографических морско-

го ведомства, а на Фоминой неделе, 26-го апреля — большой смотр войскам на Марсовом поле. В этот день последовали назначения: Наследника Цесаревича — начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, а генерал-адъютанта Дрентельна — командующим войсками Киевского округа, на место генерал-адъютанта Казлянинова, назначенного членом Военного совета.

30-го числа Государь переехал в Царское Село; впрочем, на несколько только дней, так как на 6 мая уже назначен был отъезд Его Величества опять в Крым. В продолжение этой недели почти каждый день Государь приезжал в Петербург для бригадных учений, производившихся на Семеновском плаце поочередно всем расположенным в городе войскам. 6 мая утром Государь выехал из Царского Села в экипаже на Колпинскую станцию Николаевской железной дороги; оттуда проехал безостановочно до Одессы и затем на пароходе прибыл в Ялту 10-го числа утром.

Накануне этого дня приехал также на Южный берег Крыма великий князь Михаил Николаевич со своим семейством.

За несколько дней до отъезда Государя в Крым в заседании Комитета министров (2 мая) граф А.В. Адлерберг обратился ко мне с вопросом: не расстроит ли моих занятий и планов желание Государя, чтобы я приехал в Крым ко времени выезда оттуда Его Величества для сопровождения его на обратном пути? Вопрос этот несколько удивил меня; я ответил, что исполню волю Государя не только по долгу, но с истинною радостию. Оказалось, что граф Адлерберг, обыкновенно сопровождавший Государя во всех его поездках и как бы заменявший при нем военного министра, должен был на этот раз остаться в Ливадии при императрице. При первом после того докладе моем в Царском Селе (в четверг, 4-го числа) Государь сам объявил мне о своем желании, чтобы я приехал в Крым к 25-му числу — дню выезда оттуда Его Величества. Я доложил, что прибуду в Ливадию за несколько дней до назначенного числа и что исполнение этого приказания тем приятнее для меня, что оно дает мне случай повидаться с моею семьей, которая и в этом году собиралась провести лето в Крыму, в том же самом имении князя Голицына-Остермана, Меласе, где провела так приятно прошлогоднее лето.

Выезд жены моей из Петербурга, по разным домашним соображениям, не мог быть назначен ранее 10 мая; а между тем для дочери моей Ольги врачи советовали выехать из Петербурга как можно

ранее. С.П. Боткин предложил ей поместиться на первое время вместе с его семьей на даче в окрестностях Ялты (по дороге в Масандру). Больная жена его Настасья Александровна с детьми переехала туда в конце апреля. Сам Сергей Петрович жил в Ливадии, так как здоровье императрицы требовало постоянных забот с его стороны; но вечера он обыкновенно проводил в своей семье. Оказывая дружескую заботливость о здоровье моей дочери Ольги, он убеждал ее скорее приехать в Ялту. Предложение его было принято с благодарностью, и 1 мая Оля выехала из Петербурга. Чтобы не утомиться в дороге, она ехала с остановками: в Москве провела четыре дня в семье покойного своего дяди; в Киеве — два дня, в семье Гудима-Левковича, и наконец день в Одессе, у своей тетки Мордвиновой; 12 мая прибыла в Ялту, прямо на дачу Боткиных. Здесь нашла она самый радушный прием. Старшая сестра ее Елизавета навещала ее каждый день; иногда брала ее с собой в Ливадию.

Третья дочь моя, Надежда, выехала из Петербурга 6 мая, вместе с приятельницей своей М.Н. Вельяминовой и больной ее племянницей княжной Вяземской в тамбовскую их деревню Лотарёво (в 30 верстах от железнодорожной станции Грязи). У них провела она около двух месяцев, наслаждаясь тихой деревенской жизнью, в ожидании случая для переезда в Крым.

Наконец 10 мая выехала из Петербурга и жена моя с тремя младшими детьми (двумя дочерьми и племянницей Понсэ), на этот раз уже без их неотлучной наставницы О.И. Винтер, которая пожелала провести лето у своих старых родственниц в Финляндии. С половины мая большая часть моей семьи водворилась в своем возлюбленном Меласе.

После отъезда всей моей семьи из Петербурга* я оставался в одиночестве лишь несколько дней. 15 мая выехал и я по Николаевской железной дороге. В Москве провел я один день, в семье покойного моего брата, уже собиравшейся на лето в подмосковное имение «Райки», некогда принадлежавшее отцу моей невестки[442]. Пользуясь этою остановкой, я осмотрел помещения, приготовлявшиеся для военного отдела предстоявшей в Москве большой «политехнической выставки». Продолжая затем свой путь безостановочно, я рассчитывал приехать в Одессу 20-го числа, накануне отхода оттуда срочного парохода с тем, чтобы провести один день с сестрою Мордвиновой. Каково же было мое удивление, когда около полу-

---

* Сын мой находился в Красном Селе.

ночи с 19-го на 20-е число, во время остановки поезда на станции Бирзула, я был разбужен голосом вбежавшего ко мне в вагон мужа моей сестры Семёна Александровича, который объявил мне, чтобы я поспешил выйти, если желаю хоть на минуту увидеть свою сестру. Впросонье, не понимая, в чем дело, выскочил я из своего вагона и увидел пред собой сестру, стоявшую на подножке одного из вагонов встречного поезда, который готов уже был тронуться с места. В ту минуту, как мы бросились в объятия друг друга, раздался голос кондуктора, что поезд трогается; сестра поспешила войти в свой вагон, и поезд ушел, а я остался как ошеломленный, недоумевая, было ли наяву или во сне это мгновенное свидание. Мне не верилось, чтобы сестра могла выехать из Одессы, не дождавшись несколько часов до моего приезда и даже не предварив меня о своем выезде. Тем более казалось это странным, что незадолго пред тем ее муж Семён Александрович, приезжавший на короткое время в Петербург, не говорил ни слова о каких-либо предположениях или обстоятельствах, могущих объяснить такой внезапный выезд. Только уже по приезде в Одессу узнал я из письма, оставленного на мое имя сестрой, что муж ее, получив назначение на должность председателя судебной палаты в Саратове, спешил переездом на новое место; сама же она, с ребенком, отправляется на лето в псковскую деревню Никольское. Чрезвычайная поспешность выезда вынуждалась особыми семейными обстоятельствами, которые не буду здесь объяснять и которые произвели на меня в то время самое грустное впечатление. Мне не хотелось оставаться лишний день в Одессе, и я поспешил воспользоваться, по предложению генерала Коцебу, отходившим в этот же день, в час пополудни, экстренным пароходом «Константин», назначенным для переезда великого князя Михаила Николаевича с его семьей из Ялты в Поти. На этом прекрасном пароходе доехал я в 17 часов времени до Ялты, куда прибыл 21-го числа, в воскресение, в 9-м часу утра.

На Ялтинском рейде встретили меня на придворном катере дочери мои Елизавета и Ольга, с которыми доехал я в экипаже до Ливадии. Сейчас же облекся я в подобающую форму и представился Их Величествам пред выходом их к обедне. Во время церковной службы дали мне знать, что в квартире дочери моей Елизаветы ожидала меня жена, только что приехавшая ко мне навстречу из Меласа. Весь тот день провели мы вместе в Ливадии и ездили к Боткиным, чтобы поблагодарить их за оказанное моей дочери Ольге радушное гостеприимство.

В Ливадии отведено было мне помещение в нижнем этаже уютного дворца Наследника Цесаревича, где я и переночевал; жена же с дочерью Ольгой приютилась в тесном помещении дочери Елизаветы. На другой день, 22-го числа, в понедельник, имел я личный доклад у Государя, и потом отправился вместе с женой и обеими дочерьми в Мелас, где провел двое суток. Эти два дня были для меня истинною отрадой; в особенности же радовало меня положение, в котором нашел я Олю: она удивила меня своею бодростью, свежестью, хорошим расположением духа.

25-го мая возвратился я в Ливадии. В тот же день вечером назначен был отъезд Государя на пароходе прямо в Одессу. Морские путешествия признавались весьма полезными для здоровья императрицы, а потому Ее Величество решилась проводить Государя до Одессы вместе с великою княжной Марией Александровной. При них находилась одна только графиня А.А. Толстая. По прибытии на другой день в Одессу Государь со свитою отправился с пристани прямо на станцию железной дороги, а императрица, не выходя вовсе на берег, немедленно отплыла на том же пароходе обратно в Ялту, вполне довольная своею двухдневною прогулкой по морю.

Из Одессы мы ехали чрез Киев, Курск и Москву, нигде не останавливаясь. Погода была чрезвычайно жаркая; много наглотались мы пыли. Каждый день по утрам в известный час докладывал я Государю, частию по делам, привезенным с собою из Петербурга, частию по тем, которые вновь привозили встречные фельдъегеря.

29 мая утром с Колпинской станции Государь проехал в экипаже в Царское Село, а я продолжал путь по железной дороге в Петербург, где нашел у себя в кабинете кипы накопившихся в двухнедельное мое отсутствие бумаг и конвертов, а также сына, прибывшего с батареей из Красного Села по случаю предстоявшего на следующий день торжества в Петербурге.

ЮБИЛЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И МОСКОВСКАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА (30 МАЯ — 12 ИЮНЯ)

Двухсотлетний юбилей рождения императора Петра Великого был отпразднован в Петербурге с особенною торжественностию, по программе, проектированной в особой комиссии, под председательством генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева. 30 мая уже с 7 часов утра пушечные выстрелы с крепости возвестили городу о предстоявшем великом торжестве. В 9 часов утра к До-

мику Петра Великого на Петербургской стороне собрались придворное духовенство и депутации от дворянства, земства и города для торжественного перенесения в Петропавловский собор хранящейся в Домике иконы Спасителя, сопровождавшей Петра Великого во всех походах и путешествиях. Хранящаяся там же лодка его была перевезена на барже к пристани у Невских ворот крепости, а из Арсенала перенесены в собор другие сохранившиеся вещи великого преобразователя России: его мундир, орденские знаки, шпага, шляпа (простреленная в Полтавском сражении). Все эти исторические достопамятности были размещены в соборе на подушках вокруг гробницы Петра. К $9^{1}/_{2}$ часам собрались в соборе Императорская фамилия, члены Государственного совета, министры, первые и вторые чины Двора; у входа в собор расставлены взводы из нижних чинов и офицеров тех полков, которые получили свое начало со времен Петра. Внутренность собора и самая гробница великого Государя были украшены венками и гирляндами.

В 10 часов утра прибыл в крепость Государь и началась панихида, по окончании которой Его Величество возложил на гробницу вычеканенную по этому случаю медаль. Затем из собора тронулась процессия к пристани, где ожидала целая флотилия разных судов. Все достопамятности петровские, собранные у гробницы, были перевезены чрез Неву к Петровской пристани в сопровождении духовенства, великих княгинь и свиты их, при звуках церковного пения, пушечных выстрелов с крепости и музыки на судах, стоявших в два ряда вдоль всего пути процессии. Несметные толпы народа наполняли набережные; все суда расцветились разноцветными флагами.

Между тем Государь со свитою своей переехал из крепости в экипаже на Петровскую площадь, на которой были выстроены войска, приведенные еще 25 мая из Красносельского лагеря. Всего было в строю 58 батальонов, $40^{1}/_{2}$ эскадрона и 122 орудия. Войска стояли в колоннах между памятником Петра Великого и Исакиевским собором, также по примыкавшим к площади улицам и пред дворцом великой княгини Марии Николаевны у Синего моста. Для публики устроены были места вдоль Адмиралтейского бульвара, пред фасадами Сената, Синода, Конно-гвардейского манежа и дома Военного министерства. Везде развевались флаги; балконы и окна украшены коврами и гирляндами. В Исакиевском соборе к $10^{1}/_{2}$ часам собрались чины всех ведомств и разные депутации, а в здании Сената приготовлены места для дипломатического корпуса.

Государь, объехав верхом все войска, со своею многочисленною свитою остановился у пристани, к которой к тому времени приближалась процессия на судах. При выходе процессии на площадку пред памятником раздалась команда Государя: «На караул!», и воздух огласился криками «ура». Государь со свитою сопровождал двигавшуюся к Исакиевскому собору процессию между двух рядов густых колонн пехоты, а позади их толпы народа.

В Исакиевском соборе отслужена была литургия, после которой шествие с иконою Спасителя и петровскими достопамятностями снова двинулось из собора к памятнику Петра Великого. Здесь, у самого подножия памятника, отслужено было молебствие, с провозглашением вечной памяти Петру I, при колокольном звоне и громе выстрелов всей артиллерии, расположенной по набережной Васильевского острова, также с крепости и стоявших на Неве военных судов. По окончании церковного обряда духовенство с иконой возвратилось в Исакиевский собор, а войска начали перестраиваться для церемониального марша. Государь сошел с лошади и вошел в здание Сената, где заняли места и великие княгини. Когда войска приготовились к прохождению мимо памятника, Государь сел опять верхом и стал со всею свитой по правую сторону памятника; войска проходили между этим последним и набережной Невы. По окончании церемониального марша знамена и петровские достопамятности были отнесены на суда и перевезены обратно в крепость, а Государь проехал в Казанский собор, помолился там и остался до вечера в Аничковском дворце.

Лишь только кончилось утреннее торжество, начался на Царицыном лугу (Марсовом поле) народный праздник, а на Неве — гонка гребных судов. На Царицыном лугу, кроме обычных для простого народа забав, расставлены были вдоль всей линии домов тридцать больших картин, изображавших разные эпизоды из жизни великого императора. Картины эти привлекли к себе главное внимание народа. В 8 часов вечера приехал на Царицын луг сам Государь с великим князем Николаем Николаевичем и шагом проехал вдоль линии картин, при восторженных криках «ура». Город осветился шкаликами, яркими щитами, и в разных местах расставлены были хоры военной музыки.

На ночь Государь возвратился в Царское Село. Войска, собранные в Петербург по случаю торжества, на другой же день все возвратились в лагерь, так что Красносельской железной дороге при-

шлось в течение одних суток перевезти почти всю пехоту, пока кавалерия и артиллерия двигались эшелонами по двум дорогам.

В ряду обычных у нас и слишком частых официальных церемоний и празднеств, большею частию лишенных всякого внутреннего содержания, торжество 30 мая 1872 года составляло блестящее исключение. Оно было внушительно и по своему историческому смыслу, и по своей внешней обстановке. Воспоминание о великом царе-преобразователе как будто расшевелило всю Россию и возбудило на время — правда, весьма короткое — патриотический энтузиазм. В некоторых местностях, преимущественно связанных с замечательною деятельностью великого Государя, торжеству была придана особенно эффектная обстановка. Как в самый день 30 мая, так и на следующий день, происходили специальные собрания разных ученых обществ и публичные чтения, посвященные исключительно памяти Петра Великого. Изданные по этому случаю брошюры расходились в большом числе даже в простом народе.

В Москве день 30 мая был отпразднован торжественным открытием Политехнической выставки. Избранный в почетные президенты выставки великий князь Константин Николаевич после молебствия у главного входа на выставку со стороны Москвы-реки встретил торжественно перевезенный из Петербурга с особенными почестями знаменитый «ботик Петра Великого»*. В присутствии великого князя ботик был вынесен на берег и поставлен на самом почетном месте морского отдела выставки. Почетные часовые при ботике были костюмированы в современную Петру Великому форму обмундирования и обучены тогдашним ружейным приемам.

По случаю выставки в Москве строилась временная железная дорога военными командами под главным руководством генерал-майора Анненкова. Подобно прошлогоднему опыту на Красносельских больших маневрах, М.Н. Анненков предложил вторично испытать возможность быстрой постройки железных дорог означенными командами при помощи простых рабочих от пехотных полков Московского гарнизона. Материальные средства опять были доставлены безвозмездно купцом Варшавским. По соглашению с городским управлением положено было устроить дорогу в пределах города для конного движения от Театральной площади до станции Московско-Брестской железной дороги (у Тверской

* В Петербурге церемония перевозки ботика из Домика Петра Великого на железную дорогу происходила 28 мая, еще до возвращения Государя из Крыма.

заставы), а далее для парового движения мимо Петровского дворца и Петровского-Разумовского до соединения с Николаевскою железною дорогой на 9-й версте от Москвы. К работам приступлено было 26 мая при составе команд в 500 человек и ежедневном наряде рабочих от двух пехотных полков по 750 человек от каждого. Все протяжение дороги имело около 10 верст. При кипучей распорядительности генерала Анненкова работы пошли так живо, что к 7 июня дорога уже была готова и осмотрена экспертами, а вслед за тем началось по ней движение.

После торжества 30 мая Государь прожил неделю в Царском Селе, куда и я приезжал со своими докладами. 4 июня, в Троицын день, по случаю полкового праздника Измайловского полка Его Величество прибыл утром в Красносельский лагерь прямо к церковному параду у лагерной церкви 1-й гвардейской пехотной дивизии. По окончании молебствия и парада по заведенному порядку Государь обошел столы, расставленные под лагерными навесами, для солдатского обеда и, взяв чарку водки, выпил за здоровье полка. Затем происходил объезд лагеря, а несколько позже все офицеры Измайловского полка, начальствующие лица и свита были приглашены к царскому обеду в столовой палатке в Красном Селе.

К этому времени, то есть к началу июня, относится присвоение мне нового звания «почетного члена Николаевской академии Генерального штаба». Вот по какому поводу была оказана мне совершенно для меня неожиданно такая лестная почесть.

Еще в 1869 и 1870 годах по случаю празднования пятидесятилетних юбилеев Николаевского инженерного и Михайловского артиллерийского училищ я был удостоен в числе многих других лиц звания почетного члена Инженерной и Артиллерийской академий. В конце 1871 года последовало по Высочайшему повелению назначение фельдмаршалов графа Мольтке и князя Барятинского почетными членами Николаевской академии Генерального штаба. На основании этих прецедентов Конференциею этой последней академии возбужден был в начале 1872 года вопрос о предоставлении Конференциям всех трех военных академий права избирать почетных членов с испрошением, конечно, Высочайшего утверждения таких избраний. На ходатайство это последовало Высочайшее соизволение, которое было объявлено в приказе по военному ведомству 29-го мая. Но Конференция Николаевской академии Генерального штаба еще прежде этого опубликования

воспользовалась новым своим правом и в заседании 4 мая единогласно постановила ходатайствовать о назначении меня почетным членом академии во внимание как к прежним моим трудам по службе в самой академии, так и к участию, принятому мною уже в звании военного министра, в современной постановке учебной части этого заведения. Ходатайство это было утверждено Государем 1 июня и вместе с тем разрешено, по желанию той же Конференции, поместить мой портрет в залах академии.

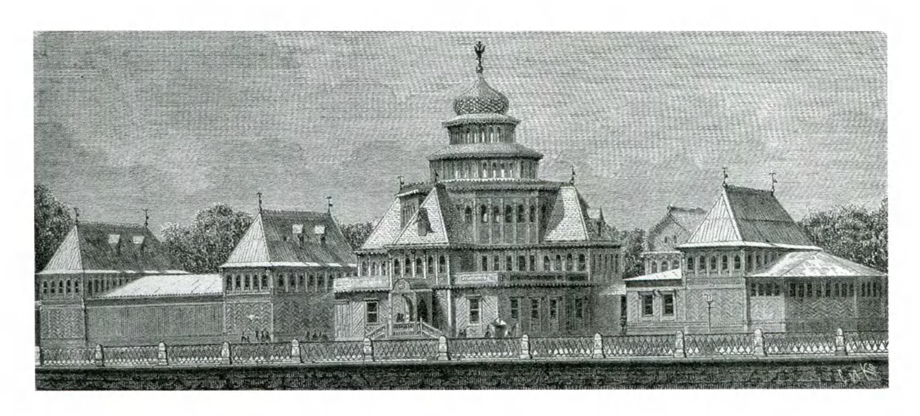
Вследствие этого почти в одно и то же время снимались с меня портреты как для Военно-топографического отдела Главного штаба, так и для Академии Генерального штаба художниками Тюриным и Александровым, к которым пришлось мне ездить по нескольку раз. Впрочем, я должен им обоим отдать справедливость в том, что они не требовали от меня слишком много времени, зная, что у меня не имелось ни одного часа в запасе.

6 июня назначен был выезд Государя в Москву по случаю устроенной там «Политехнической выставки». Сопровождали Его Величество Наследник Цесаревич, цесаревна и великий князь Владимир Александрович. Свиту составляли кроме меня генерал-адъютант граф Шувалов, Свиты Е. В. генерал-майоры Рылеев, Воейков и Салтыков, флигель-адъютанты князь Мещерский и граф Адлерберг, лейб-медик Карел; а при Их Высочествах — фрейлина гарфиня Апраксина, доктор Гирш, адъютанты граф Шереметьев, граф Олсуфьев и Скарятин. Мой адъютант князь Гагарин ехал в передовом поезде.

Выехав с Колпинской станции в 9 часов утра, мы прибыли в тот же день в 12-м часу ночи в Москву, в Кремлевский дворец. На другой день, 7-го числа, я встал ранее обыкновенного, чтобы успеть предварительно ознакомиться с расположением и устройством Военного отдела выставки, прежде осмотра его Государем. Начав в 8 часов с павильонов, расположенных в самом Кремле, я спустился Тайницкими воротами в главный павильон, возведенный на набережной Москвы-реки, рядом с Морским отделом, и вернулся во дворец к часу, назначенному для «выхода».

По заведенному порядку после выхода следовало шествие по соборам, затем развод на Театральной площади*, а с 3 часов до 5 —

* Площадка в Кремле, на которой обыкновенно производился развод, была в это время занята под выставку.



Здание Исторического отдела Московской политехнической выставки

первый осмотр выставки. Государь подъехал со стороны Иверской к главным воротам в 1-й Кремлевский сад, где ожидало его все начальство, представители и распорядители выставки и многочисленная публика. В первый день осмотрены были разнообразные павильоны, разбросанные в первом Кремлевском саду и Машинный отдел в Манеже (Экзерциргаузе). Осмотр был, конечно, быстрый и поверхностный. Мы все, составлявшие свиту, буквально бежали в хвосте толпою, толкаясь и ничего почти не видя. С выставки Государь ездил еще по городу; к обеду были приглашены главные начальствующие лица, а вечером дан блестящий бал у генерал-губернатора князя Долгорукова*.

Прямо с бала Государь переехал в загородный дворец Александрию (Нескучное)[443], где и оставался до 9-го числа. Во все пять дней пребывания в Москве не было часа для отдыха: непрерывная суета, скачка взад и вперед, то в Кремль, то в Нескучное, то на Ходынку и в Петровский дворец. Во второй день пребывания в Москве Государь вторично осматривал выставку, с 1 часа до $4^1/_2$. Начав от Боровицких ворот, он обошел 2-й и 3-й сады и закончил Историческим павильоном, устроенным при выходе из 3-го сада на набережную Москвы-реки. Павильон этот был посвящен преимущественно воспоминаниям о Петре Великом и более всего другого привлек внимание Государя. Профессор Соловьёв давал пространные объяснения всех собранных достопамятностей.

---

* В автографе далее зачеркнуто: «славившегося своим умением угощать на славу» (*примеч. публ.*).

Здание Военного отдела Московской политехнической выставки

В тот же день был большой парадный обед в Кремлевском дворце; вечером Государь посетил Большой театр. В подобных случаях и я позволял себе иногда пользоваться этим приятным развлечением, недоступным для меня в обычной моей трудовой жизни в Петербурге.

9 июня Государь переехал из Александрии в Петровский дворец. В 1 час пополудни происходил на Ходынке большой смотр войскам, собранным в лагере. В строю находились 1-я гренадерская и 18-я пехотная дивизии в полном составе с их артиллерией, два полка 3-й пехотной дивизии и дивизион драгун*. Погода была превосходная; как всегда, собралась масса зрителей. По окончании смотра Государь взглянул на устроенную военными командами временную железную дорогу и приказал объявить в приказе Высочайшее благоволение генерал-майору Анненкову и всем лицам, участвовавшим в работе под его руководством. К обеду в Петровском дворце приглашены были в этот день командиры всех

* В автографе далее зачеркнуто: «18-я дивизия в первый раз имела случай представиться Его Величеству. Смотр удался вполне» (*примеч. публ.*).

частей войск, участвовавших на смотру. Вечером дан большой бал в Дворянском собрании; громадная зала была битком набита.

10 июня — третье посещение выставки Государем. На этот раз осмотрены были, с 2 до 5 часов, все части выставки, расположенные вдоль набережной Москвы-реки: Морской, Военный и Железнодорожный отделы. В Морском отделе более всего обратили на себя внимание опять исторические воспоминания: разные картины, модели старинных судов, а в особенности знаменитый ботик Петра Великого с охранявшими его костюмированными часовыми. В Военном отделе также были некоторые исторические достопамятности, как-то: орудия, оружие, сбруя, обмундирование. Впрочем, Государь и его свита с любопытством останавливались и на мастерских патронной и обмундировальной. Обе эти мастерские были так устроены, что публика могла видеть весь ход работ и самое действие машин. Выйдя на набережную Москвы-реки, Государь смотрел действие большой пожарной помпы, а затем работы сапер, разводки и наводки моста чрез реку. Операция эта возбуждала особенное любопытство московской публики.

В тот же день после роскошного обеда у князя Долгорукова Государь посетил временно устроенный на Лубянской площади «Народный театр», а потом еще концерт, данный в зале Дворянского собрания учениками и ученицами Московской музыкальной консерватории.

Наконец 11 июня, в последний день своего пребывания в Москве, Государь докончил осмотр выставки обзором расположенных в самом Кремле остальных павильонов Военного отдела: топографического, инженерного, интендантского и санитарного, особого павильона Красного Креста и Севастопольского, который наиболее заинтересовал Государя близкими его сердцу и тяжелыми воспоминаниями достопамятной эпохи[444].

Пока Государь еще осматривал выставку, в 4 часа начался народный праздник на Ходынке. К сожалению, успеху его помешал проливной дождь, разогнавший часть толпы еще до приезда Государя. Однако ж около 8 часов вечера, когда Его Величество вместе с наследником, цесаревною и великими князьями Владимиром Александровичем и Константином Николаевичем показались на балконе приготовленного для Царской фамилии красивого павильона, оглушительное «ура» раздалось в толпе, и праздник закончился с полным успехом. В 9 часов вечера Государь с прочими

членами царского семейства и свитой оставили павильон и переехали по временной военно-железной дороге прямо чрез Петровское-Разумовское на станцию Николаевской дороги.

На другой день, 12 июня, Государь возвратился в Царское Село, а я к себе в Петербург.

В Москве имел я случай опять повидаться с вдовою покойного моего брата Марией Аггеевной Милютиной, которая приехала из деревни в Москву 6 июня, в день рождения покойного своего мужа, чтоб отслужить панихиду на его могиле. Узнав о моем приезде в Москву, она осталась в городе на следующий день и после нашего короткого свидания уехала обратно в «Райки» со своею сестрой Верой Аггеевной Абазой. Невестка моя жаловалась на неудовлетворительное состояние своего здоровья и потому собиралась в конце месяца отправиться за границу, чтобы посоветоваться с доктором Реап (который в 1870 году произвел ей так удачно операцию), и потом ехать на воды, куда он укажет.

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ (12 ИЮНЯ — 18 ИЮЛЯ)

С 12 июня началась обыкновенная моя летняя кочевая жизнь между Петербургом, Царским Селом, Петергофом и Красным Селом. Дома у меня было совершенно пусто; в городе не оставалось никого из приятелей и близких знакомых. Даже все мои ближайшие помощники разъехались: граф Гейден отдыхал от своих тяжелых трудов в подольском имении, где проводила лето его семья; Д.С. Мордвинов, Э.И. Тотлебен, Н.И. Козлов уехали лечиться за границу; М.П. Кауфман, Н.В. Исаков были в разъездах по России. Оставался пока в Петербурге один А.А. Баранцов; но и тот собирался позже съездить в Дубельн. Поэтому деятельность в министерстве в это время заметно сократилась; да и мне самому за беспрерывными переездами оставалось очень мало времени на серьезные занятия; даже не много приходилось быть в Петербурге. Пока Государь жил в Царском Селе, я навещал жившую там больную тетку Е.Н. Киселёву, положение которой возбуждало большие опасения; вскоре она и скончалась.

16 июня назначен был отъезд цесаревны с ее детьми в Копенгаген. Государь и Наследник Цесаревич проводили ее до Кронштадта, где в тот же день назначен был смотр судам, возвратившимся из Тихого океана. После смотра цесаревна отплыла на яхте «Штандарт»; Государь возвратился чрез Петербург в Царское

Село, а наследник (принявший в этом году начальство 1-й гвардейской пехотной дивизией) — в Красносельский лагерь.

18-го числа, в воскресный день, Государь приехал утром в лагерь, к обедне в лагерной церкви 2-й гвардейской пехотной дивизии; по окончании церковной службы произведен был лагерный развод при одном из полков той же дивизии. В следующие два дня, 19-го и 20-го, происходили Высочайшие смотры и учения тем полкам, которые не участвовали в бригадных учениях, произведенных Государем еще до поездки в Крым. 21 июня справлялся в Красном Селе обычным порядком полковой праздник лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, и в тот же день Государь возвратился в Царское Село, чтобы дать время войскам Красносельского сбора докончить прерванные учебные занятия по утвержденной программе.

В этом году, так же как и в прошлом, съехалось в Красное Село много иностранных офицеров. Представителем германской армии был принц Гогенло-Ингенфильд, прибывший с пятью офицерами разных оружий, от Австрии — приехал эрцгерцог Вильгельм, которого Государь встретил 27-го июня на Царскосельской станции железной дороги. На другой день его приезда в Царском Селе дан в честь эрцгерцога большой парадный обед. Эрцгерцог Вильгельм, облеченный званием генерал-инспектора всей артиллерии австрийской, был еще молодой человек, весьма любезный и обходительный.

29 июня — опять торжество: открытие в Павловске памятника императору Павлу I. По этому случаю приведены были туда из Красносельского лагеря части войск, по одной роте от каждого из пехотных полков, по одному взводу из кавалерийских и две батареи гвардейской артиллерии. После молебствия у памятника войска прошли мимо последнего церемониальным маршем, и закончилось торжество завтраком во дворце.

На другой день, 30 июня, утром, Государь неожиданно приехал в лагерь, вызвал войска по «тревоге» и произвел им общий маневр с воображаемым противником. 3 июля Его Величество вторично ездил в Кронштадт и произвел смотр судам Балтийского флота. С 5 же июля начались ежедневные смотры и учения в Красном Селе: в этот день происходил общий смотр всем войскам Красносельского сбора; на другой день, 6-го числа, — смотр стрельбы всей артиллерии, и затем целый ряд учений по утрам и вечерам.

9-го числа, в воскресение, назначена была офицерская скачка. Стечение публики из Петербурга и окрестностей было на этот раз еще больше обыкновенного: особенное любопытство возбудила входившая в программу 4-верстная скачка со всевозможными, небывалыми еще препятствиями. В этой скачке опять участвовал мой сын, который сам подготовил к ней свою лошадь. Для этого он должен был каждую ночь ездить верхом из Красного Села в Царское, где стояла его «Изабелла», и объездив ее, возвращаться в Красное Село, также верхом, так чтобы не опоздать к утреннему учению. Необыкновенная эта настойчивость была блистательно вознаграждена: ему достался первый Императорский приз (большой серебряный самовар и 3 тыс. руб. деньгами), тогда как многие из конкурентов его поплатились дорого за свою отважность: иные лишились своих лошадей, другие подняты были сами без чувств и искалечены. Победитель был приветствован восторженными криками многочисленных зрителей, поздравлениями в царской трибуне, объятиями друзей и товарищей. Однако ж многие обращались ко мне с упреками в том, что я допускаю своего сына подвергаться таким опасным испытаниям. По этому поводу получил я из Москвы весьма оригинальное письмо от известного нашего старого профессора Погодина, который излил свое негодование со свойственным ему своеобразием: «Это ни на что не похоже! Легенда о Вильгельме Телле смущает до сих пор людей, а петербургская скачка сто́ит Геслерова яблока! Боже мой! какая страшная петербургская атмосфера: как могли вы решиться на подобную пытку!..»[445] и т. д. Впрочем, и не один этот чудак Девичьего поля восстал против чрезмерно рискованных экспериментов нашего генерал-инспектора кавалерии над удальством офицеров. После скачки, когда офицеры гвардейской конной артиллерии собрались в своей артельной избе, чтобы отпраздновать победу товарища, они взяли с него слово, что впредь он никогда более не будет участвовать в скачках с препятствиями, и чтобы закрепить данное им обещание, сейчас же уведомили меня об этом телеграммою из Павловской Слободы в мою красносельскую квартиру за подписью самого командира гвардейской конной артиллерии генерал-майора Губского.

Среди самого разгара Красносельских военных занятий, 7 июля, получил я извещение из Петербурга о приезде туда невестки моей Марии Аггеевны Милютиной с младшею дочерью. Приезда ее ожидали еще к 25 июня ее брат Александр Аггеевич Абаза и сестра Вера Аггеевна, с которыми она предполагала отправиться

за границу; но так как она со дня на день откладывала свой выезд из деревни, то уже не застала в Петербурге ни брата, ни сестры. В самый день ее приезда я не имел возможности быть в Петербурге и только на другой день, в субботу, после утреннего учения, съездил в город на несколько часов, чтобы по крайней мере проводить свою невестку на станцию железной дороги. Дня чрез два получил я по телеграфу известие, что она, доехав до Диршау, почувствовала себя так дурно, что должна была тут остановиться и потом с трудом доехала до Берлина, куда поспешила возвратиться и сестра ее, Вера Аггеевна Абаза. Более недели пробыли они в Берлине и затем отправились вместе в Париж.

Красносельские большие маневры должны были начаться 14 июля, а 18-го уже назначен был выезд Государя в Крым. С приближением этого времени я находился в полном недоумении относительно своих собственных планов. Не хотелось мне во все время отсутствия Государя оставаться в пустынном Петербурге, в отдалении от семьи; а проситься в отпуск и жить на отдыхе в Меласе казалось мне неблаговидным в то время, когда предстояли Высочайшие смотры войскам в южных и западных округах. Кроме того, была у меня еще забота: дочь моя Надежда, которая провела уже более двух месяцев у своих друзей в Тамбовской губернии, ожидала случая, чтобы переехать оттуда в Крым в свою семью. Гостеприимные хозяева, приютившие ее в своем деревенском затишье, не решались ни отпустить ее одну в дорогу, ни проводить ее, напуганные преувеличенными слухами о холере, будто бы свирепствовавшей в южных губерниях.

Только 11-го числа, то есть за неделю до предстоявшего отъезда Государя, выведен я был из тяжелого недоумения. В этот день, после утреннего учения в Красном Селе (как помнится, корпусного маневра) Государь поехал оттуда по железной дороге в Ораниенбаум, чтобы проститься с великими княгинями Еленой Павловной и Екатериной Михайловной, которые сами собирались к отъезду за границу. Это был мой докладной день; доклад назначен был мне во время переезда в вагоне, — и тут только предложено было мне Государем сопровождать его во время предстоявших поездок и смотров. Смотры эти были назначены первоначально в Москве на пути в Крым, а затем в разных пунктах сбора войск по пути из Крыма в Берлин, куда Государь предполагал съездить в исходе августа. Впрочем, предположение об этой заграничной поездке в то время сохранялось еще в большой тайне. Конечно, я был весьма

обрадован предложением Его Величества, выводившим меня из неудобного положения; но я испросил разрешение после московских смотров ехать в Крым отдельно, дабы иметь возможность заехать за дочерью в Тамбовскую губернию. Государь весьма охотно дал на это свое согласие, и таким образом все мои заботы и колебания сразу уладились.

Поездка в Ораниенбаум также была для меня весьма приятна; она доставила мне удобный случай откланяться великим княгиням, которые всегда оказывали мне самую любезную внимательность. Во время завтрака (за которым не было никого посторонних, кроме меня*) после тостов в честь трех именинниц (великой княгини Ольги Фёдоровны, королевы Вюртермбергской Ольги Николаевны и королевы Греческой Ольги Константиновны) благодушная хозяйка вспомнила, что в этот день есть и в моей семье именинница, и с обычною своею любезностию предложила выпить за здоровье моей дочери Ольги. Я был тронут до глубины души вниманием великой княгини Елены Павловны и благосклонным сочувствием, с которым ее тост был принят присутствовавшими членами царской семьи.

12 и 13 июля войска Красносельского лагеря расходились на предназначенные сборные места к началу маневров, происходивших 14-го и 15-го числа между Красным Селом и Ропшей; 16-го числа, в воскресение, войскам дан отдых, а 17-го — разыграна последняя генеральная битва между Красным Селом и Царским; в заключение маневра, по обыкновению, — производство воспитанников военно-учебных заведений в офицеры — и тем закончился Красносельский лагерный сбор.

Наследник Цесаревич (который на маневрах командовал одною из сторон — восточным корпусом) немедленно же по окончании маневра, 17-го числа, уехал в Кронштадт и на яхте «Штандарт» отплыл в Копенгаген.

ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ В КРЫМ И СМОТРЫ (18 ИЮЛЯ — 23 АВГУСТА)

18 июля Государь выехал из Царского Села в $7^1/_2$ часов вечера на Колпинскую станцию, откуда поезд тронулся около 8 часов. Со-

* За столом сидели только Государь, великие княгини, герцог Георг Мекленбургский и я.

провождали Его Величество великая князья Владимир Александрович и Николай Николаевич, великая княгиня Мария Николаевна, дочь ее принцесса Баденская Мария Максимильяновна и эрцгерцог Вильгельм. Свиту Государя составляли кроме меня[446] граф Шувалов, генерал-майоры Свиты Рылеев и Воейков и лейб-медик Карель; при эрцгерцоге находились австрийский генерал-майор Дегенфельд и австрийский же военный агент барон Бехтольсгейм. Прочие лица свиты Государя, великих князей, великой княгини, принцессы и эрцгерцога ехали в другом, передовом поезде.

19-го числа прибыли мы в 10 часов утра прямо в Петровский дворец, где Государь и оставался во все четыре дня своего пребывания в Москве. В первый же день в 1 час пополудни происходило на Ходынке учение кавалерии (драгунской и гусарской бригадам 1-й кавалерийской дивизии с одною конною батареей), а вечером — смотр стрельбы артиллерии и стрелковых рот. На следующий день, 20-го числа, утром — учение пехот, по дивизиям, а вечером — смотр цельной стрельбы линейных рот пехоты и драгун. В оба первые дни приглашались к обеду в Петровский дворец московские власти и почетные лица. На третий день, 21-го числа, утром — маневр в окрестностях лагеря, на две стороны; затем большой парадный обед у генерал-губернатора князя Долгорукова. Во все время смотров и учений погода была превосходная, всеми войсками Государь был вполне доволен.

Наконец, 22 июля, в день именин императрицы, утром, Его Величество присутствовал в лагере на Ходынке, на церковном параде при походной церкви 1-й гренадерской дивизии и потом на разводе при лейб-гренадерском Екатеринославском Е. В. полку. Все командиры частей войск были приглашены в Кремлевский дворец к завтраку, после которого назначен был выезд Государя из Москвы. Эрцгерцог Вильгельм и его свита выехали вместе с Его Величеством до Киева, откуда отправились уже на Львов, а Государь с великим князем Владимиром Александровичем, продолжая путь чрез Одессу, прибыл 25-го числа в Ливадию.

Откланявшись Государю на станции Московско-Курской железной дороги, я остался в Москве (с моим сыном, приехавшим по случаю скачек) до 9 часов вечера — часа отхода поезда Рязанской дороги. На следующий день, 23-го числа, около полудня приехал я на станцию Грязи, где нашел высланный мне экипаж Вельяминовых. Лихая тройка быстро пролетела 30 верст, и к обеду я уже был в Лотарёве. Радостно было мне увидеть мою Надю в обществе

гостеприимных друзей ее в скромной деревенской обстановке. Княжну Вяземскую нашел я гораздо в лучшем состоянии здоровья, чем в прошлом году в Петербурге, так что она даже обещала приехать осенью в Крым. В Лотарёве я провел ровно сутки. 24 июля после раннего обеда выехал я оттуда с дочерью. Мария Николаевна Вельяминова и брат ее Григорий Николаевич проводили нас до Грязей и усадили в вагон Орловско-Грязской железной дороги, по которой проехали мы до Орла и далее на Курск, Киев и Одессу. 28-го числа вышли мы на Крымский берег в Ялте. На пристани встретила нас дочь Елизавета, с которой и доехали мы до Ливадии.

29-го числа представился я Их Величествам и остался в Ливадии до следующего дня. Получив разрешение провести время до выезда Государя из Крыма в своей семье, я отправился 30-го числа в Мелас, где и оставался в полном спокойствии до 10 августа.

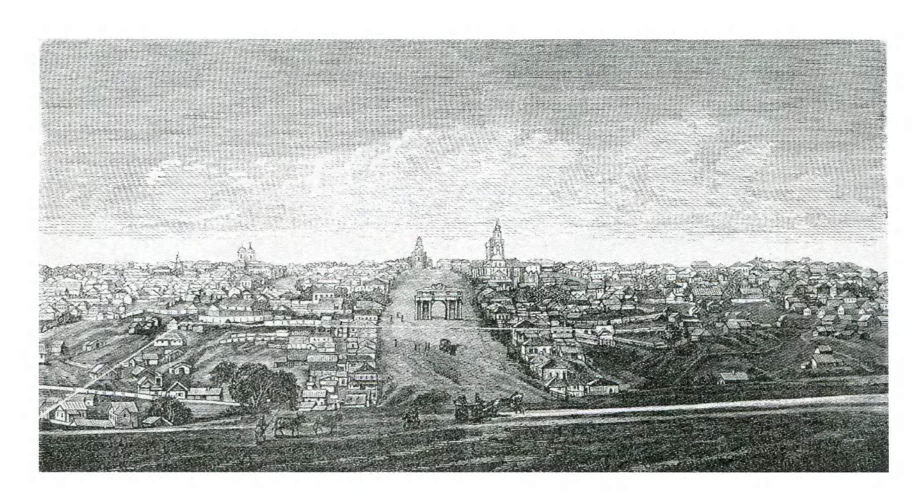
Приехав утром этого дня в Ливадию, я был приглашен к царскому столу на Эреклике, где в то время Их Величества провели несколько дней, избегая зноя в Ливадии. Из свиты один только граф Адлерберг имел там помещение; все прочие лица, не исключая и дежурной фрейлины и дежурного флигель-адъютанта, должны были приезжать туда из Ливадии по длинной извилистой дороге, иногда по два раза в день. В этом отношении переезд Их Величеств на Эреклик представлял большие неудобства; еще более оказывалось затруднений для хозяйства. Впрочем, этими несколькими днями пребывания на Эреклике и ограничилась вся польза, принесенная сооружением импровизованной дорогой постройки. После того ни разу там никто не жил.

Для императрицы, как уже я говорил, признавались весьма полезными морские поездки; поэтому она пользовалась всяким случаем, чтобы чаще быть на море. После поездки ее в Одессу с Государем, в мае месяце, Ее Величество опять в конце июня проводила туда же возвращавшегося в Германию брата своего принца Александра Гессенского. Были предположения о других еще, более дальних морских путешествиях, как-то: в Батум, даже в Константинополь; но планы эти не состоялись, а решено было, что императрица с великою княжной проводят Государя в предстоявшем переезде его из Ялты в Керчь и далее по Азовскому морю до Таганрога. Свиту Ее Величества в этой поездке должны были составлять фрейлина баронесса Пиллар и А.Н. Мальцова с ее дочерью; графиня же Толстая и моя дочь, худо переносившие море, остались в Ливадии. Государя сопровождали в предстоявшем путеше-

ствии по России и за границу кроме меня граф Шувалов, генерал-майоры Рылеев, Воейков и Салтыков, флигель-адъютант граф Адлерберг, прусский генерал-майор Вердер и лейб-медик Карель. Впоследствии, от Таганрога присоединились адъютант Наследника Цесаревича поручик граф Олсуфьев и лейб-медик Гирш.

10 августа в 10 часов вечера Их Величества с великим князем Владимиром Александровичем, великою княжной Марией Александровной и лицами свиты переехали на пароход «Ольга» и отплыли в Керчь, куда прибыли около 9 часов утра следующего дня. Императрица с великою княжной остались на пароходе, а Государь с великим князем и военною свитой вышел на берег, принял хлеб-соль от городской депутации и немедленно же отправился в экипаже на смотр Литовского пехотного полка и Керченского крепостного батальона, выстроенных на равнине между городом и крепостию. После того осмотрена была крепость во всех ее частях, в присутствии Государя произведены были взрывы подводных мин. Затем Государь возвратился в город, где посетил собор, женский институт[447] и завтракал у градоначальника вице-адмирала Спицына. Между тем на пароходе представлялись императрице институтки с их начальницами. В 4 часа пароход «Ольга» снялся с якоря. Переход от Керчи до Таганрога был не совсем приятен, благодаря особенной незавидной специальности Азовского моря — так называемой толчее. Хотя качка была не очень сильная, однако ж нашим дамам Азовское море не понравилось.

12 августа утром наш пароход остановился в виду Таганрога. По мелководью рейда, надобно было пересаживаться на другой, меньший пароход, на котором выехал с берега навстречу Их Величествам Наследник Цесаревич. Его Высочество, оставив цесаревну в Копенгагене, прибыл 7 августа на императорской яхте «Штандарт» в Либаву, откуда отправился по железным дорогам прямо в Таганрог, чтобы сопровождать Государя при посещении Новочеркасска в качестве атамана казачьих войск. На Таганрогской пристани была обычная встреча с поднесением хлеба-соли, с криками «ура» и проч. С пристани Их Величества, Их Высочества и свита проехали в экипажах в маленький дворец, в котором кончил жизнь император Александр I. Здесь отслужена была панихида; потом Их Величества заехали в собор, и около полудня императрица с великою княжной и своею свитой возвратилась на пароход, чтоб отплыть немедленно обратно в Ливадию, а Государь с великими князьями и своею свитой отправился по железной дороге в Новочеркасск.



Вид Новочеркасска

Четырехчасовой переезд от Таганрога до Новочеркасска был почти непрерывным рядом восторженных и шумных встреч. Поезд останавливался на несколько минут в Ростове и в некоторых казачьих станцицах; везде Государь выходил на платформу, благосклонно разговаривал с местными властями, казачьими атаманами и «стариками». Наказный атаман генерал-адъютант Чертков провожал Государя от самой границы Донской области.

Около 4 часов прибыли мы в Новочеркасск. Здесь встреча была действительно блистательная и внушительная. На самой станции железной дороги, разукрашенной флагами и гирляндами, собраны были представители всей донской администрации, депутации города и станиц. Государь поздоровался, сказал несколько приветливых слов и, приняв от генерал-майора Еманова золотой «перначь», вручил этот знак атаманского звания Наследнику Цесаревичу; затем, пройдя мимо собравшихся в одной из комнат станции городских дам, вышел на площадку, где приветствовала его толпа народа криками «ура». Государь, великие князья и мы все, составлявшие многочисленную свиту, сели верхом и шагом двинулись от станции по Крещенскому бульвару к Вознесенскому собору, при неумолкаемом гуле колоколов, пушечной пальбы и криков несметной толпы, усеявшей всю покатость горы, вдоль которой поднимался наш путь. Картина была великолепная. Проехав под тремя арками, устроенными из зелени, цветов и разных украшений,

шествие остановилось у собора. Здесь Государь был встречен старинным казачьим «кругом», составленным из почетнейших представителей казачества со знаменами, войсковыми регалиями и пожалованными в разное время грамотами Донскому войску за его верную службу. Все мы сошли с коней; Государь вошел в собор, на пороге которого был встречен архиепископом Платоном с крестом, освященною водою и приветственною речью. Приняв от достойного пастыря икону и помолясь в соборе, Государь вышел опять к войсковому кругу, посреди которого совершено было многочисленным духовенством молебствие. По окончании церковного служения Государь обратился к представителям донского казачества с краткою речью, среди которой несколько раз обнимал атамана всех казачьих войск — Наследника Цесаревича, что вызывало восторженные крики «ура». Сев снова верхом, Государь объехал выстроенные вдоль Платовского проспекта казачьи полки и батареи и возвратился к войсковому кругу. Тогда началось торжественное шествие: пропустив вперед войсковой круг, Государь ехал за войсковыми знаменами и регалиями до площадки, среди которой воздвигнут памятник графу Платову[448], пред домом атамана, где приготовлено было для Его Величества помещение. Здесь войсковой круг расположился лицом к монументу, а впереди стал Государь со свитой. Пропустив пред собою церемониальным маршем собранные полки и батареи, он подъехал к дому атаманскому, сошел с коня и принял стоявший у подъезда почетный караул от гвардейского казачьего полка. При входе Государя в дом отставной генерал-майор Карпов поднес Его Величеству на серебряном блюде хлеб-соль от имени всего войска Донского. В это время масса народа уже нахлынула на площадь пред атаманским домом. Государь вышел на балкон и снова был приветствован криками «ура». До позднего вечера народ толпился пред атаманским домом и в ближайших улицах, обыкновенно пустынных и безжизненных.

Мне отведено было помещение в доме одного из зажиточных казачьих штаб-офицеров, которого я знавал еще на Кавказе. Тогда он командовал одним из Донских казачьих полков в Закавказье и страшно надоедал мне беспрерывными на него жалобами по хозяйственной части полка. В то время Донские полки давались не достойнейшим из штаб-офицеров по выбору начальства, а по очередному списку, почему весьма часто полками командовали штаб-офицеры, вовсе не подготовленные к этой должности, даже не знакомые со строевою частью и притом люди корыстные, прини-

мавшие полки с открытою целью нажиться. В отведенной мне квартире я был принят как старый знакомый хозяином дома и многочисленною его семьей. Но мне недолго пришлось отдыхать после утомительного и жаркого дня: в 9 часов вечера нужно было снова явиться в атаманский дом, чтобы сопровождать Государя в городской сад, где приготовлено было народное гуляние. Тенистые аллеи сада были освещены шкаликами и разноцветными фонарями, при свете которых двигалась густая масса народа, так что лицам свиты едва удавалось протесняться, чтобы не отстать от Государя. День закончился фейерверком и чаем у Его Величества.

Во второй день пребывания в Новочеркасске, в воскресение, отслужена была обедня в домовой церкви атаманской; потом происходил в залах общий прием многочисленного чиновничества войскового, а на площади пред атаманским домом, представлялись депутации от крестьян Донской области и съехавшиеся со всего Войска старые казаки, между которыми нашлись даже ветераны великой эпохи 1812–1815 годов. Государь со многими из них благосклонно разговаривал, припоминал прошлое, благодарил за давно прошедшую службу. Тут же на площади был разбит шатер, изображавший калмыцкий «хуруил», то есть капище, в котором калмыцкое духовенство показало образчик своего богослужения, при диких звуках длинных труб и каких-то других инструментов.

Поблизости от атаманского дома, около здания присутственных мест, расставлены были столы для угощения станичных депутатов. Государь подошел к одному из столов, и взяв чарку вина, провозгласил тост за благоденствие Войска Донского и за здоровье атамана Наследника Цесаревича, а последний ответил тостом за здоровье Его Величества. Само собой разумеется, что эти тосты были встречены одушевленными криками «ура». Пока казаки пировали, Государь и мы все за ним отправились в Мариинский девичий институт, где пробыли около часа; обошли все помещения, сопровождаемые теснившимися кругом нас юными казачками, которые все наперерыв старались быть ближе к Государю и услышать его голос. Пред выходом из института Государь прослушал пение девичьего хора и уехал в отличном расположении духа на завтрак, предложенный от общества донских торговых казаков в доме Коммерческого собрания. Как тут, так и позже за царским обеденным столом, к которому было приглашено до 150 лиц, возглашался целый ряд тостов с криками «ура». День закончился балом в Дворянском собрании.

14 августа в 9 часов утра происходил за городом смотр собранным в Новочеркасске казачьим полкам и батареям. Государь остался весьма доволен видом полков, строевым учением и в особенности подготовкою малолетков, которые правильно исполняли все уставные построения и молодецки джигитовали. В изъявление особенного своего удовольствия Государь приказал присвоить лейб-гвардии Казачьему полку наименование полка Его Величества, а гвардейской Донской батарее — наименование батареи Его Высочества Наследника Цесаревича.

После учения войскам осмотрены были областные присутственные места и юнкерское училище. К царскому столу в 6 часов вечера приглашены были: предводитель дворянства донского отставной штабс-ротмистр Иловайский и начальствующие лица. Государь во всеуслышание выразил полное свое удовольствие и приказал объявить о пожалованных наградах. Генерал-адъютант Чертков получил орден Александра Невского; помощник его по гражданской части генерал-майор князь Имеретинский зачислен в Свиту, трое назначены флигель-адъютантами. Наказному атаману вручен был длинный список награжденных чинов, военных и гражданских.

Вечером того же дня выехали мы по железной дороге на Харьков, куда прибыли на другой день, 15-го числа, под вечер. Государь после обычной встречи на вокзале с поднесением хлеба-соли от города, букетов — дамами и при криках «ура» проехал по иллюминованным и разукрашенным флагами и гирляндами улицам в собор, где встречен был архиереем с речью, а затем заехал в институт, и пересев в дорожную коляску, отправился в Чугуев. За ним и мы все туда же.

Часу в 11-м вечера прибыли мы в Чугуев. Здесь опять такая же встреча: крики «ура», иллюминация, почетный караул, представление командиров всех собранных в лагерь частей войск. Командующий войсками Харьковского округа генерал-адъютант Карцов со своим семейством проводил лето в Чугуеве; встреча с моими старыми друзьями доставила мне большое удовольствие. В Чугуеве мы пробыли два дня — 16-го и 17-го августа. В первый день утром происходил смотр всем войскам Чугуевского лагеря: одной бригады 9-й пехотной дивизии, всей 31-й пехотной дивизии и 5-й кавалерийской с их артиллерией. В 4 часа пополудни Государь смотрел стрельбу артиллерии и стрелковых рот, а потом все начальники были приглашены к царскому обеду в здании юнкерского училища (которое находилось почти рядом с домом, занятым

Его Величеством). На второй день утром произведен двухсторонний маневр, а в 4 часа смотр стрельбы линейных рот и драгун. На маневре командовали противными сторонами генерал-лейтенанты Радецкий и Вельяминов. Все смотры и учения прошли совершенно успешно; Государь несколько раз благодарил начальников и приказал объявить о пожалованных наградах.

18 августа, в 9 часов утра, выехали мы из Чугуева, проехали чрез Харьков без остановки и отправились по железной дороге на Кременчуг. Около 4 часов пополудни остановились в Полтаве. Государь и за ним вся свита проехали в город, где Его Величество посетил собор, военную гимназию и девичий институт. В военной гимназии в то время еще не наступило начало нового учебного курса; но большая часть учеников и весь преподавательский состав были уже налицо. Начальником гимназии был почтенный старик генерал-майор Симашко, посвятивший почти всю жизнь свою педагогическому делу. Гимназия его славилась как одна из лучших во всех отношениях.

В 9 часов вечера приехали в Кременчуг. Здесь, так же как и в Чугуеве и Елизаветграде, все напоминало бывшие военные поселения, резервную кавалерию, режим генерала Никитина[449] и проч. Но какая с тех пор перемена в духе, нравах и понятиях! Кременчуг с предместьем его Крюковом обратился в складочный пункт Одесского округа и штаб-квартиру 2-й кавалерийской дивизии, начальником которой в то время был генерал-лейтенант граф Нирод. 19-го числа утром Государь произвел за городом смотр и учение этой дивизии и остался доволен ею, хотя едва можно было разглядеть эскадроны, окутанные облаками густой пыли. В 7 часов вечера мы выехали из Кременчуга, а к 11 часам уже были в Елизаветграде.

Здесь Государя встретил командующий войсками Одесского округа генерал-адъютант Коцебу и все начальство расположенных под Елизаветградом частей войск. Обыкновенно пустынный и безжизненный городок теперь, при встрече Государя, оживился и принарядился. Весь путь от железнодорожной станции до военной прогимназии, где было приготовлено для Государя помещение, был иллюминован и кишел народом. Меня поместили в казенной квартире начальника дивизии.

20-го числа, в воскресенье, Государь слушал обедню в городском соборе; потом происходил за городом смотр собранным под Елизаветградом войскам: трем полкам 34-й пехотной дивизии и

всей 4-й кавалерийской с их артиллерией и Донским № 15 полком. В 4 часа пополудни Государь смотрел артиллерийскую стрельбу, а к 6 часам все командиры частей войск и начальствующие лица были приглашены к царскому столу. На другой день, 21-го числа, рано утром, произведен двухсторонний маневр; одною стороной командовал начальник 4-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенант Манзей, другою — помощник командующего войсками округа генерал-лейтенант Семека. Всеми войсками Государь был доволен и приказал объявить о пожалованных наградах, в числе которых было назначение флигель-адъютантом командира одной из батарей 34-й артиллерийской бригады полковника Щёголева, имя которого сделалось так известно в Крымскую войну по случаю бомбардирования Одессы неприятельским флотом[450].

Прямо с маневра Государь отправился на станцию железной дороги; его сопровождали верхом почти все кавалерийские и артиллерийские офицеры. В 1 час пополудни царский поезд тронулся в обратный путь на Харьков, откуда направился чрез Орёл, Смоленск, Витебск, Динабург и Вильну на Вержболово.

ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ В БЕРЛИН (23–31 АВГУСТА)

Предположение о поездке Государя за границу, как уже я сказал, первоначально хранилось в тайне и объявлено было свите Его Величества только пред отъездом из Ливадии; но еще в Петербурге Государь конфиденциально предварил о своем намерении великого князя Николая Николаевича и приказал ему быть в Берлине ко времени прибытия туда Его Величества. Также и фельдмаршалу графу Бергу сообщено было мною из Москвы о Высочайшей воле, чтобы он выехал в Вержболово для сопровождения Государя за границу.

В то время готовилось в Варшаве празднование 60-летнего юбилея службы графа Берга. Хотя вообще принято праздновать только 50-летние юбилеи, однако ж Государь, во внимание к тому, что 50-летний юбилей графа Берга почему-то не был ничем ознаменован в свое время, согласился на предположенное 26 июля торжество в Варшаве и пожаловал юбиляру украшенный алмазами двойной портрет свой и покойного императора Николая I, для ношения на груди. Посланный с этим фельдъегерь прибыл в Варшаву в самый день юбилея, утром, и вручил графу Бергу царский

Ф.Ф. Берг

рескрипт. К тому же дню приехал в Варшаву флигель-адъютант германского императора полковник барон Икскюль с поздравлением от императора Вильгельма; император Франц-Иосиф прислал поздравительную телеграмму. В день юбилея вся Варшава с утра до вечера была на ногах: принесение поздравлений в замке, церковный парад у собора, потом гуляние в Саксонском саду, парадный обед, вечером иллюминация. Тщеславие графа Берга было вполне удовлетворено.

Великий князь Николай Николаевич, выехав из Петербурга 14 августа, находился уже в Потсдаме 18-го числа, при встрече императора Вильгельма по возвращении его из Гастейна, где он провел несколько недель и имел свидание с императором Австро-Венгерским. Вслед за тем начали съезжаться в столицу Пруссии германские принцы и государственные люди по случаю предсто-

явшего свидания трех императоров. 22 августа приехал туда и русский государственный канцлер князь Горчаков, который с июня месяца находился за границей, сначала в Швейцарии (в Интерлакене и Уши), а потом в Вильдбаде.

23 августа в 11 часов вечера прибыли мы в Вержболово[451]. Здесь на платформе уже ожидал фельдмаршал граф Берг при почетном карауле. Перекладка вещей и пересадка в вагоны другого поезда, высланного из Варшавы (приспособленного к заграничным железным дорогам), продолжались около часа, так что мы двинулись из Вержболова и переехали чрез границу в самую полночь. На следующий день, 24-го числа, в 8 часов утра на станции Накель представились Государю назначенные для сопровождения его прусский генерал Гёбен и флигель-адъютант граф Лендорф. Государь и великие князья с утра надели сюртуки прусской генеральской формы, а проехав станцию Мюнхеберг, где от прусского двора был приготовлен завтрак, мы все облеклись в полную форму.

В $2^1/_2$ часа пополудни прибыли мы в Берлин. С приближением поезда к станции, разукрашенной флагами и гирляндами, раздались звуки русского народного гимна. Император Вильгельм и наследный принц в русских мундирах, множество других принцев и многочисленная свита ожидали на фланге почетного караула от 4-го гвардейского пехотного полка. Встреча была блистательная и радушная. Императоры дружески обнялись, потом прошли по фронту караула и затем сели вместе в открытую коляску и поехали к королевскому дворцу. На всем их пути густые толпы народа приветствовали криками «ура» и «hoch». Казалось, все население Берлина высыпало на улицы; все дома были украшены флагами, коврами, гирляндами; в окнах и на балконах бесчисленные зрители и зрительницы восторженно махали платками. Такое одушевление казалось необычайным явлением в чинной и угрюмой столице Пруссии.

Государь посетил императрицу Аугусту, и пробыв у ней несколько минут, проехал потом вместе с императором Вильгельмом к дому русского посольства на Unter den Linden. Вся эта аллея и тротуары улицы были полны народа. У подъезда посольского дома стоял почетный караул от гвардейского гренадерского полка Императора Александра I, а пред домом собрались все бывшие пред тем на железнодорожной станции принцы, начальствующие лица, чины свиты императора Вильгельма, а также и все русские, как сопровождавшие Государя в путешествии, так и приехавшие впе-

ред прямо в Берлин: генерал-адъютант граф Шувалов 2-й (Павел Андреевич), Свиты Е. В. генерал-майор Гершельман (помощник начальника штаба Петербургского округа графа Шувалова), флигель-адъютанты: барон Зедделер, князь Мещерский, граф Голенищев-Кутузов, граф Берг и князь Долгоруков. Все эти молодые люди были лично известны императору Вильгельму, пользовались его расположением, а некоторые участвовали в походе германских войск во Францию. Князь Долгоруков только что возвратился тогда из командировки в Белград, где он был представителем России при праздновании совершеннолетия сербского князя Милана и вступлении его в самостоятельное управление княжеством. Кроме того прибыли в Берлин некоторые лица из состоявших при великих князьях: контр-адмирал Бок, генерал-майор Галл, адъютанты Скарятин и Струков. В доме посольства ожидали канцлер князь Горчаков, послы Убри и князь Орлов и многие лица нашего Министерства иностранных дел: тайный советник барон Жомини и Гамбургер, барон Фредрикс и другие.

Оба императора, подъехав к дому посольства, при криках народа и звуках русского гимна вышли из экипажа и прошли вдоль фронта почетного караула. Затем император Вильгельм представил нашему Государю, шефу названного полка, всех его офицеров поименно и некоторых других военных лиц. Караул прошел церемониальным маршем мимо императоров, и затем они вошли вместе в дом посольства. Здесь было приготовлено помещение как для самого Государя, так и для великих князей и канцлера князя Горчакова. Все прочие лица свиты были помещены в прекрасной гостинице Hotel Royal, в нескольких шагах от дома посольства.

Еще не успели мы разойтись по своим квартирам, как приехала отдать визит Государю императрица Аугуста с принцами королевского дома. Несколько спустя, к 6 часам вечера, Государь и великие князья отправились на семейный обед в королевский дворец. Во весь день пред домом русского посольства стояли толпы народа и при каждом появлении Государя повторялись крики «ура».

В Берлине пробыли мы семь дней, и все это время было непрерывным рядом представлений, визитов, военных смотров и учений, празднеств, парадных обедов и вечеров. В течение целого дня не было почти часа ни для отдыха, ни для занятий. Бесконечное множество новых знакомств, новых лиц и имен производило на меня впечатление какого-то колоссального калейдоскопа. Не было возможности запомнить все личности, которым представлялся я и ко-

торых мне представляли. Одних принцев немецких было такое большое число, что в моей памяти они часто перемешивались, тем более, что в большинстве они представлялись весьма неинтересными, так что недаром граф Пётр Шувалов отпустил на их счет дерзкую шутку — что теперь немецкие принцы делятся на две категории: медиатизированных и идиотизированных. К числу же замечательных личностей, с которыми пришлось мне тут встречаться, конечно, прежде всех надобно поставить уже прежних знакомых: князя Бисмарка, фельдмаршалов графа Мольтке и графа Мантёйфеля; из числа же новых знакомств — графа Андраши, фельдмаршала графа Врангеля, военного министра графа Роона. Во все время пребывания в Берлине при мне лично состоял один из адъютантов министра, гусарский офицер, во многом облегчавший мне тягость нашей суетливой жизни и спасавший [меня] от неизбежных промахов и недоразумений в чуждой мне среде.

25 августа ожидали приезда в Берлин императора Франца-Иосифа; поэтому на утро того дня не было назначено никаких официальных занятий. Государь принимал у себя некоторых лиц*; а в полдень посетил казарму полка, которого считался шефом. Полк был выстроен во дворе казармы, украшенном флагами прусскими и русскими; посреди двора стоял бюст императора Александра I, имя которого сохранено полку. При входе в сад офицерского клуба поставлены были двое часовых в полковой форме времен короля Фридриха Великого. Государь был встречен полком со всеми воинскими почестями, при звуках русского народного гимна. В сопровождении принцев Карла Прусского и Августа Вюртембергского (командира Гвардейского корпуса), Его Величество осмотрел подробно полк и помещения его, радушно беседовал с командирами и офицерами. При отъезде Государя из казармы собравшаяся на улице толпа народа приветствовала его сочувственными криками.

С разрешения Государя я не присутствовал при этом посещении полка и воспользовался единственным свободным утром, чтоб осмотреть что-нибудь любопытное для меня по военной части. Военный министр предложил мне посетить Берлинский кадетский корпус и Генеральный штаб. И то, и другое интересовало меня в высшей степени. В кадетском корпусе меня встретил поч-

---

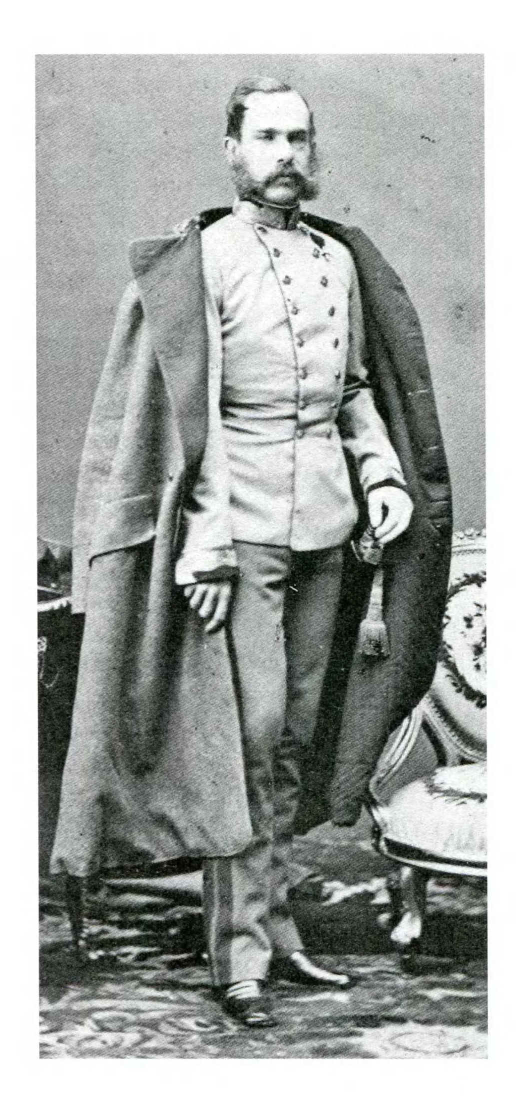
* В автографе далее зачеркнуто: «в том числе иностранных послов при Берлинском дворе» (*примеч. публ.*).

тенный начальник военно-учебной части в Пруссии генерал от инфантерии Пейкер, с которым я познакомился уже прежде, в Петербурге; начальником же кадетского корпуса был генерал-майор Вартенберг. Они оба весьма радушно показали мне заведение во всех подробностях: сначала представили мне поименно офицеров, затем обошли все помещения и классы, присутствовали на некоторых уроках, а потом все воспитанники были выстроены на внутреннем дворе корпуса, чтобы показать мне степень строевого их обучения. В общих чертах заведение это вполне напомнило мне прежние наши кадетские корпуса; но сколько было возможно подметить при беглом осмотре в продолжении каких-нибудь двух часов времени, мне показалось, что и здесь, равно как во всем прусском устройстве, преобладают формы внешнего порядка и строгой дисциплины. Меня даже удивил тот строгий, суровый, резкий тон, который существует в обращении начальства с кадетами и самих кадет между собою, тон, который у нас показался бы жестким даже с солдатами. Двенадцати- и пятнадцатилетние мальчики уже говорят не иначе, как отрывисто и с тою интонацией, которая так характеризует прусских офицеров. В классах при учебных занятиях заметил я ту же обрывистую, жесткую манеру. На уроках, при которых случилось мне присутствовать, правда, преимущественно по военным наукам, в старших классах, преподаватели делали вопросы короткие, совершенно конкретные, и ученики точно так же отвечали отрывисто, категорично, бойко, с уверенностию. Тут видно было, что преподавание ведется совершенно в практическом направлении; время не тратится на отвлеченности и теоретические обобщения; все классное учение ведет прямо к применению на деле. В этом отношении, признаюсь, нам следовало бы несколько позаимствовать у немцев именно в преподавании военных наук и других прикладных знаний, хотя вообще прусскому типу в педагогическом деле я не могу сочувствовать.

Распростившись с юными питомцами кадетского корпуса и поблагодарив начальство их за любезный прием, я отправился в знаменитый германский der grosse General Stab, помещенный в новом великолепном здании за Бранденбургскими триумфальными воротами к стороне Thier-Garten'а. Сам фельдмаршал граф Мольтке принял меня и повел по всему огромному помещению, в котором широко и прихотливо раскинуты части и отделения его управления. Переходя из одной залы в другую, граф Мольтке представлял мне офицеров Генерального штаба, стоящих во главе каждого спе-

Г. Мольтке

циального дела: здесь полковник или подполковник такой-то ведет работу по военно-исторической части; тут — такой-то по военной статистике таких-то государств; а вот и комната, где несколько офицеров заняты исключительно географией и статистикой России. Я нашел этих офицеров за работой над исправлением карты наших железных дорог. Стоящие по стенам каждой комнаты шкафы наполнены книгами, рукописями и картами, относящимися к соответствующему государству. В одном из специальных отделений по железным дорогам я застал офицеров, работавших над планами расположения железнодорожных станций: тут не пренебрегают никакими мелочами, не пропускают без внимания никаких данных. При одном из моих посещений графа Мольтке в его квартире (в самом здании его управления), я застал его самого за корректурой какой-то новой карты, над которою старик рабо-



Император Австрийский Франц-Иосиф

тал с лупой на высоком столике, устроенном в амбразуре окна. Вообще все виденное мною, начиная от роскошного здания до работы самого графа Мольтке — знаменитого и великого стратега, — произвело на меня впечатление.

В 6 часов вечера приехал в Берлин император Австро-Венгерский в сопровождении графа Андраши. Встреча его на новой Потсдамской станции обставлена была такими же почестями, с каки-

ми накануне был встречен наш Государь. Император Франц-Иосиф также прямо с железной дороги посетил императрицу Аугусту и, заехав в приготовленное для него помещение в старом королевском замке, переоделся в русский генеральский мундир и приехал с визитом к нашему Государю. Его Величество и великие князья ожидали в своих австрийских мундирах; вся Свита Государева собралась в полной форме с австрийскими лентами. Мне пришлось в первый раз надеть полученную незадолго пред тем ленту Леопольда. Государь встретил царственного гостя на верхней площадке лестницы; оба монарха дружески обнялись и вошли во внутренние комнаты, а чрез несколько минут вышли в приемный зал, где Государь представил всех нас; затем проводил императора Франца-Иосифа до низу лестницы и немедленно же потом отдал ему визит. Великие князья и вся свита сопровождали Государя. К тому же времени прибыли в королевский замок император Вильгельм с императрицей Аугустой и принцами королевского дома. Собравшиеся Августейшие особы торжественно прошли между рядами придворных и военных лиц в столовый зал: императрица Аугуста шла впереди промеж императоров Русского и Австро-Венгерского. Роскошным парадным ужином закончился этот второй день нашего пребывания в Берлине.

26 августа, в 10 часов утра, происходил общий парад войскам Берлинского гарнизона на Темпельгофском поле. Император и императрица Германские с принцами и принцессами, государственные канцлеры трех империй, иностранные офицеры всех армий, многочисленные свиты собрались заранее на месте смотра и ожидали прибытия царственных гостей. Русский и австро-венгерский императоры приехали вместе в открытой коляске и сели верхом. Император Вильгельм сам встретил их, подъехав верхом, с обнаженной шпагой и строевыми рапортами. Музыка играла попеременно русский и австрийский народные гимны; густые толпы народа кричали «ура», пока все три императора в прусских генеральских мундирах проезжали галопом по фронту длинных линий пехоты, кавалерии и артиллерии. Зрелище было блестящее. В строю находились две дивизии гвардейской пехоты со стрелковыми батальонами, дивизия гвардейской кавалерии, артиллерия, саперный, учебный и обозный батальоны и кадетский корпус. После объезда линий начался церемониальный марш. Император Вильгельм проехал в голове своей победоносной гвардии; императоры Российский и Австро-Венгерский попеременно становились

пред полками своего имени, салютуя престарелому императору Германскому. Малолетние принцы, сыновья наследного принца Прусского, находились в рядах 1-го гвардейского пехотного полка. Войска проходили два раза. Блестящий этот смотр окончился только в половине второго часа. Все три монарха возвратились с парада во дворец вместе, в одной открытой коляске, провожаемые восторженными возгласами густой толпы народа.

В 4 часа в Белой зале старого королевского замка назначен был парадный обед на 520 кувертов. Бывшие утром на параде кадеты явились здесь уже в роли пажей, в особых костюмах, напоминавших средневековые одежды, и прислуживали за столом царственным особам. Мне пришлось сидеть насупротив императоров, рядом с германским военным министром Рооном. Пред концом обеда император Вильгельм произнес краткую речь и тост в честь обоих своих гостей, которые отвечали тостами за здоровье императора Германского и за твердое сохранение мира и дружбы между тремя империями.

После обеда дано было парадное представление в Королевском оперном театре. При входе в зал императоров публика приветствовала их криками «ура» и рукоплесканиями, а оркестр заиграл сперва австрийский, а потом русский народные гимны. Представление какого-то балета было мало интересно; все внимание обращено на эффект блестящей обстановки, а в антракты мы были приглашены в театральные залы, где подавалось обычное угощение и где Августейшие особы удостаивали разноязычных гостей своею благосклонною беседой. По окончании спектакля еще назначена была парадная «вечерняя заря»[452] (Lapfenstreich) на площадке у королевского замка, под самыми окнами помещения императора Франца-Иосифа. Мы были приглашены в замок и с балкона его слушали музыку огромного военного хора из 1124 музыкантов. Площадка, среди которой стоит памятник Фридриха Великого, была ярко освещена факелами и газовыми фонарями. Вокруг музыкантов теснилась такая густая толпа народа, что несколько любопытных поплатились жизнью или увечьями. Концерт закончился народными гимнами русским и австрийским, и затем нас пригласили к ужину. На этот раз меня посадили между двумя немецкими придворными дамами, с которыми я должен был поддерживать обычный банальный разговор.

27 августа, в воскресение, Государь слушал обедню в домовой церкви посольства и затем принимал дипломатический корпус.

О. Бисмарк

Тут я встретился с французским послом Gontaut-Biron, австро-венгерским — графом Karolyi, великобританским — лордом Одо Росселем, посланниками итальянским — графом De Launay, бывшим прежде у нас в Петербурге, и шведским — Due, впоследствии заменившим у нас генерала Биорнштерна. По расписанию занятий на этот день назначена была после завтрака прогулка в Зоологическом саду, а потом поездка в Потсдам, где приготовлен был для царственных особ фамильный обед в загородном дворце Бабельсберг. Около часа пополудни императрица Германская с наследным принцем заехали за Государем и вместе с ним катались в Зоологическом саду; император Вильгельм, со своей стороны, заехал за императором Францом-Иосифом. В 3 часа был приготовлен экстренный поезд в Потсдам. Я отпросился от сопровождения Государя в этих прогулках, получив в тот день приглашение на

обед к князю Бисмарку. Приглашены были также князь Горчаков, граф Андраши и некоторые еще из свит русского и австро-венгерского императоров (из русских — граф Шувалов, барон Жомини, из австрийцев — генералы граф Бельгард и Пеячевич). Приехав к князю Бисмарку ровно к 5 часам в числе первых из приглашенных я был представлен супруге его и дочери, а также познакомился с его сыновьями. Князь принимал у себя радушно, без всякой официальной натянутости и церемонности. Но после обеда разговор продолжался весьма недолго, так как всем гостям нужно было торопиться на железную дорогу, чтобы поспеть к 8 часам в Потсдам на вечер к наследному принцу.

К приходу поезда в Потсдам высланы были на станцию железной дороги придворные экипажи, которые подвезли всех приглашенных к так называемому Новому дворцу. Все лица русской и австрийской свиты собрались в зале для представления кронпринцессе Виктории (дочери королевы Английской). Мы подходили к ней поочередно «к ручке», и так как нас было много, то, конечно, принцесса могла уделять каждому из нас только по одной какой-нибудь обычной в таких случаях фразе. Не могу похвалиться особенною любезностию ее приема; она, как говорили, вообще не расположена к русским. После представления принцу и принцессе мы все рассеялись по залам дворца, по террасам и дорожкам красиво иллюминованного сада. Раут был непродолжителен. К полуночи мы уже возвратились в Берлин и поспешили подкрепить сном свои силы на предстоявший нам на завтра новый утомительный день.

Утром 28 августа (9 сентября нов. стиля) назначен был односторонний корпусный маневр с предполагаемым противником, в окрестностях Шпандау, под общим начальством принца Августа Вюртермбергского. В $8^{1}/_{2}$ часов все три императора со своими свитами и многочисленными немецкими принцами отправились из Берлина по Лертской железной дороге (Lehrter Bahnhof) до станции Staaken, откуда верхом подъехали к ближайшим войскам и затем следили за ходом маневра. Ехавшим за ними в свите по чрезмерной многочисленности ее трудно было замечать со вниманием подробности действий. Иногда наш Государь отъезжал в сторону в сопровождении русской свиты, чтобы наблюдать образ действий прусских войск. Для нас, конечно, было любопытно подметить, насколько опыт последней большой войны, столь блистательно веденной германскими войсками, повлиял на их тактическое обу-

чение в мирное время. Но все, что мы тут заметили нового, было нам уже известно и постепенно вводилось в нашей армии, как-то: действие пехоты почти исключительно мелкими частями в рассыпном строю, тщательное укрывание за местными предметами, развитие ружейного огня, стрельба залпами, быстрая перебежка пехотных частей с позиции на позицию, наоборот продолжительное действие артиллерии с одной позиции на дальние расстояния, даже иногда чрез головы своей боевой линии, наконец, в кавалерии постоянное освещение местности пред фронтом редкою цепью наездников. Все это в прусских войсках уже привилось и вошло в привычку. Маневр кончился во втором часу пополудни, и с той же станции Staaken, где мы сели верхом, возвратились с экстренным поездом в Берлин.

К 4 часам мы уже явились в королевский дворец к парадному обеду на 200 кувертов, а в 9 часов вечера были на вечере и концерте у принца Карла. Нельзя не отдать справедливости благоустройству Прусского двора: во всех случаях виден везде примерный порядок, приличие, предупредительность к иностранным гостям. Сам император, принцессы, принцы, высшие чины Двора — все оказывали нам, русским, утонченное внимание.

29-го числа (10 сентября нов. стиля), после панихиды, отслуженной рано утром в покоях Государя по великому князю Михаилу Павловичу, мы отправились снова на маневры, опять в $8^1/_2$ часов, и по той же Лертской железной дороге до станции Вустермарк. На этот раз войска маневрировали уже на две стороны, одна против другой. Командовали сторонами начальники обеих гвардейских дивизий: одною — генерал Паппе, другою — генерал Будрицкий. Оба они бывали у нас в Петербурге на Красносельских маневрах. В Пруссии маневры производятся почти в том же виде, как у нас, с теми лишь особенностями в тактическом образе действий, которые были замечены нами накануне на одностороннем корпусном маневре. Кроме того, показанный нам маневр отличался от наших тем, что продолжался всего одно утро по заранее условленной общей программе, и потому походил более на театральное представление пред съехавшимися иностранными гостями, чем на подражание действительному ходу военных действий, подверженных беспрестанным неожиданностям и случайностям. Поэтому в показанном нам маневре прусских войск было, конечно, гораздо более стройности и порядка, чем бывает у нас на больших маневрах, когда начальники обеих сторон в самом деле оставляются в неведении планов и предполо-

А.Т.Э. Роон

жений противника и, следовательно, должны действовать как бы с завязанными глазами.

Маневр 29-го числа окончился поблизости той же станции Вустермарк, где мы сели верхом; в шатрах расставлены были столы для завтрака, после которого возвратились мы в Берлин усталые и страшно запыленные. В 9 часов вечера того же дня опять наслаждались прекрасным концертом в Круглом зале королевского дворца. В этот вечер в антракте между музыкой наследный принц, подсев возле меня, несколько минут беседовал со мной. Вообще же во все время нашего пребывания в Берлине я почти ничего не слышал, кроме обычных светских банальных фраз, годных только на те именно случаи, когда приличие требует что-нибудь сказать, не имея предмета для разговора. Притом же немцы не совсем охотно говорят по-французски; многие из старых военных генера-

лов и совсем не говорят ни на каком другом языке, кроме немецкого, так что не раз случалось мне на немецкие вопросы отвечать по-французски, и обратно, на мои французские вопросы получать ответы немецкие. Вдобавок я имел в Германии репутацию немцофоба и панслависта. Одна из принцесс, не отличавшаяся умом, прямо поставила мне наивный вопрос: за что не люблю я немцев? Германские генералы почему-то убеждены в том, что все наши военные реформы последнего времени направлены собственно против Германии. Военный министр Роон, сидя однажды возле меня за обедом, высказал мне, что он не понимает, для чего мы затеваем ввести в России общую воинскую повинность, совершенно не подходящую, по его мнению, к нашему государственному строю и степени цивилизации народа.

Последний день нашего пребывания в Берлине, 30 августа, был наш русский праздник — день именин Государя и Наследника Цесаревича. В церкви посольского дома была отслужена обедня, к которой съехалось множество высокопоставленных лиц. После обедни Государь принимал поздравления, а потом все три императора и члены их семейств удалились во внутренние покои, где был для них приготовлен завтрак. Мы же, составлявшие свиту, посвятили это утро на прощальные визиты. В 6 часов вечера император Франц-Иосиф выехал из Берлина; император Вильгельм простился с ним на вокзале Гёрлицкой железной дороги. Остальную часть дня императоры Российский и Германский провели в семейном кругу, а мы занялись приготовлениями к выезду из Берлина, весьма довольные тем, что наконец миновали эти семь тяжелых дней непрерывных треволнений, суеты, переодеваний, скачки с одного места на другое. Некоторые из этих дней при чрезвычайно жаркой погоде были до того утомительны, что раз с Государем даже случился обморок, несмотря на то, что он был весьма привычен к подобной жизни и способен выносить много физической усталости. Мы не могли надивиться на 75-летнего императора Вильгельма, который никогда не казался утомленным и в конце каждого тяжелого дня появлялся на вечер столь же бодрым и со всеми любезным, как был утром.

Пребывание Государя в Берлине послужило поводом к обычному обмену между монархами наград лицам их свите. Фельдмаршал граф Берг назначен шефом прусского 52-го пехотного полка, а фельдмаршал граф Мольтке — шефом русского пехотного Рязанского полка. Графу Петру Шувалову и мне пожалован орден

Красного Орла Большого креста; все прочие лица получили соответствующие чинам ордена. С другой стороны, наследный принц Австрийский эрцгерцог Рудольф назначен шефом нашего Севского пехотного полка, а император Австро-Венгерский пожаловал нашему канцлеру князю Горчакову, так же как и князю Бисмарку, орден Св. Стефана Большого креста, осыпанный бриллиантами; барон Жомини и Гамбургер получили орден Железной Короны Большого креста и т. д.

О том, какое политическое значение имело Берлинское свидание трех императоров, я не могу сказать ничего положительного, потому что в это время я не был посвящен в дела дипломатические. Могу только предполагать, судя по внешним признакам, что свидание это не имело никакой специально-определенной цели, никакого формального результата. Неделя, проведенная вместе тремя монархами, была так полна разнообразных развлечений, что и не оставалось много времени для серьезных между ними бесед о делах. Совещания же между тремя канцлерами, по всем вероятиям, ограничивались взаимными удостоверениями в твердом намерении трех кабинетов сохранить между собою дружественные отношения в видах поддержания общего мира и спокойствия в Европе. В таком смысле, по крайней мере, была истолкована официально пред остальною Европою цель Берлинского свидания, в особенности же пред республиканскою Францией, которая сначала несколько встревожилась этим съездом[453].

31 августа мы выехали из Берлина в 7 часов утра. Император Вильгельм с небольшою свитой провожал нашего Государя до Диршау, откуда он должен был продолжать путь до Мариенбурга по случаю назначенного там празднования столетнего юбилея присоединения Западной Пруссии к Королевству Прусскому, с закладкою притом памятника Фридриху Великому[454]. В Диршау оба императора, отобедав вместе, распростились самыми задушевными объятьями. Мы же, составлявшие свиту Государя, в последний раз откланялись императору Вильгельму на платформе железнодорожной станции. Подойдя ко мне, император пожал мне руку и сказал несколько любезных слов по тому поводу, что мой приезд в Берлин дал мне случай самому увидеть состояние прусской армии; в заключение же прибавил странную фразу: «Oui, cher général, la critique est aisée, mais l'art est difficile»*, — и сказав это, обратился

* «Да, дорогой генерал, критика легка, а искусство сложно» (*фр.*).

к стоявшему рядом со мной графу Шувалову. Последняя эта фраза весьма удивила меня; к чему она была сказана? что это за намек?.. не дошла ли до императора Вильгельма какая-нибудь сплетня на мой счет?.. Вопросы эти невольно представились мне, когда мы расстались с пруссками и уселись в свои вагоны. Я немедленно же доложил об этом обстоятельстве Государю, который также нашел странными сказанные мне императором Вильгельмом последние слова и тут же поручил генералу Вердеру разъяснить по возможности наши сомнения. Впоследствии оказалось, что фраза императора, так озадачившая нас, была сказана без всякого особого с его стороны умысла.

В 10 часов вечера того же 31 августа мы были уже на русской границе, в Вержболове, где пересели снова в наш прежний удобный и роскошный поезд. В обратном путешествии Государя сопровождал великий князь Владимир Александрович; Наследник же Цесаревич в тот же день, 31 августа, отправился из Берлина в Копенгаген; великий князь Николай Николаевич со свитою своею возвратился в Петербург, а князь Горчаков — в Швейцарию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ В КРЫМ (1 СЕНТЯБРЯ — 24 ОКТЯБРЯ)

Переезд наш по железным дорогам от Вержболова чрез Вильну, Динабург, Смоленск, Орёл и Курск на Киев не представлял ничего замечательного. Жаркая погода, так изнурявшая нас в Берлине, сменилась свежею и дождливою. От Киева мы продолжали путь по направлению к Волочиску до станции Дерожня, ближайшей от Межибужья, где предстоял первый смотр войскам Киевского военного округа. Киевский генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков и командующий войсками округа генерал-адъютант Дрентельн провожали Государя от Киева. В Дерожню прибыли мы 3 сентября, около 2 часов. Здесь нас встретил подольский губернатор действительный статский советник князь Мещерский с депутациями от местного дворянства и крестьян. От станции железной дороги проехали мы верст 20 в экипажах до местечка Межибужье, где приготовлено было для Государя и его свиты удобное помещение в зданиях старинного замка. Здесь встретил Его Величество подольский губернский предводитель дворянства князь Михаил Викторович Кочубей.

В лагерном сборе под Межибужьем находилось шесть пехотных полков трех разных дивизий*: 11-й, 12-й и 32-й, 3-я стрелковая бригада, драгунская и гусарская бригады 6-й кавалерийской дивизии, несколько сотен казаков и 10 батарей пешей и конной артиллерии. Лагерь пехоты расположен был в недальнем расстоянии от Межибужского замка. Немедленно же по прибытии в замок, Государь и вся свита переоделись и отправились на военное поле на смотр артиллерийской стрельбы (64 орудия), по окончании которой начальствующие лица были приглашены в замок к обеду.

На другой день, 4 сентября, в 9 часов утра происходил общий смотр войскам, под сильным дождем и при холодной погоде; а в 4 часа — смотр стрельбы пехоты и драгун; затем обед в замке, с приглашением командиров всех отдельных частей войск.

Наконец 5 сентября утром — двухсторонний маневр, а в 4 часа — стрельба стрелковых батальонов и рот. В этот день погода была хотя и пасмурная, но уже без дождя. К обеду были приглашены по случаю дня полкового праздника кавалергардов некоторые из съехавшихся местных помещиков, некогда служивших в том полку. Вечером замок и лагерь были иллюминованы.

6 сентября выехали мы в 8 часов утра из Межибужья по тяжелой, грязной дороге. На несколько верст от местечка по обеим сторонам пути расставлены были шпалерами все части лагерного сбора. Государь, проезжая мимо каждой части, еще раз благодарил войска и выражал начальникам свое удовольствие. Доехав не без труда до станции Дерожня около полудня, мы тронулись по железной дороге в обратный путь на Жмеринку и оттуда на Бендеры, куда прибыли на другой день в 8 часов утра. На Бендерской станции железной дороги была обычная встреча: на платформе ожидали генерал-губернатор и командующий войсками Одесского округа генерал-адъютант Коцебу, бессарабский губернатор генерал-майор Шебеко, начальник расположенной в Бендерском лагере 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ольшевский и другие начальствующие лица. Государь, приняв хлеб-соль от депутации разных сословий, проехал в крепость, где было приготовлено для

---

* В автографе далее зачеркнут первоначальный текст: «12-й (начальник генерал-лейтенант Фиркс), 32-й (начальник генерал-лейтенант Сумароцкий) и 11-й (генерал-лейтенант Романовский) и 3-я стрелковая бригада (генерал-майора Энгмана), всего 22 батальона, драгунская и гусарская бригады 6-й кавалерийской дивизии (генерал-лейтенанта Швебса), несколько сотен казаков и 10 батарей пешей и конной артиллерии» (*примеч. публ.*).

Его Величества помещение в комендантском доме; все лица свиты разместились в других домиках, окаймляющих площадь.

В 11 часов утра назначен был общий смотр войскам Бендерского лагеря. Кроме 15-й пехотной дивизии с ее артиллерийскою бригадой, тут находились: один полк 14-й пехотной дивизии (Волынский), 3 батальона 4-й стрелковой бригады (начальник бригады генерал-майор Цвецинский), Донские полки 9-й и 11-й и 14-я артиллерийская бригада; всего 18 батальонов, 8 сотен и 8 батарей. Все войска прошли два раза; пред 58-м Пражским пехотным полком ехал шеф его генерал-адъютант граф Лидерс. Погода была прекрасная; на военное зрелище собралась большая толпа любопытных. Парад удался вполне, и Государь выразил полное свое удовольствие назначением генерала Коцебу шефом 60-го пехотного Замосцского полка.

Возвратившись с парада в крепость, Государь принимал депутацию от бессарабского дворянства и присланных в Бендеры для приветствования Государя от имени султана и от князя румынского министров иностранных дел Джемиль-пашу и Костафора. К 4 часам пополудни на гласисе крепости устроен был народный праздник. Государь и все окружавшие его смотрели на местные национальные пляски и забавы. К царскому столу приглашены были главные начальники и почетные лица.

На другой день, 8 сентября, по случаю праздника Государь присутствовал у обедни в крепостной церкви. В 1 час пополудни происходил смотр стрельбы всей пехоты, казаков и артиллерии, а в 6 часов — большой парадный обед в устроенном временном бараке в саду. К обеду приглашены были представители Турции и Румынии и депутация от бессарабского дворянства. Государь провозгласил тосты в честь султана и князя Румынского с краткою речью, на которую отвечал Джемиль-паша. Могли ли мы тогда думать, что этот представитель Порты был накануне своей смерти: по выезде из Бендер 9-го числа он умер внезапно на одной из станций железной дороги, как можно полагать, от аневризма.

9 сентября в 9 часов утра начался двухсторонний маневр на пространстве между лагерем и высотами к стороне Кишинёва; но продолжался всего часа два. По окончании маневра Государь по обыкновению собрал всех начальников, высказал им свои замечания относительно хода маневра, благодарил за отличное состояние войск и прямо с поля отправился на станцию железной дороги. Ровно в полдень поезд тронулся, при криках «ура», а к 4 часам мы были уже в Одессе. Государь, заехав в собор и в институт[455],

прибыл в Карантинную гавань, где встречен у пароходной пристани собравшимся во множестве народом. В 5 часов мы отплыли из Одессы на пароходе «Владимир» и на другой день, 10 сентября, вышли на берег в Севастополе, в 8 часов утра.

Прямо с парохода Государь поехал в лагерь 13-й пехотной дивизии (с ее артиллерийскою бригадой); на пути остановился у собора, а после смотра дивизии осмотрел недостроенный еще в то время храм во имя Св. Владимира, где погребены наши знаменитые адмиралы: Лазарев, Нахимов, Корнилов и Истомин. Затем переехав на катере чрез большую бухту, Его Величество посетил кладбище на Северной стороне, слушал панихиду в тамошней церкви и к часу пополудни возвратился на пароход. Отплыв немедленно из Севастополя, мы прибыли к 6 часам вечера в Ливадию.

Таким образом, отсутствие наше из Ливадии продолжалось ровно месяц. В продолжении этого времени, сравнительно недолгого, мы вынесли столько разнообразных впечатлений, что казалось, как бы целый год провели в путешествиях. В особенности неделя, проведенная в Берлине, оставила в моей памяти такое впечатление, какое испытываем после какого-нибудь продолжительного, сложного и тревожного сновидения.

В отсутствие Государя прибыл в Крым ко дню 30 августа великий князь Константин Николаевич. После летнего плавания в Балтийском море Его Высочество должен был провести некоторое время в Петербурге, по случаю собравшегося там Международного статистического конгресса (VIII сессия)[456]. Великий князь в качестве почетного председателя открыл торжественно 10 августа заседания конгресса, продолжавшееся целую неделю, вперемежку с разнообразными разъездами и пирами. Закрыв конгресс 18-го числа подобающею речью, Его Высочество уехал 24 августа в Крым и поселился в своем прекрасном Ориандском дворце.

Великий князь Николай Николаевич по возвращении из Берлина предпринял путешествие на Восток. Выехав из Петербурга 17 сентября, он прибыл 26-го числа в Константинополь, где принят был султаном весьма радушно, и пробыл на Босфоре три дня; далее отправился на пароходе в Бейрут. Путешествие Его Высочества продолжалось около двух месяцев, в Петербург возвратился он лишь 20 ноября.

Наследник Цесаревич, прибыв из Берлина в Копенгаген, оставался в датской королевской семье до 26 сентября, присутствовал

при открытии королем риксдага и затем отбыл с семейством своим на яхте «Штандарт» в Штеттин, откуда по железным дорогам проехал в Одессу, и 2 октября прибыл в Ливадию.

Между тем придворная жизнь в Ливадии текла в установленном неизменном порядке; единственное разнообразие допускалось лишь в праздничные дни и по случаю каких-либо официальных приемов. 27 сентября Государь принимал шведского генерала Биорнштерна (брата посланника*), присланного с официальным объявлением о кончине короля Карла XV (умершего 6/18 сентября) и вступлении на шведский престол брата его Оскара II. С нашей стороны в качестве представителя России при погребении покойного короля и с поздравлением преемника его послан был в Стокгольм член Военного совета генерал-адъютант барон Врангель.

Вскоре по приезде в Ливадию Наследника Цесаревича и цесаревны великие князья Владимир, Сергей и Павел Александровичи выехали оттуда (8 октября) и 14-го числа прибыли в Царское Село.

По возвращении в Крым из утомительного путешествия с Государем я получил разрешение снова провести некоторое время на отдыхе в своей семье и прожил до конца сентября в Меласе. В то время гостили там брат и сестра моей жены[457], а несколько ранее приезжала графиня Елизавета Николаевна Гейден с детьми. На этот раз я пробыл в Меласе не совсем без дела: фельдъегеря, приезжавшие из Петербурга в Ливадию по три раза в неделю, привозили и мне бумаги, рассмотрение которых отлагать было неудобно. В особенности озабочивали меня приготовительные работы комиссий, на которые возложено было обсуждение основных начал новой воинской повинности и организации войск. Дела эти не позволяли мне слишком долго оставаться в Крыму, и потому я назначил свой выезд на пароходе, отходившем из Севастополя 3 октября.

Накануне этого дня, 2-го числа, я приехал утром в Ливадию, чтоб откланяться Их Величествам. После доклада Государю и завтрака я распростился с дочерью и со всем обществом ливадским и возвратился в Мелас, а на следующее утро отправился в Севастополь в сопровождении моей жены, которая поспешила возвратиться в Мелас, узнав, что в тот же день вечером должно было там съехаться целое

---

* В декабре того же 1872 года генерал Биорштерн был назначен министром иностранных дел; место его в Петербурге занял временно поверенный в делах Рейтершёльд.

общество новых приезжих: М.Н. Вельяминова с племянницей своей княжной Вяземской, сын мой, прибывший из Петербурга в отпуск и приятель его, Корсаков, адъютант великого князя Михаила Николаевича, присланный с Кавказа курьером. На другой же день ожидали еще в Мелас и князя Леонида Дм[итриевича] Вяземского, брата больной княжны, офицера гвардейского гусарского полка.

Прибыв 4 октября в Одессу, я переехал прямо с пристани на железнодорожную станцию. Здесь встретил меня приехавший из Петербурга фельдъегерь с массой присланных мне бумаг. Удобное помещение в отдельном, так называемом министерском, вагоне позволило мне на всем пути заниматься делами, как в своей комнате. Ехал я безостановочно. В Москве на станции Николаевской железной дороги встретили меня дети покойного моего брата Николая с гувернанткой. От них узнал я, что они ожидали на днях возвращения из-за границы своей матери, которая пожелала, чтобы сын ее Юрий, выехал навстречу ей в Петербург. Таким образом, от Москвы до Петербурга я имел спутником моего юного племянника, который в то время готовился к поступлению в Катковский лицей[458]. 7 октября утром мы приехали в Петербург. Юрий поместился у меня в доме в ожидании приезда матери.

Невестка моя, Мария Агтеевна Милютина, по совету доктора Пеана, провела несколько недель на водах в Оверньє, в местечке St. Nectaire, 3 сентября возвратилась в Париж и затем отправилась обратно в Россию; но на пути снова захворала в Берлине и телеграфировала, чтобы сын ее приехал туда, что было крайне нерассудительно с ее стороны. Юноша оказался благоразумнее своей матери: понимая, как дорого время в его лета и опасаясь отдалить свое поступление в Катковский лицей, где начинались уже экзамены, он возвратился в Москву, не дождавшись матери. Она приехала в Петербург только 26 октября и на другой же день продолжала путь в Москву.

ПОСЛЕДНИЕ ДВА МЕСЯЦА 1872 ГОДА

В продолжение почти трех месяцев отсутствия моего из Петербурга накопилась, конечно, масса дел, ожидавших моего возвращения. По утрам я постоянно был занят в разных заседаниях и совещаниях; все остававшееся от них время употреблял на объезд разных военных заведений; по вечерам же был буквально завален бумагами.

В Петербурге нашел я свою сестру Мордвинову, которая водворилась с малолетней своею дочерью в уютной квартирке в Шпа-

лерной улице врозь от своего мужа, поселившегося в Саратове. Глубоко огорченная этою разлукою, она заслуживала полного сострадания. С приездом моим в Петербург она почти каждый день навещала меня в моем одиночестве. Почти ежедневно заезжал я к своему другу А.А. Баранцову наведываться о ходе его болезни. Во время пребывания своего в Дюббельне, в сентябре месяце, он сильно заболел воспалением легких, так что едва могли довезти его до Петербурга. В его лета такая болезнь представляла большую опасность; врачи признали необходимым, чтобы он при первой возможности отправился за границу и провел там зиму.

Одиночество мое в Петербурге было непродолжительно. 16 октября уже приехали младшие дети, которых провожал до Киева дядя их Евгений Михайлович Понсэ, а там встретила наставница их Ольга Ивановна Винтер. Сын мой выехал из Крыма 20 октября; но по моему поручению заехал в майорат, в городе Мехов (Келецкой губернии), откуда прибыл в Петербург только 3 ноября. С этого времени он принял на себя все заботы по делам майората[459].

Государь, выехав из Ливадии 24 октября, вместе с наследником, цесаревною и детьми их, прибыл 28-го числа в 9 часов утра в Царское Село. Я встретил его на подъезде Царскосельского дворца, но виделся с ним в этот день только несколько минут. Доктор Боткин, приехавший из Крыма за несколько дней пред тем, сообщил мне последние сведения о состоянии здоровья императрицы: хотя оно несколько поправилось в Крыму, однако ж решено было, по совету Боткина, чтобы с наступлением весны Ее Величество отправилась в Италию. Такое решение, быть может, обуславливалось соображениями особого рода, не зависящими от врача; но вообще мне всегда казалось крайне несообразным, что наши петербургские больные обыкновенно ищут спасения на юге в летнее время, а в глубокую осень и на зиму возвращаются в свои северные тундры.

С приезда Государя возобновились мои поездки в Царское Село. 30 октября Его Величество сам приезжал в Петербург по случаю назначенного в этот день большого смотра войскам. Смотр происходил обычным порядком на Марсовом поле в походной форме; всеми войсками командовал Наследник Цесаревич. Затем в течение ноября справлялись, как всегда, полковые праздники: 6-го числа гвардейских гусар в Царском Селе, 8-го — лейб-гвардии Московского, а 21-го — лейб-гвардии Семеновского полков в Петербурге. В последний этот день Государь переехал на житье в Зимний дворец.

В то время Его Величество был весьма озабочен болезнью наследника Цесаревича, который уже с 7-го числа заболел брюшным тифом с возвратною горячкой. Обстоятельство это ускорило возвращение императрицы. Выехав из Ливадии 18 ноября, Ее Величество с великою княжной Мариею Александровной прибыла уже 23-го числа в Петербург.

На другой день после приезда императрицы происходила на вокзале железной дороги встреча прусского принца Карла, приехавшего с многочисленною военною депутацией к празднику ордена Св. Георгия. Торжество по этому случаю совершилось 26 ноября по установленному церемониалу; затем в коридорах нижнего этажа происходило обычное угощение кавалеров из нижних чинов, а в 6 часов вечера парадный обед в Николаевском зале на 350 кувертов. Во время обеда Государь провозгласил обычный тост в честь старейшего георгиевского кавалера — императора Вильгельма. Принц Карл ответил краткою речью и тостом за здоровье Государя. В этот день принц был назначен шефом 1-й гренадерской артиллерийской бригады.

Чествование немецких гостей продолжалось еще несколько дней. Выехали они из Петербурга 8 декабря. Государь и великие князья простились с принцем на вокзале железной дороги.

Между тем болезнь Наследника Цесаревича все усиливалась и возбуждала уже серьезные опасения. К лечению его приглашен был доктор Боткин. С 12 декабря началась публикация ежедневных бюллетеней. Только в конце декабря болезнь приняла более благоприятный оборот, так что к Новому году утвердилась уже полная надежда на счастливый исход.

В конце ноября собралась в Петербурге и вся моя семья. Старшая дочь прибыла 23-го числа с императрицей. Жена с двумя другими дочерьми выехали из Меласа 22-го числа вместе со своими гостями: М.Н. Вельяминовой и княжной Л.Д. Вяземской. На пути останавливались они по одному дню в Одессе, Киеве и Москве и утром 29 ноября прибыли в Петербург.

30 ноября получил я из Москвы извещение по телеграфу о том, что при торжественном открытии в тот день Московского политехнического музея[460], в присутствии почетного председателя Общества любителей естествознания великого князя Константина Николаевича, я удостоен избрания в почетные члены музея.

П.Д. Киселёв

15 ноября получил я из Парижа по телеграфу печальное известие о смерти моего дяди графа Павла Дмитриевича Киселёва, кончившего жизнь накануне, в 9 ч 45 мин утра, спокойно, без страданий. Известие это не было неожиданным: уже несколько лет граф Киселёв заметно слабел; жизненные силы его угасали постепенно, но в особенности с весны 1872 года он уже до того одряхлел, что не было возможности и помышлять об обычном перемещении его на летнее время в Уши. Он оставался в Париже и не в силах уже был продолжать свой прежний образ жизни. Бессонница чрезвычайно ослабляла его; бо́льшую часть дня проводил он лежа на кушетке в дремоте. В биографии графа Павла Дмитриевича (А.П. Заблоцкого. Т. III, стр. 422)[461] помещена выписка из письма Н.В. Ханыкова о последних днях графа Киселёва. В дополнение к этим сведениям приведу также выписку из полученного мною тогда же письма от А.С. Есакова, находившегося неотлучно при моем дяде:

«С 8/20 октября, после сильного запора (в течение 9 дней), граф ослабел разом настолько, что мы, окружившие его, стали считать

ему срок жизни по неделям. С 24 октября / 5 ноября пропал почти вовсе аппетит, несколько дней спустя он перестал курить, не хотел уже выезжать в карете на прогулку, стал мягок и ласков с нами и постоянно дремал днем. При всем том недуга настоящего не было, он просто угасал от старости. До последнего дня жизни он посильно держался обычного порядка своей домашней жизни, вставая иной день хоть на два, на три часа с постели и обедая всегда со мною. Пищи желудок его не принимал дней за восемь до смерти, но он всего кушал и еще более пил, — и тут же извергал рвотою. После такого обеда 13/25 ноября он рано пожелал лечь в кровать, провел ночь довольно спокойно, но рано утром стал хрипеть и учащеннее дышать. Около 7 часов еще пил бульон, не говорил ничего никому из окружавших людей, из прислуги, на вопросы о том, не желает ли чего, и, пожав слабо руку своему первому камердинеру, испустил дух без видимой борьбы, без судорог в $9^3/_4$ часа утра. Я минут за 20 до этого, по соглашению с камердинером, отправился за духовником (который, зная расположение графа, думал только причастить его Св. тайн часа чрез два) и вернулся поспешно домой; между тем граф уже скончался, но я застал еще на лице его как бы остаток жизненности. Граф мне ничего словесно о своей воле не передавал, идеею о смерти не тревожился, желая только кончины не мучительной. Это желание его исполнилось вполне, но мы так и ожидали. При бальзамировании тела доктор заявил, что телесное сложение графа было отменно нормальное; он, значит, так скончался, как следовало по его натуре»[462].

В самый же день кончины моего дяди г. Есаков уведомил меня по телеграфу, что покойный граф оставил завещание и назначил душеприказчиками своими меня, Андрея Парфеновича Заблоцкого и П.Р. Казицына (действительного статского советника, вице-директора Лесного департамента Министерства государственных имуществ), заведовавшего денежными делами покойного графа. Посол наш в Париже князь Орлов спрашивал нас, душеприказчиков, желаем ли мы, чтобы пред перевозкою тела в Москву совершен был в Париже погребальный обряд с установленными военными почестями? Я ответил по телеграфу, что решение этого вопроса предоставляем усмотрению самого посла, по соображению с местными обычаями.

В декабре тело покойного графа Киселёва было перевезено кратчайшими путями в Москву, и 24-го числа совершено погребение в Донском монастыре рядом с могилами отца покойного гра-

фа, матери его и младшего брата Николая Дмитриевича. К крайнему сожалению моему, я не имел никакой возможности в то время отлучиться из Петербурга. Все распоряжения по погребению приняли на себя прямые наследники графа, сыновья Сергея Дмитриевича Киселёва — Павел и Николай Киселёвы.

Вскоре присланы были мне оставленное покойным моим дядей духовное завещание и несколько конвертов, отмеченных его рукой на мое имя. Завещание было составлено 27 июля / 8 августа 1871 года во время пребывания графа в Уши. Оно было написано со слов завещателя рукою протоиерея Василия Александровича Прилежаева, настоятеля церкви при русском посольстве в Париже* и удостоверено двумя свидетелями: протоиереем Петровым, настоятелем церкви при русской миссии в Швейцарии, и коллежским асессором князем Андреем Васильевичем Трубецким. Не касаясь родового недвижимого имения, переходящего к законным наследникам, граф Павел Дмитриевич в своем завещании распределил все оставшиеся после него денежные суммы и движимое имущество между близкими родственниками, лицами, находившимися при нем в последние годы, и прислугою. Он вспомнил обо всех своих племянниках и племянницах, даже об их детях — что, признаюсь, несколько удивило нас, родственников покойного графа Павла Дмитриевича, не выказывавшего особенного внимания к родственным отношениям и даже никогда не видавшего в глаза многих из тех, которым в завещании назначались денежные выдачи или вещи. На удовлетворение денежных выдач обращен, как объяснено в самом заведении, капитал, составившийся из пожалованных Павлу Дмитриевичу императором Николаем I в 1834 году в награду за управление княжествами Валахией и Молдавией[464] 600 тыс. турецких пиастров, из представленных тогда остатков от поступавших с княжеств доходов, с присоединением процентов, накопившихся за все время хранения означенного капитала в государственных кредитных учреждениях. Самые крупные денежные выдачи были назначены для обеспечения незаконных детей покойного графа (до 150 тыс. руб.); также получили щедрые награды все лица прислуги. Не забыта Посольская церковь и весь причет ее; назначены денежные выдачи духовникам. Мне завещаны библиотека, бумаги, дорожный серебряный сервиз и хранившийся у великой княгини

---

* С о. Прилежаевым я познакомился еще в 1867 году в Ницце, где он был тогда настоятелем русской церкви[463].

Елены Павловны в золотом футляре адрес, поднесенный П.Д. Киселёву от населения Валахии; жене моей оставлены на память серьги, а старшей дочери, к которой покойный граф особенно благоволил, 10 тыс. руб. на приданое в случае замужества. В числе лиц, которым оставлены на память разные вещи, поименованы: Казицын, Заблоцкий, Н.В. Ханыков, Вал[ерий] Вал[ерьевич] Скрипицын, граф Н.Н. Муравьёв-Амурский, Ник[олай] Ив[анович] Тургенев* и другие. На расходы «скромного» погребения тела и на устройство над могилою памятника назначено 15 тыс. руб. и 10 тыс. руб. на составление и издание биографии покойного графа, или, как он сам выразился в завещании, «подробного и полного служебного формуляра». Забота по составлению этой биографии была возложена на меня. Все остальное из вещей и денежных сумм, за распределенными по завещанию, предоставлено в пользу Николая Сергеевича Киселёва, *второго* сына покойного Сергея Дмитриевича. Старший же брат Павел (который впоследствии принял графский титул) был обойден завещателем, как кажется, вследствие каких-то наговоров и ложных сведений, доходивших на его счет до графа Павла Дмитриевича.

Кроме приведенного формального завещания, нашлось в бумагах покойного дяди моего письмо, писанное им собственноручно 24 сентября 1856 года пред отъездом его из Петербурга в Париж на имя мое и брата моего Николая. Приведу здесь это письмо довольно характерного содержания и слога, хотя оно, очевидно, не имело уже законной силы за позднейшим формальным завещанием:

«Признав должным при отъезде за границу сделать некоторые распоряжения по моим собственным делам, я в отклонении запутанностей, а может, и споров, составил ныне духовное завещание, коим распределяю *движимое* мое имущество в пользу близких сердцу.

В таком намерении, имена ваши, любезные и добрые мои племянники и друзья, должны были первенствовать в предсмертном акте, что вы и усмотрите при приведении его в исполнение. Наследство вы получите малозначительное, но от души вам оставляемое; *чем богат, тем и рад, прошу не прогневаться***, по выражению купцов и сидельцев.

Билеты, при сем письме приложенные, принадлежат вам, Николаю и Дмитрию Милютиным.

---

* Н.И. Тургенев, живший постоянно в Париже, скончался в 1871 году.

** Строки эти подчеркнуты в самом подлиннике.

Библиотеку и карты — разделите, как сумеете.

А бумаги — просмотрите, и если окажутся непригодными к употреблению полезному, то предайте огню.

Теперь остается мне просить вас, как друзей испытанных, принять под ваше покровительство малолетних сирот Прежбиано, состоящих под попечительством А.А. Балино[465], и которые, благодаря Бога, обеспечены в скромном их содержании. Но если бы оказалось нужным дать им руку помощи, то в обоих вас уверен, что призыв мой не останется без отголоска в сердцах ваших, а потому более здесь и толковать не нужно.

Когда и как дойдет к вам это письмо — не знаю; но поистине глаголю вам — чем позднее, тем лучше.

Живите долго и благополучно; иногда вспомните о старом дяде, который вас любил, как своих детей.

А теперь прощайте, до свидания — авось!..»[466]

Еще передан мне П.Р. Казицыным конверт, на котором была собственноручная надпись графа Киселёва о передаче брату его Николаю Дмитриевичу, но имя его было зачеркнуто и надписано карандашом мое имя с объяснением: «Кончина брата Николая прекращает это распоряжение и заставляет просить племянника и душеприказчика Дмитрия Алексеевича Милютина принять на себя труд точного исполнения загробных моих распоряжений». В конверте я нашел: 1) запечатанный конверт на имя великой княгини Елены Павловны с приложенной к нему запиской: «Le pli à l'adresse de la Grande Duchepe Heléne contient une lettre d'adieu, avec une restitution. La lettre porte la date de novembre 1849; les P.S. qui s'y trouvent sont de septembre 1856, mars et novembre 1867»*, 2) письмо на имя А.Ф. Грота, которому граф Киселёв выказывал в 1858 году особенное расположение и благодарность за его преданность и, наконец, 3) распечатанное письмо на имя Николая Дмитриевича Киселёва, которому граф Павел Дмитриевич поручил приведение в исполнение завещания, составленного, вероятно, ранее и впоследствии измененного. Письмо это, выражавшее дружеское доверие графа к младшему брату, заканчивалось следующими строками: «Je ne désire pas que cette lettre vous parviene incéssament. J'aime la vie et je voudrais la voir prolongée, — mais comme il faut être

* «В конверте на имя великой княгини Елены пришло прощальное письмо с реституцией. Письмо было датировано ноябрем 1849 г., однако постскриптум письма относился к сентябрю 1856 г., марту и ноябрю 1861 г.» (*фр.*).

raisonnable et juste en toutes choses, je m'y soumes de bonne grâce. Je ne vous parlerai pas non plus de mes sentiments pour vous, cher et excellent ami; vous les connaissez comme je connais les vôtres à mon égard. Ainsi adieu et soyez heureux.

Votre frère et ami

Paul»*.

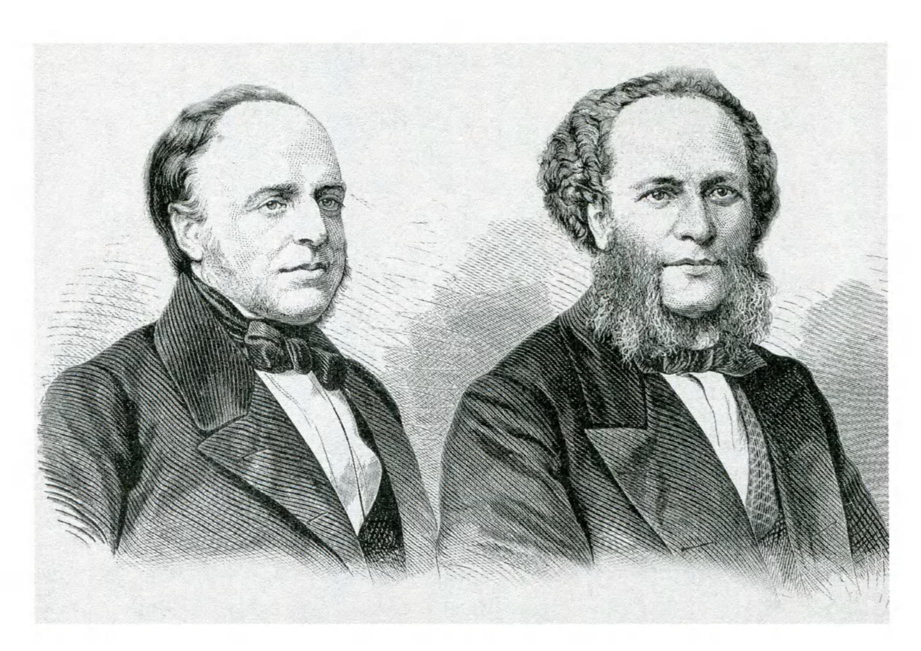
Письмо это, без означения года и числа[467], но, судя по почерку, надобно полагать, что оно было писано за много лет до смерти графа Павла Дмитриевича.

Конверт на имя великой княгини Елены Павловны я не мог представить лично Ее Высочеству: в то время великая княгиня находилась уже в таком положении, что болезнь ее возбуждала серьезные опасения; она никого не принимала, и потому я должен был доставить ей конверт при письме. Конверт на имя А.Ф. Грота я также препроводил к нему и получил от него теплые выражения благодарности. Все распоряжения по завещанию мы, душеприказчики, начали приводить в исполнение общими силами, и по большей части пунктов дело было окончено весьма скоро, благодаря усердной помощи П.Р. Казицына. Только по двум пунктам исполнение затянулось на более продолжительное время, а именно: по постройке надгробного памятника и по изданию биографии. Что касается до памятника, то А.П. Заблоцкий принял на себя труд съездить в Москву, осмотреть место и переговорить с известным архитектором А.П. Рязановым о составлении проекта общего памятника над всеми четырьмя могилами: Дмитрия Ивановича, Прасковьи Петровны, Павла и Николая Дмитриевичей Киселёвых. На все расходы по сооружению памятника оставалось в нашем распоряжении до 10 тыс. руб. Относительно же биографии, он же А.П. Заблоцкий сам предложил свое перо. В доставленных мне нескольких сундуках с бумагами покойного дяди оказался богатый материал для составления его жизнеописания и, что в особенности было важно, — дневник[468], в который покойный Павел Дмитриевич в продолжение многих десятков лет заносил каждый

---

* «Я не хочу, чтобы это письмо пришло к Вам незамедлительно. Я люблю жизнь и желал бы видеть ее продленной, но следует быть рассудительным и честным во всем, я полагаюсь на [Вашу] милость. Я больше не буду говорить о своих чувствах, дорогой и преданный друг, я знаю Ваши чувства, как Вы знаете мои. Посему прощайте и будьте счастливы.

Ваш брат и друг Павел» (*фр.*).



А.П. Заблоцкий-Десятовский (слева) и П.П. Семёнов-Тян-Шанский

день все, что делал, говорил, слышал и даже размышлял. Это был самый ценный источник, из которого впоследствии черпал биограф графа Киселёва.

Как бумаги, так и библиотека графа Киселёва были разбросаны частию в петербургских кладовых, частию в его парижской квартире. По доставлении ко мне массы ящиков и сундуков и потребовалось немало времени на разборку их и приведение в порядок, в особенности библиотеки, которая осталась самым дорогим для меня поминком о покойном дяде[469].

Таким образом, 1872 год начался и закончился для меня печально, на свежих могилах брата и дяди. Оба послужили с честью и славой своей родине; оба отличались глубокою, искреннею преданностию общественному делу и стремились к одному и тому же идеалу: возрождению гражданскому и нравственному народа русского.

Мог ли я предвидеть, что чрез месяц после похорон дяди, я буду на погребении замечательной женщины, которая так благоволила и графу Павлу Дмитриевичу и моему брату Николаю, которая с таким теплым сочувствием всегда поддерживала их обоих в государственной их деятельности[470].

ДЕЛА АЗИАТСКИЕ

В Азии дела наши в 1872 году находились в положении весьма удовлетворительном. Только хивинский хан продолжал держать себя дерзко в отношении к русским пограничным начальникам, оставлял по-прежнему без ответа требования генерал-адъютанта Кауфмана и высылая в степь шайки, чтобы волновать подвластных России киргиз. Все же прочие наши среднеазиатские соседи относились к нам дружественно. В оренбургских степях с тех пор как Мангышлакский полуостров поступил в заведование кавказского начальства водворилось полное спокойствие. Бунтовавшие в прошлом году адаевцы[471] возвратились на прежние свои зимовки; торговля кочевников с Астраханью возобновилась[472]. Осенью 1872 года полковник Ламакин с незначительным отрядом обошел весь полуостров и везде находил в населении полную покорность.

Со стороны Красноводска также предпринимались движения в виде рекогносцировок. Место генерал-майора Столетова, навлекшего почему-то на себя неудовольствие кавказского начальства, заступил полковник Генерального штаба Маркозов. В сентябре и октябре он предпринял с небольшим отрядом движения к Чикишляру и вдоль Узбоя, доходил до Кизыл-Арвата и только имел одну неважную стычку со встреченными на пути туркменами.

В Туркестанском округе было везде спокойно. Генерал Кауфман в то время был занят преимущественно гражданским устройством края и развитием его в экономическом отношении. К сожалению, представленный им в прошлом году проект устройства управления Туркестанским краем вызвал множество замечаний со стороны всех почти министров, то есть со стороны петербургских чиновников, вовсе незнакомых с краем и вообще принимающих недружелюбно всякую новую работу, задаваемую им местными властями, особенно отдаленных окраин. В марте 1872 года генерал Кауфман просил меня возвратить ему представленный им проект с замечаниями министерств[473].

Отношения туркестанского начальства к Бухаре и Кокану установились вполне удовлетворительные. Эмир Бухарский, по-видимому, понял свое положение и заискивал доброе расположение генерала Кауфмана. Также и хан Коканский в феврале прислал в Ташкент блестящее посольство, во главе которого прибыл старший сын Худояр-хана. Посольство это пробыло в Ташкенте 17 дней; генерал Кауфман чествовал его; показывал посланцам

все, что в Ташкенте могло в глазах азиатцев служить обращиком европейской цивилизации. Обменявшись, по обычаю, подарками, коканское посольство уехало, по-видимому, весьма довольное приемом генерал-губернатора.

Наконец, и с владетелем Кашгарским, который до сих пор делал всякие притеснения русским подданным, пытавшимся завести торговые сношения с Джитышаром, также началось сближение. В начале 1872 года генерал Кауфман получил от Якуб-бека письмо, в котором он оправдывался в своих недружественных поступках в отношении России и просил о присылке в Кашгар доверенного лица для переговоров. В то же время караван нашего купца Немчинова после двадцатидневного задержания в Кашгаре был оттуда выпущен с уплатой за все забранные у него товары. Туркестанский генерал-губернатор поспешил воспользоваться случаем, чтобы отправить к Якуб-беку посольство под начальством капитана Генерального штаба барона Каульбарса, из двух офицеров, нескольких топографов и других лиц, с поручением заключить, по возможности, с владетелем Джиты-Шара торговый договор, а в то же время собрать сведения о крае, в особенности в отношении к торговым целям. Посольство это выехало из Ташкента 15 апреля и достигло полного успеха. Оно было принято Якуб-беком с почетом, и хотя переговоры о торговле шли довольно туго, однако ж под конец владетель Кашгара согласился на все предложенные ему условия, обеспечивавшие свободу и равноправность торговых сношений русских подданных с Джитышаром. По получении окончательного согласия Якуб-бека русское посольство выехало из Кашгара вместе с посланцами кашгарскими, отправленными в Ташкент для формального утверждения заключенного договора. 16 июня генерал Кауфман принял кашгарское посольство с подобающею торжественностию, и вслед за тем договор был утвержден с обеих сторон. Посольство барона Каульбарса доставило нам и много новых топографических и статистических сведений о Кашгарии и путях в эту страну[474].

Установление дружественных отношений с Кашгаром считали мы тем более важным успехом, что смотрели тогда не совсем равнодушно на сближение Якуб-бека с англо-индийским правительством, которое посылало к нему посольства, заводило торговлю, снабжало его оружием и инструкторами. Соперничество англичан и постоянное их противодействие нашим успехам в Средней Азии были для нас только стимулом к большему еще распространению

нашего преобладания в этой части света. Как мы, так и англичане, придавали тогда возникшему новому владению Кашгарскому более значения, чем оно в сущности заслуживало. Казалось, что Якуб-бек не только утвердил свою власть собственно в Джитышаре, но и распространял ее постепенно на другие соседние области Срединной империи, из которых китайские власти и войска были вытеснены восстанием мусульманского населения. Владычество дунган в этом крае продолжалось недолго. За неимением энергичных и влиятельных вождей оно клонилось уже к упадку. Пользуясь ослаблением дунган, Якуб-бек завладевал мало-помалу страною к северу от Тянь-Шана и занял уже Манас. Но в то же время и с другой стороны китайские войска, медленно выдвигаясь вперед, уже заняли снова Чугучак.

Несмотря на всю неурядицу в соседнем крае и не прерывавшиеся там военные действия, предприимчивые наши торговцы продолжали смело ходить с караванами к стороне Манаса и Урумчи. Водворение русской власти в Илийской долине и расположение небольшого наблюдательного отряда у Шихо были достаточны для покровительства нашим торговым караванам.

Уже в это время китайское правительство подняло вопрос о возвращении ему занятой нами Кульджи и всей Илийской долины[475]. В июле 1872 года приехал из Чугучака в Сергиополь китайский уполномоченный для переговоров по этому предмету. Местное население с ужасом смотрело на возможность восстановления китайского владычества и не доверяло обольстительным обещаниям китайского уполномоченного. Генерал Колпаковский категорически объявил этому последнему, что не может быть и речи о возвращении Кульджи китайскому правительству до тех пор, пока оно не восстановит вполне своей власти во всей прилежащей стране и не будет в состоянии охранять в ней спокойствие и порядок.

Таким образом, на всем громадном протяжении наших азиатских окраин одно только ничтожное ханство Хивинское держало себя враждебно в отношении к мощному соседу. Изолированное положение этого оазиса, окруженного обширными песчаными и безводными степями, вместе с воспоминаниями о неудачном нашем походе 1839 года[476] поддерживали в полудиких хивинцах убеждение в недосягаемости Хивы для наших войск, уверенность в безнаказанности за все дерзкие и враждебные их действия.

Генерал Кауфман старался до последней крайности не доводить дела с Хивою до войны. Напрасно приписывали ему

завоевательные стремления. Вот что писал он мне 7 марта 1872 года: «Я считал бы великою победою, если бы мне удалось уладить с Хивою и Кашгаром без драки. Это было бы настоящею победой над Средней Азией. До сих пор нам ничего не удавалось без боя; каждый шаг в сношениях наших, каждый успех в дипломатии, торговле приобретается не иначе как кровью. Торжество наше в Азии будет тогда только полно, когда мы не будем вынуждены прибегать к оружию для того, чтобы понуждать соседа исполнять самые законные, поистине скромные требования наши...» Генерал Кауфман не раз выражал искреннее свое желание избегать военных действий. «Если б это не было истинно так, то я не переставал бы драться круглый год...»[477]

Однако ж при всем миролюбии генерала Кауфмана и при полном желании высшего правительства избегать новых завоеваний в Средней Азии, не было возможности долее оставлять безнаказанными дерзости хивинского хана, который упорно отказывался от всяких сношений с туркестанским генерал-губернатором. В течение лета 1872 года он присылал доверенных лиц в Оренбург и на Мангышлак; но им объявлено было, что русское правительство не иначе вступит в переговоры, как под условием, чтобы хан немедленно освободил всех захваченных хивинцами русских подданных и чтобы дал удовлетворительный ответ на посланные ему от генерала Кауфмана письма. И на этот раз хан отклонил наши требования и послал посольство в Калькутту с письмом на имя великобританской королевы и с просьбою о заступничестве за Хиву против России. Вице-король посоветовал хивинским посланцам вступить в дружественные сношения с русским пограничным начальством и выдать русским пленных. Однако ж и затем хан Хивинский не смирился.

В совещании, происходившем у Государя, вскоре по возвращении его из Крыма, признано было необходимым для поддержания достоинства России и ее влияния в Азии дать строгий урок безрассудному соседу. Предположено было произвести раннею весной следующего года наступательное движение концентрически с трех сторон: главный отряд должен был наступать со стороны Туркестанского округа, под начальством генерала Кауфмана; другой — со стороны Оренбургского округа, вдоль западного берега Аральского моря к Кунграду, под начальством атамана Уральского казачьего войска генерал-лейтенанта Верёвкина, человека опытного, энергичного и близко знакомого с азиатскою войной; наконец,

Хивинский хан Сеид Мухаммед-Рахим II

третьему отряду предположено было двинуться от Красноводска прямым путем чрез Туркменские степи к Хиве, под начальством полковника Маркозова. По мере сближения колонн старший из начальников должен был принимать общее над ними начальство; по соединении же всех трех отрядов главное над ними начальство, равно как и ведение всего дела в политическом отношении возлагались на генерала Кауфмана[478].

От каждого из трех военных округов были затребованы соображения для составления в Петербурге общего плана экспедиции, а между тем в министерстве приступлено было заблаговременно к главнейшим приготовительным мерам для обеспечения отрядов всеми предметами материальных потребностей в трудном походе чрез обширные безводные степи. Как ни старались держать эти приготовления в тайне, однако ж молва о готовящейся в Средней

Азии большой экспедиции распространилась даже ранее, чем началась в министерстве официальная по этому предмету переписка. Слухи эти снова встревожили общественное мнение в Англии, хотя и казалось в последнее время, что там начали уже привыкать к мысли о нашем господстве в Средней Азии и стали относиться к нему спокойно. В начале 1872 года кабинеты Петербургский и Лондонский пришли к соглашению относительно предположенной черты разграничения их влияния. Северным пределом британского влияния, по настоянию Англии, принято было верхнее течение Аму-Дарьи. Дипломаты наши сочли нужным сделать такую уступку, чтобы только покончить дело, пока правление в Великобритании находилось в руках вигов — министерства Гладстона — Гренвиля. Вопреки тем основаниям, которые были условлены в Петербурге с Форсайтом, и несмотря на неоднократные мои напоминания канцлеру и тайному советнику Стремоухову, что при тогдашних наших частных совещаниях речь шла о промежуточной, нейтральной полосе между нашими среднеазиатскими и английскими ост-индскими владениями, переговоры в Лондоне привели совершенно к иному результату: Афганистан был признан не тою нейтральною полосой, о которой говорилось первоначально, а прямо страною, входящею в сферу исключительного влияния Великобритании. Мало того, к афганскому владению причислены были и такие страны на северном склоне Индо-Куша, которые со времени смерти Дост-Магомета уже не признавали над собою власти его преемников и не допускали к себе правителей от эмира Кабульского (Бадакшан, Вакхан, Майменс и проч.)[479].

Уступка наша в вопросе о разграничении сферы влияния России и Англии в Средней Азии вполне удовлетворила Лондонский кабинет и дала английскому министерству полное право официально опровергнуть пред парламентом ходившие в публике тревожные слухи о новых завоевательных замыслах России. Тем не менее всякое движение наших отрядов в степи, подобно рекогносцировкам Маркозова, снова подавало повод газетам тревожить общественное мнение в Англии. Поэтому, когда осенью 1872 года заговорили о предположенном походе русских на Хиву, наше Министерство иностранных дел, опасаясь поколебать только что установившееся соглашение с Лондонским кабинетом, потребовало, чтобы предположенная экспедиция была ведена исключительно только для наказания хивинского хана и чтоб отнюдь не приняла характера нового завоевания. Вследствие этого Государь также

выразил положительную свою волю, чтобы войска наши ни в каком случае не остались в Хиве и после нанесения удара немедленно возвратились на прежние места. В таком смысле и даны были инструкции генералу Кауфману.

В Восточной Сибири управление генерал-лейтенанта Синельникова представляло образец крайнего произвола власти и самодурства. Рядом с ханженством и с притязаниями на водворение в крае нравственности, на искоренение злоупотреблений и беззаконий, он сам действовал, нимало не стесняясь законами, и позволял себе вопиющие несправедливости. Так же как в прежние времена в звании губернатора, он более всего заботился о внешнем украшении города, об устройстве бульваров; сам строил театр; задумал даже оградить Иркутск каким-то колоссальным валом от разливов Ангары. На все это нужны были деньги; но Синельников не затруднялся в этом отношении: у него было простое средство — стоило только заставлять богатых купцов или золотопромышленников делать пожертвования на «общеполезные» дела. Как человек крайне односторонний, с узкими понятиями, он задумал отвлечь местное население от работ на золотых промыслах, которые он признавал вредными для нравственности народной, и заставить обратиться к земледелию. Сведения о странных распоряжениях генерал-губернатора дошли до Петербурга; начались толки о неспособности Синельникова, но в особенности заговорили о нем, когда он вздумал самовольно закрыть кабаки и винокуренные заводы. Летом 1872 года он приехал в Петербург для личных объяснений и представил Государю записку под названием «всеподданнейшего отчета», в которой с крайнею наивностью изложил свои государственные виды и соображения[480]. Казалось, что записка эта должна бы вполне выказать ограниченность и узость ума Синельникова, неспособность его к занятию такого высокого и самостоятельного поста, какова должность генерал-губернатора в отдаленном обширном крае. В самом Иркутске уже распространился слух, что он не возвратится туда; начинали уже радоваться освобождению от такого патриархального начальства. Однако ж за отъездом Государя в Крым и во время продолжительного его отсутствия из Петербурга позабыли о Синельникове и его самодурстве; он спокойно возвратился в Иркутск с большею еще, чем прежде, самоуверенностию, с твердым намерением выместить свою злобу на тех личностях, которые слишком открыто возрадовались слухам о перемене начальства.

В это время великий князь Алексей Александрович после кругосветного плавания на фрегате «Светлана» в составе эскадры контр-адмирала Посьета, посетив осенью берега Китая и Японию, предпринял путешествие в Восточную Сибирь. Посещение этого отдаленного края царским сыном было великим событием для местного населения. Но оно подало новый повод к самовольным и безрассудным распоряжениям генерал-губернатора. Ропот и общее неудовольствие все усиливались. Наконец случилось неожиданное приключение: один из ссыльных, мастерство которого пригодилось Синельникову для любимого его занятия — устройства театра, выведенный из терпения его несправедливостями и оскорбительным обращением, ударил его в присутствии многих свидетелей. Несчастный, конечно, был предан военному суду по законам военного времени и приговорен к повешению. Приговор этот утвержден самим Синельниковым и приведен в исполнение, что усилило еще общее против него негодование. После такого случая не было уже возможности оставить его начальником края, но чтобы увольнение его не имело вида прямого последствия нанесенного ему оскорбления, оно было отложено на некоторое время.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1872 ГОДУ

В непрерывном ходе предпринятых с 1861 года преобразований и улучшений во всех частях нашего военного устройства 1872 год должен был составить переходный момент к новой серии важных задач, имевших целью наибольшее развитие военных сил России соответственно современным громадным вооружением других государств Европы. В этом году, двенадцатом со вступления моего в должность военного министра, заканчивались обширные работы в обеих учрежденных в 1870 году комиссиях: одной — по составлению проекта Положения о всеобщей (вернее, всесословной) воинской повинности и другой — по организации наших вооруженных сил в видах наибольшего развития их в военное время.

Обе комиссии работали усердно уже третий год, частию в специальных подкомиссиях, частию в общих заседаниях, под председательством начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена. Задачи той и другой комиссий были обширны и многосложны; по каждому вопросу высказывались мнения весьма разнообразные, часто противоположные; требовалось основательное и продолжительное обсуждение каждого разногласия, прежде постановления окончатель-

ных заключений, а потому было бы несправедливо сетовать на то, что дело затянулось на такое продолжительное время.

Комиссия о воинской повинности, состоявшая из представителей почти всех министерств и ведомств, усиливалась еще переменными членами, которые приглашались в заседания в виде экспертов по известным вопросам. К лету 1872 года не только основные начала предстоявшей важной реформы были обсужены и установлены, но и все подробности разработаны настолько, что оставалось в течение второй половины года заняться составлением общего свода постановленных комиссиею заключений и редактированием самого законопроекта, для внесения установленным законодательным порядком в Государственный совет.

Другая комиссия, называвшаяся обыкновенно «организационною» и состоявшая преимущественно из военных лиц, должна была подготовить и разработать массу материалов и предварительных расчетов, необходимых для разрешения основных вопросов будущей организации резервов. Каждый вопрос возбуждал продолжительные трения и вызывал самые противоположные мнения, которые нелегко было сводить к общему заключению. При этом были даже затронуты некоторые из основных начал, данных комиссии в руководство при самом учреждении ее. У меня самого запало сомнение в рациональности некоторых из этих начал, так что еще в августе 1871 года предложены были мною на обсуждение комиссии совершенно новые соображения о выгоднейшем способе решения задачи — увеличивать наши силы в случае войны, не прибегая к формированию новых частей*. Однако ж я тщательно избегал вмешательства в суждения комиссии; только в особых случаях, по желанию самого председателя комиссии графа Гейдена, я назначал неофициальные совещания у себя на дому. В этих сове-

* В записке 30 августа 1871 года[481] изложено было следующее предположение: вместо того, чтобы формировать в военное время новые резервные войска, увеличить число пехотных дивизий в мирное до 64, не включая гвардейских и гренадерских (т. е. на 24 дивизии более тогдашнего числа); половину дивизий расположить в западных пограничных и Кавказском округах и содержать в усиленном составе, так чтобы в военное время доводить их до полного состава призывом людей исключительно из запаса ближайшей пограничной полосы; другую же половину дивизий, расположенную во внутренних округах, содержать в самом сокращенном, кадровом составе, со включением в него в мирное время всего контингента инородного населения с тем, чтобы эти дивизии доводить до полного военного состава исключительно призывом ближайших запасных людей внутренних округов.

щаниях принимали иногда участие и некоторые из находившихся в Петербурге или временно приезжавших строевых начальников. При содействии их составлен был наконец в Главном штабе проект новой организации войск, обставленный самыми подробными расчетами и объяснительными соображениями[482].

Одновременно с занятиями обеих комиссий предпринята была еще третья, не менее важная работа, необходимая для полноты и основательности разрешения сложной задачи — устройства наших военных сил. Работа эта состояла в разборе стратегического положения государства. С этою целью положено было первоначально составить частные обзоры театров войны по округам. К началу 1872 года уже получены были такие обзоры Варшавского, Виленского и Киевского округов, ожидалась еще работа Одесского округа. Частные эти обзоры в связи с работами комиссий, производивших осмотр крепостей и пунктов, избранных для новых инженерных сооружений, послужили богатым материалом для составления общего стратегического исследования всего западного пограничного пространства. Работа эта была поручена генерал-майору Обручеву[483]. О Кавказском же театре войны работа производилась в Тифлисе, под руководством великого князя Михаила Николаевича.

С наступлением лета, когда Петербург обыкновенно пустеет и когда всякий, кто только может, старается вырваться из пыльного города, чтобы на чистом воздухе запастись новыми силами, работы комиссий если не совсем остановились, то по крайней мере значительно затормозились. Однако ж в течение этого лета, несмотря на свои поездки в Крым и на суетливую жизнь во время Красносельских смотров и маневров, я успел окончательно пересмотреть корректуры протоколов обеих комиссий и работ Главного штаба по организации войск. Это был немаловажный труд, плоды двухлетних коллективных занятий многочисленных сотрудников составили колоссальную массу. Оставалось еще из всей этой груды отдельных работ составить общую сводку и дать окончательную редакцию, что могло быть исполнено только осенью, когда снова съезжаются отсутствующие сотрудники.

18 июля, в день выезда Государя из Царского Села в Крым, при докладе моем в вагоне Николаевской железной дороги я воспользовался удобным случаем, чтоб объяснить Его Величеству важность производимых в Военном министерстве работ и тех вопросов, которые предстояло решить в исходе года. Я счел своею обязанностью обратить заранее внимание Государя на те новые

пожертвования, которые потребуются от государства для приведения в исполнение предположений, основанных на общем убеждении в необходимости увеличить военные силы России, ввиду грозных вооружений всей Европы. Неизбежно должен был стать на первый план вопрос финансовый в связи с высшими соображениями стратегии и политики, а затем уже выступали специальные задачи самой организации армии и ее резервов. Решение столь важного дела, по моему мнению, не могло быть возложено на ответственность одного военного министра, оно требовало совместного обсуждения с другими министрами и содействия их. Поэтому я предложил Государю мысль — призвать на совещание некоторых им самим избранных лиц, пользующихся авторитетом в делах государственных и военных. Мысль эта была принята Государем весьма сочувственно; он приказал мне напомнить о ней осенью по возвращении в Петербург.

Однако ж предположение о предстоявшем совещании разгласилось уже гораздо ранее. На пути в Берлин Государь предварил о своем намерении фельдмаршала графа Берга, встретившего Его Величество в Вержболове, и поручил ему передать об этом и другому фельдмаршалу — князю Барятинскому. Позже из Ливадии Государь написал о том же и великому князю Михаилу Николаевичу. Первоначально предполагалось съехаться для совещания в начале декабря; но потом оказалось невозможным подготовить к этому сроку все нужные для совещания данные. По возвращении в Петербург в октябре я увидел, что оставалось еще много работы по всем частям: по организации войск — только что отпечатанный проект Главного штаба не был еще обсужен в общем собрании комиссии, к стратегической записке генерал-майор Обручев только что приступал по возвращении своем из-за границы. В то время к совещаниям Организационной комиссии были приглашены некоторые из командующих войсками в округах: генерал-адъютанты Гильденштуббе, Карцов и Дрентельн, несколько позже приехали Хрущов, Потапов, Чертков и еще некоторые из строевых начальников.

С первых же заседаний общего собрания комиссии большинство голосов выразилось в пользу проекта Главного штаба; но предложены были и довольно существенные изменения, в особенности относительно резервных и запасных войск. Были поданы и некоторые отдельные мнения, совсем расходившиеся с проектом Главного штаба. Пока шли эти прения, я старался держаться в нейтральном положении, так что самый доклад комиссии был

составлен без личного моего заключения. Только по составлении этого доклада я нашел необходимым собрать у себя некоторых из главных лиц, участвовавших в прениях комиссии, чтобы придумать средства к устранению главного недостатка, заключавшегося, по моему мнению, как в проекте Главного штаба, так и в докладе комиссии, именно: значительность новых расходов, вызываемых выработанными предположениями. С этою-то целью и было тут предложено мною перейти от 5-ротного состава батальонов к 4-ротному — что и было принято, хотя не без споров. Также предложены были мною и некоторые другие изменения в предположениях комиссии о территориальном делении России в отношении комплектования войск, образования запасных и резервных частей и проч.

Все эти работы затянулись до начала нового года[484], а потому я должен был доложить Государю, что предположенные под личным Его Величества председательством общие совещания не могут начаться ранее половины января. По высочайшему повелению об этом было сообщено мною (23 декабря) обоим фельдмаршалам и великому князю Михаилу Николаевичу с приглашением приехать в Петербург к 10 или 12 января.

В ожидании окончания работ обеих, учрежденных в 1870 году комиссий (по воинской повинности и организации войск), Военное министерство в течение 1872 года, так же как и в предшествовавшем году, воздерживалось от каких-либо новых преобразований и ограничивало свою деятельность лишь продолжением частных мер, клонящихся к усовершенствованию существующего военного устройства, в особенности же к возможно большей готовности нашей к войне.

Так, по *Главному штабу*: численность войск почти не изменилась, за исключением лишь самых маловажных перемен в штатах некоторых местных войск*. Средства же для пополнения войск до полного военного состава возросли до 620 тыс. человек бессрочно- и временно-отпускных, так что в это время мы имели уже до 140 тыс. человек в избытке.

---

* К концу 1871 года штатное число *регулярных* войск было 740 159, списочное 733 761 нижних чинов; в конце года: штатное — 743 791, списочное 726 903. В иррегулярных войсках состояло на действительной службе 66 832 человека; всего же на довольствии — 804 480. Полный военный состав оставался прежний: 1 220 000 нижних чинов.

Главный штаб продолжал разработку и усовершенствование плана мобилизации на случай войны. В начале года составлено было новое расписание призыва чинов запаса, Высочайше утвержденное 2 апреля; в конце же августа и сентябре повторен опыт призыва запасных чинов уже в большем, чем в прошлом году, размере. В каждом из военных округов Европейской России (за исключением, конечно, Финляндского) назначено было для этого опыта по одному уезду, без объявления, однако же, заранее о том, на который именно уезд выпадет выбор. Приказания о немедленном производстве призыва были даны по телеграфу 24, 25, 26 и 27 августа в уездах: Ямбургском (Петербургского округа), Ярославском (Московского), Екатеринославском (Одесского), Саратовском (Казанского) и Рижском (Виленского); 7 сентября — в Конотопском и Летичевском (Харьковского и Киевского округов), и, наконец, 23 сентября — во всей Люблинской губернии (Варшавского округа). Во все означенные местности командированы были по Высочайшему повелению, для наблюдения за успехом сбора, лица Свиты Его Величества*. Они были направлены в пункты пребывания военно-окружного начальства, откуда должны были отправиться на самые места призыва только по получении телеграфного извещения. Результаты опыта везде оказались весьма удовлетворительными: в первые же четыре дня явилось на сборные пункты не менее 84% всего числа запасных нижних чинов, а в Люблинской губернии даже 90%. Собранные чины запаса распределялись немедленно в назначенные на сборных пунктах части войск, получали обмундирование, вооружение и принимали участие в учениях, в цельной стрельбе и смотрах. Командированные лица Государевой свиты представили отчеты вполне благоприятные.

Таким образом, мы убедились фактически, что в отношении мобилизации нашей армии достигнут уже значительный успех. По тогдашним расчетам вся наша армия могла быть укомплектована людьми до полных составов военного времени, одета, обута, вооружена и снаряжена на 18-й день по объявлении призыва. Дальнейшее сокращение этого срока было одною из главных забот Военного министерства, насколько позволяли это существующие у

---

* В автографе здесь первоначально было авторское примечание, а именно: генерал-адъютанты князь Урусов и Кушелев (в Ригу и Саратов), генерал-майоры Свиты граф Ностиц (Екатеринослав), Ребиндер (Ямбург), князь Голицын (Борис Фёдорович (Люблин), Эйлер (Ярославль), князь Манылов (Конотоп), Сержпутовский (Летичев) (*примеч. публ.*).

нас невыгодные условия. Оставался еще не разрешенным в деле мобилизации вопрос о снабжении армии лошадьми. Составленный в Военном министерстве проект военно-конской повинности уже был разослан на заключение начальствующих лиц, от которых ожидались отзывы для дальнейшего направления этого дела в установленном законодательном порядке.

Высочайшим манифестом 16 ноября[485] определен контингент предстоявшего рекрутского набора в том же размере, как и в предшествовавшие два года, именно — по 6 рекрут с тысячи душ, что давало всего около 150 тыс. рекрут. Размер этот признавался необходимым во всяком случае для скорейшего образования нужного запаса нижних чинов, какая бы ни была принята новая организация резервных и запасных войск, и какой бы срок службы ни был установлен новым уставом о воинской повинности.

С 1 января 1872 года вошли в действие две новые меры, имевшие существенное значение для внутреннего быта войск: Положение о полковом хозяйстве и производстве добавочного содержания командирам частей, строевым должностным лицам и прочим офицерам. Улучшению положения военнослужащих также способствовала и другая принятая в 1872 году мера относительно квартирного довольствия: отмена натурального постоя и замена его квартирными деньгами из городских сборов. Благодетельная эта мера, к сожалению, не могла первоначально получить общего применения, до полного преобразования воинской постойной повинности.

Означенные меры для улучшения материального положения офицеров открыли возможность дать новое назначение суммам, которые ежегодно отпускались в распоряжение начальников частей для выдачи офицерам единовременных пособий. Часть этих сумм была обращена на образование в войсках ссудных капиталов для заимообразных выдач офицерам по каким-либо случайным обстоятельствам, а другая часть — в пособие на устройство и поддержание офицерских собраний и общих столов. Таким образом, в 1872 году упрочено существование означенных собраний — учреждения, несомненно полезного как для удобства жизни строевых офицеров в отношении материальном, так и для общественного их быта, для образования и развития нравственного.

1872 год выдавался из всех прежних и последующих замечательным проявлением между офицерами охоты к военному образованию. По примеру Петербурга, где во всех трех военных академиях

читались в определенные дни недели вечерние лекции, на которые открыт был доступ всем желающим, читались подобные же лекции по разным предметам военным не только в больших центрах расположения войск, но и в дивизионных и полковых штаб-квартирах. В офицерских собраниях назначались особые дни недели для военных «бесед», чтений, военной игры. Если б такое настроение было поддержано ближайшим начальством войск и вошло в привычку, то можно было бы ожидать существенно полезных результатов.

В среде нижних чинов также заметны были большие успехи в умственном развитии и распространении грамотности. Учебные команды для приготовления унтер-офицеров получили более правильное устройство. Вместе с тем принимались меры для возможного поднятия нравственного уровня, так сказать, для облагорожения солдата и для улучшения его домашней обстановки. В этих видах я старался, между прочим, поощрять заведение в полках «чайных» и «читален», чтобы отвлечь солдат от кабака, пьянства и других грубых развлечений. В этом деле помогли мне некоторые врачи своим авторитетом, признав чайную порцию гораздо более полезною для здоровья, чем винную, даже в походе и лагерях. Во многих частях войск довольствие чаем ввелось без затруднения; в иных нашлось и помещение в казармах для устройства «чайных» или «буфетов», и там, где нововведение это было принято сочувственно ближайшим начальством, оно принялось и оказалось очевидно полезным.

В строевом образовании войск с каждым годом все более усваивалось новое направление, обращенное к существенной цели — подготовке к настоящей войне. В этих видах давалось, сколь возможно, большее развитие общим лагерным сборам, в которых все роды оружия привыкают к совместным упражнениям. Особенное внимание обращалось на цельную стрельбу пехоты и артиллерии. В 1872 году так же, как и в прошлом, производились смотры войскам в самых широких размерах: кроме Высочайших смотров во многих пунктах во время путешествия Государя на Юг России, в августе и сентябре трое из членов Военного совета инспектировали войска нескольких округов, а генерал-майор Свиты Тимофеев — на самой отдаленной окраине Восточной Сибири; собственно же для осмотра цельной стрельбы командированы были особые лица от инспектора стрелковых батальонов. Наконец, особые комиссии осматривали вновь устроенные военно-исправительные роты. Вообще все смотры войскам дали весьма благоприятные за-

ключения об успехах, достигнутых в строевом образовании, так же как и относительно внутреннего благоустройства войск.

Артиллерийская часть в 1872 году была в следующем положении: перевооружение всей пехоты скорострельным оружием было уже совершенно закончено еще в прошлом году, продолжалось только пополнение парков патронами. Но вооружение это было временное, переходное, для нового же перевооружения малокалиберным оружием требовалось еще много лет. Все три оружейных наших завода только еще устраивались и приспособлялись к выделке нового оружия. В течение 1872 года Тульский и Сестрорецкий заводы успели выделать лишь весьма небольшое число ружей в виде первого опыта, преимущественно для обучения мастеров и рабочих; валовое же производство на всех трех заводах могло начаться не прежде средины следующего года. Между тем патронный завод был в полном ходу, и принимались разные меры для усовершенствования патронного дела[486].

Относительно полевой артиллерии, только что снабженной наконец новыми орудиями и всею материальною частью, возникла опять новая задача: решено было увеличить состав артиллерийских бригад добавлением еще по две батареи сверх имевшихся четырех[487]. Такое усиление полевой артиллерии было действительно необходимо для установления той соразмерности артиллерии с численностию пехоты, какая принята была во всех армиях. Но можно было предвидеть, что потребуется еще гораздо большее усиление полевой артиллерии в виду предположенного общего развития наших вооруженных сил. Поэтому артиллерийскому ведомству предстояло значительно усилить изготовление материальной части. Самое же формирование пятых и шестых батарей в бригадах положено было производить постепенно, с рассрочкою на три года (1873–1875).

Соответственно новому составу артиллерийских бригад и по соображению с новыми условиями ведения войны признавалось нужным снова изменить организацию артиллерийских парков. Высочайше утвержденное 13 июля 1872 года новое Положение о парках[488] потребовало также значительного усиления материальной их части, а следовательно, и денежных средств. Поэтому приведение нового Положения в исполнение было рассрочено на четыре года (1873–1876).

Для осадной и крепостной артиллерии продолжалось изготовление орудий, станков, снарядов и всей прочей принадлежности

уже исключительно на русских заводах, Пермском и Обуховском, хотя они все еще не достигли желаемого развития и не в силах были вполне удовлетворять требования артиллерийского ведомства. Оба названных завода ограничивались изготовлением 9-дюймовых орудий[489]. Заказы Круппу были приостановлены в угоду нашим финансистам, скорбевшим о невыгодном для России переводе за границу значительных сумм.

По *инженерной части*: вопрос о крепостях оставался в прежнем положении: ежегодно отпускаемые денежные средства едва позволяли производить некоторые частные усовершенствования в существовавших сооружениях и исправлять явные недостатки их; но с каждым годом все более выказывались слабые стороны наших крепостей и необходимость новых дополнительных построек, не входивших в прежние проекты. Постройки эти, конечно, требовали и новых денежных средств. Еще большие средства оказывались нужными для осуществления проектов новых крепостей и укреплений в тех пунктах, которые указывались стратегическими исследованиями, произведенными в прошлом году и продолжавшимися в 1872-м. Несмотря на всю тягость таких расходов для финансов государства, мне казалось опасным откладывать на неопределенное время удовлетворение такой существенной потребности, как обеспечение безопасности государства. Россия нуждается еще более, чем другие державы, в самостоятельных крепостях, которые могли бы задержать вторжение неприятеля в глубь страны и дать нам время для окончания мобилизации и сосредоточения наших сил. В крепостях заключается единственное средство, чтобы хоть несколько ослабить те невыгодные географические условия, которые неизбежно замедляют нашу мобилизацию и перемещение массы войск к западным границам.

Вопрос казарменный, который столько уже лет озабочивал Военное министерство, не подвигался вперед. Между тем разрешение его сделалось еще настоятельнее, чем прежде, ввиду тогдашних предположений о сокращении срока службы солдата и развитии наших вооруженных сил. Военное министерство, убежденное в невозможности когда-либо выстроить казармы на средства Государственного казначейства, рассчитывало на содействие в этом деле со стороны городов и земства, для которых, казалось, должно быть желательно освободиться от тяжелой повинности воинского постоя. Поэтому Военное министерство снова вошло в сношение с Министерством финансов, прося его ускорить решение вопроса о

переложении натуральной постойной повинности в денежную, дабы иметь, так сказать, оценку тягости, лежащей на населении, и того размера, в котором оно могло бы признать для себя выгодным принять участие в постройке казарменных помещений. На этот раз домогательства Военного министерства имели успех, и комиссия, образованная при Министерстве финансов, представила наконец свои расчеты тех сумм, которые могли потребоваться на наем помещений для всех войск, пользовавшихся еще натуральным постоем. Расчеты эти были препровождены на поверку местным властям, и в таком положении застал дело наступивший 1873 год.

По *интендантской части* в 1872 году дело шло в прежнем направлении, без всяких нововведений и перемен. По вещевому довольствию продолжались работы по улучшению качества разных предметов и самых образцов (изменение формы ранцев, введение сухарных мешков), по изготовлению в мастерских обмундирования и обуви, по постройке обозов и т. д. По довольствию же провиантскому интендантство продолжало применять, где находило выгодным, систему долгосрочных поставок и заготовления провианта в зерне. Испытание консервов производилось в разных частях войск, но вообще этот год принадлежал к числу неблагоприятных в провиантском отношении, вследствие плохого урожая в предшествовавшем году и возвышения цен. С другой стороны, весьма полезное значение в кругу деятельности интендантства имела Московская промышленная выставка, о которой я уже говорил.

По *военно-врачебной части*: главным успехом в 1872 году можно считать окончательное пополнение военно-госпитальных запасов, за исключением лишь некоторой части хирургических инструментов, изготовление которых замедлилось вследствие расстроенного положения казенного инструментального завода, давно уже нуждавшегося в капитальной ремонтировке. Кроме того, можно указать на окончание постройки и внутреннего устройства Клинической больницы баронета Вилье, вошедшей в состав Медико-хирургической академии, а также преобразование Ветеринарного отделения той же академии, на основании нового Положения и штата. Все прочие действий Главного военно-медицинского управления имели характер совершенно частных административных распоряжений или заключались в разработке вопросов, не получивших еще разрешения в этом году. Не останавливаясь на этих подробностях, я должен здесь рассказать несколько обстоятельнее об одном новом учреждении, которое

имело весьма мало связи с военным ведомством и вошло в него только случайно, как бы временно, пока не находило нигде в другом ведомстве сочувственного приема. Я говорю о женских врачебных курсах, которые впоследствии навлекли на меня столько упреков и неприятностей.

Учреждение это возникло не по моей инициативе, а вследствие настояний главного военно-медицинского инспектора тайного советника Козлова, который еще в 1870 году возбудил в Медицинском совета Министерства внутренних дел вопрос о высшем врачебном образовании женщин для приготовления ученых акушерок. Совет в заседании 3 марта 1870 года, обсудив предположение тайного советника Козлова, вполне одобрил его мысль и даже дополнил ее, выразив мнение свое о необходимости для означенной цели полного 4-летнего учения. Однако ж дело это оставалось без последствий в продолжение двух лет, до марта 1872 года, когда тайный советник Козлов представил мне письмо одной богатой сибирячки, г-жи Родственной, жертвовавшей капитал на первый раз в 50 тыс. руб. с тем, чтобы открыть при Медико-хирургической академии особые курсы для образования ученых акушерок, которые могли бы вообще подавать врачебную помощь женщинам и детям. Жертвовательница обещала в случае успеха предположенного учреждения увеличить капитал. Тайный советник Козлов, обрадованный таким счастливым обстоятельством, облегчавшим осуществление давнишней его мечты, убедил меня открыть женские врачебные курсы хотя на первое время при Медико-хирургической академии, так богатой всеми учебными пособиями и клиническими средствами. Некоторые из профессоров приняли предложение с особенным сочувствием, вызываясь читать лекции за самое незначительное вознаграждение. И действительно, никакое другое учреждение или ведомство не могло доставить таких средств предположенным курсам, польза которых была несомненна. Составлен был проект «Временного положения» об означенных женских врачебных курсах в виде опыта при Медико-хирургической академии. 6 мая этот проект был доложен мною Государю, одобрен Его Величеством без малейшего затруднения и объявлен приказом по военному ведомству 10 июля 1872 года[490]. Дело устроилось так легко благодаря тому, что по первоначальному предположению оно не требовало от казны ни одной копейки. При самом учреждении курсов я надеялся поставить их под специальное покровительство или попечительство одной из великих

княгинь и обратился с этим предложением к великой княгине Елене Павловне. При первом моем с нею объяснении я уже заметил в ней колебание и несочувствие к новому учреждению, а вскоре потом получил решительный письменный отказ. Не знаю, что именно возбуждало недоверие и несочувствие Ее Высочества к новому учреждению, еще прежде открытия его. Между тем осенью 1872 года курсы открылись; с самого начала они привлекли большое число слушательниц, несмотря на то что тогда не было еще выяснено, какие права могли быть предоставлены слушательницам по окончании курса. Непосредственное заведование женскими курсами приняла на себя безвозмездно женщина, замечательная по своему характеру и добронамеренности, — Мария Григорьевна Ермолова, вдова генерал-лейтенанта. Она принялась за дело с необыкновенным тактом и умела приобрести авторитет над пестрым сбродом женщин и девиц, явившихся с разных сторон учиться медицине. Хотя некоторые из них были подготовлены не совсем удовлетворительно, однако ж занятия учебные пошли весьма успешно; профессора говорили, что редко находили и в среде студентов академии такое прилежание, такую жажду знания, какие выказывали слушательницы. Даже в праздничные дни они собирались в аудитории на дополнительные пояснения лекций некоторых профессоров.

Тем не менее женские врачебные курсы с самого начала своего существования навлекли на себя подозрение и гонение со стороны III отделения и полиции. Мне приходилось нередко отстаивать курсы от взводимых на них нареканий в отношении нравственности слушательниц и политической их благонадежности. Вполне доверяя добросовестности М.Гр. Ермоловой, следившей внимательно за каждою из слушательниц, я считал себя вправе при каждом случае опровергать незаслуженные предубеждения против них. Однако ж сознавая вполне справедливость замечания, что приготовление акушерок или женщин-врачей вовсе не дело Военного министерства, я не раз пытался и впоследствии передать женские врачебные курсы в которое-либо другое ведомство и хлопотал о принятии их под покровительство одной из особ Императорской фамилии: но, к сожалению, все эти попытки оставались без успеха, и я был вынужден оставаться невольным покровителем учреждения, чуждого военному ведомству, для того только, чтобы спасти полезное дело от неминуемой гибели его в самом зародыше.

Закончу свой обзор Военного министерства несколькими строками о ходе дел в остальных трех главных управлениях: иррегулярных войск, военно-судном и военно-учебных заведений.

По *иррегулярным войскам* некоторые из прежних законодательных работ Главного управления уже вводились в действие в 1872 году; а именно: в войске Донском новый порядок управления финансовой частию, с учреждением палат, Казенной и Контрольной, и местных казначейств; в других казачьих войсках также вводилось единство кассы и действие Государственного контроля. В исходе года последовало Высочайшее повеление о распространении на Донское казачье войско военно-судебных уставов. Высочайше утверждены новые Положения: о преобразовании управления Забайкальского казачьего войска (31 мая), о порядке отбывания военной повинности как в этом войске, так и в Астраханском (8 апреля и 6 мая) на тех же основаниях, какие были уже утверждены для Сибирского войска, Правила частного коннозаводства на Дону (8 апреля)[491]. Между тем в Главном управлении продолжалась разработка многих других вопросов гражданского и военного устройства казачьих войск, важнейшие из них были: о применении земских учреждений и устройстве медицинской части в области Донского войска[492]. Учрежденная в Новочеркасске Комиссия для составления нового Положения об отбывании воинской повинности в этом войске окончила свою работу по строевому образованию, введенные в Донском войске порядки обучения молодых казаков распространены на другие войска, в казачьих полках устраивались учебные команды, принимались меры к приготовлению в офицеры урядников казачьей артиллерии и т. д.

По *военно-судной части* в 1872 году сделан новый шаг к распространению военно-судебных уставов введением их в Финляндии (с 1 июля) и в Донском казачьем войске (Высочайшее повеление 4 ноября)[493]; что же касается Варшавского округа, то все еще ожидалось введение общей судебной реформы в Царстве Польском.

Произведенная в этом году ревизия военно-исправительных рот показала, что еще не всеми начальниками их усвоены требования нового Положения, в некоторых ротах замечены уклонения от существенных целей этого учреждения, в иных найдены неправильности и даже злоупотребления. Оказалось необходимым сменить некоторых начальников и вообще принять меры к улучшению персонала. Для разумного исполнения обязанностей, возлагаемых Положением не только на офицеров, но и на кадровых

унтер-офицеров нужны были люди вполне надежные в нравственном отношении и достаточно развитые; привлечь таких людей на тяжелую службу в военно-исправительных ротах возможно было только выгодами материальными, что и было принято в соображение при составлении штатов этих рот в 1869 году. Но штаты эти за недостатком денежных средств вводились постепенно; в 1872 году они были применены к четырем ротам: Кронштадтской, Динабургской, Новогеоргиевской и Брест-Литовской, и только по мере введения новых штатов изменялся и личный состав как начальствующих лиц и офицеров, так и кадровых унтер-офицеров.

Наконец, по *военно-учебной части*, в 1872 году произошла одна только перемена: Пермская военная прогимназия была закрыта, а вместо нее решено открыть новую в Симбирске*. По-прежнему продолжалось систематическое улучшение как по учебной и воспитательной части, так и в материальном устройстве заведений. Не останавливаясь на подробностях этих распоряжений, упомяну об одном, весьма полезном учреждении, которое создалось, можно сказать, незаметно и приняло замечательные размеры. Я говорю о Педагогическом музее. Первоначально он помещался весьма скромно в маленьком здании бывшей типографии военно-учебных заведений (на набережной Большой Невы, между зданиями 1-го военного Павловского училища и Филологического института), а в 1872 году переместился в так называемый Соляной городок (на Фонтанке, у Цепного моста) и вошел в состав устроенного там Музея прикладных знаний. В этом новом, более обширном помещении Педагогический музей военно-учебных заведений начал быстро развиваться благодаря безграничной, самоотверженной деятельности заведовавшего музеем полковника Каховского с помощью нескольких других личностей, преданных всею душою педагогическому делу. Педагогический музей не ограничивался специальною ролью складочного места учебных пособий для военно-учебных заведений; он сделался, можно сказать, общим средоточением, в котором педагоги всех ведомств и публика находили обильный запас всяких сведений, справок, образцов всего, что касается школьного дела, в совещаниях комитета обсуждались всякие педагогические вопросы; в зимнее время года читались рефераты для специалистов, публичные лекции для юношества и де-

---

* Впоследствии, по желанию симбирского дворянства, открыта военная гимназия.

тей, для солдат, для простого народа. На Московской выставке Педагогический музей военно-учебных заведений занял весьма видное место и обратил на себя общее внимание[494].

На расходы по военному ведомству в 1872 году ассигновано было Государственною росписью[495] 160 970 875 руб., что составляло превышение против сметной цифры 1871 года — в 6 372 331 руб., несмотря на то, в течение года оказалось необходимо испросить значительный сверхсметный кредит — 6 483 431 руб. Но в действительности издержано всего 165 924 000, что составило превышение против действительных расходов предшествовавшего года в 5 667 000, или около $4^1/_5$%.

Такое увеличение расходов вызвано было двумя причинами: во-первых, внесением в смету нового расхода в $3^1/_2$ млн на основании Высочайшего повеления 30 декабря 1871 года об увеличении окладов содержания генералам и офицерам, и, во-вторых, возвышением цен на провиант и фураж, что потребовало также увеличения расхода свыше $3^1/_2$ млн руб. Следовательно, за изъятием этих двух крупных прибавок общий итог военных расходов в 1872 году оказался бы не выше, а ниже предшествовавшего года.

В отношении общего положения государственных финансов 1872 год, так же как и прошлый, принадлежал к числу исключительно благоприятных: оба эти года закончились не только без дефицита, сделавшегося у нас обычным, хроническим недугом, но даже с некоторыми остатками. От 1871 года оставался избыток доходов над действительными расходами в 27 млн руб., так что за отчислением даже тех сумм, которые могли еще потребоваться на покрытие расходов, невыполненных по сметам 1871 года и прежних лет, чистого остатка поступило в ресурсы Государственного казначейства более $4^1/_2$ млн. Точно так же счастливо прошел и 1872 год: действительные доходы превысили сметные предположения на 35 млн с лишком; от сметных же расходов осталось неисполненных на $20^1/_2$ млн; и хотя в течение года было ассигновано до 51 млн на сверхсметные расходы, тем не менее в общей сложности действительные доходы превысили действительные расходы на 21 млн, а за отделением сумм на покрытие невыполненных расходов все-таки чистый остаток составлял около $4^1/_2$ миллионов.

Несмотря на такие благоприятные результаты двухгодичного финансового периода, в нашем финансовом кружке не предавались иллюзиям. С наступлением осени, то есть времени рассмотрения новых смет на 1873 год, возобновились обычные церемиады против

Военного министерства и сетования на прогрессивное возрастание военных расходов. Министр финансов вспомнил о записке, составленной в прошлом году в Военном министерстве[496] по поводу этих ежегодно повторяющихся упреков и представил Государю в ноябре свою меморию в виде возражения на правильность сделанного сравнительного анализа нашей военной сметы и северо-германской. По предварительному со мною соглашению, М.Х. Рейтерн испросил Высочайшее разрешение напечатать эту записку и разослать экземпляры членам Государственного совета, предоставив мне вместе с тем напечатать и могущие быть со стороны Военного министерства объяснения или возражения. Предложение министра финансов было принято мною с удовольствием; я был рад тому, что прошлогодняя работа Военного министерства по крайней мере не оставлена совершенно без внимания. В начале декабря записка Министерства финансов, равно как и возражения на нее Министерства военного, были разосланы членам Государственного совета[497]. Но тем и кончилось дело; полемика между двумя министерствами прошла как бы стороною, в виде прений академических, в заключение которых каждая сторона осталась при своем мнении.

А между тем разбор смет на 1873 год шел своим обычным порядком, и в окончательном результате общая сумма военных расходов на этот год определилась в 169 290 088 руб., то есть опять с превышением против прошлогодней на значительную цифру 8 320 213 рублей. Превышение это падало почти исключительно на сметы интендантскую и артиллерийскую и объяснялось следующими обстоятельствами: по интендантству — продолжавшимся возрастанием цен на провиант, фураж и некоторые предметы вещевого довольствия (до 32 809 000), увеличением размера приварочных денег и на хозяйственные надобности войск (1 402 000 руб.), назначением квартирных денег офицерам вместо постоя натурой (1 322 000 руб.) и жалования унтер-офицерам и некоторым другим нижним чинам (416 000 руб.), наконец, усилением состава запряженной артиллерии (419 000 руб.); по части же артиллерийской — преимущественно преобразованием артиллерийских парков (до 1 464 000), увеличением запасов свинца и селитры (1 126 000 руб.) и добавлением по две батареи в каждой артиллерийской бригаде (960 .000 руб.).

Вообще Государственная роспись на 1873 год заключена была с превышением против прошлогодней на $20^1/_2$ млн (т. е. на 4%). Несмотря на то, и на этот раз удалось свести баланс без дефицита[498].

К.К. Врангель

В воспоминаниях о 1872 годе мне остается закончить хронику Военного министерства целым рядом некрологов. В течение этого года сошли в могилу один за другим 6 членов Военного совета: 8 февраля генерал-адъютант Мерхелевич (Сигизмунд Венедиктович); вслед за ним 12 февраля — действительный тайный советник Брискорн (Максим Максимович); 11 апреля — генерал от артиллерии Яковлев (Григорий Кузмич); 6 августа — генерал от инфантерии Данненберг (Пётр Андреевич), 5 сентября — генерал от инфантерии барон Врангель (Карл Карлович), а 27-го того же месяца — генерал-адъютант Шварц (Владимир Максимович).

Из выбывших шести членов генералы Данненберг и барон Врангель принимали весьма мало участия в делах Военного совета. Первый из них, умерший на 81-м году жизни, участвовавший в Отечественной войне 1812 года в качестве офицера Генерального штаба, считался в свое время одним из самых образованных и

даже ученых офицеров; отличался утонченною любезностью в обществе, но слишком любил щеголять остроумием и изысканностию фразы, доходившею до приторности. Командуя корпусом под Севастополем, он не оправдал общего мнения о боевых его способностях; в делах же Военного совета обнаруживал мало практичности и деловитости, а потому не приносил особенной пользы. Барон К.К. Врангель был также в преклонных летах; человек почтенный и скромный, некогда отличался на Кавказе в числе боевых офицеров и был известен под прозванием Баязетского[499]. В заседаниях Военного совета он всегда сидел молча.

Генерал-адъютанты Мерхелевич и Шварц считались в свое время отличными строевыми офицерами гвардейской артиллерии и строгими командирами, принимали довольно деятельное участие в делах Военного совета и в особенности оживлялись, когда дело касалось близко знакомой им артиллерийской части. Впрочем, в последние годы они усердно трудились как председатели главных комитетов: Военно-тюремного и Госпитального. По смерти их вступили в эти должности: на место Мерхелевича, председателем Главного военно-тюремного комитета — генерал-адъютант Лутковский, также старый офицер гвардейской артиллерии, а на место Шварца председателем Военно-госпитального комитета — генерал-лейтенант Александр Карлович Баумгартен.

Григорий Кузьмич Яковлев был также артиллерийским генералом, но занимал большею частию должности административные в артиллерийском ведомстве и потому более многих других членов Совета был знаком с хозяйственными делами и приносил пользу деятельным своим в них участием. В последние годы он специально заведовал эмеритурой военного ведомства, и по смерти его, обязанности эти были возложены на генерала от артиллерии Резвого.

Самым компетентным в делах Военного совета был действительный тайный советник Брискорн, который с молодых лет приобрел репутацию способного дельца в Военном министерстве. Он начал службу еще при императоре Александре I, состоя в тогдашней военно-походной канцелярии начальника Главного штаба Е. И. В. князя Петра Михайловича Волконского; два раза был директором Канцелярии Военного министерства: в первый раз — еще при князе А.И. Чернышеве, а вторично — при генерале Н.О. Сухозанете[500], в промежутках же был в течение 10 лет (1843–1853) товарищем государственного контролера. Членом Военного совета он назначен был в 1857 году и до конца жизни принимал

участие в делах Совета. Однако ж в последние годы он заметно одряхлел и опустился, в заседаниях уже говорил редко и с трудом, задыхаясь и даже иногда путаясь в словах. В заседании 12 февраля он заинтересовался каким-то делом по артиллерийской части и говорил довольно продолжительно, с некоторым оживлением; с последним словом своей речи он опустился в кресло, и в то же мгновение голова его поникла — он был уже мертв!

Необыкновенная эта кончина произвела на нас всех, заседавших в Совете, глубокое впечатление. Максим Максимович Брискорн имел редкую участь — кончить жизнь во время самого исполнения своих служебных обязанностей, мгновенно, без всякого страдания. Он скончался на 85-м году жизни. Заседание, конечно, было закрыто, сочлены покойного немедленно подняли с кресла бездыханный труп и вынесли из залы в соседнюю комнату. Кто мог тогда подумать, что многие из них в том же году последуют за своим товарищем. С кончиною Устрялова в 1871 году, Брискорна и Яковлева в 1872 Военный совет лишился трех самых компетентных своих деятелей.

Необыкновенная убыль в составе Совета отчасти пополнилась в течение того же года назначением новых членов: генерал-адъютантов Глинки-Маврина и Козлянинова, бывших до того главными начальниками военных округов, Казанского и Киевского, генерала от инфантерии Бутурлина, бывшего помощником командующего войсками Одесского округа и во многом напоминавшего покойного генерала Данненберга; наконец, инженер-генерал-лейтенанта Рыдзевского, бывшего членом Инженерного комитета.

начало 1873-го года

Не прошло еще года с тех пор, как я лишился брата Николая, и двух месяцев после кончины дяди графа П.Д. Киселёва, — и вот уже новая для меня утрата, новая могила: 9 января кончила жизнь великая княгиня Елена Павловна.

Уже давно здоровье Ее Высочества пошатнулось. Каждый год великая княгиня ездила за границу и пользовалась минеральными водами, которые временно облегчали ее недуги; но в 1872 году болезнь ее усилилась. Она возвратилась из-за границы только 17 декабря и с этого времени почти не выходила уже из своей спальни. 4-го же января 1873 года желудочные ее страдания вдруг приняли острый характер: кишечный катар, за которым последовал отек мозга, в пять дней унес в могилу эту замечательную женщину.

13 января утром тело покойной великой княгини было перевезено с обычною церемониею в Петропавловский собор, а 15-го числа совершен обряд погребения, в присутствии приехавших к этому дню братьев покойной — принцев Вюртембергских, Вильгельма и Августа. Много искренних слез было пролито над этою могилой.

Великая княгиня Елена Павловна оставила по себе неизгладимую память во всех, кто только имел случай приближаться к ней. Она пленяла своим умом, любезностию, приветливым обхождением, утонченною внимательностию. Мои же воспоминания о ней неразрывно связаны с глубоким чувством благодарности и почтения. С того самого времени, когда в первый раз я был приглашен к Ее Высочеству в Павловск (в 1849 году, вскоре после выхода в свет моей книги о военной статистике)[501], и до последнего моего свидания с нею, когда она приняла меня в своей спальне уже во время болезни, — значит, в течение около 25 лет — великая княгиня постоянно оказывала мне самое доброе, самое сочувственное расположение. Кроме приглашений на свои вечера (большею частию по четвергам), отличавшиеся избранным обществом и изысканною обстановкою, великая княгиня нередко удостоивала меня одиночными беседами, продолжавшимися по часу и по два. В

Великая княгиня Елена Павловна

этих-то беседах, глаз на глаз, имел я случай вполне оценить замечательную способность ее вести занимательный разговор о самых разнообразных предметах, интересоваться всяким специальным вопросом, так же как и самыми общими соображениями высшей политики. Она умела поставить каждого собеседника так, чтобы он не чувствовал неловкости или принужденности; elle savait mettre chacun à son aise*, как говорят французы. Притом у ней было редкое свойство — охотнее слушать, чем говорить. Она любила приглашать к себе специалистов; от каждого из них старалась узнать что-нибудь новое и полезное для уяснения себе занимавшего ее вопроса. Таким же путем следила она за стоявшими на очереди делами государственными. При замечательном ее уме,

* Она чувствовала себя непринужденно (*фр.*).

всестороннем образовании и современном взгляде политическом суждения ее об этих делах всегда отличались верностию и ясностию. Нет сомнения в том, что великая княгиня имела самое благотворное влияние на ход всех важных реформ, совершившихся в царствование императора Александра II, в особенности же по крестьянскому делу, с которым она уже заранее освоилась, благодаря ее близким, дружеским отношениям с графом П.Д. Киселёвым. Государь выслушивал с уважением разумные советы и благие внушения своей тетки. Пользуясь этими беседами, великая княгиня нередко предостерегала Государя от вредных интриг, наговоров и клевет. Так, я имею основание полагать, что не раз и мне оказывала она поддержку против моих недоброжелателей так же, как прежде поддерживала она покойного моего брата Николая в тяжкой борьбе его с реакцией и крепостничеством[502]. Постоянное к нему благоволение, так же как и дружеские отношения ее в течение многих десятков лет к моему дяде графу Киселёву, укрепляли и мою личную преданность великой княгине. Память о ней составляет одну из светлых точек в моих старческих воспоминаниях.

В первые три месяца 1873 года внимание мое было до такой степени поглощено ходом дела в секретных совещаниях, происходивших под председательством Государя, что за исключением кончины великой княгини Елены Павловны, все прочее прошло почти бесследно в моих воспоминаниях. Не говорю уже о событиях внешней политики, как-то: о перевороте в Испании, где король Амедей после нескольких месяцев царствования, отрекся от престола, и провозглашена была республика[503], ни о смерти бывшего императора французов Наполеона III, так недавно еще державшего в руках своих нити европейской политики и кончившего жизнь 28 декабря 1872 г. (9 января нов. стиля) в Англии вследствие тяжкой болезни, я даже едва припоминаю и то, что прошло под моими глазами, или в чем я лично принимал участие.

В конце 1872 года, как уже я говорил, царское семейство, а с ним петербургское население и вся Россия были встревожены тяжкою болезнью Наследника Цесаревича, который пролежал несколько недель в тифе. Однако ж к началу наступившего 1873 года он уже вышел из опасного положения, и ежедневные бюллетени о его здоровье были прекращены. Со всех углов России полетели в Петербург телеграммы и адресы с выражениями верноподданнической радости. К концу января больной совсем уже оправился,

так что мог принять участие в секретных совещаниях по военным вопросам с первого же заседания.

В течение всей зимы шли деятельно приготовления к предстоявшей большой экспедиции против Хивы. Военное министерство было озабочено снабжением отрядов всеми материальными средствами для успешного совершения трудного похода по безводным и пустынным степям, а вместе с тем разрабатывался общий план кампании для согласования предположенного концентрического движения всех трех отрядов на Хиву. Наступательное это движение должно было начаться уже в марте месяце с таким расчетом времени, чтобы возможно было кончить всю экспедицию до наступления сильных жаров.

11 января появилось в «Правительственном Вестнике» официальное заявление по поводу тревожных толков, распространяемых газетами о недоразумениях, будто бы возникших между кабинетами Петербургским и Лондонским по среднеазиатским делам. В заявлении этом было высказано, что не только никаких недоразумений не существует, но что напротив того начатые три года назад дружественные соглашения относительно обоюдного образа действий России и Англии в странах среднеазиатских привели к окончательному установлению черты разграничения между сферами действий обоих дружественных государств. В чем именно заключалось это соглашение, уже было мною объяснено. Дипломатия наша, как я уже сказал, выказала и в этом случае чрезмерную уступчивость. Первоначальною целью начатых в Петербурге переговоров по этому предмету было создать промежуточную полосу, которая устранила бы фактически возможность столкновения между пограничными войсками английскими и русскими, но цель эта не была достигнута. Переговоры, веденные в Лондоне, имели результатом предоставление всего Афганистана, с присоединением и Афганского Туркестана до самой Аму-Дарьи, исключительному влиянию Великобритании. Казалось, что такое соглашение должно бы, по крайней мере, и нам доставить ту пользу, что развязало бы нам руки в пределах оставленной нам сферы «влияния», то есть относительно Хивы и Бухары. Однако ж и относительно этих ближайших, непосредственных наших соседей действия наши и после означенного соглашения были постоянно оттесняемы опасением нашего Министерства иностранных дел встревожить Англию. Так было и в 1873 году: государственный канцлер, согласившись на предположенную решительную экспедицию для «наказания» хивинского хана, все-таки

ставил условием отнюдь не присоединять Хиву к империи и не оставлять там наших войск[504].

29 января праздновался 50-летний юбилей офицерской службы генерал-адъютанта барона Ливена. Утром отправился я к нему, в полной форме, в мундире Генерального штаба, вместе с графом Гейденом и почти всеми наличными генералами и офицерами Генерального штаба, чтобы поздравить всеми уважаемого нашего ветерана, заслужившего своим добродушием и обходительностию общую любовь всех сослуживцев. Барон Ливен поступил на службу «колоновожатым» еще в 1821 году и был уже офицером Генерального штаба в Турецкую войну 1828 года. С тех пор он постоянно служил в Гвардейском генеральном штабе и был на виду как один из тогдашних блестящих офицеров. Император Николай I очень ценил его и часто давал ему поручения не только по военной части, но и политические. Мне довелось начать службу в Гвардейском генеральном штабе под начальством барона Ливена, когда он был молодым полковником, флигель-адъютантом и занимал место обер-квартирмейстера гвардейской пехоты[505]. Он пользовался особенною любовью и уважением в небольшом нашем кружке офицеров Гвардейского генерального штаба. Позже, когда я был уже женат, мои отношения к барону Ливену и жене его (рожденной Саблуковой) сделались почти дружескими, несмотря на значительную разницу в наших летах. С 1855 года он занимал должность генерал-квартирмейстера Главного штаба Его Императорского Величества, до назначения в 1861 году рижским генерал-губернатором. К сожалению, выбор его на такой пост нельзя признать удачным: при той мягкости характера, которою всегда отличался барон Ливен, при незнании гражданских порядков трудно было ожидать от него твердого управления краем соответственно русским интересам. Да как и требовать от остзейского барона, чтоб он выказал себя более русским, чем его предместник чистейшей русской крови светлейший князь Суворов[506]. При обоих этих генерал-губернаторах немецкое владычество в Прибалтийском крае значительно окрепло и продолжало упрочиваться при преемниках барона Ливена. В 1864 году он был уволен от должностей прибалтийского генерал-губернатора и командующего войсками Рижского военного округа с оставлением членом Государственного совета, а в 1871 году получил новое назначение придворное — обер-егермейстером и управляющим егермейстерской

конторой. Таково было заключение начатого так блистательно полувекового служебного поприща барона Ливена. В день юбилея пожалован ему орден Св. Андрея.

Секретные совещания под личным председательством Государя для обсуждения основных начал будущего устройства военных сил России предполагалось открыть в половине или конце января 1873 года. К этому времени подготовлялись окончательные работы обеих комиссий: о воинской повинности и об организации войск, а также и стратегическая записка о местных условиях обороны государства[507]. Приглашенные к совещанию оба фельдмаршала: граф Берг и князь Барятинский, так же как и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич, получили Высочайшее повеление прибыть в Петербург к 10 или 12 января.

Еще гораздо ранее этого срока, в ноябре 1872 года, фельдмаршал граф Берг и великий князь Михаил Николаевич, предупрежденные Государем о предстоявшем совещании, требовали доставления им проектов, приготовлявшихся к обсуждению. Им был сообщен перечень предметов, о которых предполагалось трактовать в совещаниях. Но великий князь Михаил Николаевич имел полную возможность до приезда своего в Петербург ознакомиться во всей подробности с подготовленными проектами: командированный им предварительно в Петербург полковник Генерального штаба Духовской с некоторыми соображениями по Кавказскому краю принял участие в самых работах Организационной комиссии; получив черновые проекты, он успел выехать навстречу великому князю и на обратном с ним пути объяснил Его Высочеству сущность разработанных в комиссии и в Главном штабе предположений. Великого князя сопровождал и начальник штаба Кавказского округа генерал-майор Свистунов, у которого, вероятно, тут же, в пути, и зародилась мысль о составлении контрпроекта.

Великий князь и оба фельдмаршала приехали в Петербург почти в одно время — 10 и 11 января. Последние двое — даже в одном поезде. Немедленно же поехал я к ним в полной форме. В великом князе я не заметил ничего враждебного; но он весьма интересовался узнать вперед мои личные мнения по проекту организации военных сил и выразил мысль, что было бы неудобно, если б все участвующие в совещании явились с различными, не согласован-

ными заранее мнениями, и что такое разногласие поставило бы Государя в затруднение. На это я ответил, что Его Величество для того именно и собирает нас, чтобы выслушать все мнения и затем уже предоставить себе решить каждый вопрос, что поэтому, имея случай часто видеть Государя, я, однако же, до сих пор не считал себя вправе выражать пред ним мои личные мнения, пока Его Величество и все призванные им к совещанию не прочтут приготовленных материалов для предстоящих совещаний. После этого великий князь уже не заводил со мною разговора о каких-либо предварительных соглашениях.

Граф Берг при первом нашем свидании мало интересовался предстоявшими совещаниями; он только повторял, что, по его мнению, нет надобности ни в каких коренных изменениях теперешнего устройства войск и управлений, а следует только продолжать совершенствовать то, что уже существует; затем он спешил обратить разговор на некоторые личные вопросы, более интересовавшие его, как, например, об отправлении в Хивинскую экспедицию усыновленного им племянника, и т. п. С другим фельдмаршалом — князем Барятинским свидание наше было очень коротко, церемонно и сухо. После нескольких вопросов о предстоявшем совещании он спросил, будет ли оно поставлено в тесные рамки заранее определенных предметов или же дозволено будет членам возбуждать вопросы по своей инициативе. «Конечно, — сказал я, — будет программа совещания, но, по всем вероятиям, Государь Император предоставит каждому из участвующих делать и свои предложения в интересах общего дела». — «Вот, например, — продолжал он, — если я подниму вопрос о сокращениях в расходах по военному ведомству?» — «Без сомнения, — отвечал я, — всякое указание на возможность сокращения расходов будет принята с благодарностию; мне лично было бы весьма интересно узнать, на каких именно предметах возможно ожидать сокращений, так как все вновь возбужденные вопросы вызывают, напротив того, увеличение расходов». — «Да, вот например, — сказал он, — я намерен предложить упразднить военно-учебные заведения; зачем тратить несколько миллионов на эти заведения?» Я не счел нужным входить в дискуции о таком странном предположении, но сказал только, что, вероятно, он переменит свое мнение, если даст себе труд собрать нужные данные. Тем разговор наш прекратился; я встал; он проводил меня до передней, и после того я уже не был у него ни разу.

Великий князь Николай Николаевич Старший

В первые дни по прибытии великого князя Михаила Николаевича и фельдмаршалов внимание было отвлечено панихидами и погребением великой княгини Елены Павловны, но потом в ожидании открытия совещаний начались толки о новых предположениях. К крайнему моему сожалению, работы Главного штаба очень запоздали; несмотря на всю деятельность и напряжение сил усердных наших тружеников, прошло несколько недель, пока печаталась вся масса подготовленных работ. По мере отпечатания их экземпляры рассылались членам совещания. Не знаю, все ли они читали и серьезно обдумывали то, что было выработано в течение двух лет добросовестными трудами многих

Великий князь Михаил Николаевич

достойных деятелей, но последствия показали, что труды эти не были оценены по достоинству. Новые личности, никогда дотоле не занимавшиеся делом, нашли более легким импровизировать свои проекты.

Доходили до меня слухи, что великие князья Николай и Михаил Николаевичи и оба фельдмаршала сходятся для предварительных совещаний, на которые приглашаются и другие лица. Видимо, что-то творилось втайне от меня. С великими князьями я виделся нередко, но они не поверяли мне своих

предположений. Правда, великий князь Николай Николаевич раза два заговаривал о какой-то приготовляемой *им* записке, в которой, по его выражению, он «возьмется за дело с другого конца и приведет к каким-то неожиданным результатам...» Однако ж дни проходили, а пресловутая записка оставалась для меня тайною.

Холодность, видимо, существовавшая между мною и великими князьями, сделалась еще заметнее вследствие случайных столкновений с ними по поводу розыгравшейся в это время неприятной истории в гвардейской конной артиллерии. Дело заключалось в том, что штабс-капитан Квитницкий имел неприятности со своими товарищами, которые решили выжить его из своей среды; ссора эта кончилась тем, что 26 ноября 1872 года Квитницкий нанес удары обнаженной саблей полковнику Хлебникову, за что и был предан суду. Петербургский военно-окружной суд после продолжительного разбирательства всех подробностей дела в заседаниях 8 и 9 февраля приговорил подсудимого к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в Сибирь, но вместе с тем постановил ходатайствовать пред Государем императором о *совершенном помиловании* Квитницкого, о неправильных же действиях командира лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады генерал-майора Губского и десяти офицеров сообщить начальству для дальнейшего распоряжения на законном основании. Дело это подало повод к бесконечным толкам не только в военной среде, но и во всем петербургском обществе. Мнения разделились; явились две противоположные партии: одни брали сторону Квитницкого и осуждали образ действий офицеров гвардейской конной артиллерии, другие горячо за них заступались. Раздражение, с которым высказывались оба эти взгляда на дело, отозвалось и на ходе судебного процесса, и на последовавших за ним действиях и распоряжениях высших властей. Офицеры, неправильно привлеченные судом к делу штабс-капитана Квитницкого, не знаю почему, навлекли на себя какое-то озлобление со стороны обоих великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Вследствие их наговора уже решено было Государем, вопреки всякой законности и справедливости, строго преследовать шестерых из числа лучших офицеров: уже дано было приказание перевести их теми же чинами не только в армию, но даже в отдаленные местные войска. Я счел долгом заступиться за этих офицеров и в присутствии обоих великих князей, докладывая об этом деле Государю, высказал всю

несправедливость и незаконность предположенного решения. Государь приказал приостановить исполнение до предстоявшего рассмотрения дела кассационным порядком в Главном военном суде. Кончилось тем, что Квитницкий был разжалован в рядовые (вскоре потом, однако же, прощен и служил в армейской кавалерии), генерал-майор Губский уволен от должности, и некоторые из офицеров переведены в армейскую артиллерию, или сами вышли в отставку. По случаю этой «истории» и сын мой был отчислен от гвардейской конной артиллерии в Свиту и вскоре получил командировку в Закаспийский отряд, снаряжавшийся в то время в поход против Хивы.

В промежутках рассказанного эпизода мне приходилось восставать против разных других несообразностей в действиях гвардейского начальства. В то же время, как нарочно, были еще некоторые мелкие случаи, пропущенные мною без внимания, но как узнал я впоследствии, усилившие неудовольствие великого князя Михаила Николаевича*.

Таким образом, самою силою обстоятельств оба великие князя явились союзниками князю Барятинскому в предпринятой им решительной со мною борьбе. Граф Берг, как кажется, не сочувствовал этому триумвирату, но с обычною своею изворотливостью готов был при случае и подмогать заговору. К удивлению моему, впоследствии оказалось, что к нему привлечен был и добродушный А.П. Хрущов.

За спиною названных высоких особ, разумеется, работали второстепенные личности: Свистунов, граф Павел Шувалов и подчиненные их; князь же Барятинский взял себе орудием ядовитое и недобросовестное перо того же Фадеева, который уже стряпал для него памфлеты на Военное министерство[508]. Мало того, рядом с этою официальною работой шла за кулисами негласная агитация. Выступили разные темные личности, почему-либо злобствовавшие на Военное министерство, считавшие себя

---

* В автографе далее зачеркнуто: «Свистунов, которого я считал прежде хорошим человеком, выказал себя сплетником и интриганом. Несколько слов, переданных им от меня великому князю, вероятно, в извращенном виде, задели самолюбие его. Только с этого времени я раскусил и Свистунова, и самого великого князя. Последний, при всей своей сдержанности и приличных формах, ревниво озабочен поддержанием своего великокняжеского достоинства и привык в Тифлисе играть роль царька. Вокруг такой личности, естественно, процветает сплетня и легко удается всякая интрига» (***примеч. публ.***).

А.И. Барятинский

обиженными или страдавшие неудовлетворенным честолюбием: так, явился к услугам генерал Поливанов, один из прежних комиссариатских деятелей, некогда разжалованный по суду, а потом претендовавший на должность главного интенданта; так, выписан был князем Барятинским из Варшавы опозорившийся в Крымскую войну генерал Затлер[509]. Тут же, как говорили, копошились и Черняев, и Писаревский, и tutti quanti*. Эта черная шайка рылась исподтишка в делах Военного министерства, составляла для князя Барятинского разные записки и в то же время печатала в «Русском Мире» и «Московских Ведомостях» пасквили на Военное министерство и лично на военного министра. Управление делами печати и Министерство внутренних дел, как уже не раз я упоминал, смотрели сквозь пальцы на эти

* «И всякие другие» (*итал.*).

статьи, полные самой грубой лжи и клеветы, потрясавшие всякое уважение к военной администрации и колебавшие доверие к военной силе России. Опровергать все эти превратные толки было решительно невозможно, и я держался твердо своей системы — не дозволять официальному органу Военного министерства вступать в полемику с частными изданиями. Только раз я вынужден был в одном из январских номеров «Русского Инвалида» (21-го числа № 16) поместить заметку в несколько строк с таким заключением: «Редакция “Русского Инвалида” считает своею обязанностию предостеречь от невольного заблуждения тех читателей (“Русского Мира”), которые, не имея возможности узнать настоящее дело и войти во все подробности специальных узаконений по той или другой части, нередко принимают слишком доверчиво резкие и неосновательные приговоры самозванных судей по таким вопросам, которых они сами не понимают, или к которым относятся с преднамеренно ложными толкованиями». Впрочем, в «Голосе» и некоторых других газетах появились и опровержения статей «Русского мира» и «Московских Ведомостей», но цель интриги была уже достигнута: в публике произведено желанное впечатление; в клубах, в светских обществах, в офицерских кружках толковали о необходимости каких-то изменений в существовавшей системе; у каждого прапорщика, у каждого отжившего ветерана готов был новый проект. Отголоски всех этих толков и сплетен, разумеется, не могли не проникать и в стены Зимнего дворца.

Таким образом, высокие советники царские воспользовались досугом своим в течение нескольких недель, чтобы к открытию конференций возбудить и в общественном мнении, и в понятиях самого Государя сомнение и недоверие к существовавшему военному устройству, ненавистному и для крупных, и для мелких честолюбцев, готовых поставить все вверх дном для удовлетворения своих эгоистических видов.

Только за два дня до открытия совещаний, именно 26 февраля, на утреннем съезде в Аничковском дворце по случаю дня рождения Наследника Цесаревича, услышал я в первый раз о каком-то проекте великого князя Михаила Николаевича, предлагавшего всю пехоту переформировать в крупные дивизии по 6 полков в каждой при 4 батальонах в полку. Проект этот, как оказалось впоследствии, был сочинен генералом Свистуновым[510]. В тот же день мне случилось быть у Государя, который заговорил об этом проек-

М.Х. Рейтерн

те, и когда я начал было высказывать свое мнение о неудобствах предполагаемого состава дивизий, то он прервал меня словами: «Ну это надо еще обсудить».

Наконец, на 28 февраля, в среду, назначено было первое заседание. Так как князь Барятинский сказывался больным и не мог будто бы ходить наверх, то местом заседаний избрана была так называемая Готическая зала на половине «королевы Ольги Николаевны», то есть рядом с комнатами, занятыми князем Барятинским. В первых совещаниях участвовало до тридцати лиц: кроме пяти великих князей* и двух фельдмаршалов, были приглашены государственный канцлер князь Горчаков, генерал-адъютант граф С.Гр. Строгонов (специально по вопросам о железных дорогах), К.В. Чевкин, П.Н. Игнатьев, министры Рейтерн, граф Адлерберг, Краббе, граф Бобринский, Абаза, генерал-адъю-

* Наследник Цесаревич, великие князья Владимир Александрович, Константин, Николай и Михаил Николаевичи.

тант граф Шувалов; из командующих войсками в округах — генерал-адъютант Хрущов, Гильденштуббе, Карцов и Дрентельн; из состава Военного министерства — генерал Непокойчицкий, генерал-адъютант граф Гейден, Тотлебен, Кауфман (Михаил Петрович) и Мордвинов. Обязанности делопроизводителей были возложены на генерал-майора Обручева и полковника Величко. Пред длинным столом, поставленным во всю ширину залы, была вывешена на красивой стойке нарочно приготовленная для конференции карта России.

Государь открыл совещание объявлением своей воли, чтобы, во-первых, хранить в строгой тайне все, что будет говориться, и во-вторых, держаться программы, заранее отпечатанной и разосланной всем членам совещания[511]. Первый вопрос поставлен был о том, достаточны ли нынешние наши вооруженные силы и, если необходимо увеличить их, то в какой зависимости должен быть поставлен этот вопрос от финансовых средств? Лишь только этот вопрос был прочитан, первым поднял голос князь Барятинский, к удивлению многих, ибо известно было, что победитель Шамиля[512] охотнее разглагольствовал в дамском салоне, чем говорил о деле в официальном собрании. Общее удивление еще усилилось, когда услышали из уст нашего полководца самую нескладную, бестолковую выходку вообще против Военного министерства. Путаясь и перемешивая предметы, он поспешил излить всю накопившуюся у него желчь. Тут услышали мы опять те же пошлые жалобы, которые уже были высказаны в записке, сочиненной Фадеевым несколько лет тому назад, а потом в его же статьях в «Русском Мире»[513]: и то, что чиновничество взяло верх над строевым элементом, и что полковые командиры, хотя в прежнее время и пользовались от полков, были за то важнее, чем теперь, и что строевые начальники обременены отчетностию и формальностями; и что нет высшей власти, к которой они могли бы обращаться в своих нуждах и жалобах.., и проч. и проч. в том же роде. Хотя все это и не относилось вовсе к поставленному в программе вопросу, однако ж Государь имел терпение выслушать до конца и только изредка перебивал оратора, когда он в своих филипиках слишком уже удалялся от действительности. Собственно, по первому вопросу программы князь Барятинский высказал только одно голословное и слишком смелое мнение, что для увеличения боевых сил России нет надобности увеличивать военный бюджет, а стоит только сократить лишние расходы, причем упомянул, что у него в руках

несколько записок по этому предмету, поданных ему «опытными» людьми и указывающих на возможность значительных сбережений. По мнению его, князя Барятинского, следовало бы рассмотреть этот вопрос в особой комиссии, составленной из лиц, независимых от военного министра.

Все сказанное князем Барятинским было так неуместно, так сходно со статьями «Русского Мира», что произвело на всех присутствовавших неприятное впечатление. Государь обратился к другим лицам, вызывая их высказать свои мнения. Министр финансов сказал несколько слов в одинаковом смысле с поданною им предварительно Государю запискою, разосланною членам совещания. Записка эта клонила к тому, чтобы установить для Военного министерства «нормальный» бюджет на том же основании, как уже было установлено для Морского министерства[514]. Затем генерал-адъютант Чевкин и князь А.М. Горчаков, по своему обыкновению, сочли нужным повторить урок Военному министерству о необходимости бережливости. Граф Строгонов высказал странную мысль, что нам не следует вовсе ничего предпринимать для усиления нашего военного положения потому будто бы, что подобные меры более всего могут навлечь на нас вражду Европы. Не лучше было мнение генерала Игнатьева. После всех начал я говорить, и к счастью, промежуток времени после речи князя Барятинского был достаточен для того, чтобы я мог с полным спокойствием духа и хладнокровием опровергнуть главные из высказанных им неосновательных укоров настоящему военному управлению. По главному вопросу, финансовому, я старался успокоить тревожные опасения министра финансов, заявив прямо, что не вижу препятствия к исполнению предположения его о нормальном бюджете при известных условиях, которые должны быть предварительно выяснены по соглашению между Министерством финансов и Военным, при участии государственного контролера. Все шло весьма благополучно, как вдруг Государь останавливает меня на какой-то фразе: «Прости, я перебью тебя», — и начинает с гневом и горячностию осуждать образ действий тех, которые в своих нападках на все новые меры, принимаемые по военному ведомству, прибегают к газетной полемике и тем колеблят доверие к нашим военным силам в глазах Европы, так же как и самой армии... Говоря это, Государь повернулся в полоборота к сидевшему рядом с ним справа князю Барятинскому. Эта вспышка явно относилась к нему; можно представить себе, какое впечатление про-

извела она на всех присутствовавших и как поражен был сам князь Барятинский. После этого неожиданного эпизода я продолжал свое объяснение; Государь подтверждал и одобрял все, что мною высказывалось, и предложенное мною заключение по первому вопросу программы было принято без возражения. Затем мы успели еще в том же заседании обсудить и второй вопрос — о крепостях, но эта часть совещания уже прошла сравнительно очень быстро и без споров.

Таким образом, первое заседание казалось победою для Военного министерства и полным fiasco для князя Барятинского, ставшего сразу открытым моим противником[515]. Как он сам, так и случайные союзники его, повесили носы; но люди опытные из участвовавших в заседании тут же смекнули, что начало совещаний, столь удачное для Военного министерства, не обещало успешного для него исхода; они предвещали неизбежный поворот ветра для восстановления нарушенного равновесия.

На другой день заседания, 1 марта (четверг), когда я вошел к Государю с докладом, Его Величество заговорил о вчерашнем заседании и выразился с неодобрением о неуместной выходке князя Барятинского. В этот день Государь не виделся с ним по случаю отъезда императрицы за границу с великою княжной Марией Александровной и в сопровождении великого князя Владимира Александровича. Свиту Ее Величества составляли генерал-адъютант князь Вл[адимир] Ив[анович] Барятинский, фрейлина баронесса Пиллар и доктор Боткин; при великой княжне состояли графиня А.А. Толстая, моя дочь и А.П. Озеров*. Государь проводил императрицу до Гатчины и весь следующий день (пятницу) оставался на охоте. В Петербург возвратился он лишь вечером, и можно полагать, что в этот же вечер имел объяснение с князем Барятинским, так как в субботу, 3 марта, когда я пришел с обычным своим докладом, Государь уже отзывался о князе Барятинском совсем иначе, чем за день прежде. «Барятинский, — сказал он, — не имеет никакой личности против тебя; он также уважает и любит тебя, как в прежнее время; но он считает долгам своим высказать мне откровенно свои убеждения...» — «Считает ли он также свои долгом, — ответил я, — проводить свои убеждения посредством

* Императрица прибыла благополучно 10 марта в Неаполь и оттуда немедленно переехала в Сорренто. Великий князь Владимир Александрович возвратился в Петербург 1 апреля.

Император Александр II с дочерью, великой княжной Марией Александровной

таких орудий, каковы Фадеев и редакция “Русского Мира”?» — «Он обещал мне, — возразил Государь, — впредь не пускать к себе Фадеева и не иметь с ним никаких сношений...» (Увидим, как он оправдал это обещание.) Затем, когда я прочел проект протокола первого заседания, Государь, одобрив редакцию его, остановился лишь на последних строках заключения по первому вопросу, именно, где было выражено (в угоду тому же князю Барятинскому и отчасти К.В. Чевкину), что независимо от всяких других предположений относительно будущего распределения сумм, ассигнуемых Военному министерству нормальною сметой, оно поставит себе в обязанность изыскать средства к возможным сокращениям в разных статьях военных расходов, дабы сбережения эти обратить на новые расходы, вызываемые необходимостию увеличения

боевых сил России. Тут Государь приказал сделать изменение в том смысле, что изыскание означенных сокращений должно быть возложено на особую комиссию из лиц по непосредственному Высочайшему назначению[516]. Государь не скрывал, что такое изменение в редакции протокола он желал сделать в угоду князю Барятинскому, причем прочел мне представленную им небольшую заметку, в которой была формулирована цель означенной комиссии: «для рассмотрения некоторых имеющихся в виду записок, указывающих возможность значительных сокращений в нынешних расходах Военного министерства...» и т. д. Так, по крайней мере, мне помнится.

В тот же день, в субботу, 3 марта, происходило второе заседание. Присутствовали те же лица, что и в первом, за исключением великого князя Владимира Александровича и государственного канцлера. При чтении протокола первого заседания, когда дошло до назначения комиссии, Государь обратился к К.В. Чевкину и выразил свое намерение возложить на него председательство в этой комиссии. Но Чевкин уклонился от такого поручения под предлогом уже лежавших на нем больших занятий, прибавив, что готов помогать комиссии своим содействием. Государь, с заметным неудовольствием, сказал отрывисто, что даст впоследствии приказания относительно состава комиссии. Затем все заседание прошло совершенно спокойно: рассуждали о железных дорогах, нужных для военных целей, что составляло предмет третьего вопроса программы. Тут опять граф С.Г. Строгонов отпустил какой-то парадокс, на который никто не обратил особенного внимания. Бóльшая часть соображений Военного министерства прошла без возражений; только Чевкин, по своему обыкновению, несколько поворчал против предположенных кавказских железных дорог, за которые горячо стоял великий князь Михаил Николаевич[517].

В следующий вторник, 6 марта (день моего доклада), Государь объявил мне, что председательство в предположенной Финансовой комиссии возлагает на самого князя Барятинского, а членами назначает: с одной стороны, в качестве независимых от Военного министерства судей — Чевкина, П.Н. Игнатьева, Грейга, графа Баранова; с другой, в качестве представителей интересов военных — генералов Хрущова, Дрентельна, светлейшего князя Голицына (начальника гвардейской кирасирской дивизии) и двух начальников окружных штабов — графа Павла Шувалова и Свисту-

А.П. Свистунов

нова. Состав этот удивил меня: трудно было придумать более странный выбор. Князь Барятинский, который никогда не имел понятия ни о каком хозяйстве, даже собственном своем, не знал счета денег даже в собственном кармане, не знакомый вовсе с порядками административными и финансовыми, вдруг является судьею обширного, в 160 миллионов рублей хозяйства Военного министерства! Он будет отыскивать средства для сбережения государственных финансов! И кто же адвокаты Военного министерства? Люди, никогда не видевшие в глаза сметы Военного министерства! Впоследствии назначен был, по желанию князя Барятинского, и такой же делопроизводитель — генерал-майор Яковлев, делопроизводитель Главного комитета по устройству и образованию войск, знавший хорошо внутреннее полковое хозяйство, но совершенно чуждый делам сметным и финансовым.

Я не возражал Государю относительно выбора лиц; но позволил себе выразить сомнение в том, что подобная комиссия достиг-

нет какого-либо серьезного результата. «Пусть же те, которые говорят о возможности сокращений, и укажут, на чем именно действительно могут быть сделаны эти сокращения», — сказал мне Государь. «Конечно, — подумал я, — если цель учреждения комиссии заключается лишь в том, чтобы вывести на чистую воду легкомысленных говорунов, то всего лучше и возложить председательство на того самого, кто с такою запальчивостию и самоуверенностию провозгласил возможность крупных сбережений в расходах военного ведомства».

Два дня спустя, 8 марта (четверг), происходило третье заседание. Сверх прежних лиц призван был к участию на этот раз министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев, на том основании, что в 4-м пункте программы, подлежавшем обсуждению, шло дело об установлении военно-конской повинности, о казарменном размещении войск, о мерах к ускорению мобилизации войск и т. д. В этом заседании произнес довольно длинную речь граф Пётр Шувалов, возбудивший вопрос о распределении отпускных нижних чинов при мобилизации армии. По его мнению, для ускорения мобилизации следует, не стесняясь национальностями, пополнять каждую часть войск до военного состава теми людьми запаса, которые находятся в самых местах расположения частей. В противоположность этому заявлению шефа жандармов прочел свое мнение генерал-адъютант П.Н. Игнатьев, который доказывал, что не следует комплектовать части войск из одних и тех же местностей. Вообще говорено было много, но толку мало. Высокие особы, непривычные к коллегиальным формам, видимо, начинали тяготиться рамками программы, вопросы перебивались; но все-таки результат этого третьего заседания был благоприятный: в протокол можно было внести по каждому пункту заключение, согласное со смыслом представленных от Военного министерства соображений.

В городе же заговорили, что конференции идут с блестящим успехом для Военного министерства; находили только странным назначение комиссии под председательством князя Барятинского. Но рядом с официальными заседаниями в Готической зале Зимнего дворца в соседних же покоях продолжалась закулисная работа с помощью прежней подпольной клики. Фадеев по-прежнему бывал ежедневно по вечерам у князя Барятинского. В редакции «Русского Мира» продолжалось сочинение пасквилей и клевет. Государю подсовывали разные записки и мнения, то рукописные, то печатные. Членам совещания разослана была печатная записка ге-

нерала Свистунова под фирмою великого князя Михаила Николаевича[518], о придуманной ими чудовищной организации пехотных дивизий и разделении всех военных сил России на четыре армии. В записках, печатавшихся под именем другого великого князя — Николая Николаевича, также проводились разные неудобоисполнимые затеи[519]. Каждому хотелось предложить что-нибудь свое, дабы пошатнуть общими силами существовавшее здание.

Заговор против Военного министерства чуть было не достиг своей цели. 9 марта, в пятницу, Государь, по обыкновению своему, был на охоте. На другой день утром, когда я вошел к нему с докладом, он сейчас же заговорил о предстоявшем в тот день заседании и выразил намерение обойти 5-й пункт программы (о расчете сроков службы и ежегодного контингента новобранцев), а прямо перейти к организации войск. При этом Государь вынул из ящика своего письменного стола несколько листков, исписанных им собственноручно карандашом. «Вчера, на досуге, после охоты, — сказал он, — я набросал *свои* мысли о новой организации армии, и хотя я не читал записки Михаила Николаевича, но оказалось, что мы с ним сошлись в мнениях...» Затем Государь прочел мне свою записку[520]. Действительно, она была совершенно сходна с предложением великого князя, но сверх того в ней заключалось еще многое, что было бы уже вовсе неудобоисполнимо. Тут я увидел, что Государь вполне усвоил себе мысль о шестиполковых дивизиях, я понял, почему за несколько дней пред тем он так неохотно принял мои возражения на это предположение. И теперь я был поставлен в невозможность возражать. Государь объявил мне намерение предъявить прочитанную записку в заседании. Я позволил себе заметить, что в этой записке заключается уже полная, законченная организация, и следовательно, вместо предполагавшегося последовательного обсуждения отдельных вопросов, поставленных в программе, придется говорить обо всем разом, или, вернее, нечего будет и говорить, потому что с прочтением собственного Его Величества предположения всякое дальнейшее обсуждение предмета сделается излишним и невозможным.

Доводы эти не подействовали. Когда вслед за тем мы собрались в заседание (10 марта, суббота), с первого же приступа я понял, что начатое так систематически дело вырвано из моих рук. Пока речь шла о вопросах стратегии и высшей политики, прения сдерживались в указанных рамках, но коль скоро сошли на почву, более знакомую большей части членов совещания, удержать систему

и порядок уже оказалось невозможным. Тут каждый считал себя компетентным, и лишь только Государь сказал, что находит нужным, обойдя вопрос пятый, перейти прямо к шестому, несколькими голосами заявлено было, что и шестой вопрос нельзя рассматривать отдельно, а следует слить с последующими вопросами. Затем началось чтение разных приготовленных записок, в которых говорилось обо всем разом. Но заметнее всех вышла записка генерала Хрущова, в которой прямо предлагалось, вместо нашего разделения на военные округа, образовать из всех войск Европейской России четыре армии: Петербургскую — расположенную от Ботнического залива до Немана; Варшавскую — в Царстве Польском и в губерниях Гродненской, Минской и Могилёвской; Киевскую — в районах Киевского и Одесского округов, и наконец, Московскую, — в остальных трех внутренних округах. Подобные чудовищные проекты выслушивались с выражением сочувствия*; те, которые не участвовали в сочинении этих фантастических проектов, не имели возможности поднять голос. Сам Государь, не выждав, чтобы высказались все мнения, поспешил прочесть и *свою* записку. Оба фельдмаршала и великие князья только поддакивали, и когда чтение кончилось, выразили приятное удивление такому *случайному* совпадению мнений... Тогда Государь передал мне свою записку со словами: «Так прикажи на этих основаниях сделать все нужные рассчеты», — и затем завел речь о предположениях, высказанных пред тем относительно замены военных округов учреждением четырех больших армий. После нескольких слов князя Барятинского и Хрущова, Государь, не дав говорить ни Карцову, ни Дрентельну, ни другим, опять обратился ко мне: «Так и этот вопрос *надобно сообразить*». До этого времени я все молчал, но сознаюсь, в душе у меня кипело: слышать в продолжение трех часов столько неисполнимых и несообразных предположений, столько несправедливых порицаний всей существовавшей системы, выработанной двенадцатилетними трудами, и не иметь даже возможности вставить свое слово — было такою пыткою, что не хватило у меня сил сохранить до конца спокойствие и хладнокровие. В немногих словах я высказал, что прочитанные предположения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации, что уничтожение военных

---

* В автографе далее зачеркнуто: «комедия была разыграна весьма естественно» (*примеч. публ.*).

округов будет возвращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям, и проч. и проч. Все это высказано было горячо и резко, и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах!»

Неуместная (сознаюсь в том) вспышка моя озадачила всех присутствовавших. Вскоре заседание было прекращено, и мы разошлись под тяжелым впечатлением. Многие из друзей моих упрекали меня в горячности; они были правы вполне, но я пришел домой с твердым намерением бросить должность и службу. Редко в жизни своей я был так взбешен и взволнован. Однако ж я имел еще силу преодолеть в себе негодование и к 6 часам приехать снова во дворец к обеду, данному в тот день по случаю [дня] рождения императора Германского Вильгельма.

После парадного обеда в Белом зале, когда по обыкновению все приглашенные стояли кучками в Золотой гостиной, Государь отыскал меня в толпе, взял за руку, отвел немного в сторону и, нагнувшись, на ухо сказал мне кротким и мягким тоном: «Как не стыдно было тебе рассердиться! Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом».

В воскресенье, 11 марта, в назначенный час прихожу к Государю. Он дает мне руку, обнимает меня и смущенным голосом говорит: «Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось? — Мало ли какие приходится слушать несообразности. Ты сам же вызвал эти совещания... Сядем...» Хотя я был тронут добродушием и кротостию Государя, однако ж решился высказать все, что было у меня на душе... «Ваше Величество, я далек от того, чтобы считать свои мнения непреложными и отношусь с уважением к чужим мнениям и убеждениям. Но вчера я был глубоко огорчен не мнениями, высказанными тем или другим из членов совещания, а тем, что увидел перемену в Ваших видах. Вот двенадцать лет, что я работаю над преобразованием, начатым по плану, Вами одобренному; до сих пор Ваше Величество постоянно поддерживали во мне бодрость и энергию, которые были необходимы для такой тяжелой работы, для борьбы с бесчисленными препятствиями и с личными противниками. Казалось, дело шло хорошо; Вы были постоянно довольны, и действительно, могу смело сказать, что оно идет даже лучше, чем я сам ожидал, приступая к реформе... Теперь же вдруг, без всякой видимой причины, все должно разом

рушиться, созданную с такими трудами систему надобно переделывать заново. Стало быть, все что вырабатывалось в течение двенадцати лет, оказывается ошибочным! Если так, если Ваше Величество убедились в необходимости изменить вновь систему и выработать что-нибудь новое, то, конечно, воля Ваша, армия Ваша, от Вас зависит решить вопрос. Но для того, чтобы снова приняться за многолетнюю работу, чтобы переделать все существующее и создать новое, нужен свежий человек, который провел бы дело по своему убеждению и поддерживаемый полным доверием Вашим. Я же взяться за такую работу не в силах. Вчера эта фраза вырвалась у меня невольно, я прошу простить мне эту неуместную вспышку, но теперь я должен повторить это с полным сознанием, я обязан Вашему Величеству прямо высказать, что не могу взять на себя новую работу на несколько лет, истощив свою энергию на бесплодную борьбу, не имея уже поддержки в Вашем доверии, и притом работать наперекор собственным своим убеждениям. Вашему Величеству необходимо назначить вместо меня другого человека, который был бы в состоянии выполнить Вашу волю, а пока я на этом месте, Вы не будете иметь спокойствия...» Я был так взволнован, что не мог более продолжать. Государь начал успокаивать меня, говоря, что вовсе не имеет в виду в чем-либо колебать введенную моими трудами систему военного управления, что военные округа идут так хорошо, как только можно желать, что теперь дело идет лишь об организации войск. — «Но разве организация войск не составляет существеннейшей части всего военного устройства государства? С организациею войск связаны все распоряжения Военного министерства до последних подробностей. Особенно в настоящее время, когда предстоит вводить новый закон о воинской повинности, придется принимать целый ряд мер административных в самих войсках. Я не вижу возможности успешно вести такое трудное дело при глубоком убеждении в неправильности предположенной новой организации войск и потому повторяю, Государь, убедительнейшую просьбу уволить меня от настоящей должности...» — «Как ты можешь настаивать на этом? Уйти тебе теперь значит добровольно отступить. Yous donnerez gain de couse à vos ennemis»*. — «В таком случае позвольте надеяться, что Ваше Величество отпустите меня, когда изволите признать удобным; хотя бы к лету, чтоб отдохнуть...» Тут Государь

* Ты удовлетворяешь требование своих врагов (*фр.*).

встал, снова обнял меня и сказал: «Ну оставим до другого раза». Ему пора было идти к обедне.

Я вышел из Государева кабинета весьма смущенный. В тот же день после развода я должен был еще выдержать сцену у великого князя Михаила Николаевича с великим князем Николаем Николаевичем, опять по делу гвардейской конной артиллерии. Его Высочество настаивал, чтобы тех из офицеров, которые действовали настойчивее против штабс-капитана Квитницкого, наказать строже, переводом в армию теми же чинами. Оба графа Шуваловы хлопотали о том, чтобы предупредить возможность дуэлей (которых никто и не замышлял). Однако ж после горячих споров мне удалось уговорить обоих великих князей предоставить офицерам самим подать в отставку.

При докладе моем в следующий вторник (13 марта) Государь принял меня совершенно так же, как всегда, без малейшего следа бывших так недавно тяжелых объяснений. Правда, доклад происходил в присутствии Наследника Цесаревича. По окончании доклада Государь заговорил опять о проекте новой организации войск и передал мне составленное им самим (как кажется, с помощью графа А.В. Адлерберга) расписание полков по новым дивизиям, а дивизий — по округам. Мне тяжело было слушать эти фантазии, последствием которых могла быть бесполезная ломка, даже расстройство армии и множество практических затруднений. Государь говорил о новом составе пехотных и кавалерийских дивизий как о деле решенном, и потому я не возражал, а только доложил, что в Главном штабе составляются, на основании данного Его Величеством указания, подробные расчеты, которые и будут представлены чрез несколько дней.

Расчеты эти были представлены мною в субботу, 17 марта. Они были составлены полковником Величко весьма наглядно, так что Государь дал себе труд внимательно пересмотреть все цифры. Результат, видимо, озадачил его: около 13 миллионов нового ежегодного расхода и совершенная невозможность правильного укомплектования людьми запаса всех намеченных в проекте частей резервных и запасных. Государь выразил удивление, почему эти цифры не сходятся с теми, которые были представлены великим князем Михаилом Николаевичем (то есть Свистуновым). Оставив у себя расчеты, Государь сказал, что придется, вероятно, уменьшить предположенное в проекте число дивизий. Я попробовал высказать мое мнение о невыгодах предположенной организации. Государь сознался, что

остановился на мысли о крупных дивизиях в тех видах, чтобы, не учреждая в мирное время корпусов, иметь, однако же, в случае войны готовый кадр для образования корпусных управлений. По мнению Его Величества, приходилось бы только обратить дивизионный штаб в корпусный, а бригадные — в дивизионные. Несмотря на мои доводы против такого непрактичного предположения, Государь остался при своем мнении. Присутствовавший при докладе моем Наследник Цесаревич не скрывал, что также не разделяет моих убеждений.

Однако ж представленные мною расчеты произвели тревогу в противном лагере. Генерал Свистунов прибегал в Главный штаб справляться и доискиваться причины нежданного для него опровержения тех данных, на которых был построен его проект. Государь предположил собрать нас у себя на неделе, чтобы разъяснить недоразумение.

Между тем князь Барятинский со своею подпольною артелью деятельно принялся за возложенную на него непосильную задачу. Он потребовал из Военного министерства разные справки и сведения и в том числе много таких, которые не имели вовсе отношения к цели назначенной под его председательством комиссии. 20 марта получил я от него письмо[521], в котором он требовал копии с контрактов, заключенных в течение десяти лет по всем долгосрочным поставкам интендантского ведомства. В тот же день в номере «Русского Мира» явилась злобная статья о так называемом «фейгинском деле», то есть о договоре, заключенном несколько лет назад с Фейгиным на поставку и перемол провианта в Петербурге, сроком на девять лет. Поставка эта уже не раз возбуждала толки совершенно неосновательные. Но совпадение статьи «Русского Мира» с требованием князя Барятинского указывало, в какую сторону направилась интрига: вздумали задеть Военное министерств и со стороны законности и честности в его хозяйственных действиях. И кто же является уличителями? Те именно, которые и при прежних порядках, комиссариатских и провиантских, оказались нечистыми на руку и прошли чрез разжалование по суду! Кто руководил этими расследованиями сложных дел подрядных Военного министерства? Человек, не имеющий ни малейшего понятия о каких бы то ни было делах хозяйства и администрации*.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Да он и не заботился о существе дела; его целью было производить агитацию против Военного министерства, очернить его, хотя бы вымыслами и клеветой» (*примеч. публ.*).

Я решился снова объясниться с Государем. 22 марта, в четверг, пользуясь тем, что случилось быть глаз на глаз с Его Величеством, пока не вошли в кабинет великие князья, я спросил, с какою целью назначена комиссия под председательством князя Барятинского: с тою ли исключительно, которая была заявлена гласно, или с какою-либо другою, по особому Высочайшему указанию? Государь категорически ответил, что никакой другой цели нет, кроме указания возможных сокращений в военной смете. «В таком случае, — сказал я, — для чего же князь Барятинский требует такие сведения, которые могут быть нужны разве только для ревизии министерства? Кажется мне, что оно не подало повода к тому, чтобы проверять его действия особою комиссией». При этом я указал на совпадение означенного требования князя Барятинского с появлением статьи в «Русском Мире», упомянул о толках, которые уже ходят в городе, будто князю Барятинскому поручена ревизия министерства, и проч. К удивлению моему, Государь не находил вовсе странным образ действий князя Барятинского; выражал ту мысль, что надобно предоставить ему пользоваться, не стесняясь, всеми материалами для разрешения возложенной на него задачи. Тогда я возразил, что, роясь в старых делах и разбирая заключенные давно контракты, он никак не найдет того, что от него ожидается, а только производит самое вредное влияние на все министерство и подкрепляет городские сплетни. «Притом, — заметил я, — такая работа может протянуться целые годы». — «Ну так что же? — ответил Государь, — пусть работают годы. Чего же тебе бояться? Для тебя же лучше, чтобы дело разъяснилось и пререкания прекратились». — «Помилуйте, Государь, — сказал я, — да разве возможно управлять министерством целые годы при такой обстановке? Разве дела могут идти, когда все министерство смущено и взволновано? Я должен доложить Вашему Величеству, что пока будет так продолжаться, все дела остановятся». — «Почему же? Все должно идти своим порядком». — «Но это решительно невозможно; все мои подчиненные поставлены в невыносимое положение, я сам не могу спать по ночам». — «А разве ты думаешь, что я сплю спокойно? Я сам нахожусь в таком же нервном состоянии». — «Государь, да что же Вас побуждает к тому? Разве в самом деле действия Военного министерства возбудили в Вашем Величестве какие-либо сомнения? Разве оно подало повод к подозрениям?» Тут Государь прервал меня и дрожащим голосом сказал: «Ты знаешь, какое я имею к тебе доверие, ты не может в этом сомне-

ваться. Я дам свою руку на отсечение за твою честность. Но разве ты можешь отвечать за всех твоих подчиненных? Например, хоть бы это дело Фейгина: оно уже и прежде возбуждало толки. Вот и в отчете государственного контролера, который теперь читаю, нахожу также некоторые замечания на хозяйственные распоряжения по Военному министерству». Эти слова еще более огорчили меня, чем все предшествовавшие. Я опровергал наветы и нарекания на интендантское ведомство, и в особенности в том, что касалось дела Фейгина; объяснял значение контрольных отчетов, старался обратить внимание Государя на то, что нападки такого рода падают не на личности каких-нибудь чиновников, а на целые учреждения, каков, например, Военный совет, в котором дела обсуждаются коллегиально и которого решения, постановляемые иногда после продолжительных прений, освящаются даже Высочайшим утверждением. И подобные-то решения теперь подвергаются разбору каких же судей? «Какой же может быть результат, ожидаемый Вашим Величеством от комиссии князя Барятинского? Положим, что она, проработав, как Вы сами изволили выразиться, целые годы, представит Вам осуждение распоряжений Военного министерства; разве чрез это достигнется возможность желаемого сокращения расходов? Разве мнения, написанные людьми, подобными Фадееву, Поливанову, Затлеру и проч., должны в глазах Вашего Величества иметь более авторитета, чем мнения лиц, поставленных Вами для ведения дела и работающих над ним многие годы в порядке, законом указанном? Разве...»

Но я должен был замолчать на средине фразы; вошли великие князья, и я, едва скрывая свое волнение, обратился к чтению заготовленного на тот день приказа и к докладу текущих дел. По окончании же доклада мы перешли в соседнюю с кабинетом комнату для обсуждения снова возникших недоразумений в расчетах по вопросу об организации войск.

В совещании этом участвовали, кроме Наследника Цесаревича и великих князей Николая и Михаила Николаевичей, граф А.В. Адлерберг, граф Гейден, граф Павел Шувалов и Свистунов. Мы принялись за разъяснение расчетов полковника Величко. Нетрудно было выяснить, почему эти расчеты вышли совершенно иные, чем те, на которых был основан проект Свистунова. Великий князь Михаил Николаевич должен был сознаться, что многое в этом деле было им упущено из виду; о многом он услышал теперь только в первый раз. Государь убедился в безусловной необходимости отсту-

М.П. Кауфман

питься от тех рамок, которые были им самим проектированы для нового состава армии. Он передал мне все расчеты и таблицы, чтобы в Главном штабе разработать проект в тех размерах, в каких окажется возможным по нашим ближайшим расчетам. В сущности, однако же, дело не изменилось: приходилось все-таки разрабатывать проект, представлявший весьма важные невыгоды.

Возвратившись домой, я не мог приняться ни за какое дело; послал за генерал-адъютантом Кауфманом и просил его немедленно составить краткую объяснительную записку о деле Фейгина[522]. Также просил генерала Обручева ускорить доставлением мне записки, весьма искусно им составленной в опровержение предложения о разделении всех военных сил России на четыре армии, и прочих фантазий; сам же принялся сочинять письмо к Государю, чтобы окончательно просить увольнения от должности или

даже совсем в отставку. Письмо было сочинено, переписано, и я намеревался отправить его на другой день с утренним докладом (это была пятница, день, в который не было у меня личного доклада). Одно только соображение ставило меня в раздумье: мне хотелось прежде представить записку генерала Обручева и другую, составленную полковником Лобко о невыгодах слишком крупных дивизий и полков[523], а также трехшереножного строя, к которому предполагалось возвратиться.

Соображение это, подкрепленное убеждениями некоторых друзей, взяли верх. 23 марта я послал Государю записки Обручева и Лобко и приостановил отправление заготовленного письма[524]. В тот же день я должен был ехать на Обуховский сталелитейный завод в числе многих других лиц, приглашенных туда по случаю посещения завода Государем. Там при встрече со мною Его Величество обошелся с обычною своею приветливостию; но я все-таки считал намерение свое выйти в отставку только отложенным. Вечером того же дня великий князь Михаил Николаевич пригласил к себе полковника Величко для личного объяснения составленных в Главном штабе расчетов и соображений. При этом присутствовали генералы Карцов, Дрентелн, разумеется, и Свистунов.

На другой день, 24 марта, в субботу, к концу моего доклада собрались в Государевом кабинете кроме Наследника Цесаревича и оба великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Государь объявил, что пригласил их для того, чтобы еще раз переговорить о предположенной организации армии. Тут в первый раз я был *вызван* на объяснение моих возражений против системы, считавшейся уже решенною. Разумеется, я высказал все свои аргументы, чтобы объяснить существенную разницу в значении различных более или менее крупных единиц в организации войск: корпусов, дивизий, бригад; неправильность предположения о превращении при мобилизации армии дивизионных начальников в корпусных, а бригадных в дивизионных; в заключение я прибавил, что в случае, если уже признать необходимость подготовления в мирное время инстанции корпусного командира, то лучше прямо ввести эту инстанцию в постоянную организацию армии, чем под другим именем, расстраивая для того основную военно-административную и строевую единицу — дивизию. Последние эти слова мои послужили как бы развязкою гордиева узла. Государь, видимо, обрадовался, открыв выход из запутанного положения. Заметно было, что он и вызвал меня на объяснения с тем именно, чтобы отсту-

питься от прежнего решения. К чести великого князя Михаила Николаевича должен сказать, что и он не отстаивал вовсе своего проекта; напротив того, он присоединился ко мне, чтобы объяснить невыгоды некоторых других предположений Государя, как, например, образование резервных частей в самом составе дивизий, бригад и полков.

Дело приняло вдруг совершенно неожиданный для меня оборот. Решено было не изменять существовавшего числа и состава дивизий; только полкам дать четырехбатальонный состав, по четыре роты в батальоне, с сохранением двухшереножного строя. Затем принята была сделанная мною уступка относительно восстановления бригадных командиров и образования корпусов. На этих основаниях поручено было мне составить новое предположение, для окончательного обсуждения которого собрать совещание. «Надеюсь в последний раз», — прибавил Государь.

Казалось, мы пришли к полному соглашению; оставалась, однако же, темная точка на горизонте — вопрос об отношениях будущих корпусных командиров к командующим войсками в округах. Хотя с первого же раза я высказал, что не вижу тут даже вопроса, что без всякого сомнения корпусные командиры в каждом округе должны быть вполне подчинены главному начальнику округа, какой бы титул он ни имел: главнокомандующего или просто командующего войсками; однако ж я заметил, что в понятиях великих князей дело представлялось как-то под иным углом зрения. Кроме того, при последних совещаниях коснулись *мимоходом* и вопроса о сроке действительной службы солдата. Важный вопрос этот подлежал еще обсуждению не только в секретном совещании, но и в Государственном совете (в связи с положением о воинской повинности); однако ж мнение Государя по этому предмету уже так сложилось, что было бы напрасно возбуждать споры. Надобно было признать решенным, что законный срок действительной службы для всех вообще нижних чинов — одинаковый, шестилетний, с допущением в пехотных войсках увольнения рядовых и ранее этого обязательного срока лишь в виде распоряжения административного.

25 марта, в воскресение, на церковном параде лейб-гвардии Конного полка и на обеде во дворце великие князья относились ко мне с особенною холодностию; сам Государь, как все замечали, был не в духе, что приписывали городские толки тому, что будто бы утром великие князья (а быть может, и князь Барятин-

ский) попробовали опять сделать приступ, чтобы провести какие-то свои идеи.

На другой день, в понедельник, Государь потребовал меня во дворец, ко времени доклада великого князя Константина Николаевича по морскому ведомству. Цель состояла в том, чтобы условиться, в каком смысле при предстоявшем рассмотрении в Государственном совете закона о воинской повинности вести вопрос о сроках службы. Спора не было, и Государь был вообще любезен. В тот же день у меня происходило совещание с командующими войсками в округах (Гильденштуббе, Карцов и Дрентельн), которых я пригласил к обеду. После обеда заехал ко мне генерал-адъютант Кауфман (главный интендант), чтобы сообщить мне, что он был в тот день приглашен к обеду во дворец и что Государь был особенно с ним любезен. Известие это очень порадовало меня: значит, поданная мною записка по делу Фейгина произвела желанное впечатление; очевидно, Государь хотел поправить то обидное и незаслуженное огорчение, которое он причинил несколько дней назад своими отзывами о хозяйственных частях Военного министерства вообще и в особенности интендантской.

27 марта, во вторник, я представил Государю первоначальные соображения об организации войск, составленные на основаниях, постановленных в предшествовавшую субботу[525], и доложил, что окончательная редакция будет представлена в четверг, по предварительном соглашении с великими князьями. Для этого соглашения съехались мы в среду утром у великого князя Михаила Николаевича. Оба великие князя с их начальниками штабов не сделали никаких существенных возражений, и потому на другой день, 29 марта, я представил Государю составленную в Главном штабе записку. Его Величество, выслушав чтение этой записки, приказал собрать совещание в субботу, чтобы заявить Высочайше одобренное предположение. «А затем, — прибавил он, — уже придется *нам с тобой* приводить в исполнение».

После этих слов я был немало озадачен, когда в пятницу, 30 марта, Государь потребовал меня неожиданно во дворец вместе с великими князьями, и тут снова поднят был вопрос о том, чтобы будущих корпусных командиров не подчинять главным начальникам округов, за исключением лишь тех округов, где главное начальство вверено главнокомандующим, именно: в Петербургском, Варшавском и Кавказском. Я старался, сколько мог, объяснить нелогичность и невозможность такого предположения, указывал,

что во всех округах главные начальники пользуются одинаковыми правами, независимо от того, носят ли титул главнокомандующего или командующего, напомнил слова самого Государя, сказавшего за несколько дней пред тем, что все равно, какой титул им присвоен. Великие князья настаивали на своих доводах, не выдерживавших никакой критики. Государь, казалось, клонил на их сторону. Мы разошлись без положительного разрешения, и снова я пришел в смущение, убежденный в том, что все дело опять испорчено. Домогательства, чтобы полевые войска были изъяты из ведения главных начальников военных округов, очевидно, имели целью предательски подкопать все здание военно-окружной системы.

В субботу, 31 марта, при докладе моем Государь ничего не говорил о деле, которое занимало нас всех более всего другого и которое чрез два часа позже должно было решиться последнею, горячею битвой. Когда мы собрались в Готической зале, на пятое и последнее заседание, на всех лицах выражалось нетерпеливое ожидание конца. Государь открыл заседание очень ловким объяснением положения дела и нового оборота его после предшествовавшего заседания. Затем приказал прочесть составленную в Главном штабе записку, прерывая чтение собственными своими пояснениями, так что все присутствовавшие ясно поняли, что вопрос об организации армии решен бесповоротно. Когда же чтение кончилось, князь Барятинский начал снова своим гнусливым голосом и весьма нескладно толковать, что в военных округах преобладает бюрократия и что войска не имеют прямого начальства, которое заботилось бы об их нуждах, что поэтому необходимо корпусных командиров поставить в независимое положение от окружных начальников, и т. д. Против этого сумбура возражал генерал Карцов дельно, хотя и осторожно, несмотря на то, князь Барятинский посинел от злобы и как будто хотел съесть Карцова глазами. После Карцова сказал несколько слов Гильденштуббе, которого личность была живым опровержением нареканий, взводимых князем Барятинским на командующих войсками в округах. Затем генерал Чевкин, неизвестно почему, заговорил о предположенной нормальной смете Военного министерства и сверхсметных расходах, чем вынудил меня просить слова. Я должен был прямо сказать, что заявление Чевкина не имело никакой связи с возбужденными теперь вопросами, и, возвратив прения на прежний путь, объяснил истинное значение военно-окружного устройства как в мирное, так и в военное время, представил выгоды, которые устройст-

во это доставляет для мобилизации армии, стратегические соображения, на которых основано принятое у нас разделение на округа, и проч., и проч. Когда я кончил, Государь обратился в обе стороны с вопросом: не имеет ли кто еще что-нибудь сказать? Ни один голос не поддержал князя Барятинского; когда же взгляд Государя остановился на великих князьях, то Михаил Николаевич прямо сказал, что отказывается от своих предположений; Николай Николаевич кивнул головой в знак согласия, и затем Государь окончательно резюмировал решение вопроса в смысле моих доводов, то есть что военные округа сохранят свое устройство, что корпуса образуются только в пограничных округах, притом из двух или трех дивизий пехотных с одною дивизией кавалерийской (проектированного Главным штабом уменьшенного состава), и, наконец, что корпусные командиры вполне подчиняются главным начальникам округов. В заключение Государь поблагодарил участвовавших в совещаниях и объявил заседания закрытыми.

Таким образом, дело получило неожиданно благоприятный исход. В тот же день в городе разнеслась молва о том, что мною одержан верх. Но я, со своей стороны, все еще не вполне успокоился: пример первого удачного заседания пугал меня. Злоба князя Барятинского должна была еще более усилить его подпольную интригу. Однако ж я спешил закрепить состоявшееся решение немедленным представлением протокола на Высочайшее утверждение. С помощью неоценимых двух работников — генерала Обручева и полковника Величко, протокол был составлен в два дня, и во вторник, 3 апреля, я прочел его Государю. Одобрив все, за исключением лишь немногих второстепенных пунктов, Государь поблагодарил меня и потом, улыбнувшись, спросил: «Что же, доволен ты теперь решением?» — «Да, Государь, — ответил я, — совершенно доволен, и поверьте, не за себя лично, а за самое дело: Вы спасли армию от опасной ломки. Мне было страшно подумать, какой был бы хаос, если б остановились на тех проектах, которые были заявлены в совещаниях». — «Да, не скрою от тебя, что и я очень доволен; теперь я спокойнее». — «Признаюсь, Государь, — продолжал я, — что такой благоприятный исход тем радостнее для меня, что был совершенно неожидан...» — «А для меня не был неожидан, — сказал Государь, — вот видишь, ты напрасно с самого начала не доверял мне». На эти слова я решился сказать, что «не мог проникнуть намерений Государя и судил лишь по тому, что видел и слышал. Дело висело на волоске, и всего прискорбнее то,

что в таком важном деле все решение вертелось на личных эгоистических целях». Государь подтвердил эти слова мои и затем, дав мне руку, еще раз поблагодарил меня: «Ты не можешь сомневаться в том, что я ценю твою честность и правдивость, я привык тебя уважать и любить».

При следующих докладах моих, 5 и 7 апреля (на Страстной неделе), было говорено о порядке приведения в исполнение постановленного решения. Я просил не торопить меня, обещав представить по этому предмету полный план действий, соображенный с финансовыми средствами. Переписанные набело протоколы совещаний были утверждены собственноручною надписью: «Быть по сему». По этому поводу Государь сказал мне: «Ты заметил, в какой форме я сделал надпись? Я имел в виду тверже закрепить постановленное решение».

В Главном штабе и прочих частях министерства приступлено было к разработке плана предстоявших распоряжений для переорганизации войск. Наступила Пасха, затем начались торжества по случаю приезда императора Германского, и дело, причинившее столько тревоги, породившее столько толков в городе и во всей России, было на время забыто, или, по крайней мере, отошло на задний план.

Так буря прошла; но тучи не совсем еще рассеялись: на горизонте оставалась темная точка — князь Барятинский с его комиссией и шайкою подслуживавшихся ему интриганов*.

На рассказанном эпизоде обрываются мои «Воспоминания». Продолжением их служат поденные заметки, заносимые с 8 апреля 1873 года в мой «Дневник»[526].

---

* В автографе вместо «интриганов» было написано «пройдох» (*примеч. публ.*).

Комментарии и указатели

КОММЕНТАРИИ

[1] О взаимоотношениях императора Александра II с княжной Е.М. Долгорукой в 1865–1867 гг. подробно см.: *Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская. Берлин, 1924. С. 16–30. Переписка Александра II с кн. Е.К. Долгорукой на французском языке хранится в Государственном архиве РФ (далее — ГА РФ). Ф. 678. Оп. 2.

«*Кастичная*» — от «кастить», т. е. ругать, бранить (*Даль*).

[2] Русское географическое общество учреждено в 1845 г. в составе четырех отделений: физической географии, математической географии, статистического и этнографического. С декабря 1846 г. членами общества стали братья Милютины. 16 января 1849 г. Д.А. Милютин был избран членом Совета Общества (подробнее об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 138–146, 159–175). Немногочисленные материалы, относящиеся к деятельности Д.А. Милютина в Русском географическом обществе за 1846–1898 гг. сохранились в его архиве (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 1–26).

[3] Под Кавказскими и Севастопольскими обедами подразумеваются встречи Д.А. Милютина с сослуживцами — участниками военных действий на Кавказе в 1830–1850-х гг. и обороны Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг.

[4] 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права.

[5] Речь идет о польском восстании 1831 г., охватившем территорию Царства Польского, Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины.

[6] Автор имеет в виду противодействие Ф.Ф. Берга деятельности Н.А. Милютина по подготовке реформы 19 февраля 1864 г., наделившей крестьян Царства Польского землей в собственность (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 416–424, 495–506; Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 130–131).

[7] После смерти в 1865 г. цесаревича великого князя Николая Александровича, наследником престола стал второй сын императора Александра II великий князь Александр Александрович. Рескрипт от 23 января был напечатан в газете «Северная почта» 24 января 1868 г., № 18.

[8] Официально отставка министра внутренних дел П.А. Валуева мотивировалась его пошатнувшимся здоровьем.

[9] Под «торжеством *шуваловской партии*» автор имеет в виду усиление охранительных тенденций во внутренней политике после покушения Д.В. Каракозова на императора Александра II в апреле 1866 г., а также попытки шефа жандармов П.А. Шувалова создать консервативную группировку в правительственных сферах (подробнее см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 319–328, 353–372; Об обстоятельствах отставки (см.: Дневник П.А. Валуева: В 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 234–270; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 68–70; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. С. 182–188).

[10] О болезни и кончине великого князя и наследника престола Николая Александ-

ровича Д.А. Милютин подробно рассказал в своих воспоминаниях за 1865 год (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 52–68). Также см.: Кончина наследника цесаревича Николая Александровича 12 апреля 1865 г. СПб., 1865.

[11] Великий князь Михаил Николаевич был с 1862 г. кавказским наместником, а с 1865 г. — главнокомандующим войсками Кавказского военного округа А.П. Карцов состоял в это же время начальником штаба Кавказской армии и помощником главнокомандующего. На него была возложена разработка проекта военно-окружной реформы применительно к Кавказу. Об этой работе Карцова и сложных взаимоотношениях с наместником и его окружением Милютин писал в воспоминаниях за 1865 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 126–131).

[12] В письме от 25 марта 1868 г. из Тифлиса великий князь Михаил Николаевич, в частности, писал: «<...> Вы, Дмитрий Алексеевич, знаете Александра Петровича так же хорошо, как и я, почему уверен, что не затруднитесь приискать для него новый круг деятельности, согласно его способностям и достоинствам» (Там же). Действительно, Милютин давно знал А.П. Карцова, с которым близко сошелся летом 1847 г., когда тот был назначен адъюнкт-профессором Военной академии по предмету тактики, а Милютин был в то время профессором той же академии (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 141). О деловых качествах Карцова Милютин имел полное представление по совместной работе не только в Военной академии, но и ведомстве Военно-учебных заведений (в 40-х гг.), в Балтийском комитете во время Крымской войны 1853–1856 гг., по созданию «Карманной справочной книжки» (см. в указ. соч. С. 303, 413–414, 456–458, 467).

[13] Кавказская война закончилась в мае 1864 г. включением в состав Российской империи Северо-Западного Кавказа. 21 мая кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич послал императору Александру II телеграмму об окончании войны (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 450–451).

[14] Указанная статья была напечатана в газете «Северная почта» от 14/26 апреля 1868 г., № 78.

[15] Речь идет о великом князе Николае Николаевиче (Старшем).

[16] *Михайловский манеж* был частью архитектурного ансамбля Инженерного (Михайловского) замка. Фасады манежа были перестроены архитектором К.И. Росси в 1823–1824 гг. Сейчас в здании манежа расположен зимний стадион.

[17] Т. е. не позднее 1855 г.

[18] Подразумевается датская принцесса Дагмар, ставшая в 1866 г. женой великого князя и наследника Александра Александровича — цесаревной великой княгиней Марией Фёдоровной.

[19] «*Китайский театр*» или «каменная опера», как он назывался при императрице Екатерине II, был построен по проекту А. Ринальди архитектором И.В. Нёловым в 1778–1779 гг. Отделанный в китайском стиле, театр был расположен с правой стороны от Китайского моста в Александровском парке Царского Села. Театр открылся 13 июня 1779 г. премьерой оперы «Дмитрий Артаксеркс».

[20] *Куверт* — столовый прибор (*фр.*).

[21] Д.А. Милютин учился в Николаевской академии Генерального штаба в 1835–1836 гг.; в то время Г.Ф. Стефан, в чине полковника Генерального штаба, преподавал в Академии военную географию (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 149).

[22] Первомайские гулянья в садах Екатерингофского дворца начали проводиться еще при императрице Елизавете Петровне. Екатерингофский дворец заложен Петром I в 1711 г. в память первой победы, одержанной над шведами 6 мая 1703 г. вблизи этого места. Дворец был подарен Петром своей супруге Екатерине для летнего пребывания и назван в ее честь. В царствование Елизаветы Петров-

ны дворец был расширен, но с ее кончиной запустел. При императоре Николае I дворец был отремонтирован и активно использовался царской семьей (см.: *Пыляев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М., 1996. С. 452–455).

[23] Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 518.

[24] Речь идет о великом князе Николае Александровиче, будущем императоре Николае II.

[25] О доверительных отношениях между князем А.И. Барятинским и имамом Шамилем после пленения последнего в 1859 г. под Гунибом и ссылки в Калугу свидетельствует их переписка, которая продолжалась до 1871 г. В последнем, предсмертном, своем письме от 14 января 1871 г. из Медины Шамиль препоручал заботам князя Барятинского своих жен и детей. Переписка опубл. в журнале «Русская старина» (1880. Т. 27. С. 805–812).

[26] Речь идет о графе В.П. Орлове-Давыдове, женатом на сестре князя А.И. Барятинского Ольге Ивановне.

[27] Имеется в виду письмо А.И. Барятинского к Д.А. Милютину от 5 февраля 1868 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 38. Л. 21–22).

[28] Положение о полевом управлении армией в военное время было утверждено Александром II 17 апреля 1868 г. В основу нового Положения лег Устав 1846 г., однако оно решало по иному ряд принципиальных вопросов. Войска, предназначенные к действию на театре войны, образовывали одну или несколько армий, во главе каждой из которых находился главнокомандующий, с одинаковыми правами и обязанностями. Полевое управление армии состояло из следующих частей и отделов: полевого штаба, полевого интендантского управления, полевого артиллерийского управления и полевого инженерного управления. При армии учреждался полевой военный суд. Военные округа, входившие в район театра военных действий, также подчинялись главнокомандующему армией, сохраняя при этом постоянные сношения с Военным министерством. Главнокомандующий армией по вопросам снабжения и отчетности назначался императором и подчинялся непосредственно ему. В отношении ведения военных действий главнокомандующему предоставлялась полная свобода действий. Он имел также право, в случае крайней необходимости, самостоятельно заключать перемирие. Ближайшим помощником и заместителем главнокомандующего армией был начальник полевого штаба армии, избираемый непосредственно самим главнокомандующим. Полевой штаб состоял из следующих частей: трех отделений — строевого, инспекторского и хозяйственного, канцелярии, военно-топографического отдела, штаб-офицера над вожатыми и чинов для поручений. В полевом интендантском управлении, возглавляемом интендантом армии, было сосредоточено лишь общее наблюдение за снабжением армии продовольствием, вещами и деньгами. Непосредственное исполнение этих функций осуществляли окружные интендантские управления. Полевое артиллерийское управление, во главе которого стоял начальник артиллерии армии, должно было ведать всей артиллерией, а также и снабжением армии предметами артиллерийского довольствия. Полевое инженерное управление должно было быть организовано аналогично артиллерийскому (см.: Полное собрание законов (далее — ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 1-е. № 45729; *Зайончковский П.А.* Военная реформа 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 115–119).

[29] О статьях Р.А. Фадеева и его книге «Вооруженные силы России» (см.: *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев — генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 28–31; *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 83–84, 127–129, 289–293).

[30] Дочь Д.А. Милютина Ольга уехала на лечение в Швейцарию в 1865 г., а Н.А. Милютин — в 1867 году.

[31] Подразумевается сын Н.А.Милютина Юрий Николаевич.

[32] Имеется в виду образование в июле 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, со столицей в Ташкенте, включавшего Сырдарьинскую и Семиреченскую области. Генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант К.П. Кауфман (управлял краем до 1882 г.). До этого времени дела, касавшиеся Средней Азии, решал преимущественно оренбургский (реже западносибирский) генерал-губернатор. Так было и после образования в 1865 г. Туркестанской области, фактически находившейся в зависимости от оренбургского генерал-губернатора. В 1866 г., по инициативе Д.А. Милютина, в Туркестанскую область была направлена особая комиссия, которая пришла к заключению о целесообразности создания самостоятельного управления этой областью. По материалам комиссии Главный штаб составил записку с обоснованием необходимости отделения Туркестанской области от Оренбургского генерал-губернаторства. Записка была рассмотрена Особым комитетом под председательством Милютина, члены которого, кроме оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, согласились с мнением комиссии. 11 апреля 1867 г. император Александр II утвердил мнение большинства Особого комитета о преобразовании Туркестанской области в генерал-губернаторство (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 440–446; *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 225–227; *Киняпина Н.С.* и др. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 278–279).

[33] Речь идет о предварительных условиях мира с Бухарским ханством, которые оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский согласовал с бухарским послом в начале сентября 1866 г. в Оренбурге. К этому времени в результате активной наступательной политики России в Средней Азии в состав империи были включены Аулие-Аты, Ташкент, Туркестан, Чимкент; были сомкнуты Оренбургская и Сибирская линии. Поэтому предварительные условия мира предусматривали признание Бухарским ханством всех территориальных приобретений России в Средней Азии и проведение границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум. Кроме этого, Крыжановский выдвигал следующие требования: уравнение пошлин, взимавшихся с русских товаров в ханстве, с пошлинами, какими облагались бухарские товары в России; обеспечение безопасности и свободы передвижения русских купцов в Бухаре. В сентябре 1867 г. Крыжановский направил проект мирного договора с Бухарой в Ташкент на утверждение туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. Последний одобрил проект, но внес в него некоторые поправки. Пытаясь заинтересовать договором эмира, он решил сделать небольшую территориальную уступку Бухаре: вернуть ей крепость Яны-Курган. Кроме этого, Кауфман отверг предложение Крыжановского включить в проект договора обязательство Бухары отказаться от самостоятельной внешней политики, считая, что царская администрация еще не в состоянии следить за исполнением такого условия. Был внесен пункт о выплате Бухарой военной контрибуции. После этих поправок проект договора был подписан Кауфманом и отправлен в Бухару на утверждение эмира. В марте 1868 г. эмир Музаффар отказался ратифицировать договор и объявил «священную войну» России (*Киняпина Н.С.* и др. Указ. соч. С. 280–281).

[34] В январе 1868 г. К.П. Кауфман добился подписания кокандским ханом Худояром торгового договора, предоставлявшего русским купцам льготы и привилегии: устанавливались фиксированные пошлины на ввозимые товары в размере 2,5% их стоимости. Кокандским купцам в России и русским купцам в Коканде было гарантировано свободное и безопасное пребывание (см.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии. М., 1960. С. 230–232).

[35] Закрепление за Россией части территории Средней Азии рассматривалось Великобританией как создание «угрозы

Индии». Пытаясь использовать Персию, Афганистан и среднеазиатские ханства для борьбы с Россией, британское правительство вместе с тем не отказывалось и от непосредственных переговоров с Петербургским кабинетом. Об этом свидетельствуют консультации министра иностранных дел Великобритании Дж. Кларендона с российским послом в Лондоне Ф.И. Брунновым в марте 1869 г. (см. об этом: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. 60–70-е годы. Ташкент, 1969. С. 67–69).

[36] *«Парадная заря (зо́ря)»* — военный сигнал, подаваемый в строго определенное время утром и вечером в сухопутных войсках и на флоте (с конца XVIII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией (построение, перекличка, объявление приказов, пение молитв).

[37] *«Ферма»* — летний дворец императора Александра II в Нижнем парке Петергофа.

[38] *Кондукторы* на флоте были ближайшими помощниками офицеров-специалистов; они служили как на кораблях, так и в береговых учреждениях. На больших кораблях находились кондукторы разных специальностей: старший боцман, рулевой, сигнальный, телеграфный, электрик, минный и проч.

[39] Под *«оффенбаховской опереткой»* подразумевается одна из популярных в то время оперетт известного французского композитора Ж. Оффенбаха.

[40] В Красном Селе в центре Военного поля на возвышении (конусообразной насыпи) разбивался шатер — так называемый Царский валик (см.: Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 13. С. 260; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969 Т. 1. С. 95).

[41] Северная почта. 1868. № 134. 22 июня.

[42] Речь идет о новых игольчатых винтовках системы Карле. В начале 1860-х гг. в армиях Европы возник вопрос о переходе к стрелковому оружию, заряжающемуся с казенной части. В течение 1864–1866 гг. в Главном артиллерийском управлении обсуждался выбор образца нового стрелкового оружия. Прусские игольчатые ружья были отвергнуты. Изыскание системы, необходимой для переделки существовавших 6-линейных винтовок, было возложено на Оружейную комиссию под председательством инспектора стрелковых батальонов герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого. В 1866 г. была принята за образец капсюльная скорострельная винтовка конструктора Терри, усовершенствованная тульским мастером И.Г. Норманом. За эти усовершенствования он был награжден орденом Станислава III степени и премией в 500 руб. Винтовка получила название «русская капсюльная скорострельная винтовка образца 1866 г.». Вскоре Оружейная комиссия убедилась, что эта винтовка имеет много недостатков и уступает прусской винтовке Дрейзе (образца 1841 г.), французской Шасспо (образца 1866 г.) и английской Снайдера (образца 1857 г.). Одновременно с этим в печати появились статьи с критикой деятельности Оружейной комиссии. Под давлением общественного мнения винтовка Терри — Нормана в том же году была снята с вооружения. После долгих споров Оружейная комиссия в конце 1866 г. остановилась на игольчатой винтовке системы Карле, заряжаемой бумажным патроном. По изготовлении первой партии игольчатых винтовок их направили войскам, откуда поступили против них серьезные возражения. Военное министерство поручило Тульскому заводу устранить недостатки в этой системе, — на это ушло почти полтора года (работа шла под руководством полковников Н.И. Чагина и В.Л. Чебышева). Усовершенствованная винтовка была продемонстрирована в конце 1867 г. на международной выставке, где заняла одно из первых мест. В 1868 г. переработанный образец винтовки Карле был вновь утвержден (об этом подробнее см.: Оружейный сборник. 1869. № 2. С. 57–76; *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 169–171).

[43] Подлинник письма графа А.В. Адлерберга к Д.А. Милютину от 20 июля

1868 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 12. Л. 10–12.

[44] *Адрианопольский* мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг., был подписан 14 сентября 1829 г. и явился крупным успехом российской дипломатии. Прежде всего это касалось признания за Грецией автономии, а затем (в 1830 г.) — независимости. Были подтверждены и существенно расширены права Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии). Прежние вассальные отношения Сербии к Османской империи подтверждались, но в состав княжества включались шесть спорных пограничных округов, что содействовало укреплению его автономного положения. К России переходили территории на Кавказе и в устье Дуная. Черноморские проливы были открыты для коммерческой навигации. Режим проливов в военное время не оговаривался (ст. III, IV–VII, X). Полный текст договора опубл. в кн.: Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 71–84.

[45] Черновик упомянутого письма Д.А. Милютина к графу А.В. Адлербергу в ф. 169 не сохранился.

[46] Подлинник письма графа А.В. Адлерберга к Д.А. Милютину от 2/14 августа 1868 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56, Ед. хр. 12. Л. 13–16.

[47] 23 июня 1868 г. бухарский эмир подписал с Россией мирный договор, ранее им отвергнутый. Теперь, помимо прежних условий, в состав Российской империи были включены города ханства Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. На занятой российскими войсками территории был образован Зеравшанский округ, включавший Самаркандский и Катта-Курганский отделы. Для обеспечения выплаты контрибуции царское правительство объявило о временной оккупации Самарканда и Катта-Кургана (см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. С. 233–239).

[48] 30 августа — день тезоименитства императора Александра II.

[49] Речь идет о М.А. Мордвиновой, родной сестре Д.А. Милютина.

[50] Свое первое путешествие по Италии в 1841 г. Д.А. Милютин подробно описал в неопубликованном путевом дневнике (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 1. Ед. хр. 15–16) и в первом томе воспоминаний (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. С. 344–364).

[51] Имеется в виду Московский славянский комитет, учрежденный в 1858 г. московскими славянофилами для оказания помощи зарубежным славянам. Деятельность комитета активизировалась в 1867 г. в связи с проведением Московской этнографической выставки и Славянского съезда. После 1867 г. выросла численность комитета. В 1868 г. образован Петербургский отдел Московского славянского комитета (см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1870 годах. М., 1960. С. 44–45).

Общество для пособия нуждающимся литераторам учреждено в 1859 г. в Петербурге по инициативе писателя А.В. Дружинина. Ликвидировано в 1918 г.

[52] Речь идет о начале пятой испанской революции 1868–1874 гг. (см.: *Майский И.М.* Испания. 1808–1917: Исторический очерк. М., 1957. С. 270–283).

[53] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2-е. № 46380.

[54] Циркуляры А.М. Горчакова по поводу разрывных пуль от 9/21 мая, 17/29 июня, 5/17 июля 1868 г. см.: АВПР. Ф. 133 (Канцелярия Министерства иностранных дел). Оп. 469/1868. Д. 45; циркуляры от 9/21 мая и 5/17 июля опубл. в кн.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'annèe 1868. S.-Pètersbourg, 1869. P. 237–238, 243–244.

[55] Текст Санкт-Петербургской декларации о запрещении применения разрывных пуль опубликован в кн.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1878. Т. 4. Ч. 2. С. 954–961. Петербургская международная конференция 1868 г. была предшественницей Брюссельской (1871) и Гаагских

(1899, 1907, 1954) конференций, на которых идея запрещения негуманного оружия получила дальнейшее развитие (см.: *Шалаев Н.Ф.* Санкт-Петербургской декларации о запрещении применения разрывных пуль — 125 лет // Военно-медицинский журнал. 1993. № 12. С. 52–54).

[56] Газета Военного министерства *«Русский инвалид»* (выходила с 1813 г.), перейдя в 1861 г. в ведение министерства и находясь под личным покровительством Д.А. Милютина, была преобразована из сугубо военной в литературную и политическую. В газете была расширена «неофициальная часть» и политический отдел. Так, на протяжении 1864–1867 гг. «Русский инвалид» активно участвовал в полемике по польскому и остзейскому вопросам, в частности, высказывались резкие отзывы в адрес консервативной прибалтийской печати, поддерживавшей сепаратизм немецкого дворянства (об этом подробно см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. Л., 1989. С. 95–97). «Русский инвалид» поддерживал национально-освободительную борьбу балканских славян, но его позиция отличалась от позиции славянофильской печати, рупором которой в этом вопросе была издававшаяся И.С. Аксаковым газета «Москва».

[57] Газета *«Весть»* (1863–1870) издавалась под редакцией В.Д. Скарятина и Н.Н. Юматова. Последний в январе 1867 г. сложил с себя обязанности редактора, перейдя в газету «Новое время». Газета отстаивала интересы дворян-землевладельцев (в т. ч. польских) и вела полемику с газетами «Голос», «Русский инвалид» и «Московские ведомости».

[58] По-видимому, здесь Милютин намекает на изменение позиции М.Н. Каткова, начавшееся с конца 1870 — начала 1871 г. после нескольких его личных встреч с П.А. Шуваловым. Каткову пришлось основательно отступить, сняв с обсуждения в газете «Московские ведомости» как «остзейский», так и польский вопросы. С этого времени главной темой своей публицистики Катков сделал тему образования, активно обсуждавшуюся в обществе в связи с подготовкой учебной реформы (см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 24–73; *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 154–157).

[59] См. коммент. 29.

[60] Весть. 1868. № 121. 30 октября.

[61] Имеются в виду Судебные уставы 1864 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е № 41743–41748). Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. см.: Там же. № 40457, 40459.

[62] *«Правительственный вестник»* (1869–1917) по замыслу Министерства внутренних дел должен был заменить «Северную почту», «Русский инвалид» и другие ведомственные издания. Кроме общегосударственных соображений, в данном вопросе большую роль играла борьба внутри правительства. Многие современники смотрели на учреждение «Правительственного вестника», прежде всего, как на замаскированную атаку на военного министра. В итоге «Русский инвалид» был преобразован в специальное ведомственное издание без политического отдела. С 1869 г. «Правительственный вестник» стал главным правительственным органом (об этом см.: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 349–351; *Чернуха В.Г.* Указ соч. С. 93–97).

[63] Подразумевается Отечественная война 1812 г.

[64] Комитет о раненых был учрежден 18 августа 1814 г. императором Александром I для попечения о раненых военнослужащих. *Александровским* комитет стал называться с 1877 г. В 1816–1861 в ведении Комитета находилось издание газеты «Русский инвалид». 6 апреля 1861 г. по просьбе самого Комитета Александром II было принято решение о передаче газеты в ведение Военного министерства.

[65] В своем письме к Д.А. Милютину от 28 октября 1868 г. А.В. Головнин выражал искреннее сожаление о прекращении «Русского инвалида». Он писал по

этому поводу: «Жаль, что Вы не защитили эту почтенную газету, имеющую свое длинное прошедшее и прекрасное настоящее. По моему убеждению, она была у нас лучшей газетой и по достоинству и по направлению статей» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 38).

[66] С 1 января 1859 г. журнал *«Военный сборник»* стал издаваться под эгидой Военного министерства. До этого времени, с 1858 г., он издавался при штабе Отдельного гвардейского корпуса. Главным редактором был назначен генерал-майор Генерального штаба П.К. Меньков, который непосредственно подчинялся военному министру. Меньков был одновременно и главным редактором «Русского инвалида». На этой должности он оставался до 16 апреля 1872 г. В «Военном сборнике» появился новый особый отдел, в котором сообщались сведения о военных реформах. Этот отдел назывался «Русское военное обозрение», его вел А.И. Лаврентьев. Иностранное военное обозрение продолжал вести Н.П. Глиноецкий. Подписка на «Военный сборник» в 1863 г. сильно поднялась, т. к. журнал стал интереснее. С 1866 г. редакция журнала обратила особое внимание на развитие критико-библиографического отдела (подробнее см.: *Макшеев Ф.А.* К 50-летию «Военного сборника»: Исторический очерк. 1858–1868. СПб., 1910. С. 78–81).

[67] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1323.

[68] Литографированные иностранные листки *«Correspondance Russe»* издавались на французском языке под редакцией Я.Н. Богданова при газете «Русский инвалид» с начала польского восстания 1863 г.

[69] *«Le Nord»* — газета на французском языке, издававшаяся в Брюсселе в 1855–1865, 1868–1871 гг. Субсидировалась российским правительством.

[70] См.: Русский инвалид. 1868. № 352. 29 декабря.

[71] Подлинник письма Н.А. Милютина от 15 сентября 1868 г. из Бадена см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 5–6.

[72] Под «посягательством Итальянского королевства на Рим» автор имеет в виду борьбу Итальянского королевства с Ватиканом за присоединение к Италии Рима. В сентябре 1864 г. между Итальянским королевством и Францией была подписана конвенция, обязывавшая Францию вывести свои войска из Рима (находившиеся там по просьбе папы с 1849 г.) в течение двух лет; Италия брала на себя обязательства соблюдать неприкосновенность Папского государства, а также защищать его военной силой от всякого нападения (имелась в виду возможность нового похода «патриотов»). В конвенции был секретный пункт, по которому Италия обязывалась перенести столицу в другой город, давая тем самым императору Наполеону III гарантию, что итальянское правительство никогда не будет претендовать на Рим как столицу. В 1865 г. столица Итальянского королевства была перенесена из Турина во Флоренцию. Однако, правительству все же пришлось решать римский вопрос. В декабре 1866 г. из Рима были выведены французские войска, после чего подпольная мадзинистская организация в Риме стала энергично готовить восстание и обратилась за помощью к Дж. Гарибальди. После подавления восстания папскими войсками французские войска, 30 октября 1867 г., опять вошли в Рим. 3 ноября в битве при Ментоне объединенные силы французских и папских войск нанесли гарибальдийцам поражение (9 тысяч против 4 тысяч волонтеров). Французский гарнизон был оставлен в Риме, где находился до 1870 г. (см.: История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 249–250).

[73] *Северо-Германский Союз* был создан в начале 1867 г. в результате победы Пруссии а австро-прусской войне 1866 г. и выхода Австрии из Германского союза, в котором она играла руководящую роль. 16 апреля 1867 г. Северо-Германский рейхстаг принял прусский проект конституции Союза, который вошел в силу 1 июля 1867 г. Союз включал 21 германское государство; президентом его считался прусский король. Южно-герман-

ские государства, не вошедшие в Союз, заключили с ним наступательные и оборонительные соглашения.

[74] Люксембург по акту Венского конгресса 1815 г. входил в Германский союз государств и на правах «удела» принадлежал королю Нидерландов. После окончания австро-прусской войны 1866 г. Пруссия, ликвидировав Германский союз, сохранила свой гарнизон в Люксембурге и отказывалась его эвакуировать. Действия Пруссии вызвали противодействие императора Наполеона III, который желал присоединить Люксембург к Франции (летом 1866 г., стремясь обеспечить нейтралитет Франции в австро-прусской войне, Бисмарк намекал на свое согласие с этим). См. также коммент. 246, 253. По инициативе России в мае 1867 г. в Лондоне собралось совещание европейских держав, обсуждавших этот вопрос. В результате четырехдневных заседаний, 11 мая 1867 г., было принято решение, по которому Пруссия выводила свой гарнизон из Люксембурга, а державы гарантировали его нейтралитет, что не удовлетворило ни Пруссию, ни Францию (см.: *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 64).

[75] Вмешательство Франции, Великобритании и Испании в гражданскую войну в Мексике, произошло в конце 1861 — начале 1862 г. Вскоре испанские и британские войска были выведены из Мексики, а Франция продолжала военные действия. Временные успехи французов: занятие Мехико, провозглашение ставленника Наполеона III, австрийского эрцгерцога Максимилиана, императором Мексики — были непродолжительны. В начале 1867 г. французские войска были вынуждены уйти из Мексики. После этого республиканцы в течение нескольких месяцев разгромили армию Максимилиана I. Подробно об этом см.: *Беленький А.Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861–1867). М., 1959; *Aquirre M.I.* La intervention frangesca y el Inperio en Mexico. M., 1969.

[76] Пражский мирный договор *(Пражский мир)* между Австрией и Пруссией, завершивший австро-прусскую войну 1866 г., был подписан 23 августа 1866 г.

[77] Вступивший в 1851 г. на Ганноверский престол король Георг V (1819–1878) пытался противодействовать растущему влиянию Пруссии в общегерманских делах. В прусско-австрийском конфликте 1866 г. Георг V выступил на стороне Австрии. 28 июня 1866 г. армия Ганновера капитулировала у Лангензальца. Законом 20 сентября 1866 г. Ганновер был присоединен к Пруссии, в 1867 г. на Ганновер было распространено действие прусской конституции, в 1884–1885 гг. здесь была введена и прусская административная система. После капитуляции 1866 г. Георг V остался в Вене и издал протест против присоединения Ганновера к Пруссии. В Париже в 1867 г., рассчитывая на разрыв между Францией и Пруссией по Люксембургскому вопросу, Георг V организовал из эмигрантов особый легион. В 1868 г. Георг V подписал с Пруссией договор, по которому он должен был получить за отречение 17 млн талеров, ему были оставлены 4 млн, которые он хранил в Великобритании. Но и в дальнейшем Георг V продолжал надеяться на реставрацию и отказался распустить Вельфский легион, поэтому и Пруссия отказалась выполнить условия договора. Последние годы жизни Георг V провел во Франции.

[78] Добиваясь в конце 1860-х гг. отмены ограничительных статей Парижского договора 1856 г., Россия лавировала между Францией и Пруссией. В августе 1866 г. из Берлина в Петербург со специальной миссией направился генерал Э. Мантейфель, который должен был обосновать правомерность территориальных притязаний Пруссии в Европе. Кроме того, Мантейфель был уполномочен Бисмарком поддержать предложения России по отмене статей Парижского мира о нейтрализации Чёрного моря, если российское правительство само поставит этот вопрос (см.: *Бисмарк О.* Воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 50–59; *Нарочницкая Л.И.*

Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 140–148). Со своей стороны, император Наполеон III в этот период придавал отношениям с Пруссией большее значение, чем сближению с Россией.

[79] В отношении царского правительства и самого императора Александра II к Критскому восстанию в 1868 г. не проявлялось ярко выраженной линии. Это в значительной степени было обусловлено тем, что в российском дипломатическом ведомстве противоборствовали два подхода к решению Восточного вопроса. Один из них олицетворял министр иностранных дел А.М. Горчаков. 6 апреля 1867 г. он обратился к европейским державам с проектом проведения реформ на Балканах на базе создания административных автономий. В направленном им меморандуме предлагалось создание автономий: Румелии, Болгарии, Боснии и Герцеговины со Старой Сербией, Эпира, Фессалии и др. (меморандум был напечатан в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 10 октября 1867 г.). Однако Горчаков переоценил готовность держав решить вопрос в интересах христиан: его меморандум был отвергнут, что побудило Турцию не предпринимать никаких мер в отношении своих христианских подданных. Другую тенденцию в Восточном вопросе выражал посол в Константинополе Н.П. Игнатьев. Еще в бытность директором Азиатского департамента он выработал свое видение российской политики на Балканах. Главной ее задачей он считал восстановление позиций России, утраченных после Крымской войны 1853–1856 гг. Для этого, по его мнению, надо было отказаться от принципа защиты православия и перейти к поддержке национально-освободительных стремлений балканских народов. Игнатьев был решительным сторонником создания на Балканском полуострове независимых национальных государств при поддержке России. Конечной же целью для Игнатьева оставалось решение в интересах России проблемы проливов (см.: Записки Н.П. Игнатьева // Исторический вестник. № 1. 1914. С. 55–56). В середине января 1868 г. Игнатьев представил в Петербург меморандум по Восточному вопросу в связи с Критским восстанием, в котором предлагал А.М. Горчакову прекратить всякие переговоры о Крите и ближневосточных делах. В то же время он настаивал на необходимости прежде всего помочь Криту в продолжении его борьбы за освобождение. Игнатьев считал, что исходом восстания должно стать присоединение Крита к Греческому королевству (см.: *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 187–215).

[80] Речь идет о дипломатической переписке Министерства иностранных дел по Критскому вопросу за 1866–1867 гг., опубликованной в дипломатическом ежегоднике за 1868 (см.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Pour l'annèe 1868. S.-Pètersbourg, 1869. P. 209–303).

[81] С самого начала восстания на Крите российская дипломатия добивалась мирного разрешения конфликта, могущего перерасти в новый балканский кризис. Царское правительство призвало Лондонский и Парижский кабинеты к совместному демаршу перед Портой в пользу передачи Крита Греции. Российскому посланнику в Константинополе было предписано добиваться осуществления чаяний критян. Выполняя распоряжение канцлера А.М. Горчакова, Н.П. Игнатьев в своих частных встречах с турецким министром иностранных дел Али-пашой убеждал его пойти на уступки критянам. Тогда же он выдвинул план посылки на остров международной комиссии, которая изучила бы на месте требования повстанцев и изыскала пути для мирного разрешения конфликта. На это британские и французские дипломаты ответили, что их правительства не готовы произвести официальный демарш или представить проект реформ для Османской империи. Французские дипломаты отстаивали идею присоединения Крита к Египту, с чем Россия была кате-

горически не согласна. 30 августа 1866 г. в Петербурге Горчаков в беседе с французским послом предложил французскому правительству выступить совместно в Стамбуле, пригласив предварительно и британский кабинет. 4 сентября российский посол в Париже А.Ф. Будберг вручил французскому министру иностранных дел ноту, содержавшую предложение действовать сообща в Стамбуле через своих послов и побудить турецкое правительство удовлетворить законные требования критян. Франция отказалась от этого предложения, мотивируя свой отказ тем, что султанское правительство назначило на Крит нового губернатора и, следовательно, готово провести там расследование. Очень сдержанно встретило российское предложение и правительство Великобритании (см.: *Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание. 1866–1869 гг. М., 1970. С. 38–45; *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 189–191).

[82] *Парижский мирный договор*, завершивший Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг., был подписан 18/30 марта 1856 г. странами-участницами. Державы обязались не вмешиваться во внутренние дела Турции и совместно гарантировать автономию Дунайских княжеств и Сербии в рамках Османской империи (см.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1909. Т. 4. С. 300–320).

[83] Вооруженные болгарские четы в 1867–1868 гг. формировались главным образом на территории Румынии, где болгарская эмиграция имела определенную свободу для своей политической деятельности и играла значительную роль в экономической и политической жизни страны. Четы насчитывали 15–50 чел., но были и крупные четы от 100 до 500 чел. В 1860-х гг. четы были как правило многочисленными и хорошо вооруженными; четническое движение охватило значительные слои болгарского народа и превратилось в движение за национальное освобождение. В конце 1866 г. Г. Раковский и его соратники по эмиграции создали Верховное народное болгарское тайное гражданское начальство, задачей которого было формирование и направление в Болгарию из Румынии и Сербии вооруженных чет и руководство их действиями. 1 января 1867 г. Верховное начальство приняло «Временный закон о народных лесных четах на 1867 г.», согласно которому во главе чет стоял главный воевода (Г. Раковский). Всю зиму 1866–1867 гг. шла подготовка чет, однако было подготовлено всего четыре отряда. Эти отряды и действовали на территории Болгарии в 1867 г. После смерти Раковского в 1867 г. его последователи Хаджи Димитр и Стефан Караджа организовали чету численностью 125 чел. в Румынии. Начальником штаба четы был Иван Попхристов из Габрово, окончивший Александровское военное училище в Москве и принимавший участие в боевых действиях на Кавказе. Поход четы начался в ночь с 5 на 6 июля 1868 г. 18 июля в местности Бузлуджа произошло сражение четы с турецкими войсками и 500 башибузуками. Почти все четники были уничтожены. После этого Турция начала концентрировать свои войска на границе с Румынией (подробно об этом см.: *Стоянов З.* Четите в България. 1867–1868. София, 1938. С. 39–162).

[84] Речь идет о Московской этнографической выставке и Славянском съезде 1867 г., созванном по инициативе славянофилов для обсуждения вопросов славянского единства и общеславянского языка. Славян Австро-Венгрии на нем представляли 62 чел., т. е. около 78% всех участников съезда. Во главе чешской депутации стояли Ф. Палацкий и Ф. Ригер. Австрийские сербы прислали М. Полита-Десанчича, А. Вукашиновича и Й. Субботича. На съезде лидеры австрийских славян выступили с политическими речами, которые были явной демонстрацией их протеста против национальной программы австрийского министра-президента Ф. Бейста , в частности, против австро-венгерского дуализма. Участие австрийских славян в Славянском съезде было негативно воспринято в австрийских правящих кругах и немецкой печа-

ти. Последняя провозгласила съезд славян «панславистским сборищем» и заговором против Австрии. Российское правительство обвинялось при этом в возбуждении у славянских подданных Австрии и Турции стремления к отделению. Бейст прислал А.М. Горчакову ноту, в которой российскому правительству делалось предупреждение о возможной поддержке австрийским правительством подобных антирусских выступлений в Галиции. В ответ Горчаков уверил Австрию в том, что российское правительство не сочувствует идеям славянофилов (см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 171–173; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 468–482).

[85] В 1867–1868 гг. австрийский министр-президент Ф. Бейст провел реорганизацию государственного устройства страны по системе дуализма с предоставлением двум частям империи (в одной преобладал немецкий, а в другой — венгерский элемент) широкой автономии с образованием собственных органов управления. Одновременно создавалось общеимперское министерство для решения финансовых, военных и внешнеполитических вопросов. Дуализм нашел отражение в названии государства и титуле императора: по манифесту императора от 14 ноября 1868 г. монархия стала называться «Австро-Венгерская империя», а монарх стал носить титул «император Австрии и король Венгрии». Лидеры чешского национального движения считали, что это устройство не учитывает исторических прав чешских земель. 23 и 25 августа 1868 г. в Праге и Брюнне они выпустили декларации, в которых отстаивали принципы цельности и самостоятельности чешской монархии и восстановление чешского национального государства.

[86] Здесь автор, по-видимому, имеет в виду как активную деятельность славянофилов по поддержке национальных движений славян в Московском и Петербургском славянских комитетах, выступления славянофильской печати, так и вообще поддержку славянского движения в Австрии и Турции российской общественностью.

[87] Автор цитирует это письмо не совсем точно. В подлиннике буквально сказано: «<...> относительно враждебных замыслов Австрии нам нечего опасаться, по крайней мере в течение настоящего года, ибо военное преобразование еще не представлено сеймам и исполнение оного потребует немало времени» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 83. Л. 26об.).

[88] Несмотря на сильное сопротивление части епископов папе, на 1-м Ватиканском соборе в 1870 г., была принята догматическая конституция «Pastor aeternus». В ней говорилось о непогрешимости официальных (ex cathedra) суждениях папы по вопросам вероучения и его примате в церкви (см.: *Ковальский А.В.* Папы и папство. М., 1988).

[89] В 1845 г. Дон Карлос (вождь карлистов в 1833–1840 гг.), который претендовал на престол под именем Карла V (как представитель ветви Бурбонов), отрекся от «престола», и с этого времени лидером карлистов стал его сын Дон Карлос Луи, граф Монтемолин (именовал себя Карлом VI). В 1848 г. карлисты подняли восстание на севере Испании, но оно было сурово подавлено главой правительства Испании маршалом Р. Нарваэсом. После революции 1854–1856 гг. королева Испании Изабелла II сделала попытку примириться с карлистами, вступив с ними в длительные переговоры. Карлисты, однако, в 1860 г. вновь подняли восстание против Изабеллы. 20 июля 1868 г. на специальном совещании карлистов, созванном в Лондоне, был избран новый вождь — 20-летний Дон Карлос Мариа, принявший титул герцога Мадридского и королевское имя Карл VII. Когда Изабелла II бежала из Испании в Париж, она вторично попыталась установить контакт с карлистами, однако и на этот раз соглашение между двумя ветвями Бурбонов не состоялось. Сторонники Дона Карлоса предпочитали наступательные действия и предприняли попытку поднять восстание в Каталонии против

правительства Серрано-Прима (см.: *Майский И.М.* Указ. соч. С. 305–307).

[90] *Фенианство* — одно из направлений в ирландском национально-освободительном движении, возникшем в конце 1850-х гг. как в самой Ирландии, так и в среде ирландских эмигрантов, живших в США. В 1858 г. было создано «Ирландское революционное братство», члены которого назывались фениями. Они выдвигали в качестве своей главной цели установление вооруженным путем независимой Ирландской республики. В 60-х годах движение фениев нарастало, особенно оно усилилось во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг. В январе 1864 г. возникло Братство фениев в Ирландии, но в сентябре 1865 г. газета фениев «Ирландский народ» была закрыта, а 14 октября арестовано 25 фениев. Зимой 1866 г. массовые аресты фениев продолжались. Восстания, поднятые фениями в 1867 г. в разных частях Ирландии, потерпели поражение. В фенианских организациях в США к середине 60-х гг. возобладало течение, которое выступало за вооруженное нападение на Канаду, с тем чтобы вызвать войну с Великобританией и тем самым создать благоприятную обстановку для борьбы в самой Ирландии. Однако неудачные попытки вторжения (в 1866, 1870, 1871 гг.) привели к быстрому падению значения этих организаций.

[91] Речь идет о британской интервенции в Эфиопию 1867–1868 гг. Поводом для вторжения был арест находившихся в стране европейцев, включая и британского дипломатического представителя при эфиопском дворе Ч. Камерона. Арест был ответом императора Теодороса II на протурецкую политику британского правительства. Последнее приняло решение о посылке экспедиционного корпуса в Эфиопию под командованием генерала Р. Нэпира в августе 1867 г., после того как не удалось урегулировать конфликт дипломатическим путем (подробнее см.: История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. С., 51–61).

[92] Ирландский церковный билль был внесен министерством У. Гладстона и принят в июле 1869 г. По этому закону англиканская церковь отделялась в Ирландии от государства и уравнивалась в правах с католической и пресвитерианской.

[93] *Тайпинское восстание* (1850–1864) — крупнейшая по размаху и продолжительности крестьянская война в Китае, сопровождавшаяся созданием повстанцами своего государства на довольно значительной территории. С февраля 1862 г. в военных действиях против тайпинов стали активно участвовать Великобритании и Франция. Это привело к тому, что к середине 1863 г. тайпины лишились всей ранее завоеванной ими территории на северном берегу р. Янцзы. В ожесточенных боях, развернувшихся во второй половине 1863 — первой половине 1864 г., тайпины потеряли почти все свои опорные пункты, а их основные военные силы были разбиты цинскими войсками. С захватом Нанкина в июле 1864 г. и гибелью главных вождей восстания, перестало существовать и тайпинское государство. Остатки тайпинской армии в составе двух разрозненных группировок в течение некоторого времени продолжили борьбу. Одна из них была уничтожена в январе 1866 г. Другая, действовавшая в районах к северу от р. Янцзы, в 1864 г. объединилась с остатками участников Няньцзюньского восстания. Она была окончательно разгромлена правительственными войсками в августе 1868 г. (подробнее см.: *Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 374–381).

[94] 7 ноября 1867 г. сёгун Токугава Ёсинобу (Кэйки) отказался от власти. Сторонники микадо объявили о восстановлении его самодержавной власти. От имени микадо был издан указ об упразднении сёгуната и об управлении страной императором; сторонники сёгуната были арестованы. Таким образом, в результате революции 1867 г. в Японии было изменено государственное и общественное устройство, существовавшее с

1603 г. (подробнее см.: *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 219–247).

[95] Речь идет о развернувшейся в Афганистане междоусобной борьбе за престол после смерти в 1863 г. эмира Дост-Мухаммед-хана. В 1868 г. наметился перелом в пользу его сына Шир-Али-хана, правителя Герата, который в 1868 г. начал наступление на Кабул. Находившийся в это время в Кабуле в качестве правителя Мухаммед-Азамн-хан бежал из города. Вооруженные стычки между противниками продолжались в течение всего 1868 г.; решающее сражение состоялось в январе 1869 г. у Зумрата и закончилось победой Шир-Али-хана (см.: История Афганистана. М., 1965. Т. II. С. 237–238).

[96] См. коммент. 35 и 47.

[97] См. коммент. 81.

[98] См. коммент. 83.

[99] Об этом см.: *Сретеновиђ В.* Династјя Обреновиђ. Златибор. 1991. Кн. 2. С. 307–317.

[100] Подлинник письма графа А.В. Адлерберга к Д.А. Милютину из Югенгейма от 28 августа. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 12. Л. 19–22.

[101] Подлинник письма графа Н.П. Игнатьева к Д.А. Милютину от 19 ноября / 1 декабря см.: там же. Карт. 64. Ед. хр. 39.

[102] Черновик письма Д.А. Милютина к графу Н.П. Игнатьеву от 17/29 декабря см. Там же. Карт. 52. Ед. хр. 74. Л. 3.

[103] Парижская конференция признала право Турции требовать от Греции противодействия созданию на греческой территории отрядов повстанцев и недопущению в свои гавани их кораблей. Греции пришлось принять эти требования; дипломатические отношения между ней и Турцией были восстановлены. Протоколы Парижской конференции опубликованы в кн.: Annuaire diplimatique de l'Empire de Russie pour l'annèe 1870. S.-Pètersbourg, 1871. P. 184–228.

[104] Высочайше утвержденное 1 января 1869 г. «Положение о Военном министерстве» см.: ПСЗ. Собр. 2-е . Т. 44. Отд. 1-е. № 46611.

[105] «Положение о полевом управлении армией в военное время» от 17 апреля 1868 г. заменило Положение 1846 г. (см. коммент. 28).

[106] Речь идет о полевом уставе 1812 г., который назывался «Учреждение для управления большой действующей армией» (см.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 24975). В 1846 г. вошел в силу новый полевой устав под названием «Устав для управления армией в мирное и военное время» (СПб., 1847), сохранивший в силе основные положения «Учреждения» 1812 г.

[107] Упомянутое Положение об устройстве тыла армии было утверждено в 1876 г. В военное время распорядительные функции на театре войны предоставлялись главнокомандующему. Он получал больше прав по организации обеспечения войск, в частности, право проводить общие и частные реквизиции у населения и утверждать тарифы (см.: *Макшеев Ф.* Военная администрация: Устройство тыла и военного хозяйства. СПб., 1893. Вып. 1).

[108] О недостатках Положения 17 апреля 1868 г. см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 212.

[109] Подлинник записки А.И. Барятинского по поводу Положения 1868 г. хранится в РГВИА. Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства). Оп. 1. Д. 28904; копия записи — ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 27. Ед. хр. 9. «Умаление» прав главнокомандующего Барятинский усматривал в зависимости военных округов от Военного министерства (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 131).

[110] См.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 3. С. 411.

[111] Всеподданейший доклад по Военному министерству за 1868 г. от 1 января 1869 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 30. Ед. хр. 2 (литографированная копия).

[112] Высочайше утвержденное 25 июня 1867 г. Положение об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44745.

[113] *Корпус внутренней стражи* (1811–1864) состоял из губернских батальонов и команд служащих инвалидов и был предназначен для несения внутренней службы. 6 августа 1864 г. были утверждены: Положение о военно-окружных управлениях, на основании которого упразднялся штаб Корпуса внутренней стражи, и Положение об управлении местными войсками военного округа (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 41162; Там же. № 41166).

[114] Высочайше утвержденное 8 марта 1868 г. Положение о поступлении в военную службу нижних чинов по собственному желанию см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 46826.

[115] Там же. Т. 49. Отд. 1-е. № 52983.

[116] Высочайше утвержденное 16 декабря 1867 г. Положение о полевых артиллерийских парках и штабах оных см. Там же. Т. 42. Отд. 2-е. № 45299. Подробно о перевооружении артиллерии см.: *Крылов В.М.* Преобразования отечественной артиллерии в годы военных реформ 60–70-х годов XIX века. СПб., 2004. С. 135–153.

[117] См. коммент. 42.

[118] Малокалиберная винтовка в 4,2 линии так называемой системы Бердана № 1 была в значительной своей части сконструирована русскими офицерами — полковником А.П. Горловым и капитаном К.И. Гуниусом, командированными в Америку в 1866 г. Ознакомившись с системами американского стрелкового оружия, они остановились на винтовке с откидным затвором полковника X. Бердана, образца 1867 г., признав ее лучшей из всех имеющихся там систем оружия. Вместе с тем в этой винтовке был обнаружен ряд существенных недостатков, поэтому она была коренным образом реконструирована. Вследствие этого винтовка в Америке получила название «русской малокалиберной винтовки». Так она именовалась и в официальном документе, составленном на американском заводе Кольта, которому было заказано 30 тыс. этих винтовок. Русская малокалиберная винтовка обладала рядом бесспорных преимуществ по сравнению с системами Карле и Крнка. Наибольший прицел этой винтовки достигал 1500 шагов при очень большой ударной силе. Первая партия винтовки Гуниуса — Горлова или Бердана № 1 прибыла в Россию в 1867 г. (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 304–305).

[119] Записку великого князя Александра Александровича от 16 декабря 1869 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 36.

[120] Подлинник письма вел. кн. Александра Александровича к Д.А. Милютину от 19 декабря 1868 г. см.: Там же. Карт. 50. Ед. хр. 36. Л. 13–13об.

[121] Вопросом совершенствования организации внутреннего хозяйства войск с 1862 г. занимался Особый комитет под председательством генерал-адъютанта В.Ф. Лауница. Летом 1862 г. этот комитет представил предположения об установлении размера отпусков и порядка довольствия войск. Составленные комитетом новые табели и положения поступили на рассмотрение в Правиантский департамент, который дал по ним предварительное заключение (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 464, 476). В 1863–1864 гг., ввиду польского восстания и предстоявшего введения военно-окружной системы, разработка этого вопроса была приостановлена. В 1865 г. разработка нового Положения по продовольственной части была возложена на Особый комитет, который выработал вариант проекта Положения в 1867 г. Работа над ним велась до 1871 г. (см.: Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие царствования Александра II. Т. 4. СПб., 1880. С. 142–143).

[122] Упомянутый *Технический* комитет был учрежден в составе Главного интендантского управления в 1867 г.

[123] Проект нового Госпитального устава был в первоначальном варианте составлен в течение 1863 г., но введение его было отложено до повсеместного образования военных округов. В ожидании этого проект был разослан на рассмотрение разных лиц. Отзывы оказались до того разноречивыми, что Военное министерство сочло необходимым подвергнуть весь проект новому обсуждению. К началу 1867 г. был составлен новый проект Устава и рассмотрен Военно-кодификационной комиссией, но введение его в действие было задержано необходимостью изменить правила и формы госпитальной отчетности, для согласования их с новыми предположениями Государственного контроля. Проект Госпитального устава в этой связи рассматривался уже в Главном военно-госпитальном комитете. В итоге, 15 июля 1869 г. были утверждены Положения: 1) о постоянных военных госпиталях; 2) о врачебных заведениях в военное время № 3) о лазаретах (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 47310, 47313, 47312). См. также: Исторический очерк деятельности военного управления. Т. 4. С. 391–393).

[124] Упомянутая комиссия была учреждена 14 марта 1863 г. под председательством генерала П.П. Липранди для подробного рассмотрения вопроса относительно устройства и состава обоза для госпиталей и лазаретов военного времени. После смерти Липранди, в августе 1864 г., комиссию возглавил генерал-лейтенант Г.К. Яковлев. После 1864 г. обсуждение всех вопросов, относящихся до устройства госпитального хозяйства, было возложено на Особый комитет под председательством генерал-адмирала В.М. Шварца. Комиссия Яковлева занималась исключительно устройством перевозочных средств новых госпиталей (см. там же. С. 406–407).

[125] 2 октября 1865 г были Высочайше утверждены Временные правила о порядке рассмотрения и утверждения проектов новых Положений о казачьих войсках. С этой целью при Управлении иррегулярных войск был учрежден Комитет для пересмотра казачьих законоположений под председательством начальника управления Н.И. Карлгофа, из членов Общего присутствия управления и депутатов от казачьих войск. Этот комитет имеет в виду Милютин. В архиве Д.А. Милютина сохранились некоторые материалы комитета Н.И. Карлгофа (программа занятий от 24 октября 1866 г., основные начала реформы казачьих войск, докладные записки военному министру за 1866–1868 гг. — ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19–20).

[126] Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способе их комплектования было утверждено 1 июля 1867 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 2-е. № 44787). Оно было разработано на основе общего Положения о воинской повинности в казачьих войсках, принятого в мае 1867 г. Это был первый шаг на пути приближения организации воинской повинности казаков к общей системе воинской повинности.

Положение о дозволении лицам не воинского сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на землях казачьих войск было утверждено 9 апреля 1868 г. Суть его заключалась в следующем: во всех казачьих войсках разрешено российским подданным приобретать в собственность дома и всякие строения. Но земля оставалась собственностью войска и могла предоставляться только в постоянное пользование за установленную плату. Всем лицам, приобретшим оседлость в казачьих войсках, предоставлялось право пользоваться выгонами для их домашнего скота. Возведение новых строений допускалось только с разрешения войскового, либо станичного начальства (Там же. Т. 43. Отд. 1-е. № 45785).

[127] Воинский устав о наказаниях от 5 мая 1868 г. см.: Там же. № 45813.

[128] В 1867 г. Аудиториатский департамент Военного министерства был переименован в Главное военно-судное управление. В связи с этим аудиторское

училище было переименовано в Военно-юридическое училище. В 1868 г. было решено преобразовать Военно-юридическое училище, упразднив в нем общие классы по мере выбытия воспитанников и оставив только специальные классы. Число казеннокоштных воспитанников было сокращено до 60. В училище принимались лица всех сословий, выдержавших выпускной экзамен в средних учебных заведениях (Положение о Военно-юридическом училище от 15 июля 1868 см.: Там же. Т. 44. Отд. 1. № 47309). Преобразование военно-судной части изменило требования к лицам, служащим в этом ведомстве. В этой связи 26 октября 1869 г. был принят Именной указ «О правилах для офицеров, занимающих штатные должности по военно-судебному ведомству» (Там же. Т. 43. Отд. 2-е. № 46399).

[129] Положение о военно-исправительных ротах от 16 мая 1867 г. см.: Там же. Т. 42. Отд. 1-е. № 44595.

[130] Военные прогимназии были созданы на основе преобразования военно-начальных школ (Там же. Т. 43. Отд. 1-е. № 46087). Военно-начальные школы, в свою очередь, возникли в конце 1866 г. из училищ военного ведомства, преобразованных в 1858 г. из батальонов военных кантонистов (Положение 24 декабря 1866 г.). В 1868 г. было создано 8 военных прогимназий. Основным назначением прогимназий была подготовка контингента поступающих в юнкерские училища. В военные прогимназии принимались в первую очередь дети офицеров и чиновников военного ведомства, а также и лиц, пользующихся правами вольноопределяющихся 1-го и 2-го разрядов. Кроме них в военные прогимназии переводились также и воспитанники военных гимназий, оказавшиеся неспособными усваивать гимназический курс (см.: *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1880. СПб., 1880. С. 200–205).

[131] Положение о юнкерских училищах, утвержденное 16 марта 1868 г. см.: ПСЗ. Т. 43. Отд. 1-е. № 45612; именной указ «Об учреждении юнкерских училищ в армии» от 14 июня 1864 г. — Там же. Т. 39. Отд. 1-е. № 41067.

[132] Со вступлением на престол императора Александра II он учредил Главный штаб Е. И. В. по военно-учебным заведениям (ПЗС. Собр. 2-е. Т. 30. Отд. 1. № 29055), назначив начальником штаба генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева. После смерти Ростовцева в 1860 г. Главным начальником военно-учебных заведений был назначен великий князь Михаил Николаевич. Вскоре он обратился к ряду официальных лиц, в том числе к Д.А. Милютину и А.В. Головнину, с просьбой высказать свои суждения о системе военного образования в России. 10 февраля 1862 г. Милютин представил обстоятельную записку «Мнение о военно-учебных заведениях», в которой подробно излагал свою точку зрения на реформы в этом ведомстве (писарской экземпляр записки см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 3; опубликована в кн.: Столетие Военного министерства. 1802–1903. СПб., 1914. Кн. 10. Ч. 3. С. 188–195). Как вспоминал Милютин, ему осталось неизвестным, какое впечатление произвела его записка на великого князя, который ни разу не заговаривал с ним об этом вопросе (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. С. 318). 12 октября 1862 г. был учрежден Особый комитет для обсуждения реформ военно-учебных заведений под председательством великого князя Михаила Николаевича. В конце ноября того же года Особый комитет закончил свою деятельность, разработав основные положения реформы, утвержденные императором Александром II. В начале 1863 г. штаб Главного начальника военно-учебных заведений был упразднен, и с 21 января военно-учебные заведения были переданы в ведение Военного министерства, в составе которого было учреждено Главное управление военно-учебных заведений во главе с генерал-майором Н.В. Исаковым (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 224–229).

[133] См. коммент. 111.

[134] Подлинник письма Д.А. Милютина к дочери Ольге от 14/26 декабря 1868 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 93. Ед. хр. 19. Л. 21–22.

[135] После того как Черногория была вынуждена подписать в августе 1862 г. тяжелые условия мирного договора, навязанные ей Турцией, в русском обществе звучали голоса в поддержку ее внешнеполитических требований. К 1866 г. Черногория добилась полной ликвидации последствий войны 1862 г., достигнув определенных успехов в вооружении армии. В это время в Константинополь был направлен для переговоров сенатор Илья Пламенац. Благодаря энергичному посредничеству российского посла Н.П. Игнатьева, султанское правительство согласилось удовлетворить требования Черногории о выводе войск из Ново Село и ликвидировать пограничный блокгауз у горы Высочицы. 12 декабря 1866 г. черногорская территория была окончательно очищена от остатков турецких войск. В 1868 г. возобновила работу черногорско-турецкая комиссия по урегулированию спорных вопросов на границе с Герцеговиной (в районе Езера). Князь Черногории Николай потребовал от Порты прекращения строительства в Герцеговине пограничных блокгаузов. Опять же благодаря посредничеству Игнатьева Порта согласилась удовлетворить черногорские требования.

После смерти сербского князя Михаила, 29 мая 1868 г., князь Николай стал добиваться лидерства в антитурецкой коалиции балканских стран. Его попытки заручиться поддержкой Франции, которые он предпринимал до конца 1868 г., потерпели фиаско. Это заставило его опять переориентироваться на союз с Россией, чем и был вызван его первый визит в Петербург, о котором пишет Милютин. Петербургский кабинет продлил еще на 5 лет субсидию Черногории и даровал в качестве единовременного пособия 100 тыс. руб. Но при этом князю Николаю был дан совет поддерживать дружеские отношения с Сербией (подробнее о русско-черногорских отношениях в 60-х годах см.: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 232–271).

[136] 12 декабря 1867 г. на заседании Комитета министров был заслушан отчет А.П. Безака об управлении Юго-Западным краем с 1 октября 1866 по 15 ноября 1867 г. Безак реализовывал программу, фактически одобренную Комитетом министров в апреле 1865 г. и направленную на борьбу с влиянием польской шляхты и католического духовенства. Для этого предусматривалось обложение польской шляхты особым налогом, создание условий для продажи польскими помещиками своих имений русским, замена чиновников-католиков на лиц православного вероисповедания, улучшение положения православного духовенства, закрытие католических монастырей и польских школ (см.: Дневник П.А. Валуева. Т. 2. С. 226, 447–448).

[137] Предложение отделить должность генерал-губернатора от должности командующего войсками военного округа впервые было выдвинуто министром внутренних дел П.А. Валуевым и шефом жандармов В.А. Долгоруковым в 1865 г., в связи с назначением преемника виленскому генерал-губернатору М.Н. Муравьёву. Для Валуева было желательно иметь на посту генерал-губернатора человека, не зависевшего от военного министра. Шеф жандармов был вообще противником соединения в одном лице власти военной и гражданской. По этому вопросу в марте 1865 г. состоялось два совещания у императора Александра II, на которых Д.А. Милютин резко выступил против проекта Валуева — Долгорукова. Милютин тогда указывал на опасные последствия разделения власти в Западном крае. Мнение Милютина было поддержано императором (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 50–52).

[138] Князь А.М. Дондуков-Корсаков был противником военного министра Д.А. Милютина и его системы. По замечанию хорошо знавшего Дондукова С.Д. Шереметева, «он случайно под шумок подъема графа П.А. Шувалова появился в качестве не сочувствующего Милютину и с тех пор уже не покидал деятельности самой разнообразной» (см.: Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 99).

[139] Речь идет о кн.: *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 г. Т. 1–2. СПб., 1838.

[140] Под *«неудачами в Крыму»* автор подразумевает деятельность А.С. Меншикова на посту главнокомандующего морскими и сухопутными силами в Крыму во время Крымской войны 1853–1856 гг. По мнению Милютина, так же, как и многих других очевидцев тех событий, «из всех действующих лиц кровавой севастопольской драмы самая жалкая роль выпала на долю князя Меншикова <...> Он не обладал ни дарованиями, ни опытностью полководца и не имел при себе ни одного доверенного лица, кто мог бы его именем, вести дело с умением и энергией <...>. Он не счел нужным устроить при себе правильно организованный штаб, а потому не было ни правильного делопроизводства, ни порядка в распоряжениях <...>. Были в войсках Крымской армии и хорошие офицеры Генерального штаба, но они занимали положение второстепенное» (подробнее об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 281–295, 320–322).

[141] Барон А.-А. Жомини вступил лейтенантом во французскую армию в 1798 г.; участвовал в войнах 1805–1809 гг. в Испании и Австрии. В 1812 г. в чине бригадного генерала состоял начальником штаба у маршала М. Нея. 14 августа 1813 г. Жомини явился на прусские передовые позиции, откуда отправился в лагерь союзников антинаполеоновской коалиции под Прагой и предложил свою шпагу императору Александру I. В литературе существуют разные версии о причинах перехода Жомини на русскую службу. Одна из них объясняет этот поступок конфликтами Жомини с маршалом Неем и другими наполеоновскими генералами. Об этой версии и других подробнее см. в кн.: *Мерцалов А.Н.*, *Мерцалова Л.А.* А.-А. Жомини: Основатель научной военной теории. М., 1999. С. 22–33.

[142] Д.А. Милютин служил юнкером во 2-й батарейной роте Гвардейской артиллерии с 1 марта по 1 сентября 1833 г. К этому времени относятся его воспоминания об И.М. Симборском (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1842. М., 1997. С. 114–118).

[143] Черновик письма Д.А. Милютина к великому князю Михаилу Николаевичу от 24 января 1869 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 53. Ед. хр. 88. Л. 19–20; подлинник указанного письма великого князя Михаила Николаевича см.: Там же. Карт. 70. Ед. хр. 28. Л. 2–5.

[144] В течение 1868 г. изготовление новых ружей системы Карле, а также переделка по этой системе уже имеющихся производилась крайне медленно: было выполнено менее 10% запланированного заказа. Качество ружей было также невысоким. Невыполнение оружейными заводами своих обязательств привело к тому, что в конце 1868 г. была создана специальная комиссия для обследования их деятельности. Пока шли дебаты по винтовке Карле, в Военное министерство поступило новое предложение винтовки Н.М. Баранова, принятой на вооружение в 1865 г. Морским министерством. Эта нарезная винтовка обладала большими достоинствами и была лучше винтовки Карле. Производство этих винтовок уже было налажено Н.М. Путиловым на принадлежавшем ему заводе и смежных предприятиях, где по заказу морского ведомства было изготовлено 10 тыс. экземпляров. Наследник престола великий князь Александр Александрович, подпав под влияние Путилова, с конца 1868 г. в течение нескольких месяцев хлопотал о том, чтобы Путилову передать переделку всех ружей по никем не утвержденной системе Баранова (докладные записки

Путилова на имя наследника и морского министра по этому вопросу, поданные в течение 3 января — 28 марта 1869 г., см.: ГА РФ. Ф. 677 (Александр III). Оп. 1. Д. 322). Упомянутая записка А.А. Баранцова, озаглавленная «О мерах, принятых для вооружения нашей армии скорострельным оружием», 1869 г., хранится там же, д. 329). См. также: Оружейный сборник. 1869. № 2. С. 76–78 и коммент. 42.

[145] См. коммент. 118.

[146] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 24. Л. 10

[147] Писарской экземпляр распоряжения Д.А. Милютина о создании Комиссии О.П. Резвого см.: Там же. Карт. 24. Ед. хр. 22.

[148] Подлинник письма Д.А. Милютина к великому князю Николаю Николаевичу от 7 марта 1869 г. см.: Там же. Карт. 53. Ед. хр. 105. Л. 21–23об. (черновое).

[149] Приказ по военному ведомству от 20 марта 1869 г. № 24 об образовании двух комиссий опубликован в кн.: Оружейный сборник. 1869. № 2. С. 1–4.

[150] Материалы деятельности Исполнительной комиссии см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 29–30.

[151] Черновик письма Д.А. Милютина к великому князю Михаилу Николаевичу от 24 марта 1869 г. — Там же. Карт. 53. Ед. хр. 88. Л. 24–25.

[152] Подлинник телеграммы великого князя Николая Николаевича от 1 апреля 1869 г. — Там же. Карт. 71. Ед. хр. 41. Л. 3.

[153] После утверждения винтовки Крнка изготовление ружей системы Карле было прекращено. Заводам даны были усиленные наряды не только на изготовление новых ружей Крнка, но и на переделку системы Карле в систему Крнка. На проведение работ в непосредственное ведение Распорядительной комиссии было предоставлено 25 млн руб., из них на 1869 г. — 10 500 тыс. руб. и на 1870 г. — 5500 тыс. руб. Арендаторы потребовали 1200 тыс. руб. дополнительных ассигнований на усовершенствование предприятий. Срочность исполнения принятого плана перевооружения винтовками Крнка вынудила Военное министерство дать Бирмингемскому заводу заказ на 30 тыс. ружей. Первая партия с этого завода была получена в 1872 г. Перевооружение армии ружьями системы Крнка началось в 1870 г. (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 303–304).

[154] К середине 1860-х гг. в России было всего 3,5 тыс. верст железных дорог. В это время в Великобритании — 22 тыс. км, в США — 56 тыс. км железных дорог. Разразившийся в 1865–1866 гг. в Западной Европе финансово-валютный кризис тяжело отразился на железнодорожном строительстве в России. За шесть лет казенного железнодорожного строительства (1863–1869) было выстроено всего 1147 верст. В этом сказались не только слабая техническая оснащенность казенных линий, но и финансовая несостоятельность казны и замедленные темпы самого строительства. Во второй половине 60-х гг. царское правительство, используя благоприятную экономическую конъюнктуру мирового денежного рынка, сделало ставку на усиленный приток иностранного капитала в частное железнодорожное строительство. В 1867 г. правительство учредило специальный кредитный железнодорожный фонд, формально обособленный от государственного бюджета. В период промышленного подъема 1866–1872 гг. происходит приток иностранного капитала в железнодорожное строительство. Этот период вошел в историю русского капитализма под названием «концессионной горячки», связанной с широкой полосой банковского и железнодорожного спекулятивного грюндерства. В железнодорожном деле значительное развитие получает концессионная система — частнохозяйственное строительство с широким государственным финансированием в форме прямой и косвенной помощи. На первом этапе концессионного периода, в 1866–1868 гг., было выдано 19 концессий на

железные дороги, общей протяженностью в 4634 версты. В то же время продолжалось строительство казенных железных дорог (см.: *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт во II половине XIX в. М., 1975. С. 95–98).

[155] Николаевская дорога была продана Главному обществу российских железных дорог в апреле 1867 г. Об этом см. в кн.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 431–432.

[156] *Главный железнодорожный комитет* (официальное название — *Комитет железных дорог*; 1858–1874) — высший орган для предварительного рассмотрения предположений о строительстве частных железных дорог. С 1863 г. председателем Комитета был граф С.Г. Строганов. Обязательными членами Комитета по должности были министр финансов и министр путей сообщения. Комитет рассматривал проекты строительства рельсовых путей с точки зрения их экономической и общегосударственной значимости. Предложения о способах осуществления строительства представлялись в Комитет министров и на усмотрение императора. С упразднением Комитета железных дорог его функции были переданы Комитету министров (см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 1998. Т. 1. С. 77–78).

[157] Военное министерство еще в 1864 г. разработало свой проект железнодорожного строительства, но в то время он был отвергнут, в том числе и по финансовым соображениям (см.: *Обручв Н.Н.* Сеть русских железных дорог, участие в них земства и войска. СПб., 1864).

[158] В упомянутой записке от 12 ноября 1868 г., озаглавленной «О железных дорогах, необходимых в военном отношении», подробно рассматривалось стратегическое положение России и определялись предполагаемые плацдармы военных действий в будущей войне. Относительно железнодорожной сети России указывалось, что она сооружалась применительно к экономическим потребностям страны, тогда как военные интересы оставались на втором плане. Для удовлетворения первоочередных стратегических потребностей государства указывалось на необходимость решения ряда задач, в числе которых — сооружение второй категории железнодорожных линий и развитие железнодорожного строительства в восточных районах страны (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 37. Ед. хр. 14). Глубокий анализ этого документа сделан в кн.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 121–122.

[159] Записку Д.А. Милютина с ответной репликой А.М. Горчакова см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 107. Л. 2.

[160] Речь идет о железнодорожной линии Ростов — Владикавказ, на строительстве которой в числе первоочередных настаивал великий князь Михаил Николаевич в записке от 7 января 1869 г., поданной императору Александру II. Повторно этот вопрос был поднят кавказским наместником в конце 1869 г. во время его пребывания в Петербурге. На этот раз вопрос обсуждался в Особом совещании под председательством императора. Совещание единогласно высказалось за принятие проекта наместника, и 2 января 1870 г. Ростово-Владикавказская дорога была включена в сеть неотложно необходимых железных дорог (см.: *Головачев А.А.* История железнодорожного дела в России. СПб., 1881. С. 364–365).

[161] ОР РГБ. Ф. 137 (Корсаковы). Карт. 208. Ед. хр. 32 (писарский экземпляр за подписью М.С. Корсакова).

[162] Н.Н. Муравьёв был генерал-губернатором Восточной Сибири в 1847–1860 гг. В феврале 1860 г. он подал на Высочайшее имя записку о разделении Восточной Сибири, в которой предлагал выделить созданную в 1856 г. Приморскую область в особое генерал-губернаторство во главе с военным моряком, исполняющим одновременно обязанности главного командира портов и флотилии Тихого океана и имеющего право вступать в дипломатические сношения с Японией. В подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири должны были остаться Иркут-

ская губерния, Забайкальская, Амурская, Якутская области и Кяхтинское градоначальство; за ним сохранялось право пограничных и политических отношений с Китаем. Енисейскую губернию предполагалось передать в состав Западной Сибири (см.: *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы к биографии. М., 1891. Кн. 1. С. 580–582). Проект Н.Н. Муравьёва в 1860 г. не был поддержан несколькими министрами и генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом. Одним из контраргументов было увеличение расходов (см.: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998. С. 188–189).

[163] Проект административно-территориального переустройства Восточной Сибири, выдвинутый Н.Н. Муравьёвым-Амурским в 1860 г., был в 1864 г. возобновлен М.С. Корсаковым в несколько измененном виде: он был дополнен идеей создания из Оренбургского генерал-губернаторства и входивших в состав Западной Сибири недавно присоединенных степных районов нового самостоятельного Степного генерал-губернаторства (см. всеподданнейшую докладную записку М.С. Корсакова о новом административном устройстве Восточной Сибири от 15 декабря 1864 г. — ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 208. Ед. хр. 31).

[164] В конце июня 1867 г. Комиссия Ф.К. Гирса (официальное ее название — Особая комиссия для изучения быта киргизов и начал, на которых должно быть устроено управление степями; создана в 1865 г.) закончила работу над проектом Положений об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства. В течение второй половины 1867 — первой половины 1868 г. этот проект обсуждался в соответствующих ведомствах (см.: *Осеков Б.К.* Организация и деятельность Степной комиссии (1865–1868): Автореф. Дисс... канд. ист. наук. М., 1987. С. 10–12).

[165] Комиссия генерал-адъютанта И.Г. Сколкова находилась в Амурском крае с мая по декабрь 1869 г. Составленный Комиссией отчет был рассмотрен в Особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича 25 мая 1870 г. (литографированный экземпляр отчета и копию Журнала Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 1, 11).

[166] Предложения М.С. Корсакова по административному устройству Восточной Сибири были уточнены в 1870 г., с учетом предположений Комиссии И.Г. Сколкова и упомянутого выше Особого совещания (см.: Там же. Карт. 210. Ед.хр. 14. Л. 42–80). До внесения в Военный и Государственный советы проект Корсакова обсуждался в Особом совещании под председательством великого князя Константина Николаевича 30 октября 1870 г. и 10 февраля 1871 г.

[167] О студенческих беспорядках в высших учебных заведениях весной 1869 г. см.: *Сватиков С.Г.* Студенческое движение 1869 г.: (Бакунин и Нечаев) // Исторический сборник. СПб., 1907. С. 228–236; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в. М., 1993. С. 234–242.

[168] См. коммент. 105 и 109.

[169] См. коммент. 29.

[170] Писарская копия объяснительной записки Д.А. Милютина хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 27. Ед. хр. 10.

[171] Речь идет о картинах выдающегося русского художника В.В. Верещагина из знаменитой туркестанской серии, созданных во время его первого путешествия по Средней Азии в 1868–1870 гг. В Среднюю Азию Верещагин выехал в августе 1867 г. после зачисления на службу в чине прапорщика к туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману. В конце марте 1868 г. Верещагин в сопровождении переводчика, слуги и казака выехал по поручению Кауфмана для эт-

нографического исследования в пределах Семиреченской и Сырдарьинской областей. 2 мая 1868 г. Верещагин приехал в Самарканд, который был уже сдан русским войскам. Во время Самаркандской обороны Верещагин проявил высокое личное мужество и воинскую отвагу, чем завоевал в гарнизоне авторитет и уважение и был награжден Георгиевским крестом. Позднее он написал очерк «Самарканд в 1868 г.», опубликованный в журнале «Русская старина» в 1888 г. За время своих поездок по Средней Азии Верещагин создал около 250 рисунков и тридцати этюдов маслом; значительную их часть составили образы представителей разных народов и жанровые картины (подробнее об этом см.: *Дёмин Л.* С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. М., 1991. С. 50–107).

[172] Граф В.А. Бобринский с 4 июня 1868 г. занимал должность товарища министра путей сообщения, а после отставки П.П. Мельникова был назначен исполняющим должность министра. До самой своей отставки он не был утвержден в должности министра. Бобринский всецело разделял точку зрения министра финансов М.Х. Рейтерна о предпочтительности частного железнодорожного строительства. В течение его управления Министерством путей сообщения не только не было начато новое казенное строительство, но и отстроенные к тому времени на средства казны дороги были переданы в пользование частным кампаниям. Были изменены правила 1868 г. о порядке выдачи железнодорожных концессий. Новые правила 1870 г. открыли широкий простор произволу, не устранив неурядицы в хозяйстве частных железнодорожных компаний (см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902. С. 7–8.

[173] Упомянутое новое Положение о Военном министерстве было утверждено 1 января 1869 г. (Свод военных постановлений. Кн. 1. Ч. 1. СПб., 1869).

[174] В.А. Бобринский был исполняющим должность министра путей сообщения в 1868–1871 гг., а его двоюродный брат А.П. Бобринский — в 1871–1874 гг.

[175] *Ильинское* — имение Звенигородского у. Московской губ., приобретенное в 1865 г. императрицей Марией Александровной. Впоследствии было собственностью великого князя Сергея Александровича.

[176] Речь идет об А.Д. Милютине, служившем в описываемое время в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. Его командировка на Дальний Восток была связана с перевооружением береговой артиллерии новыми пушками, спроектированными в 1864 г. генералом Н.В. Маиевским и принятыми на вооружение в 1867 г. Это были 8-, 9- и 11-дюймовые казнозарядные орудия с высокими баллистическими показателями: они обладали высокой скорострельностью и кучностью боя. Заряжание их было простым, удобным и, главное, безопасным. Стрельба из этих орудий производилась гранатами, бомбами и бронебойными снарядами со свинцовой оболочкой. Пушки были снабжены приборами для автоматической стрельбы. Производились они, главным образом, на Обуховском заводе (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 368–369).

[177] Подразумеваются Мария и Елена.

[178] Б.А. Милютин в 1851 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. После этого он несколько лет прослужил в Петербурге, в Сенате. С 1859 г. по 1875 г. Борис Алексеевич служил чиновником в Восточной Сибири, начав службу при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьёве-Амурском. В Иркутске Милютин был инициатором многих либеральных и литературных начинаний; он издал первый «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах» (СПб., 1875). Вернувшись в Петербург, Б.А. Милютин стал товарищем (заместителем) главного военного прокурора и вышел в отставку в начале 1880-х гг. в чине тайного советника. В последние годы жизни им были на-

писаны воспоминания, озаглавленные «Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьёва в Сибири», опубликованные в «Историческом вестнике» (1888, № 1–2). Б.А. Милютин был женат на Прасковье Осиповне Ивановой (по первому мужу).

[179] В 1863 г. в связи с внедрением призматического пороха для стрельбы из тяжелых орудий было предпринято оборудование Охтенского порохового завода механическими прессами для выработки этого сорта пороха. Происшедший в 1864 г. сильнейший взрыв повлек за собой коренную реконструкцию всего завода (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 438–439. В тексте настоящего издания у Милютина описка — 1865). В течение 1865–1868 гг. были осуществлены крупные строительные работы, предусматривавшие безопасность производственного процесса, созданы новые гидротехнические сооружения, а также установлены новые механизмы.

[180] Подразумеваются великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович.

[181] В начале 1860-х гг. американский техник Р.И. Гатлинг изобрел некоторое подобие скорострельной пушки, так называемой «картечницы», состоящей из 10 стволов, калибром в 4,2 линии, расположенных параллельно и скрепленных друг с другом таким образом, что они могли вращаться вокруг общей горизонтальной оси при помощи особого механизма. Картечница давала до 200 выстрелов в минуту и была рассчитана на поражение в максимально короткий срок определенных площадей с дистанции винтовочного выстрела. Картечница Гатлинга была принята на вооружение в России в 1870 г. В дальнейшем она была значительно реконструирована выдающимся русским изобретателем В.С. Барановским (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 161).

[182] Речь идет об Адмиралтейском Ижорском заводе, находившемся в Колпино.

[183] 30 августа — день тезоименитства императора Александра II.

[184] Милютин имеет в виду участие старшего сына Шамиля Кази-Магомета в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на стороне турок.

[185] В описываемое время у Н.А. Милютина было четверо детей: сын Юрий и дочери — Прасковья, Мария и Елена.

[186] Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1842. С. 346–348.

[187] 17 января 1841 г. Д.А. Милютин, во время своего итальянского путешествия, совершил восхождение на вершину Везувия, где впервые встретил свою будущую жену Н.М. Понсэ. Об этом см. в указ. выше Воспоминаниях (С. 315).

[188] О пребывании Д.А. Милютина в Неаполе, Сорренто и Риме см. Там же. С. 354–359.

[189] Генерал-майор В.В. Нотбек возглавлял специальную комиссию, занимавшуюся вопросами подготовки оружейных заводов к производству малокалиберных казнозарядных ружей. Комиссия признала необходимым взять Тульский завод снова в казну (с 1863 г. завод находился в арендном управлении генерала К.К. Стандершельда) и произвести его реконструкцию в 1871–1873 гг. За период управления заводом Стандершельда не произошло быстрого обновления материально-технической базы завода (подробнее об этом см.: *Ашурков В.Н.* Арендно-коммерческое управление русскими оружейными заводами // Ученые записки Тульского пед. института. Тула, 1958. Вып. 8.

[190] В марте 1868 г. бухарский эмир отказался ратифицировать русско-бухарский договор. В апреле бухарские войска вышли на р. Зеравшан (в районе Самарканда), куда подошла русская армия во главе с К.П. Кауфманом. Эмир требовал возвращения г. Джизака и других территорий, занятых русской армией. Кауфман предлагал эмиру отказаться от территориальных претензий к России. Условия эти не были приняты. Военное столкновение на Зеравшане закончилось бегством бухарцев, и внутриполитическая борьба в Самарканде обострилась. Когда

русская армия в начале мая 1868 г. подошла к городу, то ворота Самарканда оказались открытыми. Поражение бухарских войск под Самаркандом и подписание невыгодного для Бухары мирного договора стало серьезным ударом по политической системе ханства. В Бухаре усилилась борьба между сторонниками и противниками ориентации на Россию. Последние группировались вокруг Абдулмалика, бежавшего из Ташкента в южные бекства, где он был провозглашен эмиром. Абдулмалик пользовался поддержкой правителей Шаара и Китаба в Шахрисябзском оазисе — Джурабека и Бабабека, а также британских агентов, прибывавших через Афганистан. Сложившаяся в Бухарском ханстве обстановка беспокоила Россию, которая не была заинтересована в ослаблении власти эмира Моззафара. С этой целью правительство считало целесообразным возвратить Бухаре Самарканд. Такую позицию занимал, в частности, министр иностранных дел. Однако российская администрация в Средней Азии, в лице К.П. Кауфмана и других, не разделяла этого мнения. При личной встрече с императором в августе 1868 г. Кауфман убедил его в целесообразности оставления Самарканда за Россией. Между тем эмир Моззафар попытался все же добиться возврата утраченных городов, отправив в Петербург специальное посольство. Посольству был оказан действительно хороший прием. Но его намерение обсудить русско-бухарские отношения было отклонено Министерством иностранных дел, указавшим, что это входит в компетенцию Кауфмана (см.: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 280–286). См. также коммент. 47).

[191] Речь идет о событиях зимы 1846–1847 гг., когда Д.А. Милютин жил в Петербурге и преподавал в Николаевской академии Генерального штаба (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 136–137).

[192] Подлинник письма Н.А. Милютина от 16 ноября 1869 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 11–12об.

[193] См. кн.: *Максимовский Н.С.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869.

[194] *Русское техническое общество* учреждено в апреле 1866 г. Одной из его целей было содействие промышленному прогрессу.

[195] Полное название ордена — «Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия». Учрежден в 1769 г. императрицей Екатериной II. Имел 4 степени. Орден предназначался только для воинских чинов и давался преимущественно за боевые подвиги. Однако в статуте ордена предусматривалась и другая возможность: получить орден по выслуге лет, прослужив в полевой службе 25 лет и в морской — 18. Чтобы сохранить за орденом характер награды исключительно за боевые заслуги, с 1855 г. выслуга лет в армии стала отмечаться орденом Св. Владимира. В декабре 1833 г. был утвержден новый статут ордена с подробным перечислением отличий, которые давали право на награждение им. Первоначально орден Св. Георгия был наградой чрезвычайной, которую имели всего 25 чел. Вторую степень ордена получило 120 чел., в том числе за Первую мировую войну — 4 военачальника. Третьей степенью было награждено всего 638 чел. Все четыре степени ордена имели только 4 фельдмаршала: М.И. Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.Ф. Пиливич, И.И. Дибич. С 1849 г. имена георгиевских кавалеров отмечались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве (см.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 193–196).

[196] Подразумевается польское восстание 1863–1864 гг., начавшееся в то время, когда великий князь Константин Николаевич был наместником Царства Польского.

[197] Полный текст поздравительной речи императора Александра II к георгиевским кавалерам опубликован в кн.: *Татищев С.С.* Император Александр II: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2.

С. 35–36. Александр II был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 10 ноября 1850 г. за проявленную храбрость в стычке с горцами во время своей поездки по Кавказу.

[198] Автор имеет в виду сражение при Бар-Сюр-Обе между войсками антинаполеоновской коалиции и французским корпусом маршала Н.Ш. Удино. Бой закончился победой союзных войск.

[199] Знаками ордена Св. Георгия были: белый эмалевый крест с изображением в центре Святого Георгия на коне, лента из трех черных и двух оранжевых полос и четырехконечная (ромбовидная) вызолоченная звезда с изображением Георгия в центре и девизом вокруг. Крест 1-й степени носился на ленте через плечо, а 2-й и 3-й — на шее. Две старшие степени дополнялись звездами. Орден 4-й степени носился в петлице либо на левой стороне груди.

[200] Речь идет о Каменном театре, построенном в Петербурге в 1783 г. В нем ставились оперы, балеты и другие спектакли. В 1896 г. здание театра было перестроено под консерваторию.

[201] Речь идет о нападении 19 и 25 декабря 1853 г. турецких войск на д. Четати, находившуюся вблизи г. Калафата на левом берегу Дуная. Туркам противостоял находившийся в Четати небольшой передовой отряд русской армии, состоявший из одного батальона с двумя орудиями и взводом гусар, под командованием полковника Е.К. Баумгартена (в то время — командира Тобольского пехотного полка). Отряд упорно сражался с превосходившими его в три раза силами противника и удержал Четати до прибытия подкреплений. За этот бой Баумгартен был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в генерал-майоры (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 224).

[202] Цитируемые телеграммы опубликованы в кн.: *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 36–37.

[203] Там же. С. 37–38.

[204] В Указе 9 декабря 1869 г., кроме пожалованной суммы в 70 тыс. руб., было определено «ежегодно отпускать из свободных сумм Капитула Российских орденов по 35 тыс. руб. на призрение неимущих кавалеров, воспитание или образование их детей и сирот, облегчение участи их семей» и другие нужды георгиевских кавалеров (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 2-е. № 48432). *Кавалерская дума* была учреждена в 1782 г., с правом предварительного рассмотрения представлений к наградам 3-й и 4-й степеней.

[205] В 1864 г., одновременно с действиями правительства по соединению Оренбургской и Сибирской линий, Министерство иностранных дел представило императору Александру II записку о занятии Красноводского залива (записка опубликована в кн.: Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1960. С. 19).

В марте 1865 г. известный предприниматель В.А. Кокорев и Д.И. Менделеев подали оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому докладную записку об учреждении нефтяной компании на восточной берегу Каспия. Крыжановский одобрил проект, рассчитывая привлечь к Красноводскому заливу хивинских и бухарских купцов, восстановить торговый путь по «старому течению» Амударьи и создать тем самым предпосылки для развития дружественных отношений с туркменским населением. Проект Кокорева — Менделеева обсуждался на заседании специальной комиссии весной 1865 г. Одновременно с этим проектом в правительственных кругах рассматривались предложения купца П.С. Савельева об учреждении им в Красноводском заливе торговой фактории и строительстве на о. Челекен и побережье залива заводов по разработке полезных ископаемых. Специальное совещание одобрило проект Кокорева — Менделеева о возобновлении торгового пути от Красноводского залива к среднеазиатским ханствам. По итогам этого совещания Военное министерство составило обобщающий доклад, предусматривав-

ший временное занятие в 1866 г. Красноводского залива. Однако решение этого вопроса пришлось отложить из-за событий, связанных с Бухарой и Кокандом (см.: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 175–180).

206 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2-е. № 46380. Указ о введении Положения подписан 21 октября 1868.

207 *«Кавказ и Меркурий»* — одно из крупнейших частных акционерных речных и морских пароходств России. Учреждено в мае 1858 г. из двух самостоятельных обществ: речного — «Меркурий» (существовало с 1848 г.) и морского — «Кавказ». 24 мая 1868 г. был утвержден новый (третий по счету) устав общества, который упрочивал его положение на Каспийском море на 15 лет. В 1867 г. Обществу были переданы территория и сооружения Астраханского порта. В течение зимы 1869–1870 гг. Общество «Кавказ и Меркурий проделало большую работу по перевозке войск Красноводской экспедицией полковника Н.Г. Столетова, с обозом, артиллерией, лошадьми и всем необходимым снаряжением, а также продовольствием, сначала из Астрахани, а по закрытии там навигации — из Петровска. Кроме того, Общество, по требованию Военного министерства, с целью непрерывного снабжения отряда свежими припасами и поддержания постоянных с ним сношений содержало срочные рейсы между Баку и Красноводском по два раза в месяц (см.: Краткий отчет деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий». 1858–1908. СПб., 1909. С. 20, 28–29).

208 В начале января 1859 г. в Петербурге было созвано правительственное совещание для обсуждения предстоящего военного наступления в Средней Азии. Совещание приняло решение о создании торговой фактории на восточном берегу Каспийского моря и усилении Аральской флотилии новыми судами. В этой связи обер-квартирмейстеру Отдельного Оренбургского корпуса В.Д. Дандевилю было поручено изучить восточное побережье Каспийского моря и найти удобное место для якорной стоянки и постройки торговой фактории. Экспедиция Дандевиля работала летом 1859 г. Ее итоги обсуждались в Петербурге 31 октября 1859 г. на совещании с участием великого князя Константина Николаевича, военного министра Н.О. Сухозанета и министра иностранных дел А.М. Горчакова. Совещание одобрило предложение Дандевиля создать торговую факторию в Красноводском заливе, но отложило реализацию этого проекта до урегулирования взаимоотношений с туркменским населением (см.: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 110–112).

209 Речь идет о всеподданнейшем докладе Д.А. Милютина от 15 января 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 15). Доклад полностью напечатан в кн.: Столетие Военного министерства. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. Приложения. СПб., 1902. С. 70–171.

210 См. главу I Положения о поступлении на военную службу нижних чинов по собственному желанию, о производстве нижних чинов в военные офицеры и в первый классный чин, от 8 марта 1869 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 46826).

211 См. главы II и III Положения, указанного в коммент. 210.

212 См. коммент. 121.

213 Авторство и местонахождение указанной записки не установлены.

214 Превосходство нарезных орудий перед гладкостенными впервые обнаружилось в Западной Европе при осаде крепости Гаэта в 1860 г.: оказалось, что каменные постройки могут быть легко разрушены перекидными выстрелами. В большинстве российских крепостей имелось много каменных построек, которые совсем не были прикрыты с поля. Для устранения недостатков российских крепостей и для окончательной их отстройки руководитель инженерного ведомства Э.И. Тотлебен в 1862 г. представил военному министру обширную записку. В ней содержались подробные предложения по каждой крепости, с указанием необходимых де-

нежных средств. Записка эта легла в основу всеподданнейшего доклада военного министра по инженерной части за 1862 г. Доклад был одобрен императором Александром II, и, таким образом, проект Тотлебена стал на много лет руководством при выполнении работ по обустройству всех крепостей в России.

Принятый в 1862 г. план модернизации крепостей в значительной своей части не был реализован, главным образом, из-за плохого состояния финансов. В течение 10 лет (1863–1873 гг.) на эти цели было ассигновано всего 31,5 млн руб. Располагая мизерными средствами, инженерное ведомство довольствовалось лишь поддержанием крепостных сооружений (подробнее см.: Исторический очерк деятельности военного управления в России... Т. 4. С. 313–337; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 441).

215 Несмотря на репутацию противника военных реформ и сторонника николаевских порядков, Э.И. Тотлебен не отвергал необходимости преобразований, в том числе и в инженерном ведомстве. Он сочувственно отнесся к созданию в 1862 г. Главного инженерного управления, а 26 января 1863 г. сам был назначен товарищем (заместителем) генерал-инспектора по инженерной части. Деятельность Тотлебена в этой должности была высоко оценена императором в рескрипте по случаю 50-летнего юбилея Инженерной академии и училища 25 ноября 1869 г. (текст этого рескрипта опубликован в кн.: *Шильдер Н.* Э.И. Тотлебен: Биографический очерк. СПб., 1886. Т. 2. С. 675). Что касается собственно инженерного ведомства, то из-за недостатка финансовых средств Тотлебену не удалось осуществить кардинальные преобразования. Однако он старался ввести по административной части частные улучшения (подробнее об этом см.: Там же. С. 619–634).

216 О состоянии дел с изготовлением повозок для лазаретов и госпиталей см.: Исторический очерк деятельности военного управления... Т. 4. С. 409–411. См. также коммент. 118.

217 Правильное название: редакция «Российской военной хроники».

218 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 47315–47316.

219 См. Положение о врачебных заведениях на военное время (Там же. № 47313).

220 См. Главу XIII Положения, указанного в коммент. 219.

221 См. коммент. 125.

222 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 46998 (Положение о необязательности службы для казачьих офицеров от 21 апреля), 46996 (Положение о поземельном устройстве станичных обществ и о запасных землях от 21 апреля), 47019 (Положение о преобразовании Астраханского казачьего войска от 29 апреля), 46831 (Положение о преобразовании войсковых хозяйственных управлений Уральского и Сибирского казачьих войск от 8 марта); отд. 2-е. № 47877 (именной сенатский указ «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» от 30 декабря).

223 Высочайше утвержденное Положение о Донском учебном казачьем полку от 2 ноября. — Ттам же. № 47609. Объявлено в приказе по военному ведомству 12 ноября 1869 г.

224 Высочайше утвержденный Дисциплинарный устав (по военно-сухопутному ведомству) от 7 июля 1869. — Там же. Отд. 1-е. № 47287. Объявлен в приказе 10 июля.

225 Имеется в виду Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О ежегодных взносах дворянством разных губерний на воспитание детей дворян в военно-учебных заведениях» от 24 ноября 1869 г. — Там же. Отд. 2-е. № 47715.

226 Положение о военных прогимназиях от 19 апреля 1869 г. — Там же. Отд. 1-е. № 46986. См. также коммент. 130.

227 *Школы военных кантонистов* созданы в 1721 г. для подготовки к военной службе солдатских детей; назывались гарнизонными школами, в 1798 г. переименованы в военно-сиротские отделения.

Впоследствии школы были подчинены ведомству военных поселений, где все мальчики от 7 до 18 лет считались кантонистами. Основная масса кантонистов зачислялась в солдаты. Категория кантонистов упразднена в 1856 г.

[228] Положение о специальных школах артиллерийского ведомства от 15 июля 1869 г. см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 44. Отд. 1-е. № 47314; Положение о военно-фельдшерских школах от 26 апреля — № 47008.

[229] См.: Государственная роспись доходов и расходов на 1869 год. СПб., 1870.

[230] Имеется в виду Введение к Части 1 «Свода местных узаконений губерний остзейских» (СПб., 1845).

[231] Речь идет о 1835–1836 гг., когда Н.В. Медем преподавал в Военной академии стратегию и военную историю. В 1836 г. было издано его сочинение «Обозрение известнейших систем стратегии» (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. С. 146–148).

[232] 19 декабря 1869 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев представил всеподданнейший доклад о проекте административно-полицейской реформы, который был передан императором Александром II на обсуждение Комитета министров. К докладу был приложен составленный им пространный проект «Основных положений административно-полицейской реформы», состоящий из 32 пунктов (см.: РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–13). Главные положения проекта сводились к следующему: 1) усиление власти губернатора; 2) упразднение губернских правлений и передача всех их дел в ведение губернаторской канцелярии; 3) подчинение губернатору всей полицейской власти в губернии; 4) упразднение низших должностных лиц сельской полиции и учреждение уездной полицейской стражи; 5) освобождение полиции по следственным делам от дисциплинарной подчиненности судебному ведомству. На заседании Комитета министров 27 января 1870 г. было решено, чтобы до обсуждения этого проекта все министры и главноуправляющие представили на него до 1 марта свои отзывы. В архиве Д.А. Милютина хранится его заключение (печатный экземпляр) по проекту основных положений административно-полицейской реформы, внесенному министром внутренних дел А.Е. Тимашевым 10 января 1870 г. Заключение датируется 1 марта (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 40. Ед. хр. 9). См.: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 2. С. 84–85; *Оржеховский И.В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-е годы XIX в. Горький, 1974. С. 69–70.

[233] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 1. № 48274 (Положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского войска от 23 апреля 1870 г.); № 48276 (Временное положение о преобразовании войскового правления Донского войска от 23 апреля 1870 г.); № 48354 (Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г.); № 48388 (Положение об увеличении содержания офицерам Донского войска от 2 мая 1870 г.); № 48370 (о введении мировых судебных установлений). Высочайшее повеление о переименовании Земли войска Донского в Область от 21 мая 1870. — № 48387.

[234] Памятник князю И.Ф. Паскевичу-Эриванскому был сооружен в Варшаве за заслуги его в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. В 1831 г. фельдмаршал Паскевич сменил И.И. Дибича на посту главнокомандующего войсками и наместника в Царстве Польском.

[235] Речь идет о миссии генерала Н.Н. Муравьёва (Карского) на Ближний Восток во время первого турецко-египетского конфликта 1832–1833 гг. Подробно об этом см.: *Муравьёв Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.

[236] Подлинник письма А.Н. Муравьёва к Д.А. Милютину по поводу строительства военных укреплений в г. Киеве от 7 июля 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 45. Л. 1–2.

[237] Подлинник цитируемого письма А.Н. Муравьёва к Д.А. Милютину от

14 сентября 1871 г. см.: Там же. Л. 10–12. В письме упоминается Дмитрий, тысяцкий князя Даниила Романовича Галицкого, оборонявший Киев в конце 1240 г. от Батыя. Татары овладели Киевом 6 дек. 1240 г., но раненого Дмитрия Батый велел не убивать за храбрость (см.: *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 140).

[238] См. коммент. 103.

[239] Речь идет о выводе турецких гарнизонов из 6 крепостей на территории Сербии (Белград, Кладово, Смедерево, Шабац, Сокол, Ужице) в 1862–1867 гг. и передаче самих крепостей княжеству. Первыми были освобождены Белград, Сокол и Ужице. Это произошло в 1862 г. По решению специальной конференции в Константинополе 11/23 июля 1862 г. турецкое ограждение вокруг Белградской крепости подлежало сносу, а посты у ворот — ликвидации. В конце 1866 г. князь Михаил Обренович обратился к Порте с просьбой передать Сербии оставшиеся 4 крепости, обещая взять на себя расходы по содержанию крепостей и обороне границ Османской империи. Эта акция Сербии была поддержана ведущими европейскими державами и в том числе Россией, что повлияло на решение султана. 19 февраля 1867 г. Порта официально сообщила о своем согласии передать все крепости Сербии вместе с вооружением и боеприпасами без каких-либо компенсаций (см.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986. С. 165–167, 178–180).

В начале 1870 г. Турция в очередной раз потребовала ликвидации права черногорцев на пользование пастбищами в Веле и Мало Брдо. 20 февраля в своем донесении в Петербург А.С. Ионин выразил предположение, как бы из-за Брдо не вспыхнула война. С целью предотвращения военного конфликта европейские державы приняли решение о создании международной комиссии по рассмотрению вопроса о принадлежности этой территории. Первоначально князь Черногории Николай решительно отказался от предложенной денежной компенсации. Он потребовал от Порты Езеру взамен Веле и Мало Брдо. Турция не только отказалась удовлетворить это требование, но в марте, не дождавшись решения международной комиссии, ввела свои войска в Брдо. Среди членов комиссии только представитель России (Е.П. Новиков) и Франции (Обаре) поддерживали право Черногории на обладание указанной выше местностью. Международная комиссия решила вопрос о Брдо в пользу Турции, предложив Черногории компенсацию в 120 тыс. флоринов (см.: *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70 годах XIX в. М., 1979. С. 276–277).

[240] Турция, используя ослабление позиций Греции в связи с подавлением Критского восстания, стала с начала 1869 г. более активно поддерживать болгар в их борьбе за отделение от Константинопольской (Греческой) патриархии. Российское правительство, до середины 1860-х гг. занимавшее примирительную позицию в спорах патриархии с болгарами, теперь встало на сторону последних. В феврале 1870 г., по настоянию Н.П. Игнатьева, Порта издала ферман о создании болгарской экзархии. Спустя два года был утвержден ее устав и избран экзарх. Эти акты не были признаны патриархией и вызвали длительный раскол.

[241] Имеется в виду «Силлабус», т. е. «перечень всех главных заблуждений нашего времени», опубликованный папой Пием IX в 1864 г. «Силлабус» приводил 80 заблуждений, подлежащих осуждению. Среди них: либерализм, социализм, рационализм, свобода науки и философии, отделение церкви от государства, отрицание необходимости папского государства. Осуждались такие «заблуждения», как утверждение, что римские папы преступали границы своей власти и узурпировали права государей. «Силлабус» вызвал возмущение европейской общественности; им была недовольна и часть католи-

ков. Однако Рим не хотел считаться ни с какими предостережениями и решил укрепить папский авторитет торжественным созывом в Ватиканском дворце Вселенского собора (см.: *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 351–352).

[242] 20 сентября 1870 г., после отозвания французского корпуса, итальянские войска заняли Рим, присоединив его к Итальянскому королевству. Папская область была, таким образом, ликвидирована. Папа, в знак протеста, объявил себя «узником», заявив, что он не покинет стен Ватикана, пока не будут восстановлены его попранные права.

[243] См. коммент. 52.

[244] См. коммент. 75.

[245] См. коммент. 73.

[246] Подразумеваются тайные переговоры О. Бисмарка с французскими агентами в мае–июне 1866 г. по территориальным претензиям Франции. Поддерживая надежды императора Наполеона III на расширение восточных пределов Франции присоединением Бельгии или Люксембурга, Бисмарк в то же время не давал определенных гарантий, и после поражения Австрии Наполеон III увидел, что Бисмарк его перехитрил (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867).

[247] Подлинник письма кн. Н.А. Орлова к Д.А. Милютину от 11/23 марта 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 72. Ед. хр. 50.

[248] Полный текст декларации о нейтралитете России во франко-прусской войне от 11/23 июня 1870 г. опубликован в газете «Правительственный вестник» (№ 148 того же числа).

[249] Подлинник письма И. Ливчака к Д.А. Милютину от 8 июля 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 50. Л. 4–6.

[250] Подлинник письма графа Б. Хотека к Д.А. Милютину от 6 августа 1870 г. см.: Там же. Карт. 78. Ед. хр. 59.

[251] Черновые заметки Д.А. Милютина для доклада государю 9 августа 1870 г. на случай войны хранятся: Там же. Карт. 37. Ед. хр. 2 (9 л.).

[252] *«The Times»* («Время») — крупнейшая британская ежедневная газета консервативного направления, основанная в Лондоне в 1785 г.

[253] Милютин имеет в виду переговоры Бисмарка с императором Наполеоном III в Биаррице в октябре 1864 и сентябре 1865 г. Детали этих переговоров остались не вполне проясненными, т. к. обе стороны не давали письменных обязательств. Переговоры касались Бельгии, Люксембурга и франко-прусской границы по Рейну. Свою версию этих переговоров Бисмарк изложил в заявлении, сделанном в собрании представителей Северо-Германского Союза перед началом войны 1870 г. и опубликованном 31 июля 1870 г. в «Staatsanzeiger».

[254] Об отношении русского общества к франко-прусской войне см.: *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

[255] Сам Александр II писал в эти дни своей возлюбленной, Е.М. Долгорукой, в письме от 21 августа / 2 сентября о победе немцев под Седаном: «Бог с нами», а на следующий день, 22 августа / 3 сентября, о пленении Наполеона III — «Grand noavelle, вот прекрасный результат, который превзошел все мои ожидания» (ГА РФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 23. Л. 45–49) (*пер. с фр.*).

[256] Катастрофа при Седане произошла 1 сентября (нов. стиля). Известие о сдаче французами Седана, пленении Наполеона III и отречении его от престола в пользу сына привели к восстанию в Париже и образованию 4 сентября правительства Национальной обороны во главе с генералом Л. Трошю. Министром иностранных дел был назначен адвокат Ж. Фавр, министром внутренних дел — Л. Гамбетта.

[257] Положение о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск от 1 августа 1870 г. см.: ПСЗ.
Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 2-е. № 48607.

[258] Там же. № 48762.

[259] Пруссия требовала в качестве обязательного условия заключения мира передачу ей Эльзаса и Лотарингии. Французское правительство под давлением народа отказалось принять эти условия.

[260] Правительство России решило последовать примеру Великобритании и установить с Временным правительством официальные отношения как с правительством де-факто, не признавая его официально. Петербургский двор беспокоило отсутствие уверенности в прочности этого правительства и в его способности стабилизировать внутреннее положение Франции. В Петербурге не верили также и в способность Временного правительства оказать решительное сопротивление Пруссии (см.: *Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и России. Минск, 1976. С. 180–182).

[261] Договор состоял из 34 статей и нескольких приложенных к нему конвенций, касавшихся вопросов территориального урегулирования, нового режима Черноморского бассейна и проливов, проблемы балканских народов. Центральное место в договоре занимали статьи о нейтрализации Чёрного моря, которая означала запрещение России иметь там военно-морские силы, а также крепости и арсеналы на Черноморском побережье (статьи XI, XIII, XIV; см: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. С. 316). Территориальные потери России были незначительны: она лишилась южной части Бессарабии, которая была присоединена к Молдавии. Нейтрализация была для России самым тяжелым условием Парижского договора: она лишала ее возможности защитить свои южные границы при нападении враждебных государств, корабли которых могли появиться в Чёрном море.

[262] Франция была занята войной и не могла оказать противодействия России. Король Пруссии и О. Бисмарк заверили императора Александра II в том, что Пруссия считает претензии России к договору 1856 г. законными. Австро-Венгрия, опасавшаяся нового наступления Пруссии, не склонна была ввязываться в войну с Россией. Великобритания избегала единоличного участия в войнах Европы. Турция без сильной европейской коалиции не смела выступить против России (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 176).

[263] Автор неточен в дате: речь идет о циркуляре А.М. Горчакова от 19/31 октября 1870 г., разосланном через российских послов за границей правительствам всех государств, подписавших Парижский мирный договор 1856 г. 3 ноября 1870 г. циркуляр был напечатан в «Правительственном вестнике». Содержание документа сводилось к доказательству утраты в значительной степени договором 1856 г. своей силы. Горчаков приводил примеры нарушения государствами, подписавшими договор, его условий (в частности, объединение Дунайских княжеств в единое государство и приглашение иностранного князя в его правители с согласия Европы). При этом отмечалось, что Россия не намерена «возбуждать Восточный вопрос» она согласна выполнять «главные начала договора 1856 г.» (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 106).

[264] Действительно, циркуляр А.М. Горчакова вызвал резкую критику в Лондоне. Британское правительство отказалось его комментировать до получения сообщения о приеме ноты в Константинополе, Вене и Берлине. В ноте статс-секретаря по иностранным делам лорда Дж. Гренвиля от 10 ноября 1870 г. выражался протест по поводу документа, ставившего государства перед совершившимся фактом. Гренвиль назвал российскую ноту «бомбой, брошенной в тот момент, когда Англия ее менее всего ожидала» (цит. по кн.: *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 166).

[265] Копию донесения Ф.И. Бруннова см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 36.

[266] См. коммент. 153.

[267] Турция была единственным государством из подписавших Парижский договор 1856 г., правительство которого официально не ответило на циркуляр России, решив узнать мнение Лондона. Британский посол Ф. Эллиот, откровенный противник России, категорически заявил великому визирю, что Лондон не позволит, чтобы общеевропейский договор был отменен одной из держав, его подписавших. Видимо, не без влияния Эллиота, Порта призвала запасные части своей армии под предлогом усмирения курдов. Н.П. Игнатьев, возвратившись 20 ноября 1870 г. в Константинополь, нашел положение в столице весьма тревожным. Опубликование циркуляра российский посол считал поспешным актом. Тем не менее он добросовестно выполнял предписания Горчакова о поисках доверия Турции к России и необходимости установления прямых отношений между ними, чтобы нейтрализовать происки Великобритании. Игнатьев вел беседы с Али-пашой и другими государственными деятелями Турции, австрийским и британским послами, доказывая им мирные намерения России. В личных беседах с Эллиотом Игнатьев подчеркивал выполнение Россией условий Парижского мира и нарушение статей договора другими государствами, в частности Великобританией (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 180–181).

[268] Подлинник цитируемой телеграммы Н.П. Игнатьева от 13/25 ноября 1870 г. см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 37. Л. 76.

[269] Там же. Л. 80.

[270] Местонахождение письма Е.Д. Милютиной из Ливадии от 29 октября 1870 г. не установлено.

[271] Неудачный исход Крымской войны 1853–1856 гг. нанес обороне Юга России серьезный ущерб. Одним из условий Парижского мира было разоружение всех крепостей Черноморского побережья, которые превратились в неспособные к обороне приморские города. Из состава Черноморской эскадры было исключено 93 корабля. В строю оставалось 12 небольших пароходов, 22 парусных судна и 37 канонерских лодок. Эти суда также не могли обеспечить охрану Черноморского побережья. Согласно принятым в 1857–1862 гг. программам модернизации прибрежных крепостей и строительства флота, предпочтение было отдано Балтийскому флоту и северо-западным крепостям. Черноморский флот должен был получить всего 6 новых корветов, 4 парохода и 9 транспортов, что обусловливалось ограничительными статьями Парижского договора. В 1857 г. правительство учредило «Русское общество пароходства и торговли», имея в виду восполнить недостаток в морских силах на Чёрном море. Общество получило кредит в виде ежегодной субсидии в течение 20 лет. Правительство приобрело акции на 2 млн руб., передало Обществу часть судов и кадров, направив 126 офицеров и несколько сотен матросов из Черноморского флота. Перед Обществом была поставлена задача построить такие суда, которые можно было в случае войны срочно вооружить и использовать для крейсерской службы. Вопрос о защите черноморских портов был серьезно поставлен только в 1870 г. К восстановлению Севастополя приступили лишь в 1873 г. (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 503–509).

Под *«Севастопольской железной дорогой»* называли ветку от ст. Лозовая до Севастополя Крымской железной дороги (Лозовая — Севастополь — Феодосия — Керчь).

[272] Речь идет о конференции держав, участвовавших в подписании Парижского договора 1856 г.; конференция открылась в Лондоне 17 января 1871 г.

[273] Литографированный экземпляр всеподданнейшего доклада военного министра за 1868 год см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 30. Ед. хр. 2.

[274] Там же. Ед. хр. 3.

[275] О создании Комиссии под руководством Н.И. Бахтина и первом этапе ее деятельности в 1862 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. С. 466. Ко-

миссия выработала только частные меры для смягчения рекрутства в виду предстоявшего в начале 1863 г. набора. Ее последующая деятельность по пересмотру рекрутского устава 1831 г. и реформе комплектования армии упиралась в нерешенность основного вопроса — какая часть населения должна быть привлечена к призыву (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 82).

[276] Местонахождение указанной записки П.А. Валуева от 12 июля 1867 г. не установлено.

[277] Подразумевается ослабление позиций Австрии в Европе после поражения австрийской армии при Садовой (близ крепости Кёнигсгрец) 3 июля 1866 г., во время австро-прусской войны.

[278] Писарская копия записки П.А. Валуева от 5 октября 1870 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 45.

[279] Подготовительные черновые заметки Милютина к проекту закона о всеобщей воинской повинности см.: Там же. Карт. 24. Ед. хр. 39. Л. 1–16.

[280] Печатный экземпляр всеподданнейшего доклада Милютина и Высочайшего повеления 4 ноября 1870 г. см.: Там же. Ед. хр. 37. Л. 1–6.

[281] Имеются в виду две записки: «О развитии наших вооруженных сил» и «О главных основаниях личной воинской повинности» (подлинники — Там же. Ед. хр. 36. Л. 1–27). Обстоятельный анализ обеих записок Милютина дан П.А. Зайончковским (Указ. соч. С. 261–266, 304–306).

[282] Подлинники указанных двух записок Милютина от 24 ноября 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 36. Л. 32–34.

[283] Упомянутое заседание Совета министров состоялось 10 декабря 1870 г. По его итогам были внесены серьезные изменения в проект Устава о всеобщей воинской повинности, а не частные исправления, как утверждает Милютин. В фонде Совета министров, хранящемся в РГИА, отсутствуют журналы этого заседания (*Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 308).

[284] Подлинник поздравительной телеграммы Киевского университета от 10 ноября 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 59. Ед. хр. 23. Л. 3.

[285] Решение вопроса о реформе воинской повинности в Финляндии затянулось до 1878 г., когда сейм принял новый Устав о воинской повинности (подробнее об этом см.: *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 97–99; *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX в. — 1881). М., 2003. С. 47).

[286] Под «институтом» автор подразумевает Киевский институт императора Николая I для воспитания и образования дочерей бедных дворян, который был открыт в 1838 г. (о нем см.: Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии: Краткий очерк. СПб., 1906. С. 38).

Царский дворец в Киеве был окончательно отстроен в 1753 г. для императрицы Елизаветы Петровны. В 1819 г. верхний деревянный этаж дворца сгорел. В 1834 г. дворец был отдан городскими властями в распоряжение Общества заведения искусственных минеральных вод. В 1868 г. на том же месте началось строительство нового императорского дворца по проекту архитектора К.Я. Маевского, которое закончилось в 1870 г. Новый дворец был построен во французском стиле и обращен передним фасадом к Лавре. Дворцу была передана часть городского сада, в котором были устроены дворцовые цветники (см.: Путеводитель по Киеву с указанием его достопримечательностей. СПб., 1877. С. 32–34).

[287] Речь идет о кн.: *Платов А.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. СПб., 1870.

[288] Тексты упомянутых Высочайшей грамоты и рескриптов опубликованы в кн.: *Гойжевский Н.В.* Описание празднеств по случаю 50-летнего юбилея Артиллерийского училища. СПб., 1871. С. 8–12.

[289] См. коммент. 118.

[290] В 1866 г. были созданы офицерские классы при Аудиторском училище. Однако через полгода они были переименованы в Военно-юридическую академию, окончательное Положение о которой было утверждено в 1868 г. Согласно Положению, в Академию принимались штаб-и обер-офицеры. Курс обучения был рассчитан на два года.

[291] Речь идет о массовых волнениях кочевых киргизских племен, вспыхнувших весной 1869 г. на п-ове Мангышлак и в ряде районов Казахстана. В августе 1869 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман тревожно доносил об этом в Петербург. Высадка военного десанта в районе Красноводского залива в ноябре 1869 г. еще более ухудшила отношения России с Хивой (см.: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 297–298).

[292] *Адаевцы* — одно из кочевых киргизских племен, принадлежавших к роду Адай. Они занимали своими кочевьями весь Усть-Урт до южной оконечности Карабугазского залива, за исключением береговой полосы к югу от форта Александровского, занятого туркменами и русскими (подробнее об этом племени см.: *Михайлов Ф.А.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад, 1900. С. 16–24).

[293] Подлинник цитируемого письма К.П. Кауфмана см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 24. Кауфман и другие чиновники российской администрации в Средней Азии действительно считали необходимым предпринять в начале 1870 г. военное наступление на Хиву ввиду активной антирусской политики хивинского хана. Но Министерство иностранных дел старалось избегать военных экспедиций в Хиву, считая целесообразным оказывать покровительство туркменскому населению (см.: Присоединение Туркмении к России. С. 47–49).

[294] О бухарском посольстве 1869 г. в Петербург см. коммент. 190.

[295] Подробно об этом см.: *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб., 1871. Об афганском посольстве Шир-Али-хана см. на с. 71–73.

[296] Территория, о которой идет речь, находилась в верховьях р. Зеравшан и включала ряд труднодоступных горных пунктов (Матча, Фан, Фальгар, Кистут, Магнан, Ягноб и др.). Формально они входили в состав Бухарского ханства и управлялись из Самарканда или Ургута. Фактически же они мало зависели от бухарских чиновников и управлялись мелкими местными беками, зависимость которых проявлялась лишь в периодической присылке податей эмиру. С переходом Самарканда под контроль России бекства верховьев Зеравшана фактически стали самостоятельными.

В состав искандер-кульской экспедиции (апрель–июль 1870 г.) входили, кроме военных, известные ученые: путешественник-натуралист А.П. Федченко, горный инженер Д.К. Мышенков, востоковед А.Л. Кун. По мнению начальника экспедиции генерала А.К. Абрамова этот богатый природными ресурсами район был бы ценным приобретением для России. В том же 1870 г. обследованная территория была включена в состав Зеравшанского округа под название «Нагорные тюмени» (подробнее об экспедиции см.: *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. СПб., 1875. С. 126–177).

[297] Речь идет о генерал-лейтенанте Александре Даниловиче Герстенцвейге, который был дежурным генералом Главного штаба в 1856–1860 гг.

[298] Центральное правительство ничего не знало о шахрисябзском походе, инициатива в проведении которого всецело принадлежала К.П. Кауфману. Пока в Шахрисябзе происходили описываемые события, Кауфман поспешил подготовить в Петербурге благоприятную реакцию на свои действия. 16 августа, в тот самый день, когда генерал А.К. Абрамов у стен Шаара торжественно провозглашал о ликвидации господства местных беков, туркестанский генерал-губернатор отправил А.М. Горчакову специальное послание. Он ни словом не упомя-

нул о новом походе Абрамова, но всячески превозносил готовность бухарского эмира Музаффара признать зависимость ханства от Российской империи. Кауфман считал, что немедленная передача занятой территории эмиру, сгладив у него горечь утраты Самарканда, усилит его стремление к сближению с Россией. Расчет Кауфмана оказался правильным. Эмир постепенно привык к мысли об утрате Самарканда и Катта-Кургана и не поднимал более вопроса об их возврате (см.: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 292–293).

[299] Министерство иностранных дел поднимало «самаркандскую проблему» из-за того, что русско-бухарский договор 1868 г. не был утвержден, и Высочайшее повеление о Самарканде оставалось в силе. Необходимо было оформить фактическую принадлежность Самарканда Российской империи законодательным путем. Попытка осуществить это намерение была сделана в 1871 г. (Там же. С. 293–295).

[300] В июле 1868 г. появился меморандум Г. Роулинсона, давший новое направление британской политике в Средней Азии. Одной из главных целей, в частности, заявлялось намерение Великобритании добиться господствующего положения в Афганистане. Первым шагом на этом пути было Амбальское соглашение, заключенное в марте 1869 г. с эмиром Афганистана Шир-Али-ханом. Вслед за этим соглашением британское правительство в марте того же года начало вести с Россией переговоры о разграничении сфер влияния в Центральной Азии, которые продолжались до октября 1869 г. Переговоры закончились выработкой некоторых общих принципов разграничения: с одной стороны, выявилось стремление России оградить от иностранного вмешательства Бухару, Коканд и Хиву; с другой — обнаружилось намерение Великобритании утвердить свое господство в Афганистане и закрепиться в Кашгаре (см.: *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 67–74).

О междоусобной борьбе в Афганистане после смерти Дост-Мухаммед-хана и политике Шир-Али-хана подробнее см.: *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 176–186.

[301] Под влиянием тайпинского движения в середине 60-х гг. на территории Западного Китая вспыхнули народные восстания, приведшие к изгнанию маньчжурской адинистрации и провозглашению трех государств: Джеты-Шаара с центром в Кашгаре, Дунганского султаната и Кульджинско-Таранчинского ханства. Выступлениями народных масс воспользовалось Кокандское ханство. Правитель Джеты-Шаара бывший кокандский военачальник Якуб-бек установил тесные связи с Турцией и Великобританией, захватил некоторые районы Джунгарии и угрожал среднеазиатским владениям России (подробнее об антирусской политике Якуб-бека и притеснении русских купцов в Кашгаре см.: *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 136–147). Торговля русских купцов в Кашгаре была открыта после подписания 2 ноября 1860 г. Пекинского договора. 20 февраля 1862 г. в Пекине были подписаны «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» на трехлетний срок, которые затем были в несколько измененном виде перезаключены в 1869 г. на пятилетний срок.

[302] Восстание дунган началось в Западном Китае в 1862 г. и быстро распространилось на Джунгарию и Каштар.

[303] См. коммент. 93.

[304] По мере развития Дунганского восстания (оно продолжалось до 1877 г.) российское правительство принимало меры, препятствовавшие сношениям дунган с кочевыми киргизскими племенами, особенно в Семипалатинской области. Восстание привело к росту числа эмигрантов из Китая в Среднюю Азию. От набегов дунган пострадали российские консульства в Кульдже и Чугучаке. На границе с российскими владениями происходили массовые грабежи и разбои. Прекращение торговли чаем повлекло за собой сокращение подвоза русских промышленных товаров, производившихся в Цен-

тральной России (подробнее см.: *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений России с Китаем. М., 1974. С. 273–274; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917). Барнаул, 2003. С. 67–94).

[305] Материалы Особого совещания см.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6839. Л. 127–129; Ф. 400. Д. 25. Л. 126–129.

[306] В 1858 и 1860 гг. Пекинское правительство подписало с Великобританией и Францией неравноправные договоры (Тяньцзинский и Пекинский). На основании этих договоров иностранные товары получили широкий доступ в глубь страны. После Тайпинского восстания позиции Великобритании, Франции и США в Китае еще более укрепились, внешняя торговля Китая все более приобретала колониальные черты (см.: *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 248–253).

[307] Подлинник письма Н.Н. Муравьёва-Амурского к Д.А. Милютину от 23 декабря 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 52.

[308] См. коммент. 163.

[309] См. коммент. 165.

[310] См. коммент. 280.

[311] 15/27 октября 1870 г. в Царскосельском дворце император Александр II созвал заседание Совета министров для обсуждения вопроса о целесообразности отмены ограничительных статей Парижского договора 1856 г. Совет министров во главе с императором принял решение заявить об отмене нейтрализации Чёрного моря. Это решение было изложено в циркуляре А.М. Горчакова от 19/31 октября 1870 г. и разослано через послов России за границей правительствам всех государств, подписавших Парижский договор 1856 г. О реакции европейских правительств на этот внешнеполитический демарш России подробно см.: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 178–183.

[312] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 2-е. № 48965.

[313] Имеется в виду «Временное положение о призыве на действительную службу отпускных нижних чинов, причисленных к запасным войскам». — Там же. № 48736.

[314] Там же. Отд. 1-е. № 48033.

[315] Там же. Отд. 2-е. № 48606.

[316] См. коммент. 121.

[317] См. коммент. 153.

[318] См. коммент. 118.

[319] См. коммент. 144.

[320] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 1-е. № 48411. См. также коммент. 189.

[321] Имеется в виду Именной, объявленный в приказе по военному ведомству указ «Об изменении составов действующих пеших и конных артиллерийских батарей» от 10 августа 1870 г. — ПСЗ. Т. 45. Отд. 2-е. № 48632. См. также коммент. 181.

[322] См. коммент. 122.

[323] См. коммент. 218–219.

[324] См. коммент. 119.

[325] См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 1-е. № 48207 («Высочайше утвержденные дополнительные правила о подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск» от 31 марта 1870 г.); 48275 (Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского войска от 23 апреля 1870 г.); 48354 (Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г.); 48370 (Временные правила о введении мировых судебных установлений в Земле войска Донского от 16 мая 1870 г.); Отд. 2-е, № 48607 (Положение о воинской повинности Кубанского и Терского казачьих войск от 1 августа 1870 г.); 48819 (Положение о перечислении в гражданское ведомство Шапсугского пешего берегового батальона Кубанского казачьего войска от 18 октября 1870 г.). См. также коммент. 233.

[326] Речь идет о казачьих ружьях системы полковника Сафонова, принятых на

вооружение во всех частях казачьих войск.

[327] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 2-е. № 48706.

[328] Речь идет о великом князе Михаиле Николаевиче.

[329] Главный *военно-тюремный комитет* был создан при Военном министерстве в связи с утверждением 16 мая 1867 г. Положения о военных тюрьмах. Комитет состоял из дежурного генерала Главного штаба, генерал-аудитора, представителя от Главного инженерного управления и инспектора военных тюрем. Комитет осуществлял общее наблюдение за всеми мерами по благоустройству и содержанию тюремных заведений военного ведомства (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 42. Отд. 1-е. № 44594).

[330] См. коммент. 129.

[331] Имеется в виду Именной указ главноуправляющему II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. — ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 2-е. № 48835.

[332] Литографированный экземпляр всеподданнейшего отчета по Военному министерству за 1870 год от 1 января 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 30. Ед. хр. 4.

[333] Там же. Л. 3–4об.

[334] Черновик письма Д.А. Милютина к П.Д. Киселёву от 4 января 1871 г. см.: Там же. Карт. 52. Ед. хр. 101. Л. 16–17.

Конскрипция (от лат. conscriptio — внесение в списки, набор) — система набора в армию; в разных странах имела свои особенности (см.: *Сидоренко Г.Д.* Рекрутская повинность. Киев, 1869).

[335] См. коммент. 281

[336] Подлинник письма П.Д. Киселёва к Д.А. Милютину от 13/25 января 1871 г. из Уши см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 36–37.

[337] Подразумевается проведение П.Д. Киселёвым в качестве министра государственных имуществ реформы управления государственными крестьянами в 1837 г., (см.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. 1–2. М.; Л., 1946–1958).

[338] Речь идет об упоминаемом выше Высочайшем повелении 4 ноября 1870 г., опубликованном в «Правительственном вестнике» (№ 237. 5 ноября). В соответствии с этим повелением и на основании приказа по военному ведомству от 17 ноября 1870 г., были сформированы Комиссия о воинской повинности и Комиссия по разработке Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении. Первая Комиссия была разделена на четыре отдела: I — о сроках службы и льготах; II — о возрасте принимаемых и о системе призыва; III — о расходах по призывам; IV — о вольноопределяющихся. Обе Комиссии возглавил начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден. В архиве Д.А. Милютина имеются следующие материалы по учреждению комиссий: черновой и печатный варианты приказа от 17 ноября (Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 27. Л. 15–16); черновик проекта «Общих руководящих оснований для Комиссии о воинской повинности», составленный Милютиным в декабре 1870 г. (Там же. Л. 7–10); несколько вариантов, в том числе и печатный, «Общих руководящих оснований для обеих Комиссий» от 20 декабря 1870 г. (Там же. Ед. хр. 36–37); списки членов Комиссии (Там же. Ед. хр. 38); печатный вариант «Вопросов, подлежащих обсуждению отделов Комиссии о воинской повинности», составленный в декабре 1870 г. (Там же. Л. 3–3об.).

[339] Записка П.А. Шувалова была подана в 1871 г. В результате ее обсуждения в Совете министров приняты следующие решения: поощрять поступление женщин в фельдшеры, занятие их оспопрививанием и в аптеках женских лечебных заведений, женщин-воспитательниц; допускать женщин на службу в телеграфное ведомство и по счетной части (см.: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. 1802–1902. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 2. С. 30–32).

[340] По условиям Фридрихсгамского договора 5/17 сентября 1809 г., завершившего русско-шведскую войну, Финляндия отошла к России, сохранив государственную автономию. Во главе Великого княжества Финляндского стоял российский император (он же — великий князь Финляндии), представителем которого в княжестве был генерал-губернатор. По желанию императора созывался четырехсословный сейм, в компетенцию которого входили гражданское и уголовное законодательство и финансы. После первого сейма 1809 г. последовало более чем полувековое «бессеймовое» правление, и только император Александр II восстановил созыв сейма и сам выступил на его открытии в сентябре 1863 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 273–275).

[341] *Ландвер* — особый вид резервных войск в Германии и Австрии в XIX — начале XX в.

[342] Подлинник всеподданнейшей записки Милютина о введении воинской повинности в Финляндии от 12 февраля 1871 г. с резолюцией императора см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 24. Ед. хр. 40. См. также: Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 1–2, 21–22.

[343] Политические круги Великого княжества Финляндского усмотрели в милютинской концепции реформы воинской повинности опасность для финляндской автономии. Вследствие этого они разработали свой контрпроект, который предполагал создание национальных вооруженных сил (см.: *Суни Л.В.* Указ. соч. С. 97–99; а также книгу, указанную в коммент. 342).

[344] Милютин упоминал В.А. Татаринова в связи с разработкой и проведением в 1863–1865 гг. контрольной реформы, которая меняла всю систему государственной отчетности и создавала новое контрольное учреждение — Ревизионную комиссию. Кроме этого Татариновым были введены с 1863 г. новые правила составления и исполнения государственной росписи и финансовых смет (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 29–30, 106, 392).

[345] *Главное общество российских железных дорог и железнодорожного строительства* было учреждено в 1857 г. для строительства железнодорожных линий протяженностью около 4 тыс. верст, которые соединили бы хлебородные районы страны с Петербургом, Москвой, Варшавой, а также с побережьями Балтийского и Чёрного морей. При создании общества ему была передана в собственность дорога Петербург — Варшава, строительство которой уже было начато казной. Среди учредителей общества были иностранные банкиры: амстердамский — Гопе, лондонский — Ф. Беринг, парижские — Р. Гёттингер и братья И. и Э. Перейра, директор французской Компании Западных железных дорог А. Турнейсен. С самого начала общество не могло собрать и половины определенного его уставом капитала. Вскоре выявилось, что, несмотря на правительственную гарантию 5% прибыли, общество не справляется со строительством намеченных линий. По существу это была спекулянтская затея иностранных банкиров, не желавших вкладывать в дело собственных капиталов. Тем не менее правительство оказывало покровительство обществу, освобождая его от ряда обязательств по новому уставу 1861 г., выдавая пособия, покупая проекты начатых строительством, но заброшенных линий. В 1868 г. правительство передало обществу во временное владение Николаевскую дорогу, предоставив безвозвратную ссуду на ее переустройство (подробнее об этом см.: *Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 64–68).

[346] Тексты указанных телеграмм и писем полностью опубликованы в кн.: *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 72.; см. также: Телеграммы Вильгельма I Александру II, ГА РФ Ф. 728. Оп. 1. Д. 2847, 2998, 3077; Телеграммы и письма Александра II Вильгельму I. — Там же: Д. 2919, 2921, 2937.

[347] Об отношении русского общества к франко-прусской войне 1870–1871 гг. и позиции правящих кругов см. коммент. 254.

[348] Об этом см. коммент. 262–264, 267.

[349] Лондонский протокол, вносивший изменения в Парижский договор 1856 г., был подписан 15 марта, но помечен (по невыясненным причинам) 13 марта 1871 г. Он состоял из девяти статей. Согласно ст. 1 этого договора, ст. XI, XIII, XIV Парижского трактата о нейтрализации Чёрного моря, а также конвенция, заключенная между Россией и Турцией 30 марта 1856 г., отменялись. Вместо них вводилась статья о сохранении в силе положения о закрытии Босфора и Дарданелл, установленного договором 1856 г., с правом, предоставленным султану, открывать их в мирное время для военных кораблей дружественных и союзных держав в том случае, когда Порта найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата 1856 г. (см.: Сборник договоров России с другими государствами. С. 107). Подробно см.: Лондонская конференция 1871 г.: Протоколы. СПб., 1871.

[350] Описываемые автором события вошли в историю под названием «Парижская коммуна 1871 г.». 21 мая, однако, версальские войска вступили в Париж, а через неделю полностью овладели городом (см.: История Парижской Коммуны. 1871 г. М., 1971; *Шури М.* Коммуна в сердце Парижа / Пер. с фр. М., 1970).

[351] С согласия германского канцлера А. Тьеру было разрешено увеличить французскую армию в районе Парижа до 80 тыс. чел., т. е. удвоить ее сравнительно с условиями Версальского договора. Подписанный 10 мая 1871 г. мирный договор подтвердил основные условия Версальского перемирия.

[352] Подготовительные работы к изменению учебных уставов 1864 г. начались с осени 1866 г., когда были запрошены мнения попечителей об их недостатках. Следующей ступенью в движении реформы было обсуждение собранного от попечителей материала в Ученом комитете и Совете министра народного просвещения в феврале и марте 1869 г. Последний одобрил в принципе проект министра народного просвещения (см.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 522).

[353] Имеются в виду Положение 14 июля 1864 г. о начальных народных училищах и Устав 19 ноября 1864 г. о гимназиях и прогимназиях (подробно о них см.: *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954. С. 257–273).

[354] Свою программу учебного дела М.Н. Катков пытался продвинуть еще в период подготовки Устава 1864 г. Встретив реформу 1864 г. с неудовольствием, Катков некоторое время воздерживался от прямой ее критики. Возможность пересмотра Учебных уставов 1864 г. открылась с приходом на пост министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, который с 1863 г. находился в довольно тесных деловых контактах с редактором газеты «Московские ведомости». Сотрудничество редактора и министра оказалось весьма «плодотворным» в силу того, что в общем деле они как бы дополняли друг друга. Катков взял на себя идейное обоснование реформы и ее пропаганду в печати (об этом см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 153–161).

[355] Учебный план военных гимназий равнялся несколько сокращенному курсу реальной гимназии и был рассчитан на 6 лет. В 1873 г. курс обучения в гимназиях был увеличен на один год. По сравнению с программой общих классов кадетских корпусов объем знаний в военных гимназиях был увеличен более чем вдвое. Для подготовки учителей военных гимназий в 1865 г. организованы 2-годичные педагогические курсы при 2-й Петербургской военной гимназии, куда принимались лица с университетским образованием. Это обеспечивало

военные гимназии квалифицированными педагогами. К концу 60-х гг. военные гимназии выпускали ежегодно ок. 600 чел., обеспечивая тем самым в значительной степени контингент приема в военные училища (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 248–250).

[356]. О происходившем на заседании Присутствия 16 апреля А.В. Никитенко в своем дневнике записал: «<...> Тут на днях разразилась страшная буря. Против министра народного просвещения восстали Д.А. Милютин, гр. В.Н. Панин, С.А. Грейг, А.В. Головнин, К.К. Грот и К.В. Чевкин и доказали нашему министру, что его проект решительно клонится к тому, чтобы убить образование в России, делая его достоянием только немногих, имеющих способности и возможности учиться по-гречески. Вышеназванные лица требовали для реальных училищ права для поступления в университет и находили нужным допустить в них латинский язык» (*Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 3. С. 204). Подробно о прениях в Особом присутствии 16 апреля см.: *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 266–272.

[357] Газета «*Голос*» издавалась в Петербурге в 1863–1884 гг. А.А. Краевским. С отставкой в 1866 г. А.В. Головнина с поста министра народного просвещения редакция «Голоса» стала в оппозицию по отношению к его преемнику Д.А. Толстому, прочно связанному с «Московскими ведомостями». Публицисты «Голоса» отстаивали идею реального образования в пику классическому (см.: *Черនуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. С. 109–110; *Степанов А.Ю.* Газета А.А. Краевского «Голос» (1863–1883) // Журналистика и литература. М., 1972).

[358] Председателем Государственного совета в описываемое время был великий князь Константин Николаевич.

[359] Указанный журнал Общего собрания Государственного совета был утвержден императором Александром II в пользу меньшинства 18 июня 1871 г. Подробное изложение этого журнала см.: кн.: *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII–XIX вв.). СПб., 1912. С. 299–301.

[360] 30 июля 1871 г. новый устав гимназий и прогимназий был утвержден императором (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 2-е. № 49860).

[361] Там же. № 49850.

[362] Подлинники двух упомянутых писем Н.А. Милютина см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 20–23об.

[363] Речь идет о времени учебы В.А. Милютина на юридическом факультете Петербургского университета, в 1843–1847 гг.

[364] Подлинник донесения Д.А. Милютина Александру II от 6 июня 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 25. Л. 13–16.

[365] Имеется в виду Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, принадлежавшая С.С. Полякову, — крупному оптовому железнодорожному подрядчику; открыта в 1869–1871 гг. Поляков был учредителем, концессионером и прямым владельцем ряда и других частных железных дорог: Козлово-Воронежско-Ростовской, Царскосельской, Оренбургской, Фастовской. При его непосредственном участии было построено девять крупных железнодорожных линий, протяженностью 4 тыс. верст (см.: *Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 104).

[366] Речь идет о Донском Мариинском институте, учрежденном в 1852 г. для воспитания и образования дочерей дворян Войска Донского. Институтом управлял совет под председательством наказного атамана (см.: Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. С. 39).

[367] Подлинник донесения Д.А. Милютина Александру II от 25 июня / 1 июля 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 25. Л. 17–20.

[368] Император Александр I скончался в Таганроге 19 октября 1825 г.

[369] Речь идет о Лозово-Севастопольской железной дороге протяженностью

605 верст; вопрос о способе ее строительства обсуждался правительством с 1869 г. В 1871 г. решено было предоставить концессию на ее сооружение коммерц-советнику П.И. Губонину, которая была Высочайше утверждена 9 мая 1871 г. (ПЗС. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 1-е № 49571). Севастопольская железная дорога открывалась по частям. Последний ее участок, от Симферополя, был открыт 5 января 1875 г. (подробнее об этой дороге см.: *Головачев А.Л.* Указ. соч. С. 351–354).

370 См. коммент. 271.

371 Подлинник телеграммы великого князя Михаила Николаевича к Д.А. Милютину от 13 июля 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 28. Л. 17.

372 Подлинник всеподданнейшего донесения Д.А. Милютина от 14 июля 1871 г. см.: Там же. Карт. 50. Ед. хр. 25. Л. 21–24.

373 См. коммент. 271.

374 Речь идет о совместной службе Д.А. Милютина и Ф.И. Горемыкина в Гвардейском генеральном штабе в 1836–1840 гг. (см.: *Милютина Д.А.* Воспоминания. 1816–1842. С. 169, 280–184, 289–290).

375 Завод для производства артиллерийских ракет в г. Николаеве строился в 1861–1873 гг. по чертежам видного ученого-конструктора К.И. Константинова. До этого артиллерийские ракеты изготовлялись специальным ракетным заведением в Петербурге (основано в 1826 г.), начальником которого Константинов был с 1849 г. В том же году Константинов изобрел подвижной прицел, введенный в русскую артиллерию. В 1855 г. он же изобрел новый образец артиллерийской ракеты, а в 1859 г. был назначен заведующим производством ракет. Хотя ракетная артиллерия и зарекомендовала себя с положительной стороны в полевых условиях (она, в частности, использовалась в Крымскую войну 1853–1856 гг.), тем не менее в артиллерийском ведомстве ей стали придавать меньшее значение в связи с переводом артиллерии на базу стальной техники. Последняя обладала подвижностью, дальнобойностью и скорострельностью. Ракетная артиллерия имела меньшую дальность и не обеспечивала столь же высокой степени попадания. Дальнейшее развитие этой артиллерии задерживалось отсутствием новых видов топлива. Военное ведомство не отпускало средств на установку нового оборудования в Николаевском заводе, и длительное время ракеты делали вручную. Тем не менее Константинов непрерывно трудился над усовершенствованием ракетных установок, т. к. был убежден в их будущности. В 1862 г. он разработал новую конструкцию ракет для полевой артиллерии с дальностью стрельбы 4,5 версты и для осадной артиллерии с такой же дальностью. В 1868 г. он создал станок, обеспечивающий скорострельность ракет до 6 выстрелов в минуту. В 1871 г. Михайловская артиллерийская академия присудила Константинову за это изобретение большую Михайловскую премию. С 1871 по 1885 гг. Николаевский завод поставлял все типы артиллерийских ракет (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 378–379; *Крылов В.М.* Указ. соч. С. 169–170).

376 Знакомство Д.А. Милютина с М.Я. Ольшевским произошло летом 1843 г. в Ставрополе, куда Милютин приехал служить обер-квартирмейстером войск Кавказской линии и Черномории. Ольшевский тогда имел чин штабс-капитана и был одним из помощников Милютина. В июне 1844 г. Ольшевский участвовал в военной экспедиции Чеченского отряда под командованием генерала В.О. Гурко против горцев (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 28–30, 61–62).

377 См. коммент. 36.

378 Положение о военных железнодорожных командах было утверждено 15 февраля 1870 г. См. комментарий 314.

379 *Чесменская военная богадельня* была торжественно открыта 27 июня 1836 г. Она размещалась в перестроенном Чесменском дворце, который был переименован в Чесменскую военную багадельню императором Николаем I 21 апреля

1830 г., в день тезоименитства императрицы Александры Фёдоровны. Собственно Чесменский дворец был построен при императрице Екатерине II, в 1774–1777 гг., архитектором Ю.М. Фельтеном в память победы 24 июня 1770 г., одержанной российским флотом над турецким в Чесменском сражении. Новые здания для военной богадельни построены в 1832–1834 гг. архитектором А.Е. Штаубергом. В первом Положении о Чесменской военной богадельне указано, что она учреждена из четырех отделений на 16 офицеров и 400 нижних чинов. 20 июня 1870 г. штат инвалидов богадельни был увеличен на 50 чел. 12 января 1872 г. принято постановление о том, чтобы в Чесменскую военную богадельню принимались инвалиды нехристианского вероисповедания. В Высочайше утвержденном уставе от 8 октября 1868 г. записано, что каждый из нуждающихся отставных офицеров и нижних чинов, раненый или не раненый, имеют право на прием в богадельню при наличии вакансии. Чесменская военная богадельня находилась в ведении Александровского комитета о раненых. До 1853 г. директорами богадельни обычно назначались коменданты Петропавловской крепости, а потом — преимущественно из членов Александровского комитета. С 1855 г. богадельня называлась «Николаевской», по повелению императора Александра II, а с 1896 г. стала называться «Чесменская военная богадельня императора Николая I» (подробно см.: *Морошкин К.Д.* Исторический очерк Чесменской военной богадельни. СПб., 1896).

[380] *Общество Балтийской железной дороги* учреждено в 1868 г. по инициативе эстляндского губернского предводителя дворянства барона А.М. Палена, получившего 10 августа 1868 г. концессию на строительство железной дороги от Балтийского порта до Петербурга. Дорога была построена к октябрю 1870 г. Вслед за этим Общество в конце 1871 г. представило в Министерство путей сообщения проект слияния Балтийской и Петербургской железных дорог; проект этот был утвержден императором в августе 1872 г. (см.: *Головачев А.А.* Указ. соч. с. 226–230).

[381] Под «*Иверской*» подразумевается часовня у Воскресенских ворот Китай-города, специально построенная для Иверской иконы Божией Матери. Точный список с этой иконы был доставлен в Москву с Афона в 1648 г. и был встречен императором и патриархом у Воскресенских ворот. Посещая Москву, император всегда останавливался у Иверской часовни.

[382] *Домик Петра Великого* — каменное здание с хранящимися в нем Плезир-яхтой и верейкою (лодкой) Петра I, построенное в 1861 г. и находившееся до 1870 г. в ведении морского ведомства. 23 марта 1870 г. Александр II передал домик г. Астрахани с условием хранить экспонаты и ремонтировать здание. Хранящиеся в домике Плезир-яхта и верейка были выстроены для личных надобностей Петра I в 1722 г. в Казанском адмиралтействе и оттуда привезены в Астрахань, которую Пётр I посетил в том же году, отправляясь в Персидский поход: В Казанском адмиралтействе строились все суда Каспийской военной флотилии для этого похода. Предполагают, что именно на Плезир-яхте Пётр совершил парадный въезд на пристань у Никольских ворот Астраханского Кремля. Он также объезжал на ней окрестности города, находясь в Астрахани с 15 июня по 13 ноября. Кроме судов Петра I в астраханском домике находятся другие экспонаты: старинное оружие и якоря, морские пушки с ядрами, флаги и брейд-вымпелы и др. (подробнее см.: *Штылько А.* Иллюстрированная Астрахань: Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательностей и окрестностей. Саратов, 1896. С. 81–83).

[383] Великий князь Михаил Николаевич был наместником Кавказа с 1863 г. О результатах деятельности князя А.И. Барятинского на посту кавказского наместника в 1856–1862 гг. см.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский.

М., 1891. Т. 3. С. 5–12; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862 г. С. 116–126, 206–207, 407–416.

[384] Под *«московскими нимфами Эгериями»* автор подразумевает вдохновителей и советчиков Д.А. Толстого, М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева.

Эгерия — римская нимфа источника, возлюбленная (или жена) и мудрая советчица царя Нумы Помпилия (Словарь античности. М., 1989. С. 646).

[385] Новый устав реальных училищ был утвержден императором 15 мая 1872 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 1-е. № 50909).

[386] См. коммент. 154.

[387] М.Р. Шидловский окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1852 г., а Д.А. Милютин в это время был профессором на кафедре военной географии (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 182).

[388] В 1869 г. А.И. Барятинский и Р.А. Фадеев потерпели чувствительное поражение в борьбе с Д.А. Милютиным. Их записка, с критикой Положения о полевом управлении армией в военное время, была негативно оценена императором Александром II. Вероятно, эта неудача, а также общность интересов побудила противников военного министра объединить свои усилия. В 1870 г. Барятинский заручился поддержкой П.А. Шувалова и наследника цесаревича. Все антимилютинские записки 1871–1873 гг. Фадеев отправлял не только Шувалову, но и великому князю Александру Александровичу.

С 1 сентября 1871 г. начала выходить новая консервативная газета *«Русский мир»*, политическая программа которой была составлена Фадеевым. В создании газеты активно участвовал сподвижник Фадеева генерал М.Г. Черняев, вложивший в издание значительную сумму. Непосредственная же организационная работа была возложена на полковника В.В. Комарова, который стал редактором газеты. Концентрация военных вокруг этого издания была не случайной: газета задумывалась как оппонент «Русского инвалида», ежедневный и строгий критик военных реформ. За ее учреждением стояли Шувалов, Барятинский, И.И. Воронцов-Дашков (см.: *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 260–262; *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 131–132). Сразу же после выхода в свет первого номера газета «Русский мир» начала свою атаку на уже проведенные в армии преобразования. Статьи против военно-окружной системы печатал, часто анонимно, Фадеев. Нападкам подверглась военно-судебная реформа: в октябре–ноябре 1871 г. в газете сообщались факты из практики окружных военных судов и затем они использовались как доказательства пагубности для армии разделения военной и военно-судебной власти, ведущего к упадку дисциплины (см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 114). Об антимилютинских выступлениях Фадеева в печати 1868 г. см. коммент. 29. О газете «Весть» см. коммент. 57.

[389] Об этом см. коммент. 354.

«Биржевые ведомости» — политическая, экономическая и литературная газета, выходившая с 1861 г. в Петербурге. Она была создана посредством слияния «Коммерческой газеты» и «Журнала для акционеров». С 1862 г. орган Департамента податей и сборов, в 1874 г. переименована в «Молву».

[390] Подлинник записки Д.А. Милютина, озаглавленной «Почему так много недовольных военными реформами» от 2 июля 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 46.

[391] Речь идет о событиях 1847–1849 гг. Д.Х. Бушен окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1849 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 160).

[392] Об этом см.: Там же. С. 452, 466–467.

[393] Н.О. Сухозанет был военным министром в 1856–1861 гг.

[394] По-видимому, имеется в виду Устав о ротном и батальонном учении (СПб., 1864).

[395] Речь идет о Петербургском патронном заводе, созданном в 1869 г. Завод

состоял из трех отделов: литейного, гильзового, Васильеостровского гильзового и снаряжательного. Завод был снабжен десятью паровыми двигателями и двумя локомобилями общей мощностью 239 л. с., рассчитан на изготовление 140 млн патронов в год, а при напряженной работе годовой выпуск мог был доведен до 210 млн.

[396] Об осаде аула Ахульго в 1839 г. см.: *Милютина Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. С. 230–264.

[397] Подлинник письма Н.А. Милютина от 26 октября 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 22–23об. Проект судебной реформы в Царстве Польском разрабатывался особой комиссией, созданной 23 сентября 1864 г. при Учредительном комитете в Царстве Польском. Составленный этой комиссией проект был в 1867 г. рассмотрен в Особом совещательном комитете, а затем в 1871 г. внесен в Государственный совет.

[398] Граф Ю. Андраши был участником революции 1848–1849 г. в Австро-Венгрии и дипломатическим представителем Венгерского революционного правительства в Константинополе. Он участвовал в военных действиях 1849 г. и отличился в сражении при Швехате.

[399] Действительно, М.М. Сперанский был исключительным явлением первой половины XIX в. Подробнее об оценках деятельности Сперанского см.: *Фатеев А.Н.* М.М. Сперанский (1809–1909): Библиографический очерк. Харьков, 1909.

[400] Подлинник письма К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину от 20 февраля 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 25. Л. 4–7. См. также коммент. 293.

[401] См. коммент. 190.

[402] См. коммент. 304.

[403] Подлинник письма К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину от 27 сентября 1871 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 25. Л. 8–11.

[404] Развитие Дунганского восстания и ход событий в Средней Азии привели в 1871 г. к прямому вооруженному выступлению России против восстаний на западных окраинах Китая. Толчком к этому вмешательству послужили, во-первых, действия Якуб-бека — занятие его войсками южного склона Музартского прохода и его намерение захватить г. Урумчи в Джунгарии. Во-вторых, восстания на окраинах Китая отрезали от России рынок Западного Китая. В-третьих, восстание дунган содействовало развитию волнений среди кочевого казахского населения и киргизов в российских владениях. Пограничные власти уже давно доносили об этом, а в 1868–1870 гг. положение стало еще более тревожным. Исходя из всех этих соображений, царское правительство решило занять своими войсками Кульджинский край, представлявший собой важнейшую стратегическую позицию между Джунгарией и Кашгарией. Решение о вмешательстве было принято на особых совещаниях 10 февраля и 2 мая 1871 г. Цинское правительство было приглашено к совместному осуществлению намеченных мер, но заявило, что само еще не может действовать. В том же году русские войска заняли Илийский край. Это события положили конец планам Якуб-бека и его британским покровителям относительно Илийского края. Занятие долины р. Или с г. Кульджа царское правительство с самого начала рассматривало как временную меру, имея в виду в дальнейшем возвращение его Китаю; но опасения того, что Россия удержит за собой этот край или потребует за его возвращение какие-либо уступки, встревожили китайских министров. Пекинское правительство объявило о восстановлении Илийского цзянь-цзынства и настаивало на немедленной передаче Кульджи Китаю. В 1872 г. в г. Сергиополе состоялась встреча Илийского цзяньцзюня Жуна с российским уполномоченным генерал-майором А.П. Богуславским; последний заявил о невозможности возвращения Кульджи, пока китайские войска не смогут сами оборонять его от Якуб-бека. Царское правительство намеревалось отложить возвращение Кульджи до по-

давления восстания на западных окраинах Китая, а затем потребовать за это открытия новых торговых путей в Западный Китай и некоторого исправления границы (см.: Отношение Азиатского департамента к Д.А. Милютину от 15/3 ноября 1871 г. — РГВИА. Ф. 400. 1871–1872. Д. 69. Л. 1–6).

Вопрос о выводе русских войск из Кульджи ухудшил русско-китайские отношения до конца 1870-х гг. Особенно он обострился в 1879–1881 гг., когда из-за него чуть было не вспыхнула война; но конфликт удалось урегулировать подписанием Петербургского договора 1881 г. между Россией и Китаем. Об этом подробно см.: *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. М., 1956. С. 227–236; *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 116–146.

405 Местонахождение подлинника письма К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину от 12 июля 1871 г. не установлено.

406 Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1842. С. 422.

407 Речь идет об известном в истории бегстве М.А. Бакунина из сибирской ссылки в 1861 на иностранном судне в США. Обстоятельства, связанные с подготовкой и осуществлением Бакуниным своего побега из Сибири, достаточно подробно освещены в статье Н.М. Пирумовой «Бакунин и Сибирь» (Вопросы истории. № 9. 1986. С. 111–114).

408 Имеются в виду проекты административно-территориального переустройства Восточной Сибири, обсуждавшиеся с 1869 г. в правительственных инстанциях (см. коммент. 163, 165, 166).

409 Б.А. Милютин служил чиновником при генерал-губернаторе Восточной Сибири с 1859 г. См. коммент. 178. Местонахождение упомянутого письма Б.А. Милютина не установлено.

410 15 января 1862 г. Д.А. Милютин представил императору Александру II всеподданнейший доклад с программой военных реформ, которую подробно охарактеризовал в своих воспоминаниях (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. С. 309–313). Литографированный экземпляр доклада с пометами Александра II см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 15.

411 Новое издание «Свода военных постановлений» начало выходить в 1869 г., а до этого действовало издание 1859 г. (см.: Свод военных постановлений. Часть I: Военные управления. Кн. 1–4. СПб., 1869). В 1870 г. были изданы ч. 1–5 так называемого 6-го продолжения «Свода военных постановлений».

412 См. коммент. 105, 108.

413 Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

414 ПСЗ. Собр. 2-е. т. 46. Отд. 2-е. Приложение. С. 25–26.

415 Там же. Отд. 1–5. № 49647 (Положение об эмеритальной кассе военно-сухопутного ведомства).

416 Там же. № 49580 (именной указ от 11 мая 1871 г.).

417 Там же. Отд. 2–5. № 50303 (Положение о полковом хозяйстве от 13 декабря 1871 г.).

418 См. коммент. 150.

419 Речь идет о деятельности Главной распорядительной и Исполнительной комиссий 1869 г.

420 См. коммент. 321.

421 См. коммент. 181.

422 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 1-е № 49661.

423 Там же. Отд. 2-е. № 49863.

424 Речь идет о Варшавском, Рижском, Петербургском и Виленском военных округах.

425 См. коммент. 122.

426 См. коммент. 233 и 325.

427 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 2–5. № 49995 (Положение о воинской повинности Сибирского казачьего войска от 2 октября 1871 г.).

428 Автор не точен: указанный приказ был подписан 12 августа (Там же. № 49905).

[429] Там же. № 49954.

[430] Положение о военно-исправительных ротах было утверждено 16 мая 1867 г. (Там же, Т. 42. Отд. 1-е. № 44595).

[431] Имеется в виду «Государственная роспись доходов и расходов на 1871 год». СПб., 1872.

[432] Цитируется записка Н.Н. Обручева «Сравнительная таблица военных бюджетов Северо-Германского союза, с объяснительными записками» от 19 декабря 1871 г. Печатный экземпляр записки с пометами Д.А. Милютина см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 8.

[433] Подлинник телеграммы И.П. Арапетова см.: Там же. Карт. 56. Ед. хр. 58. Л. 1.

[434] Подлинную переписку Д.А. Милютина с Александром II по поводу смерти Н.А. Милютина см.: Там же. Карт. 56. Ед. хр. 35.

[435] Речь идет о кн.: Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. 1822–1872. СПб., 1872.

[436] Подлинный рескрипт см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 47.

[437] См. подлинник письма председателя Петербургского общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Московского университета к Д.А. Милютину от 14 января (Там же. Карт. 71. Ед. хр. 71).

[438] Черновик письма Д.А. Милютина к графу А.В. Адлербергу от 24 марта 1872 г. — Там же. Карт. 50. Ед. хр. 9. Л. 1.

[439] Подлинник телеграммы графа А.В. Адлерберга к Д.А. Милютину от 31 марта 1872 г. — Там же. Карт. 56. Ед. хр. 13. Л. 13.

[440] Имеется в виду трехдневный еврейский погром в Одессе в марте 1871 г., инспирированный местным начальством.

[441] Записка А.П. Карцова, составленная весной 1872 г., в двух вариантах (автограф и писарская) хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 11.

[442] Подразумевается отец М.А. Милютиной.

[443] *Александрийский дворец (Нескучное)* был построен для жены императора Николая I императрицы Александры Фёдоровны в 1830-х гг. в бывшем подмосковном имении графа А.Г. Орлова-Чесменского Нескучное. Последнее было куплено Николаем I у дочери графа Орлова, графини А.А. Орловой-Чесменской вскоре после вступления Николая I на престол. В 1828 г. им же куплено соседнее владение у князя Л.А. Шаховского, а в 1842 г. приобретен смежный с Нескучным земельный участок у князя Голицына. Все эти земли были использованы под застройку дворца и прилегающих к нему построек, которые были выполнены в стиле московского классицизма. К дворцу примыкал Нескучный сад, в значительной своей части уцелевший от графа Орлова (подробнее об этом см.: *Соколов Д.С.* Нескучное, б. подмосковная графа Орлова-Чесменского: Историко-бытовой очерк. М., 1923. С. 63–70).

[444] В архиве Д.А. Милютина имеется Почетный адрес 1-й степени, полученный им от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за содействие Московской политехнической выставке (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 85. Ед. хр. 22).

[445] Подлинник цитируемого письма М.П. Погодина к Д.А. Милютину от 9 июля 1872 г. см.: Там же. Карт. 73. Ед. хр. 7. Л. 11–12.

[446] В архиве Д.А. Милютина сохранились некоторые материалы его поездки в Крым с Александром II в августе 1872 г. (извещения командующего Императорской Главной квартирой, маршруты, списки сопровождающих лиц и др.), датируемые июнем – августом (Там же. Карт. 38. Ед. хр. 5).

[447] Речь идет о Керченском Кушниковском институте, который был открыт в 1836 г. по инициативе керчь-еникольского градоначальника князя З.С. Херхеулидзева. В 1845 г. средства института пополнились капиталом действительного статского советника С.С. Кушникова, имя которого было внесено в название

института (см.: Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. С. 37).

448 Речь идет о памятнике герою Отечественной войны 1812 г., георгиевскому кавалеру генералу М.И. Платову, похороненному в фамильном склепе у Вознесенского собора г. Новочеркасска (о нем см.: Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российских архив. М., 1996. Т. VII. С. 515–516).

449 Речь идет о генерале от кавалерии графе Алексее Петровиче Никитине, в бытность его (с августа 1839 г.) начальником Украинского военного поселения и расположенных в нем войск.

Военные поселения — особая организация войск в России в 1810–1857 гг., совмещавших военную службу с занятием сельским хозяйством. Были созданы графом А.А. Аракчеевым, который с 1817 г. был главным начальником Военных поселений (подробно см.: *Ячменихин К.М.* Военные поселения. Уфа, 1994).

450 Речь идет о действиях полевой батареи под командованием прапорщика Щёголева во время бомбардировки Одессы англо-французской эскадрой 10 апреля 1854 г. Батарея Щёголева не только отвечала в продолжении 6 часов на огонь 350 неприятельских морских орудий, но успела даже нанести судам повреждения. Щёголев за героизм был награжден Георгиевским крестом и произведен в штабс-капитаны (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 248).

451.Документальные материалы берлинского путешествия Д.А. Милютина, аналогичные указанным в коммент. 432, см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 5.

452 См. коммент. 37.

453 Свидание трех императоров в Берлине лишь внешне сгладило противоречия, существовавшие между Россией, Германией и Австро-Венгрией. Переговоры не завершились подписанием общего соглашения, монархи ограничились лишь устными договоренностями. В результате берлинской встречи состоялся обмен нотами, определивший направление дальнейших совместных усилий трех империй. В программу их деятельности входило решение вопросов, связанных с положением Европы; обсуждение дел, вызванных обстановкой на Востоке; выработка общих принципов по борьбе с революционным движением (см.: *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. С. 130–133).

454 Западная Пруссия (без Гданьска) (или Поморское воеводство) была присоединена к Пруссии в 1772 г. в результате первого раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией.

455 Речь идет об Одесском институте императора Николая I. Создан в 1829 г. на базе небольшого женского учебного заведения. В 1831 г. к нему было присоединено Одесское девичье народное училище (см.: Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. С. 36).

456 8-я сессия Международного статистического конгресса (учрежден в 1852 г.) проходила в 1872 г. в Петербурге. Предыдущая, 7-я сессия состоялась в 1869 г. в Гааге. 12 ноября 1871 г. (по поручению императора Александра II) была учреждена Подготовительная комиссия для составления проекта программы конгресса, а по окончании ее работ — Организационная комиссия. Одновременно с этим Александр II поручил почетное председательство на 8-й сессии великому князю Константину Николаевичу как председателю Государственного совета, Русского географического и Русского археологического обществ. Общее руководство всеми работами Организационной комиссии, а также председательство в ней и на самой сессии, по примеру прежних съездов, было возложено на министра внутренних дел; в помощь ему в качестве вице-председателей назначены: председатель Статистического совета князь А.Б. Лобанов-Ростовский, председатель Мануфактурного и Ком-

мерческого советов С.А. Грейт и директор Центрального Статистического комитета П.П. Семёнов (подробно см.: Восьмая сессия Международного статистического конгресса: Проект программы. СПб., 1872; Доклады и постановления 8-й сессии Международного статистического конгресса. СПб., 1873).

457 Имеются в виду Дарья (Дора) и Евгений Михайловичи Понсе.

458 *Катковский лицей* открыт М.Н. Катковым 13 января 1868 г. и назывался «Лицей цесаревича Николая», в память об умершем в 1865 г. великом князе Николае Александровиче. Система преподавания в лицее была классической. Внутренней организацией больше занимался П.М. Леонтьев. Осенью 1872 г. при лицее открыто особое отделение для бесплатного обучения и содержания способных мальчиков из простого народа, преимущественно из народных школ и, по возможности, из всех областей России. В задачу отделения входила подготовка к учительскому званию. Этой учительской семинарии было дано название «Ломоносовская».

459 В архиве Д.А. Милютина хранятся материалы по майорату Мехов только за 1880-е – 1913 гг. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 87. Ед. хр. 1–5).

460 Политехнический музей (Музей прикладных знаний) в Москве был создан на основе первой в России Политехнической выставки, организованной в Москве в 1872 г. по инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (учреждено при Московском университете в 1863 г.). Строительство первой очереди здания для музея на площади у Ильинских ворот окончено в 1877 г. (см.: Мир чудес (100 лет Политехническому музею). М., 1972).

461 Имеется в виду кн.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время. Т. 1–4. СПб., 1882.

462 Подлинник цитируемого письма А.С. Есакова от 15 ноября 1872 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 52.

463 См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 517.

464 П.Д. Киселёв был полномочным председателем Диванов княжеств Молдавии и Валахии в 1829–1834 гг.

465 Под *сиротами Прежбяно* автор имеет в виду Владимира Павловича, Константина Павловича и Александру Павловну Прежбяно. В архиве П.Д. Киселёва хранится составленная им в 1861 г. записка о состоянии капитала сирот Прежбяно, который находился под его наблюдением. (ОР РГБ. Ф. 129 Киселёвы. Карт. 12. Ед. хр. 2).

466 Подлинник цитируемого письма П.Д. Киселёва к Д.А. и Н.А. Милютиным от 24 сентября 1856 г. по поводу своего завещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 26. Л. 1–2. Копия духовного завещания П.Д. Киселёва хранится в его архиве (ОР РГБ. Ф. 129. Карт. 1. Ед. хр. 21).

467 Письмо графа П.Д. Киселёва на имя Н.Д. Киселёва об исполнении своего завещания датируется концом 1850-х гг. и хранится: Там же. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 26. Л. 3–4.

468 Рукописи дневников П.Д. Киселёва за 1856–1871 гг. хранятся в ОР РГБ. Ф. 129. Карт. 5 и 6 (19 ед. хр.). Дневники содержат богатый фактический материал по истории России и международных отношений этого периода. Дневники велись в памятных книжках «Agenda ou memento journalier» в основном на французском языке. Дневники П.Д. Киселёва были широко использованы А.П. Заблоцким-Десятовским, который не только пересказывал их содержание, но и цитировал в написанной им 4-томной биографии П.Д. Киселёва.

469 После смерти П.Д. Киселёва разбором его архива занимался близкий друг умершего А.П. Заблоцкий-Десятовский. Внезапная смерть помешала ему закончить разбор архива; эту работу завершили зять А.П. Заблоцкого-Десятовского П.П. Семенов-Тян-Шанский и Д.А. Милютин. Часть материалов, связанных со служеб-

ной деятельностью П.Д. Киселёва, была передана наследниками в государственные архивохранилища; другая часть (дневники, личные имущественные документы, переписка) были оставлены Д.А. Милютиным на хранение в своем именном архиве. В 1912 г. материалы П.Д.Киселёва поступили в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки вместе с архивом Д.А. Милютина.

470 Имеется в виду смерть великой княгини Елены Павловны в январе 1873 г.

471 См. коммент. 291–292.

472 Речь идет о торговле русских купцов с туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря, которая велась в том числе и через Астраханский порт и была прекращена в 1869 г. из-за массовых народных волнений на п-ове Мангышлак и обострения русско-хивинских отношений. Регулярная торговля с туркменами велась с конца 50-х гг., после учреждения (в 1857 г.) «Закаспийского торгового товарищества». Русские купеческие суда плавали между Астраханью и Астрабадским заливом, привозя из России полосовое железо, чугунные котлы, самовары и др. медные изделия, текстиль, посуду и проч. В обмен они приобретали у туркмен, главным образом, рыбу (подробнее об этом см.: *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX в. М., 1963. С. 183–189).

473 Подлинник письма К.П. Кауфмана к Д.А. Милютину с просьбой вернуть проект 1871 г. от 7 марта 1872 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 25. Л. 13–14.

474 В 1870 г. в Кашгар прибыло британское посольство во главе с Д. Форсайтом, который привез Якуб-беку в подарок артиллерийскую батарею в 10 тыс. ружей. 25 ноября 1870 г. в заседании Коммерческого съезда было указано на необходимость водворения русского торгового влияния в Кашгаре, т. к. после 1868 г. купцы стали испытывать на себе притеснения Якуббека. В этих условиях и было отправлено в Кашгар посольство во главе с А.В. Каульбарсом (см.: *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. М., 1940. Т. 9. С. 236–237; *Рожкова М.К.* Указ. соч. С. 103–107).

475 См. коммент. 404.

476 Имеется в виду неудачный поход на Хивинское ханство под командованием генерала В.А. Перовского в 1839–1840 гг.

477 См. коммент. 473.

478 Совещание, о котором идет речь, происходило в декабре 1872 г. На нем выступил с докладом о политическом положении в Средней Азии К.П. Кауфман, в частности, ставивший перед правительством вопрос об окончательном присоединении к империи Зеравшанского округа. Предлагая присоединить Самарканд, Кауфман вместе с тем был против включения в состав Российской империи всего Бухарского ханства. В докладе также говорилось о необходимости нанести решительный удар Хивинскому ханству. Программа Кауфмана была одобрена правительством (см.: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 256).

479 Переговоры по этому вопросу велись с начала 1869 г. Подробно о ходе англо-русских переговоров в 1869–1871 гг. и достигнутых к началу 1872 г. договоренностях см.: Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885. СПб., 1886. С. 1–4; *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 242–260.

480 Писарской экземпляр всеподданнейшего отчета генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова от 9 июля 1872 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 29.

481.Подробный анализ записки Д.А. Милютина от 30 августа 1871 г. дан П.А. Зайончковским (см. указ. выше соч. С. 267–272).

482 Печатный экземпляр проекта см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 26. Ед. хр. 4.

483 Н.Н. Обручев закончил стратегическую записку «Соображения об обороне России» в начале 1873 г. (подлинник см.: Там же. Карт. 37. Ед. хр. 4). П.А. Зайончковский отмечал два существенных не-

достатка записки: в ней исключалась возможность движения противника в глубь России на главном театре военных действий и недооценивалась опасность нападения с юга, которая была реальной ввиду действий Великобритании (см. *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 288).

[484] Заседания Комиссии по организации войск, о которых идет речь, начались 28 ноября 1872 г. и продолжались до 4 января 1873 г. Печатные журналы заседаний см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 26. Ед. хр. 1–3.

[485] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 2-е. № 51534.

[486] Речь идет о перевооружении армии винтовками Горлова–Гуниуса и Бердана № 2, которые производились на трех заводах: Ижевском, Тульском и Сестрорецком. Численные данные о производстве ружей в начале 70-х гг. приводятся Л.Г. Бескровным (см. указ. соч. С. 307–309). О Петербургском патронном заводе см. комментарий 381.

[487] Имеются в виду орудия образца 1867 г.: 9 и 4-фн нарезные полевые пушки и 3-фн нарезные горные орудия системы Н.В. Маиевского и А.В. Гадолина. В 1868 г. к ним были приняты железные лафеты системы А.А. Фишера. Производство этих орудий было сосредоточено в арсеналах, которые за десять лет (1869–1878 гг.) изготовили 3767 полевых орудий и таким образом покрыли потребности армии (см.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 344–346).

[488] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 2. (Положение об организации артиллерийских парков от 13 июля).

[489] *Пермский* сталепушечный завод был построен в 1863–1865 гг. После ликвидации Князе-Михайловского завода на Пермский завод были переданы станочное оборудование и квалифицированные рабочие; часть оборудования была заказана в Великобритании. Завод стал выдавать продукцию уже в 1864 г. Почти одновременно с пуском Пермского завода шло строительство пушечного *Обуховского* завода в Петербурге. В 1865–1868 гг. Обуховский завод стал принимать заказы Военного министерства на полевую артиллерию и приступил к производству казно-зарядной нарезной стальной артиллерии. Но крупный заказ завод получил только к 1878 г. (см.: *Бескровный* Л.Г. Указ. соч. С. 350–352).

[490] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 2-е. № 51079 (Временное положение об особом женском курсе при Медико-хирургической академии для образования ученых акушерок).

[491] Там же. Отд. 1-е. №№ 50912 (Положение о преобразовании Забайкальского казачьего войска от 31 мая 1872 г.); 50706 и 50822 (Положения о порядке отбывания воинской повинности в Астраханском и Забайкальском казачьих войсках от 8 апреля и 6 мая 1872 г.); 50714 (Правила о Донском частном коннозаводстве от 8 апреля 1872 г.).

[492] О введении земских учреждений в Области войска Донского см.: Отчет по Государственному совету за 1875 год. СПб., 1877. С. 34–44.

[493] Там же. Отд. 2-е. № 51491.

[494] Подразумевается Московская политехническая выставка 1872 г.

[495] Имеется в виду «Государственная роспись доходов и расходов на 1872 год» (СПб., 1873).

[496] См. комментарий 432.

[497] Печатный экземпляр записки М.Х. Рейтерна, возражений на нее Военного министерства и сопроводительное письмо Д.А. Милютина см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 47.

[498] Государственная роспись доходов и расходов на 1873 год была Высочайше утверждена 30 декабря 1872 г. и опубликована в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 47. Отд. 2-е (Приложение).

[499] Барона К.К. Врангеля называли *«Баязетским»* за победу над турками 17 июля 1854 г. на Чингильских высотах, расположенных в Эриванской губернии на границе с Баязетским санджаком. Врангель в то время командовал Эриванским отрядом. Последствием нане-

сенного туркам поражения было занятие 19 июля отрядом Врангеля крепости Баязет. Этот эпизод описан в воспоминаниях Милютина (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 274).

[500] А.И. Чернышев был военным министром в 1832–1852 гг., а Н.О. Сухозанет — в 1856–1861 гг.

[501] Речь идет о книге Д.А. Милютина «Первые опыты военной статистики». Кн. 1–2. СПб., 1847–1848. О своем посещении великой княгини Елены Павловны 12 июля 1849 г. Милютин вспоминал следующее: «В назначенный день и час явился я в Павловский дворец и в первый раз удостоился беседы с незабвенной великой княгиней. В то время она была еще в цвете красоты и блеска. Несмотря на природную мою застенчивость, с первых же ее слов почувствовал я себя легко и свободно. Она завела речь о моих трудах по военной статистике, причем выказалось несомненно, что великая княгиня дала себе труд прочитать книгу и обратила внимание на такие подробности, на которых едва ли останавливались многие даже из ученых специалистов» (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. С. 161).

[502] Н.А. Милютин появился в салоне великой княгини Елены Павловны еще в конце 40-х гг. и стал его регулярным посетителем. Елена Павловна, по своей собственной инициативе решив провести преобразования в своем Полтавском имении Карловке, обратилась к Н.А. Милютину с просьбой о составлении плана-проекта освобождения карловских крестьян, что было им исполнено в 1856 г. В период подготовки и проведения Великих реформ Елена Павловна поддерживала убежденных и энергичных сторонников преобразований в среде бюрократии (см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 47, 51–52).

[503] 16 ноября 1870 г. учредительные кортесы избрали Амадео королем. Двухлетнее его правление (Милютин ошибся, написав, что Амадео правил всего несколько месяцев) было сплошным все более нарастающим политическим кризисом. 11 февраля 1873 г., после отречения Амадео, Национальное собрание провозгласило республику и сформировало временное правительство во главе с Э. Фигерасом. Подробнее об этом см.: *Майский И.М.* Указ. соч. С. 286–290.

[504] Весной 1873 г. русские войска под общим командованием туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана выступили на Хиву. Всего в походе участвовало свыше 12 тыс. чел., 56 орудий. 29 мая хивинские войска капитулировали. По Гендумянскому мирному договору 12 августа 1873 г. Хивинское ханство признало вассальную зависимость от России; земли к востоку от Амударьи были включены в состав Туркестанского генерал-губернаторства, на Хиву была наложена контрибуция.

[505] Д.А. Милютин начал службу в Гвардейском генеральном штабе в 1836 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1842. С. 168–169).

[506] А.А. Суворов был в 1848–1860 гг. курляндским, лифляндским и эстляндским генерал-губернатором.

[507] Речь идет о стратегической записке Военного министерства «Соображения об обороне России» от 19 января 1873 г., составленной генералом Н.Н. Обручевым (записка с приложениями хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 4–6). См. также коммент. 483.

[508].Об этом см. в данном томе воспоминания за 1868–1871 гг.

[509] Речь идет о генерал-интенданте Крымской и Южной армий Ф.К. Затлере, который был признан виновным в должностном преступлении в ходе судебного процесса над Полевым интендантством в 1856–1859 гг. [см.: *Затлер Ф.К.* Суд над Полевым интендантством в 1856–1859 гг. (Материалы для истории Крымской войны). Лейпциг, 1877; Биографический очерк о Ф.К. Затлере // Русская старина. 1877. Кн. 9. С. 139–143].

[510] Указанный проект великого князя Михаила Николаевича см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 26. Ед. хр. 10.

[511] Открывшееся 28 февраля 1873 г. Секретное совещание под председательством императора Александра II закончилось только 31 марта. Материалы совещания, сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве и в фонде Д.А. Милютина, незначительны. Протоколы заседаний не сохранились. Официальные материалы по этому совещанию заключаются лишь в секретной записке, озаглавленной «Вопросы, подлежащие обсуждению» и в «Заключениях Секретного совещания», представляющих собой решения по каждому из обсуждавшихся вопросов (см.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 78854; ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 37. Ед. хр. 7). Таким образом, ход обсуждения вовсе не отражен в официальных источниках, и пробел этот восполняется в известной степени следующими ниже воспоминаниями Милютина.

[512] Имеется в виду пленение Шамиля в 1859 г. в ауле Гуниб.

[513] Речь идет о записке Р.А. Фадеева с критикой Положения 17 апреля 1868 г. о полевом управлении армией в военное время, составленной весной 1869 г. В начале 1872 г. Фадеев направил графу П.А. Шувалову для передачи императору Александру II новую свою записку «Сомнения в нашем военном устройстве», подвергавшую критике намечавшиеся Военным министерством преобразования. Некоторое время спустя Фадеев представил наследнику престола великому князю Александру Александровичу новую записку «О мерах для восстановления армии». В конце 1872 г., накануне открытия секретного совещания, «Русский мир» выступил с серией статей, подвергавших подробному разбору секретные проекты Военного министерства в области реорганизации армии (см.: Русский мир, 1872. № 312). См. также коммент. 29 и 388.

[514] Упомянутая секретная записка министра финансов М.Х. Рейтерна от 16 февраля 1873 г. хранится в РГВИА. Ф. ВУА. Д. 79057 (печатный экземпляр).

[515] Рассказ Милютина о первом заседании подтверждается также и записью в дневнике великого князя Константина Николаевича (см.: ГА РФ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 5. Л. 20).

[516] В состав Особой финансовой комиссии из числа сторонников А.И. Барятинского (председатель) вошли государственный контролер С.А. Грейг, члены Государственного совета П.Н. Игнатьев, К.В. Чевкин.

[517] См. коммент. 160.

[518] См. коммент. 510.

[519] Записку великого князя Николая Николаевича (Старшего) см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 26. Ед. хр. 9; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 79037 (писарские экземпляры).

[520] Проект императора Александра II сохранился в виде его автографа в РГВИА. Ф. ВУА. Д. 79037.

[521] Письмо князя А.И. Барятинского к Д.А. Милютину от 20 марта 1873 г. в связи с деятельностью Особой финансовой комиссии в ф. 169 не сохранилось. Зато имеются объяснения Военного министерства по журналу Комиссии А.И. Барятинского за март 1873, с приложением. — ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 48.

[522] Местонахождение записки о деле купца Фейгина не установлено.

[523] Записка П.Л. Лобко «Об изменениях в организации нашей армии» от 8 ноября 1872 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 25. Ед. хр. 32 (писарской экземпляр). О записке Н.Н. Обручева см. коммент. 483 и 507.

[524] Местонахождение письма Д.А. Милютина к императору Александру II с просьбой об отставке не установлено.

[525] Подлинник см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 26. Ед. хр. 15.

[526] Автограф дневника Д.А. Милютина с 8 апреля 1873 г. по 1899 г. хранится в ф. 169. Часть дневника за период с 8 апреля 1873 г. по 1882 г. была опубликована П.А. Зайончковским (см.: *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 1–4. М., 1947–1950).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А.Н. Муравьёв

Открытие Суэцкого канала

Император Франции Наполеон III, императрица Евгения и принц Луи

Ф. Бейст

Б. Хотек

Лейб-гвардии Конной артиллерии 1-й Его Величества батареи обер-офицер в парадной форме. Рисунок императора Александра II

М.-Э. Мак-Магон

Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского № 1 полка обер-офицер 3-го фузилерного батальона в походной форме. Рисунок императора Александра II

Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского № 1 полка фузилерного батальона рядовой в походной форме. Рисунок императора Александра II

П.Р. Багратион

А. Тьер

А.М. Горчаков

Ф.И. Бруннов

П.А. Валуев. Рисунок Б.Ф. Бореля

П.К. Ферзен

Лагерь Мангышлакского отряда

Абиль-оглы, последний султан Кульджи. Рисунок Б.Ф. Бореля

Н.Н. Муравьёв-Амурский

Лейб-гвардии Конной артиллерийской нарезной батареи № 3 бомбардир в караульной парадной форме. Рисунок императора Александра II

Ф.Л. Гейден

Н.В. Адлерберг

В.А. Татаринов

А.А. Абаза

Германский император Вильгельм I

Королевско-прусского 6-го кирасирского Бранденбургского императора Всероссийского Николая I полка флигель-адъютант, полковник в парадной форме. Рисунок императора Александра II

Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 штаб-офицер в парадной форме. Рисунок императора Александра II

Д.А. Толстой

М.Н. Катков

П.М. Леонтьев

Кронпринц Германский Фридрих Вильгельм

Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 унтер-офицер в летней парадной форме. Рисунок императора Александра II

Королевско-прусского императора Александра гвардейского гренадерского полка № 1 обер-офицер 3-го фузилерного батальона в летней парадной форме. Рисунок императора Александра II

Югенгейм

М.Н. Лонгинов

Б.Ф. Вердер

Дворец наместника в Тифлисе

Н.В. Левашев

А.П. Бобринский

А.А. Злёный

Принц Фридрих Карл

А.Ш.Э. Лефло

Н.А. Орлов

К.П. Кауфман

Н.Н. Обручев

Н.А. Милютин. Рисунок П.Ф. Бореля

П.П. Гагарин. Рисунок М.А. Корфа

П.Н. Игнатьев. Рисунок П.Ф. Бореля

Дворец «Эреклик»

Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович

Здание Исторического отдела Московской политехнической выставки

Здание Военного отдела Московской политехнической выставки.

Вид Новочеркасска

Ф.Ф. Берг

Г. Мольтке

Император Австрийский Франц-Иосиф

О. Бисмарк

А.Т.Э. Роон

П.Д. Киселёв

А.П. Заблоцкий-Десятовский (слева) и П.П. Семёнов-Тян-Шанский

Хивинский хан Сеид Мухаммед-Рахим

К.К. Врангель

Великая княгиня Елена Павловна

Великий князь Николай Николаевич Старший

Великий князь Михаил Николаевич

А.И. Барятинский

М.Х. Рейтерн

Император Александр II с дочерью, великой княжной Марией Александровной

А.П. Свистунов

М.П. Кауфман

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ВУА	– Военно-ученый архив
ГА РФ	– Государственный Архив Российской Федерации
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

В ближайшее время издательство РОССПЭН намеревается выпустить под редакцией профессора Л.Г. Захаровой первое полное издание дневников Д.А. Милютина за 1873–1899 гг., включающее переиздание (с существенно дополненными комментариями и указателями) дневников за 1873–1882 гг., опубликованных профессором П.А. Зайончковским в 1947–1950 гг. и ставших уже библиографической редкостью, а также никогда ранее не публиковавшиеся дневниковые записи за 1883–1899 гг. Издание будет снабжено комментариями, именным и географическим указателем, иллюстративными материалами.

Дмитрия Алексеевича
Милютина

ВОСПОМИНАНИЯ
1868 – начало 1873

Редактор *И. Ряховская*
Художественное оформление *А. Сорокин*
Компьютерная верстка *В. Верхозин*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.06.2006
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 3464

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1868

1873